

УСТНО
ПОЭТИЧЕСКОЕ
ТВОРЧЕСТВО
МОРДОВСКОГО
НАРОДА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

УСТНО -
ПОЭТИЧЕСКОЕ
ТВОРЧЕСТВО
МОРДОВСКОГО
НАРОДА

В ВОСЬМИ ТОМАХ

САРАНСК

1967

сборка Ш 5 (255-1710) - 615
у 808

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

УСТНО - ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО МОРДОВСКОГО НАРОДА

46901

ТОМ ТРЕТИЙ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭРЗЯНСКИЕ СКАЗКИ

САРАНСК

1967

8338

Составление, предисловие и примечания
А. И. МАСКАЕВА

Под общей редакцией
В. Я. ЕВСЕЕВА,
и *Л. С. КАВТАСЬКИНА*

Сказки
о животных

І. ПУСТАЧЕЙ

Эрясь-аштєсь врьсэ Пустачейка. Сась левксэнь ливтема шказо. Вешнєсь паро чувто. Тейсь прызонзо пизэ и ливтсь левкст.

Марясь левкстнэде ривєське. Сась чувтонть алов и сеери:

— Пустачей-чей-чей,
каяк, каяк вейке левксє,

а каят — кузян,
тонсєтькак сэвтян!

Тандадсь Пустачей, каизе ве левксэнзэ. Ривєське каподизе ды сэвизе. Омбоце чистэ таго сась ривєське чувтонть алов ды сеери:

— Пустачей-чей-чей,
каяк, каяк ве левске,

а каят — кузян,
тонсєтькак сэвтян!

Пустачей таго каясь тензэ левксє. А сонсь Пустачей аварди, а сонсь аварди.

Ливтясь снев варака. Неизе Пустачеєнь авардемадо ды кевкстизе:

— Тон мейс истя, Пустачей, авардят?

Пустачей мери:

— Кода а авардян, варака патяй. Тонадсь левксэзэнь ривєське, чистэ сы, левкс каявты, а то мери: кузян тонсєтькак сэвтян.

Варакась мери:

— Тон вана мезе тейть, Пустачей: кода сы ривєськєсь ды карми кедьстэть левксэнь вешеме, тон мертть тензэ: «Эх, мушко пуло, керь лавтово, кандонь трокс а эскельдяват, тезэнь ли кузеват?!»

Аламос аштезь, сась ривєське, таго кармась левксэнь вешеме.

— Пустачей-чей-чей,
каяк, каяк ве левксє,

а каят — кузян,
тонсєтькак сэвтян!

А Пустачей чувто прястонть мери тензэ:

— Эх, мушко пуло, керь лавтово, кандонь трокс а эскельдяват, тезэнь ли кузеват!

Ривеськесь кевкстизе Пустачеень:

— Кие истя тонь, Пустачей, тонавтынзить?

— Варака патям! — Пустачей мери.

Ривеське кежиявтсь варака лангс, вешнизэ вирьстэ ды мери тензэ:

— Варака патяй, мейс тон Пустачейкань тонавтык, мон тонь сэвтян!

Варакась мери тензэ:

— Ривезь патяй, кода тетян-аван кулость, монгак истя кулан.

Ривеське кевкстизе:

— Кода?

Варака мери:

— Вана кода: ве авань ули каштомсо каша чакшозо, мацтсо ули ой парнезэ, лався лангсо — моцька паргозо. Азё нень весе салыть ды пандо пряс лацить, — каша чакшонть ды ой паренть лацить крайга, моцька паргонть путык куншказост. Тонсь мадть пандонть алов, автик кургот и учок. Мон озан паргонтень ды карман оенть марто кашадонть ясамо. Кода пекем пешкеди, паргинесэнтъ витьстэ кургозот киракстан.

Ривеське тейсь, кода тонавтызе варака: салась ве авань каштомсто каша чакш, мацто — ой парь, лався лангсто — моцька парго. Путынзе пандо пряс, сонсь мадсь пандалов, автизе кургонзо ды учи вараканть эйсэ.

Варакась озась моцька паргонтень ды кармасть кашадонть ой марто ясамо. Кода весе сэвевсть, ливтясь ривезень вельксэс и серьгедсь:

— Ривеське патькай, на теть бабань пеште!

Ривеське и тей кирнявты, и тов кирнявты, мезеяк а тееви: варака ливтязь тусь вирев.

1. СИНИЦА

Жила-была в лесу синица, по имени Пустачейка. Подошло синице время птенцов выводить. Разыскала она дерево, свила в его кронах себе гнездо, яичек снесла и птенчиков высидела.

Услышала лиса про тех птенчиков. Приходит она под дерево и говорит:

— Пустачей-чей-чей,
Кинь мне птенчика,

А не то доберусь до гнезда —
И тебя съем тогда.

Испугалась синица, кинула одного птенца. Лиса тут же проглотила его. На другой день опять прибежала под дерево, говорит:

— Пустачей-чей-чей!
Кинь мне птенчика,

А не то доберусь до гнезда —
И тебя съем тогда.

Синица кинула ей другого птенца. А сама плачет, а сама заливается...

Летела мимо ворона, увидела, как плачет Пустачей, спрашивает:

— Отчего, Пустачей, так горько плачешь?

Пустачей отвечает:

— Как мне не плакать, тетя Ворона! Повадилась лиса к моим птенцам: придет, птенца требует, а не дать — угрожает. «Не то доберусь до гнезда — и тебя съем тогда».

Ворона говорит:

— Ты так сделай, Пустачей: как придет лиса, как станет требовать птенца, ты и скажи: «Эх, куделя-хвост, берестяная нога, через бревно тебе не перескочить, а до меня ль добраться!»

Немного погодя прибегает лиса, опять требует птенца:

— Пустачей-чей-чей!
Дай мне птенчика,

А не то доберусь до гнезда —
И тебя съем тогда!

А Пустачей-синица отвечает с дерева:

— Эх, куделя-хвост, берестяная нога, через бревно тебе не перескочить, а до меня ли добраться!

Лиса спрашивает синицу:

— Кто тебя, Пустачей, так научил?

— Тетя Ворона!

Лиса разобиделась на ворону, разыскала ее в лесу и говорит:

— Тетя Ворона, зачем ты научила синицу, теперь я тебя съем!

Ворона отвечает лисе:

— Лисичка-сестричка, как умерли мои мать с отцом, так и я умру.

А Лиса спрашивает:

— А как?

Ворона отвечает:

— Вот как. У одной женщины есть в печи горшок с кашей, в погребе — кадушка масла, на лавке — коробка для мочек. Иди всё это укради да гору снеси — горшок с кашей да кадушку с маслом поставь по краям, а коробку с мочками на середину. Сама ложись под горой, раскрой рот и дожидайся. Я сяду в коробку и буду есть кашу с маслом. А как наемся, тогда прямо в рот тебе и залечу.

Лиса сделала всё так, как ворона научила: украдала у женщины горшок с кашей, кадушку с маслом, короб с мочками. Поставила их на горе, легла под горой, раскрыла рот и ждет ворону.

Ворона села в короб и стала есть кашу с маслом. Когда всё съела, пролетела над лисой и крикнула:

— Тетушка лисичка, на вот тебе кукиш.
Лиса и сюда кинется, и туда кинется, а сделать ничего не может: ворона улетела в лес.

2. КАТКА, АТЯКШ ДЫ РИВЕЗЬ

Эрясть-аштесть колмонест братиники: баран, катка, атякш. Кудынесть ульнесь вирь крайнесэ. Кудонть удало — вирь, вальмалонзо покш ки. Баран ды катка тусть вирев: катка — охотничамо, баран — прынзо трямо, пиже тикшеде ярасмо, свежа ведте симеме, а катка мода нумолонь кунцеде. Атякшонть кадзызь кудонь ваномо.

— Ну, атякш, сындеряй ривезь, иля маняво, иля варшта.

— Ладна, братт, ладна.

Сась ривеське вальмалов ды кармась морамо:

— Петя, Петя, Петушок!
Якстерь паля Петушок,
Ойсэ ваднезь пирине,
Парсеень сакалнэ,

Сырежди коклацьке,
Певтеме моронь морыця,
Кувать удынь стявтыця!
Варштакая вальмава,
Вансын пурнавотт-сэрнявтот.

— Иля манче, ривезь. Монь братон эзть мере варштамодо. Ривеське кудонть перька велявтсь ды таго мольсь вальманть алов.

— Петя, Петя, Петушок!
Весе ломанть шныть эйсэть:
Покай кеметь сафьяншойть,
Покай понксот якстернеть,

Невтик хоть ве пильгинеть!
Мон аволь истяк ванса —
Коморо кснавт максан!

Атякш коморо кснавонть кисэ пильгенть тонгизе, ривезь кода цопадсы ды ношкстась мартонзо. Атякш ранги:

— Катка брат! Баран брат! Ривезь манимим, пандонь-латконь трокс салымим чопода вирень томбалев!

Баран ды катка марясть — атякш ранги, сасызь ривезенть. Кандызь мекев кудов атякшонть.

— Ну, ней иля маняво. Вана ярасак ловсонь кашинеде ды топинеде. Иля маняво ривезнень, иля варшта вальмава.

Барант-каткат тусть вирьга-укшторга якамо. Ривезь сась атякшнэнь вальмалов.

— Петя, Петя, Петушок!
Ойсэ ваднезь пирине.
Сырежди коклацьке,
Парсеень сакалнэ,

Сафьянной кемне,
Якстере понкске.
Варштака вальмава,
Боар ютась — ямкст пeverдсь.

— Илямак манче! Монень эзть мере катка братом ды баран братом вальмава ваномо.

— Ну, проштай, монень аютко тонь вальмало аштемс, мон аволь тевтеман, пакшан кудосот, аютко — пачалксетъ эряви панемс.

Кудонтъ перька велявтсь, сась мекев салавинька. Атякш вальманть панжизе, ваны, косот бояронь пeverдewть ямкстнэ. А ривезь се шкане цап-царап — ды ношкстась мартонзо. Атякш таго ранги:

— Катка брат! Баран брат! Ривезь салымим чопода вирень томбалев!

Барант-каткат маризь, нейке чийсть мельганзо. Баран кечкерезь, а катка раздewь — саизь атякшонть, кандызь кудов.

— Ну, ней эрьва кодамо макстано ярсамопель, ансяк иля маняво.

А ривеське уш сась ды ушодсь:

— Петя, Петя, Петушок!

Тонь кондымо велесэнтъ лемгак арась,

Сехте мазый тонь.

Тонь кондыт велесэнтъ сакалткак арась,

Сакалот прок парсеень,

Тонь кондыт коклацтькак арась.

Пряткак ойсэ вадewь.

А моронтъ морат истя вадрясто:

Весе нузякс ломантнеяк стить.

— Иля манче эйсэнь! Ней а маняван.

— Ну, олясь тонь, проштай, монень кудосо аютко. Петя, биш, вальмалот конфеткат каинь, илить стувто.

Ривеське велявтсь кудонтъ перька ды арась уголонтъ экшс салавинька. Атякшонть седеесь эзь кирде, вальма крайга тонгизе прянзо, ваны, косот конфеткатне. А ривеське те шканть цопадизе. «Зярдояк, атякш, а ардан мартот», — ды сэвизе вальмало.

Чокшне састъ каткат-барант — атякшонть ансяк толганзо вармась пувси. Катканть кежензэ састъ.

— Ну, ней кода, баран, ривезнень кежентъ пандсынек?

— Мон, катка, истя пандса: каршо вастса — кечкереса, пензэ сивить.

— Се, баран, радостесь миненек аламо, кежесь истя а пандови. Адя, баран, монь марто, мусынек.

Катка ды баран якить вирьганть, ваныть, косо ривезень норазо. Муизь сонзэ.

— Ну, ней, баран, тон аштек, а мон сован норантень.

Совась катка — пизэсэнтъ аштить ниле левкскеть: вишкинеть, мазыйнеть, шивтерди сельминеть! Каткась вейте-вейте ливтнинзе ушов. Вачкинзе баранонтъ лангс, сьулминзе, ды сонськак озась баранонтъ лангс.

— Ну, баран, давай ардт, бокав иля варшта.

Арды вирь кияванть, тумо понги икелензэ — тостедьсы, тумось бокав пры. Вишка куракштнень велькска кирнявтни. Састъ кудов. Левкскетнень кустизь пецька лангс.

Сась ривеське левксэнзэ туртов, вансы — арась левкстнэ, а эзнеть, а ловажат, а пона клок.

— Эх-эх, кадовинь юртомо-лемтеме. Салынзе та-кодамо вор-киска левксэнь. Молян горям горёвамо хоть катка марто баран-нэнь.

— Сюк тенк, барант-каткат!

— Вай, авакай-алякай! Қода истя сыть, ривеське?

— Сынь мартонк горёвамо. Тынк ладсо горя тень лиссь: та-кодамо вор-киска салынзе левксэнь.

А катка мери:

— Ривезде вор кияк арась!

— Мезть, катка, истя опрекат. Или мезеяк ёмась.

— То-то атякшонок салык!

— Или съкамон ривезесь.

— Тон, тон! Ве сельметь ёвты! Нать апаро, кода левксэть салызь.

— Ведь, каткакай, левксэсь ведь монсень, а тон атякшонть аволь тонсь левксыик.

— Монь, ялатеке монсень: толгань перина лангсо колмо нед-лят лангсонзо удынь ды атякш ливтинь. Монень бу атякшонть кияк максовлизеяк, аздан кодамо паро теевлинь тензэ. Кудо-сонзо весе чеерензэяк повсевлинь.

— Монгак бу левксэнь муевельтькак, покш паронть сенень теевлинь.

— Қандт истямо атякш, мон мусынь левксэть.

— Катка, нать алкукс мусыть?

— Мерян, мусынь.

— Кагка, бути содасыть, хоть вейкень чаминензэ невтик.

Катка невтизе ривезь левксэнтъ пецька лангсто. Тусь ривезь атякш вешнеме. Якась-якась велева, мусь сёрмав атякш, капо-дизе. Самсто повизе: эзь кирде седсезэ ды кандызе катканень.

— На, катка!

— Те монень а эряви. Монгак повсесынь ды макссынь.

— Каткакай, илить повсе. Молян таго жив кандан.

— Монень кандт истямо, кодамо монь ульнесь.

Тусь ривезь таго велева артнеме. Мусь атякш. Покш атяк-шось, голландской, пуловтомо. «Ага, те уш туй мелезэнзэ: покш».

Аламодо катканень эзь пачкоде, таго повизе атякшонть. Қандызе повазь атякшонть.

— На, катка!

— Мон аволь ярсамс кедьстэть вешия, мон морамо вешия.

А тон эсь кисэть повасак ярсамс. Монгак повсесынь лев-ксэть.

Катка сайсь суре, левксэнтъ кирьгас содызе, тандавтни риве-зентъ. Уш ривезь цийни, уш ривезь цийни:

— Иляк пова, катка! Монень жаль маряви.

— Моненьгак жальть атякштне, ды тон сэвить колмо.

— Молян, катка, кандан тетъ жив атякш, кодамо тонъ уль-несь.

се сырежди, мазый. Ривезь каподизе ды и-и-и! Ардозь мартон-
зо. Витьстэ каткань кудос совась. Столь лангс путызе.

— На, катка! Тонсенть кондямо!
Катка мери:

— Баран, шупикая!

Баран саизе, шупи.

— Катка, те чувтонь атякшось.

— Баран, рестедик ривезенть коняс, конязояк чулговозо.

Баран кодак саизе атякшонть, вачкодизе ривезень коняс —
ривезь угартомо угориясь. Ды ещё сонсь баран кечкеризе. А
катка кодак озы лангозонзо! Ангоризе, чаманзо вернешкекс
теизе. Ривезь куломанзо-эрямонзо пачк ношкстась ушов. Юты
верьгиз.

— Вай, ривезь, тон мекс истямат?

— То-то, верьгизкай, катка разедемим. Левксэнь салынзе.

— Э, левксэнь кис прят раздевят! Омбоце нестэ лият лев-
ксыят.

Ривезенть ёмасть левксэнзэ, катканть ёмась атякшозо.

2. КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА

Жили-были три брата: баран, кот и петух. Дом их был на
краю леса. За домом лес, а под окном проходила большая до-
рога. Баран и кот ушли в лес: кот на охоту, баран пастись, есть
зеленую травку, пить свежую водичку, а кот тушканчиков ло-
зить. Петуха они оставили за домом смотреть.

— Ну, петух, если придет лиса, не обманись, не выглядывай.

— Ладно, братья, ладно.

Пришла лиса под окно и стала петь:

— Петя, Петя, Петушок!
Красная рубаха, Петушок!
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Золотистый хохолок,

Неустанный певунок,
Ты будитель долго спящих!
Выгляни в окошко,
Покажи свои наряды.

— Не обманывай меня, лиса! Мои братья не велели мне вы-
глядывать.

Лиса повертелась около дома и опять пришла под окно.

— Петя, Петя, Петушок!
Все люди хвалят тебя.
Сапоги твои сафьяновые,
А штаны твои красные,

Покажи хоть одну ножку.
Я недаром посмотрю,
Горсть гороху дам.

За горсть гороху петух и высунул ногу, лиса быстро схвати-
ла петуха и помчалась с ним.

Петух кричит:

— Братец кот! Братец баран! Лиса обманула меня, за горы и овраги понесла, за темный лес!

Баран и кот слышат — петух кричит, настигли они лису, принесли петуха обратно домой.

— Ну, теперь не обманись. Вот ешь кашу с молоком и творог. Не давай себя обманывать лисе, не выглядывай.

Ушли баран с котом гулять по лесу.

Лиса опять пришла под окно к петуху.

— Петя, Петя, Петушок!
Золотистый хохолок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,

Сафьяновые сапоги,
Красные штаны.
Посмотри-ка в окно,
Боярин проехал, пшено рассыпал.

— Не обманывай меня. Мне брат кот и брат баран не велели в окно смотреть.

— Ну, прощай, мне некогда у тебя под окном стоять — пойду блины печь.

Повертелась лиса вокруг дома, украдкой пришла обратно. Петух открыл окно, глядит, где боярин пшено рассыпал. А лиса в это время цап-царап — и помчалась с ним.

Опять кричит петух:

— Братец кот! Братец баран! Врунья лиса унесла меня за темный лес.

Баран с котом услышали, тут же побежали за лисой. Баран забодал, а кот исцарапал лису. Отняли они петуха, принесли домой.

— Ну, теперь что угодно дадим тебе есть, только не обманись, не выглядывай. Мы уйдем далеко, не услышим тебя.

А лиса снова пришла:

— Петя, Петя, Петушок!
Лучше твоего имени во всем селе нет,
Твое самое красивое.
Как у тебя, и в селе нет бороды,
Борода твоя, как шелковая,
Как у тебя, нет и хохолков.
Голова масляная,
А песни поешь — им конца нет.
Все ленивые люди даже проснутся.

— Не обманывай меня!

— Ну, воля твоя, прощай, мне некогда. Петя, я конфетки на окно положила, смотри не забудь.

Лиса повертелась около дома и встала за угол, ждет. Не выдержал петух, просунул голову в окно, глядит, где конфетки. А лиса в это время и схватила его.

— Больше, петух, я с тобой не побегу.

И съела петуха под окном.

Пришли вечером кот с бараном, а под окном ветер разносит только петушиные перья. Кот рассердился.

— Ну, как теперь, баран, мы этой лисе за зло оплатим?

— Я, кот, так думаю: встречу — забодаю, зубы поломаю.

— Это, баран, радости нам мало, так за зло не отомстишь. Пойдем, баран, со мной. Найдем её.

Ходят кот и баран по лесу, смотрят, где лисья нора. Нашли.

— Ну, теперь, баран, ты подожди здесь, а я войду в нору.

Вошел кот — в гнезде четыре лисенка. Маленькие, красивые, глазки блестят! Вытащил кот лисят из норы. Положил их на барана, привязал и сам сел на него.

— Ну, баран, давай скачи, по сторонам не гляди.

Скачет он по лесной тропе, дуб попадается, боднет — дуб валится. Мелкие кустики между ног пропускает. Прибыли они домой. Лисят спрятали на печку.

Пришла лиса домой, глядит — нет ее лисят, не осталось ни суставчиков, ни костей, ни клока шерсти.

— Эх, эх, осталась я без дома, без имени. Украла, видно, лисят какая-нибудь вор-собака. Пойду-ка я горе горевать хоть с котом и бараном.

— Поклон вам, баран и кот!

— Ой, матушка-тетенька, как это ты, лисонька, даже к нам пришла?

— Пришла к вам горевать. Вот какое горе вышло: какой-то вор лисят у меня украл.

А кот говорит:

— Большого вора, чем лиса, и воров нет.

— Почему, кот, так упрекаешь? Или что-нибудь пропало?

— Ты, лиса, петуха украла!

— Разве я одна лиса?

— Ты, ты! Один глаз твой выдает тебя! Знать нехорошо, когда лисят украли?

— Котик ты мой, ведь лисята были мои дети, а петух не твой детёныш.

— Мой, все равно мой. Три недели спал я на перине и вывел петуха. Если бы мне кто-нибудь вернул петуха, я тому большое добро сделал бы. В его доме всех мышей переловил бы.

— И я тоже, кто нашел бы моих лисят, то же сделала бы доброе дело.

— Принеси мне такого же петуха, а я лисят найду.

— Кот, значит, правда найдешь?

— Ну-да, найду.

— Котик, если знаешь, где они, покажи хоть мордочку одного.

Кот показал с печки лисят. Ушла лиса петуха искать. Ходила, ходила она по селу, нашла пестрого петуха, стащила. По пути не выдержала — задушила его. Притащила только одну кожу.

— На, кот!

— Нет, не надо мне это. Я вот тоже задушу лисят и отдам их тебе.

— Котик, не души. Я пойду лучше живого принесу.

— Принеси мне такого, какой был у меня.

Ушла лиса опять по селу бегать. Нашла петуха. Петух большой, голландский, без хвоста. «Ага, этот уж понравится коту».

Почти у самого дома опять лиса задушила петуха, принесла задушенного.

— На, кот!

— Я не для еды просил, а чтоб он пел. А ты для себя задушила, для еды. И я задушу твоих лисят.

Кот взял нитку, привязал за шею лисят, пугая так лису. Уж лиса воет! Уж она воет!

— Не души их, кóтик! Мне жаль их.

— Мне тоже жаль петуха, а ты троих съела.

— Пойду, кот, правда принесу тебе живого петуха, какой у тебя был.

Ушла лиса. Стоит у боярина на окне пестрый петух, весь золотится, красивый. Лиса схватила и поскакала с ним прямо в дом к коту. На стол положила.

— На, кот! Вашего принесла.

Кот говорит:

— Баран, пощупай-ка!

Взял баран петуха, щупает.

— Кот, это деревянный петух.

— Баран, стукни лису по лбу, чтобы лоб у ней треснул.

Баран взял петуха да как начал им стучать по лбу лису — лиса без угара угорела. И еще сам баран ее пободал. А кот как сядет на нее! Царапал, царапал, всю морду ее в кровь изодрал. Лисица чуть жива выскочила на улицу. Встретился ей волк.

— Ой, лиса, почему ты такая?

— То-то, волк, кот исцарапал. Лисят украл.

— Э, из-за лисят голову теряешь! На другой год новых народишь.

У лисы пропали лисята, у кота не стало петуха.

3. ЯРАСКА

Яраска чачсь, прок дёгодь, раужо, сонзэ каизе авазо лисьмас ашолгадомо. Эрьва чине якси лисьмантень ды кевкстни Яраскань. Мольсь сон и мери:

— Яраска, эйдинем,
Яраска, левскинем,

Ашолгадыть или эзить,
Мазылгадыть или эзить?

Яраска тосто ответчи:

— Ашолгадынь, авакай,
Ансяк пильге лапава.

Омбоце чистэнтъ авазо таго мольсь, таго кевкстни:

— Яраска, эйдинем,
Яраска, левскинем,

Ашолгадыть или эзить,
Мазылгадыть или эзить?

Яраска ответчи тосто:

— Ашолгадынь, авакай,
Ашолгадынь куманжас.

Маризе аванть овто, думась эйденть таргамо ды сэвемензэ.
Мольсь сон лисьманть малас ды кармась морамо:

— Яраска, эйдинем,
Яраска, левскинем,

Ашолгадыть или эзить,
Мазылгадыть или эзить?

А эйкакшось тосто ответчи:

— Содатан, содатан,
Боты кель, овтынят,
Крюка кель, овтынят.

Овтось тусь. Авазо мольсь и кармась Ярасканень сеереме:

— Яраска, эйдинем,
Яраска, левскинем,

Ашолгадыть или эзить,
Мазылгадыть или эзить?

-- Ашолгадынь карксамо видьс.

Тусь авась. Мольсь овто и кармась сонгак морамо:

— Яраска, эйдинем,
Яраска, левскинем,

Ашолгадыть или эзить,
Мазылгадыть или эзить?

Яраска ответчи:

— Содатан, содатан,
Боты кель, овтынят,
Крюка кель, овтынят.

Овтось тусь. Мольсь авазо и мери:

— Яраска, эйдинем,
Яраска, левскинем,

Ашолгадыть или эзить,
Мазылгадыть или эзить?

Яраска ответчи:

— Ашолгадынь, авакай,
Ашолгадынь кавалалга.

Тусь авась. Сась овтось ды мери:

— Яраска, эйдинем,
Яраска, левскинем,

Ашолгадыть или эзить,
Мазылгадыть или эзить?

Яраска тосто пижни:

— Содатан, содатан,
Боты кель, овтынят,
Крюка кель, овтынят.

Мольсь авазо и кармась сеереме:

— Яраска, эйдинем,
Яраска, левскинем,
Ашолгадыть или эзить,

Мазылгадыть или эзить?
— Ашолгадынь, авакай,
Ашолгадынь кырга видьс.

А овтось витизе келензэ ды кармась эчкстэ пижнеме:

— Яраска, эйдинем,
Яраска, левскинем,

Ашолгадыть или эзить,
Мазылгадыть или эзить?

А Яраска ответи овтонть:

— Содатан, содатан,
Боты кель, овтынят,
Крюка кель, овтынят.

Овтось и кармась кунсолосо, кода карми кортамо Яраскань авазо. Авась сась и сеери:

— Яраска, эйдинем,
Яраска, левскинем,

Ашолгадыть или эзить,
Мазылгадыть или эзить?

Яраска лисьмастонтъ ответи:

— Ашолгадынь, авакай,
Касмо прям эзь ашолгадт.

Авазо тусь. А овтось мольсь кузницяв, човавтызе келензэ ды кармась човинестэ морамо:

— Яраска, эйдинем,
Яраска, левскинем,

Ашолгадыть или эзить,
Мазылгадыть или эзить?

Яраска ответи тосто:

— Ашолгадынь, авакай,
— Ашолгадынь весе ней.

Овтось тусь, мусь пикс и нолдась лисьманть лавсь. Эйзэнзэ озась Яраска, овтось таргизе ды тусь мартонзо. Ансяк овтось велестэнтъ лиссь — каршонзо ломанть. ~~Вацтыть~~ овтось эйкакш канды. Кона рицягасо, кона узерьсэ кармасть чавомо овтонть. Чавизь овтонть, нельгизь Яраскань.

Яраскань авазо мольсь лисьманть, сеересь, сеересь — Яраска тосо арась. Кармась авардеме — ёмась цёразо. Мейле сон мольсь ломантнень ваксс, содызе Яраскань, саизе эстензэ.

3. ЯРАСКА

Яраска родился черный, как смола. Бросила его мать в колодец, чтобы он побелел. Каждый день ходит она к колодцу и спрашивает Яраску:

— Яраска, дитяtko,
Яраска, крошечка,

Побелел ты или нет,
Хорошеешь или нет?

Яраска отвечает:

— Побелел я, матушка,
Лишь только до ступни.

На следующий день мать опять подошла к колодцу, опять спрашивает:

— Яраска, дитяtko,
Яраска, крошечка,

Побелел ты или нет,
Хорошеешь или нет?

Яраска отвечает оттуда:

— Побелел я, матушка,
Побелел до колен.

Услыхал это медведь, задумал он вытащить ребенка и съесть. Подошел к колодцу и стал петь:

— Яраска, дитяtko,
Яраска, крошечка,

Побелел ты или нет,
Хорошеешь или нет?

А ребенок отвечает оттуда:

— Знаю, знаю —
Ты болтун, медведь,
У тебя крючком язык, медведь!

Ушел медведь. Пришла мать и стала кричать Яраске:

— Яраска, дитяtko,
Яраска, крошечка,
Побелел ты или нет,

Хорошеешь или нет?
— Побелел я, матушка,
Побелел до пояса.

Ушла мать. Подошел медведь и стал опять петь:

— Яраска, дитяtko,
Яраска, крошечка,

Побелел ты или нет,
Хорошеешь или нет?

Яраска отвечает:

— Я знаю, знаю —
Ты болтун, медведь,
У тебя крючком язык, медведь!

Ушел медведь. Подошла мать и снова спрашивает:

— Яраска, дитятко,
Яраска, крошечка,

Побелел ты или нет,
Хорошеешь или нет?

Яраска отвечает:

— Побелел, матушка,
Побелел до подмышек.

Ушла мать. Пришел медведь и закричал:

— Яраска, дитятко,
Яраска, крошечка,

Побелел ты или нет,
Хорошеешь или нет?

Яраска оттуда кричит:

— Я знаю, я знаю —
Ты болтун, медведь,
У тебя крючком язык, медведь!

Подошла мать и стала говорить:

— Яраска, дитятко,
Яраска, крошечка,
Побелел ты или нет,

Хорошеешь или нет?
— Побелел я, матушка,
Побелел до шеи я.

А медведь поправил язык и стал басом кричать:

— Яраска, дитятко,
Яраска, крошечка,

Побелел ты или нет,
Хорошеешь или нет?

А Яраска отвечает медведю:

— Знаю, знаю —
Ты болтун, медведь,
У тебя крючком язык, медведь!

И медведь стал слушать, как будет говорить Яраскина мать.
Пришла она и кричит:

— Яраска, дитятко,
Яраска, крошечка,

Побелел ты или нет,
Хорошеешь или нет?

Яраска отвечает из колодца:

— Побелел я, матушка,
До макушки побелел.

Мать ушла, а медведь пошел в кузницу, отточил язык и стал тоненьким голоском кричать:

— Яраска, дитятко,
Яраска, крошечка,

Побелел ты или нет,
Хорошеешь или нет?

Яраска отвечает оттуда:

— Побелел я, матушка,
Побелел весь теперь.

Медведь ушел, достал веревку и по веревке опустил в колодец люльку. Сел в нее Яраска, медведь вытащил его и ушел с ним. Только он вышел из села — встретил людей. Увидели, медведь ребёнка несет. Кто палкой, кто топором — стали они бить медведя. Сильно избили медведя, отняли Яраску.

Пришла Яраскина мать к колодцу, звала, звала — Яраски там нет. Стала она плакать: пропал сын. Потом она пошла к людям, узнала Яраску, взяла его к себе.

4. БУКА ДЫ ВЕРЬГИЗ

Эрясть-аштеть атят-бабат. Сынст ульнесть скотинаст: ве букинест, бараннэст, ве мацейнест, ве уткинест, ве атякшкест. Ды думасть атят-бабат буканть печкеме. Бабась мери атянстэнь:

— Атя, ведь томбатанзат, а печкеви. Минсь сыретьяно, пиксэнть сейсы ды чавсамизь.

— Ну, баба, олязо пазонь, давай кершнесынек.

Кершнизь буканть, кармасть печкемензэ. Печксть, печксть, эзь печкевть. Кода карми пстиеме-дрягамо! Пиксэнть сезизе ды оргодсь. Ортась панжадоль, ды тусь виров. Мейле думасть баранонть печкеме.

— Ней давай, баба, баранонть печксынек.

— Ведь, атя, бараноськак оргоди.

— Ну, олязо пазонь, оргоди, оргоди, давай терявтсынек!

Кершнизь баранонть, кармасть печкемензэ. Сеяк оргодсь виров.

Мейле кармасть мацеенть печкеме. Крешнизь мацеентькак, кармасть печкемензэ. Мацей уш калги, уш калги. Пиксэнть калгизе, ды сеяк ливтясь лато вельксака виров.

Кармасть уткангь печкеме. Кершнизь уткантькак. Сеяк пиксэнть калгизе ды лато вельксака ливтясь виров. Мейле кармасть атякшкенть печкеме. Кершнизь сеньгак. Пиксэсь уш весе сезнезь ульнесь, каладоль, берянель,—сеяк оргодсь, ливтясь лато вельксака виров.

Пуромсть весе ве таркас вирьс. Шкась ульнесь сёксь, якшав-томо кармась. Букась мери бараннэнь:

— Бараннэ брат, а бараннэ брат, давай вейсэ кудо тейтяно.

— Мон а карман мартот кудонь тееме монень кудо а эряви, мон а кельман кудовтомояк. Лиятнеяк отказасть лездамс букантень кудонь тееме.

Мезе теема буканень, кияк эзь карма мартонзо кудонь тееме. Кармась ськамонзо кудонь тееме. Сюросонзо кери, пулосонзо

уски, пильгсэнзэ чапи. Тензе кудонть ськамонзо. И уштома тейсь эйзэнзэ. Кармась эрямо эйсэнзэ ськамонзо.

Эрясь-аштеть недляшка, сась вальмалонзо бараннэ братозо. Стук, стук, стук вальманть ало. Букине кевкстни:

— Кие тосо студи?

— Мон вана, букине брат.

— Ды кият тон?

— Вана, бараннэ братот сась.

— Тон мейс сыть?

— Нолдамак эжнеме!

— Тонеть кудо а эряви, тонь понат покш.

— А нолдасамак — вальмат поркснесынь.

— Ну эно совак, што ли!

Совась бараннэ, кармасть кавонест эрямо. Сась вальмалов мацейне. Стук, стук, стук вальманть ало.

— Кие тосо?

— Мон вана, букине брат.

— Тон, мацейне брат?

— Мон.

— Тон мейс сыть?

— Бука брат, нолдамак эжнеме!

— Тонеть кудо а эряви, тонь пухот ламо, а кельмат.

— Бути а нолдасамак, мон нупонеть весе тарксесынь!

— Ну эно совак, што ли.

Совась мацейнеяк, кармасть колмонест эрямо. Аламос аштеть-тейсть, сась уткине братось. Стук, стук вальманть ало.

— Кие тосо студи?

— Мон вана, букине брат!

— Тон, уткине брат? Мейс сыть?

— Нолдамак эжнеме!

— Тонеть кудо а эряви, тонь толгат-пухот улить, тон а кельмат.

— Бути а нолдасамак, косяк удалдо нупонеть весе карасынь.

— Ну эно совак, што ли!

Совась уткинеяк, кармасть ниленест эрямо. Аламос аштеть, сась атякшке братоськак. Стук, стук, стук вальманть ало.

— Кие тосо студи?

— Мон, вана, атякшке братонк.

— Тон мейс сыть?

— Букине брат, нолдамак эжнеме!

— Тон ведь мерить: «А кельман, чувто пряс кузян, карман морамо, тон кудовтомояк а кельмат.

— А мон, бути а нолдасамак, кудо прятот модат весе поксаряса.

— Ну эно совак, што ли! Совась атякшкеяк, кармасть ветенест эрямо.

Атякшке верев куйсь полок брус лангс. Эрясть-аштеть, юты кудынесть вакска верьгиске ды корты ськамонзо:

— Бувала якилинь-пакилинь, тесэ арасель кудыне, а ней кие-бути кудыне путсь. Давай варштаса, кие тосо эри.

Совась верьгиске кудонтень, суюконякшнось тенст. Букине уштома икеле, бараннэ эзем прясо, мацейнеяк эземсэ, а уткине аксяло, а атякшке вере. Радовасьть верьгизнэнь, вай, радость! «Вай, инже сась тенек, вай, инже сась тенек!» Букине мери:

— Бараннэ брат, мездеяк каванямаль инжесь.

Бараннэ мери:

— Ужодо, бука брат, а те ули тензэ честесь. Минек, онот, вишка братонок козонь куйсь.

А атякшке тосто ранкстась:

— Ку-ка-ре-ку, максынк сонзэ тей!

Кода верьгискенть крутясызь, кона қалгазь, кона кечкерезь, кона пстиезь. Верьгискенень тюк сась. Атякшке братост жо яла пижни:

— Ку-ка-ре-ку, максынк сонзэ тей!

Верьгиз кода мени кедьстэст, кода напусти ардозь! Кува арды — сонсь удалов варшты, а ардыть ли мельганзо чавицятне. Ардсь-ардсь ды лоткась.

— Эх, ай, или менинь. Пасиба версентень эзимизь максо. Тосо ве братост пижнесь: «Кукареку, максынк сонзэ тей!» Се бу куломс чавовлимим.

Верьгиздэнтъ мейле кортыть эсь ютковаст:

— Минь парсте верьгизэнтъ каванинек, весе кудыкельксэнек пацькизе.

Ней эрить яла ветенест.

Исяк совсинь тенст инжекс. Путсть икелень медь, варчия-ведь. Путсть икелень калт, варштынь — сельмест валдт! Кандсть тень вина, карминь симеме — кургозон эзь понго.

4. БЫК И ВОЛК

Жили-были старик со старухой. Была у них скотина: один бычок, барашек, один гусь, одна уточка, один петушок. И задумали старик со старухой зарезать быка. Жена говорит старику:

— Старик, ведь не зарежешь — он ушибет тебя. Сами мы старые, веревку оборвет и убьет нас.

— Ну, жена, воля божья, давай быка спутаем.

Спутали они быка, стали резать. Резали, резали, не зарезали. Как начал он лягаться, дрыгаться. Разорвал веревку и убежал. Ворота были открыты, и он ушел в лес. Потом задумали они барана зарезать.

— Теперь, жена, давай барана зарежем.

— Старик, ведь и баран убежит.

— Ну, воля божья, убежит так убежит, давай попытаемся.

Спутали они барана, стали резать его. И тот тоже в лес убежал.

Потом стали они гуся резать. Связали его и стали резать. А гусь всё клюёт, всё клюёт. Переклевал он веревку — и улетел в лес.

Затем стали они резать утку. Так же связали её. Но утка расклевала веревку и тоже улетела в лес. После стали петуха резать. Связали и его. Веревка уже вся оборвалась, плохая. И петух убежал — улетел в лес.

Собрались они в лесу все в одном месте. Время было осеннее, начались холода. Бык говорит барану:

— Братец баран, а братец баран, давай вместе дом построим!

— Я не буду дом строить. У меня шерсть длинная, густая, осинových веток наемся и голову в шерсть упрячу. Дом мне не нужен.

Пошел бык к гусю.

— Братец гусь, а братец гусь, давай вместе дом построим!

— Мне, брат бык, дом не нужен. Если хочешь построить дом, то строй. Я не буду строить. У меня пух есть, я уткну в пух голову и не замерзну.

Затем пошел он к утке.

— Сестрица утка, а сестрица утка, давай вместе дом сделаем!

— Ох, братец бык, мне дом не нужен. Я запрячу ножки и голову в пух-перо и не замерзну.

Тогда пошел он к петуху.

— Братец петух, а братец петух, давай вместе дом построим!

— Я не буду с тобой дом делать, он мне не нужен. Я залезу на дерево, буду петть и без дома не замерзну.

Что делать быку? Никто не соглашается с ним дом строить. Стал он один строить дом.

Рогами деревья валит, хвостом возит, ногами сруб рубит. Один построил дом. И топку сделал. Стал жить в нем.

Жил-пожил с неделю, пришел к нему под окно брат баран. Стук-стук в окошко. Бычок спрашивает:

— Кто там стучит?

— Это я, брат бык.

— Да кто ты?

— Я, твой брат баран, пришел.

— Ты зачем пришел?

— Пусти, братец, погреться!

— Тебе дом не нужен, у тебя шерсть длинная.

— Если не пустишь, я окно разобью.

— Ну, заходи, что ли.

Зашел баран, стали они вдвоем жить. Но вскоре пришел под окно и гусь. Стук-стук в окошко.

— Кто там?

— Это я, брат бык.

— Это ты, брат гусь?

- Я.
- Ты что пришел?
- Так и так, братец бык, пусти погреться.
- Тебе дом не нужен, у тебя пух есть, ты не замерзнешь.
- Если непустишь, я весь мох в твоём доме повытаскаю.
- Ну входи!

Вошел и гусь, стали они жить втроем. Немного пожили-побыли, пришла сестрица утка. Стук-стук в окошко.

- Кто там стучит?
- Это я, братец бык.
- Это ты, сестрица утка? Зачем пришла?
- Пусти погреться!
- Тебе дом не нужен, у тебя пух-перо есть, ты не замерзнешь.

- А если непустишь, я все косяки расковыряю.
- Ну, так и быть, входи уж.

Вошла и утка. Стали они жить вчетвером. Немного пожили — пришел и брат петух. Стук-стук-стук в окошко.

- Кто там стучит?
- Это я, ваш брат петушок.
- Ты зачем пришел?
- Так и так, братец бычок, пусти погреться!
- Ты ведь говорил: «Я не замерзну», залезешь на дерево, будешь песни петь и без дома не замерзнешь.
- Если непустишь, я на чердаке всю землю разворошу.
- Ну, заходи, что ли!

Петух забрался вверх на брусочек полатей. Жили они, поживали, проходит мимо дома волк и говорит про себя: «Бывало, я ходил-бродил — дома здесь не было, а теперь кто-то дом поставил. Дай погляжу, кто там живет».

Вошел волк в дом, поклонился. Бык стоит у подтопка, баран — на лавке и гусь на лавке, а утка — под лавкой, петух — наверху. Обрадовались они волку, ой, как обрадовались! «Ой, гость к нам пришел, ой, гость к нам пришел». Бык говорит:

- Братец баран, надо бы гостя угостить чем-нибудь.

Баран отвечает:

- Подожди еще, брат бык, не такая ему будет честь. У нас вот меньшой брат куда залез!

А петух оттуда закричал:

- Кукареку! Подавай его сюда.

Как окружают они волка — кто клюет, кто бодает, кто лягает.

Волку конец пришел. А братец петух всё кричит:

- Кукареку! Подавай его сюда.

Волк как вырвется от них, как побежит! Бежал, бежал он, устал, остановился.

— Ах, ай, кое-как вырвался. Спасибо не дали их брату, который кричал: «Кукареку! Подавай его сюда!» А то до смерти бы избили.

А в домике после ухода волка долго говорили.

— Как хорошо угостили мы волка!

Теперь все они живут впятером. И я вчера заходил к ним в гости. Дали они мне меду, посмотрел — вода, дали рыбу, посмотрел — глаза светлые, принесли они мне вина, стал я пить — прошло мимо, в рот не попало.

5. АТЯ ДЫ ОВТО

Нурть-нурть, эрясть-аштеть атят-бабат,
Нурть-нурть, ульнеть атянь-бабань кенде пеке тейтернест,
Нурть-нурть, нудей пильге цёрынест.
Нурть-нурть, сиянь суро скалнэст,
Нурть-нурть, пацьказь пуло букинест,
Нурть-нурть, жердя ланго сараскест,
Нурть-нурть, лей берёксо уткинест.
Нурть-нурть, тусть лей лангов эйдест налксеме.

Цёрынесь кирнявтсь, сивсь нудей пильгезэ, а тейтернесь прась, сезевсь кенде пекезэ. Кадовсть атятне-бабатне ськамоств. Эрить кавонест, сась ве, сась тенст овто и кармась морамо:

— Нурть-нурть, эрить-аштеть атят-бабат,
Нурть-нурть, ульнесь сиянь суро скалнэст,
Нурть-нурть, пацьказь пуло букинест,
Нурть-нурть, жердя ланго сараскест,
Нурть-нурть, лей берёксо уткинест.

Атясь мери бабанстэнь:

— Ванта, баба, кода парсте моры. Давай уткинетнень максынек тензэ.

Максызь тензэ уткинетнень. Овтось сэвинзе уткинетнень. Сась омбоце ве. Овтось таго сась, таго морси:

— Нурть-нурть, эрить-аштеть атят-бабат,
Нурть-нурть, ульнесь сиянь суро скалнэст,
Нурть-нурть, пацьказь пуло букинест,
Нурть-нурть, жердя ланго сараскест.

Атясь мери: «Мезть ней тейнетяно, баба? Давай, нать, саразтнэнь максынек.

Саизь ды максызь. Овтось сэвинзе, тусь. Сась колмоце ве. Овтось сась и кармась таго морамо:

— Нурть-нурть, эрить-аштеть атят-бабат,
Нурть-нурть, ульнесь сиянь суро скалнэст,
Нурть-нурть, пацьказь пуло букинест.

Атясь ды бабась думить: «Мезть ней тейнетяно, баба? Давай а макстано». А овтось тосто и мери:

— Мекс морамонь кис мезеяк а макстадо? Сован ды тынсенк сэвттыдызь.

Саизь рудазов пуло букинест, максызь. Овтось сэвизе. Таго тусь.

Чокшнесь таго сась. Овтось таго сась, кармазь морамо:

— Нурть-нурть, эрять-аштить атят-бабат,
Нурть-нурть, ульнесь сиянь сюрю скализэст...

Теньгак максызь. Овтось скалонтъкак сэвизе. Таго тусь ви-рев. Чокшнесь сась. Овтось таго мольсь ды кармазь морамо:

— Нурть-нурть, эрять-аштеть атят-бабат,
Нурть-нурть, ульнесь кенде пеке тейтернест,
Нурть-нурть, нудей пильге цёрынест,
Нурть-нурть, сиянь сюрю скализэст,
Нурть-нурть, пацьказь пуло букинест,
Нурть-нурть, жердя лангсо сараскест,
Нурть-нурть, лей берёксо уткинест.

— Мезе ней, баба, макстано тензэ сэвемс?— мери атясь:—
Тонь макстан.

Бабась мери:

— Тонь макстан.

Куйсть печька лангс, талныть. Овтось учось, учось ды совась кудос. Атясь бабанть кодак печька лангсто тулкадьсы, бабась жо кундась атянть прячерс, ды прасть кавонест. Овтось сэвинзе кавонест ды тусь.

5. СТАРИК И МЕДВЕДЬ

Нурть-нурть¹, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у старика со старухой дочка с войлочным животом,
Нурть-нурть, сынок с ногами из тростника,
Нурть-нурть, коровка с серебряными рогами,
Нурть-нурть, бычок с измаранным хвостом.
Нурть-нурть, курочки у них на жерди, на насесте,
Нурть-нурть, уточки у них на берегу реки,
Нурть-нурть, дети их пошли играть на реку.

Мальчик прыгнул — сломал тростниковую ногу, а девочка упала — разорвала свой войлочный живот. Остались одни — старик и старуха. Живут вдвоем. Наступила ночь, пришел к ним медведь и начал петь:

— Нурть-нурть, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у них коровка с серебряными рогами,
Нурть-нурть, бычок у них с грязным хвостом,
Нурть-нурть, курочки у них на жерди,
Нурть-нурть, уточки у них на берегу реки.

— Посмотри-ка, старуха, как он хорошо поет. Давай отдадим ему уточек.

¹ Нурть-нурть — междометия, выражающие медлительность, вялость.

Отдали ему. Медведь съел уточек и ушел. Пришла другая ночь. Медведь опять пришел, опять напевает:

— Нурть-нурть, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у них коровка с серебряными рогами,
Нурть-нурть, бычок у них с грязным хвостом,
Нурть-нурть, курочки у них на жерди.

Старик и думает: «Что мы теперь сделаем? Придется, видно, курочек отдать».

Взяли, отдали. Медведь съел их, ушел. Настала другая ночь. Медведь пришел опять и стал петь:

— Нурть-нурть, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у них коровка с серебряными рогами,
Нурть-нурть, бычок у них с грязным хвостом.

Старик со старухой думают: «Что нам теперь делать? Давай ничего ему не дадим».

А медведь оттуда и говорит:

— Отчего вы мне не даете за мое пение? Вот войду, вас самих съем.

Взяли бычка с грязным хвостом, отдали. Медведь съел его. И ушел опять. Настал вечер. Опять пришел медведь, начал петь:

— Нурть-нурть, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у них коровка с серебряными рогами.

Взяли, отдали и корову. Съел и ее медведь. Опять пошел в лес.

Настал вечер, пришел снова медведь и начал петь:

— Нурть-нурть, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у них дочка с войлочным животом,
Нурть-нурть, сыночек у них с ногами из тростника,
Нурть-нурть, коровка у них с серебряными рогами,
Нурть-нурть, бычок у них с грязным хвостом,
Нурть-нурть, курочки у них на жерди¹,
Нурть-нурть, уточки у них на берегу реки.

— Что теперь, старуха, мы дадим ему съесть?

Старик говорит: «Я тебя отдам», а старуха говорит: «Я тебя отдам». Влезли на печку, спорят. Медведь ждал, ждал, вошел. Старик как бросит старуху с печки, а старуха схватилась за волосы старика, и упали они оба. Медведь съел их обоих и ушел.

¹ Столько, сколько поместится на жерди, на насесте.

6. КИЕ ЧУМОСЬ

Атянтъ-бабантъ ульнесь атякшост. Вестъ кода-бути сон мусь мендердязь пештть ды кармась чулгонеме. Чийсь малазонзо сёрмав авашке. Сельмень сявадозь вансь-вансь атякшонтъ лангс ды пшкадсь:

— Атякш, а атякш, макст тень пеште.

— Азё вирев ды кочкак,— прянзо чиремтезь, мерсь атякшось.

Сонсь таго кармась чулгонеме. Понгсь тензэ ёндолонь колавт пеште, санзе ды ёртызе. Сон понгсь саразонть сельмс ды лиссь сельмесь. Саразось аварьгадсь.

Аламодо сась ёжос, мери:

— Атякш, а атякш, мейс сельмом таргик? Молян мон старостанть пеняцямо,— ды кекердезь тусь.

Тердизе старостанть. Тона кевкстни:

— Атякш, мейс саразонть сельмензэ таргик?

Атякш пря вिति:

— Монь монсеньгак пештень кочкамсто пешксэсь весе понксон разединзе.

— Кода истя разединзе? Мон молиндерян, тень кисэ пешксэнтъ весе тарадонзо синтресынь,— кежейстэ пижнесь старостась.

Мольсть сынъ саразонть марто вирев, муизь пешксэнтъ ды старостась кевкстни:

— Пешкс, а пешкс, мейс тон атякшонтъ понксонзо разедить?

Пешксэсь мери:

— Монь монсеньгак сея весе лопан порнинзе.

— Кода истя? Мон сюронзояк тапасынь тень кисэ,— пижни старостась.

Тусь сеянтъ вешнеме. Саразось кува моли — аварди. Апак учо понгсь каршозост кувака сакало пондакш сея. Ансяк сон кевкстиксэлизе, мекс саразось аварди, старостась пижакадсь лангозонзо:

— Сея, а сея, мейс пешксэнтъ лопанзо порнить? — сонсь на той пильгензэяк масторов вачкодизе.

— Монь монсеньгак пастух вачо кирдтнесамам,— удалов потавозь кортась сеинесь ды кармась чова вайгельнесэ парамо.

— Ох, уш, те апаронь саема пастухось. Черензэяк прястонзо разедьсынь! — мерсь старостась ды тусь чиезь. Сараскесь — мельганзо. Мольсть пастухонтень:

— Пастух, а пастух, мейс сеянтъ вачо киртнесак, мекс беряньстэ эйсэнзэ ванат? — сельмень тетъкезь эчке вайгельсэ кевкстни старостась. — Тонь кувалт саразоськак вана сельмевтеме кадовсь.

— Монь тесэ мезе чумом? Монь монсеньгак велень аватне пачалкседе а каванякшносамизь,— турванзо нолсезь, пеняцясь пастухось.

— Ёмамо чить мартонк, апаронь саемат! — пижни старостась.— Вейкесь омбоцень чумонды, омбоцесь — колмоцень. Молян неть аватнененьгак звар максан.— Ды тусть саразонть марто. Совасть вейке кудос, кевкстнить:

— Мекс пастухонть пачалкседе а каванякшносынк?

— Минек минсенекак тувось чапаксонок валызе,— мерсть тенст.

Старостанть седеяк кежензэ састь. Лиссть кардазов, муизь тувонть.

— Туво, а туво, мейс аватнень чапаксост валык?

— Монь монсененьгак верьгиз пелест левксэнь повсинзе.

Старостась пеензэяк чикорстынзе. Тейнемс а мезть. Таго савсь модемс вирев. Муизь верьгизэнтъ.

— Верьгиз, а верьгиз, мейс тувонть левксэнзэ повсить?

Кода верьгизэсь уракады лангозост, кода уракады. Старостась оргодсь, сараз — мельганзо. Чии, чии — мезеяк а неи. Эшкевсь тарадс ды таргавсь омбоце сельмезеяк. Верьгизэсь жо мельгаст пижни:

— Молян тувотнень весе левксэст повсесынь!

Кода маринзе старостась неть валтнэнь, лоткась ды, сорнозь, серьгедсь:

— Ансяк минек тулевкстнэнь илить токше, верьгиске. Весе лиятнень азё сэвить — мезеяк теть а мерян. Минектнень ансяк илить токше...

Чоп чийнестъ старостанть марто саразось, костояк толк эзь мие. Сараскентъ таргавкшнось вейке сельмезэ, таргавсь омбоцеяк, ды сон нейгак яки сокорсто. Кува яки — кекерди ды аварди. Ансяк а мезть тейнемс, пеняцямскак а кинень.

6. КТО ВИНОВАТ

У старика и старухи был петух. Однажды он нашел очищенные орехи и стал их клевать. Прибежала к нему пестрая курочка. Позавидовала она. Глядела, глядела на петуха и сказала:

— Петух, а петух, дай мне орешек.

— Ступай в лес и собирай,— наклонив голову, ответил петух. Сам опять стал клевать.

Попался ему попорченный молнией орех¹, взял и выбросил он его. Угодил им курице в глаз и выколол его. Курица заплакала.

Немного придя в себя, стала жаловаться:

— Петух, а петух, зачем мне глаз выколол? Я пойду старосте жаловаться,— и, кудахтая, ушла.

Вызвала она старосту. Тот спрашивает:

¹ Гнилой орех.

— Петух, зачем курице глаз выколол?

Петух стал оправдываться:

— У меня у самого, когда собирал орехи, орешник все порты изорвал.

— Как так изорвал! Вот я пойду, у орешника и поломаю все ветки! — сердито крикнул староста.

Пошли они с курицей в лес, нашли орешник. Староста спрашивает его:

— Орешник, а орешник, ты зачем у петуха порты изорвал?

Орешник отвечает:

— У меня у самого коза все листья объела.

— Вот как! Я ей рога поломаю за это! — кричит староста.

Пошли они козу искать. Идет курица дорогой — плачет. Вот увидели они, навстречу им идет коза с длинной бородой, мохнатая. Только коза хотела спросить, почему курица плачет, староста как крикнет ей:

— Коза, а коза, зачем у орешника листья съела? — сам даже ногой топнул.

— Меня самое пастух впроголодь держит, — пятясь назад, сказала коза и тихоньким голоском стала бляеть.

— Ох, уж этот недобрый пастух, волосы на голове выдеру ему, — сказал староста и побежал. Курица — за ним. Пришли они к пастуху.

— Пастух, а пастух, ты почему козу впроголодь держишь? — выпучив глаза, спрашивает староста. — Из-за тебя вот и курица без глаза осталась.

— А я здесь в чем виноват! Меня самого женщины блинами не угощают, — жаловался пастух.

— Пропадешь с вами, недоброе вас лобери! — кричит староста. — Один другого обвиняет, второй третьего. Я пойду и этим женщинам задам жару, — и ушел с курицей.

Пришли они в дом, спрашивают:

— Почему пастуха блинами не угощаете?

— У нас у самих свинья опрокинула горшок с тестом.

Староста пуще прежнего рассердился. Вышел во двор, нашел свинью.

— Свинья, а свинья, зачем у женщины горшок с тестом опрокинула?

Свинья угрюмо хрюкает в ответ:

— У меня у самой половину поросят волк сожрал.

Староста даже зубами закрипел. Делать нечего. Опять пришлось в лес идти. Нашли они волка.

— Волк, а волк, ты зачем у свиньи поросят сожрал?

Волк как завоет на них, как завоет! Староста побежал, курица за ним. Бежит, бежит — ничего не видит. Наткнулась на ветку и второй глаз выколола.

А волк вслед им кричит:

— Пойду у свиней всех поросят варезу!

Как услышал эти слова староста, остановился, дрожа закричал:

— Только моих поросят, волчок, не трогай! У других всех поросят иди съешь — ничего тебе не скажу. Только наших не трогай...

Весь день бегал староста с курицей. Нигде толку не нашли. У курицы был выколот один глаз, выколола она и другой, и ходит до сих пор она слепая. Где идет — клохчет и плачет. Ничего только не сделаешь, жаловаться некому.

**ВОЛШЕБНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
СКАЗКИ**

7. ВЕДЯВА

Эрясть-аштеть атят-бабат кавонест. Атянь-бабань арась а эйкакшост, а какшост. Тусь атясь вирьга якамо. Якась сон колмо иеть ды сыргась кудов.

Ютась, ютась — сась симемазо. Комась ведьс ды кармась симеме. Ведява кундызе сакалдо ды а нолды эйсэнзэ. Атясь кармась тензэ энялдомо:

— Нолдамак, — мери, — кардсо ули паро айгором, максса теть. Ведявась мери:

— А эряви айгорось. Алтык, мезде а содат — нолдтан.

Атясь мери:

— Нолдамак. Пиресэ ули паро одониям — максса теть.

— А эряви одоният. Алтык, мезде а содат — нолдтан.

— Вирьсэ улить сисем нешке пирень, сех паро пиреньть максса теть, нолдамак!

— А эряви нешке пиреть. Алтык мезде а содат — нолдтан.

Атясь арсесь ды мери:

— Улезэ эно теть, мезде мон а содан.

Ведявась нолдызе. Атясь тусь кудов. Пачкодсь орта лангс — чийсь каршозонзо колмо несэ цёразо, поведевсь кирьгазонзо ды мери:

— Эх, тетяй, кода мон учан эйсэть. Мейс кувать эзить са?

Атясь кармась авардеме ды мери:

— Эх, цёрам! Кенярдоманть кенярдыть эйзэнь, ды монь марто эриця а улят, — мон Ведяванень алтытинь.

Цёрынесь мери:

— Алтымик мезе. Мон а пелян!

Эрять-аштить колмонест. Цёрась уш покшсто кассь. Сон и мери тетянстэнь:

— Тетяй, баславамак, мон Ведяванень туян.

Тетясь баславизе, простясть мартонзо, ды цёрась тусь.

Ютась, ютась — пачкодсь яга-бабанень. Совась кудонтень ды мери:

— Сюк, сюк, бабакай!

— Сюк аволить мерейак — весть сусковлитинь, кавксть нилевлитинь! Мезть тия якат?

— Тетям алтымим Ведяванень. Молян сонензэ.

— Ох, цёрам, тон аволь Ведяванень молят, — тон молят монь лелянень, — сон симемстэ тетять сакалдо кундакшнызе. Сонензэ тетят алтынзить. Азэ седе тов, тосо эри монь патям. Сон седе ламо соды. Сон тонавттанзат, кода теемс.

Цёрась лиссь яга-бабанть кедьстэ ды тусь.

Ютась, ютась — мусь омбоце яга-бабань кудо. Совась эйзэнзэ ды мери:

— Сюк, сюк, бабакай!

— Сюк аволить мере — весть сусковлитинь, кавксть нилевлитинь! Мезть тия якат?

— Тетям лелятень алтымим, молян тензэ цёракс.

— Эх, цёрам, а эряват тон сонзэ кедьсэ. Азё седе васов. Мусак покш патянок. Сон седе ламо соды, сон тонавттанзат, мезть теемс.

Лиссь цёрась яга-бабанть кедьстэ, тусь таго молеме. Мольсь, мольсь — мусь колмоце яга-бабань кудо. Совась кудонтень ды мери:

— Сюк, сюк, бабакай!

— Сюк аволить мере — весть сусковлитинь, кавксть нилевлитинь! Мезть тия якат?

— Тетям алтымим тонь лелятень цёракс. Молян тензэ эрямо.

— Эх, цёрам, а эряват тон лелянь кедьсэ: сонзэ кардазонзо перька ниленьгемень колия стявтозь — весемень прясо ломань прят пезнавтозь. — Вейкенъ прясо ансяк арась, — сезэнь тонъ прят пезнавтсы.

Цёрась кармасть авардеме. Яга-бабась мери:

— Иля аварде, цёрам. Мон тонавттан, мезть теемс: азё, тестэ аволь васоло ули эрьке. Кекшть се эрькентъ чирес нудей пулос и аштек. Ливтить колмо яксяргот. Нетне монъ лелянь тейтерензэ. Валгить эрьке чирентень, теевить тейтерекс, кайсесызь руцяст-панарост и кармить экшелямо. Тон листъ нудей потсто, саить вишка тейтерентъ руцянзо-панаронзо и мекев кекшть. Кода экшелявить, кавтотне оршить ды туить ливтязь, а вишкинесь кадови панаронъ вешнеме. Кода мери сон: «Кие саинзе руцян-панарон, туить! Улиндеряй сон од цёра — улезэ монень мирдекс» — тон листъ и максыть тензэ руцянзо-панаронзо.

Цёрась тусь. Муизе се эрькентъ и кекшсь нудей пулос. Ансяк кекшевсь, ваны ливтить колмо яксяргт. Либор валгсть эрькентъ чирес ды теевсть мазый тейтерекс. Кайсизь руцяст-панарост и кармасть экшелямо. Цёрась лиссь нудей пулостонтъ, саинзе вишка тейтерентъ руцянзо-панаронзо и мекев кекшсь мартост. Тейтертне экшелявсть и лиссть ведьстэнтъ. Кавто сазортнэ оршнизь панарост ды тустъ ливтязь. А вишкинесь кадовсь штапо. Сон мери:

— Кие саинзе панарон-туить. Улиндеряй сон сыре ломань — улезэ монень тетякс; улиндеряй ава ломань — улезэ тень авакс; улиндеряй тейтеръ ломань — улезэ тень патякс; улиндеряй од цёра — улезэ тень мирдекс.

Кода истя мерсь, цёрась лиссь нудей пулостонтъ ды максынзе панаронзо. Оршась тейтересь, и тустъ кавонест тейтерентъ кудос. Тейтересь симдизе, андызе цёранть и мери тензэ:

— Ней азё тетяненъ, вешть кедьстэнзэ тев. Сон карми эйсэть андомо, симдеме — иля ярса-симе, мерть: мон сынъ тезэнь аволь ярсамо, симеме, а роботамо.

Цёрась мольсь и мери:

— Сюк, сюк, покштяй. Мон сынъ тетъ роботамо, кодамо тев тень максат.

Атась мери:

— Ладна коли сыть, якамо тарка эзить тее. Мон уш кучиксэ-
линь кисэть. А ярсат мездеяк, чей пекеть вачсь?

Цёрась мери:

— Мон сынъ аволь ярсамо-симеме, а роботамо,— тука
тень тев.

Атясь мери:

— Молодец. Ней тевем арась. Сак чокшне, ёвтан тетъ тев.

Цёрась велявтсь ды тусь тейтеренть кудос. Кода чизэ чопо-
тетсь, мольсь атянтень тевень кевкстеме.

— Тука, покштяй, тев!

— Максан,— мери атясь,— ули монъ комсь десятина вирем,
азё се виренть валскес корёном таргик, сокик, изык, видть
товзюро, товзюрось кенерезэ, нуик, пивсык, яжавтык, кшикс
паник, каштомс кайсик, валске тарксик, синдть кши кочом и пря
пезэнь путык. Кши чинеденть мон сыргозян.

Цёрась велявтсь ды тусь тейтеренть кудос. Сонсь кува мо-
ли — аварди. Тейтересь мери:

— Мейс авардят?

— Тетят вельть покш тев макссь. Сон монень зярдояк а
теevi.

— Кодамо?

— Ули комсь десятина вирезэ. Се виренть валскес корёном
таргамс, моданть сокамс, изамс, товзюро видемс, товзюрось ке-
нерезэ, нуемс, пивсэмс, яжавтомс, кшикс панемс, каштомс кай-
семс, валске тарксемс, кши кочом синдемс ды пря пезэнзэ пу-
томс. Кши чинентень сон сыргозезэ.

Тейтересь мери:

— Иля мелявто, мадть, удок валскес. Те тевесь монъ.

Цёрась мадсь.

Кода сундерьгадсь, лиссь тейтересь кустема пес, таргизе ашо
нацянзо, колмо ёнов аволдась эйсэнзэ ды мери:

— Тетянь урензэ, вардонзо, садо монень лездамо!

Промсть перьканзо пек ламо ломанть. Тейтересь мери тенст:

— Тетянь ули комсь десятина вирезэ; азёдо се виренть тар-
гинк корёном, моданть сокинк, изынк, товзюродо видинк, товзю-
рось кенерезэ, нуинк, пивсынк, яжавтынк, кшикс панинк валскес,
тарксинк, а ве кши тоско каштомонтень кадодо.

Валске стясь цёрась. Тейтересь мери тензэ:

— Азё, каштомс кадовсь ве кши, таргик, синдик чачк ды
тетянь пря пес путык.

Цёрась мольсь, таргизе жшинть каштомсто, синдезе чачк ды
атянтъ пря пес пугызе.

Атясь сыргойсь, колмоксть кши чинеденть кешнясь и мери:

— Вот так молодец, цёрам. Мон мудрёнойдеяк-мудрёноян, а
тон седеяк мудрёноят. Азё мадть чокшнес, тонеть тев а ули.
Чокшне сак, ве тев максан.

Цёрась велявтсь и тусь тейтеренть кудос. Тейтересь андызе,
свмдизе и оймсеме мацтизе. Кода чопотетсь чизэ, тейтересь мери:

— Стяк, азё тетянь темень кевкстеме.

Цёрась мольсь атянь ды мери:

— Тука, покштяй, тев.

— Максан,— мери атясь — азё вензэ пачк эсень крыльця пестэ эсень церкова видьс тейть кшнинь сэдь. Сэденть кавто пельга улест умаринат. Валскес умартне кенерест. Эрьва чувто прясо мораст эрьва кодат нармунть. Валске печк чачков колмо умарть ды пря пезэнь путыть. Умарь чинентень мон сыргозезан. Те а теевиндеряй — прят керяса.

Цёрась велявтсь ды тусь тейтеренть кудос. Сонсь кува моли аварди.

— Мейс авардят?— кевкстни тейтересь.

— Тетят вельть покш тев макссь. А теевиндеряй, мери, прят керяса.

— Кодамо теть макссь темень?

— Вана кодамо: вензэ пачк эсензэ кустема пестэ, эсензэ церковас кшнинь сэдь кармавтсь тееме. Сэденть кавто пельга умаринат улест. Умартне валскес кенерест. Чувтнэнь прясо эрьва кодат нармунть мораст. Валске колмо умарть печкемс ды тетят пря пес путомс. Умарь чинентень сон сыргозезэ.

Тейтересь мери.

— Иля мелявто, мадть, удок валскес, те темень монь.

Сундергадсь, тейтересь лиссь кустема лангс. Аволдась колмоксть ашо пацясонзо ды мери:

— Тетянь урензэ, вардонзо, садо монень лездамо!

Промсть перьканзо пек ламо ломанть ды мерить:

Мейс тердимизь?

— Робота ули,— мери тейтересь:— азёдо, вензэ пачк тетянь кустема пестэ тетянь церковантень теде кшнинь сэдь. Кавто пельганзо путодо умаринат. Валскес кенерест умарть. Чувтнэнь прясо эрьва кодат нармунть мораст!

Валске стявтызе цёранть ды мери тензэ:

— Азё, сезть колмо умарть, печкить чачк и путыть тетянь пря пес, тонсь мекев сак монень.

Цёрась тейсь, кода тензэ мерсь тейтересь. Тейтересь макссь тензэ молотка и прявтомо эске ды мери тензэ:

— Азё, тетянь кустема песэ ули варя, се вариантыень чавик те эскенть,— тетям сыргози.

Сыргойсь атясь, колмоксть кешнясь умарь чинеденть ды мери:

— Ну, молодец, цёрам, азё ней чокшнес оймсек. Чокшне сак, ещё ве тев максан теть.

Чопотетсь чизэ. Тейтересь стявтызе ды мери:

— Азё тетянь, кевксть тев.

Мольсь цёрась ды мери:

— Тука, покштяй, тев.

— Максан, мери, максан. Кардсо ули сисем несэ айгором, азё тонавтык ласте артнеме.

Цѣрась велявтьсѣ и тусь тейтерентень. Кува юты — моры.

Тейтересь кевкстизе:

— Мезть мик морат?

— Тетят пек шождыне теवंть макссь, мон секс и моран.

— Мезень тев теть макссь?

— Кардсо ули сисем иесэ айгорозо — сень ласте артнеме то-
навтомодо мерсь.

— Эх, дурак, — мери тейтересь, — те самай стака теवंсь. Те-
тям сонсь прязно айгоркс тейсы и пекстасы сисем кшнинь кенкш
экшес. Азѣ седе курок, теवंть сисем пондонь молотка, ды сисем
кшнинь илевть, парынетъ улест. Монсь айгоронтъ тонавтса, —
тонь сон сѣвтянзат.

Цѣрась теवंтьсѣ сисем пондонь молотка и сисем кшнинь
илевть. Тейтересь аволдась пацясонзо и теवंсь цѣракс. Саинзе
молотканть, илевтнень и мольсь кардонть икелев. Вачкодсь си-
сем пондонь молоткасонть — ве кенкшесь яжавсь, а кототнень
сонсь айгорось потсто яжинзе ды лиссь кардстонть. Тейтересь
кундызе, панцт кодсь прязонзо ды озась ласте лангозонзо. Ке-
пететсть кавонест менель ёжос. Тейтересь сисем пондонь молот-
касонть чави и чави айгоронтъ пря ланга. Сизесь айгорось,
валгсь масторов. Тейтересь сюлмизе палманьс ды давай зйсэнзэ
кшнинь илевтнесэ керямо. Керясь, керясь — илевтнеяк весе синт-
ревсть. Илев петнень эцинзе айгоронтъ судо варяс ды кардс тар-
казонзо пекстызе. Сась кудов и мери цѣрантень:

— Азѣ тетянень, кевксть ещѣ тев.

Цѣрась мольсь атянтень ды мери:

— Покштяй, тука тев.

Атясь мадезь каштом лангсо — сѣреди. Сон мери цѣрантень:

— Тев тонеть больше а ули. Ванды садо вишка тейтерем
марто — венчатадызь, — тынь вейсэ роботатадо сонзэ марто.

Цѣрась велявтьсѣ ды тусь тейтерентъ кудос. Таго, кува юты,
моры — ни тензэ максыть.

Тейтересь кевкстизе:

— Тон мейс таго морат?

— Мейс а моран, валске тетят венчасамизь.

— Аволь венчамо — валске тетям кавоненек прянок керя-
сынзе. Адя седе курок оргодтяно.

Тейтересь сельгсь вейке сельге эзем пряс, омбоце сельге
сельгсь кудо куншкас, колмоце сельге сельгсь кенкш поровт
лангс. Пекстызь кудонтъ ды оргодсть кавонест. Валске стясь
атясь и мери:

— Азѣдо тердинк цѣранть вишка тейтерем марто венчамо.

Мольсть кенкш удалов и мерить:

— Адядо, тетянк тердидизь венчамо.

Эзем прясо сельгесь пшкадсь тенст:

— Ещѣ ансяк стятано удомсто.

Мольсть атянтень ды мерить:

— Ансяк стить удомсто.

Аламос аштезь, атясь таго кучинзе:

— Азѣдо, тердинк венчамо, ней уш женерсть чей!

Киякс куншкасо сельгесь пшкадсь каршост:

— Оршатано ды мольтяно.

Мольсть атянтень ды мерить:

— Оршить ды сыть.

Атясь таго учось аламос и мери:

— Азѣдо, мереде тенст, седе курок саст.

Кенкш поровт лангсо сельгесь пшкадсь каршост:

— Совадо, минь аноктано.

Панжизь кенкшенть — кияк арась, чаво кудось. Евтасть атянтень. Атясь мери:

— Азѣдо нейке мельгаст, сасынк. Мезе ки лангсто мутадо — туинк монень!

Тусть мельгаст.

А цѣрась тейтеренть марто чиить и чиить кудов. Тейтересь мери цѣрантень:

— Мадть моданть лангс, кунсолук, а марят ли мезеяк?

Церась мадсь, кармась кунсолуо, но мезеяк эзь маря. Мадсь сонсь тейтересь, кунсолось и мери:

— Мельганок панить, курок уш сасасамизь. Мон велявтан сыре скалкс, тон — сыре, сыре пастухокс. Кармить эйсэть кевкстнеме: «Эзить нее ли ютамодо цѣрат-тейтерть?» Мерть. «Неинь, ютасть, кода те скалось еще иень ваз ульнесь, а монь ансяк сисемельть иень, сестэ ютасть ваксканок од цера ды од тейтерь». Мейле кевкстядызь: «Умок а умок ванат тесэ?» Тон мерт: «Сядо ие ули, кода ванан».

И теевсь тейтересь сыре скалокс, цѣрась — сыре, сыре пастухокс. Скалось ярсы лугадо, пастухось ашти вакссонзо — одежанзо лыткат ды судозо рудазов. Пачкодсть ваксозост мельгаст паницятне ды кевкстнить пастухонтъ:

— Эзь юта ли вакскат од цѣра ды од тейтерь?

— Ютасть, — мери пастухось, — кода те скалось ульнесь вейке иесэ ваз, а монь ансяк сисемельть иень.

— Умок тон ванат тесэ те скалонтъ эйсэ?

— Сядо ие ули, кода ванан.

— Ну, минек ансяк исяк оргодсть, — мерсть мельгаст паницятне и мурдасть мекев кудов.

Тейтересь и цѣрась велявтсть мекев ломанькс ды таго тусть чиеме. Састь кучозтне атянтень ды мерить:

— Эзинек муге, мукшнынек ансяк вейке сыре скал, сыре, сыре пастух ваны эйсэнзэ, одежанзо лыткат и судозо рудазов. Минь кевкстинек пастухонтъ, эзь юта ли ваксканзо од цѣра ды од тейтерь. Сон мерсь, ютасть, кода те скалось ульнесь ве иесэ ваз, а монь ансяк сисемельть иень, сон скалонтъ эйсэ ваны уш сядо ие.

Атясь мери:

— Эх, дуракт, дуракт, неть самай сынъ ульнестъ: скалось

тейтерем, пастухось — цѣрась. Азѣдо нейке таго мельгаст панеме
ды мезе мутадо ки лангстонть — туинк монень.

Сынь таго тусть. Тейтересь мери цѣрантень:

— Мадть, кунсолок, — а марят ли мезеяк?

Цѣрась мадсь, кунсолось ды мери:

— Мезеяк а маряви.

Тейтересь мери:

— Ну-ка монсь мадян, кунсолан. — Мадсь ды мери:

Таго панить мельганок, аболь васолот уш, — нейке саса-самизь. Мон тейса прям ташто церьковакс, тонь тейтян сыре попокс. Кевкстиндерятадызь мельганок паницятне: «Эзть юта ли тия од цера ды од тейтерь», тон мерть: «Ютасть, кода те церькованть мон ансяк строишь ещё, мон кода служан тесэ кавтосядт иеть уш ули».

Пачкодсть паницятне. Совасть церьковантень — церьковась чаво, служи эйсэнзэ ансяк вейке сыре, сыре поп, ташто котел кадилазо, левшень карькске ведьмезэ.

Паницятне кевкстизь:

— Эзть юта тия од цѣра ды од тейтерь?

— Ютасть, — мери попись, — кода мон те церькованть ансяк строишь.

— Умок тон служат те церьковасонть?

— Кавто сядт ие ули, кода служан.

Паницятне велявтсть мекев ды тусть кудов. Тейтересь ды цѣрась велявтсть мекев ломанькс ды тусть таго чиеме. Атясь кевкстни паницятнесэ:

— Я, мукшныде мезеяк?

Сынь мерить:

— Мукшнынек ансяк каладо бока церькова, эйсэнзэ служи сыре, сыре поп. Кевкстинек попонть, эзть юта ли ваксканзо од цера ды од тейтерь. Сон мерсь, ютасть, кода те церькованть сон строишь еще, а сон церьковасонть кавтосядт ие ули, кода служи.

Атясь мери:

— Эх, дуракт, дуракт! Неть самай сынь ульнесть, церьковась-тейтересь, попись — цѣрась. Тынк лангс, нать, а мезть кемс, молян монсь кундасынь! Стясь и вармакс тусь мельгаст.

Тейтересь мери цѣрантень:

— Мадть кунсолок, а марят ли мезеяк.

Цѣрась мадсь, кунсолось ды мери:

— Мезеяк а маряви.

— Ну-ка монсь мадян, — мери тейтересь. Мадсь, стясь и мери: — Тетям сонсь мельганок пани — нейке кундасамизь. Тонь тейтян эрькекс, монсь велявтан калокс.

Теизе цѣранть эрькекс, сонсь велявтсь калокс. Пачкодсь тетьсясь, кирнявтсь ведентень и теевсь шукакс и давай калонть мельга пансеме. Ансяк кундамо, се стявтсынзе сардонзо ды а нилеви тензэ. Пансесь, пансесь — сизесь и мери тейтерентень: — Ульть сисем иеть сукакс!

Сонсь велявтсь мекев ды тусь кудов.

Эрькесь велявтсь мекев цѣракс, калось — сукакс, и тусть кавонест таго ютамо. Пачкодсть цѣранть веле пес. Сукась мери.

— Тон азѣ кудов, мон теск кадован. Монь тетям сюдыним сисем иеть кискакс якамо, но мон сисем чиде мейле мекев тейтерькс велявтан,— молян сисем чиде мейле тынк кудос и венчатано. Ансяк вана мезе теть мерян: молят тон кудов,— тосо улить тонь кавто сазорот. Весемень палсить, весе палсить кудосо семиянтъ, вишка сазорот иляк пала,— сонзэ палындерясак — монь стувтсамак.

Цѣрась тусь кудов, сукась кадовсь веле пес. Сась цѣрась кудов. Весе радовасть эйзэнзэ. Сон весемень палынзе, эзизе пала ансяк вишка сазоронзо. Вишка сазоронть мельс апаро саизе, кармась авардеме ды мери:

— Мекс, леляй, монь эзимик пала, мезень апаро мон теинь тонеть? Лелянтень жаль марявсь сазорось. Сон арси эсь пачканзо: «Или стувтса мон ладязь ним, бути паласа сазором». — Саизе ды палызе. Кодак палызе — весе стувтынзе мезть прынзо ланга ютасть, стувтызе эстензэ ладязь тейтерентькак, кона марто атянтъ кедьстэ оргодсть. Тетятне-аватне арсестъ сонзэ урвакстома. Ладясть тензэ тейтерь и самодо мейле сисемеце чистэнтъ тейсть свадьба. Озавтызь одирванть женихентъ марто столь эжшс и кармась симеме-ярсамо. Цѣранть марто сазь тейтересь велявтсь гулькакс, ливтясь цѣранть кардайс, велявтсь мекев мазый тейтерькс ды озась лисьманть вельксэс.

Мольсь цѣранть покш сазорозо ведень кандомо. Комась лисьмантень ведень амольдямо, неизе тосто тейтерентъ сулеензэ ды мерсь эсь пачканзо: «Кодамо мон мазыян, ды паран, ды карман ведень кандомо». Каинзе ведратнень ды тусь кудов ведтеме.

Кудосонть кевкстизь:

— Я, мекс эзить кандо ведь?

Тейтересь мери:

— Мазыян, паран ды карман ведень кандомо!

Мольсь ведень кандомо вишка сазорось. Сеяк варштась лисьмантень, неизе тейтерентъ сулеензэ ды мери:

— Мазыян, пароян ды карман ведень кандомо.

Каинзе ведранзо ды тусь кудов сеяк ведтеме.

Кудосонть кевкстизь:

— Я, тон мекс эзить кандо ведь?

Сазорось мери:

Мазыян, пароян, ды карман ведень кандомо!

Мольсь сонсь цѣрась ведень кандомо. Варштась лисьмантень, неизе тейтерентъ сулеензэ ды содызе. Тейтересь валгсь лисьманть вельксстэ, кундасть кедте-кедьс цѣранть марто ды совасть кудос. Кудосонть панизе эзем прясто одирьванзо, озавтызе ваксозонзо сонсензэ марто сазь тейтерентъ ды кармась симеме-ярсамо.

Мон тосо ульнинь. Винадо, пивадо симинь.

7. ВЕДЯВА¹

Жили-были старик со старухой. Отроду у них не было детей. Вот однажды старик пошел в лес. Ходил он по лесу три года. Собрался домой.

Шёл, шёл, захотел напиться. Нагнулся к воде и стал пить. И случилось с ним тут такое дело: схватила его за бороду Ведява и не отпускает. Старик взмолился:

— Отпусти,— говорит,— у меня на дворе есть хороший жеребец, отдам его тебе.

Ведява отвечает:

— Не нужно мне твоего жеребца. Обещай то, о чем ты не знаешь, тогда отпущу.

Старик умоляет Ведяву:

— Отпусти, у меня на огороде есть хорошая кладь, отдам ее тебе.

— Не надо мне твоей кладь. Обещай то, о чем ты не знаешь,— отпущу,— снова ответила Ведява.

— В лесу у меня есть семь пчельников, самый хороший тебе отдам. Отпусти!

— Не надо мне твоего пчельника, обещай то, о чем ты не знаешь,— отпущу.

Старик подумал и говорит:

— Пусть будет твоим то, о чем я не знаю.

Ведява отпустила его. Старик пошел домой. Дошел он до ворот, навстречу ему выбежал его трехлетний сын, бросился к нему на шею и говорит:

— Эх, тятя, как я жду тебя! Почему ты долго не приходил?

Старик заплакал и говорит:

— Эх, сынок! Обрадоваться-то обрадовался, но ты не жилец со мной, ведь я Ведяве тебя обещал отдать.

Тут сын отвечает:

— Обещал так обещал, я не боюсь.

Живут-поживают они втроем. Сын уже большой вырос. Вот однажды он говорит отцу:

— Тятя, благослови меня, я к Ведяве пойду.

Отец благословил сына, простился с ним, и тот ушел.

Шел, шел он, дошел до дома бабы-яги, вошел туда и говорит:

— Здравствуй, бабушка!

— Если бы не сказал «здравствуй», то я бы тебя съела. Ты зачем ко мне пришел?

— Отец обещал отдать меня Ведяве, вот я иду к ней.

— Ой, сынок, ты не к Ведяве идешь, ты идешь к моему брату. Когда пил твой отец, он схватил его за бороду. Отец и обещал отдать тебя. Ступай дальше, там живет моя старшая сестра. Она больше меня знает, она научит тебя, что делать.

¹ Ведява — русалка.

Вышел парень от бабы-яги и опять пошел. Шел, шел он, нашел дом второй бабы-яги. Вошел в него и говорит:

— Здравствуй, бабушка!

— Если бы ты не сказал «здравствуй», я бы съела тебя. Ты зачем ко мне пришел?

— Отец обещал отдать меня твоему брату, вот я и иду к нему в сыновья.

— Эх, сынок, не проживешь ты у него. Ступай дальше, встретишь мою старшую сестру. Она больше меня знает, она научит тебя, что делать.

Вышел парень от бабы-яги и пошел дальше. Шёл, шёл он, нашел дом третьей бабы-яги. Вошел в дом и говорит:

— Здравствуй, бабушка!

— Если бы ты не сказал мне «здравствуй», я бы съела тебя. Ты чего здесь ходишь?

— Отец мой обещал отдать меня в сыновья твоему брату, вот я иду к нему.

— Эх, парень, не будешь ты жить у него: вокруг его двора сорок кольев воткнуто, на всех человеческие головы, на одном только головы нет, на этот кол он твою голову посадит.

Парень заплакал. Баба-яга говорит:

— Не плачь, сынок, я научу, что надо делать. Недалеко отсюда есть озеро. На берегу этого озера ты спрячешься в тростниковых зарослях и жди. Прилетят три утки. Это дочери моего брата. Они сядут на берег, превратятся в девушек, разделются и будут купаться. Ты выйди из тростника, возьми одежду младшей дочери и опять спрячешься. Как они искупаются, две оденутся и улетят, а младшая останется рубашку искать. Как только она скажет: «Кто взял мою рубашку, выходи! Если парень — будешь моим мужем», ты выйди и отдай ей одежду.

Пришел парень на это озеро и спрятался в тростниковых зарослях. Вот он видит — летят три утки. Ф-р-р... — опустились они на берег и превратились в красивых девушек. Разделись и стали купаться. Парень вышел из тростниковых зарослей, взял одежду младшей девушки и опять спрятался. Девушки искупались и вышли на берег. Две старшие оделись и улетели, а младшая осталась без одежды. Она говорит:

— Кто взял мою одежду, выходи. Если ты старый человек — будешь мне отцом, если женщина — будешь матерью, если девушка — будешь сестрой, если парень — будешь моим мужем.

Как только она так сказала, парень вышел из тростниковых зарослей и отдал ей рубашку. Одедась девушка и повела его в свой дом. Напоила, накормила парня и говорит ему:

— Теперь ты ступай к моему отцу, спроси у него работу. Он будет тебя кормить, поить, но ты не ешь, не пей. Скажи: «Я сюда не есть и не пить пришел, а работать».

Пришел парень и говорит:

— Здравствуй, дедушка! Я к тебе работать пришел.

Старик говорит:

— Ладно, коли пришел. Не поешь ли чего-нибудь? Наверно, проголодался?

Парень отвечает ему:

— Я пришел не есть-пить, а работать, давай мне дело.

Старик говорит:

— Молодец. Сейчас нет работы, приходи вечером, я расскажу, что делать.

Вернулся парень к девушке. Как стемнело, он снова пошел к старику.

— Давай, дедушка, дело!

— Да, — говорит старик. — Есть у меня двадцать десятин лесу, ступай до утра его выкорчуй, землю вспаши, проборонуй, посеешь пшеницу, пшеница чтобы поспела, ссжни ее, обмолоти, смели, хлеб испеки, утром вынь, отломи кусок хлеба и положи мне в изголовье, от хлебного запаха я проснусь.

Вернулся парень со слезами к девушке.

Та спрашивает его:

— Почему ты плачешь?

— Твой отец невыполнимое дело дал. Его мне никогда не сделать.

— Какое дело?

Парень рассказал.

Девушка говорит:

— Не беспокойся, ложись, спи до утра, а дело это я сделаю.

Парень лег. Как стемнело, девушка вышла на крыльцо, вынула белый платочек, махнула им на три стороны и говорит:

— Помощники, рабы отца, приходите ко мне помогать.

Собралось вокруг девушки видимо-невидимо людей. Она говорит им:

— У моего отца есть двадцать десятин лесу. Ступайте выкорчуйте его, землю вспашите, проборонуйте, посеете на ней пшеницу, пшеница чтобы созрела, сожните ее, обмолотите, смелите, утром испеките хлеб, выньте его, а один каравай оставьте в печке.

Встал утром парень. Девушка говорит ему:

— Ступай, в печке остался один каравай. Ты вынь его, разломи пополам и положи отцу в изголовье.

Пошел парень, вынул из печки хлеб, разломил его пополам и половину положил в изголовье старика.

От хлебного запаха проснулся старик, три раза чихнул и говорит:

— Вот так молодец, парень! Я мудрый, мудрый, а ты мудрее меня. Иди спи, до вечера тебе работы не будет. Вечером приходи, я тебе еще одно дело дам.

Парень снова вернулся к девушке. Она накормила, напоила его и уложила отдыхать. Как стемнело, девушка сказала:

— Встань, иди у отца моего дело спрашивай.

Парень пришел к старику и говорит:

— Давай дело, дедушка.

— Дам,— отвечает старик.— За ночь от моего крыльца до церкви сделай железный мост, и чтобы по обе стороны моста росли яблони и до утра на них яблоки спели. На каждой яблоне чтобы пели птички. Утром разрежь пополам три яблока и положи мне в изголовье. От запаха яблок я проснусь. Если не сделаешь все это, я отрублю тебе голову.

Парень вернулся со слезами к девушке в дом.

— Почему ты плачешь? — спрашивает она.

— Твой отец невыполнимое дело задал. Если не сделаешь, говорит, голову отрублю.

— Какое же дело он тебе дал?

Парень рассказал. Девушка говорит:

— Не печалься, ложись, спи до утра.

Стемнело. Девушка вышла на крыльцо. Три раза махнула платочком и говорит:

— Помощники, рабы отца, придите мне на помощь.

Собралось вокруг девушки видимо-невидимо людей и спрашивают ее:

— Зачем ты позвала нас?

— Работа есть,— говорит девушка.— За ночь от крыльца моего отца до церкви сделайте железный мост. По обе стороны моста посадите яблони. До утра чтобы созрели яблоки. На деревьях чтобы пели всякие птицы.

Утром девушка разбудила парня и говорит ему:

— Ступай сорви три яблока, разрежь их пополам и положи отцу в изголовье, а сам приходи опять ко мне.

Парень сделал так, как велела ему девушка. Потом она дала ему молоток и гвоздь без шляпки, говорит:

— Ступай, на крыльце у моего отца есть дырка, ты забей в нее гвоздь — отец проснется.

Проснулся старик, три раза чихнул от запаха яблок и говорит:

— Ну, молодец, парень, ступай отдыхай теперь до вечера. Вечером приходи, еще одну работу тебе дам.

Стемнело. Разбудила парня девушка и говорит:

— Ступай к отцу, спроси работу.

Пришел парень и говорит:

— Дедушка, работу давай.

— Дам,— говорит,— дам. На конюшне у меня есть семилетний жеребец. Ты ступай обучи его для верховой езды.

Парень вернулся к девушке с песней. Девушка спросила:

— Почему ты поешь?

— Отец очень легкое дело мне дал, вот я поэтому и пою.

— Что за дело он тебе дал?

— На конюшне у него есть семигодовалый жеребец, его надо обучить для верховой езды.

— Эх, дурак,— говорит девушка,— это самое трудное дело. Сам отец превратится в жеребца и запретя за семью дверями. Ступай быстрее, сделай семипудовый молоток и семь железных прутьев, да чтобы хорошие они были. Я сама обучу жеребца, а то он тебя съест.

Парень сделал семипудовый молоток и семь железных прутьев. Девушка махнула платочком и превратилась в парня. Взяла молоток, прутья и пошла к конюшне. Стукнула семипудовым молотком — одна дверь разломалась, а остальные шесть сам жеребец выломал и вылетел из конюшни.

Девушка схватила его за узду и села верхом на него. Поднялись они до неба. Девушка семипудовым молотком бьет жеребца по голове. Устал жеребец, спустился на землю. Девушка привязала его к столбу и давай железными прутьями пороть. Порола, порола, все прутья изломались. Концы прутьев она воткнула в ноздри жеребцу и опять заперла его в конюшню. Пришла она домой и говорит парню:

— Ступай к отцу, спроси еще дело.

Пришел парень к старику и говорит:

— Дедушка, давай дело.

Старик лежит на печке, болеет. Он говорит парню:

— Дела тебе больше не будет. Завтра с младшей дочерью тебя повенчаю, вы вместе с ней работаете.

Парень вернулся к девушке с песней.

Девушка спросила:

— Ты почему опять поешь?

— Как же не петь! Завтра твой отец повенчает нас с тобой.

— Не повенчает. Завтра отец нам обоим головы отрубит.

Давай скорее убежим.

Девушка один раз плюнула на лавку, второй раз плюнула на середину пола, третий раз — на порог, заперли дом и побежали. Утром старик встал и говорит:

— Ступайте позовите парня и младшую дочь венчаться.

Подошли к двери и говорят:

— Идите, отец вас венчаться зовет.

Плевок с лавки отвечает им:

— Подождите, мы только проснулись.

Пришли к старику и говорят:

— Они только еще встают, подожди.

Немного погодя старик опять посылает:

— Ступайте зовите их венчаться, теперь уж собрались, наверно.

С середины пола плевок ответил им:

— Оденемся и придем.

Пришли к старику и говорят:

— Оденутся и придут.

Старик опять подождал немного и говорит:

— Ступайте скажите им, чтобы быстрее приходили.

Третий плевок с порога отвечает:

— Входите, мы готовы.

Открыли дверь — никого там нет, дом пустой.

Рассказали старику. Он говорит:

— Ступайте догоните их. Чего на дороге найдете, принесите мне.

Пустились в погоню за ними. А парень с девушкой бегут и бегут домой. Девушка и говорит парню:

— Приляг к земле, послушай, не услышишь ли чего.

Лег парень на землю, послушал и ничего не услышал. Легла сама девушка и говорит:

— За нами погоня. Скоро настигнут. Я превращусь в старую корову, а ты в старого пастуха. Будут тебя спрашивать: «Не видал ли проходящих здесь парня и девушку?», скажи: «Когда эта корова была еще теленочком, а мне было только семь лет, тогда прошли около меня парень и девушка». Потом спросят: «Давно ли пасешь?» Ты ответишь: «Лет сто уж прошло». И сделалась девушка старой коровой, парень — старым-престарым пастухом. Корова пасётся на лугу, пастух сидит около нее, одежда ветхая-ветхая.

Подшли к ним гонцы и спросили:

— Не проходили ли мимо тебя парень с девушкой?

— Проходили, — говорит пастух, — когда эта корова была однолетним теленком, а мне было только семь лет.

— Давно ты пасешь здесь эту корову?

— Лет сто уж как пасу.

— Ну, у нас только вчера убежали, — ответили те и вернулись обратно домой. Девушка и парень опять превратились в людей и снова побежали. Вернулись гонцы к старику и говорят:

— Не нашли. Попалась только одна старая корова, старый-престарый пастух пасет ее, одежда изодрана и нос грязный. Мы спросили пастуха, не проходили ли мимо парень с девушкой. Он ответил, что проходили, когда корова была годовалым теленком, а ему было только семь лет. Корову эту он пасет уже сто лет.

Старик говорит:

— Эх, дураки, дураки! Это как раз они и были. Девушка была коровой, парень — пастухом. Ступайте опять за ними в погоню и, кого встретите на дороге, доставьте мне.

Они опять ушли. Девушка говорит парню:

— Приляг, послушай, не слышно ли чего.

Парень лег, послушал и говорит:

— Ничего не слышно.

Девушка сказала:

— Ну-ка сама послушаю.

Легла и говорит:

— Опять гонятся за нами, недалеко уж, вот-вот догонят. Я сделаюсь церковью, тебя сделаю старым попом. Если тебя спро-

сят гонцы, не проходили ли здесь парень и девушка, ты скажи: проходили, когда эту церковь я только начал строить. Двести лет уж прошло, как я служу здесь.

Вошли гонцы в церковь. Церковь пустая, служит в ней только один старый-престарый поп.

Гонцы спросили его:

— Не проходили здесь парень с девушкой?

— Проходили,— говорит поп,— когда я эту церковь только еще строить начал.

— Давно ты служишь в этой церкви?

— Двести лет уж как служу.

Вернулись они домой. Девушка и парень превратились опять в людей и снова побежали. Старик спрашивает гонцов своих:

— Ну, встречали что-нибудь?

Они отвечают:

— Встретили только ... церковь. В ней служит старый-старый поп. Спросили попа, не проходили ли мимо парень с девушкой. Он ответил: проходили, когда эту церковь он еще строил, а он уж двести лет как служит.

Старик говорит:

— Ох, дураки, дураки! Это ведь они были: церковь — девушка, поп — парень. На вас, значит, нечего надеяться, пойду сам поймаю! — встал и ветром помчался за ними.

Девушка говорит парню:

— Приляг, послушай, не слышно ли чего.

Парень лег, послушал и говорит:

— Ничего не слышно.

— Ну-ка сама послушай,— говорит девушка.

Легла, послушала и говорит:

— Отец сам за нами гонится, сейчас нас поймают. Я тебя превращу в озеро, сама превращусь в рыбу.

Превратила она парня в озеро, сама превратилась в рыбу. Дошел отец до озера, превратился в щуку и давай за рыбой гоняться. Только вот-вот схватить рыбу, как она ошетинится, и щука не отваживается проглотить ее. Гонялась, гонялась щука, устала и говорит девушке:

— Будь семь лет собакой! — сама превратилась в человека и ушла домой.

Озеро опять превратилось в парня, рыба — в собаку, и пошли они вдвоем. Дошли до села, где был дом парня. Собака говорит:

— Ты ступай домой, я останусь здесь. Мой отец проклял меня семь лет быть собакой, но я через семь дней превращусь в девушку, приду через семь дней к вам в дом, и повенчаемся. Только вот что скажу тебе: ты пойдешь домой, там есть у тебя две сестры. Всех поцелуй, только младшую сестренку не целуй, если ее поцелуешь — меня забудешь.

Ушел парень домой, собака осталась. Парню очень обрадовались дома. Он со всеми родными поцеловался, не поцеловал

только младшую сестру. Маленькая сестренка обиделась, заплакала и говорит:

— Почему, братец, меня не поцеловал, что плохого я сделала тебе?

Брату стало жаль сестренку. Он думает про себя:

«Я не забуду ее, поцелую сестренку». Взял и поцеловал, а как поцеловал — все позабыл, позабыл он и про свою девушку, с которой бежал от старика.

Отец с матерью задумали его женить. Подыскали ему невесту и через семь дней сделали свадьбу. Девушка превратилась в голубку, прилетела во двор к парню, села на журавль колодца и опять сделалась красивой.

Пошла за водой старшая сестра парня. Нагнулась к колодецу, чтобы воды зачерпнуть, увидела там отражение девушки и говорит про себя:

— Какая я красивая! Мне ли воду носить?!

Бросила ведра и пошла домой без воды.

Дома спросили:

— Почему ты воды не принесла?

Девушка говорит:

— Какая я красивая! Не стану я воду носить.

Пошла за водой младшая сестра. Тоже глянула в колодец, увидела отражение девушки и говорит:

— Я красивая, я хорошая, и мне ли воду таскать?!

Бросила ведра и ушла домой без воды. Дома спросили:

— А ты почему не принесла воды?

Сестра говорит:

— Я красивая, я хорошая, не буду воду носить!

Пошел за водой сам парень.

Глянул он в колодец, увидел отражение девушки и узнал ее. Девушка слезла с журавля, взялись они за руки и вместе с парнем вошли в дом. Парень прогнал из дому невесту, посадил около себя пришедшую сюда девушку, и стали гулять.

8. СУРАЛЯ

Эрясь-аштесъ Сура лангсо виртнесэ вейке охотник. Лемезэ ульнесъ Сураля. Вестъ Сураля тусь охотничамо. Мольсь, мольсь вирьганть, ваны — чувто прясо ашти орёл, нусманя, ансяк цяк аштеви. Сураля кепедизе чирькензэ¹ ды арси орёлонтъ ледемензэ. Орёлось варштась лангозонзо ды пшкадсь:

— Илямак леде, паро ломань, монськак тетъ маштован.

Сураля арси: «Иляк леде, сон кепедьсынзе сёлмонзо ды ливти». — Сонсь таго кепедизе чирькензэ. Колмоксть истя яла. Ансяк Сураля кепедьсы чирькензэ, орёлось карма энялдомо икелензэ. Меельсь пелев орёлось мери Суралянень:

¹ Чирьке — лук.

— Ёвтык, паро ломань, мезе теть эряви, мон тейса.

Суралья мери:

— Мон ломанесь мастор лангонь бедноян. Эряви тень аламо ули-паро, кулома малав паро эрямо. Орёлось мери тензэ:

— Тень мон тейса, ансяк аволь ней. Ней вант лангозон — сэредян, а ливтявангак. Андомак, виемтемак парынесть, мейле ливтятано теть ули-паронь вешнеме.

Саизе Суралья орёлонтэ эсензэ кудос ды кармась андомонзо. Андызе пель ие. Андсь тензэ кото букат ды мери:

— Эрьяга снартыка ливтямо, ули арась виеть?

Орёлось кепететьсь менельсь, чаравтсь тува, валгсь ды мери:

— Арась, аламо вием, а цидярдан васов ливтямо.

Суралья таго саизе эстензэ ды кармась андомонзо. Цела ие андызе. Орёлось сэвсь кемгавтово букат. Снартсь ливтямо. Виезэ яла аламо.

— Андомак, мери, таго, знярскак, мейле ливтятано.

Суралья таго кармась андомонзо. Таго ие андсь эйсэнзэ. Комсьнилее букат сэвсь орёлось. Мейле снартсь ливтямо. Валгсь ды мери Суральянень.

— Ней вием ламо. Озак лангозон, ливтятано.

Озась Суралья, ды ливтясть менель лангов. Зняронь тарка кепететьсь, натой мастороськак а неяви.

Орёлось кевкстизе Суральянь:

— Неят мезеяк?

— Неян ансяк ведь.

Орёлось саизе лангстонзо Суральянтэ ды ёртызе. Суралья кармась ливтямо ине ведьсь. Зняро ливтясь — а помнясы, ансяк вачкодевсь волна прятень, орёлось цопадизе ды таго ливтясь мартонзо верев. Кода кепететьсь пельтнеде верев, орёлось кевкстизе Суральянь:

— Пек тандадыть?

Суралья мери:

— Пек... эзинь арсе живстэ кадовомадо.

Орёлось тензэ мери:

— Монгак истя тандадынь, кода васенцеде кепедик лангозон чирькеть.

Седе мейле орёлось тусь Суралья марто седеяк верев. Тосо кевкстизе:

— Неят мезеяк?

— Неян кодат-бути пандт ды отьмат.

Орёлось саизе ды ёртызе сонзэ пандтнэнь ютксо отьмантень. Суральянь ёжозояк маштсь, знярс ливтясь, а содасы. Кармась прамо потмаксстомо отьмантень. Арсесь ёмамодо. Ансяк кармась потмаксонтень прамо, перьканзо отьманть стенатнева кельме ведь чудиль, се шкане орелось цопадизе ды ливтясь мартонзо менель лангов. Кода верев кепететьсь, кевкстизе Суральянь:

— Пек тандадыть, Сурань паро аля?

Суралья мери:

— Пек... истя знярдоак эзинь тандале.

Орѣлось мери тензэ:

— Мон истя тандадынь, кода омбоцеде кепедекшнык лангозон чирькеть.

Седе мейле саизе Суралянь ды тусь мартонзо седеяк верев. Тосо кевкстизе:

— Сурань паро аля, ней неят мезеяк?

Сураля мери:

— Неян ансяк толонь моря.

Орѣлось саизе Суралянь ды ёртызе толонь морянтень. Ежов-томо ливтясь Сураля. Ансяк чопавтовсь толонь кель прятненень, орѣлось цопадизе ды ливтясь мартонзо менель лангов. Сураля натой весе киртавсь. Менель лангсо орѣлось кевкстизе Суралянь:

— Пек тандадыть, Сурань паро аля?

Суралянь знярсья валозо эзь ёвтаво, мейле пшкадсь:

— А ёвтавияк кода тандадынь...

— Монгак истя тандадынь, мери орѣлось, кода колмоцеде кепедекшнык лангозон чирькеть. Ней адя теть ули-паронь вешнеме. Кирдть парьнестэ.

Ливтясть. Ливтясть чи, ливтясть кавто. Ютасть сизьгемень сисем масторонь трокс. Ливтить ине вирень трокс. Вансызь — ашти пижень кудо, менельс сэрэзэ. Чинть каршо а вановаткак лангозонзо. Орѣлось валгсь вейке ламо сядот несэ тумо пряс, тумось эзь цидярдо алонзо — сяворсь. Мейле валгсь сяворезь тумонть лангс ды мери Сураляненень:

— Азѣ совак те кудонтень ды мерть: «Мон тынк братонк пельс кулозьстэ виемтия. Мезе макстадо тень, невтьса тенк». Сынь кармить теть максомо ярмакт-мезть. Тон мезеяк иля сае. Вешик сыре бабань парьстэ гигерень паргинень.

Сураля совась кудонтень, тейсь истя, кода мерсь орѣлось. Сынь кармасть тензэ ярмакт-мезть максомо. Сон мезеяк эзь сае, мере тенст:

— Неть монень а эрявить, монень эряви сыре бабанк парьсэ гигерень вишка паргинесь.

Сынь мерить:

— Сайт мезе мелеть, ансяк паргинень а максынек киненьгак.

Сураля, энялдомаст лангс апак вано, лиссь ды мери орѣлонтень:

— Эзизь максо.

— Адя!— ранкстась орѣлось.

Озась Сураля орѣлонтъ лангс ды ливтясть седе тов. Ливтясть, ливтясть, орѣлось мери Сураляненень:

— Варштака удалов.

Сураля варштась. Се пижень кудонтъ таркасо масторсто менельс тол ды качамо: кудось палы.

Ливтясть, ливтясть, пачкодсть сиянь кудос. Те кудось тона-доак покш, весе сняжды, а вановаткак лангозонзо. Орѣлось

валгсь ды таго кучизе Суральянь кудонтень. Тесэяк эзизь максо тенст гигерень вишка паргиненть. Таго тусть ливтямо. Ливтямодост мейле те кудоськак палсь.

Ливтясть, ливтясть, пачкодсть колмоце кудос. Те кудось весе сырнень, чиденть пек сырежди. Орёлось мери:

— Азё совак, ёвтак тенст истя, кода ёвтыть васень кудосонтъ. Иля сае мезеяк кедьстэст, саик ансяк гигерень вишка паргиненть.

Суралья совась кудонтень. Ёвтась тенст истя, кода мерсь орёлось. Сынъ мерить:

— Аволь ансяк гигерень вишка паргиненть макссынек теть, макссынек весе ули-паронок, ансяк невтик минек братонок.

— Аштеде аламос,— мерсь Суралья ды лиссь ушов.

Мольсь орёлонтень ды ёвтась:

— Вана максызь тень вишка паргиненть. Ней мезть тейнемс?

Орёлось валгсь масторов ды теевсь цёракс. Мери Суральянень.

— Ней, Сурань паро ломань, азё кудов. Те паргинесь максы теть ламо ули-паро. Ансяк кудов молемазот иляк панжо. Минь ливтинек неде ламо. Модемс теть васов. Истя вана.

Нетъ валтнеде мейле цёрась совась сырнень кудонтень. Суралья тусь кудов. Кавтошка иеть яла мольсь, кодаяк а пачкоди. Сизесь, гигерень паргиненть лангс натой кежензэяк састъ. Зняро тандалема тандалесь кисэнзэ, лезэ арась пельдензэ. Вана малав кармасть пачкодеме. Ведьгеменьшка вайгельбетъ кадовсть эсензэ кудонтъ видьс. Моли вирьга, эзь кирде седеезэ, мери: «Мекс сон эзь мере паргиненть панжомодо? Аштек, ужо панжса».

Панжизе. Кода кармасть лисеме паргинестэнтъ: ошт, заводт, фабрикат, тракторт плугнэк-мезнек, комбайнат, автомобильть, аэроплант ды лият эрва кодат машинат. Азё вешнек, мезть те-евсть перьканзо. Зэртъ моли, весе масторось сорны. Заводт роботыть, аэроплант ливтнить, тракторт сокить, автомобильтне прок азаргадозь артнить. Вейке шоферэсь машинанть лангозонзо натой ветякшнызе. Иретьстэ ульнесь. Милицияв натой саизь а ваноманть кис. Штраф пандовтсть кедьстэнзэ. Ней содасы кодамо симемась. Суралья ваны ды арси: «Стяко майсинь. Ёмась вирь куншкас весе парось. Мольсь чувто курос ды кармасть арсе-ме седе, кода седе курок совавтомс сынст гигерень паргинентень. Се шкане мольсь ваксозонзо аatine ды мери:

— Мезде арсят, Сурань паро аля?

Суралья мери тензэ:

— Кода а арсян. Вант зняро улим-паром ёмси вирьс, кодаяк а совавтови тень вана те паргинентень.— Сонсь невтсь вакссонзо панжадо аштиця паргиненть лангс. Атинесь мери тензэ:

— Мон совавтса весе те паронть паргинентень, ансяк алтык тень сень, мезде тонсь кудосот а содат.

Суралья арсезевсь: «Мезде мон а содан? Весе содасынь. Меземгак истямо арась, конась бу аволь леде мелезэнь». Мери атянтень.

— Паро эно, алтаса.

Атясь таргась зепстэнзэ конёв панкске ды сёрмадовтсь Суралянь кедьстэ истя: «Мезде кудосо а содан, се улезэ тонь». Ды теде мейле Сураля сёрмадызе фамилиянзо. Атясь саизе те конёвонть ды путызе зепезэнзэ. Улись-парось весе, зняро ульсь, пурнавсь гигерень паргинентень. Сураля пекстызе паргиненть ды тусь кудов.

Пачкодсь эсензэ кудонть ваксс. Панжизе паргиненть. Тосто лиссть: ошт, заводт, фабрикат, тракторт, комбайнат, автомобильт, аэроплант ды эрва мезть. Сураля варштась эсензэ кудонть лангс, ашти прок каладо баня. Вешсь паргиненть кедьстэ седе паро кудо. Куроксто теевсь тензэ кудо, менельс сэррезэ. Совась кудов. Низэ пек кецязь вастызе. Весе кенярдозь пурнавсть перьканзо. Низэ палызе ды мери:

— Тонь туемадо мейле, Сураляйкай, минек цёранок чачсь. Лем тензэ путынек Пандай. Молян туса,— сонсь чиезь ношкстась эйкакшонть кис.

Зуйк мерсь Суралянь седеезэ. «Вана мезде, мери, мон эзинь сода». Пряно нолдызе ды нусманясто ашти. Низэ сась эйкакшонть марто ды кевкстизе:

— Тон истя мекс пек нусманят?

Сураля мери:

— Истя, истя, мазый полам, мон Пандаень алтыя вейке атянень, конась лездась тень гигерень паргиненть пекстамсто.

Низэ мери:

— Мезе ней теемс? Иля ризнэ. Пандай минек пек виев ды превей, сон киненьгак пряно нарьгамс а макссы.

Седе мейле знярыя не эрясть, мезеяк арасель. Мейле Суралянь лемс сась сёрма. Тосо сёрмады атясь:

— Кучик цёрат. Шкась сась.

Сураля ёвтась цёрантень. Пандай мери аванстэнь:

— Костяк, авай, тень кошксеть, туян тюреме, сизьгемень сисем масторонь ютамо.

Пурнызь-сэрнизь Пандаень, ды тусь сон се вирьганть, ков мерсь тетязо. Мольсь, мольсь, ве недля мольсь, кавто, колмо. Пачкодсь вирь куншкасо вишка кудынес. Совась се кудынентень. Тосо ансяк мазый тейтерь. Кодак Пандай совась, кевкстизе:

— Мезть якат, мазый паро аля? Ков молят?

Пандай мери:

— Молян тов, ков тетям алтымим.

Тейтересь мери:

— Содаса, ков модемка теть. Стака кить. Тон вана мезть тейнек. Молят, молят, вирьганть, пачкодят покш кудос. Те кудонть перька пире. Те пиренть эрва колиянтъ прясо сялгозь кулозь ломанень пря. Сестэ иля тандадо. Кода молят малазост, кармак кортамо: «Те аволь монь тетям, те аволь монь тетям». Кода пачкодят меельсентень, сенень мерть: «Те монь тетям». Ней мадть ды оймсек валскес.

Валске стясь Пандай ды тусь се кияванть, кува мерсь тензэ тейтересь. Пачкодсь кудонть малас. Кода неинзе прятнень, натоу тандадсь. Мольсь малазост ды кармасть кортамо:

— Те аволь монь тетясь, те аволь монь тетясь.

Кода пачкодсь меельсентень мерсь:

— Те монь тетям.

Прясь мери тензэ:

— Содавинь тетя! Те паро. Тень эйсэ вейке покш задача топавтыть. Теде башка вана мезть тейнек. Несак оно се пандонть ды пандонть лангсо виренть?

— Неса,— мери Пандай.

Прясь мери:

— Азё ве вес се виренть керик, пенькатнень тарксить ды видть суро. Се суронть нуик, пивсык, понжавтык, яжавтык, вачкак каштомо, почтнэнь эйтэ пидек сукоро ды кандык монень.

— Тейса,— мерсь Пандай ды нусманясто тусь тейтерентень, кона тонавтызе сонзэ прянтъ муеме.

Кодак мольсь, тейтересь чарькодсь эйзэнзэ ды кевкстизе:

— Мезть таго якат тия? Мекс пек нусманят.

Пандай ёвтизе, мезть тензэ мерсь прясь.

Тейтересь мери:

— Иля ризнэ. Валскес весе анок карми уleme.

Ацась тарка. Пандай мадсь. Тейтересь яходсь пачинесэ, ды весе тевесь теевсь: виресь керявсь, пандось сокавсь, каштомось вачкавсь, сукорось пись. Сон нардамосо вельтизе ды учи прянтень молема шканть. Сась шкась. Пандай стясь, саизе сукоронть ды тусь прянтень.

Прясь кодак неize, мери:

— Курок теик. Докат алясь. Ней вана мезть тейнек. Вана тесэ улить сисем пандт, менельс сэрест. Се пандтнэнь ало монь кото несэ айгором. Азё таргик се айгоронть ды тонавтык.

Те айгорось ульнесь се шайтяносъ, конанень Пандаень алтызе тетязо. Пандаинень таго а мезть тейнемс. Таго мольсь тейтерентень. Ёвтизе тензэ мезть мерсь прясь. Тейтересь мери:

— Те тевесь пек стака. А содан, кода теемскак. Вана мезе... бути сайсамак никс, тейса те тевентькак, бути а сайсамак, а тейса.

Пандай кенярдозевсь. Сонзэ мельс умок тусь те тейтересь. Мери тензэ:

— Аволь а сайтян, вейке вакс знярдожак эйтэть а кадован.

Седе мейле тейтересь симдизе Пандаень та-кодамо ведте. Сон теевсь пек виев ломанькс. Тейтересь комась аксялов, таргась тосто сизыгемень пондонь сталмосо кшнинь цётмар ды максызе цётранть. Пандай саизе, варштызе ды мери:

— Те аволь стака.

Тейтересь таргась сядо сизыгемень сисем пондонь сталмосо цётмар ды мери:

— Варштыка тень.

Пандай саизе ды мери:

— Те вана паро. Тень эйсэ яжан сядо пандт.

— Иля капша прянь шнамо. Айгороськак виев,— мерсь тейтересь ды ильтизе Пандаень се сисем пандтнэнь вакс.

Пандай кодак лоштинзе кото пандтнэнь, истяк човаркс те-евсть. Кодак лоштинзе кадовикс пандонть, айгорось лиссь тосто ды лангозонзо. Пандай кодак сыртинзе цётмарсонть коня ланга, айгорось прась. Омбоцеде кодак вачкодизе,— айгорось кулось. Сон путызе цётмаронть айгоронть лангс ды ношкстась тейтерентень. Тейтересь мери:

— Ней адя оргодтяно, пурнавиньдеряйт лелянзо ды братонзо, минек панксонь-панкс сезнесамизь.

Седе курок оргодсть. Прась чарькодсь братонзо маштомантень. Вакссонзо аштиця прятненень мери:

— Азёдо кундынк, маштызе братонок.

Неть ёжовтомо ношкстась тейтерентень кудонтень. Чийсть, сынъ арасть. Мольсть мекев ды мерить эсест покшонтень:

— Кавонест арасть.

Покшост кежейстэ ранкстась лангозост:

— Азёдо седе курок, кундынк ды ветинк монень!

Весе ношкстась, теке азаргадозь. Ардыть вирень-вирень пачк, пандонь-пандонь трокс, весе масторось зэрни ардомадост.

Тейтерентень марто Пандайт чийсть, чийсть, тейтересь мери:

— Мазый паро аля, мон маряса минек мельга панить. Мон тееван покш килейкс, тон тееват вирень ваныця атакс. Бути кевкстядызь: «Нееде эзиде истят ломанть»,— сестэ мерть каршоност: «Неень сестэ, знярдо путыя вана те килеенть».

Тейтересь теевсь килейкс, Пандай — вирень ваныця атакс, кедьсэнзэ узерне, яки вирьганть ды цяпой алдо аштиця тараткетнень. Ардсть мельгаст паницятне ды кевкстизь атянтъ:

— Эзить нее тия ютамодо од тейтерь ды од цёра?

Пандай ёвтась теист истя, кода мерсь тейтересь. Сынъ велявтась ды ношкстась мекев. Пандай ды тейтересь таго ношкстась.

Покшост туртов вешницятне ёвтасть:

— Эзть сасаво. Неинек ансяк сыре килей ды вирень ваныця сыре атя.

— Неть сынъ ульнестъ!— ранкстась покшост.— Азёдо мельгаст. Мезе понги кинк лангс, сайнк ды туинк монень.

Сынъ таго ношкстась. Тейтересь таго маринзе, мери Пандайнень:

— Таго панить мельганок. Мон ней тееван пандокс, тон — крысакс. Бути кевкстядызь, мерть: «Мезеяк эзинь нее».

Тейтересь теевсь пандокс, Пандай — крысакс. Сасызь. Кевкстизь крысанта, сон мери:

— Мезеяк эзинь нее.

Тусть таго мекев. Ёвтасть покшонтень. Сон мери:

— Неть сынъ ульнестъ. Стяко эзинк сае!

Пурнынзе-сэрнинзе весе апаро виензэ ды ношкстась сонсь
Пандай марто тейтеренть мельга. Тейтересь таго маринзе. Мери
Пандайнень:

— Таго панить мельганок. Ней сонсь, покш братост сыргась
сасамонок. Мон тееван лейкс, тон — леентень калокс. Сынъ ко-
дак пачкодить леентень, алашаст кармить симеме. Тон се шкане
мольть эрва алашанть икелев ды мерт: «Алаша сезевть».

Тейтересь теевсь леекс, Пандай теевсь калокс. Пачкодсть
леентень мельгаст паницятне, алашатне празь прасть ведентень
ды кармасть симеме. Калось уи алашанть икелев ды мери:
«Алаша, сезевть».

Кодак истя мери, алашась прок сэря сезеви.

Истя сезневтинзе весе алашатнень. Весе кадовсть ялго. Сестэ
прятнень покшось чавсь, чавсь пря, мезеяк эзь тее. Мейле мери:

— Докатадо тейтертне-цёратне. Эзиде понго монень сэвемс.
Азёдо эрядо шумбрасто.

Сонсь пурнызе весе виензэ ды тусь мекев кудов. Сынъ те-
евсть мекев ломанькс ды тусть цёранть кудов. Кода пачкодсть
кудонть малав, тейтересь мери Пандайнень:

— Молемадот мейле весе радовить эйзэть. Тонь якамо
шканть ютамс чачсть теть колмо сазорт. Весемень палыть, ансяк
покш сазоронть иляк пала. Палындерясак, стувтсамак монь.

Цёрась сась кудов. Весе кенярдозевсть эйзэнзэ. Весемень
палынзе, ансяк эзизе пала покш сазоронзо. Чокшне Пандай
мадсь, тейтересь, покш сазорозо, мольсь ды палызе. Валске Пан-
дай стясь, тейтеренть, конань марто оргодсь, стувтызе. Кизэнь
перть эрясь кудосо, мелезэнзэ эзь ледне тейтересь, конань ал-
тась никс саеманзо.

Весть сёксня, пек якшамо шкане, вейке баняс совасть колмо
цёрат ды колмо тейтерть. Ве цёрась ульнесь Пандай. Тейтертне
аламос раксесть-тейсть, кавотне лиссть ды тусть. Кадовсть
колмо цёрат ды вейке тейтерь. Ве цёрась мери:

— Конанок туртов молят никс?

Тейтересь пейдезевсь ды мери:

— Хоть конанень молян, ансяк вана мезть тейнеде. Мон
путса сурксом тинге пиресэ авуния ямас. Конанк кандсы тень те
сурксонть, сенень молян никс.

Цёратне сайсть палка ды каясть. Пандайнень сатотсь модемс
весемеме мейле. Модемс ульнесь вень куншкава. Икелев мольсь
се цёрась, конанень сатотсь прясь. Совась авунянтень, тосо чо-
пода, сельмс нерькстак а неят. Кодак совасть, та-кодат ло-
манть кундызь, нельгизь понксонзо-панаронзо ды кармасть
цилигасо ваткамонзо. Цёрась тестэнь-тостонь менсь ды ёжовто-
мо ношкстась кудов.

Мольсь тензэ ялгазо, кевкстизе:

— Кода? Кандык сурксонть?

— Арась, — мери ялгазо, — мезе-бути тандавтымим. Чаво-
манть эзизе ёвта.

Мольсь авунянтень омбоцесь. Теньгак истя ваткизь кутьмерензэ. Сонгак ёжовтомо кудов чийсь. Парсте «урьвакстызь». Сатотсь модемс Пандайнень. Сон мольсь ялгантень, кевкстизе:

— Кандык тензэ сурксонтъ?

— Арась,— мери ялгась,— тандавтымим мезе-бути.

Тусь Пандай сурксонтъ кис. Совась авунянтень, ваны, сурксось жаркс палы, весе авунясь валдомсь эйстэнзэ. Мольсь сурксонтень, кармась саеманзо, кодаяк а кепедеви тензэ. Се шканть кирнявтсть лангозонзо та-кодат стакат ды кармасть лепштямонзо. Пандайнень а тей, а тов, а сырк а сарк тееви. Сестэ арсезевсь:

— Улевельгак ней се тейтересь, конань марто оргодинек....

Ансяк истя мерсь, сеск нолаштсь лангстонзо сталмось, ды саизе сурксонтъ. Чийсь банянтень, ваны: ашти икелензэ се тейтересь, конань марто оргодсть прянтъ экшстэ. Пандай каявсь кирьгазонзо ды максызе тензэ авунястонть саевть сурксонтъ.

— Меринь: иляк пала покш сазорот,— мери тейтересь,— ванат, знярс эзинь ледне мелезэть.

Банястонть лиссть ды тустъ цёрантень. Чинь-кавтонь ютазь тейсть свадьба. Урьвакстсь Пандай. Монгак тосо ульнинь, синь мелем модемс, нейгак натой прям сэреди.

8. СУРАЛЯ

Жил-был в сурских лесах один охотник. Звали его Сураля. Ушёл однажды Сураля на охоту. Шёл, шёл по лесу, видит — на верхушке дерева орел сидит, еле держится, грустный такой. Сураля поднял лук — орла застрелить хотел. Но орел поглядел на него и сказал:

— Не убивай меня, добрый человек, я тебе пригожусь.

Сураля думает: «Не застрели его, он поднимет крылья и улетит». Опять он поднял лук. И так трижды он делал. Только Сураля поднимет лук — орел начнет умолять его. Наконец орел говорит Сурале:

— Скажи, добрый человек, чего тебе надо? Я выполню твоё желание.

Сураля отвечает орлу:

— Я на земле бедный человек. Нужно мне немного добра, на старости лет жизнь хорошую.

Орел говорит ему:

— Это я сделаю, но только не теперь. Сейчас я болею, лететь не могу, дай набраться сил, потом полетим за добром для тебя. Взял Сураля орла к себе в дом и стал кормить его. Кормил орла полгода. Искормил ему шесть быков и говорит:

— Ну-ка, попробуй взлететь, есть ли у тебя теперь сила?

Орел поднялся в небо, сделал круг, спустился и говорит:

— Нет, еще слаб я, не выдержу — далеко лететь.

Опять взял его Сураля и стал кормить. Целый год кормил орла. Тот двенадцать быков съел. Попробовал лететь — силы все еще мало.

— Корми,— говорит орел,— опять сколько-нибудь, потом полетим.

Сураля опять стал кормить орла. Целый год кормил его. Двадцать четыре быка съел орел. Потом попробовал взлететь. А когда спустился, говорит Сураля:

— Теперь силы у меня много. Садись на меня, полетим.

Сел Сураля, и они полетели к небу. Поднялись так высоко, что и земли не видать.

Орел спросил Суралю:

— Ты видишь что-нибудь?

— Вижу только воду.

Орел взял и сбросил с себя Суралю. Тот полетел в океан. Сколько летел — не помнит, только ударился о волну, схватил его орел и опять полетел с ним вверх. Когда поднялся орел выше облаков, спрашивает Суралю:

— Ты очень испугался?

Сураля отвечает:

— Очень... не думал живым остаться.

— И я так же испугался, когда первый раз ты на меня лук поднял,— говорит орел.

Затем орел с Суралей поднялся еще выше, спросил Суралю:

— Ты видишь что-нибудь?

— Вижу какие-то горы и пропасти.

Орел взял и бросил его туда.

Сураля даже сознание потерял. Сколько летел — не знает. Стал падать в бездонную пропасть. Думал, умрет. Только стал приближаться ко дну, а там по стенам с гор пропасти вода холодная текла, в это время орел снова схватил Суралю и полетел с ним в небо. Как поднялся вверх, спросил Суралю:

— Ты очень испугался, Сураля?

Сураля ему отвечает:

— Очень, так никогда ещё я не пугался.

Орел отвечает Сураля:

— И я так же сильно напугался, когда ты второй раз поднял на меня свой лук.

После этого орел с Суралей полетели еще выше. Там спрашивает его:

— Добрый молодец Суры, теперь ты видишь что-нибудь?

Сураля говорит:

— Я вижу только огненное море.

Сбросил орел Суралю в огненное море. Без памяти летел Сураля. Только было окунулся он в огненные языки, орел схватил его и полетел с ним вверх. Сураля даже весь обгорел.

Орел спросил Суралю:

— Очень испугался, добрый Сураля?

Сураля долго не мог вымолвить слова, потом сказал:

— И сказать нельзя, как я испугался.

— И я так испугался,— говорит орел,— когда ты третий раз поднял на меня лук. Теперь полетим тебе богатство искать. Держись хорошенько.

Полетели они. Летят день, летят два. Пролетели через семьдесят семь стран. Видят — стоит медный дом, вышиной до неба. Против солнца и смотреть на него нельзя. Спустился орел на верхушку одного столетнего дуба, дуб не выдержал, свалился. Сел орел на сваленный дуб и говорит Сурале:

— Ступай войди в этот дом и скажи: «Я вашего брата от смерти спас. Что мне дадите, покажу его вам». Они тебе будут деньги и еще что-то давать, ты ничего не бери. Проси у них берестовый кузовок старой бабушки.

Вошел Сураля в дом и сделал так, как велел ему орел. Они стали давать ему деньги и еще что-то. Но он ничего не взял и сказал им:

— Мне этого ничего не нужно, мне нужен маленький берестовый кузовок старой бабушки.

Они говорят:

— Что хочешь, возьми, но кузовок мы никому не дадим.

Несмотря на их просьбы, Сураля ничего не взял, вышел и говорит орлу:

— Не отдали.

— Полетим!— крикнул орел.

Сураля сел на орла, и они полетели дальше. Летели, летели, орел говорит Сурале:

— Посмотри-ка назад.

Сураля посмотрел. На том месте, где был медный дом, виднелся от земли до неба огонь и дым: горел дом.

Летели, летели они, долетели до серебряного дома. Дом этот был больше первого, весь сияет, даже смотреть нельзя на него. Орел спустился и опять послал Суралю в дом. Здесь тоже не отдали ему маленький берестовый кузовок. Опять полетели. А после того, как они улетели, и этот дом сгорел.

Летели, летели они, прилетели к третьему дому. Дом этот был весь золотой, сияет сильнее, чем солнце.

Орел говорит:

— Иди, войди. Скажи им так же, как говорил в первом доме. Ничего не бери у них, только возьми маленький берестовый кузовок.

Сураля вошел в дом. Сказал так, как велел орел. Ему отвечают:

— Не только берестовый кузовок, отдадим тебе все наше добро, только покажи нашего брата.

— Подождите немного,— сказал Сураля и вышел на улицу.

Подошел он к орлу и сказал:

— Вот дали мне этот берестовый кузовок. Теперь что делать?

Орел спустился на землю и превратился в парня. Говорит он Сураля:

— Теперь, Сураля, добрый человек, ступай домой. Этот кузовок даст тебе много добра. Только в пути его не открывай. Мы летали с тобой больше года. Идти тебе далеко. Иди и живи себе на здоровье.

После этих слов парень вошел в золотой дом, а Сураля пошел домой. Почти два года шел Сураля, никак не дойдет. Устал и даже рассердился на кузовок. Сколько страху перенес, а пользы от него нет.

Вот стал приближаться к дому.

Верст пятьдесят еще осталось. Идет Сураля лесом, не терпится ему посмотреть, что в кузовке.

«Почему он не велел мне открывать кузовок? Подожди, уже открою», — думает Сураля.

Вечером он открыл кузовок — и вдруг из него стали выходить города, заводы, фабрики, трактора с плугами, комбайны, автомашины, аэропланы и всякие другие машины. Чего только не появилось вокруг него! Грохот раздается, вся земля дрожит. Заводы работают, аэропланы летают, трактора пашут, автомобили как бешеные скачут.

Сураля глядит и думает:

— Даром маялся. Пропало в лесу всё добро. Как же теперь собрать в кузовок?

В это время подошел к нему старичок и говорит:

— О чём задумался, добрый человек Суры?

Сураля отвечает ему:

— Как мне не думать? Вот сколько моего добра пропадает в лесу, никак не могу собрать его вот в этот берестовый кузовок. Сам показал на рядом стоящий с ним раскрытый кузовок.

Старик говорит ему:

— Я соберу все это добро в кузовок, только ты обещаю мне то, о чем ты не знаешь в доме.

Сураля задумался: «О чем в доме я не знаю? Всё знаю. Ничего у меня такого нет, о чем бы я не вспомнил».

Сам говорит старику:

— Ну, хорошо, я обещаю тебе.

Старик вынул из кармана клочок бумаги и велел Сураля написать так: «О чем в доме не знаю, то пусть будет твое» и внизу подписать свою фамилию.

Старик взял эту бумажку и положил в карман. Всё добро, сколько было, уложилось в берестовый кузовок, Сураля закрыл его и пошел домой.

Подошел он к дому, раскрыл кузовок. Оттуда вышли заводы, фабрики, трактора, комбайны, автомобили, аэропланы и многое другое.

Поглядел Сураля на свой дом — он стоит, как разваленная баня. Попросил у кузовка дом получше. И вдруг появился дом

вышиной до неба. Вошел Сураля в него. Жена и родные очень обрадовались ему.

— После твоего ухода, Сураля, у нас родился сын. Назвали его Пандай. Пойду позову его,— и побежала за ребенком.

«Вот о чем я не знал!» Мурашки пробежали по телу Сурали. Повесив голову, сидит унылый Сураля.

Вошла жена с ребёнком и спросила:

— Почему ты такой грустный?

Сураля ответил:

— Я Пандая обещал одному старику, который помог мне этот берестовый кузовок закрыть.

Жена говорит:

— Теперь ничем не поможешь. Не горюй. Пандай наш очень сильный и умный, он никому себя в обиду не даст.

Прожили они после этого несколько лет, ничего не случилось. Потом на имя Сурали пришло письмо.

— Посылай сына, время настало,— пишет в нем старик.

Сураля обо всем случившемся рассказал сыну.

Пандай говорит матери:

— Насуши мне, мама, сухарей, я пойду бороться, через семьдесят семь стран пройду.

Собрали Пандая, и он пошел в тот лес, куда велел отец. Шел, шел он одну неделю, другую, третью. Дошел до маленького лесного домика. Вошел в него. Там сидит только одна девушка, да такая красивая. Как вошел Пандай, она спросила:

— Ты куда идешь, красивый парень?

Пандай говорит:

— Я иду туда, куда меня отец обещал.

Девушка говорит:

— Знаю, куда надо идти тебе. Тяжела твоя дорога. Ты вот что сделай: по дороге в лесу встретится тебе большой дом. Вокруг этого дома забор, а на каждый кол воткнута голова мертвеца. Ты не пугайся. Как подойдешь поближе, скажи: «Это не мой отец, это не мой отец». А как дойдешь до последней головы, скажи: «Это мой отец». Затем ложись и отдыхай до утра.

Утром встал Пандай и пошел по той дороге, по которой ему велела идти девушка. Дошел он до дома. Как увидел Пандай головы мертвецов, испугался. Стал подходить поближе — говорит: «Это не мой отец, это не мой отец». А дойдя до последней головы, сказал:

«Это мой отец».

Голова отвечает ему:

— Узнал меня! Это хорошо. Теперь ты вот что сделай: видишь вот эту гору и на горе лес?

— Вижу,— отвечает Пандай.

— Иди, в одну ночь вырубь этот лес, пеньки выкорчуй и посеи хлеб. Этот хлеб сожни, обмолоти, провеи, смели, сложи печь. Из муки испеки лепешку и принеси ее мне,— говорит голова.

— Сделаю,— сказал Пандай и печальный ушел к девушке, которая научила его разыскать голову.

Как пришел он, девушка спросила его:

— Почему ты такой грустный?

Пандай рассказал ей, что велела сделать голова.

Девушка говорит:

— Не печалься, ложись спать, к утру все будет готово.

Пандай уснул.

Девушка вышла на крыльцо, махнула платочком, и всё было сделано: лес вырублен, гора вспахана, печка сложена, лепешка испечена. Накрыла девушка лепешку полотенцем и стала выжидать, когда надо идти к голове. Время настало. Проснулся Пандай, взял лепешку и пошел с ней к голове.

— Быстро ты сделал. Толковый парень,— говорит голова.— Теперь вот что сделай: вот здесь есть семь гор, высотой до неба. Под этими горами у меня есть шестилетний жеребец. Иди освободи этого жеребца и обучи его.

А жеребец был тот черт, которому отец обещал Пандаю. Нечего делать Пандаю. Опять он пошел к девушке. Рассказал ей, что велела сделать голова.

Девушка говорит:

— Это дело очень трудное, не знаю, как сделать. Вот что... если ты возьмешь меня замуж, сделаю и это дело, не возьмешь — не сделаю.

Пандай обрадовался. Ему давно нравилась эта девушка.

— Не только не возьму, но и на один вершок от тебя никуда не отстану.

Девушка напоила Пандаю какой-то водой — и он сделался очень сильным человеком. Девушка нагнулась под лавку, достала оттуда семидесятипудовую железную палку и подала ее парню. Пандай взял ее, приподнял и говорит:

— Эта не тяжелая.

Тогда девушка достала стосемидесятисемипудовую палку:

— А эту подними-ка.

Пандай поднял и говорит:

— Вот эта хорошая. Ей я разобью сто гор.

— Не торопись хвалиться. Жеребец тоже сильный,— сказала девушка и проводила Пандаю к этим семи горам.

Пандай как ударил по шести горам, так в песок они превратились. Как ударил он последнюю гору, вышел оттуда жеребец и бросился на него. Пандай как ударил его палкой по лбу — жеребец упал. Вторично как хватит — жеребец издох. Пандай положил палку на жеребца и побежал к девушке. Девушка говорит:

— Теперь надо бежать. Если соберутся дяди и братья, они нас в ключья разорвут.

Парень и девушка быстро побежали. Голова догадалась об убийстве брата.

Рядом сидящим головам говорит:

— Идите поймайте его, он убил нашего брата.

Головы во весь дух пустились к девушке в дом. Прибежали — ни парня, ни девушки нет. Вернулись они к старшему.

— Ни парня, ни девушки нет в доме.

Старший рассердился, закричал на них:

— Бегите быстрее, поймайте их и приведите ко мне!

Головы еще быстрее побежали. Скачут через города, леса, горы, вся земля дрожит от их скачки.

А Пандай с девушкой далеко убежали и все еще бегут, бегут. Вдруг девушка и говорит Пандаю:

— Красивый, хороший парень, я слышу, за нами гонятся. Сейчас я превращусь в большую березу, а ты сделаешься лесником-стариком. Если спросят тебя: «Не видел ли таких-то, таких-то людей», то скажи им: «Видел давно, когда сажал вот эту березу».

Девушка превратилась в большую березу, а Пандай — в лесника, в руках топорик, ходит по лесу и подрубает сухие сучья.

Прискакали погонщики и спрашивают старика:

— Не проходили ли здесь девушка с парнем?

Пандай ответил им так, как велела девушка. Так ни с чем и пошли они домой.

Приходят, старшему голове рассказывают:

— Не догнали. Видели только старую березу да лесника-старика.

— Это они были! — закричал старший. — Бегите за ними. Кого встретите по дороге — ведите ко мне!

Опять побежали вдогонку. А старик и береза превратились в парня и девушку и еще дальше убежали. Вдруг девушка снова услышала топот и говорит Пандаю:

— Опять за нами погоня. Теперь я сделаюсь горой, а ты крысой. Если спросят, видел ли ты парня с девушкой, ответь: «Ничего не видел».

Только девушка сделалась горой, а Пандай крысой, как подбежала погоня, спросила крысу, не видела ли она кого-нибудь. Крыса ответила:

— Ничего не видела.

Ушли опять к старшему, рассказали обо всем.

— Это они были! Напрасно не взяли! Это они были! — закричал старший. Собрал он всю свою нечистую силу и побежал за Пандаем и девушкой. Девушка опять услышала. Говорит Пандаю:

— Слышу топот, за нами погоня, теперь сам старший брат гонится. Сейчас я сделаюсь рекой, а ты рыбой. Как они подойдут к реке, их лошади станут пить. В это время ты подплыви к каждой лошади и скажи: «Лошадь, лопни!»

Девушка превратилась в реку, Пандай в рыбу. Доехали го-

нящиеся до реки, лошади стали пить. Пандай-рыба подплывает к лошади и говорит: «Лошадь, лопни!» Как только скажет так, лошадь, как желудь, лопаётся надвое. Так полопались все лошади. Как ни бился старший брат из голов, ничего не мог сделать.

— Хитрые вы, дочка с парнем. Не попались мне на съедение. Идите, живите на здоровье,— сказал он.

А сам собрал всю свою силу и ушел обратно домой. Девушка с парнем опять превратились в людей и отправились к парню домой. Как дошли они до дома, девушка говорит Пандаю:

— Твоему приходу все обрадуются. После твоего ухода родилось у вас три сестры. Ты всех поцелуй, только старшую сестру не целуй. Если ты поцелуешь ее — забудешь меня.

Парень пришел домой. Все обрадовались ему. Всех поцеловал Пандай, только не поцеловал старшую сестру. Вечером Пандай уснул, а девочка, старшая сестра, подошла и поцеловала его. Утром Пандай проснулся и девушку, с которой прибежал, забыл. Все лето жил он дома и ни разу не вспомнил ее.

Однажды в один из холодных осенних дней в баню пришли три девушки и три парня. Среди них был и Пандай. Девушки пошутили немного, затем две ушли. Остались три парня и одна девушка.

Один парень говорит:

— Ты за кого из нас замуж выйдешь?

Девушка улыбнулась:

— Хоть за кого пойду, только вот что сделайте. Я положу свое кольцо на гумне в овинную яму, кто принесет его мне, за того я и выйду замуж.

Парни взяли палку и поканалась. Пандаю самым последним досталось идти.

Идти надо было в полночь. Вот пошел один из парней. Вошел он в овин — там темно, глаз выколи — не видать. Только вошел, схватили его какие-то люди, стащили с него штаны, рубашку и стали его хлыстать чилигой. Парень еле-еле вырвался и прибежал домой.

Пришел к нему товарищ, спрашивает:

— Ну как? Принес кольцо?

— Нет,— говорит он,— кто-то напугал меня.

О том, что его били, умолчал. Пошел в овин и второй парень. Его тоже исхлыстали по спине, он тоже еле добежал до дома.

Последним пришлось идти Пандаю. Пришел он к товарищу и спрашивает:

— Принесли кольцо?

— Нет,— говорит товарищ,— напугал меня кто-то.

Ушел Пандай за кольцом. Вошел он в овин. Глядит — кольцо жаром пылает, вся яма осветилась от него. Подошел к кольцу, хотел взять его, никак не поднимет. В это время на шею накинулись какие-то люди и стали давить его. Пандай ни туда ни

сюда шелохнуться не может. И вдруг подумал: «Была бы теперь рядом та девушка, с которой мы убежали».

Только он так подумал, тут же сошла с него тяжесть, и он взял кольцо. Побежал в баню, глядит — стоит перед ним та девушка, с которой он бежал. Пандай отдал ей взятое им из овина кольцо.

— Говорила тебе, не целуй старшую сестру, — говорит девушка. — Видишь, сколько времени не вспоминал меня.

Вышли они из бани и пошли к парню в дом. Вскоре и свадьбу справили. И я там был, пил, пока не надоело, даже и теперь голова болит.

9. СΙΑ ПЕЙНЕ ТЕЙТЕРНЕ

Эрить-аштить атят-бабат кавонест. Арасть сынст а эйдест, а какшост. Тусь атясь вирьга якамо. Якась колмо иеть ды сыр-гась кудов.

Якась-пакась, сась симемазо. Ваны — ведь чуди. Комась сон веднеде симеме. Ведява кундызе сакалодо ды а нолды эйсэнзэ. Сон кармась тензэ энялдомо:

— Кие кундымим, нолдамак, ули кудосо сисем иесэ айгором, максса теть.

Ведявась мери:

— А эряви айгорот. Алтык, мезде а содат — нолдатан.

Атясь таго мери:

— Улить кудосо сисем утомон, пешксетъ сюродо — любовью утомонтъ максса теть, нолдамак!

Ведявась мери:

— А эряви утомот. Алтык, мезде а содат — нолдатан.

— Сисем ведь ланга ведьгевень — любовью ведьгевентъ макса теть — нолдамак!

— А эрявить ведьгеветь. Алтык, мезде а содат — нолдатан.

Атянтень а мезе теемс, — Ведявась а нолды эйсэнзэ, — сон и мери:

— Улезэ эно теть, мезде а содан.

Ведявась нолдызе.

Атясь сась кудов. Кодак пачкодсь орта лангс, лиссь каршо-зонзо колмо иесэ тейтерезэ, поведевсь кирьгазонзо ды мери:

— Эх, тетяй, кода мон учинь эйсэть.

Тетясь мери:

— Эх, дочам, иля радова пек монень, — мон эзинь сода тоидеть и Ведявантень алтытинь.

Ну, теемс а мезе. Авардсть-авардсть — кармасть эрямо. Эрясть, эрясть — сась тейтерентъ туема шказо. Сонзэ ве икельце пеезэ сиянель. Педявтсть сиянь пеентъ лангс шта ды тусь. Тетязо максь мартонзо брус, авазо — гребушка ды сэме. Ютась ютась Сия пейне — понгсть каршо-зонзо сыре атинеть. Пеест чевшкат, сельмест кечешкат. Атятне кевкстизь Сия пейнень:

— Тейтерне! Эзить нее ки лангсто Сия пейне тейтерне?

— Арась, покштяй, эзинь нее,— Сия пейнесь мерсь ды тусь вакскаст.

Ютась, ютась — понгсть каршозонзо седеяк сыреть ды а мазыйть бабат. Сыньгак кевкстизь Сия пейнень:

— Тейтерне, а тейтерне, эзить нее ки лангсто Сия пейне тейтерне?

— Арась, бабай, эзинь нее,— мерсь Сия пейнесь и пейдезевсь лангозост. Пейдемстэ прась сиянь пеенть лангсто штась. Бабатне неизь Сиянь пеенть и кармасть атятненень пижнеме:

— Атят, атят, садо тей, тесэ. Сия пейне тейтернесь.

Сия пейне тусь вакстост чиезь. Атятне-бабатне кармасть чиеме мельганзо.

Варштась Сия пейне удалов — атятне эль сасасызь. Сон ёртызе укшторонь гребушканть. Теевсь истямо седе укшторонь вирь — кедыгак пачканзо а тонгови, а сонсь тусь таго чиеме. Атятне, бабатне кармасть виренть пореме. Порсть, порсть — весе чувтнень поризь ды таго Сия пейне мельга чиеме тусть.

Сия пейне варштась удалов, таго уш сасыть эйсэнзэ. Каизе удалонзо брусонть, теевсь истямо сэрей и крута пандо — нармуньгак троксканзо а ливтяви. Атятне-бабатне кармасть пандонть трокс куземе. Куйсть, куйсть,— кой-как кузевсть ды таго кармасть Сия пейнень сасамо. Сон каизе сэменть. Теевсь покш чувто. Сия пейне куйсь прызонзо. Атятне, бабатне пачкодсть чувтонть вакс и кармасть эйсэнзэ пореме. Сия пейне серьгедсь:

— Патяй, патяй, патякай! Нолдак суре ведьмине, кепедемак менель лангс!

Патясь каршозонзо серьгедсь:

— Ужо, ужо сазорнэм. Мон сокан, кансть видян!

Атятне, бабатне капшить, порить чувтонть, пейзывелесткак весе поревсть, верть чудить. Сия пейне таго серьгедсь:

— Патяй, патяй, патякай, нолдак суре ведьмине!

Патясь мери:

— Ужо, ужо, сазорнэм. Таргаса канстенть! А атятне-бабатне капшить — порить. Кадовсь чувтось ансяк кирьгань эчксэ.

Сия пейне таго серьгедсь:

— Патяй, патяй, патякай! Нолдак суре ведьмине. Чувтось кадовсь ансяк кирьгань эчксэ!

Патясь ответи:

— Ужо, ужо, сазорнэм, ваявтса канстенть.

Чувтось кадовсь ансяк кедень эчксэ. Сия пейне таго серьгедсь:

— Патяй, патяй, патякай. Нолдак суре ведьмине, чувтось кадовсь ансяк кедень эчксэ!

Патясь мери.

— Ужо, ужо, сазорнэм, чалгаса канстенть!

Атятне-бабатне капшить — порить. Чувтось кадовсь ансяк суронь эчксэ — нури весе. Сия пейне таго серьгедсь. Патясь мери:

— Ужо, ужо, сазором. Штердъса канстенть.

Чувтось кадовсь ансяк сурень эчксэ — секень вант, сявори.

Сия пейне таго серьгедсь патянстэнь. Патясь нолдась суре ведьмине. Сия пейне кундась пезэнзэ ды куйсь кувалманзо верев. Ансяк сон кундась суре пентень, чувтось сяворсь. Атятне, бабатне радовасть. Чийсть чувто прятень — Сия пейне арась. Састь кежест ды кармасть вейкест-вейкест пореме.

Сась Сия пейне патянстэнь. Патясь андызе-симдизе ды мери тензэ:

— Самонтъ сыть, сазором, ды козонь кекштян, — монь мирдем овто, сы кудов — сэвтянзат.

Теизе патясь соркс ды сор юткс кекшизе. Сась мирдесъ ды мери:

— Уй, ломань чине качады.

Патясь мери:

— Кува чоп а якат, мезень чине а пурнат, — тонсетъ эйтэ ломань чинесъ качады.

Мирдесъ мери:

— Сордо ярсамом сась!

Патясь мери:

— Ярсак, ды весе илить сэве!

Кармась мирдесъ сордо ярсамо. Ярсась, ярсась — весе эзь сэвеве тензэ. Нетнень юткс кадовсь Сия пейнеяк. Валске мирдесъ таго тусъ якамо.

Сия пейне лиссь сортнэнь потсто. Патязо симдизе, андызе. Вансызь — таго сы мирдесъ. Патясь теизе Сия пейнень жаркс ды пизнэс жар потс кекшизе. Сась мирдесъ ды мери:

— Уй, ломань чине качады!

Патясь мери:

— Кува чоп а якат, мезень чине а пурнат, — эсетъ эйтэ ломань чинесъ качады.

Мирдесъ мери:

— Жардо ярсамом сась!

Патясь мери:

— Ярсак, ды весе илить сэве.

Кармась мирдесъ жардо ярсамо. Ярсась, весе тензэ эзь сэвеве. Сетнень потс кадовсь Сия пейнеяк. Колмоце чистэ Сия пейнень кекшизе патясь эсь сундук потмаксозонзо. Сась мирдесъ ды мери:

— Сундукто ярсамом сась!

Патясь мери:

— Сэвик ней остатка сундуком. Азё лучше кандык сонзэ тетянь кардайс. Ды ванок, ки лангсо иляк варшта, мезе потсонзо, — мон мельгат ванномо карман!

Овтось путызе сундуконтъ лангозонзо ды тусъ. Канды, канды эйсэнзэ ды мери: «Уй, кодамо стака! Ну-ка варштаса, мезе потсонзо. Ансяк карми панжомонзо, Сия пейне тосто серьгеди:

— Нейтян, нейтян, иляк панжо!

Овтось мери: «Неяван, нать аволь васов ещѣ туинь».

Путсы сундуконтъ мекев лангозонзо ды таго карми кандомонзо. Аламось кандозь таго путсы сундуконтъ и карми панжоманзо. Сия пейне таго серьгеди сундуконтъ потсто:

— Нейтян, нейтян, иляк панжо!

Истя кандызе овтось сундуконтъ Сия пейнень тетязо кардайс. Каизе кардаз куншкас, а сонсь мекев тусь.

Лиссь Сия пейнень тетязо, панжизе сундуконтъ — тосто кирнявтсь Сия пейне.

9. ДЕВОЧКА СЕРЕБРЯНЫЙ ЗУБОК

Живут-поживают старик со старухой. И нет у них ни детей, ни племени. Пошел старик в лес на промысел разный. Проходил он три года и собрался обратно домой. Шел, шел, захотелось ему пить. Видит — перед ним вода течет. Наклонился он воды напиться, а Ведява¹ схватила его за бороду и не отпускает. Старик начал просить ее:

— Отпусти меня, кто держит, дома у меня есть семигодовалый конь — подарю тебе.

Ведява говорит ему:

— Не нужен мне конь. Обещай мне то, о чем сам еще не знаешь.

Старик опять просит:

— Есть у меня семь амбаров, полных зерна, отдам тебе любой из них, отпусти!

Ведява опять:

— Не нужен мне твой амбар. Обещай то, о чем сам не знаешь, — отпущу.

— На семи реках стоят мои мельницы, любую отдам тебе, только отпусти!

— Не нужны мне твои мельницы. Обещай то, о чем сам не знаешь, — отпущу.

Делать нечего старику — не отпускает его Ведява. Он и говорит:

— Да пусть будет по-твоему: бери у меня то, о чем еще сам не знаю.

Отпустила его тогда Ведява. Вернулся старик домой. Как только подошел он к воротам, вышла навстречу девочка лет трех, кинулась ему на шею и говорит:

— Батюшка, как я тебя ждала!

А старик отвечает:

— Эх, дочь моя, не очень радуйся моему приходу: я не знал еще о тебе, а обещал отдать Ведяве.

Погоревали, погоревали, да делать нечего.

¹ Ведява — хозяйка воды, деторождения и здоровья.

Шло время. Настала пора уходить девочке из дома.

Один передний зубок был у нее из серебра. Залила она этот зубок воском и отправилась. Батюшка дал ей брусок, матушка — гребенку и сэме¹.

Идет, идет девочка Серебряный зубок, встречает стареньких старичков, зубы у них — что лучины, глаза — что ковши. Старики спрашивают девочку:

— Не видала ли ты по дороге девочку Серебряный зубок?

— Нет, дедынька, не видала, — ответила она и прошла мимо.

Идет, идет девочка, встречает стареньких да некрасивых старушек. Они тоже спросили ее про девочку Серебряный зубок:

— Девочка, девочка, не видала ли ты по дороге девочку Серебряный зубок?

— Нет, бабушки мои, не видала, — ответила им девочка Серебряный зубок и засмеялась. А в это время отвалился и упал воск с серебряного зуба. Старушки увидели зуб серебряный, стали кричать стариков:

— Старики, старики! Идите сюда, здесь девочка Серебряный зубок.

Серебряный зубок от старух пустилась бежать. А старики да старухи догонять побежали.

Оглядывается Серебряный зубок — вот-вот догонят ее. Тогда девочка Серебряный зубок бросила кленовый гребень — сделался густой лес, руки не просунешь. И опять бежит дальше. Старики да старухи добежали до леса и давай зубами грызть его. Грызли, грызли — все деревья перегрызли, опять вдогонку за девочкой побежали.

Серебряный зубок оглядывается, а они опять вот-вот догонят. Теперь она бросила брусок — образовалась высокая да крутая гора, даже и птице никакой не перелететь.

Старики и старухи добежали до горы и давай лезть на эту каменную гору. Лезли, лезли, наконец, перелезли — и снова бегут догонять девочку Серебряный зубок. Девочка оглянулась — они уже совсем рядом, тогда она бросила сэме — выросло высокое дерево. На том высоком дереве спряталась Серебряный зубок. Старики и старухи добежали до дерева и стали его грызть.

Серебряный зубок кричит:

— Патяй, патяй, патякай!² Спусти кончик ниточки, подними меня на небо!

Сестра старшая ответила:

— Сейчас, сейчас, сазорнэм³, вот вспашу загон да посею коноплю и спущу тебе кончик ниточки.

¹ Сэме — вид щетинной щетки для причесывания кудели во время прядения.

² Патя — моя старшая сестра; патякай — то же, ласкательно.

³ Сазорнэм — моя меньшая сестра.

Старики, старухи торопятся, грызут дерево — даже кровь из десен бежит.

Серебряный зубок опять кричит:

— Патяй, патяй, патякай, спусти кончик ниточки!..

А патяй отвечает:

— Погоди, погоди, сазорнэм, начала я коноплю теребить!

А старики да старухи торопятся — грызут...

Дерево осталось толщиной с шею. Серебряный зубок опять просит:

— Патяй, патяй, патякай! Спусти кончик ниточки, дерево осталось толщиной с шею!

— Погоди, погоди, сазорнэм! Коноплю вот замочу!

Дерево осталось толщиной с руку. Серебряный зубок снова просит сестру:

— Патяй, патяй, патякай! Спусти кончик ниточки, дерево осталось толщиной с руку!

А патяй отвечает:

— Погоди, погоди, сазорнэм, коноплю помну!

Старики, старухи всё торопятся — грызут. Осталось дерево толщиной с палец — качается, гнется... Серебряный зубок опять просит патяй спустить кончик ниточки.

— Погоди, погоди, сазорнэм, куделюшку спряду! — отвечает патяй.

Но вот уже дерево осталось толщиной с тонкую нитку, гляди — обломится. Серебряный зубок опять просит сестру. Патяй спустила кончик ниточки. Девочка Серебряный зубок ухватилась за ниточку и по ниточке пошла вверх.

Только она ухватилась за ниточку, дерево тут и свалилось.

Старики и старухи обрадовались, побежали к верхушке дерева, а девочки там и нет. Рассердились они и давай друг друга грызть.

Пришла девочка Серебряный зубок к старшей сестре, та накормила ее, напоила и говорит:

— Придти-то пришла ты ко мне, сестренка-сазорнэм, да где я тебя спрячу? Ведь муж-то у меня медведь, разорвет он тебя.

Подумала, подумала и сделала ее соринкой, спрятала в сор. Приходит муж и говорит:

— Ух, запахом людским пахнет!

Патяй отвечает:

— Где только ты не бываешь, какого запаха не наберешься, это от тебя запах людской идет.

Муж говорит:

— Сору хочу поесть!

— Ешь, да весь не съешь.

Стал муж есть сор. Ел-ел, не смог съесть. А в остатках и девочка Серебряный зубок лежит. Утром опять муж ушел куда-то. Девочка Серебряный зубок вышла из сорной кучки, патяй накормила ее и напоила. Спустя некоторое время смотрят они —

опять идет муж. Теперь патяй сделала ее жаром и в печурку жар положила. Приходит муж и говорит:

— Ух, запахом людским пахнет!

А патяй опять говорит ему:

— Где только ты не бываешь, всякого запаха наберёшься, от тебя и несет людским запахом.

Муж говорит ей:

— Жару хочу есть!

— Ешь, да весь не съешь.

Стал муж глотать жар. Ел-ел, но весь не съел. А в остатках и Серебряный зубок лежит.

На третий день патяй спрятала девочку на дне сундука своего. Приходит муж и говорит:

— Сундук хочу съесты!

— Теперь последний мой сундук съешь! Иди лучше отнеси его во двор к моему батюшке. Да смотри, чтоб в дороге в сундук не заглядывал, я за тобой глядеть буду!

Медведь взвалил на спину сундук и пошел. Несет, несет, думает:

— Ох, как тяжело! Ну-ка погляжу, что в сундуке.

Только начнет открывать сундук, Серебряный зубок кричит оттуда:

— Вижу, вижу, не открывай!

Медведь говорит:

— Знать, недалеко я ушел, коль видит.

Взял опять сундук на спину, понес дальше. Прошел немного, снова хочет открыть сундук. А Серебряный зубок опять кричит:

— Вижу, вижу, не открывай!

Так медведь и притащил тот сундук во двор к отцу девочки Серебряный зубок. Поставил среди двора, а сам назад пошел. Вышел отец, открыл сундук, а оттуда и выпрыгнула дочка Серебряный зубок.

10. СЫРЕ СКАЛ

Эрясть атят-бабат. Эйкакшост цёрынель ды тейтернель. Эйкакштнень аваст кулось одсто. Тейтернесь ды цёрынесь энякшныть тетяст икеле:

— Тетяй, сайт од ава!

— Ведь, цёрам-тейтернем, саян од ава, ды тыненк берянь карми улеме.

Тейтерькась мери:

— А берянь карми улеме: миненек од панар сты, минь карматано кунсолонзо, ведь кандтано тензэ, кияксонзо тенсесынек-шлясынек.

Атясь сайсь од ава сисем тейтерь марто. Покш тейтересь сисем сельмсэ, омбоцесь кото сельмсэ, колмоцесь вете сельмсэ, нилецесь ниле сельмсэ, ветецесь колмо сельмсэ, котоцесь — жав-

тосо, сисемецесь — вейке сельмсэ. Эри-ашти атясь од козяйканть марто. Авась маштнети эйкакштнень лангс.

— Ну, атя, цѣрат-тейтереть бути ёмавтсыть — эрян мартот, бути а ёмавтсыть — а эрян.

Атясь мери:

— Монень сынъ жалть марявить. Лучи оно сыре скалонтъ марто кардазонть пекстасынек.

Ну, цѣранть, тейтерентъ явизь сыре скалонтъ марто эрямо. Од авась тенст кшияк а максни. А скалось эйсэст анды яла.

Эрясть-ашсть, цѣранть ды тейтерентъ лангс седеяк маштнети, мекс уш сынъ справналгадсть. Кучизе сисем сельментъ ваномост. «Ваныть салавинька, мезде сынъ ярсыть».

Сисем сельмсэсь ладинзе сельмензэ ды кармась ваномо плетень варява. А тейтересь ды цѣрынесь арсить ярсамо. Фатясть ды кармасть сисем сельментъ мацтемензэ.

— Ве сельмине, «лип-лип», омбоцине «лип-лип». Ну и седе тов сисемнест липадинзе. Матедевсь сисем сельминесь. Сынъ се шкастонть ярсасть; ловсост ули и чапамо, и ламбамо, и топо, и ой ды эрва мезе. Сыргойсь сисем сельминесь — мезеяк эзь нее. Сась кудов ды мери:

— Эзинь нее, авай, мездеяк эзь ярса.

Ней тусь кото сельмсэсь ваномо. Плетень пачк аравтынзе сельмензэ ды ваны лангозост. Тейтернесь котоксть мерсь «лип», ды матедевсть весе сельмтне. Сыргойсь, мольсь кудов, мери:

— Арась, авай, мездеяк эзь ярса.

— Ну-ка азѣка, вете сельме, тон.

Мольсь вете сельмесь, таго кармась салавинька ваномо. А тейтерькась фатясь — сынст эйсэ ванстыть, кармась мацтеме. Таго сельмтне матедевсть (ветексть мерсь «лип», ды весе сельмтне матедевсть, сыргойсь — мезеяк эзь нее). Мольсь, мери:

— Авай, мездеяк эзь ярса.

— Азѣ, ниле сельмсэ, неить штобу!

Тусь ниле сельмсэсь. Таго ладинзе сельмензэ. Тейтерькась фатясь ды мери: «Ве сельмине, «лип-лип», омбоцине «лип-лип»... Се шкане сыре скалось симдинзе-андынзе эйдинензэ. Сыргойсь ниле сельмесь, мольсь аванстэнь, мери:

— Авай, мезеяк эзинь нее: эзь ярса.

Тусь колмо сельмсэсь, таго ваны. Сыре скалонь тейтересь фатясь, таго мацтинзе сельмтнень. Се шкастонть таго ярсасть-симсть. Эзь нее мезеяк, сась аванстэнь ды мери:

— Эзь ярса мездеяк.

— Азѣ, кавто сельмсэ! Прят сейса, бути а несыть!

Кавто сельмсэсь сельмензэ ладинзе пштистэ! Прок каткань сельмть. А тейтерькась фатясь, таго мацтинзе. Сынсь ярсасть. Сыргойсь кавто сельмсэсь, но эзь нее мезеяк.

— Арась, авай, эзинь нее мезеяк.

— Ну, ве сельме, азѣ тон! Тонеть молема. Кодак а несыть, прят сейса!

Тусь ве сельмесь. Ладизе сельмензэ (сельмесь ульнесь покш кечешка ды кармась ваномо. Тейтерьканть ды цёрыненть пекес; пек вачсть. Ярсамс: несынзе вейке сельмесь, а матедеви. Вана ярсасть. Ве сельмесь неинзе. Сась кудов, мери:

— Ну, авай, неинь мезде ярсасть. Ловсо доволь, кашась пидезь ловсос прок пештень тов, суюкорост ойс панезь.

Од авась мери:

— Атя, а атя! Скалтиэ минек сатыть. Сыре скалонтъ уш дай печксынек.

— Ну, давай, баба, печксынек.

Сыре скал маринзе кортамодо.

— Ну, цёрам-тейтерем, печксамизь монь, эрямонк монте-мень берянь карми улеме.

Цёрась ды тейтересь аварьгадсть.

— Ужодо, илядо аварде, ёрадо монь пильгень суюлмамс наксадо пикс. Кода пильгень суюлмасызь, ортанть панжинк келейстэ, тынсь арадо ортанть кавто ёнга. Мон кодак пильгень брянькад-сынъ, напустян ортава, тынь кундадо кавто суюрозон, озадо лангозон.

Алкукс истя сыре скалонтъ суюлмсызь наксадо пикссэ. Цёры-несь ды тейтерькась панжизь ортанть келес. Кодак скалось брянькадсь — напустясь, церынесь ды тейтерькась кундасть суюрозонзо, озасть лангозонзо ды напустясть сисем паксянь том-балев, сисем вирень товолов.

Ютыть пиже вирьга. Виресь пешксе пижень повдо. Сыре скалось мери:

— Ну, цёрам-тейтерем, илядо сезе пижень пов.

А цёрась сайсь ды сейсь: «Патяненъ маштови пулайс».

Пачкодсть сиянь вирьс. Пешксе виресь сиянь сурксто.

— Ну, цёрам-тейтерем, илинк тока сиянь суркстиэнь.

Цёрась ве суркс ноцковтсь, мери: «Патяненъ сайса».

Пачкодсть сырнень вирьс. Пешксе виресь сырнень пилекстэ.

— Ну, цёрам-тейтерем, илядо сезе сырнень пилекс.

Цёрынесь сайсь салавинька: «Патянь пилес маштови».

Пачкодсть кивень вирьс. Виресь пешксе кивень лапкадо (трешниккетъ, кивень пель трешниктъ, паряк некшнить?).

— Ну, цёрам-тейтерем, илядо сезе кивень лапка.

Цёрынесь сейсь. «Патяненъ маштови нарядс».

Ардсть-ардсть, мусть кудыне. Керень кенкшке эйсэнзэ, ве вальмине вальмазо. Совасть се кудынентень, кудынесь — чаво. Кармасть тосо эрямо. Сыре скалось тусь вирьга-укшторга якамо, пиже лугадо ярсамо, свежа ведте симеме, уроз тякиненень ловсонь-оень пурнамо.

Истя эрясть недля, кавто, колмо. Эрясть вадрясто: цёрынесь, тейтернесь ансяк стряпить. Сыре скалось тенст ловст-ойть канды. Тусь течияк скалось ловсонь-оень пурнамо. Сась вальмаст алов пижень бука.

— Сыре скал, а сыре скал, кудосат?

Цёрынесь отечи:

— Арась, тусь вирьга якамо.

— Сындеряй, кучинк пижень тинге лангс тюреме, эзь кирде-
ве эйдензэ-какшонзо, сайсть пижень пов.

Уш авардить тейтернесь ды цёрынесь. Сась скалось.

— Мейс пек авардтядо, цёрам-тейтерем?

— Сакшнось пижень бука, тердинзить пижень тинге лангс
тюреме.

— То-то, меринь илядо сезе. Ну, мон изняса.)

Мольсь сыре скалось, чавизе пижень буканть. Валскестэнь
таго тусь вирьга якамо, оень-ловсонь пурнамо. Сась вальмалов
сиянь бука.

— Сыре скал, а сыре скал, кудосат?

— Арась.

— Ков тусь? Сындеряй, кучинк сиянь тинге лангс тюреме.
Эзь кирдеве эйдензэ-какшонзо, сайсть сиянь суркс.

Сась сыре скалось. Тейтернесь, цёрынесь авардить.

— Мейс авардтядо?

— Сиянь бука сакшнось, сиянь тинге лангс тердинзить
тюреме.

— Секс меринь, илядо сае сиянь суркс.

Тусь сыре скалось тюреме, чавизе сиянь букантькак. Вал-
скестэнь таго сыре скал тусь вирьга-укшторга якамо, оень-
ловсонь пурнамо.

Сась таго бука, сырнень.

— Сыре скал, а сыре скал, кудосат?

— Арась!

— Ков тусь?

— Вирьга-укшторга якамо, оень-ловсонь пурнамо.

— Сындеряй, ёвтадо, молезэ сырнень тинге лангс тюреме:
эзь кирдеве эйкакшонзо-какшонзо, сайсть сырнень пилекст.

Сась сыре скалось. Тейтерензэ-цёранзо авардить.

— Ах, меринь илядо сае! Илядо аварде, чавса.

Мольсь сыре скалось, чавизе сырнень букантькак. Таго тусь
вирьга якамо, пиже тикшеде ярасамо, оень-ловсонь пурнамо.
Сась вальмалов рудазов пуло кивень букине.

— Сыре скал, а сыре скал, кудосат?

— Арась!— цёрась-тейтересь пейдить.

— Сындеряй, кучинк кивень тинге лангс тюреме: эзь кир-
деве эйдензэ-какшонзо, сайсть кивень лапкадон.

Тейтернесь, цёрынесь пейдить. Сась сыре скалось.

— Тынь мекс пек раксетядо?

— Сакшнось кивень букине.

Ну, тусь сыре скалось ды приказы туемстэ:

— Ну, цёрам, аламо шкань ютазь лиссть тинге лангс. Мон
карман уleme чавозь. Кутьмерьстэнь ваткак колмо кшнат,
тейть колмо петлят. Васенце валскенть лиссть зорява орта лангс
ды серьгедть: «Ня, ня, ня, борзой вармадо эрязасто, комулядо

шождынестэ, тердтядызь уроз тякань ваномо». — Арды борзоесь, тон петлянтъ курокто каик кирьгазонзо, — сон тонады теть. Колмо валскетъ лисят, колмо борзойть манят, кармат мартоост охотничамо. Васень борзоесь — ардыця, омбоцесь — пориця, колмоцесь — тюриця.

Ну, ней цёрась тусь сыре скалонтъ варштамо. Сыре скалось тинге чиресэ чавозь. Кутьмерьстэнзэ ваткась колмо кшнат ды саинзе скалонтъ кавонест сюротнень. Сась мекев кудынентень. Кшнатнень теинзе петлякс. Васенце валскентъ лиссь зорява.

Лиссь, первой вешкезевсь вить кедь ёнов ды серьгедсь: «Ня, ня, ня, борзой! Вармадо эрязасто, комулядо шождынестэ, адя монь икелев уроз тяканень улинь-паронь пурнамо!» Ардсь икелензэ сёрмав борзой, кургозо лаханьшка. Кодак ардсь — киргазонзо каизе верек кшнань петлянтъ.

— Ого, чарькодить, од цёра, — мери борзоесь.

Се борзоентъ содызе крыльця столбас.

Вешкезевсь керш кедь ёнов: «Ня, ня, ня, борзой! Вармадо эрязасто, комулядо шождынестэ, уроз тяканень улинь-паронь пурнамо!» Мейле вешкезевсь витьстэ. Таго серьгедсь истя — теке валтнэнь ёвтась. Ардсь тензэ колмоце борзой, кой-как петлясь прязонзо каявсь.

— Ага, чарькодить, од цёра-парочи!

Ашолгадсь.

— Ну, ней мезе теть теемс эряви?

— Азёдо тень кандодо ярсамопель.

Тусть борзойтне колмо пелев, вейкесь кандсь од цёранень идем уткат, омбоцесь — идем галат, колмоцесь — нумолот. Пидесь сазорозо сывель, ярсась и кискатненьгак андызь.

— Ну, ней, од цёра-парочи, адя мартонок, невтьнесынек теть вирень кинзэ-янонзо... Мезе теть, од цёра-парочи васенцекс кундатано.

— Мезе васенцекс понги кинть лангс, — сень кундынк. Васенцекс понгсь кист лангс лев. Кискатне кундызь левенть ды мерить:

— Ну, лев, тюряно или мирятано?!

Левесь согласясь мирямо: «Тыненк улемс ялгакс». — Омбоцекс вастсть тигра. Кундызь тигранть, кевкстнить:

— Ну, тигра, тюреме кармат или мирятано?

Тигрась мери:

— А бути мирятано, мезе ули?

— Мейле минек марто ялга улят. Тигрась согласясь мирямс.

Мейле сынъ ветенест братинике кармасть якамо вирьга. Конань а кундасызь, сынст марто яла мири звересь. Истя пурнавсть колоньгемень эрва кодат зверть. Якасть-пакасть вирьганть охотас, кунцестъ эрва кодат нармунть. Левесь мери:

— Братцы, мейс минь кунцесынек неть мазый нармушка-тнень? Сынтемест миненек карми уleme скушна. Лучи кунцесынек а вечкевикстнэнь.

Мольсть-мольсть, марясызь шум-лашт. Каршозост ливти кемгавтово прясо гуй. Левесь мери азоронстэнь:

— Ну, од цёра-парочи, тон азё минек эйстэ ве ёнов, ютак вить ёнга, арак сонзэ удалов, сонзэ сельмензэ удалов а неить, а минь сонзэ разедьсынек панксонь-панксонь.

Од цёрась ютась гуенть удалов, звертне жо тюрьгадсть гуенть марто. Тюрсть чи ды ве. Гуенть сезнизь кемень прянзо, кадовсь гуесь кавто прясо ды мери:

— Кадынк кавто прятнень монень,— зярдояк а карман мон тынк лангс кайсевеме.

А левесь тензэ мери:

— Тон монь тетянеькак истя мерить...

Саизь ды сезизь остатка прятнеькак ды кортыть од цёрантень:

— Ну, од цёра-парочи, сизинек, андомизь.

Од цёра-парочи андынзе, чи ды ве оймсесть. Мейле чувствь яма, тозонь гуенть вализь. Кевейкее прянзо вализь, а кемгавтовоцесь эзь валяво, стувтызь. Вана цёранть мельс ледсь сазорозо — сынь уш колмо иеть эзть вастовкшно.

— Адыдо, варштасынек сазором.

Ансяк тусть се таркастонть, козонь калмизь гуенть прянзо; мусть кудот-чить, парт зданият, стройкат. Ветизе сазоронзояк неть кудотненень эрямо. Сехте паро горницянтень кадызе сазоронзо. Сонсь тусь ванномо утомтнень. Ве утомонть панжизе — тосо аштить одежат, эрва кодат карсемапельть, омбоценть панжизе — симемат-ярсамот, мезе мелеть, а ёвтавияк зяро. Колмоценть панжизе — пешксе алашадо, нилеценть панжизе — пешксе ружиядо, ветецесь — саблядо, котоцесь — алашань сбруядо, сисемецесь каретадо, кавксоцесь — пешксе скрипкадо, дудкадо, а вейксэцесь — пешксе розбойникте, кедьсэст саблят цивтёрдыть.

— Тонеть мезе, од цёра-парочи? Нейке прят сейсынек!

— Васняк давайте тюртяно.

— Минек каршо,— мерить,— тонеть а мезть тюремс!

— Мон монсь а карман. ули монь браткем. Ну-ка, Лев, ирдизэст щупитя!

Кодак Лев ардсь юткозост,— ансяк нулат-валат эйстэст тусть.

— Ну-ка, Дигуша, полавтыка Лёваны!

Кода тиграсть ардсь — пижнемеяк эзть кенере, розбойниктнень весе изинизе. Пекстынзе цёрась утомтнень ды сазоронстэнь мери:

— Ну, сазор, вейксэце утомонтень иля совсе, тосо гуйть, сэвтядызь тонь. Мон туян, мелеть моли — скрипкосо седяк, дудкасо, симть-ярсак мезде мелеть, эрва мезе ули.

Простясь сазоронзо марто ды тусь. Саинзе весе зверензэ. Сазорось се шкастонть утомтнень весе ваннынзе, остатканть панжизе — тосо розбойник, од цёрась нупальсэ кекшезь ульнесь, кадовсь живстэ. Фатясь тейтерентень ды мери:

— Сазор, сака тей!

— Мон а молян, пелян. Лелям арась, сон тусь вирев ды ней колмо иеть а сы.

Лиссь од цёрась тосто. Мольсть кудонтень ды кармасть эрямо. Эрить и эрить, розбойникесь мери тейтерентень:

— Давай лелять чавсынек.

— А кода сонзэ маштсынек? Сонзэ зверензэ пек кежейть.

— Кода лелясь сы, тон ушт баня. Уштык псистэ. Сон моли парямо, тон кенкшенть пекстык. Сон иреди ды кулы псиденть. Звертнень пекстасынек кшнинь решётка экшс.

Лелянтъ пельде получась се чистэнтъ сёрма, лелясь мери: «Се-се чистэнтъ молян, сазор, кудов. Ушт баня тень». Сазорось се чистэнтъ уштсь баня, чоп калясь эйсэнзэ. Сась лелязо. Розбойник цёранть кекшизе.

— Ну, леляй, банясь явась.

Лелясь звертнень андынзе-симдинзе эрьва мезде: и калацядо, и сывельде, и винадо симдинзе, и брагадо. Мейле пекстынзе сисем панжоме экшс. Совась сонсь парямо ды мери:

— Ну, рожоконтъ сайса мартон.

— Мейс сайсак?

— Монень рожоктомонтъ скушна.

Кода цёрась совась парямо, сазорось кенкшентькак пекстызе, вальмантькак пекстызе. Банясонть пси-пси. Марясы цёрась, тевтне берянтъ: эль кулы. Давай рожоксонзо морамо. А левентъ пилензэ сехте марицят. Кодак маризе, тигранть разди.

— Мезть удат, марят азоронок кода ранги?

Кодак стясть, кардсо кенкшенть цяторсо синтризь, баня кенкшенть чевекс нолдызь. Таргизь тосто од цёра-паронтъ.

— Ну, те тонь сазорот истя тезэнь снартнесь пидеметь. Нейке минь панксонь-панксонь сезнесынек.

— Илинк,— мери,— лиякс наказасынек. Ну, сазор, кие тонь неть превтненень тонавтынзить? Неть превтне аволь тонсетъ.

— Оно, мери, се утомонтъ эйсэ од цёра, сон кадовкшнось нупальс.

— Ну-ка, Лева Дига марто! Токинка се утомонтъ!

Кодак ардсть— утомнек цяторгавтызь, ды од цёранть таргизь нупальстэ. Васня ладизь юткозост ды кармасть сусконемензэ аламонь-аламонь, штобу сонензэ ламо улезэ сэретьксэсь. Друк колоньгеменнест сусксть, колоньгемень панкс лутасть.

Розбойникесь мери:

— Саты теяк монень сэретьксэсь, ней кадомизь.

— Тон миненек а истямо сэретькс теиксэлить!

— Саемизь ялгакс, зяро ули-парось ули—весе тынк. А монсь улян ялгакс.

— Миненек ломань парочи а эряви: минь минсь парочи, ды розбойникентъ сезнизь панксонь-панксонь.

А сазоронзо озавтызе яжамо кев ваксс, кедезэнзэ макссь чев, ве боказонзо путсь кавто пересейкат.

— Ну, сазор, жода якамо кэвесь сы грушинешка, тонсь коськат те чевнешканть, ве пересейкась пешкеди сельведте, омбоцесь — верде, сестэ учомак, и мон сая варштамот.

Саянзе од цёра-парочи зверензэ, тусь охотничамо-якамо. Якась-пакась вирьганть, чизэ чопотсь. Вирьганть чуди лей. Лей берёкстонть мусь кудыне, совась кудыненень, кудосонть эри денгэ стакшыныця бабине.

— Шумбрачи, бабай, тетя.

— Аволь пек, цёрам, шумбра.

— Мекс истя, бабай?

— Ды вана а васоло эйстэнек ули бояронок, сэреди тейтере-зэ, секень кисэ весе мелявтомась.

— Ды кодамо, бабай, се боярось?

— Ды эсь койсэнек, минек лангсо инязор.

— Эно, бабай, неть баснятнень мейле басысынек. Удомо, нать, а нолдасамизь?

— Мон, цёрам, нолдавлитиць, ды вана веть сакшыньть такодат ломанть. Вень куншкава сыть, валскень зорява туйть.

— Мон, бабай, сыненст а пшкадяи. Пецька уголнэс эцяи ды удаи. Ансяк, бабай, монь улить зверень козонь бу мацтемс?

— Адя вансынек. Эх, цёрам, пек уш ламо эйстэст!

— Сыненст таркась ламо а эряви, вана кудыкелев маднить.

— Ну, ну.

Нолдынзе бабинесь. Звертне маднесь. Цёрась совавтсь ярсамопельть, бабиненьтькак ужинавтызе.

— Вай, цёрам, кодат ярсамопельть тантейть! Пингем эрия, истя тантейстэ эзинь ярсне, мезе, цёрам, те сехте остаткакс тень истямо тантей макснить?

— Те, бабай, левень ловсо.

— Тон, нать, левдеяк а пелят?

— Арась, мон лев лангсо ласте якан.

Мадсть. Эзть матедеве. Састь баяга марто бабинентень. Бабинесь панжомо пели лисемайзо. Сон мери:

— Бабай, иля пеле, а токатадызь.

— Та-ки кедьсэть удыця ули?

— Путешественник.

— Нука, брат, валгтая юткозонок!

Валгсь цёрась, кенкшенть панжизе, мери:

— Нука, Леонтий Петрович, совака монь ваксс, — совавтынзе кудос весе зверензэ ды мери сыцятненень:

— Ней вана мон кортан мартонк, ёвтынк, кодат валонк улить!

— Минь тесэ эрятаио бабинень кедьсэ колмосядт иеть, кияк тия ломань эзь яксе.

— А вана мон карминь якамо.

— Минь ней тонь прят керясынек.

— Прям керясынк? Нука, Лева, лепштика лапасот прянь керяцянть!

Кодак левесь лапасонзо лепштизе, верезэ кармась сувтемень пачк лисеме теластонзо.

— Ну, брат, ансяк живстэ кадомак, хоть мезе кедьстэнь кевксть — ёвтаса.

— Инязоронть тейтерезэ сэреди. Мекс сон сэреди. Евтык.

— Инязоронть тейтерезэ монь кедьсэ, мон салыя, а сонзэ таркас идемевсь путынь.

— Ну, а кода ней теемс? Макссак одов тейтерензэ — нолдатын.

— Максса, ансяк нолдамак, брат.

А левесь яла лепштни эйсэнзэ — вересь чуди.

— Сон, тейтересь, монь марто.

— Косо? Давай тей!

— На вана кедьстэнь сырнень сурксонть, — мерсь сыцясь цёрантень, — бабай, пувак пачканзо (се бабась волшебник). Бабась кодак пувасть пачканзо — теевсь тейтерь мазыйдеяк мазый.

— Эх, зярс матедевкшнинь!

— Кемгавтово ие кода удат.

Сыця волшебникенть (сынъ весе волшебникть) ялгазо мери, конань эйсэ лепштить:

— Ней уш весе ёвтынзе тенк, нолдамизь.

— Ёвтынк, кода панемс инязоронть кедьстэ се сэреди тейтеренть, — нолдатын.

— Се мезеяк арась панемазо: варсо валынк ды сон туи.

Охотникесь мери:

— Нука, Динька, лепштикая тонгак омбоценть кенжеть алов!

Лепштизе.

— Ёвтинк, мезе масторонть лангсо тейниде, — нолдатадызь.

— Минь масторонть ингельде велявтынек.

— А кода мекев велявтомс?

— Минек куломадонок мейле мекев велявты, икеле а велявты.

Сестэ охотникесь чарькодсь, нолдынзе зверензэ, сезневтинзе панксоень-панксоень.

— А тонь, бабай, кода тейтян? Кие покшось эйстэнк ульнесь?

— Покшось, цёрам, мон, ды мон мезтькак а карман синтемест тейнеме.

Бабиненть нолдызе. Валске стясь, тейтеренть озавтызе тигранть лангс, сонсь — левенть лангс ды тусть вирень-леень томбалев. Тейтеренть кадызе звертнень марто, сонсь тусь инязоронтень. Инязоронть кудоконясонзо сёрмадозь: «Кона лчасы тейтерем, сенень максса козяйкакс ды максса тензэ весе царствам» — Мольсь од цёрась кенкшензэ лангс, часовойтненень мери:

— Нолдамизьга монь кудос. Мон инязоронть тейтерензэ лечамо сынъ.

Часовойтне ёвтасть инязоронтень. Инязорось примизе. Мери цёрантень:

— Ну, бути лечасак — царствам тонь ули, а тейтерем козяй-какс теть максса.

— Ну, лакавтодо ведь.

А сэредицясь (тейтересь) седеяк пек кармась сэредеме. Од цёрась мери:

— Путынк тейтеренть очкс!

Инязоравантень жаль марявсь, чарькодсь, што варсо пидесы. Комнатастонть весень панинзе. Кадовсь ськамонзо тейтеренть марто. Кодак валсы сэредицянтъ лакавтозь ведьсэ, сеске севонь чакшокс каладсь. Цёрась тердизе инязоронтъ:

— Вана тынк, ульнесь тейтеренк.

Инязорось вансы — лопадезь сёвонь.

— Те лопадезь сёвонь, ялатеке тейтерем арась.

— Иля мелявто, молян туса тейтереть.

Инязор кучсь мартонзо войска: а кеми тензэ.

— Монь монсеньгак войскам ули.

Ну, ладна, войсканть эзизе кучо. Ялатеке кармавтынзе следямо. Мольсь од цёра, саинзе весень, озась сонсь левенть лангс, тейтересь тигранть лангс. Састь инязоронтень. Инязорось тесэ уш бал пурнась. Тейтересь совась, суюконясь тетянстэнь-аванстэнь.

— Емавтнимизь, кемгавтово ие мик удовтымизь. Тетяй, те вана монь вельмевтимим, ней сон ули мирдем. Инязорось согласясь. Кармась лемезэнзэ сёрмацтомо царстванзо. А цёрась мери:

— Монень а эряви царства: мон а маштан азорокс эрямо.

Ялатеке инязорось азорокс путызе. Ютась балост, симсть-ярсасть сисем чить. Цёранть мельс ледсь сазорозо ды мери козяйканстэнь:

— Монь ведь ули сазором. Модемс эряви кисэнзэ, ну и согласясь кавонест модемс сазоронтъ кисэ. Инязорось мери:

— Мон кильдевян каретат.

— Мон молян монсень каретасонтъ.

Таго озась цёрась левенть лангс, тейтересь — тигранть лангс ды тусть сазоронзо кисэ. Мольсть, панжизь кудонтъ.

Сазорось сась чевнешка, эзь куло. Яжамо кевесь грушинешка. Вейке пересейкась пешксе сельведте, омбоцесь — верде.

— Ну, ней, сазором, адя сайтян мартон. Бути апароль теть, больше истя иля тейне.

Саизе, ускизе инязоронтень. Андызь-симдизь ды банясо паризь. Мацтизь перина лангс. Сынськак чайде симсть, винадо ды маднесть удомо. Стясть валске. Наряжасть. Стявтызь тейтерентъ ды озасть завторкамо. Ярсасть, а тейтересь а ярсы арси: «Монень ялатеке интересэсь арась, сави сынст мельга якицякс лемс». А цёрась мери:

— Мекс, сазор, пек а весёлат? Ярсак. Таштонть стувтсынек, одтнэнь карматано учома.

Тейтересь лиссь ведь мельга. А се волшебник бабась лисьянтъ лангсо ашти, учи уш тейтерентъ эйсэ.

— Зярс те лисьмаванть якан-пакан, а эзитень нее вестькак. Меze тонь тей кандынзить?

— Лелям вана урвакстсь инязоронть тейтерензэ лангс, монь саимим прислугак.

— Бути а жалть теть улить мон куловтсынъ, тон кадоват инязоронъ тейтерькс, инязорось карми жалямот. Содамо совавты, тонь эрямот паро карми уleme. На вана теть кавто кансёрот. Сынъ мадить, а тон мольть вельтнемест ды пилезэст каить неть кансёротнень.

Чокшне мадсть сынъ. А сазорось мери:

— Леляй, дай мон вельтнетядызы!

— Вельтнемизь, сазор, вельтнемизь.

Тона кунсолызе, вельтнеме кармась ды кансёротнень каинзе пилезэст, ды сынъ кавонест кулость: неть кансёротне ульнест гуень пей прят.

Стясть валске, инязоронть козяйкась стявты, а стявтовить, шупи — сынъ кулозь. Кармасть авардеме. Нолдызь весе звертнень кулозтнень малас. Левесь цёранть саизе лангозонзо, тигрась тейтеренть ды тусть мартост артнеме. Кириявтнесть-кириявтнесть — прасть пилестэст гуень пей прятне. Ардсть мекев кудов, вельместь ды мерить:

— Меze тынь истя минек лангсо теиде? Сюлсимизь ды нолдынк артнеме звертнень?

— Тынь кулокшныде, — мери инязорось.

Цёрась сеск чарькодсь: «Наверна, кода вельтимизь, сестэ сазором минек куловтымизь, — ды мери:

— Наверна, тон монень а сазорат, мон тонеть а лелян.

Сазорось мери:

— Тень аволь мон теия, оно се бабась.

Озась цёрась левенть лангс, ардсь бабинентень. Васня левенть кедьстэ лепштявтызе, верензэ ливтизе, мейле нулак-валак сезневтизе. Ды масторось арась тарказонзо.

Инызорось сыредсь, кулось. Цёрась тестензэ-тёщанзо калминзе ды сонсь кармась инязоркс.

Эрить-аштить, парочи таштыть. Тейсть поминкат, поминызь покштыст-бабаст. Мейле тейнесть покш кстинат. Тейтересь чачсь цёра — кшнинь кочкаря, кевень касмо, уськсэ тапардазь канжамо.

Парсте эрить-аштить, монгак ютамсто совсинь тенст. Пек каванимизь: и шуредь, и медте.

10. СТАРАЯ КОРОВА

Жили муж с женой. Было у них двое детей: мальчик и девочка. Умерла жена. Дети остались с отцом и стали просить его:

— Тятя, возьми мачеху!

— Детки, взял бы я мачеху, да вам плохо будет.

Дочка говорит:

— Неплохо будет: она нам новые рубашки сошьет, мы ее слушаться будем, воды ей принесем, пол подметем.

Взял отец мачеху с семьей дочерями. Старшая дочь была семиглазая, вторая — шестиглазая, третья — пятиглазая, четвертая — четырехглазая, пятая — трехглазая, шестая — двуглазая, а седьмая — одноглазая.

Живут-поживают старик с мачехой. Мачеха злится на детей.

— Ну, старик, если ты погубишь своих детей, буду с тобой жить, не погубишь — не буду с тобой жить.

Старик говорит:

— Мне жаль их, лучше давай в хлев со старой коровой запрем их.

Отвели их в хлев к старой корове. Хлеба им мачеха не дает. А корова кормит детей маслом, молоком и творогом.

Живут-поживают они. На мальчика с девочкой пуще прежнего мачеха злится: очень уж справные они стали!

Посылает мачеха семиглазую дочь посмотреть.

— Погляди украдкой, что они едят.

Смотрит семиглазая в дырочку плетня. В это время дети только хотели поесть, но вдруг догадались, что за ними подсматривают. Тогда они решили усыпить семиглазую.

— Вот один глаз слипся, второй, третий. Так все семь глаз и закрылись. Уснула семиглазая.

После этого дети стали есть молоко пресное и кислое, творог, масло. Проснулась семиглазая — ничего не видела.

Пришла она домой и говорит:

— Мама, они ничего не ели.

Теперь пошла глядеть шестиглазая. Уставила свои глаза в дырочку плетня и глядит на детей. Девочка шесть раз сказала «лип», и все глаза шестиглазой закрылись.

Проснулась шестиглазая, пошла домой, говорит:

— Нет, мама, они ничего не ели.

— Ну-ка, пятиглазая, иди ты!

Пошла пятиглазая, тоже стала украдкой глядеть. А девочка догадалась, что за ними следят, стала усыплять пятиглазую (пять раз сказала «лип», и все глаза уснули). Проснулась пятиглазая — ничего не видела.

Пошла она домой, говорит:

— Мама, они ничего не ели.

— Ступай, четырехглазая, погляди ты украдкой.

Пошла четырехглазая. Девочка снова догадалась, что за ними следят, сказала:

— Один глаз «лип-лип», другой глаз «лип-лип»...

Уснула и четырехглазая.

В это время старая корова напоила, накормила детей. Проснулась четырехглазая, пошла к матери, говорит:

— Мама, я ничего не видела, они ничего не ели.

Ушла глядеть трехглазая. Глядит. Девочка опять догадалась и усыпила ее. В это время корова накормила, напоила детей. Ничего не видела трехглазая. Пришла она к матери и говорит:

— Они ничего не ели.

— Ступай, двухглазая! Голову оторву, если не увидишь! — сказала мать.

Двухглазая приставила острые, как кошачьи, глаза к плетню, смотрит. А девочка догадалась, опять усыпила: «лип-лип» — и уснули оба глаза. А дети в это время поели. Проснулась двухглазая, тоже ничего не видела.

— Нет, мама, я ничего не видела.

— Ну, одноглазая, ступай. Твоя очередь. Если не доглядишь, голову оторву.

Ушла одноглазая. Уставила глаз, большой, как ковш, и стала смотреть. Девочка и мальчик сильно проголодались. Есть нельзя: не спит одноглазая. И все же они поели. Одноглазая всё видела. Пришла домой и говорит:

— Ну, мама, я видела, что они едят. Молока вдоволь, каша на цельном молоке, вкусная, как ореховое ядро, лепешки все в масле.

Мачеха говорит:

— Старик, а старик! Коров у нас хватит. Эта корова уже старая, давай зарежем ее.

— Ну, что ж, жена, зарежем так зарежем.

Старая корова услышала этот разговор.

— Ну, детки, зарежут меня, жизнь вам тогда плохая будет. Мальчик и девочка заплакали.

— Подождите, не плачьте. Принесите гнилую веревку. Когда свяжут мне ноги, пошире откройте ворота, сами встаньте по обе стороны ворот. Я как дрыгну ногами, побегу через ворота, вы хватайтесь за мои рога и садитесь на меня.

И в самом деле корову связали гнилой веревкой. Мальчик и девочка настезь раскрыли ворота. Как только дрыгнула корова ногами и побежала, дети поймали ее за рога, сели на нее и пустились бежать по ту сторону семи полей, по ту сторону семи лесов.

Бегут зеленым лесом. Лес полон медных пуговиц. Старая корова говорит:

— Дети, смотрите не сорвите медную пуговку.

А мальчик взял и сорвал, думая: «Сестре для шулая¹ пригодится».

Доехали до серебряного леса. В лесу полно серебряных колец.

— Дети, смотрите не трогайте серебряные кольца, — говорит корова.

¹ Пу л а й — вид женского пояса.

А мальчик не послушался и взял одно кольцо: «Сестре возьму».

Доехали они до золотого леса. В лесу полно золотых сережек.

— Ну, детки, смотрите не сорвите золотую серьгу, а то плохо будет.

А мальчик снова сорвал украдкой: «Сестре пригодится».

Доехали до оловянного леса. Там полно оловянных лапок (копейки, полкопейки, может, видывал?).

— Ну, детки, не сорвите оловянную лапку.

Мальчик сорвал: «Сестре для наряда пригодится».

Скакали, скакали — увидели дом. Дверь в нем из коры, один просвет — окошечко. Вошли они в этот домик. Он пустой. Стали там жить. Старая корова ушла в лес пастись, свежей водицы налиться, сироткам молочка, масла набрать.

Так прошла неделя, вторая, третья. Жили хорошо. Мальчик с девочкой только стряпали. Старая корова им молоко, масло приносила. Однажды ушла старая корова в лес. Пришел под окно медный бык.

— Старая корова, а старая корова, ты дома?

Мальчик отвечает:

— Нет, ушла по лесу ходить.

— Как придет, пошли ее на зеленый ток бороться: не сумела она унять своих детей, сорвали они медную пуговицу.

Мальчик и девочка заплакали.

Пришла корова.

— Что вы так сильно плачете, дети мои?

— Приходил медный бык, звал тебя на зеленое гумно бороться.

— То-то, говорила вам, не надо брать медную пуговицу. Ну, не горюйте, я поборю быка.

Пошла старая корова на зеленое гумно, убила медного быка. Утром она опять ушла по лесу ходить, молока, масла набирать. Пришел под окно серебряный бык.

— Старая корова, а старая корова, ты дома?

— Нет.

— Куда ушла? Как придет, пошлите на серебряное гумно бороться: не сумела она унять своих детей, взяли они серебряное кольцо.

Пришла старая корова. Дети снова плачут.

— Почему вы плачете?

— Серебряный бык приходил, на серебряное гумно звал тебя бороться.

— Говорила я вам, не берите серебряные кольца, теперь придется бороться.

Ушла старая корова бороться с серебряным быком. Победила и его. Утром опять ушла корова в лес. Теперь под окно пришел золотой бык.

— Старая корова, а старая корова, ты дома?
— Нет.
— Куда ушла?
— По лесу ходить, масла, молока набирать.
— Как придет, скажите, чтобы шла на золотое гумно бороться: не сумела она унять своих детей, взяли они золотую серьгу.

Пришла старая корова. Дети еще сильнее плачут.

— Ах, говорила я, не надо брать золотые серьги. Ну, не плачьте, одолею и золотого быка.

Пошла корова на гумно, убила золотого быка. Опять ушла по лесу гулять, зеленую траву есть, молока набирать. Пришел под окно оловянный бычок с запачканным хвостом.

— Старая корова, а старая корова, ты дома?

— Нет!— мальчик с девочкой смеются.

— Как придет, пошлите ее на оловянное гумно бороться: не сумела она удержать детей своих, взяли они мою оловянную лапку.

Пришла старая корова. Девочка с мальчиком смеются.

— Что это вы так смеетесь?

— Приходил оловянный бычок, звал тебя бороться.

Уходя, старая корова наказала:

— Ну, сынок, через некоторое время я буду убита на этом гумне. С моей спины ты вырежь три ремня, сделай из них три петли. На заре первого утра выйди за ворота и крикни: «Ня, ня, ня, борзой! Быстрее ветра и легче хмеля, зовут тебя сирот воспитывать!» Как прибежит борзой — ты петлю быстренько накинь ему на шею, он привыкнет к тебе. Три раза выйдешь, трех борзых заманишь, станешь охотиться. Первого зовут Скакун, второго — Грызун, а имя третьего — Ловун.

Немного спустя мальчик пошел на оловянное гумно корову посмотреть. Она лежала на краю гумна убитая. Содрал мальчик со спины коровы три ремня, взял оба ее рога и пошел в домик.

Из ремней сделал петли. В первое утро вышел он за ворота, свистнул в правую сторону и крикнул:

— Ня, ня, ня, борзой! Быстрее ветра, легче хмеля явись ко мне сирот воспитывать!

Прибежал к нему пестрый борзой, рот у него словно лохань. Мальчик тут же накинул ему на шею петлю из сыромятного ремня и привязал к крыльцу.

— Ого, понял, молодец,— говорит борзой.

На заре второго утра он свистнул в левую сторону и крикнул:— Ня, ня, ня, борзой! Быстрее ветра, легче хмеля выйди сиротам добро собирать!

Прибежал второй борзой.

На третье утро свистнул прямо. Опять крикнул такие же слова. Прискакал к нему третий борзой. Кое-как накинул ему мальчик на шею петлю.

— Ага, понял, добрый молодец!— сказал борзой.

Стало светло. Борзые спрашивают:

— Что тебе, мальчик, теперь нужно сделать?

— Прежде всего идите и принесите мне еду.

Побежали борзые в три разные стороны. Принесли парню: первый — диких уток, второй — диких гусей, а третий принес зайцев. Сварила сестрица мясо, поели они с братом и собак накормили.

— Ну, теперь, добрый молодец, идем с нами. Мы покажем тебе лесные тропинки и дороги. Кого тебе сначала поймать?— снова спрашивают борзые.

— Кто первый попадется, того и поймайте.

Первым попался лев.

Поймали его собаки и говорят:

— Ну, лев, бороться будем или мириться?

Лев согласился мириться: «Буду вашим товарищем».

Вторым они встретили тигра, спрашивают его:

— Ну, тигр, бороться с нами будешь или мириться?

А тигр говорит:

— А если помиримся, что будет?

— Будешь нашим товарищем.

Тигр согласился мириться.

Потом они все вместе ходили по лесу. Кого ни поймают, всякий зверь соглашался с ними мириться. Так постепенно стало у охотника тридцать разных зверей.

Ходят, бродят они все по лесу, ловят разных птиц. Лев говорит:

— Братцы, зачем мы ловим этих красивых птичек? Без них будет скучно. Надо лучше поймать того, кого не любим.

Ходили, ходили, слышат — шум-гам: навстречу зверям летит двенадцатиглавый змей. Лев говорит хозяину:

— Ну, парень бравый, отойди от нас или встань позади змея, глаза его сзади ничего не видят, а мы его разорвем в клочья.

Парень встал позади змея, а его звери стали бороться с ним. Боролись день и ночь.

Тут говорит змей:

— Оставьте мне две головы. Я никогда не буду бросаться на вас.

А лев отвечает ему:

— Ты и отцу моему так говорил.

Взяли и оторвали последние две головы. Затем звери говорят парню:

— Ну, молодец, мы устали, накорми нас.

Парень кормил их день и ночь. Отдохнув, вырыли они яму, зарыли в нее змея. Одиннадцать змеиных голов тоже зарыли, а двенадцатую не зарыли — забыли. И тут же вспомнил парень свою сестру, они уже три года не виделись.

— Идемте,— говорит он зверям,— навестим сестру мою. Только ушли они с того места, где зарыли головы змеинные, как увидели хороший дом, новые постройки. Вошли они в дом, стали жить. Сестру парень поместил в самую хорошую горницу, а сам ушел глядеть кладовые. Одну кладовую открыл — там висит одежда, всякая обувь, вторую открыл — питье-еда, чего только хочешь. Третью кладовую открыл — полно лошадей, в четвертой — полно ружей, в пятой — полно сабель, в шестой — лошадиная сбруя, в седьмой — кареты, в восьмой — скрипки, дудки, а в девятой — полно разбойников, у всех в руках сабли сверкают.

— Чего тебе надо, парень бравый? Сейчас голову снесем!

— Сначала давайте поборемся.

— С нами,— говорят они,— тебе нечего бороться.

— Я сам не буду, у меня есть братья. Ну-ка, Лева, прощупай-ка их ребра!

Как выскочит лев на середину, только лоскутки полетели от разбойников.

— Ну-ка, Дигуша, смени-ка Леву!

Как выскочит тигр — и крикнуть разбойники не успели, всех поборол он. Закрыв парень кладовки и говорит сестре:

— Ты в девятую кладовую не ходи, здесь змеи, они съедят тебя. Я уйду, если ты соскучишься — на скрипке играй, на дудке, пой, пей, ешь, что хочешь, всё есть.

Простился брат с сестрой. Ушел, взяв с собой всех зверей. Сестра не вытерпела и осмотрела все кладовые, открыла последнюю — там разбойник, молодой парень, он спрятался за дверью и остался жив. Посмотрел он на девушку и говорит:

— Сестрица, подойди сюда!

— Не подойду, я боюсь. Брата нет, он ушел в лес и теперь три года не придет.

Вышел парень из кладовой. Подружился он с девушкой, и стали они вместе жить. Через некоторое время разбойник говорит девушке:

— Давай твоего брата изживем.

— А как его изживем? Звери у него очень сердитые.

— Как придет он домой, ты жарче истопи баню. Он войдет в баню, а ты закрой дверь. Брат угорит и умрет. А зверей его запрем за железную решетку.

В этот день сестра получила от брата письмо, брат пишет: «В такой-то день вернусь, сестра. Истопи мне баню».

Она жарко истопила баню, целый день ее накаливала. Пришел брат. Парня-разбойника сестра спрятала.

— Ну, брат, баня истопилась.

Вот брат накормил зверей и калачами, и мясом, напоил и вином, и брагой. Закрыв он их семью замками, сам пошел в баню париться.

— Ну, рог я с собой возьму,— говорит он.

— Зачем?

— Мне без него скучно.

Как только парень вошел в баню, сестра закрыла дверь, окно тоже задвинула. В бане было жарко-жарко. Видит парень — дела его плохи, вот-вот умрет. Взял он рожок и заиграл. А уши у льва лучше всех слышат. Как услышал он, начал трясти тигра:

— Что ты спишь, слышишь, как наш хозяин кричит?

Побежали они и с треском разнесли запертые двери, разнесли в щепки банную дверь. Вытащили оттуда парня-молодца.

— Ну, это твоя сестра тебя хотела погубить. Сейчас мы ее в клочки разорвем.

— Не надо, — говорит брат, — мы ей другое наказание придумаем. — И обратился к сестре. — Ну, сестра, кто это тебя научил? Это не твоя выдумка.

— Вот, — говорит она, — в той кладовке молодой парень, он оставался в светлице.

— Ну-ка, Лева с Дигой! Войдите-ка в эту кладовку!

Кинулись звери, разломали кладовую и вытащили парня из нее. Сначала поставили его между собой и стали кусать его понемногу, чтобы ему больше причинить страданий. Потом сразу все тридцать зверей укусили его, тридцать кусков вырвали.

Разбойник говорит:

— Хватит мне и этой боли, теперь оставьте меня.

— Ты нам не такую боль хотел причинить.

— Возьмите в товарищи, сколько есть добра — все ваше будет.

— Нам много богатства не надо, мы сами богатство, — и разбойника разорвали в клочья.

А сестру брат посадил около жернова, в руки дал лучину, рядом с ней поставил два корытца.

— Ну, сестра, как жернов станет с грушу, когда ты сама высохнешь, как эта лучина, когда одно корытце наполнится гноем, а другое кровью — тогда жди, я приду, навещу тебя.

Взял парень своих зверей, ушел в темный лес охотиться. Целый день ходили по лесу они. А когда стемнело, около ручья они вдруг увидели домик. Вошел в него парень — там живет старушка, которая шьет лыком.

— Как здоровье твое, бабушка?

— Не очень, парень, здорова!

— Почему, бабушка?

— Да вот недалеко от нас есть боярин. Заболела его дочка, из-за нее все хлопочут.

— А какой, бабушка, это боярин?

— По нашим обычаям он над нами царь.

— Ну, бабушка, эти басни после расскажешь. Может быть, ночевать меняпустишь?

— Я, парень, пустила бы тебя, да вот ночью приходят какие-то люди. В полночь приходят, утром, на заре, уходят.

— Я, бабушка, им не откликнусь. На печку в уголок залезу и буду спать. У меня, бабушка, есть еще звери. Не знаю, где бы им лечь?

— Идем, посмотрим... Эх, парень, очень уж много у тебя зверей-то!

— Им много места не надо, они вот в сенях лягут.

Впустила зверей старуха. Все они легли в сенях. Парень принес еду, и вместе со старухой они поужинали.

— Эх, парень, какая у тебя вкусная еда. Век прожила, а такой пищи не ела. Что это, сынок, ты мне сейчас давал, сладкое такое?

— Это, бабушка, львиное молоко.

— Ты, значит, и львов не боишься?

— Нет, я на льве верхом езжу.

После ужина легли опять. Не успели заснуть, как подъехал кто-то с колокольчиками к дому. Старуха боится идти открывать дверь. А парень говорит:

— Бабушка, не бойся, не тронут.

Вышла старуха,пустила их. Те, как вошли, говорят:

— У тебя какой-то ночлежник есть.

— Путешественник.

— Ну-ка, слазь к нам!

Слез парень, открыл дверь и говорит:

— Ну-ка, Леонтий Петрович, зайти ко мне.— И впустил в дом всех своих зверей.

— А теперь вот я поговорю с вами. Расскажите, что у вас есть?— говорит парень пришельцам.

— Мы здесь у бабушки живем три сотни лет, ни один человек сюда не приходил.

— А я вот пришел.

— Теперь мы твою голову все равно отрубим.

— Голову отрубите?! Ну-ка, Лева, зажми-ка в лапы голову.

Лев лапами как зажал того, кровь словно через сито стала вытекать из тела.

— Ну, брат, только живым оставь, что хочешь спроси — все расскажу.

— Расскажи, чем царская дочка болеет?

— Царская дочка у меня, я ее украл, а вместо нее больную девушку положил. А что теперь делать?

— Отдашь обратно девушку — отпущу.

— Отдам, только отпусти, брат.

А лев всё жмет его, кровь течет.

— Но ведь девушка-то со мной.

— Где? Давай ее сюда!

— На вот с пальца золотое колечко,— сказал пришелец парню.— А старухе говорит:— Бабушка, дунь в него (эта старуха волшебница).

Она подула — и появилась красивая девушка.

— Ах, как долго я спала!

— Двенадцать лет как спишь.

А пришельцы-волшебники говорят:

— Теперь он все рассказал вам, отпустите нас.

— Расскажи, как прогнать от царя эту больную девушку, отпущу, — говорит парень.

— Это никакого труда не составляет: облейте ее варом, и она уйдет.

Парень-охотник говорит:

— Ну-ка, Дига, зажми и ты в свои лапы второго!

Дига зажал.

— Расскажите, что на земле делали, отпущу.

— Мы землю наизнанку вывернули.

— А как ее обратно вывернуть?

— Земля только после нашей смерти обратно вывернется, не раньше.

Тогда парень выпустил всех зверей на пришельцев, велел разорвать разбойников на куски.

— А с тобой, бабушка, что сделать? Кто старшим у вас был?

— Старшая, сынок, я, да без них ничего не буду делать.

Старуху парень отпустил.

Утром встали, девушку он посадил на тигра, а сам сел на льва. Вместе с зверями перешли они через леса и реки. Зверей и девушку парень оставил, а сам пошел к царю. На царском дворце он увидел надпись: «Кто вылечит мою дочь, тому отдам ее в жены и всё свое царство».

Подошел парень к двери, говорит часовым:

— Пустите меня в дом. Я пришел дочку царя лечить.

Часовые доложили царю. Царь принял парня и говорит ему:

— Если вылечишь дочку, твое царство будет и дочку в жены тебе отдам.

— Ладно, вылечу. Вскипятите вару, — сказал парень.

Вскипятили вар. Больной девушке стало еще хуже. Парень и говорит:

— Положите девушку в корыто и оставьте нас одних.

Царице жаль стало дочку: ведь ее варом хотят обварить. Выгнали всех из комнаты. Парень с девушкой остались одни. Парень взял кипящий вар и выплеснул на больную. Та, как глиняный горшок, тут же и рассыпалась.

— Идите, смотрите, какая была у вас дочка, — говорит царю парень.

Смотрит царь — вместо девушки размокшая глина.

— Но это же глина. А где дочь?

— Не горюй, пойду приведу твою дочку, — отвечает парень.

Царь не верит ему, посылает с ним войско.

— У меня у самого войско есть, — говорит парень.

Хоть не послал царь войско, но приказал за парнем следить. Ушел парень со своими зверями за царской дочкой. А через некоторое время вернулся он к царю вместе с девушкой. Царь в это время бал собрал. Вошла девушка во дворец, поклонилась отцу-матери.

— Потеряли было вы меня, двенадцать лет я спала. Этот вот парень меня разбудил, теперь он будет моим мужем.

Царь согласился. Стали записывать на имя парня царство, а он говорит:

— Мне не нужно царство, я молод еще, не управлюсь.

Но царь все-таки сделал его хозяином. Устроили бал. Пили, ели семь дней. На восьмой день парень вспомнил сестру и говорит своей жене:

— У меня ведь сестра есть. Надо пойти за ней.

Решили они вдвоем за ней съездить. Царь говорит:

— Я велю запрячь кареты.

Парень отвечает:

— Я поеду в своих каретах.

Сел он снова на льва, а жена — на тигра, и вместе поехали за сестрой. Приехали, открыли дверь. Сестра стала тоненькая, как лучинка, вот-вот умрет. Мельничный камень стал величиной с грушу. Одно корытце наполнено гноем, другое — кровью.

— Ну, сестра, теперь идем с нами. Видишь, как тебе плохо было, больше так не делай.

Взяли они сестру и опять приехали к царю. Накормили, напоили ее. В бане попарили и уложили спать на перине. А сами они напились чаю, вина и тоже легли спать. Встали утром, нарядились. Разбудили девушку и сели завтракать. Завтракают, а девушка ест и думает:

«Мне все равно придется у них прислугой быть».

А парень посмотрел на сестру и говорит:

— Почему, сестра, ты такая невеселая? Ешь. Старое забудем, отныне новое будем ждать.

После завтрака девушка ушла за водой. А та волшебница-старуха стоит у колодца, уж ждет ее.

— Сколько времени хожу около этого колодца, а тебя ни разу не видела. Зачем ты сюда пришла?

— Брат женился на царской дочери, а меня взял в прислуги, — говорит девушка.

— Если не жаль тебе, я могу умертвить их. Ты станешь царевной, царь тебя жалеть будет. Зятя к себе возьмет, твоя жизнь хорошая будет. На вот тебе два конопляных семечка. Как только брат с женой лягут спать, ты иди покрой их, в это время положи им в уши эти конопляные семечки: одно в ухо брата, другое в ухо жены.

Вечером легли они. Сестра говорит:

— Брат, дай я покрою вас!

— Покрой, сестрица, покрой!

Покрыла она их и положила обом в уши конопляные семечки. Утром царица будит дочку и зятя, они не встают, посмотрели — они мертвые. Эти конопляные семечки были кончиками зубов ядовитой змеи. Затем впустили всех зверей к мертвецам. Лев взял в лапы парня, а тигр — девушку, и начали они с ними скакать. Скакали, скакали, и из ушей выпали семечки — кончики зубов ядовитой змеи. Муж с женой ожили и говорят: — Что вы с нами сделали? Привязали нас к зверям и пустили их скакать?!

— Вы же умерли, — говорит царь.

Парень тут же догадался: «Наверное, когда сестра одевала нас, тогда и умертвила».

— Наверно, ты не сестра мне, и я тебе не брат, — говорит парень девушке.

Сестра отвечает:

— Это не я сделала, а та старуха.

Сел парень на льва, прискакал к старухе. Сначала лев зажал ее в свои лапы, выпустил кровь, затем разорвал в клочья. Тигр тоже разорвал сестру. И земля встала на место.

Царь состарился, умер. Тестя и тещу парень похоронил, а сам стал царем.

Живут-поживают, добра наживают. Сделали поминки. Потом устроили крестины. Жена родила сына — железная пятка, каменная макушка, колени обернуты проволокой.

Живут хорошо. Я тоже по пути заходил к ним.

Угощали и луе и медом.

II. УРОСКЕТЬ

Эрить-аштить атят-бабат. Эрясть-эрясть — бабинесь кулось. Кадовсть тейтерне ды цёрыне урозокс. Эрясть-эрясть ды мерить:

— Те-е-етяй, од ава сайт, те-е-е-етяй, од ава сайт!

— Мон саян, ды тынк мельс туезэ.

— Туи мелезэнек!

— Тыненк паро ули, монень седеяк паро.

Ну, атясь сайсь од ава. Саизе, эрясть-эрясть, ды од авась мери:

— Емавтуть цёрат-тейтереть — эрян, а ёмавтсыть — а эрян.

Атясь мери:

— Адядо тейтернем-цёрынем кардов! — и пекстынзе кардс.

Сон керясь апокшке вальмине ды се вальминень эзга куштазь кшине, куштазь модамарнеть, ведне максы тенст. Тейтернесь думась, думась ды мезе тейсь: цёрынень мацтьсы, а сонсь веть оргоди яга-бабань цюлан пряв. А яга-бабань ярсамопелезэ эрва кодамо ансяк нармунень ловсо арась. Тейтернесь зяро эряви сай, моли мекев кудов, ялаксонстэнь.

- Давай, ялаксем, ярсатано.
- Патяй, мезде?
- Вана васолбабам (аванзо ава) сакшнось, кандсь прякнеть.

Тейтересь истя яла яки, цёра эйкакшось эзь фатя. Сон весть сыргамо кармась, цёра эйдесь эзь матедеве. Патясь сыргамо — сонгак мартонзо.

- Патькай, монгак мартот молян!
- Иля яка, мон курок сан.
- Венелев молят — монгак молян.
- Ну, ялаксем, мон аволь венелев молян, молян яга-бабанень кшинь саламо, иля яка мартон.
- Молян.
- Молеманть молят ды иля шума, а то яга-баба кундасамизь.

Ну, тусть патят-ялакст. Патясь куйсь цюлаи пряс, браткентень наказы, штобу илязо шума. Сынь вачкасть-вачкасть мешокс, цёра эйдесь правтсь масторов пряка.

- Па-а-атяй, прякась прась!
- Иля шума, яга-бабась марясамизь.
- Па-атякай, пряка прась! — седеяк пек мерсь цёрынесь. Яга-баба маринзе, лиссь.
- Э-э-э, а мон мерян ков ёмсить прякан! Адыдо, адыдо, валгодо!

Валкстынзе кудо прясто, пекстынзе потмарс (цюлаинэ, морга аксяло пиравкс). Сон уш анды эйсэст! Ансяк нармунь ловсо а максни. Анды эйсэст апокш варинева. Анды, анды, мери:

- Дайте-дайте варштатадызь — куялгадыде, эзиде.
- Тейтернесь цёканьзюро максы суронзо таркас. Суски яга-баба — калгодо.

- Эзиде, эзиде куялгадо, ярсадо!
- Таго анды, анды эйсэст, таго истя цёканьзюро суски. Колмоцеде истя панжизе варинень.— Дайтекая, тейтернем-цёрынём, варштатадызь — куялгадыде, эзиде?

А тейтернесь се шкане матедевсь. Икеле жо мерсь цёрынентень максомс яга-бабань кургс цёканьзюро. Цёрынесь стувтызе, мезе мерсь тейтернесь, максызе веженсь суронзо сускомс яга-бабанень.

- Э-э, куялгадыде, куялгадыде! — мери яга-бабась.
- Тейтернесь сыргойсь ды мери:
- И-их, мезекс максык сурнэть, ней яга-баба сэвсамизь.
- Яга-баба эйкакштнень ливтинзе и мери:
- Лисседе, тейтернем-цёрынём! Дайка, тейтернем, пецькав каятан!

Озась тейтернесь кшинь каямо койме лангс, кедензэ-пильгензэ келемтинзе ды кодаяк пецькас а каяви.

- Тон, дочкам, кедеть-пильгеть кирьмитить, — мери яга-баба.

— Мон, бабай, а маштан.

Яга-бабась тонавты эйсэнзэ:

— Киремть, киремть пекине!

Тейтернесь седеяк пек венстинзе кедензэ-пильгензэ. Яга-баба озясь, озясь, кодаяк тейтернесь пецькантиень а каяви.

— Бабай, дай невтик кода, мейле мон истя озан,— мери тейтернесь.

Яга-баба озась кши койменть лангс, киремсь. Тейтернесь саице ды пецькас ёртызе.

— Ялаксем, дай заслон! Ялаксем, дай заслон! — Заслоноть ладизь, тейтерькась таго:

— Ялаксем, дай неженть, ялаксем, дай неженть!

Цёрынесь неженть максызе, нежедизь заслоноть пецькантиень. Яга-баба кармась энялдомо:

— Тейтернем-цёрынем, нолдамизь, нолдамизь! Каськасо сия кукшоном ули, сеяк тынк улезэ.

— Се, бабай, истякак минек,— мери тейтернесь.

— Нолдамизь, нолдамизь, потмарсо пижень кукшоном ули, сеяк тынк улезэ!

— Се, бабай, истякак минек!

— Нолдамизь, нолдамизь, тейтернем-цёрынем, вальма прясо сиянь сурksom ули, сеяк тынк улезэ!

— Се, бабай, истякак минек,— мерсь тейтересь.

Ну и паро. Яга-баба пись, оезэ томбам ланга чуди. Тейтернесь ды цёрынесь сиянь кукшоноть и пижень кукшоноть саиць ды тусть, а сурксонть стувтызь.

Мольсть, мольсть, мольсть, мольсть, сурксось мелезэст ледсь.

— Нать, ялаксем, вальма прясо сурксонть стувтынек.

— Патяй, велявтан кисэнзэ.

— Иля велявто, а эряви,— мери патясь.

— Молян.

— Иля яка!

Цёрынесь ялатеке велявтсь, патясь тензэ мери:

— Велявтомс велявтат ды яга-бабань ойде иля нола!

Цёрынесь мольсь, яга-бабань оезэ киякса мик чуди. Сон саице сурксонть вальма прясо, пижень кетькс мусь — сеньгак саице ды яга-бабань ойде нолштась. Велявтсь цёрынесь бараннэкс. Сурксонть понгавтызе ве сюронтень, кетьксэнтъ понгавтызе омбоцентень ды тусь.

А патясь яла учи эйсэнзэ. Марясь патясь парамо:

— Бе-е, патькай, бе-е, патькай, ве сюросонть кетькске кандан, омбоцесэнтъ суркске кандан.

— Ох, авакай, мезть теить, ней самодонок мейле тетям печктянзат,— сонсь патясь аварди.

Сынь мольсть, мольсть, пачкодсть кудов. Совасть кудов, тетясь радовась, кевкстни, косо цёрынесь. Тейтернесь ёвтнизе, кода цёрынесь баранкс теерсь. А од авантень яла досадна.

— Ёмавтык тейтеренть — эрян, а ёмавтсак — а эрян.

Тейтеренть ведьс кучизь. Од авась лиссь, тулкадизе лисьман-
тень. Бараннэсь кардазга яки. Од авась мери печкемс бара-
нонтъ, атясь ответчи:

— Кадык ашти, седе куялгады.

Стадастонть сы бараннэсь, лисьмав прянзо тонгсы и мери:

— Бе-е, патькай, бе-е, авкай, пеельть-узертъ човсевтить,
монь кирьгинем печкевтить.

— Лездавлинь дугай, лездавлинь, лисьмань кевесь увти кирь-
гасон, гуесь поти седейсэнь, — мери патясь.

Патясь бараннэнтъ сюрозонзо кундась, бараннэсь уски, уски,
а таргави патясь. Валске стить, баранонтъ таго стадав паньсызь,
а од авась яла печкевти баранонтъ:

— Печкик, дурак атя, — эрян, а печккак — а эрян.

Сась бараннэсь стадасто, таго мольсь лисьма лангс, таго
моры:

— Бе-е, патькай, бе-е, авкай, пеельть-узертъ човсевтить, монь
кирьгасон печксевтить!

А тейтернесь каршозонзо ответчи тосто:

— Рад бу, дугай, лисевлинь, кевесь увти кирьгасон, гуесь
потти седейсэнь.

А бабась яла печкевти баранонтъ. Истя колмоксть сакшнось
баранось. Сась колмоцеде, мольсь лисьма лангс ды кармась мо-
рамо таго истя:

— Бе-е, патькай, бе-е, авкай, пеельть-узертъ, човсевтить,
монь кирьгинем печкевтить!

— Рад бу, дугай лисевлинь, кевесь увти кирьгасон, гуесь по-
ти седейсэнь.

Бараннэсь нерькстызе прянзо лисьмантень, тейтернесь кун-
дась, баранось таргизе. Тейтернесь совась кудов, авантень пек
апаро, баранось таргизе лисьмасто патянзо ды мурни атянтъ.

— Секс дурак атя, эзик печке баранонтъ, тейтернэнтъ тар-
гавтыть.

Атинентень а мезть теемс, печкизе баранонтъ, од авась пи-
дизе. Озастъ ярасамо, патясь озась коник лангс, мезе ловажат-
нень порнить — патянтъ коняс ёртнить. Патясь ловажатнень
пурнынзе, ашо паця потс сьолминзе ды вальма пряс понгавтын-
зе, сынъ голубкакс велявтсь, ды кудовантъ кармась ливтнеме го-
лубкась. Сон козонь чалги, сонсь моры:

Кулдыр-гув-гув, тиринь тетям печкимим,

Кулдыр-гув-гув, од авинем пидимим,

Кулдыр-гув-гув-гув, патянь коняс ёртнимизь,

Кулдыр-гув-гув-гув, вечкема патям пурнымим,

Кулдыр-гув-гув-гув, ашо пацяс сьолминим,

Кулдыр-гув-гув-гув, мон нармунекс велявтынь!

Юты велевантъ торгаша, голубкась ливтясь кибитка прян-
тень, чалгась ды мери:

— Торгаша, торгаша, давай монень медь пенч — моро моран
теть.

— Морак, максан,— мери торгаша.

Голубкась кармась морамо кулдыр-гув-гув моронть, морызе. Торгашась макссь тензэ пель пенч.

Гулинесь тусь ливтнеме. Ливтнесь, ливтнесь, таго мусь торгаша.

— Торгаша, торгаша, дай тень салмуks коморо, моро моран тетть.

Торгашась мери:

— Васня морак!

Кулдыр-гув-гув-гув, тиринь тетям печкимим,
Кулдыр-гув-гув-гув, од авинем пидимим,
Кулдыр-гув-гув-гув, патянь коняс ёртнимизь,
Кулдыр-гув-гув-гув, патям-авам пурнымим,
Кулдыр-гув-гув-гув, ашо пацяс сюлмимим,
Кулдыр-гув-гув-гув, мон голубкакс велявтынь,
Кулдыр-гув-гув-гув, мон нармункс велявтынь!

Торгашась макссь салмуks коморо. Голубкась ливтнесь-ливтнесь, несь таго торгаша, голубка валгсь и мери:

— Торгаша, торгаша, макст тень кечказ коморо, мон тетть моро моран.

— Васня морак! — мери торгаша.

Голубкась таго эсь моронзо морызе, сайсь кечказ коморо ды ливтясь кудов. Ливтясь кудов ды мери:

— Патькай, автик кургот — медь пенч каян кургозот.

Патязо автизе кургонзо, голубкась каясь медь пенч. Ливтясь од аванзо вакс ды мери:

— Авай, автик кургот, медь пенч каян тетть.

Од авась автизе кургонзо, голубкась каизе салмуks коморонть кургозонзо — од ава лепеясь. Голубкась тетязо лавтов лангс ливтясь ды мери:

— Тетяй, автик кургот — медь пенч каян!

Атясь автизе кургонзо — голубкась каизе коморо кечказонть — кулось атяськак.

Сон ливтни яла. Патянтень охота кундамс голубканть, но сон кодаяк а понги.

Патясь тусь содыця бабанень, весе ёвтнизе, кода ладозо, а бабинесь мери:

— Тон, дочам, сайтъ клей, вальма лангонть клейсэ вадник. Сон валги и пильгензэ педить. Сон и гулякс и ватракшокс велявты, а тон иляк кадо. Сон велявты штерекс, и тон синдик.

Сась кудов тейтернесь, рамась клей, ваднизе вальма лангонть. Голубкась валгсь вальма лангс, педясть пильгензэ ды патясь кундызе.

Мезекс сон эзь велявтне — эзизе кадо. Сон тейневсь и ватракшокс и гукс, велявтсь штерекс. Патясь синдизе кавтов — сон велявтсь мекев цёрынекс.

Сынь те шкас эрить вадрясто.

11. СИРОТКИ

Жили-были старик со старухой. Жили, жили они, старуха умерла. Остались девочка и мальчик сиротками. Они и говорят:

— Тя-а-т-енька, возьми мачеху, тя-атенька, возьми мачеху!

— Я возьму, только вам было бы хорошо.

— Хорошо будет.

— Если вам хорошо будет, то мне еще лучше.

Ну, взял старик мачеху. Живут они, поживают. Вот мачеха и говорит:

— Старик, изведешь сына и дочку — буду с тобой жить, не изведешь — не буду.

Старик говорит:

— Идемте, дочка и сынок, на конюшню!

Пошли девочка с мальчиком. А старик их там и запер. Вырубил он в конюшне маленькое оконце и стал им в него подавать заплесневелый хлеб, картошечку, водичку. Девочка думала, думала и придумала: уложит она мальчика спать, а сама ночью убежит в чулан бабы-яги. А у бабы-яги только птичьего молока нет. Возьмет девочка, сколько ей нужно, еды, придет к младшему братцу.

— Давай поедим, братец!

— Чего, патяй?¹

— Вот бабушка приходила, пирожков принесла.

И так каждый вечер, а мальчик не догадывался.

Однажды мальчик еще не уснул, а девочка стала собираться. Только хотела она уйти, как мальчик встал и говорит:

— Сестрица, сестрица, и я с тобой!

— Не ходи, я на двор иду.

— На двор идешь — я тоже пойду.

— Ну, братишка, не на двор я иду, а к бабе-яге хлеб красть, не ходи со мной.

— Нет, пойду!

— Если пойдешь — не шуми, а то баба-яга услышит нас.

Вот пришли они к бабе-яге. Полезли на чердак. Сестра брату наказывает:

— Не шуми, сиди тихонечко.

Накладывали, накладывали они еду в мешок, и вдруг мальчик уронил пирог на пол.

— Сестра-а, пирог упал!

— Не шуми, баба-яга услышит.

— Сестра-а, пирог упал! — сильнее прежнего закричал мальчик.

Услышала баба-яга, вошла.

— Э-э-эх, а я говорю: «Куда пироги деваются? Ну-ка, следите!»

¹ Патяй — старшая сестра брата.

Слезли они, и баба-яга заперла в потмар¹. Она их и кормит, и поит. Птичьего молока только не дает. Кормит через отверстие. Кормит, кормит, спрашивает:

— Дайте-ка попробую, ожирели или нет.

Девочка вместо пальчика подала бабе-яге кочедык.

Цап! — укусила баба-яга, твердое.

— Не ожирели, еще кушайте.

Опять кормит их. Опять кочедык попробовала.

Третий раз открыла она потмар.

— Дайте-ка, девочка и мальчик, попробую, ожирели вы или нет.

А девочка перед этим наказывала брату, чтобы тот вместо пальца дал попробовать бабе-яге кочедык. Но мальчик забыл и дал ей укусить свой мизинец.

— Э-э-э, жирный, жирный, — говорит баба-яга.

Проснулась девочка и сказала:

— Эх, ты зачем свой пальчик дал, теперь баба-яга съест нас.

А баба-яга уже тащит их и говорит:

— Выходите, девочка и мальчик. Выходите, дай-ка, девочка, я тебя в печку посажу.

Села девочка на лопату, растопырила руки и ноги, и никак нельзя ее в печку посадить.

— Ты, доченька, руки и ноги подбери, — говорит ей баба-яга.

— Я, бабушка, не умею.

— Сожмись, сожмись хорошенько!

Девочка еще шире растопырила руки и ноги. Баба-яга возилась, возилась, никак не может девочку в печь посадить.

— Бабушка, ты покажи как, потом и я так сяду, — говорит девочка.

Баба-яга села на лопату, съежилась. Девочка взяла и раз! — бросила ее в печку.

— Братишка, дай заслон! Братишка, дай замок!

Закрыла заслоном печку и говорит опять:

— Братишка, дай подпорку, братишка, дай подпорку!

Мальчик дал подпорку. Баба-яга стала умолять:

— Доченька, сыночек, отпустите, отпустите! В подполе у меня есть серебряный кувшин, пусть вашим будет.

— Он, бабушка, и так наш будет, — отвечает девочка.

— Отпустите, отпустите, в подполе у меня есть медный кувшин. И он вашим будет.

— Он, бабушка, и так наш!

— Отпустите, отпустите меня, девочка и мальчик, на окне у меня есть серебряное кольцо, и оно ваше будет.

— Оно, бабушка, и так наше, — говорит девочка.

Испеклась баба-яга, сало течет по шестку. Девочка и мальчик взяли серебряный и медный кувшины, ушли, позабыв взять кольцо. Шли-шли, шли-шли — вспомнили о кольце.

¹ Потмар — загородка под лавкой или под печкой.

— Братишка, ведь мы забыли взять с окна кольцо.

— Патяй, я пойду за ним.

— Не ходи, не надо,— отвечает сестра.

— Нет, я пойду!

— Не ходи!

Мальчик все же вернулся, а сестра говорит ему:

— Смотри не лизни жир бабы-яги!

Пришел мальчик, жир от бабы-яги течет по полу. Взял мальчик кольцо с окна и хотел было уйти, но вдруг увидел на полу медный браслет, взял его и лизнул. А браслет-то был испачкан в жире бабы-яги. Мальчик превратился в барашка. Кольцо повесил на один рог, на второй рог повесил браслет и пошел.

Сестра все ждет его. И вот слышит она блеяние барашка.

— Бе-е, патькай, бе-е-е, патькай, на одном роге браслет нес-су, на другом кольцо нес-су.

— Эх, что же ты наделал! Теперь, как только придем до-мой, отец зарежет тебя,— плачет сестра.

Шли, шли они, дошли до дома. Вошли в него, отец обрадо-вался и спрашивает, где сыночек. Девочка рассказала, как бра-тец превратился в барашка. А мачехе всё досадно.

— Изведи дочь — буду с тобой жить, не изведешь — не буду.

Послала девочку за водой. Вышла мачеха, привязала к шее девочки камень, столкнула ее в колодец. Пришла она домой и говорит старику:

— Зарежь барашка. Зарежь барашка.

Старик отвечает.

— Подожди еще, жирнее будет.

А барашек ходит каждый день в стадо. Вечером вернется он из стада, сунет в колодец голову и говорит:

— Бе-е, патькай, бе-е, авкай, топоры-ножи точат, меня хотят резать.

— Рада бы, милый, выйти, да на шее камень тяжелый, змей сердце сосет,— говорит сестра.

Уцепилась сестра за рога барашка, он тянул, тянул — не вы-тащил ее.

Утром барашек снова в стадо идет. Мачеха пуще прежнего злится, велит его резать.

— Зарежь, старый дурак,— буду жить, не зарежешь — не буду.

Пришел барашек из стада, подошел опять к колодцу, снова поет:

— Бе-е, патькай, бе-е, авкай, ножи-топоры точат, меня хо-тят резать.

А девочка отвечает оттуда:

— Рада бы, милый, рада бы выйти, да камень тянет меня, змея сердце сосет.

Так три дня приходил барашек. Пришел он в четвертый раз, подошел к колодцу и стал опять так же петь:

— Бе-е, патькай, бе-е, авкай, ножи-топоры точат, меня хотят зарезать.

— Рада бы, милый, вышла бы, да камень тянет, змея сосет сердце.

Барашек засунул голову в колодец, девочка ухватилась за рога, и барашек вытащил ее из колодца. Вошла девочка в дом. Мачеха ещё сильнее разозлилась.

— Потому, старый дурак, не зарезал барашка, чтобы он твою дочку вытащил!— ругает она старика.

Старику делать нечего, зарезал он барашка, а мачеха сварила его. Сели есть, сестренка села на лавку; обглоданные кости бросают в лоб девочке. Девочка собрала их, завязала в белый платочек, положила на лежанку. Они превратились в голубку, и голубка стала летать по дому. Где сидит, там и поет:

Кулдыр-гув-гув-гув, родной отец зарезал меня,
Кулдыр-гув-гув-гув, мачеха меня сварила,
Кулдыр-гув-гув-гув, мои кости бросали в сестру,
Кулдыр-гув-гув-гув, я превратился в голубку,
Кулдыр-гув-гув-гув, я превратился в птицу.

Едет по селу коробейник, голубка прилетела, села на кибитку и говорит:

— Коробейник, коробейник, дай мне ложку меду, я тебе песню спою.

— Спой, тогда дам,— говорит коробейник.

Голубка стала петь песню кулдыр-гув-гув-гув, спела. Коробейник дал ей ложку меду. Голубка и улетела. Летала, летала, опять нашла коробейника.

— Коробейник, коробейник, дай мне горсть иголок,— я песню спою тебе.

— Сначала спой!— отвечает коробейник.

Кулдыр-гув-гув-гув, родной отец зарезал меня,
Кулдыр-гув-гув-гув, мачеха меня сварила,
Кулдыр-гув-гув-гув, в сестру кости бросали,
Кулдыр-гув-гув-гув, родная сестра собрала,
Кулдыр-гув-гув-гув, в белый платочек завязала,
Кулдыр-гув-гув-гув, я в голубку превратился,
Кулдыр-гув-гув-гув, я в птицу превратился!

Коробейник дал горсть иголок. Летала, летала голубка, опять увидела коробейника, опустилась и говорит:

— Коробейник, коробейник, дай горсть крючков, я тебе песенку спою.

— Сначала спой,— говорит коробейник.

Голубка опять спела свою песню, взяла горсть крючков и полетела домой. Прилетела она домой и говорит:

— Патькай, открой рот— ложку меду положу.

Открыла сестра рот, голубка положила ей ложку меду. Подлетела к мачехе и говорит:

— Мать, открой рот, ложку меду положу тебе.

Мачеха открыла рот, голубка бросила в него горсть иголок — мачеха подавилась. Села голубка к отцу на плечо и говорит:

— Отец, открой рот, ложку меду положу!

Открыл старик рот — голубка ему бросила горсть крючков. И старик умер.

А голубка все летает, летает. Хочется сестре поймать голубку, но никак не поймаёт ее. Тогда пошла сестра к ворожее, рассказала всё, как было.

— Ты, дочка, возьми клей, намажь им подоконник, ее ноги и прилипнут, — говорит ворожея. — Она может превратиться и в змею, и в лягушку, а ты все равно не оставляй ее. А как превратится в веретено, ты возьми и переломи его.

Пришла домой девочка, купила клею, намазала им подоконник. Голубка опустилась на окно, ноги ее прилипли. И сестра поймала ее. В кого только ни превращалась голубка — и в змею, и в лягушку, но сестра не оставляла ее. Вот превратилась голубка в веретено, сестра взяла и переломила его пополам, голубка превратилась опять в мальчика.

Они и до сих пор хорошо живут.

12. УРОСКЕТЬ ДЫ ЯГА-БАБА

Эрясть атят-бабат губорь прясо кудынесэ. Сынст ульнест эйкакшост: кото тейтерест, сисемеце цёрыне. Браткесь ульнест сехте вишкине, но седе чарькодиця ломань. Тетятне-аватне кудость. Кадовсть эйкакштне урозокс. Уроскетнень мезесткак арасель. Эрясть кой-кода: косо пурназь, косо ломань ланга роботазь, косо кода. Ульнест сынст ансяк а покшке кискинест. Те кискинесь эрва мезе кундыль ды теньсэ лездась эйкакштненень.

Аволь пек васоло, ведень томбале ульнест яга-бабань кудынезэ. Весть покш тейтересь мольсь вирев, муIZE тосто те кудыненць, совась тозонь. Тосо яга-баба. Тейтернесь тандадсь. Яга-баба кевкстизе тейтерень:

— Тон косто, тякинем, тезэнь пачкодить?

Тейтернесь ёвтнизе, кие сон, косо эрить, кода эрить. Яга-баба сеске парокс теевсь, андызе-симдизе ды кармасть кевкстнемензэ.

— Съкамонк а пельтядо чаво кудосонть уцеме? Ведь кудосонть вейкеяк покш ломань арась.

— Пельтяно, бабай, ды а кинь тердемс удомо.

— Ух, тейтернем, нать, монсь уш карман тенк удомо сакшномо.

— Сакшнок, бабай, течияк савлить бу.

— Молян, левкскем, молян, а сонсь арси: «Бути нейке сэвемс тень, — сэван вейке, а бути молян кудозост — сэван сисем.

Тейтересь тусь кудов, а яга-баба кармасть пеензэ човамо. Чо-

винзе пеензэ. Чись чопотетсь. Яга-баба тусь эйкакштнень сэвеме. Пачкодсь ведеть чирес ды мери:

— Нудей кенде, керь кенде, пачтямак ведеть тона чирев сисем урозонь сэвеме.

Косто, а косто ардсь ведеть малас кискинесть ды кармась онгомо:

— Ав-ав, яга-баба, ав-ав, кичкере пей! Кундатан — весень сезнетян, дурак сывелеть верьгизнэнь ёртса:

Тандадсь яга-баба. «Те сезнесамамгак, арси сон. Якась-тейсь яга-баба ды велявтсь кудов.

Омбоце чистэ покш тейтересь таго неизе яга-бабань.

— Бабай, мекс эно эзить сакшно миненек удомо?

— Пелян, эйденем. Тынк кискиненк пек кежей. Сусконесам сыре прясон — ков молян. Синдинк кисканть пильгензэ — сон мельган а карми чийнеме.

Тейтернетне кундызь кискинесть, синтризь пильгензэ. Цёрынесь ранги, аварди, а мери кисканть пильгензэ синтремеде, но эзизь кунсоло тейтернетне.

Сась яга-баба ведеть чирес и мери:

— Нудей кенде, керь кенде, пачтямак ведеть тона чирев.

Маризе кортамонть кискинесь, кеверезь-кеверезь ардсь ведеть малас ды кармась онгомо:

— Ав-ав, яга-баба, ав-ав, дурак пря, кундатан, панксонь панк сезнетян, ловажат-пакареть верьгизнэнь ёртсынь.

Тандадсь яга-баба, велявтсь кудов. Омбоце чистэ мик ведеть тона бокасто кармась пеняцямо тейтернетень:

— Арсекшининь тыненк само удомо, но ней уш мон а сан. Сэвиксэлимим тынк кисканк.

— Сак бабай, минь кискинесть сьулмсесынек. Сон ней пильгевтеме а якавияк.

— Арась, арась, а сан. Таргинк кисканть сельмензэ, сан, а таргасынк — а сан.

— Сак, бабай, таргасынек.

Цёрынесь кармась авардеме, рангомо, истя а максы кисканть, а тейтернетне а кунсолыть. Кундызь кискинесть, штересэ таргизь сельмензэ.

Яга-баба мольсь ведеть чирес ды корты:

— Нудей кенде, керь кенде, пачтямизь тона чирев!

Маризе кискась, яга-бабань вайгелензэ ды чинензэ. Но сон а ардови: пильгензэ синтрествь, сельмензэ а неить. Кеверсь ведеть малас и кармась онгомо:

— Ав-ав, яга-баба, ав-ав, сыре ведьма, кундатан, панксонь-панк сезнетян!

Яга-баба тандадсь кискадонть ды велявтсь мекев. А сонсь уш пейть пори, кодамо кежей.

Ютась истя чишка, тейтернетне неизь яга-бабань ды мерить тензэ:

— Я, бабай, тон миненек вестькак уш а сат.

— Савлинь, тякинеть, ды кискадонть пелян. Тынь чавинк кисканть, валинк мода потс, штобу чинезэяк илязо уле, мон сестэ сан тыненк.

Тейтернетне радовасть. Кудов састь, кундызь кискинень. Цёрынесь ранги, аварди, а мери кисканть чавомодо. Эзизь кун-соло, чавизь, мода потс вализь.

Кодак чись валгсь, кармасть учомо яга-бабань инжекс. Чо-полгадсь. Яга-баба мольсь веденть чирес ды ранкстась:

— Нудей кенде, керь кенде, пачтямизь веденть томбалев, молян урозонь сэвеме!

Нудейть мадсть — сэдь теевсь, керь сэденть лангс ацавсь, ютась лангаст яга-баба. Сась сон урозтнэнь кудозост. Цёрынесь кекшсь каштом лангс, а тейтернетне радовасть, кармасть мора-мо. Сынсь морыть, сынсь суре штердить, а яга-баба эрва кода-мо ёвкст тенст ёвтни.

Куватьс истя аштеть, чевтненьгак весе пултызь, сизесть и киякс куншкас маднесть. Яга-баба мадсь юткозост. Тейтернетне матедевсть. Ансяк а удыть яга-баба ды цёрынесь. Цёрынесь сайсь кедезэнзэ полена, конань костить чевекс каштом лангсо, ды учи. Яга-баба уктазевсь, теевсь покшокс и давай тейтернет-нень нильнеме. Нилenze котонест ды корты:

— А козонь сисемецесь, цёрынесь, кекшсь? Тон косат, цё-рай?

— Тесан, бабай, мон турба удалов кекшинь.

— Валк, цёрам, валк седе курок, а то мон ваксозот кузян!

— Бабай, мон пелян. Тон лучше, бабай, арак каштомонть икелев, автик кургот, мон витьстэ кургозот кирнявтан, штобу мезеяк а неемскак.

Яга-баба арась каштом икелев, автизе кургонзо ды учи. Цёрынесь кодак ёртызе лепень мукоренть кургозонзо—яга-бабань ве пеезэяк эзь кадово ды кирьга парензэяк сезизе. Яга-баба прась ды кулось. Цёрынесь седе курок валгсь, сайсь пеель, ла-зызе яга-бабань пекензэ ды нолдынзе тосто сазортнэнь. Сынсь весе тосо ещё живть ульнесть. Нолдынзе ды мери тенст:

— Эх тынь, помела прят! Ведь мон кортынть тенк, илинк кун-соло яга-бабань, илинк чаво кискинень. Тынь маштынк сонзэ ды тынськак ёмакшныде.

12. СИРОТКИ И БАБА-ЯГА

Жили-были старик со старухой в домике на бугорке. Было у них семь детей: шесть девочек, а седьмой мальчик. Он был самый маленький, но самый умный. Мать и отец умерли, остались детишки сиротками. Жили они бедно, ничего почти у них не было. Была у них небольшая собачка, которая что ни поймает, принесет детишкам. Так она и помогала сиротам. По ту сторону реки от их домика жила баба-яга. Однажды старшая девочка

ушла в лес и нашла этот домик, вошла в него. Там сидела баба-яга.

Девочка испугалась. А баба-яга спрашивает ее:

— Ты откуда, золотце мое, сюда пришла?

Рассказала девочка, кто сна, как живет, где живет. Баба-яга сразу доброй стала: накормила, напоила девочку и спрашивает:

— И одни не боитесь в пустом доме ночевать? Ведь в доме-то нет взрослого человека.

— Боимся, бабушка, да некого пригласить ночевать.

— Ух, девочка, знать, уж сама буду приходить к вам ночевать.

— Приходи, бабушка, хоть сегодня приходи.

— Приду, деточка, приду, — а сама думает:

«Эту я сейчас есть не буду, а домой к ним приду — всех семерых могу съесть».

Ушла девочка домой, а баба-яга стала зубы точить, наточила остро. Стемнело. Баба-яга пошла к детишкам, чтобы их съесть. Подошла она к берегу реки и гззорит:

— Войлок из тростника, войлок из лубка, переправьте меня на тот берег, чтобы съесть семь сирот.

Откуда ни возьмись прибежала к воде собачка и стала лаять:

— Ав-ав, баба-яга, ав-ав, кривоzubая! Поймаю — всю разорву, дурное твоё мясо волкам выкину!

Испугалась баба-яга. «Пожалуй, правда разорвет», — думает она. Походила-походила по берегу баба-яга и вернулась домой.

На следующий день старшая сестра опять увидела бабу-ягу.

— Бабушка, почему ты не приходила к нам ночевать?

— Боюсь, деточка, собака у вас очень злая. Искусает — на старости куда пойду? Сломайте ей ноги, тогда приду.

Девочки поймали собачку. Мальчик кричит, плачет, не велит собачке ноги ломать, но не послушались его сестры и сломали собачке ноги.

Немного погодя пришла баба-яга к реке и говорит:

— Тростниковый войлок, лубочная кошма, переправьте меня на тот берег.

Услышала разговор собачка, катком подкатилась к воде и стала лаять.

— Ав-ав, баба-яга, ав-ав, дурная голова, поймаю — в клочья тебя разорву, а кости твои волкам выкину!

Испугалась баба-яга, вернулась. На следующий день подошла баба-яга к реке и стала жаловаться девочке:

— Хотела прийти к вам ночевать, но теперь уже не приду: чуть не съела меня ваша собачка.

— Приходи, бабушка, мы собачку свяжем. Она без ног, не поскачет.

— Нет, не приду. Выколете собаке глаза — приду, не выколете — не приду.

— Приходи, бабушка, выколем.

Мальчик стал кричать, плакать, не дает собачку, а девочки опять не послушались. Поймали они собачку, веретеном ей глаза выкололи.

Вечером баба-яга снова подошла к реке и говорит:

— Войлок из тростника, войлок из лубка, переправьте меня на тот берег!

Услышала собачка голос и запах бабы-яги, подкатилась катком к воде и стала лаять:

— Ав-ав, баба-яга, ав-ав, старая ведьма, поймаю — разорву в клочья.

Баба-яга испугалась собачки. Вернулась она обратно домой. Сердитая, зубами скрипит.

Прошло несколько дней, девочка снова увидела бабу-ягу и говорит:

— Бабушка, почему ты к нам ни разу не придешь? Мы одни боимся ночевать.

— Пришла бы, золотые мои, пришла бы, да собачки вашей боюсь. Вы убейте собачку, похороните ее в землю, чтобы и запаха не было слышно, тогда я приду.

Обрадовались девочки. Пришли домой, поймали собачку. Мальчик кричит, плачет, не дает собачку убивать. Не послушались сестры, убили собачку, землей засыпали.

Как стемнело, баба-яга подошла к берегу реки и крикнула:

— Войлок из тростника, войлок из лубка, переправьте меня на берег, пойду сироток есть.

Тростник лег, получился мост, лубок мостки постелил, перешла по ним баба-яга. Пришла она к сиротам в дом. Мальчик спрятался на печку, а девочки обрадовались. Сидят, песни поют и нитки прядут, а баба-яга им всякие сказки рассказывает. Сидели так долго, всю лучину сожгли, устали, затем легли спать посреди пола, а баба-яга легла между ними. Девочки уснули. Не спят только баба-яга и мальчик. Он взял в руку ольховое полено, которое на печке сушилось, и ждет.

А баба-яга икнула, сделалась большой и давай девочек глотать. Проглотила всех и говорит:

— А где седьмой, мальчик куда спрятался? Ты где, сынок?

— Я здесь, бабушка, я за трубой спрятался.

— Слезь, сынок, слезь быстрее! А то я и к тебе полезу.

— Бабушка, я боюсь! Ты лучше встань перед печкой, передо мной, я прыгну тебе прямо в рот, чтобы ничего не видеть.

Баба-яга встала перед печкой, раскрыла рот и ждет. Мальчик как бросит ольховое полено ей в рот. У бабы-яги ни одного зуба не осталось и горло разорвалось пополам. Она упала и умерла. Мальчик быстро встал, взял нож, разрезал живот бабы-яги, и сестры все живые оттуда вышли. А мальчик им говорит:

— Эх, вы! Ведь говорил я, не слушайте бабу-ягу, не убивайте собачку. Убили вы ее, и сами чуть не погибли.

13. СОЛДАТ ВАНЯ

Эрясть-аштеть ве велесэ атя ды баба, ульнесь сынст цѣраст Ванюшка. Эрить яла, эрить. Кассь-кепететь цѣраст, сась призывс молема шказо. Тусь Ванюшка призывс, и примизь Ванюшань службамо. Тусь Ванюшка службамо комсьветее несэ.

Ильтизь атят-бабат цѣраст, проштясть мартонзо, содасть, што больше сынь цѣраст а несызь. Сынь уш сыреть ульнеть, роботамс тенст пек стака, а роботыцят-трицят больше кияк эзь кадово. Эрясть, эрясть атят-бабат нужачисэ, но нужастонть кодаяк эзь лисеве. Тельня сынь кавонест кельме пецька лангс-кулостькак вачодо. Кучсть Ванюшканень куля, што тетязно-аванзо кулость. Эзь кадово Ванюшкань кияк родозо-племазо. Прядызе Ванюшка службанзо, нолдызь сонзэ кудов. «Ков ней монень модемс, кияк косяк родням арась, кияк монь жалицам арась. Туян ков сельмень неить, ков пилень марить. Ялатеке тень кудосо тейнемс а мезть», — арси солдатось.

Тусь Ванюшка. Моли паксянь-паксянь трокс, вирень-вирень пачк. Куватьс а куватьс мольсь Ванюшка, васов а васов пачкодсь, но пачкодсь покш вирьс. Истямо уш покш виресь, истямо покш, косяк а край а пе арась. Моли Ваня вирьганть, лиссь покш полянас, ваны яннэ ды тусь сон те яннэванть. Мольсь, мольсь, ваны—кудот. «Кой-как муинь эрицят, хоть аламодо ой-мсян», — арси Ваня.

Пачкодсь кудонтень, панжизе ортанть, совась кардайс — кияк арась. Совась кудос — кияк арась. «Мекс истя кудосонть кияк арась, ков весе тусть?» — арси эсь пачканзо цѣрась. А пекезэ Ванянь пек вачсь. Сон уш кавто-колмо суткат мольсь вачо. Панжизе пецьканть, ваны: тосо чугунт. Таргизе вейке чугунонтъ — пешксе сывель ямдо. Каясь блидяс ям, керясь сывель сускомо, таргизе омбоце чугунонтъ, тосо каша, каясь каша. Ярсась, тонгинзе мекев чугунтиэнь ды арси: «Козонь бу ней кекшемс. Сон варшнесь эстензэ кекшема тарка, но костояк эзь муе. Ваны, стенасо покш зеркала. Дай сован зеркаланть удалов, тозонь мадемаяк кельгань». Куйсь те зеркаланть удалов, озась тозонь ды ашти. Куватьс а куватьс тосо аштесь, ансяк марясы сыщят. «А, неть кить-бути сыть, мезть ней кармить монь марто тейнеме» — думи солдатось. Совасть кудонтень колмо тейтерть. аламо шкань ютазь совась сыре атя.

— Ну, дочкам, дайте обедатано, — мерсь атясь.

Озасть весе столь экшс, кармась вейке тейтересь столень пурнамо.

Таргизе пецькасто ямонтъ ды мери:

— Дедай, ямонок эйстэ кие-бути ярсась, ванык сывеленть эйстэяк керясь.

— Можот, дочам, те кодамояк инже, пекезэ вачсь ды ярсась. Ну и кадык ярсась, дайте миньгак ярстано, миненекак саты.

Ярсасть ямдо и сывельде, таргизе тейтересь кашанть и мери:
— Дедай, кашадонтькак ярсась.

— Кадык, дочам, ярсась, шумбрачикс тензэ молезэ.

Ярсасть весе, стясть столь экшстэ, ды атясь мери:

— Ней эряви содамс, кие жо ульнесь кедьсэнек инжекс.
Дайка, дочам, таргика сундуксто зеркаланть, вешнесынек, кие ульнесь кедьсэнек.

Таргизе тейтересь сундуксто зеркаланть, кармась атясь ванномо. Ладизе зеркаланть пакся ёнов ды ваны: паксясо арась, а неяви. Ладизе зеркаланть виренть ёнов: вирьсэньтькак арась, а неяви. Ладизе морянтъ ёнов ды ваны: морянтъ ёнояк арась, а неяви, значит, те инжесь аволь простой ломань, сон ко-соjak теске, ковгак эзь туге.

Кармась атясь пшкалеме:

— Давай лиссть косо улят. Кие илязо уле, иля пеле, мезеяк тонеть а ули, а токатадызь.

Солдатось ашти зеркаланть удало, а черькиняк.

— Лиссть, ульть прок эсенек. Эсенек семиянь ломань кармат уleme тенек. Бути минек порават ды цёрат, ульть братокс, бути ава ломанят — ульть родной сазоркс.

Кирнявтсь солдатось зеркаланть удалдо.

— Мон меринь ведь те аволь простой ломань, несак солдат. Ну, служивой, озак, паряк, пекеть вачсь.

— Пек прок эзь вачо пекем.

— Эзь вачо, давай аламодо закусятано. Давайте, дочкат, пурнадо инжень вастома столь!

Тейтертне мезе ансяк столенть лангс эзь тарга: и закускат, и вина, мик косто-бути музыка появась. Прок алкуксонь балсо. Озасть сынъ ветенест ды кармасть симеме-ярсамо. Атясь кевкстни солдатонть:

— Ну, ёвтык, служивой, ков молят, ков капшат. Тетятень-аватень, или кудос кадовсь козяйкат?

— Монь, дедай, арась а тетям, а авам, козяйкам истя жо арась. Капшамо тень а ков, молян, а содан ков, ков сельмень неить, ков пилень марить, ков пильгень молить.

— Тон, цёрам, курокудов а пачкодят, давай кадовт ве не эрямо монень. Эрят не, мейле седе куроку тон пачкодят, ков теть эряви.

— А мезе мон карман тееме тонь кедьсэ?

— Монь, цёрам, роботам аволь стака. Оно конюшнясо ули сивой айгор. Тон кармат те айгоронть симдеме-андомо, а кодак чопоти — пекстасак ланжомо экшс.

— Ну ладна, служинь мон комсьветее иеть службасо, а те ве неить кодаяк служаса.

— Ва, цёрам, иля арсе оргодеме, мон ялатеке хоть косто мутан, тон монь эйстэ козоньгак а кекшеват.

— Арась, дедай, арась, согласян не служамо тонь кедьсэ. то служан.

Сась атянть туема срокозо.

— Ну, дочам, аядо, сатано мекев нень ютазь.

Лиссть тейтертне крыльця лангс, теевсть голубкакс ды тусть ливтязь. Лиссь атысь, пупордясь крыльця лангсто, теевсь вихорькс и тусь.

— Ого-го, нетнень экштэ а оргодят, эряви кодаяк не слу-
жамс.

Мольсь конюшняс сивой айгоронтень, а тень ансяк ловажан-
зо, истямо тоща, истямо тоща. Кармась сон те алашанть мельга
якамо. Сон и анды, и экшелясы, и симди эйсэнзэ. Но алашась
кодаяк а справи. Сы чокшне, пекстасы панжомас, ды сонсь со-
ви кудов. Пекезэ эсензэ вачсь куломс. Якась, якась сон кудо-
ванть, но костояк ярсамопель эзь муе. Мусь ансяк столь ланг-
сто покш пеель. Саизе пееленть, ладизе мештезэнзэ ды мери:
«Вачо куломадо нерькстаса пееленть мештезэнь, ды теке ули». —
Мейле арсесь, арсесь ды таго мери:

— Мон тень кис, нать, служинь комсьветее неть, штобу ней
эсь прям печкевлия. — Кодак те пееленть эшкизе мастор
ваксс—сразу «скок» — лиссь цёра ды мери:

— Мезе теть эряви?

— Или а содасак, мезе тень эряви, несак колмо чить вачан,
ярсамс эряви!

Нейке появась столь лангс эрьва кодамо ярсамопель, а те
цёрась ваны ды кевкстни:

— Паряк, ещё теть мезеяк эряви?

— Давай весе, мезе тосо ули.

Появась сразу музыка, кармасть киштеме-морамо.

— Вана косо эрямость, а то мон эсь прям маштыксэлия.
Служи солдатось атянть кедьсэ. Чить анды Сивкань эйсэ, а
веть сонсь сими-ярсы. Кармась иесь ютамо, кармась срокозо
малав само, кармась Сивкаяк виензамо, а Ванюшка эри горяв-
томо. Ютась срокозо, састь тейтертне, аламодо седе мейле сась
атяськак.

— Ну, дочкат, ней больше мон ковгак а молян, ней мон
маштыя противником, парсте служась монень солдатось, пар-
сте андсь-симдсь Сивкань. Ну, цёрам, тон парсте службат слу-
жик, ней вешть, мезе теть эряви роботат кисэ?

— Мон, дедай, а содан, мезе максат, ды сень сайсаяк.

— Саик, цёрам, оно Сивкань. Тонсь якить мельганзо, тонсь
симдять-андыть эйсэнзэ ды на вана теть те саблянтъ. Те сабля-
сонть кодак яходят вирь лангс — сразу икелеть тееви керязь
просека, сон весе виренть сявордсы, весть яходезь керясы вой-
сканть.

— Пасиба, дедай!

Вейке тейтересь макссь тензэ казнекс невидимка-шапка, ом-
боцесь — скороход-кемть, а колмоцесь — самотряс-кошелёк. Са-
инзе Ванюшка весе, прохтясь ды тусь. Сон ардсь, ардсь, пач-
кодсь сон покш столичной ошс. Совась сон дова бабанень. Эря

чи, эри недля ошсонть. Тусь ошка якамо, мольсь ошонь площадентень, а тосо певтеме ашти народ. Совась Ванюшка те народонть юткс и кунсолы. Ломантне кортыть:

— Зярдю пешкеди минек ведьмась, тон ванька, сон эрва недлячине од цёрань пря керявты.

Кузь плаха лангс од цёра, цёрась истямо мазый, истямо паро. Сюлмизь цёранть кедензэ удалов, правтызь кунст, ды палачось узерьсэ керизе прянзо. Сялгизь те цёранть прянзо колия пряс ды саизь дворецэв инязоронь тейтерентень. Ваннос-тейсь Ванюшка и тусь кудов, сась кудов и кевкстни бабиненть эйсэ:

— Бабай, мекс течи од цёрань пря керясть площадьсэнтъ.

— Ох, цёрам, ули минек инязоронть тейтерезэ, сон страшной колдун. Тейтересь мери: «Мон молян сенень козяйкакс, ко-на монь колмо веть вантсамам, а бути а ванстован, то сень прянзо керявтса». И вот, цёрам, сыть те тейтеренть чиявтомо эрва кодат женихть: и инязоронь цёрат, купецень цёрат, простой народонь цёрат — а те тейтересь цехсо прят кери, прок тикше леди.

— А если, бабай, монень модемс те тейтеренть ванстомо?

— Ох, цёрам, иля яка, иля пеще мартонзо, ёмат а мезень кис.

— Молян, бабай, ведь мон ськамон, монь а тетям, а авам, кияк родноем арась, кияк ризныця кисэнь а карми уleme.

— Аволить бу моле, цёрам, ёмавтсак ведь прят.

Тусь Внюшка, мольсь дворецэв ды мери:

— Мон карман тейтеренть ванстомо. Мон арсян лангозонзо урвакстомо.

Инязоронь тейтересь тейсь цёранть марто договор, штобу колмо веть ванстомс, или содамс ков сон ёмси, ков яки. Теевсь договорось. Саизь Ванюшкань, ветизь кудос. Кудось пятистенной, вальмавтомо. Ансяк эйсэнзэ кенкш. Совавтызь икеле комнатанть тейтеренть, а удалце комнатас кадовсь Ваня. Тейтересь яки комнатаванть, а Ванюшка удалце комнатасонть, кармась таргамо. Кенкшензэ эзизе пекста, кадызе панжадо. Прась кунст кроватензэ лангс ды теизе прянзо удыкс. Ламо а ламо ютась шкась, марясы лиссь тейтересь комнатастонзо, ваны цёранть лангс ды мерсь: «Э, нолгарь, тонсь арсят монь ванстомо, а тонсь удат». — Нерькстась Ванюшкань судонзо алов пузырька матедевитиця капля марто, никсевтизе сонзэ, ды Ванюшка матедевсь. А тейтересь се шкане наряжась ды тусь вечкевиксэнзэ туртов. Сонзэ вечкевиксэнзэ эрясь вейксэ государствань томбале, кеменце государствасо. Сыргойсь солдатось, ванны — тейтересь арась.

— Ну, тусь сатанась, ней косто тень муемс?

Карсинзе седе курук скороход-кемензэ ды мери:

— Ну, кемнеть, чиезде мельганзо, сасамс сонзэ обязательна эряви.

Сайсь кедезэнзэ цилигань тенсть, путызе прянзо неви-

димка-шапканзо. Сон чийсь, чийсь, сасызе тейтеренть пеле ки лангсто.

Кодак сасызе тейтеренть, давай сонзэ чавомо пря ланга, чама ланга, кува понгсь. А тейтересь вансы тевензэ берянтъ: кодаяк а варштават, а штавтови чамась ды мери: «Косто истя кепететьсь виев цярахманось, а пачкодят, пожалуй, эряви велявтомс мекев». — Велявтсь тейтересь мекев кудов, а солдатось яла крѣстни эйсэнзэ прянтъ трокс. Кармасть пачкодеме малав. Солдатось тусь икелев ды мольсь тарказонзо седе курок. Совась тейтересь, ваны ды арси:

— Эх, ванстыця! Бути а те цярахманось, неевлимик монь. Удок, удок, удат истя колмо веть, а мейле тонь мацтядызь.

Ашолгадсь, састь дворецэнтень. Солдатось теске, и тейтереськак теске.

— Темень истя дива, кода ванстовсь минек ведьмась?

Саизь Ванюшкань, пекстызь омбоце чокшненть самс панжомма экшс, а тейтеренть пекстызь комнатас. Сась омбоце чокшнесь, тейтеренть ды цѣрантъ таго тов ветизь. Тейтересь совась икельце комнатас, а цѣрась кадовсь удалцентень. Прась Ванюшка кровать лангс и було уды. Лиссь тейтересь икеле комнатастонть, неизе удыця цѣрантъ ды корты:

— Остатка пезэнзэ уды! Или сон удозь арси ванстомон.

Совась мекев комнатазонзо, наряжась. Лиссь, никсевтизе цѣрантъ, цѣрась матедевсь. Куватьс а куватьс удось, стясь Ванюшка — тейтересь арась.

— Таго тусь ведьмась! — кежень пачк мерсь цѣрась ды тусь сасамонзо.

Сасызе тейтеренть, а тейтерь уш се государствантень щють эзь пачкоде. Сайсь рудаз ды ваднинзе тейтеренть нарядонзо.

— Вай, те козонь истя мон вадневинь рудазсо, туемстэ прок весе ванькс оршамопельть оршакшнынь. Вана косо апарось! Эряви велявтомс мекев, а молят истямо одежасо принцэнтень!

Велявтсь тейтересь мекев, кармась пачкодеме, а солдатось икеле пачкодсь ды мадсь. Совась тейтересь, ваны — солдатозо уды.

— Ну и удат. Удок, удок, те пек паро.

Совась комнатазонзо тейтересь, кайсинзе одежанзо и мадсь. Ашолгадсь, састь дворецэнтень, ваныть — тейтересь теске.

— Ванодояк, те пряма дива, таго ведьмась теске, арсекая ведь, берякшке ломань, а тейтересь яла кудосо.

Саизь Ванюшкань, пекстызь башка таркас, а тейтеренть пекстызь эсензэ таркас. Сась чокшнесь. Остатка чокшне. Ветизь солдатонть тейтеренть марто и кадызь. Яки яла Ванюша комнатавантъ, яки, таргась, мейле мадсь кунст кроватентень ды теизе прянзо удыкс.

— Лиссь тейтересь, никсевтизе солдатонть, сонсь совась комнатазонзо, наряжась кода эряви ды тусь. Удось Ванюшка зярсыя, сыргойсь — а тейтерь арась.

— Эх, ней некак пек куватьс уднь, сасави, што ли, тень ведьмась. Нука, кемнеть, сасадо бойкинесть.

Сасызе тейтеренть, тейтересь уш совиль вечкема цёранть ошонтень. «Кода ней велявтомс»,— арси Ванюшка.— Сави кадомс, а то те ведьмась фати ды истожатанзат. Пачкодсь тейтересь дворецэнтень, совась, а солдатось мартонзо. Совась тейтересь ды лакеенть кевкстни:

— Ну кода, принцэсь кудосо?

— Кудосо, сон уш колмоце чокшне учи.

Тусь тейтересь принцэнтъ комнатав, а Ванюшка кадовсь лакеенть вакс. Аламос аштезь лакеесь кармась кортамо:

— Тон ведь арсека, эрва чокшне сон сы зняронь тарка, а мон куломозон, натъ, уш а понган чачома масторов, а неса, натъ, куломозон эсь семиям. Зярдо мон пачкодян? Кулан ки лангс, а пачкодян.

— А тонеть пек охота кудов пачкодемс?— пшкадсь лакеентень ломань вайгель:— Иля тандадо, иля тандадо, мон тожо тонь кондыман ломанесь.

Саизе Ванюшка прястонзо шапканть — теевсь истямо жо ломанькс.

— Бути кармат монь эйсэ кунсолото, тон кавто часос кармат улеме эсеть государствасо!

— Мекс а карман, давай, мезть мерят, сетнень карман тейнеме.

— Ней мезть тосо тейнить тейтересь ды принцэсь?

— Ней сынъ анокстыть венчамо. Валске сынъ арсить тееме свадьба и венчамо.

— А косо сынст венчамо одежаст?

— О, неть пек васолот, подвалсот. Эряви ютамс сынст вакска, панжомс кенкшенть ды совамс лия комнатав, тосто понгат подвалов.

— Тон ней соват мейскак сынст комнатав?

— Мон совавтан тенст самовар, сынъ кармить симеме чайде.

— Кода тон кармат совавтомо самоваронтъ, сестэ монгак сован тонь марто, а тон кода лисят мекев, панжсак кенкшенть, а мон се шкане панжса тона кенкшенть ды сован тов. А мейле, кода совавтат тон мезеяк тенст, панжсак кенкшенть вейсэ тонь марто лисян.

— Ладна, давай истя тейтяно, мон весе тейса, мезть ансяк тон мерят.

Кармась лакеесь совавтомо принцэнтъ марто тейтерентень самовар, ды солдатось совась мартонзо. Путызе самоваронтъ ды тусь мекев. Зярдо лакеесь пекстызе мельганзо кенкшенть, панжовсь подвалов кенкшесь.

— Те мекс истя панжовсь те кенкшесь?— кевкстни тейтересь.

— Минек кенкшенек весе пижень шарнир лангсот, сынст коштось панжсынзе.

Больше мезтькак эзь корта теде. Кармасть симеме чайде, симить и раксить. А Ванюшка валгсь подвалонтень, саинзе тейтеренть венчамо платиянзо, цёранть венчамо костюмонзо и карсемапелест, а остаткатнень весе сезнинзе, тапинзе, арась кенкшенть удалов ды учи, кода сы таго лакеесь. Марясы: сы лакеесь, канды ярсамс принц марто тейтерентень. Ансяк панжизе кенкшенть — панжовсь подвал кенкшеськак. Тусь мекев лакеесь, лиссь мартонзо Ванюшкакаяк.

— Куватьс сынъ тесэ кармить симеме-ярсамо? — кевкстни Ванюшка лакеенть.

— Кавто-колмо част кармить симеме-ярсамо.

— Ну, минь сынст учомо а карматано, пока сынъ ярсавить, минь уш ультяно кудосо.

— А кода минь тутано?

— Те уш тон пек иля мелявто, мусынек кудонтъ. Дай поводть кутьмерезэнь, кодаяк, чей кандоват.

Поводсь лакеесь Ванюшкань кутьмерьс. Сюлмонзо Ванюшка саинзе кавалалонзо ды тустъ. Ютасть кавто-колмо част, Ванюшка лакеенть марто пачкодсть уш. Кода пачкодсть, Ванюшка мери лакеентень:

— Тон ней мольть гостиницас, кода тон монень кармат эрявомо, тонь кис кучан, а тон сайсак вана те сюлмонтъ ды молят.

Ванюшка сонсь тусь ванстомо кудонзо, а лакеесь тусь гостиницас.

А принцэсь тейтеренть марто яла симить-ярсить. Сынъ симсть, симсть, ды тейтересь мери:

— Дайка минь вансынек венчамо одежанок, мекс-бути монь сынст кис седеем пек сэреди, целат ли? Ведь тонсь содасак, кодак ёмить минек венчамо одежанок, то свадьбанок а ули.

— Мезде тон пелят, — корты принцэсь. — Ков тестэ молить, мон истя эйсэст ванстан, кияк тей а совавияк, а монь ванстыцяк кодат, нармунь ливтямо а нолдыть. Адя вансынек, кадык тонь сельметь несызь, што сынъ весе целат.

Совасть кавонест подвалонтень ды вануть...

— Те истя мезе тесэ, мекс весе венеценек тапазь, а косот венчамо одежанок? — тандадозь кармась кортамо принцэсь.

— Кие тезэнь совсесь, кода те истя? Эряви кевкстемс лакеенть, кие сакшнось, ведь мон чокшне ещё ваннынь, сынъ ульнестъ целат.

— Лиссть тосто, серьгедсть лакеентень, а каршозонзо кияк а ответи.

— Те мекс истя, мекс лакеесь а ответи? Матедевсь, што ли?

Мольсть залонтень, варштасть тей-тов, тей-тов, а лакеесь арась. Тейтересь кармась кортамо.

— Ну, ней минек свадьбань тевенек каладсь, ней проштай, мон туян, больше тонь вакссо ве минута а карман аштеме.

Лиссь тейтересь, шказо ещё ве. Сась мекев кудов, а солдато зо яла уды.

— Удок, удок, паряк паро он неить, неик, паряк, онстот, кода прят кармить валске керямо.

Ашолгадсь, састь, саизь Ванюшкань дворецэв, а тосо цела комиссия ойсезь ашти ды учи. Совавтызь Ванюшкань лия комнатав, тердизь тейтеренть и кевкстнить:

— Ну, тон орголить солдатонтъ эйтэ?

— Орголинь, — ответи тейтересь.

— А эно мекс валске, кода молинек, ульнить кудосонтъ?

— Васенце вестэнтъ пеле ки лангсто велявтынь мекев: кепететь истямо цярахман, што мик сельме-чама а неят, ды савсь велявтомс.

— А омбоце вестэнтъ орголить?

— Орголинь, — ответи тейтересь, — ансяк мекев савсь тень велявтомс.

— А мейс велявтыть?

— Мейс велявтынь?.. Козонь-бути одежан рудазсо вадневкшность, ды монень савсь велявтомс, а молят жо ваднезь одежасо.

— А колмоце вестэнтъ орголить?

— Да, орголинь, бути а несчастья, монь тестэ аволимизь нее, мон бу те шкас улевлинь венчазь уш.

— Кодамо несчастья лиссь?

— Ёмасть венчамо одежанок, а венеценек кие-бути весе тапинзе, ёмась ков-бути монь женихенть лакеезэ. Секс вана монень савсь самс кудов.

— Ну, ладна, озак ве бокав, сейчас минь кевкстнесынек солдатонтъ, кода сон тонь эйсэ ванетсь.

Совавтызь Ванюшкань, озавтызь стул лангс и кармасть эйсэнзэ кевкстнеме.

— Ну, кода, солдат, васенце вестэнтъ ванстык тейтерентъ?

— Да, ванстыя.

— Сон тукшнось, а тон удылить?

— Да, тукшнось, ансяк мон сонзэ велявтыя пеле ки лангсто мекев.

— А кода тон сонзэ велявтык?

— Кода велявтыя? Саинь кедезэнь цилигань тенсть, сасья ды карминь те тенстьсэнтъ прянь трокс керямонзо, а сон ансяк тейни: «Косто истя те цярахманось кепететь?» — Кодак чаманзо штавтсы — мон тенстьсэнтъ ды велявтсь сон мекев, вот истя мон сонзэ велявтыя васенцеде.

— Те виде, — корты тейтересь.

— Ну, виде, тык кадык ули виде. А ней ёвтык, кода сонзэ ванстык омбоце вестэнтъ?

— Омбоце вестэнтъ сон истя жо тукшнось. Мон сонзэ сасья, зярдо сон пачкодиль лия государствас. Саинь рудазт ды ваднинь весе нарядонзо, секс савсь сонензэ велявтомс.

— Теяк виде, истя тевесь ульнесь, — корты тейтересь.

— Ну, ней ёвтык, кода ванстык колмоце вестэнтъ?

— Колмоце вестэнтъ сон тусь, мон сонзэ сасья, сон уш со-
вакшнось ошонтень, лия государствасоль. Мон сонзэ ошстонтъ
эзинь карма велявтомонзо, пелинь, илязо чарькоде. Сон мольсь
витьстэ дворецэнтень. Мон молинь мартонзо. Совась дворецэн-
тень, мон совинь мартонзо. Кодак совась сон, кевкстизе лаке-
енть, косо принцэсь. Лакеесь мерсь, што сон залсо ды учи уш
колмоце ве эйсэнзэ. Тейтересь тусь залов принцэнтень, а мон
кадовинь лакеентъ вакс. Аламо шкань ютазь лакеесь кармась
кортамо: «Эх,— мери,— зняронь тарка сон эрва вене сакшны,
а зярдо мон пачкодян кудов, зярдо несынь роднян, нать уш
кулан, неемс тень а савить».— Мон лакеентень мерян: «Пек,
нать, бажат кудов модемс?»— Сон монень мери: «Кода а ба-
жамс, ва уш зяро неть мон пленсан, но кодаяк кудов а тую-
ван».— Мон лакеентень мерян: «Мон тонь пачттян кудов, ансяк
кунсолок, мезть мон тонеть мерян ды сетнень тейть».— Лакеесь
макссь тень вал, што истя карми теемеяк. Мон кевкстинь
лакеентъ кедьстэ, косот венчамо одежаст, мезть сынъ валске
думастъ тейнеме. Лакеесь монень ёвтась, што сынъ валске пур-
ныть-сэрнить венчамо, венчамо одежаст подвалсот. Те подва-
лонтень можна модемс ансяк залонтъ трокс, принцэнтъ марто
тейтерентъ вакска ды ютамс эряви принцэнь спальняванть. Ко-
да лакеесь совавтызе самоваронтъ, мон совинь залонтень, кода
кармась лисеме, совинь подвалонтень. Зярс сынъ симсть чайде,
пурнынъ весе венчамо одежаст и венечест тапинь, сюлминъ весе
ве сюлмс ды учинь лакеентъ совамонзо. Кода лакеесь совась
залов, се шканть панжия кенкшентъ ды лисинь мекев. Кода
кармась лакеесь лисеме залстонтъ монгак лисинь сонзэ марто.
Мейле сон поводсь монь кутьмерьс, ды минь сынек тей.

— Паро тонь ёвтнемат,— корты тейтересь,— невтить оде-
жатнень:

— Невтьсынъ.— Азёдо тердинк гостиницасто се ломанентъ,
кона сась мартон.

Мольсть ды нейке ветизь лакеентъ, лакеесь туизе сюлмонтъ,
а Ванюшка корты:

— Вана те ломанесь принцэнтъ лакеезэ.

— Да, те сон,— корты тейтересь.

— Вана тесэ весе венчамо одежатне.

Юксизе Ваня сюлмонтъ, таргинзе одежатнень, ваннызь.

— Да, неть,— мери тейтересь.

Виде, солдатось ванстынзить.

— Монень больше тейнемс а мезть, мон ней сонзэ.

Инязорось тейсь бал, венчизь солдатонтъ тейтерентъ марто,
ды кармасть сынъ эрямо. Эрить недля, ков, а тейтересь веть
яла оргоди принцэнтень. Сынъ кавонест арсестъ, кода солда-
тонтъ истожамс. Пурнась принцэсь покштояк-покш войска,
кучсь инязоронтень сёрма, што сон сыргавтсь лангозонзо вой-
на, мекс инязорось эзизе максо сонензэ тейтерензэ, максызе жо
кодамо-бути солдатнэнь. Получизе инязорось сёрманть.

— Ну ней, некак, сась тень пе, ней монь государстванть розорясы.

Мольсь тейтерентень, а тейтересь отечи:

— Кода мелеть, тетяй, мон тонеть кодаяк а лездан.

Мольсь инязорось содамонзо туртов и ёвтнизе тензэ весе теветень.

— Ладна, раз сон сыргась, то миненек сави мартонзо тюремс. Давай пурнык зняро ули войскат, листяно каршозонзо, кодаяк а холдасынек тей.

Пурнызе инязорось весе войсканзо ды кучизе принцэнтъ каршо. Сась се чись, зярдю войскатне карадо-каршо вастовить, мольсь Ванюшка козяйканстэнь и мери:

— Тон дай пут самовар, кенери самоварось, нуртяк монь стаканонтень: бути эйсэнзэ чаесь кельми, то монь больше илямизь учо, мон жив а улян.

Лиссь, путызе седланзо Сивканзо лангс, озась ласте, дедань саблянтъ кедезэнзэ саизе и тусь. Ардсь принцэнтъ войсканть малас, таргизе саблянзо, яходсь вестъ — и весе войскась, прок вирь, сяворсь. Кадовсь ансяк вейке солдат живстэ. Мольсь Ванюшка, сёрмадсь записка, максызе солдатонтень ды мери:

— Азё максык принцэнтъ туртов, кадык стяко сон а ёмавтни войсканзо, ялатеке мезеяк а теи.

Велявтызе Сивкань кудов. Совась горницяс, козяйказо нуртни чай. Симсть чайде, ды кармасть таго эрямо. Эритъ недля, ков, принцэсь тонавтызе тейтерентъ, штобу сон Ванюшкань кевкстевлизе, кода изнизе сонзэ войсканзо. Козяйкась Ванюшкань кевкстни:

— Ёвтык, Ваня, кода тон керик принцэнтъ войсканзо, косто тон зняро виентъ сайник?

— Косто сайния, мерят, онот соруголсто тенстентъ сайния, ды се тенстьсэнтъ тенсия принцэнтъ весе войсканзо.

Валске стясь Ванюшка, ваны: сор уголсо лия тенсть, весе наряжась, а тона тенстесь уш пачтязь принцэнтень. Получизе принцэсь тенстентъ, пурнась войска ды таго сыргась воёвамо. Пурнавтынзе Ванюшка инязоронтъ кедьстэ войсканзо ды кучизе принцэнтъ каршо. Сась таго се чись. Путовтызе Ванюшка козяйканзо кедьстэ самоваронтъ ды мери:

— Нуртяк стаканозон чай, бути кельми, то мон больше а сан, жив а улян.

Лиссь, озась Сивканзо лангс ласте ды тусь. Ардсь принцэнтъ войсканть каршо. Таргизе саблянзо, яходсь вестъ ды эзь кадово ве солдаткак, весе керинзе. Велявтызе Сивканзо мекев кудов. Сась кудов, а козяйказо ансяк ещё самоваронтъ путызе столь лангс, озась Ванюшка ды кармасть чайде симеме, прок мезеяк арасельгак. Ютась ламо а ламо шка, а козяйкась гуекс мирдензэ перька чары, кевкстни яла эйсэнзэ, кода изнизе принцэнтъ войсканзо? Эзь кирдеве Ванянь седеезэ, ёвтызе козяйканстэнь секретэнтъ:

— Эх, дуракт, арази тенстьсэ можна маштомс войска, оно мон дедань саблясонть керия войсканть.

Чокшне мадсь Ванюшка, матедевсь кеместэ, а козяйказо полавтызе саблянтъ, понгавтсь тарказонзо лия, весе наряжизе, а Ванюшкань саблянтъ проводизе уш принцэнтень. Кодак принцэсь получизе саблянтъ, сеске пурнызе весе войсканзо ды таго сыргась воёвамо. Пурнызе инязорось войсканзо ды кучизе принцэнтъ войсканзо каршо.

Сась те чись, зярдо войскатне должны карадо-каршо вастовомо. Ванюшка корты козяйканзо туртов:

— Путык самоваронть, зярдо кенери, нуртяк стакан, бути чаесь стакансонть кельми, мон а улян, монь илямизь учо.

Сонсь лиссь, озась Сивканть лангс ды тусь. Ардсь принцэнтъ войсканзо каршо, таргизе саблянзо, яходи войскась цела, аволды ещё — мезеяк а лиси ды думазевсь: «Эзия кунсоло дедань, ёвтынъ козяйкама туртов. Алкукскаяк, манимим ведьмась».

А принцэсь лиссь губор лангс, неIZE Ванюшкань Сивканзо лангсто, таргизе саблянзо, кодак яходсь Ванюшкань лангс, прась Ванюшка кавтов седланзо лангс. Мольсь принцэсь, саIZE алашанек, ветизе эсензэ войсканзо икелев ды мери:

— Вана те самай керсесь минек войсканть, а ней понгсь сонсь.

Саизь Ванюшкань, тапизь весе капстакс, козоньгак цела куска эзь кадо ды арсестъ сонзэ паксянь келес видеманзо. А мейле принцэсь мери:

— Дайте минь сонзэ эцесынек боцькинес, сюлмасынек эсензэ алашанзо пулос и нолдасынек.

Саизь Ванюшкань, эцизь боцькинес, сюлмизь Сивкань пулос и нолдызь. Сивка васня тусь састыне, боцькась вачкоевсь пильгезэнзэ, кода тусь ве ёнов, кепететсь Сивка ды тусь ливтязь. Кувать а кувать сон ливтясь, пачкодсь дедань орта лангс ды кармась цяхамо. Маризь тейтертне Сивкань цяхамодо и мерить:

— Дедай, Сивка сась, нать, Ванюшка а жив, ёмась козоньбути.

— Нолдынк Сивкань кардазов.

Нолдызь Сивкань, вануть пулосонзо сюлмазь боцька:

— Дедай, Сивкань пулосо сюлмазь кодамо-бути боцька.

— Дайте совавтынк тей, те Ванюшка, сейчас минь сонзэ вансынек и тейсынек теветь кода эряви. Ней, дочат, давайте кундадо тевс, пурнадо эрьвейкесь колмо кубометрат пенгть, уштынк колмонест печькатнень, кармадо лакавтомо колмонест котёлтнэнь. Васня сонзэ каясынк пижень котёлонтень,— тонавтсь яла тейтертнень атясь,— тосо лакавтсынк, мейле каясынк сиянь котёлонтень, тосо лакавтсынк, сон яла карми вейс пурнавомо, эрьва сывель кускась сонсь мусы тарканзо. Мейле каясынк сырнень котёлонтень ды карматадо тосо лакавтомонзо, те котёлсонть сон уш вейс пурнави.

Пурнасть тейтертне пенгть, уштызь пецькатнень и кармасть колмонест котёлтнень лакавтомо. Каизь васня боцькастонть сывеленть пижень котёлонтень ды тосо лакавтызь. Кармась сывелесь ашолгадомо, вейс пурнавомо. Таргизь те котёлстонть, каизь сиянь котёлонтень, тосоак лакавтызь. Ков лакавтыть, сывелесь яла тееви ломань тела ёнов молицякс. Сынь лакавтсть, лакавтсть, таргизь сиянь котёлстонть, каизь сырнень котёлонтень и кармасть лакавтомо. Ков лакавтыть, тов теевить то кедь, то пильге, то мезе. Лакавтызь, таргизь котёлстонть ды валызь веденть кардайс — сразу теевсь кардазонть умарина, алксозо весе пижень, тарадонзо сиянь, а умарензэ сырнень. Совавтызь телань пелькстнень кудов, лацизь столь лангс кода эряви. Таргась атясь кавто пузырькат ведь марто. Вадизе вейкенть эйсэ, теевсь Ванюшка ансяконь кулозь ломанькс. Вадизе омбоце пузырькастонть, стясь Ванюшка и ваны:

— Э-ге-ге, мон вана косан, дедай, тонеть понгинь.

— Да, цёрам, Сивка тонь пуло песэнзэ боцькасо пачтинзить тей, а минь яла ниленек хлопочинек перькат.

— Пасиба, дедай, пасиба; пасиба тыненкак,— корты тейтерькатненень.

— Ну, ней, цёрам, мезть кармат тейнеме, ков арсят молеме, или кадоват теске эрямо?

— Арась, дедай, молян принцэнтень, пандсынь кежень, ней саинк весе казненк, монень сын а эрявить.

— А Сивкань сайсак, цёрам.

— Мезть ней теян, дедай, Сивканть марто, мон ней монськак Сивкадо бойкасто чиян.

— Ну, ладна, цёрам, азё.

Лиссь Ванюшка крыльця лангс, пупордясь, теевсь соколокс и тусь ливтямо. Пачкодсь ошонтень, косо принцэсь эри козьянканзо марто, а принцэсь уш царь, сыре инязоронть таргинзе сельмензэ и пекстызе башняс.

Пачкодсь Ванюшка ошс, кодак валгсь, пупордясь теевсь солдатокс. Совась ошонтень, бедной ломаннень мольсь квартирас. Эрясть кудосонть сыре атя ды баба. Нолдызь Ванянь квартирас. Эри Ванюшка чи, эри кавто. Куватьс а куватьс сон эрясь атянтъ ды бабанть кедьсэ, чопотетсь чизэ ды корты Ванюшка атянтень.

— Тон, дедай, эрят пек беряньстэ, свал арасьчисэ, давай эряк хоть остатка читнестэ парсте.

— А кода мон, цёрам, эрян, ведь монь меземгак арась.

— Валске, дедай, карми кардазгат якамо алаша, тон кундык сонзэ, саинк базаров ды вешть кисэнзэ зяро, зняро алашантень усковить.

Стясь валске атясь, лиссь кардазов, ваны — яки кардазга истямо паро алаша. Кундызе сонзэ атясь, сьулмизе ды кармась пурнамо-сэриямо базаров, а бабинесь кармась шумамо атянтъ лангс:

— Иляк мие, иляк мие.

— Оргодть тон тестэ, мезть пижнят, нать, пилеть потомкшность, мезть мерсь солдатось.

Саизе атясь ды ветизе алашанть базаров. Нейке перьканзо пурнавсть рамсицят, но рамамс киньгак ярмаконзо арасть. Юты базарганть принцэсь, неIZE алашанть—пек тусь мелезэнзэ.

— Зяро тон, дедай, вешат кисэнзэ?

— Мон ламо а вешан, зняро усковить эстензэ ярмакт.

Принцэсь ламо эзь корта, нейке кильдизе, пештьс улав ярмакт. Ускинзе атясь, а принцэсь алашанть ветизе кудов ды пекстызе конюшняс. Мольсь нинстэнь ды мери:

— Эх, мон кодамо паро течи алаша раминь, истямо паро ды мазый. Истямо тон зярдоак эзить нее.

Тона талнозь терди мирденть:

— Адя, адя вансынек, кодамо истямо тон алаша рамить?

Мольсть конюшнянтень, нись ваны ды мери:

— Да, паро тон рамить алашанть, ансяк кирдть прят ве ёно те алашанть эйстэ, сон монь ташто мирдем, давай седе куроц печкевтик сонзэ!

Принцэсь нейке кучсь мясник мельга, штобу те алашанть печкемс. Мольсь конюшняс горничноесь ды мери алашантень:

— Эх, кодамат тон парат и мазыят, сэтьмат, но аволь куватьс теть кадовсь эрямс, сыть куроц печкеметь.

Алашась мерсь каршозонзо:

— Бути мон тонеть жаль маряван, сестэ тон, кода кармить монь печкеме, ютак малаван, петни эйзэть верь петна, тон саик те верь петнанть ды валик спальня вальмалксозост.

Састь мясниктне, сюрмсизь те алашанть ды кармасть печкемензэ. Юты ваксканзо горничноесь, прась верь петна кота прязонзо. Чокшне горничноесь, верь петнанть вализе спальня вальмалксозост. Валске стясь принцэсь, лиссь садов ды ваны: кассь спальня вальмалост умарина, корёнонзо весе пижень, тарадост сиянь, а умартне — сырнень. Велявтсь принцэсь, терди козьяйканзо:

— Адяка ваныка кодамо мазый умарь чувто касы минек садсо, тон ещё истямо вестькак эзить нее.

Мольсть сынь садов ды козьяйказо мери:

— Да, а мезть кортамс, мазый чувтось, ансяк тон арац ве ёнов эйстэнзэ, те чувтось монь ташто мирдесь, сонзэ эряви керявтомс тестэ.

Нейке принцэсь кучсь керия мельга, а горничноесь лиссь таго, мольсь умарь чувтонть ваксс ды мери:

— Мазыят, умарь чувто, но тонь керятадызь, нейке сыть керияцят.

А умаринась корты:

— Бути мон теть жаль маряван, то ютак кодаяк керияцятнень вакска, ёртовни кодамояк щепка, саик ды каик экшелямо таркаст ваксс.

Састь керицят ды кармасть умаринанть керямо, юты вак-
каст горничноесь, сонзэ колоша потс прась щепка. Саизе гор-
ничноесь те щепканть ды каизе ведентень, кэсо экшелякшнить.
Чизэ ульнесь пек пси, принцэсь наряжась, саизе саблянзо ды
тусь экшелямо. Ваны — уйни купальня вакска селека яксярго.
Принцэсь кайсинзэ лангстонзо одежанзо, ды совась ведентень
ды кармасть те селеканть кунцема. Яксяргось яла куншкав уйсь,
а принцэсь мельганзо: манизе принцэнтъ куншка видьс ды ли-
бор ливтясь, вачкодевсь берёконтень ды теевсь солдатокс.
Саизе саблянтъ ды мери:

— Ну, ней монь очередесь тонь марто тюремс.

Принцэсь кармасть энялдомо солдатонтъ икеле.

— Кадомак хотъ живстэ, илямак машто.

— Арась уш, тон монь эзимик кадо живстэ, монгак тонь а
кадтан.

Яходсь солдатось саблясонть, керизе кавтов принцэнтъ, ды
тусь принцэсь ведь алов. А низэ уш неизе солдатонтъ, чийсь
ваксозонзо, ранги ды энялды:

— Жалямак, илямак машто, те ведь сон монь манним!

— Нет уш, ведьма, мон тонь а простятан, азё оно мирдеть
ваксс.

Яходсь саблясонть, керявсь козьякась кавтов. Цёрась саизе
и ёртызе ведентень. Мейле мольсь башнянтень ды нолдызе сыр-
инязоронтъ. Сонсь урвакстсь горничноентъ лангс ды кармасть
эрямо мартонзо.

13. СОЛДАТ ВАНЯ

Жили-были в одном селе старик да старуха, был у них сын
Ванюшка. Живут они, поживают. Подрос сын. Настала пора
ему призываться на службу. Ушел Ванюшка служить на 25 лет.

Проводили своего сына старик со старухой, простились с
ним. Они знали, что сына больше не увидят. Были они уже ста-
рые, работать им стало тяжело, а кормильца у них больше не
осталось. Жили-жили они так, потом от голода на нетопленной
печи и умерли. Известили Ванюшку о смерти родителей. Не
осталось у Ванюшки родственников.

Кончил он службу, отпустили его домой. Шел, шел он, куда
идет, и сам не знает. «Куда теперь мне идти, никого и нигде
родных у меня нет, некому меня пожалеть. Пойду куда глаза
глядят, дома теперь все равно делать нечего», — думает Ва-
нюшка.

Идет он полями, лесами. И вот долго ли, не долго ли шел
Ванюшка, далеко ли, близко ли, дошел он до большого-большо-
го леса, которому нет ни начала, ни конца. Идет Ванюшка ле-
сом и вдруг вышел на большую поляну, смотрит — тропинка,
он и пошел по ней. Шел, шел, видит — дома.

«Наконец-то я нашел жильцов, хоть немного отдохну теперь», — думает Ваня.

Подожел он к дому, открыл ворота, вошел во двор — никого нет, вошел в избу — никого нет.

«Как будто и живет здесь кто-то, а в доме никого нет. Куда все ушли?»

Ваня очень проголодался: трое суток шел он голодный. Открыл печку, смотрит — там чугуны. Вынул один чугунок — полон мясных щей. Налил себе блюдо щей, отрезал кусок мяса, вынул другой чугунок — там каша. Положил и каши. Поел. Чугунок поставил обратно и думает: «Куда бы теперь спрятаться? А спрятаться надо».

Искал, искал он себе место, где спрятаться, но нигде не нашел. Видит, на стене висит большое зеркало.

«Дай-ка залезу за зеркало».

Спрятался он за это зеркало и ждет. Долго, не долго ли он там сидел, только слышит: идут. «Ах, кто-то идет, что теперь со мной будет?» — думает солдат. Вошли в избу три девушки, а через некоторое время вошел старик.

— Ну, дочки, давайте пообедаем, — сказал он.

Все сели за стол, одна девушка стала накрывать на стол. Достала она из печки щи и говорит:

— Дедушка, да ведь щи кто-то ел, гляди, и мясо отрезано.

— Возможно, дочка, это какой-нибудь случайный гость проголодался и поел, ну и пусть поел, давайте и мы поедим, и нам хватит.

Поели щей с мясом, затем достала девушка кашу и говорит:

— Дедушка, и кашу тоже кто-то ел.

— Пусть, дочка, ел на доброе здоровье.

Поели все, вышли из-за стола и говорит старик:

— Теперь нужно узнать, кто же был в гостях у нас. Давай, дочка, достань из сундука зеркальце, сейчас мы посмотрим, кто был у нас в гостях.

Достала дочь из сундука зеркало, старик стал смотреть. Направил он зеркало в поле и смотрит.

— В поле нет, не видно.

Направил зеркало в сторону леса.

— В лесу тоже нет, не видно.

Направил он зеркало в сторону моря и глядит.

— В море тоже нет, не видно, значит, гость должен быть здесь, он никуда не ушел.

Стал старик кликать:

— Выходи, где ты есть? Кто бы ты ни был, не бойся, ничего с тобой не будет, не тронем.

Солдат сидит за зеркалом и молчит.

— Выходи, будешь как свой. Будем считать членом нашей семьи. Если ты наших лет и парень — будешь братом, если ты женщина — будешь родной сестрой.

Выпрыгнул солдат из-за зеркала.

— Я ведь говорил, что это не простой человек, видишь — солдат. Ну, служивый, садись за стол, наверно, проголодался.

— Нет, не очень проголодался.

— Ну все равно, давай немного закусим. Дочки, накройте стол для гостя.

Чего только ни принесли девушки: и закуска, и вино, даже музыка появилась. Как на настоящем балу. Сели они внятером и стали пить-есть. Старик спрашивает солдата:

— Ну, рассказывай, служивый: куда идешь, куда торопишься, к родителям или дома жена осталась?

— У меня, дедушка, нет ни отца, ни матери, жены тоже нет. Торопиться мне некуда, иду сам не знаю куда, куда глаза глядят.

— Ты, сынок, скоро домой не дойдешь, оставайся на год у меня жить. Поживешь один год, тогда скорее доберешься куда тебе надо.

— А что я буду делать у тебя?

— Работа, сынок, не тяжелая. Вот в конюшне у меня есть сивый жеребец. Ты будешь его поить-кормить, а как стемнеет, будешь запира́ть его на замок.

— Ну что ж, служил я двадцать пять лет на службе, а один год как-нибудь отслужу.

— Только сынок, не вздумай от меня убежать, я всё равно везде тебя найду, ты от меня никуда не спрячешься.

— Нет, дедушка, нет, раз я согласился отслужить у тебя год, значит, отслужу.

Настала пора старику уходить.

— Ну, дочки, идемте, вернемся домой ровно через год.

Вышли девушки на крыльцо, превратились в голубок и улетели. Вышел и старик, перекувыркнулся на крыльце — превратился в вихрь и умчался.

— О-го-го, от этих не убежишь, надо как-нибудь прослужить один год.

Пошел солдат в конюшню к сивому жеребцу, а у коня только кости, такой он тощий, такой тощий. И вот начал Иван за этим конем ухаживать. И кормит, и поит, и купает его, но конь никак не поправляется. Настанет вечер, запрет коня на замок, а сам идет домой. Очень проголодался солдат, а в доме ничего не нашел поесть. На столе лежал только большой столовый нож. Взял он его, приставил к груди и говорит:

— Разве для того я служил двадцать пять лет, чтобы теперь себя зарезать?!

Да как ударит ножом об пол, и сразу скок! — появился парень.

— Что тебе нужно? — говорит он.

— Или не знаешь, что мне нужно? Видишь, три дня голодный, поесть надо!

Тут же на столе появилась всякая еда, а этот парень смотрит и спрашивает:

— Может быть, тебе еще что-нибудь нужно?

— Давай всё, что у тебя есть.

Сразу появилась музыка, стали петь и плясать.

— Вот где жизнь, а я хотел убить себя!

Солдат продолжает служить у старика. Днем он кормит Сивку, а ночью сам пьет, ест.

Вот уже и год к концу подходит, осталось немного до конца службы, и Сивка стал поправляться, и Ванюшка живет без горя. Прошел срок службы, пришли девушки, а немного погодя пришел и старик.

— Ну, дочки, теперь больше я никуда не пойду. Я победил своего противника, хорошо служил мне и солдат, хорошо он поил-кормил Сивку. Хорошо ты службу служил, парень, теперь проси, что хочешь за работу.

— Я, дедушка, не знаю. Что дашь, то и возьму.

— Возьми, сынок, Сивку. Ты сам кормил, поил его, сам ухаживал за ним, и возьми еще вот эту саблю. Как только ты махнешь этой саблей в лесу, сразу перед тобой просека делается, она весь лес свалит, одним взмахом все войско срежет.

— Спасибо, дедушка.

Одна девушка дала ему в подарок шапку-невидимку, другая — сапоги-скороходы, а третья — кошелек-самотряс. Взял всё это Ванюшка, попрощался и поехал.

Ехал, ехал парень, доехал он до большого столичного города. Зашел к одной старушке и живет день, неделю в городе.

Однажды пошел он гулять по городу, пришел на городскую площадь, а там видимо-невидимо народу. Подошел он к толпе и слушает. Люди говорят:

— Когда насытится наша ведьма? Посмотри-ка, каждую неделю велит она отрубить парню голову.

Привели на плаху молодого, красивого парня. Связали ему сзади руки, повалили его на спину и палач цох! — отрубил ему голову. Посадили голову этого парня на кол и понесли ее во дворец к царевне. Посмотрел на это Ванюшка и ушел. Пришел он домой и спрашивает бабушку:

— Бабушка, за что сегодня на площади отрубили парню голову?

— Ох, сынок, есть у нас царевна, она страшная колдунья. Я выйду, — говорит, — замуж за того, который трижды меня подкараулит. Кто не подкараулит, тому голову велю отрубить. И вот, сынок, приходят ее сватать разные женихи: и царские сыновья, и сыновья купцов, и сыновья простого народа, и она головы их рубит, как траву косит.

— Бабушка, а если мне отправиться караулить ее?

— Ох, сынок, не ходи, не советую я тебе, пропадешь ни за что.

— Пойду, бабушка, все равно ведь я один, ни отца, ни матери и никакой родни у меня нет, тужить обо мне никто не будет.

— Не ходил бы, сынок, потеряешь голову.

Пошел Ванюшка в царский дом и говорит:

— Я возьмусь подкараулить царевну, я хочу жениться на ней.

Царевна с парнем заключила договор, чтобы тот подкараулил ее трижды или знал бы, куда она будет ходить.

Повели Ванюшку в дом. Дом был пятистенный, без окон, только одна дверь для входа. В переднюю комнату поместили царевну, а в проходную — Ванюшку. Дверь он оставил открытой. Лег на кровать и притворился спящим. Много, мало ли прошло времени, слышит — вышла царевна из комнаты. Смотрит на него и думает: «Эх, взялся подкараулить меня, а сам спит!»

Сунула под нос Ванюшки пузырек с сонными каплями, и Ванюшка заснул. А царевна тут же нарядилась и ушла к возлюбленному. Он находился за девятью государствами, в десятом царстве. Проснулся солдат, смотрит, а царевны нет.

— Ведь ушла, сатана. Теперь где ее найдешь?

Быстро надел сапоги-скороходы и говорит:

— Ну, сапожки, скорее за ней бегите, догнать ее обязательно надо.

Взял он в руки цилигу, надел на голову шапку-невидимку. Бежал, бежал, догнал ее на полпути. Как догнал царевну и давай ее бить по лицу. А царевна видит — дела плохи, никак нельзя даже лицо открыть.

— Откуда вдруг взялся такой сильный град? Пожалуй, не дойдешь, надо обратно вернуться.

Вернулась царевна обратно домой, а солдат все хлещет и хлещет ее по голове. Вот уже и дом рядом. Солдат быстро обогнал ее и лег на свое место. Вошла в дом царевна, говорит:

— Спишь, сонуля, если бы не этот град, увидал бы ты меня.

Спи, спи, проспишь так три ночи, а потом тебя навек усыпим.

Рассвело, пришли из дворца. Солдат здесь, и царевна здесь...

— Что это за диво, как он мог подкараулить нашу ведьму?

Взяли и заперли Ванюшку под замок до следующей ночи, а царевну заперли в другую комнату. Настала вторая ночь, привели в этот дом опять и царевну, и парня. Царевна зашла в переднюю комнату, а парень остался в проходной. Лег Ванюшка на кровать и будто спит. Вышла царевна из своей комнаты и видит — парень спит.

— Как перед смертью спит! Может, он сонный хочет меня укараулить?

Вошла она обратно в свою комнату, нарядилась, вышла, парень уснул крепким сном. Долго, не долго ли он спал, встал — царевны нет.

— Опять ушла, ведьма,— со злостью проговорил парень и побежал вдогонку за ней. Догнал, а она чуть не достигла того государства. Взял он грязи и измазал ее платье.

— Ой, что это такое, где я могла испачкаться? Как будто я все чистое надела на себя. Вот несчастье! Надо вернуться обратно. Разве можно идти в таком грязном платье к принцу?

Вернулась девушка обратно, а солдат пришел раньше и лег. Пришла девушка, смотрит — солдат спит.

— Ну и спит! Спи, спи, это тебе полезно.

Зашла она в комнату, разделась и легла.

Рассвело, пришли из дворца, смотрят — царевна дома.

— Смотри-ка, это просто диво, опять ведьма здесь, а посмотришь, и человек-то незавидный, а опять подкараулил ее.

Снова Ванюшку заперли в отдельную комнату, а царевну — в свою. Настала ночь. Последняя ночь. Привели солдата и оставили с царевной вдвоем. Ходит Ванюшка по комнате, курит. Потом лег и притворился спящим. А царевна снова дала понюхать солдату капель. Собралась и ушла. Спал Ванюшка долго, проснулся, а царевны нет.

— Эх, проспал я. Смогу ли догнать теперь ведьму? Ну-ка, сапожки, побежали быстрее!

Догнал он царевну, когда она уже входила в город своего возлюбленного.

«Как теперь вернуть?— думает Ванюшка.— Ведь эта ведьма догадается и может убить меня».

Дошла девушка до дворца, вошла, вместе с ней вошел и солдат.

— Ну, как, принц дома?— спрашивает царевна лакея.

— Дома, он третью ночь вас ждет.

Пошла царевна в комнату принца, а Ванюшка остался около лакея. Немного погодя лакей заговорил:

— Ты вот подумай-ка, каждую ночь она проходит такое расстояние, а я уж, наверно, до конца жизни не попаду на свою родину, не увижу до самой смерти свою семью. Как я дойду? Умру в пути, но не дойду.

— А тебе очень хочется добраться до дома?— говорит лакею человеческий голос.— Не пугайся, не пугайся, я тоже такой же человек.

Снял Ванюшка с головы шапку, сделался таким же человеком.

— Если ты будешь меня слушаться, то через два часа будешь в своем государстве.

— Что скажешь, то и сделаю,— отвечает лакей.

Парень спрашивает:

— Что теперь там делают царевна с принцем?

— Они готовятся к венцу. Утром думают повенчаться и справить свадьбу.

— А где их венчальная одежда?

— О, одежда очень далеко. В их комнате есть дверь, которая ведет в подвал, а в этом подвале вся венчальная одежда.

— Ты пойдешь в их комнату за чем-нибудь?

— Я сейчас понесу туда самовар, они будут пить чай.

— Когда ты будешь вносить самовар, я войду с тобой вместе, а будешь выходить обратно, откроешь мне ту дверь, я в это время и войду туда. А когда ты снова войдешь к ним с чем-либо, опять откроешь ту дверь, я выйду оттуда вместе с тобой.

— Я все сделаю, как ты велишь.

Вошел лакей с самоваром к принцу, и солдат с ним. Лакей на стол поставил самовар и пошел обратно, стал закрывать за собой дверь, и в это время ворк!— отворилась та дверь, которая вела в подвал.

— Почему открылась эта дверь?— спрашивает царевна.

— Наши-то двери все на медных шарнирах, они все от воздуха и открываются.

Стали пить чай, пьют и посмеиваются. А Ваня спустился в подвал, взял венчальное платье царевны, венчальный костюм и ботинки принца, а остальное порвал, растоптал, стал за дверью и ждет, когда войдет лакей. Вот слышит, идет лакей: принес принцу и царевне еду. Как только он открыл дверь в комнату, отворилась и та дверь. Стал уходить обратно, вместе с ним вышел и Ванюшка.

— Долго они теперь будут пить-есть?— спрашивает Ванюшка лакея.

— Часа два-три.

— Ну, ждать мы их не будем, пока они веселятся, мы уже дома будем.

— А как мы дойдем?

— Об этом ты не очень беспокойся. Полезай ко мне на спину, как-нибудь донесу.

Залез лакей на спину Ванюшки. Взял Ванюшка узелок под мышку, и пошли. Не прошло и трех часов, как они были уже дома. Ванюшка говорит лакею:

— Ты остановись в гостинице. Как будешь мне нужен, я за тобой пошлю, возьмешь с собой вот этот узелок и придешь.

Ванюшка пошел в тот дом, где он караулил царевну, а лакей — в гостиницу.

А принц с девушкой все пьют-едят. Пили, пили, они, и говорит девушка:

— Давай посмотрим наши венчальные наряды, целы ли они? Ведь если пропадут наши венчальные платья, то нашей свадьбе не быть.

— Куда им деться?— говорит принц.— Мой караул такой — птица пролетит, не пропустит. Пойдем посмотрим, убедишься, что все наряды целы.

Вошли они вдвоем в подвал и видят: всё разбросано, и венчальных платьев нет.

— Что это такое?— испуганно крикнул принц.— Ведь я вчера вечером смотрел, они были целы. Надо лакея спросить, кто приходил сюда.

Вышли оттуда, стали звать лакея, но никто не отвечает.

— Что это значит? Почему не отвечает лакей? Спит, наверное.

Вошли они в зал, туда-сюда, туда-сюда, а лакея нет.

Царевна и говорит:

— Ну, милый мой, значит, наша свадьба расстроилась, теперь прощай, я пойду, больше у тебя ни одной минуты не останусь.

Ушла царевна. Пришла она домой, а солдат все еще спит.

— Спи, спи, сонуля, наверное, хороший сон видишь, как утром будут сносить твою голову.

Рассветало. Пришли за Ванюшкой, взяли его во дворец, а там уже целая комиссия. Сидят и ждут. Отвели Ванюшку в другую комнату, позвали девушку и спрашивают:

— Ну, ты убегала от солдата?

— Убегала,— отвечает царевна.

— А почему же, когда мы приходили утром, ты была дома?

— В первый раз я вернулась с полдороги, потому что пошел такой сильный град, что не было видно дороги.

— А во вторую ночь убегала?

— Убегала,— отвечает царевна,— только опять мне пришлось вернуться.

— А почему?

— Потому что где-то испачкалась грязью, и мне пришлось вернуться. Нельзя же в таком виде идти!

— А в третью ночь убегала?

— Да, убегала, если бы не несчастье, то меня бы здесь и не видели, я бы в эту пору была обвенчана.

— А какое несчастье случилось?

— Пропала у нас венчальная одежда, а венцы наши кто-то совсем поломал, кроме того, пропал у моего жениха лакей. Вот поэтому-то мне и пришлось вернуться домой.

— Ну, хорошо, ты сейчас садись здесь в сторонке, а мы пригласим солдата, пусть он расскажет, как караулил.

Привели Ванюшку, посадили его на стул и стали спрашивать:

— Ну как, солдатик, в первую ночь укараулил девушку?

— Да, укараулил.

— Но она ведь уходила, а ты спал?

— Да уходила, но я вернул ее обратно с полпути.

— А как ты вернул ее?

— Как вернул? Взял в руки метлу из цилиги, догнал ее и давай хлыстать по лицу, а она только говорит: «Откуда взялся такой град?» Как только откроет лицо, я ее опять бью по лицу. Она и вернулась обратно.

— Это верно,— говорит царевна.

— Ну, верно, так пусть будет верно. А теперь расскажи, как ты укараулил ее во вторую ночь?

— Во вторую ночь она тоже уходила. Проснулся я—ее опять нет. Я за ней вдогонку. Догнал, когда она уже подходила к городу. Я взял грязи и измазал ей платье. Она и вернулась.

— И это верно, так дело было,— говорит девушка.

— Ну, а теперь расскажи, как ты укараулил ее в третью ночь?

— В третью ночь она опять ушла. Я догнал ее, когда она уже входила в город, в другое государство. Из города я не стал ее возвращать, побоялся, как бы она не догадалась. Пошла царевна прямо во дворец, а я иду за ней. Вошла во дворец, вошел и я с ней. Спросила она лакея, где принц, а лакей ответил, что он в зале и ждет ее уже третью ночь. Царевна ушла в зал к принцу, а я остался около лакея.

— Эх,— говорит лакей,— какое расстояние в каждую ночь проходит она, а я когда доберусь до дома? Наверное, никогда не увижусь с родными.

Я говорю лакею: «А есть желание побывать дома?» Он мне отвечает: «Как же, сколько лет я нахожусь здесь в плену и никак домой не могу уйти». Я говорю лакею: «Я тебя доставлю домой, только выслушай, что я буду говорить, ты всё это сделай». Лакей дал мне слово, что он будет делать так, как я велю. Я спросил у лакея, где венчальная одежда царевны и принца и что они думают делать завтра. Рассказал лакей мне, что они утром собираются венчаться, а венчальная одежда — в подвале, а в него можно попасть только через зал, пройдя около принца и девушки, и еще нужно пройти через спальню принца. И вот, когда лакей вносил в их комнату самовар, я вошел вместе с лакеем, а когда он стал уходить, я тоже открыл дверь в спальню принца и вошел туда. Пока они пили чай, я собрал весь их венчальный наряд, а венцы поломал. И когда лакей вошел опять в зал, в это время открыл дверь спальни, я вышел в зал. А когда лакей стал выходить, и я вышел с ним, потом он залез ко мне на спину, и мы пришли сюда.

— Хорош твой рассказ, нечего сказать. А чем ты можешь подтвердить всё это?— молвит девушка.

— Я могу подтвердить. Идите в такую-то гостиницу и приведите такого-то человека.

Пошли и тут же привели лакея. Лакей принес узелок, а Ванюшка говорит:

— Вот этот самый человек — лакей принца.

— Да, это он, верно,— говорит девушка.

— Вот здесь весь венчальный наряд.

Развязал Ваня узелок, вынул все платья.

— Да, эти,— говорит царевна.

— Значит, верно, солдат укараулил.

— Мне больше нечего говорить, теперь я принадлежу ему.

Тут же царь устроил бал, повенчали солдата с дочерью, и они стали жить. Живут неделю, месяц, а царевна нет-нет, всё ночью опять убежит к принцу.

И вот однажды они с принцем надумали погубить солдата. Собрал принц преогромное войско, послал к царю письмо, что он собрался на него войной, потому что царь не выдал за него свою дочь, а выдал за какого-то солдата. Получил царь это письмо и повесил голову.

— Ну, теперь, наверно, пришел моему царству конец.

Пошел он к дочери, а дочь говорит:

— Как хочешь, отец, а тебе никакой помощи не дам.

Пришел царь к своему зятю и рассказал ему обо всем.

— Ладно, папаша, раз он пошел на нас, то нам придется с ним воевать. Давай собери сколько есть войск, выйдем навстречу, как-нибудь не пустим сюда.

Собрал царь все свои войска и пошел против принца. Настал тот день, когда войска должны были встретиться. Пришел Ванюшка к своей жене и говорит:

— Ты поставь самовар, когда он поспеет, налей (чай) в мой стакан, если в стакане чай успеет остыть, то меня больше не жди, я жив не буду.

Вышел Ванюшка, оседлал Сивку, взял в руки старикову саблю и поехал. Приехал к войскам принца, вынул саблю, махнул раз — и все войско повалилось, как лес. Остался живым только один солдат. Подошел Ванюшка к солдату, написал записку, отдал ее и говорит:

— Иди передай принцу, пусть он напрасно не губит свое войско, все равно ничего не сделает.

Повернул Сивку и поехал домой. Вошел он в горницу, жена в это время чай наливала. Попили чаю — кончилось их дело военное, стали опять мирно жить. Живут неделю, месяц, принц снова учит царевну, чтобы она расспросила Ванюшку, как он сразу порубил войско.

— Скажи, Ваня, как ты сразу порубил войско принца, откуда у тебя столько силы? — удивляется жена.

— Откуда у меня столько силы, говоришь? Да вон взял метлу, да и смел ею сразу все войско принца.

Утром встал Ванюшка, смотрит, а в углу стоит другая метла, разряженная, а прежняя уже доставлена принцу. Получил принц эту метлу, собрал войско и пошел опять воевать. Собрал и Ванюшка войско царя и послал против принца. Перед отъездом Ванюшка приказал жене поставить самовар и говорит:

— Налей в стакан чаю, если он успеет остыть, меня в живых не будет.

Вышел он, оседлал Сивку и поехал. Приискал к войску принца. Вынул саблю, махнул раз — перерезал все войско, не

осталось ни одного солдата. Повернул Сивку обратно и домой поехал. Приезжает, а жена только еще поставила самовар на стол. Сел Ванюшка за стол и стал чай пить, как будто ничего и не было.

Много, мало ли прошло времени, жена змеей увивается около мужа, спрашивает все его, чем это он войско принца изрубил. Ванюшка не вытерпел и рассказал секрет жене.

— Эх, дураки, разве можно метлой войско уничтожить? Это я саблей деда перерубил всё его войско.

Вечером легли спать. Ванюшка уснул крепким сном, а жена в это время сменила саблю, вместо сабли деда повесила другую, разукрашенную, а Ванюшкину переправила принцу. Как только получил принц саблю, сейчас же собрал свое войско и снова пошел воевать против царя. Послал письмо, что на такой-то границе ждет его с войском. Собрал царь сколько было своих войск и отправил против войска принца.

Настал тот день, когда войска должны встретиться. Ванюшка говорит своей жене:

— Поставь самовар, когда он вскипит, налей полный стакан, и если в стакане чай успеет остыть, то меня больше не ждите, в живых меня не будет.

Вышел он, оседлал Сивку и поехал.

Прискакал он к войску принца, вынул саблю, махнул ею — а войско цело, махнул ещё — опять ничего не выходит, и подумал: «Не послушался деда, рассказал жене. Правда, обманула, ведьма».

А принц вышел на бугорок, увидел Ванюшку на Сивке, вынул саблю, махнул — упал Ванюшка, разрубленный пополам. Подошел к нему принц, взял его вместе с лошадыю, привез к своему войску и говорит:

— Вот этот самый рубил наши войска, а теперь попался сам.

Разрубили Ванюшку на мелкие кусочки и хотели по полю развеять. Но принц говорит:

— Давайте мы сложим эти кусочки в бочонок, привяжем его к хвосту лошади и пустим ее.

Сложили кусочки в бочонок, привязали к хвосту Сивки и пустили ее. Сначала Сивка шел тихонько, но когда отошел подальше — поскакал во весь дух. Примчался он к воротам деда и заржал. Услышали девушки ржанье Сивки и говорят:

— Дедушка, Сивка пришел, зная, Ванюшка не живой, пропал где-нибудь.

— Впустите Сивку во двор.

Впустили Сивку во двор, смотрят — к хвосту привязан бочонок.

— Дедушка, к хвосту Сивки привязан какой-то бочонок.

— Внесите бочонок сюда, это Ванюшка. Сейчас мы его по-

смотрим. А вы, дочки, беритесь за дело: каждая соберите по три кубометра дров, затопите три печки, вскипятите три котла. Сначала опустим кусочки в медный котел и вскипятим там, потом опустим их в серебряный котел и тоже вскипятим. И вот здесь каждый кусочек будет соединяться в одно целое. Затем опустим его в золотой котел и будем кипятить его там, в этом котле Ванюшка сложится окончательно.

Принесли девушки дров, затопили печи и стали кипятить все три котла. Сначала пустили мясную массу в медный котел и стали кипятить. Стала эта масса собираться в одно, белеть и белеть. Вынули из этого котла, пустили в серебряный котел и стали там кипятить. Всё мясо начало превращаться в тело человека. После этого пустили в золотой котел и опять стали кипятить. Чем больше кипятят, тем больше образуются части тела: то появится рука, то нога. Прокипятили, вынули из котла, а воду вылили во двор — сразу во дворе выросла яблоня. Ствол медный, ветви серебряные, а яблоки золотые. Принесли части тела в дом, разложили их на столе как полагается. Достал старик два флакона с жидкостью. Из одного помазал — превратился Ванюшка в только что умершего человека, помазал из другого флакона — встал Ванюшка и глядит:

— Э-ге-ге, да где я, дедушка, как к тебе попал?

— Да, сынок, Сивка притащил тебя сюда в бочке, привязанной к хвосту, а мы все четверо хлопотали около тебя.

— Спасибо, дедушка, спасибо, спасибо и вам, — говорит он девушкам.

— Ну, теперь что хочешь делать, сынок, куда пойдешь, или здесь останешься жить?

— Нет, дедушка, я туда пойду, к принцу, отомщу, а ваши подарки мне больше не нужны, возьмите их обратно.

— А Сивку возьмешь, сынок?

— Сивка теперь мне не нужен, я теперь сам быстрее Сивки бегаю.

— Ну, ладно, сынок, ступай.

Вышел Ванюшка на крыльцо, кувыркнулся — превратился в сокола и полетел.

Долетел до того города, где живут принц с царевной, а принц уже царствует, старому царю глаза выколол и заточил его в башню.

Спустился Ванюшка, кувыркнулся — превратился в солдата и пошел в город. Дошел он до окраины города, зашел в дом. В этом доме жили старик и старуха. Жили они бедно. Пустили они Ваню на квартиру. Живет Ванюшка день, живет два. Долго, не долго ли жил Ванюшка у старика со старухой, вечером ч говорит старику:

— Ты, дедушка, живешь очень плохо, во всем у тебя недостатки, поживи хоть под старость хорошо.

— А как, сынок, жить мне, ведь у меня ничего нет. Даже на завтрашний день нет куска хлеба.

— Завтра утром, дедушка, по твоему двору будет ходить конь. Ты поймай его, сведи на базар и проси за него столько, сколько конь довезет.

Встал утром старик, вышел во двор, смотрит — ходит по двору хороший конь. Поймал его старик, привязал и стал собираться на базар, а старуха стала ругать старика:

— Не продавай, не продавай!

— Что ты кричишь? Глухая, что ли, была, когда говорил солдат?

Взял старик коня, привел его на базар, сразу вокруг коня собрались покупатели, но, чтобы купить, ни у кого не хватало денег.

Проходит по базару принц, увидел он коня, очень уж понравился он ему.

— Дедушка, сколько ты просишь за коня?

— Я много не прошу, столько сколько довезет конь.

Принц, ни слова не говоря, запряг коня. Наложили воз денег, привезли к старику. И тут же принц взял коня домой. Привел. Запер в конюшню. Потом пошел к жене и говорит:

— Эх, какого хорошего коня я сегодня купил! Такую красивую лошадь ты никогда не видела.

— Пойдем посмотрим, какую красивую лошадь ты купил.

Пришли они в конюшню, жена смотрит и говорит:

— Да, хорошего коня ты купил, только держись в стороне от этой лошади: эта лошадь — мой прежний муж. Скорее зарежь эту лошадь!

Принц тут же послал за мясником, чтобы зарезать лошадь. Пришла горничная в конюшню и говорит лошади:

— Эх, конь, какой ты хороший и красивый, но недолго тебе остается жить: придут скоро мясники и зарежут тебя.

— Если ты жалеешь меня, то когда будут меня резать, пройди как-нибудь около меня, на тебя капнет моя кровь, ты возьми эту каплю крови, зарой ее у окна против спальни принца, — отвечает конь.

Пришли мясники, привязали лошадь и стали резать. Прошла горничная около этого места, и кровь капнула на ее ботинок. Вечером горничная соскоблила капельку крови и закопала ее у окна против спальни принца. Встал утром принц, вышел в сад и видит: против окна его спальни растет яблоня, ствол весь медный, листья серебряные, а яблоки все золотые. Вернулся принц, пошел за женой.

— Пойдем-ка посмотри, какая красивая яблоня растет в нашем саду, ты такой яблони никогда не видела.

Пришли они в сад, жена и говорит:

— Да, нечего сказать, яблоня красивая, только ты берегись ее: эта яблоня — мой прежний муж. Ее нужно срубить.

Принц тотчас послал за лесорубом, а горничная опять пошла к яблоне и говорит:

— Красивая ты, яблонька, но тебя сейчас срубят, сейчас придут лесорубы.

А яблоня отвечает:

— Если ты меня жалеешь, то когда будут меня рубить, ты пройди в это время здесь, отлетит от меня к тебе щепка, ты возьми и брось ее в их купальню.

Пришли лесорубы и начали рубить яблоню. Прошла мимо горничная, отлетела щепка и упала ей в калошу. Взяла горничная эту щепку и бросила в купальню.

День был жаркий, принц оделся, взял саблю и пошел купаться. Смотрит, а в купальне плавает селезень. Разделся принц, прыгнул в воду и стал гоняться за селезнем. А селезень плывет от берега все дальше и дальше, принц — за ним. Заманил он принца в середину, вспорхнул, ударился о берег и превратился в солдата. Взял саблю и говорит:

— Ну, теперь моя очередь с тобой расправиться!

Принц стал умолять солдата о пощаде:

— Оставь меня живым, не убивай.

— Нет уж, ты ведь меня не оставил живым, я тоже тебя не оставлю.

Махнул солдат саблей, разрубил принца пополам и пошел принц ко дну. А царевна уже заметила солдата, бегом к нему, плачет и умоляет:

— Пожалей меня, не губи, это ведь он меня обманул!

— Нет уж, ведьма, я тебе не прошу, иди к своему мужу!

Махнул саблей, разрубил царевну надвое и бросил в воду. Потом пошел и освободил из башни старого царя. Сам повенчался с горничной, и стали жить они вместе.

14. РАВ-ЖОЛЬДЯМО

Эрясть-аштеть атя ды баба. Сынъ ульнеть беднойдеак беднойть. Эйкакшост ульнесь ансяк вейке цёрыне. Лемезэ Рав-Жольдямо.

Эрясть-эрясть, прась атясь — кулось. Бабась ды цёрынесь кадовсть кавонест.

Сынст ульнесь вейке алашинест, беряндеак берянь: сезьган мери монь, варакаяк мери монь.

Вестъ Рав-Жольдямо саизе алашанть ды тусь пире удалов тертямонзо. Тов модемстэ сонзэ каршо понгсь атя. Пачкодсь видеэнзэ ды кевкстизе:

— Мекс, цёрам, пек берянь тынк алашанк?

Рав-Жольдямо мери:

— Пек уш беднойтяно, дедакай, мезенекак минек арась, секс берянь алашанокак.

— Яла уш мезенкак ули,— пейдезевсь атясь.— Саразонк
улить?

— Улить колмошка,— виздзь ёвтась цёрынесь.

— Вана мезе, од цёра-парочи,— вадяшизе кутмере ланга
Рав-Жольдямонь атясь.— Молят кудов, пидек сараз ды рамак
вина бутылка. Мон чокшне молян, лездан тенк лисемс истямо
бедной ды стака эрямостонтъ.

Сась Рав-Жольдямо кудов ды мери аванстэнь:

— Авай, монь каршо понгонесь вейке атя. Мерсь саразонь
пидемедь ды вина бутылкань рамамо. Сон чокшне сы мине-
нек, ливтьсамизь те бедной эрямостонтъ.

Авазо кармась пейдеме лангозонзо:

— Мезть ней кортат, цёрам, сон пейдсь тонь лангсо. Кие
ней вейке сараздо ды вина бутылкадо кунды бедной эрямо-
стонтъ ливтеметь.

— Монь койсэ, авай, эряви анокстамс, паряк мезеяк лиси.
Бути а сы, минськак сэвсынек.

Бабась арсесь-тейсь, печксь сараз, рамась вина бутылка ды
кармась атянтъ учомо. Сараздонтъ башка лияткак кой-мезть
анокстась. Сась чокшнесь. Атясь путозь-путовсь. Бабась тарги-
зе винанть, путызе столентъ лангс саразонть, лия анокставкст-
нэнь ды кармась атянтъ каванямо. Нуртясь цёрась вина ды ме-
ри атянтень:

— Симть, дедай, пазонь паро ломань.

Атясь мери:

— Аватень васня кандт. Сон кода а кода азорось кудосонтъ.
Бабась кеднек-пильгенек кармась чавомо:

— Мень мон винадо симицян ды ломань юткова якицян.
Иляст маштне превенк...

Атясь кармась прок энялдомо:

— Адя, мезть покшкавтнят. Минь а мертяно тетя ламонь
симемадо. Симть, зяро мелеть. Монгак ломанесь ведь аволь си-
мицятнеде. Мон аволь симеме сын, сын тыненк лездамо.

Бабгнесь аламос талакалесь-тейсь, симизе цярка винанть.
Мейле атясь кандовтсь Рав-Жольдямонень. Сонсь допрок эзь
семе ды эзь ярсаяк. Аламонь-аламонь весе винанть симдизе
бабэнтень ды цёрынентень. Сын кавонест иредсть, теевсть
прок левштапот. Бабась прась ды матедевсь.

Атясь сайсь сал куль, путызе тозонь Рав-Жольдямонь ды
тусь седе курок. Салызе бабанть вейкине цёранзо.

Сон мольсь, мольсь цёрыненть марто, пачкодсь покш лей
чирес. Ваны — леенть тона ёнов уме сырги венч. Атясь ламонь
апак арсе, седе курок кирнявтсь венчентень. Кодак кирнявтсь,
венчесь весе лакордомо кармась. Аламонь тарка уйсть, венчесь
тусь лазонь лаз.

— Сыре киска кодамо! — ранкстась атянтъ лангс венчень
азорось. Тонсь ёмат-таркаткак тосо. Паро ломанть мартот ва-
явтат!

Атясь саице цёрынень марто куленть ды кармась кирняв-
тнемё вейке лаз лангсто омбоце лаз лангс. Истя кирнявтнезь
ютась леенть омбоце ёнов.

Тосо ульнесь келей ды мазый лайме. Лоткась атясь те лай-
менть лангс ды нолдызе Рав-Жольдямонь кульстэнть. Аламос
оймсесь ды сыргась. Рав-Жольдямо тусь мартонзо.

Мольсть, мольсть, мусть кавто верблюдт. Кундынзе сынст
атясь. Вейкенть лангс озавтызе Рав-Жольдямонь, омбоценть
лангс озась сонсь ды таго тусть. Мольсть, мольсть, пачкодсть
покш вирьс. Виресь чопода. Ансяк косто-косто менелесь аламо-
до неяви. Лиссть вейке ки лангс ды тусть се кияванть.

Кувать а кувать мольсть, пачкодсть покштояк покш пандо
алов. Пандонть прязо пельтнень марто човоргадсь — истямо сэ-
рей. Лоткасть те пандонть алов. Валгсть верблюдтнэнь лангсто,
аламос оймсесь. Мейле атясь таргась пшти пеель ды печкизе
вейке верблюдонть. Ваткизе, лазызе потмонзо ды тонгизе то-
зонь Рав-Жольдямонь. Кедезэнзэ макссь покш мешок ды кува-
ка, седе нарьдев пикс. Сонсь мери тензэ:

— Те верблюдонть ярсамо ливти покш нармунь-кренч. Ан-
сяк кенери аламодо ярсамо, тон пижакадт. Сон тандады. Сай-
сы верблюдонть ды ливти мартонзо пандонть пряв. Тонь, вер-
блюдонть потсо, сайтязат мартонзо. Понгат пандонть лангс,
кренченть пизээнзэ. Листь седе курок верблюдонть потсто ды
кузть пандонть пряс. Тосо пек ламо сия ды сырне. Пезэяк
арась. Тон пештысак мешоконть сырнеде, сиядо ды пиксэнть
вельде нолдасак вана тия. Мон тесэ карман учомо. Мейле яв-
сынек сынст кавтов. Тонгак сьупалгадат. Иляк стувто, кодак
кренчесь карми ярсамо, тон пижакадт.

Атясь саице тона верблюдонть ды тусь ве ёнов.

«Еминь», — арси Рав-Жольдямо эсь пачканзо. Весе рунгозо
соракадсь. Вана кармась ливтямо кренчесь. Истяшка вий те
кренчэнть, ливтямстонзо масторось зэрни, натой менелеськак
весе увномо кармась.

Пачкодсь малав, масторось натой лыкакстома кармась.
Валгсь. Кенжсэнзэ весе моданть поксордызе. Вармасонть ма-
ласто весе чувтнэнь сявордынзе. Кодак клюкадсь, верблюдонь
прянть сезизе ды ве кургс сэвизе.

«Жуй» мольсь потмозо Рав-Жольдямонь. «Омбоцеде кодак
клюкади, весе верблюдонть сэвсы. Эряви эрямом». — Арси сон.

Эзь кенере кренчесь колмоцеде клюкадеме, Рав-Жольдямо
пиже-ожо вайгельсэ пижакадсь. Кренчесь каподизе верблю-
донть ды ливтясь пандонть пряв. Мартонзо саице Рав-Жольдя-
моньгак.

Кустизе верблюдонть пандонть лангс, ливтясь аламонь тар-
ка ды каице пизээнзэ. Сонсь таго ков-бути ливтясь. Рав-Жоль-
дямо лиссь верблюдонть потсто ды ношкстась пандонть пряв.
Мольсь, мольсь, ваны — весе перьканзо ашти сия ды сырне.
Сон саице мешоконть, пештизе ды нолдызе пиксэнть вельде.

Атясь радовась. Саице мешоконть, канце верблюдонть трокс ды тусь. Рав-Жольдямонь кадызе тоск. Таго манизе. Рав-Жольдямо якась, якась пандонть ланга, ваннось, ваннось,—куваяк а валгови. Мейле чарькодсь. Сюлмизе пикс-пенть кевс ды кармась валгомо.

Ансяк кармась пачкодеме масторов, менелесь кармась увномо, пандось весе соракадсь. Те кренчесь истя ливти. Рав-Жольдямо тандадсь, арсесь кирнявтомо, масторксось аволь васололь. Варштась, тосо айгоршка овто ашти, кургонзояк автизе, учи сонзэ эйсэ. Рав-Жольдямонь кедензэяк соракадсть, цють эзь пра. Варштась верев—кренчесь пиксэнтъ вакссо. «Мезть ней тейнемс?—арси эсь пачканзо. Вевев варшты—кренчесь, алов варшты—овтось.

Вансы, маласонзо цють ашти покш кев. Се кевентъ токизе пильгсэнзэ. Кевесь весе зэрнезь тусь алов.

Овтось тандадсь. Ношкстыксэль. Удадце пильгтне понгсть кевентъ алов. Кода пижакады апаро вайгельсэ. Вай, авакайтиряжай! Весе виресь лажакадсь. Лажномантень ардсть сядошка овтт. Весе кармасть пижнеме. Сынсь вануть Рав-Жольдямонь лангс.

Варштась Рав-Жольдямо верев, кренчесь кармась валгомо сонзэ ёнов. Седеезэ эй поколькс кельмесь. Варштась алов, тосто вейке од овгыне кармась пиксэнтъ вельде куземе. «Ней ещё эрямонь пезэнь пачкодинь»—арси Рав-Жольдямо.

Варштась верев, кренчесь пиксэнтень мольсь. Клюкадизе пиксэнтъ ды кепететсь верев. Пиксэнтъ марто саице Рав-Жольдямонь ды овтонть, кона кузиксэль пиксэнтъ кувалт.

Кепсинзе чидентькак верев ды кармась мартост валгомо пизээнзэ.

Ней Рав-Жольдямо седеяк пек тандадсь. Пизэнтень понгиндерят—сэвтядызь. Варштась алов. Аволь пек васолга ливтить покшт локсейть. Кренчесь ливти сынст ёнов. Кодак пачкодсть локсейтнень малас Рав-Жольдямо, ламонь апак арсе, кирнявтсь икельце, весемеде покш локсеентъ лангс. Озась лангонзонзо ласте ды тусь ливтямо. Кренчесь овтонть нолдызе эсензэ пизэнтень ды сэвизе.

Локсеесь ливтясь ливтясь Рав-Жольдямонь марто, кие соды зярс. Кармась сиземе. Састыне валгсь покш вирь куншкасо мазый яндавас.

Рав-Жольдямонь менсь оймезэ. Сон кодак валгсь, тусь вирьганть якамо.

Якась, якась, мусь вишка яннэ. Тусь се яннэванть. Ков моли—соньскак а соды. Мольсь, мольсь, яннэсь седе покшолгадсь. Таго аламонь тарка мольсь—теевсь кикс. Аламо таркань ютазь, пек васолдо кармась неявомо а покшке ашо тарка. Ков моли сон, ашо таркась яла покшолгады. Пачкодсь малазост, ваны—икелензэ сиянь кудот.

Мольсь кудонть малас. Ваны, кудонть икеле истямо мазый

тейтерь, натој а вановаткак лангозонзо. Оршамо пелезэ весе сырежди.

Рав-Жольдямо ваны тейтеренть лангс, тейтересь — сонзэ лангс. Конаськак а пшкадеви.

Мейле тейтересь пейдезевсь ды мери: «Мезть истя якат, од цёра-парочи? Сак малав. Адя совак кудозонок». Рав-Жольдямо мольсь малазонзо. Тейтересь тердизе мартонзо кудов. Совасть. Рав-Жольдямо ваны, тосо таго кавто тейтерть, сетькак истя жо мазыйть. А вановат колмонест лангс. Косто ансяк чачить истятнэ масторонть лангс. Эрить колмонест патят-сазорт.

Сынь истя радовасть Рав-Жольдямонь эйс, а ёвтавияк. Весе кармасть кевкстнеманзо:

— Тон косто истя тезэнь понгить?

— Пек а пек сизить?

— Пекеть эзь вачо, од цёра-парочи?

Рав-Жольдямо весе ёвтнизэ, кода понгсь тезэнь.

Сынь ушсть тензэ баня. Шлизь-нардызь ды оршавтсть лангозонзо парсеень оршамот. Мейле мерсть тензэ:

— Ульть минек ялаксокс. Кадовт минек марто эрямо.

Кадовсь Рав-Жольдямо мартост эрямо. Тейтертне макссть тензэ лук ды налт. Сон эрясь-тейсь аламос, кармасть бажамо охотничамо.

Тейтертне мерить тензэ:

— Ков ней молят? Или ней миненек а мезде ярсамс? Или мезенекак арась? Иля яка. Неть виртнесэ мезеяк тандаванзат.

Рав-Жольдямо эзь вано лангозост. Весть саинзе луконзо-палканзо ды тусь. Кавто чить истя якась. Тусь колмоце чистэнть-как. Якась, якась вирьганть, мусь эрьке. Се эрькенть чиресэ каль куро. Совась сон се каль куронть потс ды учи. «Паряк яксяргот ливтить», арси эсь пачканзо.

Аштесь, аштесь, ваны эрькенть чирес ливтясть колмо яксяргот. Сон анокстызе луконзо. Ансяк налтонть нолдамо, лотказевсь ды чувтомсь. Яксярготне кайсизь яксяргонь оршамост ды теевсть тейтерькс. Совасть эрькентень ды кармасть экшелямо.

Вейке тейтересь кельсэ а ёвтави истямо мазый. Пек сон тусь Рав-Жольдямонь мельс. А аштевияк цёрась, истя кирвайсь седеезэ. Ансяк а соды мезть тейнемс, кода кармамс кортамо мартост.

Тейтертне экшелясть, лиссть эрькстэнтъ, оршизь яксяргонь оршамост ды ливтясть мекев тона ёнов, кона ёндо сакшность.

Рав-Жольдямо аламос аштесь ды ризнэзь тусь. Нусманясто мольсь кудов. Чи эри, кавто эри, тейтересь мельстэнзэ кодаяк а туй. Текень кувалт ансяк арсияк. Натой лоткась симемадо-ярсамодеяк. Истя мелявты. Тейтертне вануть, ялаксокс нусманя.

Кевкстизе вейкесь:

— Мекс, ялаксем, а симат? Мекс, ялаксем, а ярсат? Аволь вирьсэнтъ мездеяк тандадыть? Мекс а ёвтат миненек?

Рав-Жольдямо уктась:

— Муекшнинь, патькай, вирьстэнтъ эрьке. Се эрькентень ливтясть колмо яксяргот, теевкшнестъ тейтерекс. Вейкесь эйстэст пек мазый. Сон тусь монь мельс. Мон арсян сонзэ никс саеманзо. Патятне мерить:

— Вана знярошка тевесь. Ёвтавлишь бу седе курок, минь те шкас весе теевлинек бу истя, кода теть паро. Мольть валске секе эрькентъ чирес, кекшть каль куронтень ды учок. Кода сынъ ливтитъ, тон вант, козонь каясынзе оршамонзо тонь мельс туиця тейтересь. Сынъ совить экшелямо, тон саить оршамотнень ды ношкстак мартост кудов. Сон сонсь мельгат сы.

Рав-Жольдямо тейсь истя. Мольсь эрькентъ чирес. Учинзе. Кода кайсизь оршамост, совастъ эрькентень, сон саинзе мелезэнзэ туиця тейтерентъ оршамонзо ды тусь мартост кудов.

Тейтересь лиссь ведьстэнтъ — оршамонзо арасть. Ялганзо оршастъ ды ливтясть. Сон кадовсь ськамонзо. Аламос аштесь ды сыргась Рав-Жольдямонь мельга. Мольсь, мольсь — сасызе. Кармась молеме мельганзо. Кува моли аварди ды энялды икелензэ:

— Од цёра-парочи, максуть оршамон. Инеськетъ, ульть паро ломань, жалямак.

Рав-Жольдямо кашт моли. Сон капши кудов. Тейтересь энялдсь, энялдсь икелензэ, вансы мезеяк а лиси, кармась визьделгавтнеманзо:

— Од цёра-парочи, кода а виздят? Истя нарьгат монь лангсо. Варштака, мон тейтеръ ломанян, штапо молян мельгат. Ломанть кармить лангсом пейдеме...

Рав-Жольдямо яла моли. Вана кармасть пачкодеме. Патятне вальмава неизь. Седе курок пурнасть-сэрнясть ды ливтсть тейтерентень парсеень оршамот. Пурнызь-сэрнись, кода эряви, прок одирьва ды совавтызь кудов. Урьвакстызь Рав-Жольдямонь ды кармасть эрямо.

Тейтерентъ яксяргонь оршамотнень цёрась путынзе парьс ды кеместэ пекстынзе. Пели, муиндерясынзе, мекев оргоди.

Эрясть-эрясть, Рав-Жольдямо таго нусманьгадсь. Прянзо нолдызе ды яки. Киньгак марто а кортыяк. Патятне ды низэ кевкстизь:

— Мекс, ялакскенек, нусманят? Мекс тон, дугиненек, прят нолдык? Или мезеяк теть а саты? Или кияк берянь вал теть ёвтась? Ёвтак. Минь теть весе тейсынек.

Рав-Жольдямо таго уктась ды мери:

— Вана мекс, патяй. Минь тесэ эрятаю парсте. Эрьва мезенек ламо. Эрьва мезенек ули. Монь тосо, васоло, велесэ ули авам. Сон ней паряк кши сускомот пурны, или вачодо ашти. Мон арсян молеме аванень.

Патятне мерить:

— Мекс, ялакскенек, тон кувать эзить ёвта тенек. Минь умок тонь кучовлидизь. Кода ней авать кадсак вачо аштеме.

Эряви модемс. Ансяк аштек чишка-кавто, пурнатадызь-сэрнятадызь парынесть.

Патятне тейсть тензэ ведь ланга сонсь уиця венч. Вачкасть эйзэнзэ ламо ули паро ды ярмакт. Мейле озавтызь Рав-Жольдямонь нинзэ марто ды ильтизь секе веденть трокс, кува сонзэ ютавтызе атысь.

Авазо Рав-Жольдямонь, кода кадовсь ськамонзо, пек майсесь. Алашинест кулось. Скалост санзь каявтонь кис. Кудось каладсь. Улесь-парось мезе ульнесь, весе ёмсесь. Модемс бабантень а ков.

Маласост ульнесь бояр. Сиведсь сон те бояронть. Саразонь, мацеень ды тувонь андомо. Андсть эйсэзизэ ташто кельмеямдо, столь нардавкссто ды ярсамодо мейле столь лангс кадовике кши сускомодо.

Сась Рав-Жольдямо. Муизе аванзо. Саизе седе курок бояронть кедьстэ ды сонсь путсь од кудо бояронть кудотнеде паро. Кудонть перька тейсь паро пирявкс, чавка а ливтяви троксканзо. Ульцяс, кудонть икелев, тейневтсь утомт, лавкат ды магазинт.

Весе нетнень кода строявтынзе, варштась — ярмаконзо арасть. Лавкатнень эйсэ а мезть микшнемс. Ярмаконзо арасть микшнема пелень рамсемс. Арсесь, арсесь Рав-Жольдямо, тейнемс а мезть, лавкатненень а мезе ливтемс. Эрявить костояк ярмакт муемс. Весть веть сыргойсь удомсто ды ледсь мелезэнзэ, кода мерсть тензэ патятне:

— Илимизь стувто, ялакскенек. Сак яла тенек. Мезе тетэ эряви, минь весе макссынек.

Валске, кода стясь Рав-Жольдямо, аванстэнь мери:

— Мон молян патидинень. Тосто ускан микшнема пельгак, ярмакткак. Мейле седеяк парсте карматано эрямо. Ансяк вана мезе, авай. Кудыкеле парьсэнтэ улить монь нинть яксяргонь оршамонзо. Тон сынст васов седе пурныть. Хоть кода вешезэ эйсэст, ванок илить макст.

Пурнась-сэрнясь Рав-Жольдямо, палызе мазый нинзэ, озась сонсь уициця венчентень ды тусь уезь. Те венчесь мода лангаяк сонсь уиль.

Рав-Жольдямонь туемадо мейле сась инечи — покш праздник. Маласост боярсь, конань кедьсэ эрясь Рав-Жольдямонь авазо, пурнась-сэрнясь инжеть. Бояронть мельс пек тусь Рав-Жольдямонь нись. Секс кучсь ломань сынст кискак:

— Азё, мери, тердить инжекс Рав-Жольдямонь нинтькак. Эряви каванямс одирьвась.

Рав-Жольдямонь эсензэ пигстэ вестькак эзь снартне тердеме, стака мор саевлизе... Мольсь бояронть кучовт ломанесь бабинентень ды мери:

— Аядо, боярсь инжекс тердидизь. Саик, бабай, Рав-Жольдямонь нинтькак.

Бабась мери урьванстэнь:

— Адя, урьва, хоть тошнат ютавтык. Одирьвась кармась покшкавтнеме.

— Кода ней, авай, мон молян неть оршамотнень эйсэ. Тосо боярт ды лият паро ломанть кармить улеме, мон неть оршамотнень эйсэ карман якамо. Таргить кудыкеле парьстэнтъ оршамотнень. Сетнень эйсэ молян. Лиясо мейсэяк а молян.

Бабась мери:

— Арась, урьвакай, се оршамотнень мон теть а макссынъ.

— А макссыть, а молянгак.

Тусь ломанесь мекев. Мольсь ды мери бояронтень:

— А сыть.

— Мекс?— диви боярось.

— Одирьванть оршамонзо пек берянтъ.

Боярось кучизе кисэст эсензэ нинть. Сон мольсь, кармась тердемест. Бабинесь трокс варштась лангозонзо.

— А моли одирьвась, мери, оршамонзо берянтъ.

Бояравась кармась энялдомо:

— Максыть паро оршамонзо. Мекс а макссыть?

— Неть оршамотнень а макссынъ, хоть мезть тейнеде,— мери бабинесь.

Тусь бояраваськак. Мольсь кудов ды мери бояронтень:

— А сыть. А макссынзе бабась одирьванть паро оршамонзо.

— Молян монсь,— мерсь боярось. Озась шожда крандазонзо ды тусь.

Мольсь ды кармась пеняцямо:

— Ней нать пек сьупалгадыде истя? Мекс истя а мольтядо монень паро инжекс? Паряк, ней тенк ломанть а эрявить? Кода истя а ловсамизь монь ломанькс, истямо покш чистэ совавтадо эйсэнь грехс. Адядо седе куроц. Максыть одирьванть паро оршамонзо ды адядо монсь усктадызь.

— Бабась пек визделгадсь бояронтъ неть валтнеде. Максынзе одирьванть яксяргонь оршамонзо ды кармасть пурнамо-сэрнямо.

— Минь крандайс а озатано,— мери бабась бояронтень.— Минь ялгояк мольтяно.

Боярось кода эзь бажа, эзь озавтов тензэ. Съкамонзо сыр-гась икелев. Одирьвась кода оршинзе яксяргонь оршамотнень, весе кудоськак натой валдомсь. Аламос аштеть, бояронтъ тумадо мейле ды сыргастъ. Ульцяванть модемстэ весе ломантне лиссть тейтерентъ оршамонзо ваномо. Пек мазыйть, весе ульцясь валдомсь эйстэст.

Пачколсть бояронтъ кудонтень. Весе лиссть каршозост ды ванить Рав-Жольдямонь одирьванть оршамонзо лангс. Тосо ульнестъ пек ламо ломанть, натой од цёраткак. Сеть, прок медьс карвот, празь прастъ те од авантень.

Сон эзь сова бояронтень, теевсь яксяргокс ды ливтась эсест масторов. Весе ломантне чувтомсть тарказост ды ванить тона ёнов, ков ливтась Рав-Жольдямонь одирьвась. Рав-Жольдямонь

аваськак эзь сова бояронтень. Сон велявтьсь ды седе куроков тусь кудов.

Седе мейле, аламо шкань ютазь, сась Рав-Жольдямо. Усксь мартонзо ламо ярмакт ды товар. Кодак совась кудов, авазо авардезь мери тензэ:

— Вай, мезть тейнян, Рав-Жольдямо, тиринем... Эзь вансто-во тень одирьват. Сон теевсь яксяргокс ды ливтясь азё вешнеков.

Рав-Жольдямо кой-как пшкадсь:

— Меринь: илить максо сеть оршмотнень. Ней сон а муеви куроков.

Чамдынзе Рав-Жольдямо усковксонзо, озась ды кармась арсеме седе, кода ды косто муемс мазый низэ. Чокшне истя аштесь. Кода чизэ валгсь, сон апак корта лиссь кудосто, озась сонсь уйница венчезэнзэ ды таго тусь патятненень.

Кодак пачкодсь, патятне, кевкстизь:

— Тон мекс истя, ялакскенек минек, паро дугиненек, таго куроковсто мекев сыть?

Рав-Жольдямо укстась ды кармась ёвтнеме:

— Эх, патькай, патькай. Кода мон тей сакшнынь, се шкастонть монь нись оршинзе яксяргонь оршамонзо ды ливтясь кияк а соды ков. Паряк тынь ёвтасынк, косо сон?— Прядызе ды нусманясто нолдызе прынзо.

Тейтертне ризнасть мартонзо аламос ды мерить тензэ:

— Арась, ялакскенек, минь ней, а содатано эйтэст. Содылинек сестэ, зярдэ сынь сакшность тей экшелямо. Седе мейле, а содатано, косо эрить. Удок валскес, ялакскенек, теск, паряк вень перть мезеяк арсетяно.

Уштсть баня. Паризь Рав-Жольдямонь, шлизь-нардызь ды мацтизь. Валске стясть. Колмонест тейтертне киргов лангс сёрмадсть колмо сёрминеть. Эрвейкесь сёрмадозь лия кельсэ. Стявтызь Рав-Жольдямонь ды мерить тензэ:

— Саить, ялакскенек, вана неть колмо сёрминетнень ды азё теке сэрей ды кедей ведеть кувалт. Молят, молят, муят покш каль. Се каленть ало эри минек вишка деданок — сыре атя, калонь кунция. Кевкстик сень, паряк сон соды эйтэст.

Рав-Жольдямо чекась-покась нишке пазнэнь ды тусь.

Мольсь, мольсь¹ ведеть кувалт, ваны, кармась неявомо эчке, сэрей ды сурдов-сярдов каль, натоу весе менеленть копачизе тарадсонзо.

Пачкодсь каленть алов, ваны, шержев, эчке ды виев атя калт шли, кал ямонь пидеме аноксты.

Атясь кодак неизе Рав-Жольдямонь, истяк кенярдозь кармась кортамо:

— Шумбрачи тетя, цёрам. Инжекс тень сыть?

Рав-Жольдямо ёвтнизе, мезень кувалт ды кода тей пачкодсь.

Атясь кашт мольсь. Ансяк кунсолось. Кода прыдовсь Рав-Жольдямонь ёвтнамазо, сестэ мерсь:

— Аштек, цёрам, аламос. Васня пидесынек ямонтъ, ярстано ды арсетяно аламодо.

Пештизе ямонтъ. Каясь Рав-Жольдямонъ таликаскак ды понгавтызе толбандянтъ вельксэс. Рав-Жольдямо се шкантъ оймсесь аламос.

Пись ямось. Ярсастъ-тейсть, озасть калентъ ало эземне ланге ды атясь кармась тейтертненъ сёрмаст ванномо. Ловнызе ды мери:

— Арась, цёрам, мон а содан нетъ тейтертненъ эйстэ. Вана монъ нуцькатнеяк пек мелявтозь вешнить ды арась кодаяк а чарькодтяно, ков тустъ. Азё, цёрам, теке ведентъ кувалт. Пек васолдо муят селей. Се селеентъ ало эри монъ лелям. Паряк сон соды эйстэдест.

Рав-Жольдямо кевкстизе:

— Васоло, дедай, тестэ се атясь?

— Аволь маласо, цёрам. Пазонтъ марто кодаяк пачкодят.

Сайсь атясь палка ды ланганзо пеельсэ чапнозь сёрмадсь лелянстэнь сёрма ды максызе нинзэ вешницянтень. Рав-Жольдямо санзе сёрма-палкантъ ды тусь мартонзо.

Мольсь, мольсь ведентъ кувалт, ваны, кармась неявomo селей истямо эчке ды сэрей, прызояк натой а неяви. Мольсь малав. Ваны селеентъ ало тонадоаяк виев ды шержев атя, калт уряды-аноксты ямонъ пидеме. Неизе Рав-Жольдямонъ ды мери:

— Шумбрачи тетъ, пазонъ кучовт од цёра-парочи. Инжекс натъ тень сыть? Озак, озак, оймсек аламос.

Пештизе ямонтъ, каясь сыцянтъ таликаскак. Аламос аштестъ, пись ямось, андызе цёрантъ ды кевкстизе:

— Мезть, цёрам, якат?

— Рав-Жольдямо максызе тензэ сёрма-палкантъ. Атясь ловнызе ды мери:

— Эно, цёрам, нуцькатнеяк, братоськак мелявтыть. Стака теvesь. Монгак, цёрам, а содан эйстэст. Азё теке ведентъ кувалт, тосто муят пек покш тумо. Се тумонтъ ало эри минек покш лелянок. Сон ламонъ содыця ды васов мариця. Монъ койсэ сон соды эйстэст.

Сайсь атясь палка, пеельсэ чапнозь сёрмадсь, максызе Рав-Жольдямонень ды мери:

— Бути сон а ёвтасынзе, мейле иля вешнеяк, а муевить.

Санзе палка-сёрмантъ Рав-Жольдямо ды таго тусь.

Куватьс мольсь цёрась ведентъ кувалт, арась кодаяк а пачкоди. Сизесь. Лоткась, оймсесь аламос ды таго сыргась. Мольсь, мольсь, варштась, чилисема ёндо кармась неявomo менельдентъ сэрей, чопода ды пиже пандо. Кармась малав пачкодеме, ваны, те истямось тумо. Весе менелентъ копачизе тарадсонзо, весе масторонтъ сюлмсизе корёнсонзо. Тумонтъ ало ашти атя, ловонъ кондят черензэ ды сакалонзо. Сонсь нонатнедеяк виев. Кокак неизе цёрантъ, ямонтень каясь сонзэ таликаскак ды кевкстизе:

— Косто сат ды ков молят, цёрам?

Рав-Жольдямо максызе тензэ сёрма-палканть ды сюконясь тензэ. Атясь ловнызе сёрма-палканть ды мери:

— Э-э-э, цёрам, васолдо ды покш тевень кувалт сат? Натъ монь нуцкятнеяк ды братнэяк мезеяк эзь тее, косто тонеть теемс истяшка тев. Вана цёрам калтнэяк писть. Ярсатано ала-модо ды удок теск. Мон арсян мезеяк. Валске паряк мезеяк тейтяно. Онт парынетъ нейтяно. Мейле тевесь седе парсте туи.

Ярсасть. Чизэ кодак чопотетсь мадсть. Валске стясть, атясь мольсь тумонтень, панжсь кенкш ды таргась тумонть потсто сиянь венч. Аравтызе ведь чирентень ды мери Рав-Жольдямонень:

— Озак, цёрам ды конить сельметь.

Рав-Жольдямо конинзе сельмензэ. Венчесь ёндолкс тусь уеме. Ков уйсть, Рав-Жольдямо эзь сода.

— Уйсть, уйсть, лоткасть, атясь мери:

— Панжить, цёрам, сельметь.

Рав-Жольдямо панжинзе сельмензэ. Ваны, икелензэ певтеме вирь, салмуks а тонгови, истямо тусто. Атясь мери:

— Валк, цёрам, венчстэнтъ ды лиссть берёк лангов. Тосто муят а покшке яннэ, азё се яннэванть, васов мольть, тосто мезеяк муят.

Лият мезтькак атясь эзь мере Рав-Жольдямонень. Велявтызе венчензэ ды ёматотсь цёранть сельмстэ.

Рав-Жольдямо муизе се яннэнтъ ды тусь эзганзо тусто вирентъ потмов. Мольсь, мольсь цёрась, марясы шум. Сон тандадсь. Талакалесь-тейсь аламос ды сыргась се шумонтень. Мольсь малав, ваны колмо шайтянт тюрить. Сон мольсь ды кевкстинзе:

— Тынь истя мезть тейнетядо? Мейс тюртядо?

Шайтянтнэде эрвась пижни эсь кисэнзэ.

— Вана кулось минек деданок, кадсь тенек ули-паро: сынсь якиця кемть, сонсь ливтниця кенде ды а невтиця шапка. Зярд майсетяно, кодаяк а явовить тенек. Ульть паро ломань, явить колмонек туртов.

Цёрась саизе луконзо, путсь эйзэнзэ налт, нолдызе ды мери тенст:

— Кона весемеде икеле тусы монень те налтонть, сень карми улеме весе те ули-парось.

Шайтянтнэ прянь полдань синдезь ношкстасть налтонть мельга.

Се шкастонть Рав-Жольдямо, карсинзе сынсь якиця кемтень, путызе прызонзо а невтиця шапканть, озась сонсь ливтниця кендентъ лангс ды ливтясь те таркастонть.

Ливтясь, ливтясь нинь вешницясь ды валгсь пек сэрей ды крута пандо пряс. Ваннось-тейсь, те самай се пандось, конань пряс сонзэ кренчесь кустнize. Ваны, кренчесь вельксканзо ливтни, тандадсь эйстэнзэ. Ношкстыксэль. Мейле ледсь меле-

зэнзэ а невтиця шапкась. Сон ней а неяви киненьгак. Кренчесь неевлизеяк, панксонь-пангс сезневлизе.

Кармась Рав-Жольдямо пандонть ланга якамо ды ванномо.

Якась, якась, мусь варя, прок верьгизэнь нора. Варштась варянтень, тосо кенкш. Совась, панжизе кенкшенть, ваны, тосо кудонь кондямо. Эзем прясо мадезь сыре бабине. Вакссонзояк озадо сыре бабине. Рав-Жольдямонь совамсто кенкшесь аламо-до чикоргадсь. Вейке бабинесь мери:

— Мекс истя кенкшесь чикоргадсь? Монь койсэ прок кие-бути совась.

— Ды кие ней сови?— мери омбоце бабинесь.

Аламос аштеть-тейсть, вейке бабась кевкстизе омбоцень:

— Мекс истя тон сэредят?

Мадезь бабась корты каршонзо:

— Ды виськс ёвтамскак. Тон содат? Минь колмонек патят-сазорт эрятано неть пандтнэнь лангсо. Вишка сазоронок тукш-нось мирденень лия масторов. Эрясь тосо аламос ды оргодсь, кадызе мирдензэ. Ней вана а кадыть эйсэнек эрямо-аштеме. Миньгак майсетяно сонзэ кувалма. Эрьва чине тердтнить эйсэ-нек судс. Вишка сазоронок эрьва чине яла кшнань локшосо чавить. Истямо эрямодонть аволь ансяк сэредеме прат, курок то-начивгак туят. Азё вешнек мейс кадызе. Цёрась пек пароль.

— Косо ней тонь сазорось эри?— Кевкстизе озадо аштиця бабась.

— Ды теск, теке пандонть лангсо. Минь колмонененк мала-цек эрятано.

Рав-Жольдямо весе кортамост маринзе. Стясь ды седе ку-рок тусь кудостонть. Якась, якась сон пандонть ланга, вешнесь, вешнесь, кодаяк а муеви тензэ эрямо тарказо. Колмо чить ды колмо веть яла вешнесь, арась косяк. Нилеце чистэнтъ валске, чинзэ лисема шкане мусь варя. Тонгизе прянзо варянтень, тосо кенкш. Тонгизе зепезэнзэ а невтиця шапканть, чаманзо лангс оршавтсь чамакс ды совась кудонтень.

Тосо, эземсэ озадо ашти низэ. Икелендеяк мазый тензэ не-явьсь. Кодак неitze Рав-Жольдямонь, кармась кевкстнемензэ:

— Тон, од цёра-парочи, косто истя? Кода тезэнь понгить? Мезть тия якат? Минек тесэ ули кренч, сон аволь ломань, нар-муньгак ливтямо а нолды. Кодак несы — сеске сэвсы.

Рав-Жольдямо кармась эйсэнзэ кевкстнеме.

— Тон мекс пек васоло эрят? Мекс ськамот?

Тейтересь кувакасто уктась.

— Мондень а мезть кортамскак, од цёра-парочи. Виськс мик ёвтнемс.

— Мекс виськс?— кевкстизе Рав-Жольдямо.— Эрь ёвтник.

Тейтересь уктась таго ды кармась ёвтнеме:

— Мон, вана, лисинь мирденень. Эринь мирдем марто ала-мос. Сон пурнась-сэриясь ды тусь патянстэнь. Мон тошнаинь сонстемензэ ды оргодинь мекев эсенек масторов.

Рав-Жольдямо кевкстизе:

— Нать цёрась берянь ульнесь, секс кадык?

— Мень берянь,— мери тейтересь. Истямо пароль, натоу кельсэть а ёвтави. Истямо цёра ней куроосто а вастат.— Сонсь кармась авардеме.

— Мекс а молят тензэ мекев?— кевкстизе Рав-Жольдямо.

— Ков ней мон молян. Косто ней сон монень муеви. Те шкас, паряк, лия сайсь или тусь ковгак...

— Ней бу савольгак, туевлить мартонзо?— яла кевкстни од цёрась.

Тейтересь аламодо радовась.

— Савольгак, аволь аволинь туе, сисем масторонь троке ливтявлинь мартонзо. Куломозон берянь вал тензэ аволинь ёфта, аволь туемс эйстэнзэ...

Рав-Жольдямо саизе чамастонзо чамаксонть ды мери:

— Адя эно!— сонсь пейдезевсь.

Тейтересь каявсь Рав-Жольдямонь кирьгас ды радовамондонзо натоу авардеме кармась.

— Мейле кевкстизе.

— Кода ней тутано тестэ? Кренчесь ютамсто сэвсамизь.

— Минь киненьгак а сэвевтяно,— прянь шназь мери Рав-Жольдямо.

Тейтересь стукадизе стенанть, кудось теевсь сиянь кудо потмокс. Вишка паргинестэ таргась сиянь алнэ, кевердизе кудонть перька. Весе кудось пурнавсь алонть потс. Саизе алонть, путызе потмозонзо ды мери мирденстэнь:

— Адя ней, саемак, ков мелеть.

Рав-Жольдямо ливтизе нинзэ ушов, ацызе сонсь ливтиця кенденть, озасть лангозонзо ды ливтясть те пандонть лангсто цёранть масторов аванстэнь.

Пачкодсть эсест велев. Весе пек кенярдозь вастызь. Тейнесть праздник, веленек симсть-ярсасть.

Кода прядовсть весе симематне, Рав-Жольдямонь нись таргизе потстонзо сиянь алонть, кевердизе масторга, ды теевсь эйстэнзэ сиянь кудо истямо, кодамо те масторсонть мон знярдоак эзинь некшне.

Инжекс тест яла нейгак яксян. Лиясто алашасо сыть кисэнь. Кавксть ливтявтымизь сонсь ливтиця кенденть лангсо. Пек паро ливтямось. Исякак якинь — эрить, течияк якинь — эрить.

14. РАВ-ЖОЛЬДЯМО

Жили-были старик да старуха. Жили бедно-бедно. И был у них единственный сын, которого звали Рав-Жольдямо.

Вот старик умер. Осталась старуха с сыном. Лошадка была у них плохая, и сорока говорит: она моя, и ворона говорит: она моя. Однажды Рав-Жольдямо повел эту лошадь на гумно па-

стись. По дороге навстречу ему идет старик. Поравнялись они — старик и спрашивает:

— Почему, сынок, уж очень плохая лошадь у вас?

Рав-Жольдямо говорит:

— Бедны мы, дедушка, ничего-то у нас нет, оттого и лошадь такая плохая.

— Ну, уж что-нибудь да есть,— засмеялся старик.— Куры-то есть у вас?

— Кажется, есть, не больше трех,— стыдясь ответил парень.

— Вот что, молодец добрый,— похлопал старик по спине Рав-Жольдямо.— Придешь домой, свари курицу да возьми бутылку вина. Я вечером приду, помогу вам выбраться из такой бедной и тяжелой жизни.

Пришел Рав-Жольдямо домой и говорит матери:

— Матушка, встретился мне один старик. Велел он сварить одну курицу и бутылку вина купить. Вечером он придет к нам, выведет нас из бедности.

Мать стала смеяться над ним.

— Чего ты говоришь, сынок? Он посмеялся над тобой. Кто теперь возьмется вывести из бедной жизни за одну курицу да за бутылку вина!

— По-моему, все-таки, матушка, надо приготовить, а вдруг что и выйдет. Если же не придет, то мы сами съедим.

Старуха думала-гадала, зарезала курицу, купила бутылку вина и стала ждать того старика. Кроме курицы еще кое-что приготовила. Наступил вечер. Старик тут и был. Старуха вынула бутылку, положила на стол курочку и другую закуску и стала угощать гостя.

Налил парень старику вина и говорит:

— Пей, дедушка, божий добрый человек.

Старик говорит:

— Матери сначала поднеси, она как-никак хозяйка в доме.

Старуха руками и ногами стала отмахиваться:

— Зачем, не надо мне, не тожусь я пить да гулять с людьми.

— Не капризничай. Мы не велим тебе пить много. Пей сколько можешь. Я ведь тоже человек не из пьющих. Я не пить пришел, я пришел вам помочь.

Старуха немного выпила. Потом старик поднес чарку Рав-Жольдямо. Сам же не пил и не ел. Так понемногу всё вино и спил старухе и ее сыну. Оба они опьянели. Старуха упала да и уснула. Старик взял куль из-под соли, сунул туда Рав-Жольдямо и скорей ушел к себе — украл у старухи единственного сына.

Шел-шел он с парнем, дошел до большой реки. Видит, около берега лодка. Не долго думая, старик прыгнул в лодку — лодка затрещала. Отплыли немного от берега, лодка совсем по дощечкам распадается.

— Старик, ты собака!— крикнул лодочник.— Сам погибнешь — туда тебе и дорога. Доброго человека с собой утопишь!

Старик взял куль с парнем и стал прыгать с одной доски на другую. Так и перешел реку. А на том берегу был широкий да красивый луг. Остановился старик на лугу и выпустил из куля Рав-Жольдямо. Отдохнул немного, и опять пошли. Шли-шли, встретили двух верблюдов. Поймал их старик. На одного из верблюдов посадил Рав-Жольдямо, на другого сам сел, и тронулись дальше. Ехали, ехали они, доехали до большого леса. Темный-претемный лес. Проехали лесом. Вышли на большую дорогу и едут дальше. Доехали до высокой, высокой горы: вершина ее в облаках купается, вот какая высота! Остановились они тут, отдохнули немного. Потом старик достал острый ножик и зарезал одного верблюда. Снял кожу, распорол живот и сунул туда Рав-Жольдямо. В руки ему дал большой мешок и длинную, крепкую веревку и сам говорит:

— Прилетит сюда клевать верблюжатину огромная птица ворон. Только начнет она клевать, ты и крикни пострашнее. Она испугается, схватит верблюда и понесет его на гору вместе с тобой. И попадешь ты в гнездо к ворону. Потом выйдешь из живота верблюжьего и взбирайся опять на гору. Там, на вершине, очень много серебра и золота. Наполнишь мешок золотом и серебром и спустишь по веревке вот сюда. Я здесь буду ждать. Потом разделим на двоих. И ты разбогатеешь. Не забудь, как только ворон будет клевать, ты крикни.

Старик взял другого верблюда и отошел в сторону. «Пропал я»,— думает Рав-Жольдямо про себя. Сам весь трясется от страха. Вот уже и ворон летит: такая в нем сила огромная, что земля даже дрожит, небо гулом гудит. Спустился ворон ниже — земля еще сильнее задрожала. Сел. Когтями всю землю исцарапал, ветром все деревья вокруг свалил. Клынул раз — верблюжьей голову проглотил. «Другой раз клонет,— думает парень,— так всего верблюда проглотит. А мне жизнь нужна». И Рав-Жольдямо крикнул страшным голосом. Ворон схватил верблюда и понес на гору, а вместе с ним и Рав-Жольдямо. Поднял на гору и понес к себе в гнездо. Сам опять куда-то полетел. Рав-Жольдямо вылез из верблюжьего живота и стал подниматься по горе еще выше. Поднялся на самую вершину и видит — вокруг него лежит золото да серебро. Взял он мешок, набил его золотом да серебром и спустил по веревке вниз.

Старик обрадовался. Взял мешок, перекинул через верблюда и поехал к себе домой, а Рав-Жольдямо оставил, обманул. Рав-Жольдямо ходил, ходил по горе, смотрел, смотрел, где можно спуститься. А потом догадался. Завязал веревку за камень и начал спускаться вниз. Только ему приблизиться к земле — небо вдруг загудело, гора вся задрожала. Это летит ворон. Рав-Жольдямо испугался, хотел спрыгнуть, а взглянул

вниз — там медведь стоит, и рот у него открыт, ждет его. Руки у Рав-Жольдямо ослабли, чуть не упал. Поглядел наверх — там ворон возле веревки. «Что теперь делать? — думает про себя Рав-Жольдямо. — Наверху — ворон, внизу — медведь ждет». Видит, поблизости камень большой, чуть держится. Он взял и двинул камень ногой. Покатился с громом тот камень вниз. Медведь испугался, отскочил было, да ноги задние попали под камень. Он как заорет страшным голосом: «Вай, матушка родимая!» Лес вокруг так и загудел. На крик его сбежалось почти сто медведей, и все они смотрят на Рав-Жольдямо и ревут. Поглядел он наверх, а там около веревки вьется ворон. Сердце у парня комочком сжалось. Поглядел он вниз — а оттуда молодой медвежонок по веревке вверх карабкается. «Теперь пропал я», — думает Рав-Жольдямо. Поглядел наверх — ворон к веревке подлетел, клюнул ее, поднялся вверх и понес Рав-Жольдямо да медведя, который карабкался по веревке. Поднял их выше солнца и стал спускаться к себе в гнездо. Теперь Рав-Жольдямо еще больше испугался: в гнездо попадешь — съедят. Поглядел вниз: неподалеку летят огромные лебеди. Ворон летит им прямо навстречу. Как приблизились к ним, Рав-Жольдямо, не долго думая, прыгнул на самого большого лебедя, сел на него верхом и полетел дальше. А ворон принес медведя в гнездо и съел.

Лебедь летел, летел с Рав-Жольдямо, устал. В большом лесу сел он тихонько на луговину. Сошел на землю парень и пошел ходить по лесу. Ходил, ходил, напал на маленькую тропку. Пошел по той тропинке, куда идет — сам того не знает. Шел, шел он, тут и тропка стала шире, а еще прошел немного — из той тропки дорога сделалась. Пошел Рав-Жольдямо по этой дороге и вдруг увидел впереди что-то белое. Чем ближе подходит, то больше и больше белизны. А подошел еще ближе — стоят дома серебряные. Подошел он к одному из домов, видит — перед домом стоит девушка такой красоты, что глядеть на нее невозможно. Одета она вся в золотой наряд.

Рав-Жольдямо смотрит на девушку и не может глаз отвести, а девушка смотрит на Рав-Жольдямо. И никто из них слова не может сказать. Потом девушка улыбнулась и сказала:

— Чего это ходишь ты, добрый молодец? Подойди ближе. Или в дом наш войди.

Рав-Жольдямо подошел к ней. Она пригласила его войти в дом. Вошли они. Видит Рав-Жольдямо, там еще две девушки, такие же красивые, как и первая. В этом домике жили три сестры.

Так они обрадовались приходу Рав-Жольдямо — не сказать, не описать. Стали спрашивать они его наперебой.

— Как ты попал сюда?

— Очень или не очеь устал?

— Есть не хочешь ли, добрый молодец?

Рав-Жольдямо всё им рассказал так, как было. Девушки затопили ему баню. Помыли его, одели в парчовый наряд. Потом сказали:

— Будь ты нам младшим братом, останься с нами жить.

Остался Рав-Жольдямо. Девушки дали ему лук и стрелу. Пожил он у них немного, и захотелось ему поохотиться.

Девушки говорят ему:

— Куда теперь пойдешь? Или у нас есть нечего? Или чего другого у нас нет? Не ходи. В этих лесах тебя какой-нибудь зверь может погубить.

Рав-Жольдямо не послушался их, ушел. Ходил, ходил, нашел озеро. На берегу озера кустарник растет. Притаился он в этом кустарнике и ждет. «А может, утки прилетят?»— думает он. Ждал-ждал, видит, к озеру прилетели три уточки. Приготовил он лук и вдруг остолбенел: утки скинули свои утиные наряды и сделались девушками. Вошли в озеро и начали купаться. Одна девушка такой красоты, что ни словом сказать, ни пером описать. Сердце у парня так и вздрогнуло. Только не знает, что делать ему, как заговорить с девушками. А девушки выкупались, вышли из озера, надели на себя наряды утиные и улетели.

Рав-Жольдямо посидел немного и невеселый пришел домой. День живет, другой живет, девушку забыть никак не может. О ней только и думает. Совсем перестал пить и есть, тоскует.

Девушки видят, что их меньший брат печальный, спросили:

— Отчего, брат наш, не пьешь? Отчего не ешь? Может, в лесу кто-нибудь напугал тебя? Почему нам не говоришь?

Рав-Жольдямо вздохнул:

— Видел я, сестрицы мои, в лесу озеро. На то озеро прилетали три утки и превращались в девушек. Одна из них очень красивая, и мне понравилась, думаю взять ее в жены.

Сестры говорят:

— Э, дело какое! Сказал бы давно, мы бы тебе помогли. Иди утром к тому озеру, садись в кустарник и жди. Как они прилетят, ты наблюдай, куда положит свой наряд та девушка, которая тебе понравилась. Они будут купаться, а ты бери ее наряд и иди с ним домой. Она сама придет к тебе.

Рав-Жольдямо так и сделал. Пришел к озеру. Подождал. Как только утки сбросили свои наряды, вошли в воду, он подкрался и взял наряд той девушки, которая понравилась, и пошел домой.

Девушка вышла из воды — одежды нет. Подруги оделись и полетели, а она осталась одна. Постояла немного и пошла следом за Рав-Жольдямо. Шла, шла, догнала его. Идет за ним и плачет:

— Молодец ты добрый, верни мой наряд. Пожалуйста, будь человеком хорошим, пожалей меня.

Рав-Жольдямо молчит. Он домой торопится. Девушка просила, просила, видит, ничего не выходит, стала стыдить его:

— Ой, молодец ты добрый, как тебе не стыдно! Отчего так издеваешься надо мной! Смотри, ведь я девушка, и иду за тобой неотетая. Люди будут смеяться надо мной.

Рав-Жольдямо опять молчит. Вот уж к дому приближаются. Сестры увидели их в окошко. Они быстро собрали девушке парчовые наряды и вынесли ей навстречу. Нарядили, словно молодцу, и ввели в дом. Поженили Рав-Жольдямо, и стали они жить. Утиные наряды Рав-Жольдямо спрятал в кадушку и накрепко замкнул замком: боится, что она их найдет и улетит.

Жили-жили, Рав-Жольдямо опять запечалился. Опустил голову и ходит грустным. Ни с кем даже и не разговаривает. Сестры и жена спрашивают:

— Отчего, братик наш, печален? Отчего, дружочек мой, голову опустил? Или тебе чего недостает? Или кто тебе слово плохое сказал? Скажи нам. Мы все сделаем так, чтобы тебе хорошо было.

Рав-Жольдямо вздохнул и сказал:

— Вот отчего, сестрицы, я в печали. Здесь мы живем хорошо, всякого добра у нас много. А там, в деревне, у меня есть мать. Она, наверное, сейчас голодная сидит. Я думаю идти к ней.

— Почему ты нам об этом раньше не сказал, братец наш? Мы давно бы тебя послали. Как можно оставить мать голодной? Надо идти к ней. Только поживи денек-другой, мы тебя соберем получше.

Сестры сделали ему самоплавающую лодку. Положили в нее много добра и денег. Потом посадили туда Рав-Жольдямо с женой и проводили через ту самую реку, через которую перенес его старик.

Мать Рав-Жольдямо после того, как пропал ее сын, очень нуждалась. Лошадка сдохла. Коровку взяли за недоимки. Избушка развалилась, что было из добра, всё поизносилось. Идти старухе некуда. Недалеко от них жил барин. Нанялась она к тому барину кормить кур, гусей да свиней. А барин кормил ее вчерашними холодными щами, остатками со стола да хлебными кусками.

Пришел в деревню Рав-Жольдямо. Нашел свою мать. Взял ее скорей от барина. Поставил себе новый дом, лучше чем у барина. А вокруг дома сад посадил. Построил амбары, лавки да магазины. Так все деньги на строительство и израсходовал. Лавки да магазины построил, а торговать нечем. Думал, думал Рав-Жольдямо, делать нечего, надо где-то находить деньги. Однажды ночью проснулся он и вспомнил, что говорили ему сестры: «Не забывай нас, братец наш! Опять приходи к нам. Что тебе нужно будет, у нас найдешь».

Встал утром Рав-Жольдямо и говорит жене:

— Я схожу к сестрам моим, привезу от них товару и денег. Будем еще лучше жить.

А матери сказал:

— В сенях, в кадучке, лежит утиный наряд моей жены. Ты его спрячь подальше: как бы она ни просила, не отдавай ей.

Собрался Рав-Жольдямо, поцеловал жену-красавицу, сел на самоплавающую лодку и поплыл.

Через несколько дней в деревне наступил большой праздник — пасха. Барин, у которого жила в работницах мать Рав-Жольдямо, созывает к себе гостей. Пригласил он и жену Рав-Жольдямо — очень она пришлась ему по душе.

Приходит посланец барина к старухе и говорит:

— Пойдемте, барин в гости вас зовет. Бери с собой, бабушка, и жену Рав-Жольдямо.

Старуха говорит невестке:

— Пойдем, сноха, хоть печаль-тоску отведешь.

Невестка стала отказываться.

— Как я теперь пойду, матушка, в этой одежде. Там господа и другие видные люди будут, а я в этой одежде буду среди них. Достань вон из кадучки мой наряд, в нем пойду. А в другом ни в чем не пойду.

Говорит старуха ей:

— Нет, сноха, тот наряд я тебе не дам.

— Не дашь — не пойду.

Ушел барский посланец один. Приходит и говорит барину:

— Не придут.

— Почему? — удивился барин.

— У молодухи наряд очень плохой.

Барин послал за ними свою жену. Приходит она к ним, зовет в гости.

— Сноха не идет, говорит, одежда плохая, — сердито отвечает старуха.

— Отдай ей хороший наряд. Почему не отдаешь? — просит барыня.

— Не отдам я те наряды, хоть что делайте, — говорит старуха.

Ушла барыня. Приходит домой и говорит барину:

— Не придут. Не отдает старуха снохе наряд.

— Поеду сам, — сказал барин. Сел на легкую таратайку и поехал. Приехал, заходит в дом и говорит:

— Вы что же, разбогатели теперь? Почему ко мне в гости не желаете? Видно, и людей не хотите видеть? И меня за человека не желаете считать, даже в такой большой праздник не хотите идти ко мне в гости. Собирайтесь скорее. Ты, бабушка, отдай невестке наряд, я сам вас повезу.

Старуха постыдилась этих слов бариновых, отдала невестке утиный наряд и сама стала собираться-наряжаться.

— Мы на таратайку не будем садиться, — говорит старуха барину. — Мы и пешочком дойдем.

Как ни просил барин, а все-таки пришлось ему одному ехать.

Невестка как надела на себя утиный наряд — весь дом ясным солнцем засиял. Пришли они к барину. Идут по улице — весь народ вышел смотреть на молодницу. Уж несказанно красив на ней наряд — вся улица засветилась. А она не пошла к барину: сделалась уткой и полетела в свою страну. Люди все оцепенели, смотрят туда, куда улетела молодая жена Рав-Жольдямо. И мать Рав-Жольдямо не пошла в гости к барину, вернулась домой. Через некоторое время вернулся домой и Рав-Жольдямо. Привез он много денег и товару. Как он вошел в дом, мать бросилась к нему с плачем:

— Что мне делать, сыночек мой Рав-Жольдямо? Не уберегла я жену твою. Она сделалась уткой и улетела.

— Говорил я, чтоб не отдавала ты ей утиный наряд!

— Теперь ее скоро не найдешь.

Убрал Рав-Жольдямо товар и деньги, сел и начал думать, как и где найти свою жену-красавицу. До вечера думал. А как солнце село, Рав-Жольдямо молча вышел из дому, сел на самоплавающую лодку и отправился к сестрам.

Приехал он туда, сестры спрашивают:

— Отчего ты, наш братец, добрый братик наш, так быстро вернулся обратно?

Рав-Жольдямо вздохнул и начал им рассказывать:

— Эх, сестрички мои, сестрички! В мое отсутствие жена надела на себя утиный наряд и улетела, никто не знает куда. Может, вы скажете мне, где она?

Девушки говорят ему:

— Нет, братец наш, мы теперь не знаем, где она. Знали мы о ней тогда, когда утки прилетали сюда купаться на озеро. А сейчас не знаем, где они живут. Переночуй здесь, побудь до утра, может, за ночь что и придумаем.

Затопили баню. Помыли его и уложили спать. Утром встали сестры. На трех берестах написали три письма, и каждая на своем, особом языке. Разбудили Рав-Жольдямо и говорят ему:

— Возьми, братец наш, эти три письма и иди вдоль этой же глубокой и широкой реки. Дойдешь до большой ивы. Под той самой ивой живет наш дед-рыболов. Спроси его, он, может, и знает об этих утках.

Рав-Жольдямо поклонился богу Нишке¹ и ушел. Шел, шел вдоль реки и увидел впереди высокую и раскидистую иву — все небо она заслонила собой. Подходит к иве Рав-Жольдямо, смотрит — сидит под ивой седой, могучий старик и рыбную похлебку варить собирает. Увидел старик Рав-Жольдямо, обрадовался:

— Здоровье тебе, добрый сын мой! В гости ко мне пришел? Откуда это тебя бог принес?

Рав-Жольдямо рассказал ему, по какому делу и как дошел

¹ Нишке — божество.

он до него. Старик молчал. Только слушал. Как кончил Рав-Жольдямо рассказ свой, старик и говорит:

— Погоди, сын мой, немного. Сначала сварим похлебку, покушаем, а там и подумаем, что надо делать.

Сварилась похлебка, поели-закусили, сели под ивой на лавке, и старик начал читать письма от внучек. Прочитал их и говорит:

— Нет, сын мой, ничего я не знаю про девушек этих. Вот и внучки мои очень старательно разыскивают, да не знают, куда скрылись эти утки. Иди, сын мой, вдоль этой реки. Дойдешь до вяза, а под ним живет мой лялям¹. Возможно, он знает про них.

Рав-Жольдямо спрашивает:

— Далеко, дедушка, тот вяз?

— Не очень близко, сынок, бог даст как-нибудь дойдешь.

Взял старик палку, на ней ножом написал письмо и передал Рав-Жольдямо. Он взял палку-письмо и пошел дальше. Шел, шел вдоль реки, замечать стал — впереди вяз такой толщины да высоты, что и вершины не видно. Подошел ближе, видит — под вязом старик, старее да могучее своего меньшего брата, рыбу чистит — готовит похлебку. Увидел он Рав-Жольдямо и говорит:

— Здоровье тебе, богом посланный добрый молодец! В гости, видать, ко мне пожаловал? Садись, отдохни покуда.

Заправил похлебку, долил в котел на долю пришедшего; посидели немного, сварилась похлебка, накормил парня, потом спросил:

— Чего хочешь, сын мой?

Рав-Жольдямо отдал ему палку-письмо. Старик прочитал и говорит:

— Да, сын мой, и внучки горюют и брат мой печалится. Трудное дело. И я, мой сын, не знаю про них. Иди вдоль этой же реки, там дуб растет высокий. А под тем дубом живет наш старший брат, далекослышащий и многознающий. По-моему, он знает и про них.

Взял старик палку, на том письме сам ещё написал, отдал Рав-Жольдямо и говорит:

— Если и он тебе не скажет, то и не ищи, все одно не найдешь.

Взял Рав-Жольдямо палку-письмо и опять пошел. Долго он шел вдоль реки, никак не дойдет до того места. Устал, остановился, отдохнул немного и дальше пошел. Шел, шел, видит — на восходной стороне начинает виднеться выше самого неба темная да зеленая гора. Стал близко подходить, видит, а это и есть дуб высокий. Все небо он закрыл ветвями, всю землю прошил корнями. Под дубом сидит старик, снегу подобны борода

¹ Лялям — старший брат.

его и волосы, а сам он могучее братьев меньших. Только увидел парня, долил похлебку для Рав-Жольдямо, говорит ему:

— Откуда пришел и куда идешь, мой сын?

Рав-Жольдямо отдал письмо-палку и поклонился ему, старик прочитал письмо и говорит:

— Э-э-э, сын мой, издалека да за большим делом пришел. Потому и внучки мои, и братья ничего не могли сделать. Где тебе совершить такое? Вот, сын мой, и рыба готова. Поешь и ложись спать. А я придумаю что-нибудь.

Поели. Стемнело — спать легли. Утром поднялись, старик пошел к дубу, открыл дверь и достал оттуда серебряную лодку.

— Садись, мой сын, да закрой глаза,— говорит он Рав-Жольдямо.

Рав-Жольдямо закрыл глаза. Лодка молнией пошла по воде. Куда мчалась — Рав-Жольдямо не знал. Плыли, плыли, остановились. Говорит старик:

— Открой, сын мой, глаза.

Рав-Жольдямо открыл глаза. Видит — перед ними лес бесконечный, иголку не просунешь, такой густой.

Говорит старик опять:

— Сойди, сын мой, с лодки да иди на берег. Там найдешь небольшую тропку, иди по той тропке далеко-далеко, там что-нибудь и найдешь.

Больше ничего старик не сказал Рав-Жольдямо. Повернул лодку и скрылся с глаз. Рав-Жольдямо нашел тропку и пошел по ней в глубь леса. Шел, шел — слышит гул. Испугался он. Подошел немного и пошел на этот шум. Подошел близко, видит — три черта дерутся. Он и спрашивает их:

— Это вы что делаете? Из-за чего деретесь?

Каждый из чертей за себя говорит:

— Вот помер наш дед, оставил нам добро: сапоги-самоходы, войлок-самолет и шапку-невидимку. Уж сколько маемся — никак не разделим. Будь добрым человеком, раздели их между нами.

Парень взял лук, натянул и выпустил стрелу. А им говорит:

— Кто из вас раньше найдет и принесет стрелу, тому и добро всё это по праву.

Черти сломя голову побежали за стрелой. А в это время Рав-Жольдямо надел сапоги-самоходы, надел на голову шапку-невидимку, сел на войлок-самолет и поднялся с того места. Летел, летел он и спустился на высокой и крутой горе. Огляделся, осмотрелся — это и есть та самая гора, на которую он был поднят вороном. Видит, летает над ними ворон. Испугался Рав-Жольдямо, дрожит весь. Вспомнил он о шапке-невидимке, под которой никто его не видит. Надел. Улетел ворон. А Рав-Жольдямо пошел бродить по горе. Ходил, ходил, нашел ямку, похожую на волчью берлогу. Посмотрел, а там дверь. Спустился, открыл дверь, видит — внутри берлога вроде избы. На лавке

лежит старушка старенькая. И рядом с ней сидит тоже такая старушка. Когда входил Рав-Жольдямо, дверь немного скрипнула. Одна из старух и говорит:

— Отчего это дверь так скрипнула? Кто-то, думается мне, вошел.

— Да кто теперь войдет,— отвечает другая.

Немного спустя одна старуха опять другую спрашивает:

— Отчего это ты хвораешь так?

А та отвечает:

— Да и стыдно говорить даже. Ты знаешь, мы втроем — три сестры — живем на этой горе. Меньшая сестра наша выходила замуж в чужую страну. Пожила там немного и сбежала, оставила мужа. И мы теперь мучаемся из-за нее. Каждый день вызывают нас на суд. А меньшую сестру нашу каждый день бьют ремненным кнутом. От такой жизни не только захвораешь, но и на тот свет уйдешь. Иди спрашивай, зачем она мужа оставила. Парень был очень хороший.

— А где теперь твоя сестра живет?— спросила ее сидящая старуха.

— Да здесь, на этой же горе. Мы все три сестры поблизости живем.

Рав-Жольдямо весь этот разговор слышал. Затем встал и ушел. Ходил, ходил он по горе, искал-искал, никак не найдет, где живет его жена. Три дня и три ночи искал — нигде не нашел. На четвертый день утром, при восходе солнца, нашел яму. Сунул голову туда — увидел дверь. Положил шапку-невидимку в карман, на лицо надел маску и вошел в избу. А там на лавке сидит его жена, она ему показалась куда прекраснее, чем раньше. Как увидела она Рав-Жольдямо, спрашивать начала:

— Ты, добрый молодец, откуда это? Как попал сюда? Зачем тут ходишь? У нас тут есть ворон, так он не то чтобы человека, но и птицу не пропустит. Как увидит — тут и растерзает.

Рав-Жольдямо смотрел, смотрел на нее и спрашивает:

— Почему ты так далеко живешь? Почему ты одна?

Она глубоко вздохнула:

— Мне и говорить нечего, добрый молодец, говорить даже стыдно.

— Отчего стыдно?— спрашивает Рав-Жольдямо.— Рассказывай.

Она опять вздохнула и начала рассказывать:

— Я, видишь ли, замуж выходила. Жила с мужем немного. Собрался он к своим сестрам, а я без него затосковала и ушла в свою страну.

Рав-Жольдямо спросил:

— Видно, парень был плохой, потому ты оставила его?

— Почему плохой?— говорит она.— Хороший такой, что и словом не передать. Такого парня теперь скоро не встретишь.— И расплакалась.

— А почему обратно к нему не идешь?— спросил Рав-Жольдямо.

— Куда теперь пойду, где мне его найти? До сих пор, наверное, другую нашел или ушел куда...

— А если он пришел бы за тобой, ты пошла бы к нему?— спрашивает Рав-Жольдямо.

— Если пришел бы, так не только бы пошла, а через семь царств-государств полетела бы с ним. До смерти своей худого слова ему не сказала бы, не то чтоб от него уйти...

Рав-Жольдямо снял маску с лица и сказал:

— Тогда пойдем!— и засмеялся.

Она бросилась на шею Рав-Жольдямо и от радости заплакала. Потом спросила:

— Как теперь отсюда мы выберемся? Ворон растерзает нас, как только покажемся.

— Нас никому не поймать,— похвалился Рав-Жольдямо.

Она ударила по стене — сделался дом серебряный. Из маленькой коробочки достала серебряное яичко, покатила его по полу — дом весь вместился в яичко. Взяла яичко, положила его за пазуху и говорит мужу:

— Теперь пойдем, веди меня, куда желаешь.

Рав-Жольдямо вывел свою жену, постелил войлок-самолет, сели на него и полетели с той горы в страну Рав-Жольдямо, к его матери. Прилетели в свою деревню. Все очень обрадовались. Устроили праздник, всей деревней пили-ели. А после гуляния жена Рав-Жольдямо достала из-за пазухи серебряное яичко, покатила его по земле — сделался дом серебряный, да такой, какого на этой земле никогда не было.

В гости к ним я и сейчас хожу. Иной раз на лошади за мной сами приезжают. Два раза прокатили меня на войлоке-самолете. Очень хорошо летать! И сегодня была у них — хорошо живут.

15. МАЗЫЙ ДАМАЙ

Эрясь-аштеть мастор лангсо Мазый Дамай. Мазый Дамаень ульнесь парнесэ скал оезэ. Ой парнесь аштеть кудо потмарсо. Се оентень тонадсь ривезь. Мазый Дамай чарькодсь — оезэ аламо каднови. Кундась ванстома, кие ойдензэ ярсамо якси.

Кувать а кувать ванстнесь, — сась ривезь, кармась ойденть ярсамо. Сон ривезенть кундызе. Ривезь энялды тензэ:

— Вай, Мазый Дамай-парочи! Илямак чаво, илямак машто: мон тонеть ламо паро теян.

Мазый Дамай мери тензэ:

— Кодамо паро тон монень теят?

Ривезь ответчи:

— Мон Пурьгине инязоронть тейтерензэ экшезэть чияса!

Мазый Дамай ривезенть апак чаво, истяк нолдызе.

Ривезь мольсь, мольсь, Пурьгине инязоронтень пачкодсь ды кармась тейтерензэ Мазый Дамаень экшс чиямо:

— Вай, Пурьгине инязоро паз! Монь кучимим Мазый Дамай тонь тейтереть чиямо. Пурьгине инязоро паз, максък тейтереть Мазый Дамаень экшс: сонзэ кондямо лия истямо сюпав содамо а муят. Сонзэ кондямо сюпав весе масторлангонть ютык, костояк а муят. Паксянзо пешксеть эрва кодамо стададо, пирензэ пешксеть суродо, кудонзо пешксеть слугадо. Мазый Дамай сюпав эрва мезде, ансяк саень поладо, пиже какадо аволь сюпав. Вана кодамо сон минек!..

Пурьгинесь арсесь-тейсь тейтерензэ марто ды корты:

— Максса эно, мери, истямо сюпавонть экшс.

Тейтеренть чиямодо мейле ривезь мери Пурьгине инязоронтень:

— Вай, Пурьгине инязоро паз, сват, Мазый Дамай содамот ламо куданзо улить; лишмест сынст парт истят. Хоть, сэдеть вадрят, парт улест: зярдо кува юты Мазый Дамай содамот, пильгензэ ало масторось зэрнезь зэрни, менелесь гайгезь гайги.

Ривезь мекев кудов мурдамодо мейле Мазый Дамаинень мери:

— Я, адя ней, Мазый Дамай-парочи, Пурьгинень тейтерензэ саеме мольтяно! Ансяк вана мезе: кода Пурьгине инязоронтень мольтяно, тон чатьмонть, ламо иля корта: ламо кортамо кармат — прят ёмавтсак. Мон монсь кисэть кортамо карман. Тондеть ёвтан тосо: «Сон, мерян, пек превей, ламо кортамо а вечки».

Мазый Дамайде а васоло эрясь мекерезь сисем прясо Каряз. Се сисем прясо Карязонть паксянзо трокска ютамсто каршозост саразонь стада понгсь. Ривезь стадань ваныцятнень кевкстни:

— Те кинь саразонь стадась?

— Те саразонь стадась сисем прясо Карязонь, — ёвтасть тензэ ваныцятне.

— Вай, саразонь ваныят! Мазый Дамаень свадьбанзо ютамсто аволь истя ёвтадо: Пурьгинесь пурьгине кевсэнзэ ледтядызь, толсонзо пултатадызь, вармасонзо куловонк понжавтсынзэ. Сон тейтерензэ Мазый Дамаень экшс макссы. Коли ки кевкстядызь: «Нетъ кинь стадатне?». «Мазый Дамаень», — ёвтадо тензэ. Пурьгинесь а токатадызь.

Мольсть, мольсть, сынст каршозост понгонесть уткань стада, мацеень стада, куркань, тувонь стада, ревень стада, скалонь стада, алашань стада. Ривезь эрва стадань ваныцятнень тонавтынзе меремс саразонь ваныцятнень ладсо.

Вана Мазый Дамай марто ривезь пачкодсть покш ведь чирес. Се покш веденть трокска Пурьгинесь теевтсь вадря кеме сэдъ. Сэденть сваензэ кевень, сонсь весе кшнинь.

Ривезь мери Мазый Дамаинень:

— Кода сынтресынек ней те сэденть? Вана кода тейтяно эно: мон свайтнень поремест карман, тон кундат сорновтнемест.

Ривезь порсь, порсь свайтнень — поринзе, Мазый Дамай сорновтнесь, сорновтнесь — сявордынзе. Сестэ ривезь Мазый Дамаень понксонзо-панаронзо каявтынзе ды нолдынзе ведь мельга. Мазый Дамай штапо, понкстомо-панартомо кадовсь. Савсь тензэ истя модемс ватанстэньгак.

Кода састь, ривезь Пурьгинентень пеняцямо кармась:

— Вайх, вайх! Мезе теить, Пурьгине сват!.. Меринь теть: кить, сэдеть вадрят, кеметь улест, сынь ковгак а маштовить, берянть. Покш веденть трокс сэдь ланга ютамсто Мазый Дамай содамот куданзо весе, весе вейкенъ пес ваясть! Кудатнень ютамстост кшнинъ сэдеть эзь кирде, лондадсь. Сонськак Мазый Дамай содамот ваякшнось, ды уеме сон пек кол: ведьсэ лангстонзо одежанзо седе курокаинзе ды штапо уезь лиссь... Вай, Пурьгине сват! Мазый Дамай содамот куданзо паронъ парт, бояронъ боярт ульнесть; сынь весе вейкенъ пес лишменек, ули-паронек вайсесть. Ансяк минъ кавонек кадовинек: тейтереть таланось, несак... Косто тензэ Мазый Дамаень кондямо мирде муемс!.. Парт, парт ульнесть Мазый Дамай содамот лишмензэ, седеяк парт ульнесть палянзо-одежанзо. Вай, сваткинем, виськсчамас теевтимер монъ Мазый Дамай содамот икеле! Лишметь, тейтереть палянзо сонзэ мельс аздан туить а туить...

Ривезь таго ламо пеняцясь тензэ.

Пурьгинень лейтерезэ Мазый Дамаинень понксто паро понкст, шалясто парт палят кантнесь. Мазый Дамай вейкенъгак эзизе орша, ансяк кавксоцеде кандозь весемеде вадрятнень оршинзе.

Сон сонсь чатьмони, кисэнзэ ривезь корты.

— Арась!— мери, Мазый Дамай-парочи истят понкст-панарт а орши: сон а понкст, а палят истят зярдояк эзь кантнекшне!..

Пурьгинесь и эстензэ и Мазый Дамай содамонзо кисэ эсь лишмензэ кильдинзе. Лишмензэ сельмстэ толт верьгедить, судо варястост качамо лиси, пилест штерекс штердить, пильгест петъкелькс налксить, пулост юдмакс юводыть, сынст ардомастост овтт, верьгизт вирьга орголить, гуйть молема кисэст таймаскадозь энгамить, карцигант менель ёжов пель удалов кекшнить.

Вана Мазый Дамаень свадьбазо сисем прясо Карязонъ паксява юты эрва мезень стаданзо юткова. Пурьгинесь косто а ней стада, кевкстни:

— Неть кинь стадатне?

Ваныцятне мерить:

— Неть стадатне Мазый Дамай-парочинь.

Ривезь икеле вальтязь вальтямо кармась, пулозо ансяк эрва ёнов юв, юв ювны; свадьбанть васов удалов кадызе. Сась сон витьстэ сисем прясо Карязонтень.

— Сисем прясо Каряз, а сисем прясо Каряз! Пурьгинесь Мазый Дамаень экшс тейтерензэ макссы, сон тонь кудосот свадьба налксеме пурны. А нолдасак — пурьгине кевсэнзэ ледтянзат, ёндол толсонзо пултатанзат, вармасонзо понжавттанзат.

Сисем прясо Каряз ривезентень мери:

— Монсь эно ков туян?!

— Тон тонсь ков туят?.. Вана неть сисем костёртнэнь алов кекшть!

Сисем прясо Карязонь кардаз куншкасонзо озорнойшка сисем костёрт начко тумонь пенгензэ ульнесь. Сисем прясо Каряз неть костёртнэнь алов кекшсь. Ривезь мери тензэ:

— Тестэ Пурьгиненть туемазонзо иля лисне ва! Лисят — прят ёмавтсыть: сон эйсэть а вечки, ледтянзат, пултатанзат! Кодак арды сон, мезть кортамо, мезть тейнеме илязо кунда, тон чатьмонть, сырк иля мере! Ансяк сыркстат — ёмат.

— Костёртнэнь ледемаст, пултамост пурназо, мон сестэяк сырк а мерян... Кода пултасамам, куловон варма мельга илинзе понжавто ансяк... Мон од цёракс велявтан. Мазый Дамай содамонзо сэвса ды тейтерензэ эсь экшезэнь сайса.

Вана ривезь Мазый Дамай марто, Пурьгине инязоронть весе сазь кудатнень марто ломань кудосо, ломань ули-паросо канить. Ламо сынь истя симсть-ярсась. Пурьгине инязоро пазось иредсь. Ривезь Пурьгине инязоро сватонзо марто кардаз якамо-пакамо лиссть. Якасть, якасть, начко тумонь сисем костёртнэнь видьс лоткасть, ды ривезесь корты:

— Пурьгине инязоро паз, сват, а Пурьгине инязоро паз, сват! Тон виеват-виеват, неть начко тумонь костёртнэ а ледевить, а пултавить теть...

— Ледьсынь! Пултасынь! — мери сон.

Ривезь валонзояк прыдомо эзь кенере, кода цяр-рр! Цяради, масторозо зэрь-зэрь зэрни. Пурьгинесь сеть сисем костёртнэнь лединзе. Масторонть зэрнеманзо марто тусто, раужо качамо кепететь: ёндол толсо сеть сисем костёртнэнь нолсезь нолсест кармась. Сисем прясо Каряз яходемеяк эзь кенере — ёндол толось сонзэ начко пенгтнень марто румштазь румштызе, нолштазь нолштызе. Несь ривезесь: костертнэстэ кадовсть ансяк сисем куцят куловт ды кармась пейдеме. Уш сон пейди, уш сон пейди.

— Мезть пейдят, ривезь сваха? Кежень савтнят! Ривезь, тон лангсон иля пейде! Кежень ва илить савтне: весе кудонкин куловкс велявтозь, варма мельга понжавтсынь!

Ривезь мери тензэ:

— Ды кода, сваткинем-диринем, а пейдемс лангсот! Неть пенгтне пултамс пултавьсть, куловост теть а понжавтовить!..

Кода кепети, кода кепети благой варма ёндол, пурьгине марто. Сон куловтнень тусто педекс кепедезь, эрва кува сравтынзе. Ривезень седеезэ оймась: сон сисем прясо Карязонь вельмамодо пек пельсь.

Свадьбась налксевсь. Кудат-сватт тукшность эсь кудоваст. Мазый Дамай саень од палонзо марто кавонест кадовсть. Сась ривезь ды мери тензэ:

— Мазый Дамай-парочи, а Мазый Дамай-парочи! Мелезэть паро ней: мон тонь и урьвакстытинь, и сюпалгавтытинь. Мон кедьстэть ламо а вешан: эрва самстон ансяк мешок саразт.

Мазый Дамай мери тензэ:

— Я, паро, паро, ривезь-парочи. Азё пире удалов: мон тов кучан тонеть мешок саразт.

Заборонь трокс ривезнень пешксе мешок ёртсть. Ривезь мешоконтъ юкснеманзояк эзь кенере, тосто тюжа кискат кода кирнявтыть ды грешной ривезенть сеске сэвизь.

15. КРАСИВЫЙ ДАМАЙ

Жил-был на свете красивый Дамай. У него был кузовок с коровьим маслом. Кузовок этот стоял под полом. К кузовку с коровьим маслом повадилась лиса. Догадался красивый Дамай: масло у него все уменьшается. Стал он караулить, кто ходит есть у него масло.

Долго, не долго ли караулил Дамай — пришла лиса и стала есть масло. Поймал Дамай лису. Лиса и говорит ему:

— Дамай, миленький, красивый Дамай, ты не бей меня, не убивай, я тебе много добра сделаю.

Красивый Дамай отвечает ей:

— Не убью. А какое добро сделаешь мне?

А лиса говорит:

— Я сосватаю тебе дочь царя-бога Пурьгине¹.

Красивый Дамай не убил лису, он отпустил ее.

Лиса шла, шла и дошла до царя Пурьгине. Она пришла к нему и стала просить его выдать свою дочь за Дамая.

— Вай, царь Пурьгине, красивый Дамай послал меня просить руки твоей дочери. Царь Пурьгине, ты выдай свою дочь за красивого Дамая: другого такого богатого зятя ты не найдешь. Весь свет обойдешь, такого богатого, как он, нигде не найдешь. Его поля полны стадами, его ток полон хлеба, его дома полны работниками. Красивый Дамай всем богат, только не богат женой. Вот какой он у нас!

Царь Пурьгине подумал, посоветовался со своей дочерью.

— Ладно,— говорит он,— выдам дочь за такого богатого человека.

Затем лиса говорит царю Пурьгине:

— Эх, сват мой царь Пурьгине, у твоего зятя красивого Дамая сватов будет очень много, лошади у них очень уж хорошие. Чтобы хороши и прочны твои дороги и мосты были: когда едет красивый Дамай, под ним земля дрожит, небо гудит.

¹ Пурьгине паз — божество грома.

Вернулась лиса обратно, говорит она красивому Дамаю:

— Пойдем теперь, мой милый, красивый Дамай, сватать дочку царя Пурьгине. Только вот что: когда приедем к царю Пурьгине, ты много не говори, а то себя погубишь. За тебя буду говорить я. Он, скажу, очень умный, много говорить не любит.

Недалеко от красивого Дамаю жил семиглавый Каряз¹. Когда они шли через поля этого семиглавого Каряза, навстречу попало куриное стадо. Лиса спрашивает пастухов:

— Чье это стадо?

— Это куриное стадо семиглавого Каряза,— ответили пастухи.

— Эх, вы, куриные пастухи, когда будет ехать свадьба красивого Дамаю, вы смотрите так не скажите, царь Пурьгине убьет вас, молнией, огнем своим сожжет, золу вашу своим ветром развеет. Он красивому Дамаю свою дочь отдает. Если спросит вас: «Чье это стадо?», «Красивого Дамаю,— скажите ему. Царь Пурьгине не тронет вас.

Шли, шли они, навстречу попало им утиное стадо, гусиное, стадо индюков, стадо свиней, стадо овец, стадо коров, табун лошадей. Лиса всех пастухов научила отвечать так же, как и пастухов куриного стада.

Вот лиса и красивый Дамай дошли до большой речки. Через нее царь Пурьгине велел построить хороший, прочный мост, под мостом столбы каменные, а мост железный. Лиса говорит красивому Дамаю:

— Как разломать нам этот мост? Вот как мы сделаем: я стану грызть эти столбы, а ты будешь раскачивать их.

Лиса грызла, грызла столбы — перегрызла, а красивый Дамай раскачал их и повалил. Тогда лиса велела красивому Дамаю снять порты и рубашку и пустить их по воде. Красивый Дамай так голым и пошел к царю Пурьгине.

Когда дошли они, лиса стала жаловаться царю Пурьгине:

— Ведь вот что ты наделал, сват царь Пурьгине! Говорила я тебе, чтоб твои дороги и мосты были хорошие и прочные, а они никуда не годятся, плохие. Как стали проезжать через большую речку по мосту, мост твой не выдержал, провалился, все до одного сваты твоего зятя красивого Дамаю утонули. И сам твой зять красивый Дамай чуть не утонул, но он очень хорошо плавает. Он быстро скинул свою одежду, бросил ее в воду и голым переплыл через воду. Эх, ты, сват царь Пурьгине, у твоего зятя красивого Дамаю все сваты были самые лучшие бояре. Они все до одного утонули с лошадьми, с упряжью. Остались только мы. Очень уж счастливая твоя дочь. Где ей найти такого мужа, как красивый Дамай! У твоего зятя красивого Дамаю хорошие были лошади, но лучше всего была его

¹ Каряз — имя семиглавого или семиспинного дракона.

одежда. Эх, сватушка, опозорил ты меня в глазах твоего зятя красивого Дамаю! Не знаю, понравятся ли ему твои лошади и наряд твоей дочери.

Долго еще лиса жаловалась царю.

Дочь царя Пурьгине приносила красивому Дамаю наилучшую одежду, но он ни одну не надевает, только в восьмой раз принесенную одежду надел. Сам Дамай молчит, за него говорит лиса:

— Не говорит красивый Дамай, он не хочет надеть такую одежду, он никогда не носил таких плохих портов и рубах.

Царь Пурьгине запряг своих лошадей и для себя и для своего зятя красивого Дамаю.

У лошадей из глаз искры летят, а из ноздрей дым идет, уши их веретеном вертятся, ноги как лесты играют, хвосты как ночевки веют; когда они скачут — земля дрожит, небо гремит, из-под ног их искры летят, высекаясь, молнией играют. Когда они скачут — медведи и волки пугаются, в лес убегают, змеи на пути замирают, ястребы в небе за облака прячутся.

Вот едет свадьба красивого Дамаю по полям семиглавого Каряза, мимо его стад. Царь Пурьгине, где ни увидит стадо, спрашивает:

— Это чье стадо?

Пастухи отвечают:

— Это стадо любимого, красивого Дамаю.

Лиса впереди бежит, только хвост ее во все стороны юв-юв мотается, свадебный поезд оставила далеко позади себя. Пришла она прямо к семиглавому Карязу.

— Семиглавый Каряз, царь Пурьгине свою дочь выдает за красивого Дамаю, он в твоём доме свадьбу будет играть. Если не пустишь, то он тебя своим громом убьёт, огнем и молнией сожжет, своим ветром развеет тебя.

Семиглавый Каряз говорит лисе:

— А сам я куда пойду?

— Сам куда пойдешь?! Вот спрячься за семью кострами! (На дворе семиглавого Каряза было семь костров из сырых дубовых дров).

Семиглавый Каряз спрятался за этими кострами. Лиса говорит Карязу:

— Смотри, до ухода царя Пурьгине отсюда не выходи! Если выйдешь, то ты потеряешь свои головы. Он тебя не любит, застрелит и сожжет тебя. Как спьянится он, что бы он ни делал, что ни говорил, ты не шевелись!

— Хоть он и выстрелит и костры зажжет, я и тогда не шелохнусь; когда сожжет он меня, только золу не раздуло бы ветром. Я тогда снова оживу, в молодого парня превращусь. Его зятя красивого Дамаю съем, а царевну возьму к себе. Тогда силы царя Пурьгине не хватит против меня.

Вот лиса с красивым Дамаем в чужом доме и чужим доб-

ром угощают царя Пурьгине и всех сватов, приехавших с ним. Долго так они пили-ели. Царь Пурьгине опьянел. Лиса говорит ему:

— Сват Пурьгине, а сват Пурьгине, ты не можешь выстрелить, зажечь эти семь сырых дубовых костров.

— Выстрелю, зажгу,— говорит он.

Лиса не успела в ответ слова вымолвить, как что-то бухнуло, земля начала греметь. Пурьгине прострелил все семь костров, с гулом поднялся густой черный дым: огонь молнии те семь костров лизать начал. Семиглавый Каряз и охнуть не успел, огонь молнии дотла сжег его. А лиса в это время смеется, вот смеется!

— Что ты смеешься, сваха лисица? Рассердить хочешь? Ты смотри, не серди меня, весь ваш дом превратится в золу, и я разнесу ее ветром.

Лиса говорит:

— Как не смеяться над тобой, сват миленький? Ты эти дрова зажечь-то зажег, а золу их развеять не сможешь!

И вдруг как поднимется сильный ветер с огнем молнии. Он эту золу поднял густым облаком и разнес ее. Лиса успокоилась — она очень боялась, что семиглавый Каряз оживет.

Свадьба кончилась, сваты разъехались по своим домам. Остался только красивый Дамай со своей молодой женой. Пришла лиса, говорит ему:

— Любимый, красивый Дамай, а любимый, красивый Дамай, хороша теперь жизнь твоя: женила и обогатила я тебя! Я от тебя многого не прошу — только мешок кур в каждый мой приход.

Отвечает ей красивый Дамай:

— Хорошо, хорошо, милая лисица, ступай в огород, я туда пришлю мешок с курами.

В огороде поставили мешок. Лиса и развязать его не успела: оттуда как прыгнут на лису желтые собаки и грешную лису тут же съели.

16. КАВТО ЯЛГАТ

Эрясь ве велесэ бедной ломань, сонзэ зярдояк мезезэяк арасель: а скалонзо, а алашанзо, кардаскезэяк арасель. Сон козайканзо марто ваннось стада, эрсесь роботникекс. Ульнесь се ломаненть эйкакшозо, Миша цёразо. Кайсь кой-кода цёрась, сонзэ кармасть саемензэ призывс.

Те велесэнтъ ульнесь истямо жо бедной ломань, конань истя жо ульнесь цёразо, мерсть тензэ Дрига.

Миша Дрига марто ульнесь ве иень, кассть сынъ вейсэ, призывскак понгсть вейсэ. Понгсть сынъ служамояк ве таркас, служастькак вейсэ. Ну, служасть сынъ ковшка, кавто, служасть ие. Кучизь сынст учебной командав. Прядызь сынъ те шко-

ланть, Мишанень макесть чин, унтер-офицер, а Дриганень — ефрейтор.

Прядовсь сынст службаст. Миша ды Дрига парсте службасть и тень кисэ тенст макссть повышения. Нолдызь тосто офицерэкс. Нолдызь сынст службасто ды сынь кавонест тусть кудов. Мольсть ялго (сестэ машинат арасельть). Мольсть сынь чи, мольсть кавто, мольсть колмо. Кармасть пачкодеме а покш ош видьс. Миша и корты:

— Тон содат мезть мон арсян, Дрига брат?

— Мезть?

— Вана мезть. Пурनावить миненек кавоненек колоньгеменьшка целковой ярмакт? Бути пурनावить, то мольтяно базаров, раматано сбруянек-крандазнэк алаша. Зярдю минь мартот ялго пачкодтяно? Алашаськак кудосо маштови миненек, или мисынек, ярмаконок кармить улеме.

— Виде, брат Миша, виде.

Мольсть сынь ошов, рамасть алаша, кильдизь ды тусть. Ардыть ды ардыть састыне. Пачкодсть сынь велес. Чись уш чопоньбелькс.

— Некак, Дрига брат, удома тарка вешнемс те велестэнтъ. Кинть минь а содасынек, шкась чокшне лангсо, чоподава стятаню ды тутано.

— Давай истя. Монгак истя арсян, ков мольтяно вензэ лангс ванозь ды киньгак тестэ а содатано.

— Ну азё, Дрига брат, вешнек удома тарка.

Тусь Дрига. Ве хозяин кевкстсь — а нолды, омбоце кевкстсь — а нолды. Кевкстнесь-кевкстнесь Дрига, весе велеть якизе, удомо кияк эзизе нолда. Сась сон ялганзо ваксс, ёвтнизе кода тевесь. Сынь арсесть туеме лия велень вешнеме. Озасть ды тусть састыне. Сыненст эряволь бу кевкстемс, кува ардомс лия велес, а сынь тусть апак кевкстне. Ардсть-ардсть ки рашкс, тосо ашти стядо палмань. Палманенть лангсо лаз чавозь. Лазонтъ лангсо сёрмадозь: «Вить пелев туят — витьстэ молят, керш пелев туят — крюк теят».

— Ну, кода, Дрига брат, кува тутано: витьстэ или кругом? Паряк витьстэ кодаткак болотат-чейть, или можот кругомгак а седе паро?

— Адя, Миша брат, витьстэ, — мери Дрига, — витьстэ седе куроку пачкодтяно. Миненек эряви седе куроку велес пачкодемс.

Тусть Мишат-Дригат витьстэ ки лангонть эзга, а кинть пезэ арась и арась. Чись уш чопотетсь, ды сынь пачкодсть покш вирьс. Вануть вирь крайсэ кудо.

— Ванька, вана косо минь удотано, — мери Миша. — Те постоялой двор, давай панть алашанть ардозь!

— Аштек, икеле эряви кевкстемс.

— А мезть кевкстнемскак. Велесэнтъ кевкстнинек-кевкстнинек — кияк эзимизь нолда. Тесэяк истя лиси. Адя соватано кардайс ды ён, небось кардазсто панеманек а кармить.

Сынь сынсь панжизь кардаз кенкшенть, совасть — кардазось чаво. Нолдызь алашаст, макссть тензэ кором, сынсь совасть кудонтень. Совасть — кудось чаво, кияк тосо арась. Ванность-ванность кругом, неить столь лангсо кандолазт.

— Ну, вот совинек, а тесэ ванат мезе, — мери Дрига.

— Кадык сонзэ. Миненек сон а меши, кадык ашти столенть лангсо, а минь мадтяно пецька лангс.

Кузсть сынь пецька лангс ды мадсть. Миша мадсь крайс, а Дрига Мишань удалов. Кодак сынь мадсть — Миша сеске матедевсь, кармась корномо, а Дригань удомазо кодаяк а сы. Сон кармась арсеме, мень неть кандолазт ды кие тосо. Кармась валдомгадомо. Марясы сон таго-мезе хлопадсь, сезевсь. Аламос аштезь, таго мезе-бути сивсь, аламос аштезь таго истя хлопадсь таго-мезе. Дригань оймезэяк кочкаряс тусь, текень вант оймезэяк лиси. Чикоркстась кандолазтнэнь вельтямось, кепедевсь. Кепедизе Дрига прянзо, ваны, стясь тосто атине, озась кандолазтнэнь крайс ды корты:

— Эге, икеле вейкень-вейкень и то чуросто, а течи друк кавто.

Седеяк пек гандадсь Дрига, кармась чавомо-тылкаеме, стяв-томо Мишань.

— Миша, Миша, стяка! Ванока мезе тесэ!

— Мейс пувтымик?

— Ванока, кандолазтнэстэ атя стясь!

Миша кепедизе прянзо, варштась ды мери:

— Кадык сти, миненек сон а меши, мадть ды удок, — сонсь Миша велявтсь лия бока лангс ды таго кармась корнэмо.

Стясь атясь кандолазтнэнь крайстэ ды кармась молеме пецька ланго краентень. Вот-вот кунды пецька лангонь кундамонтень, но кодаяк а кундави.

— Ну, чарькодиде, козо мадемс, — корты атясь. Сонсь мольсь тарказонзо, мадсь тозо да сразу кандолазнэк-мезнек тусь кияксонть пачк.

Седе мейле мадсь Дригаяк и матедевсь. Удось мик валскес. Валске стясть, кильдизь алашаст — ды адя. Ардсть-ардсть — пачкодсть велес, совасть велентень, народ перькаст промсь, кармасть кевкстнеме, кува сынь састь. Кода сынь ёвтасть, што састь витьстэ, народось а кеми. Сынь ёвтнизь, кода удость вирь крайсэ кудонтэ эйсэ, кода стякшнось атясь, кода сон тусь киякс пачк. Народось тенст радовась, пурнасть тенст велень келес ярсамэт, андызь-симдизь, каванизь. Ярсась-симсть Мишат-Дригат, атятне кевкстнить:

— Мекс тынь истямо клячасо ардтадо? Минь тыненк паро алашат макстано.

Кильдсть тенст тройка, озавтызь, ильтизь кода бояронь.

Миша мельс паросо корты ялганстэнь:

— Вот вана, Дрига брат, ней минь тройкасо ардтано, истя ансяж боярт артнить.

Ардсть-ардсть сынъ тройкасо, кармасть чись чопотеме. Сынъ пачкодсть велинес, кармасть кевкстнеме удома тарка, но сынст кияк эзинзе нолда.

— Мезть, Дрига брат, кевкстнят, адя листяно веленть эйстэ, андсынек косяк алашатненъ ды кодаяк удотано.

Сынъ истя тейстькак. Ардыть — ванить калмазырь. Тикшесь калмазыренть лаигсо ён. Нолдызь алашаст, Дрига мадсь крандазтнэнь ваксс, а Миша аламодо седе бокас, мадсь витьстэ калмо лаигс. Мадсть истя. Друк Миша вакссо калмось кавтов явсь. Лиссь тосто ава. Варшась перьканзо ды тусь верьга.

«Те, наверна, кодамояк ведьма», — арси Миша. — Мон, аштек, кевкстьса, ков сон якась?»

Мольсь Миша калмонтенъ, мадсь кандо лазтнэненъ ды ашти тосо. Аштесь аламос, марясы сась ведьмась. А кандолазтнэ пекстазь.

— Кие тозо совась монъ таркантенъ?

— Мон тесан, а мезть? — мери Миша.

— Лиссть тосто, те монъ таркась.

— Нет, ведьма, а лисян. Ёвтык икеле, ков якить? Вот уш сеетэ паряк стян тонъ таркат эйстэ.

— Нет уш, тонеть а содамо, ков мон якинъ.

— Бути монень а содамс ков тон якить, — тонеть а совамс тарказот.

— Мон якинъ истямо-истямо государствав. Инязор тосо урвакстсь цёранзо. Вот мон якинъ тозонь, матедевтинъ цёранть ды урванть 30 иес.

— А кода сынст матедевтить?

— Ну, уш тень тонеть а содамс.

— Ну, коли тень монень а содамс, то тонетькак кандолазтнэс а совамс,

— Мон сынст матедевтинъ истя. Таргинъ потстост верест.

— А кода сынст мекев сыргостемс?

Тень мон тонеть а ёвтаса.

— А ёвтасак — а нолдатан.

— Вельмевтемс можна сынст вана кода. Мон сынст верест саинъ пузырёкс. Цёранъ веренть седе покш пузырькас, аванть — седе вишкинес, кекшинъ неть пузырёктненъ кудо кенкш кочкаря удалов. Бути неть вертнесэ ваднемс коняст, мештест ды кочкаря алксост, сынъ стить.

— А манясамак? Бути манясамак — то вант, мон тонъ мутан.

— Арась, а кенгелян. Бути уш мон ёвтынъ тонеть, то ёвтынъ верна.

Лиссь Миша кандолазтнэстэ, совась тозонь ведьмась. Хлоп крышкась путовсь, ды калмось валявсь.

Ашолгадсь, Миша мольсь Дрига ваксс, ярсасть, кильдизь тройкаст ды тусть. Миша кармасть алашатненъ пурдамо лия ёнов. Дрига мери:

— Вѣдь миненек ардомс эряви а те ёнов.

— Миненек эряви модемс истямо-истямо государствав. Тосо матедевсь инязоронть цѣразо ды одирьвазо, матедевсь сынъ 30 иес. Вот сынст эряви стявтомс.

— Нет, уш, Миша брат, мон тов а молян. Бути арсят тов молеме, саик тройканть ды азѣ, а мон ялгояк туян кудов.

— Эх, Дрига, Дрига, нать стяко тон служить. А содасак штоли, кода эряви кунсоломс начальниктнень? Эзить кенере туеме службасто, а уш службанть стувтык.

Дриганень ульнесь а мезть тейнемс, савсь согласямс. Кувать а кувать ардсть, пачкодсть столичной ошс. Тосо эрва кудонть бокасо сюлмазь раужо флаг.

Ардсть Миша Дрига марто витьстэ инязоронь кудо кенкш икелев. Кодак ардсть, Миша сеске кирнявтсь крандазсто, кармась сокарямо орта кенкш кочкарянтъ вакска. Мусь кавто пузырѣккеть, эйсѣст верь. Ве пузырѣккесь седе покш, омбоцесь седе вишкине. Мольсть ваксозонзо инязоронь слугат, ванить — а сынст государствань солдатнэ. Кевкстнить эйсѣст:

— Тынь костонтядо, мезть тия якатадо?

— Азѣ ёвтак инязоронтень, — мери Миша, — мон маринь сонзэ покш горязо: матедевсь цѣразо ды урьвазо. Вот мон сынъ лия государствасто сынст стявтомост.

Слугатне а кемить тенст, ялатеке мольсть ёвтамо.

— Ваше императорское величество, сась истямо-истямо государствасто солдат, снартни пувтамо цѣранть ды урьванть.

— Азѣдо тердинк, мон ванса, кодамо истямо солдатось.

Совавтызь Мишань инязоронтень. Инязорось кевкстни эйсэнзэ:

— Тон кортыть, што стявтсыть монъ цѣранть ды урьванть?

— Да, мон кортынъ, секс тейгак сынъ.

Инязорось ды Миша совасть залс. Залсо кругом аштить ой-сезь ломанть, аштить ды арсить.

— А неть кодат ломантне? — кевкстни Миша.

— Неть весе врач, сынъ арсить, кода бу живиявтомс цѣранть ды урьванть.

— Дай панить сынст тестэ весень, макст приказ, штобу чить ошось молезэ кашт, штобу кияк илязо стукаяк.

— Тень можна теемс, — отвечась инязорось.

Сейчас жо инязорось врачтнень ливтинзе, максь приказ, штобу городонть эзга колмо чить кияк илязо стукаяк, алашасо илязо ардтне. Миша сайсь мартонзо бутылка вина, совась наследникентъ спальняс. Уды наследникесь колмо ковт. Таргизе Миша покш пузырѣконтъ, ваднизе верьсэ кува эряви инязоронь цѣранть, ды сон сыргойсь. Стясь ды а молеви: пильгт-несэ виезэ овсе арась.

— Мекс мон а якаван, мекс овсе вием арась? — корты сон.

Миша мезтькак а корты, нуртясь аламошка вина, симдизе, максь тензэ солдатской сухарине. Аламос аштезь ещѣ нур-

тясь тензэ виныне. Цёрась кармась якамо залга, Миша ливтизе сонзэ инязоронть ваксс ды мери:

— На, цёрат анок!

— Мекс, тетяй, сон истя корты: «На, цёрат анок»?

— Эх, цёрам, тон ведь удыть колмо ковт. Зярс удовлитель — аздан, бути вана а те солдатось.

— Те кода истя? А кеман, — корты инязоронь цёрась.

— Азё ваньк козьякат, сон нейгак уды, мартот матедевсь.

Мольсь цёрась, ваны — козьяказо кода кулы ломань: и эзь куло, и а жив.

— Виде значит, — мери наследникесь. — Ну, солдат, стявтык эрь козьякамгак.

— Можна стявтомс козьякаткак. Теде колмо суткас кашт-молема.

Инязорось макссь распоряжения, штобу колмо суткат илязо уле городсонть кодамояк шум. Совась Миша инязоронь цёранть козьяканзо спальнянтень, таргизе вишка пузырёккенть, ваднизе одирьванть коньянзо, мештензэ, кочкаря алксонзо. Истя ваднизе колмоксть. Стясь одирьвась ды корты:

— Мекс кодамояк вий эйсэнь арась? Мекс пильгемгак чувтомсть?

Миша мезтькак а корты. Нуртясь рюмка вина, макссь кошксеть, симдизе-андызе, якавтызе комнатава. Ютасть колмо чить, ливтизе залов. Ливтизе залов и мери наследникентень.

— На козьякат, сон анок, вельмесь. Илядо пеле, ней а матедеви.

Инязор тейсь бал, кармасть симеме-ярасамо. Миша мери:

— Да, минь тесэ симтяно-ярсатано, а монь тосо ялгам ули. Сон уш кото суткат аздан мезть тейни, мон сонзэ ульцяс кадья. Сон тосо алашатнень марто ашти.

Ну, нейке тусть Дрига мельга. Ветизь дворецэв. Дрига тандадсь ды арси: «Наверна, Миша мезеяк тейсь. Вот ней якавсть якамонок». Совавтызь Дригань дворецэв, озавтызь Миша ваксс.

— Дай, Дрига брат, симть-ярсак, минь ведь истя зярдояк эзинек симне, эзинек ярстне.

Ярсасть-симсть, балось ютась. Инязорось кевкстни Мишань:

— Ну, ёвтак, мезе тонеть эряви наградакс? Ули мелеть — пелензэ государствам максса, сайт ярмакт или ещё мезе тонеть эряви.

— Монень мезеяк а эряви: а модат, а ярмакт. Мон ней сын а ярмаконь кисэ, мон маринь зыяндонть, жалть марявсть од ломантне, вана мон и сын.

— Ну хоть ки лангс сайт, ки лангсо ярмактне маштовить.

— Ки лангс аламошка саемс можна, а истяк монень ярмакт а эрявить.

Миша Дрига марто тусть сынсест тройкасонть. Ардыть

сынъ чи, ардыть кавто, пачкодсть вирьс. Ардсть, ардсть вирь-га, друк алашатне лоткасть, седе тов а молить.

— Мекс истя алашатне лоткасть? Азёка, Дрига, варштака, мезе тосо кинть лангсо?

— Нет уш, Миша брат, мон а молян. Азё уш тонсь мольть.

Валгсь Миша, ваны — ки лангонть трокс кулозь ломань ашти празь. Миша саизе сонзэ пекенучк, кандызе крандайс ды мери Дриганень:

— Дай, Дрига брат, озак тон козла лангс, а ломанень пут-сынек седе паро таркас. Эряви сонзэ ускомс ковгак, мезть сон тесэ валяи. Ней, брат, минь колмонек, кавто ломанть лисить чавомонок, то уш пря а макстано. Адя панть алашатнень.

Тусть сынъ. Ардсть-ардсть, таго алашатне лоткасть.

— Азёка, Дрига, варштака, мезе тосо алашатнень икеле.

— Нет уш, Миша, мон а молян. Азё уш тонсь.

Валгсь Миша — ки лангонть трокс кулозь ломань ~~празь~~ ашти. Саизе сонзэ Миша пекенучк, кандызе крандайс ды сыр-гасть седе тов. Молить сынъ истя састынька, неяви икелест та-го-мезе раужо. Сон ки лангонть трокс ашти.

— Азёка, Дрига брат, варштака, мезе тосо истямось?

— Арась, брат Миша, мон а молян. Азё уш тонсь.

Валгсь Миша — тосо кулозь ломань ашти. Миша путызе сонзэ крандайс ды сынъ тусть ардозь.

Вана сынъ истя молить — кармась ашолгадомо. Пачкодсть сынъ велес, сынъ арсестъ тезэнь калмамс неть ломантнень. Поп-томо калмамс апаро. Миша мольсь попонтень ёвтась, што мусь колмо ломанть, сынст эряви калмамс. Попось мери:

— Мон сынст а калмасынь, эряви васня тенст теемс след-ствия, мезде сынъ кулость, кить ломантне, сестэ уш можна кортамс калмамонть коряс.

— Мон неть ломантнень муинь ки лангсто, монень эряви ардомс кудов, следствиянть арась шка учомс. Паряк ломантне а чумоткак, истяк кулость.

— Арась, а калмасынь, монь чумокс путсамизь, — корты попось.

— Дай калмить, батюшка, мон тонеть васоньгоморо сырне-максан.

— Мон калмасынь, ломантненень эряви покой. Теевть кандо-лазт, чувовт калмот.

Калмизь кулозтнень молебен марто. Попось получась сыр-не ды тусь. Чись кармась чопотеме. Миша мери Дриганень:

— Тон, Дрига, азё алашатнень ваксс, мон аламнес аштян-тесэ, седеем ризны таго-мекс.

Тусь Дрига алашатнень ваксс, а Миша кармась арсеме: «Кить жо неть ломантне, мекс сынъ ве таркас кулость, мекс сынст кияк эзинзе пурна, эзинзе сэрня, мекс сынст кияк эзин-зе калма». Арси истя Миша, друк калмсто кармась марявомо вайгель:

— Тон, Миша брат, пурнымизь-сэрнимизь, калмимизь, теить монень ён тев. Тень кис мезе теть эряви. Эрявить ли тонеть ярмакт, или эряви бодрость ды вий?

— Монень ярмакт а эрявить, эряви бодрость ды вий,— корты Миша.

— Ну, ладна. Кодак теть карми эрявомо бодрость, сайть палкине, сялгик модас, шатавтык кавто пелев и мерт: «Младшей братонь бодростезэ, ульть тесэ». Мон сестэ нейке жо улян тосо.

Ёвтась истя вайгелесь ды лоткась. Аламос аштезь калмсто кармась марявомо лия вайгель:

— Мезе тонеть, Миша брат, эряви, сюпавчисэ каземс, или бодростьсэ?

— Сюпавчи монень а эряви, бодростенть коряс лия тевесь.

— Кодак карми эрявомо тонеть бодрость, сялгт палкине модас, шатавтык кавто ёнов и ёвтак: «Средней братонь бодростесь, ульть тесэ!» Мон карман улеме тосо.

Лоткась вайгелесь. Кармась кортамо колмоце вайгель:

— Ну, Миша брат, тон теить миненек паро тев. Спасиба тонеть. Тон минек пурнымизь-сэрнимизь, калмимизь. Мезе теть эряви: сюпавчи или бодрость?

— Сюпавчи монень а эряви, слава тожо а эряви, а бодростесь а меши.

— Ну, кодак карми теть эрявомо бодрость, сялгик палкинеть модас, черькавтык кавто ёнов и мерт: «Старшей братонь бодростесь, ульть тесэ», и мон карман улеме икелеть,— мерсь истя вайгелесь ды лоткась.

Миша аламос аштесь, стясь ды тусь алашатнень ваксс. Кувать а кувать сынь ардсть, васов а васов пачкодсть, чись кармась валгомо, и сынь пачкодсть покш вирьс.

— Дай, Миша брат, теск удотано,— мери Дрига.

— Удотано теск, но алашатне ещё эзь сизе, кадык зярс молить.

Сась ве. А сынь састыне ардыть ды ардыть. Кись теиньгадсь, тройкась уш а кельги. Нолдызь ве алашанть, кармасть молеме парасо. Мольсть, мольсть — кись седеяк пек теиньгадсь, кавто алашатнеяк а кельгить. Нолдызь омбоце алашантькак. Наконец кись машсь и алашась лоткась.

— Ну, ней, Дрига брат, сави удомс теске, виренть пезяк а неяви.

Нолдызь алашатнень нар лангс, сынсь пурнасть мадеме. Миша варштась тов, жов арсесть молеме — ней тосто та-кодамо валдо и корты:

— Дрига брат, та-кодамо валдо неяви, а вирь край ли? Тон аштек теске, а мон молян, варштан, мезе тосо.

Дрига озась алашатнень ваксс, а Миша тусь тов. Мольсь, мольсь виренть эзга — ваны — неяви эрьке, а эрькенть кунш-касо или кудо, или корабля. Берёксто кудонтень аравтозь чув-

тонь переход. Лоткась Миша и кармасть арсеме: «Модемс ва-
номс мезе тосо истямось, ды та-кода пелян съкамон. Дай молян
Дригань тердьса. Кадык сон хоть берёк лангсо ашти, а мон со-
ван тов». Мурдась ды ёвтась Дриганень. А Дрига мери:

— Адя, алашатнень тертясынек ды мольтяно.

Мольсть сынь переходонть ваксс. Миша совась кудонтень —
кудось чаво, кияк ды мезеяк тосо арась, ансяк голой стенат.
Панжсь Миша вейке кенкш, совась комнатас — тосоаяк кияк
арась, панжсь омбоце, колмоце — кияк ды мезеяк арась.

Панжсь нилеце кенкш — икелензэ чаво комната, комна-
танть уголсо ашти кровать. Лангсонзо ацазь тарка. Якась,
якась Миша комнататнень эзга — мезеяк эзь мук, и сон кар-
масть лисеме. Кармасть лисеме — кенкшесь а панжови, сон ом-
боце кенкшентень — тонаськак а панжови. Мезть тейнемс. Ар-
сесь, арсесь ды мадсь кроватень лангс. Кувать а кувать сон
удось кроватень лангсо, марясы кие-бути сы. Панжизе вейке
кенкшенть, панжизе омбоценть, колмоценть, — совась седой
атя.

— Тон мейс сыть тезэнь? — кевкстни сон Мишань. — Кие
тонеть мерсь тезэ совамо, мекс мезтькак а кортат? А? Тон а
кортат, ну, сейчас кармат кортамо. Мон тонь кармавтан кор-
тамо!

Комась атясь кровать алов, таргась тосто уськень пруток
ды давай те прутоконтъ эйсэ Мишань чавомо. Чавсь, чавсь,
парясь, парясь Мишань, сезнизэ лангстонзо мундирэнтъкак, Ми-
шань пилестэнзэ верть тусть, а Миша мезеяк а корты. Атясь
чавсь, чавсь канзе прутоконтъ ды мери:

— Ну, вант, больше тезэнь иля сакшно, азё тестэ, штобу
больше илязатан нее, — мерсь атясь ды сонсь тусь.

Кодак тусь атясь, Миша стясь кой-кода ды мери:

— Ней бу костояк рюмка виныне муемс.

Кенерсь сон истя мереме, панжовсь стенанть эйсэ форточка
и тосто мери вайгель:

— Ну, од цёра, молодец, кирдить тон стака ве, кирдть еще...

Форточкась пекставсь и мезеяк арасельгак було. Стясь Ми-
ша, и адя кудотнень эзга якамо. Ваны — уголсо шкапонь кон-
дямо. Мольсь, панжизе шкапонть — тосо бутылка ашти. Сайсь
сон вейке бутылка, варштызе — тосо вина. Нуртясь винанть,
симизе. Сразу лоткась сэредемеде, мундирэзэ лангсонзо од,
овсе апак сезнеяк. Теске жо сась удомазо, сон празь-прась
кватень лангс ды сразу матедевсь. Удось Миша малав сут-
ка. Кармасть сыргоземе, марясы кие-бути кувси: сась теке жо
седой атясь и кармасть рангомо.

— А, тон таго тесат?! Ну, мон тонь тонавттан, — сонсь кун-
дызе Мишань ды давай эйсэнзэ чавомо. Сонсь чави, сонсь
корты:

— Иля сакшно тезэ, иля сакшно тезэ! Сон истя чавсь,
чавсь, канзе медной прутоконтъ ды тусь. Мишань теизе верь

потсо, мундирэнтъкак весе сезнизе. Ютась а ламо шка, пан-
жовсь стенасо форточка и тосто кармась марявомо вайгель:

— Ну, од цѣра, молодец, кавто веть майсить. Кадовсь ещё
вейке.

Мерсь истя вайгелесь, форточкась сѣлговсь, и стенанть эйсэ
кодамояк форточка а неяви... «Мезе те истямось,— арси Ми-
ша,— исякак сон лиснесь. Уш аволь чавомадонть мейле ли мо-
нень истя маряви? Или те а истяк, мезеяк тесэ ули». Арсесь,
арсесь сон истя, мольсь шкапонть, сайсь бутылка вина, сими-
зе. Сеске лоткась сѣредемадо, мундирэзэ одкс теевсь ды сась
удомазо. Сон мадсь кроватень лангс ды сеске жо матедевсь.
Удось цела сутка. Сыргойсь, марясы та-кие кувси. Совась теке
жо атинесь. Кодак совась, кармась рангомо:

— Тон таго тесат! Ну, мон тонь тонавтан, мон невьса, ко-
да тей сакшномс! Сонсь саизе медной прутоконть и давай ча-
вомо Мишань. Сон истя чавсь — теланть весе керсизе, ансяк
ловажат кадовсть. А Миша мезеяк а корты, а ранги, вайгель-
гак эзь нолдак. Атясь чавсь, чавсь, сельгсь ды каизе медной
прутоконть. Жежиявтсь, ды друк масторонь пачк тусь, кода
пурьгине грохадсь. Миша кой-кода стявсь, пачкодсь шкапонть
ваксс, симсь винадонть и овсе було эзь сѣредтькак. Марясы —
кудосонть та-кодамо шум, баягат чавить, кармасть ардтнеме
крандазт. Лиссь Миша ваксс стенасто, косо форточкась панжт-
невсь, тейтерь ды истямо сон мазый а ёвтавияк. Миша тан-
дадсь и кевкстни те тейтерень:

— Те мезе истямо лиссь: мон мезеяк а чарькодян?

— Вана мезе,— корты тейтересь,— дай озак ваксозон, мон
тонеть ёвтнесынь весе. Мон ульнинь инязоронь тейтерь. Монь
лангс арсекшнесь урвакстома родной тетям, но мон эзинь
моль экшезэнзэ. Тетям монь панним, государствась теевсь
вирькс ды ведекс, кадовсь ансяк вана те кудось. Тон вана
идимизь и монь, и весе государстванть. Бути тон апак урвак-
стосят, урвакст лангозон, тейтяно свадьба.

— Те ён теvesь, свадьбась, но мон арсян сон ещё кенери.
Мон вана карминь тесэ паро кудосо аштеме, симан-ярсан, а
монь тосо ялгам кода эри?

— А косо тонь ялгат?

— Сон кадовсь ведень чиресэ, а мон совинь тезэнь.

Тейтересь кевкстизе, кодамо Мишань ялгазо. Макссь при-
каз, туемс сонзэ. Тусть слугатне, муизь Дригань, сон базарга
якси ды кие мартояк а корты. Муизь сонзэ и ветизь дворецэв.
Дрига тандадсь ды арси: «Нать, Миша, тейсь мезеяк а ён или
ёвтась мезеяк. Вот ней эряви сонзэ идемс».

Совавтызь Дригань, озавтызь Миша ваксс. Сынь радовасть
вейкест-вейкест эйс. Кармасть каванямоств. Сынь кармасть то-
со эрямо, якить охотас, калонь кунцеде. Эрясть сынь истя
нешка. Тейтерентень охота лисемс мирденень, Мишанень сон
корты:

— Миша, мон а вишкинян, мекс тон мартон а кортат свадь-
бань коряс.

— Рана ещё, минь ещё кенертяно кортамомяк.

Неть кортамотнеде мейле Миша сайсь ружия ды тусь вирь-
га якамо. Тусь сон, и сонсь арси: «Мон ещё вестькак эзинь
варчне братнэнь бодростест». Сялгсь сон модас палкине — ша-
тавтызе кавто ёнов и мерсь:

— Вишка братонь бодростезэ улезэ тесэ!

Кенерсь истя мереме — виресь зэрнезь кармась зэрнеме.
Ардсь ваксозонзо алаша ды кевкстни:

— Мейс тердимик, брат?

— Тердитинь брат, по дружбе.

— Ну, арак икелень, — мери алашась.

Миша арась икелензэ, алашась паркстась лангозонзо, —
[Миша теевсь богатырекс. Алашась ландясь ды мери: /

— Ну-ка, озака лангозон, кирдеват арась?

Кармась Миша озамо алашанть лангс, алашась ландясь.
Сон и корты:

— Арась, а кирдеват. Тердик средней братонь бодростен-
зэ. А мон кодак карман эрявомо, тердемак.

Сялгизе Миша палкинень модас, шатавтызе кавто пелев,
корты:

— Средней братонь бодростезэ улезэ тесэ!

Теевсь шум, модаськак весе зэрни. Ардсь икелензэ алаша и
кевкстни:

— Мезень кисэ эряван, брат?

— Вием арсян терявтомс.

Озась Миша алашанть лангс, сон кармась шатамо.

— Нет, брат, монень тон а кирдеват, тердик старшей бра-
тонь бодростензэ. Бути мон карман эрявомо, тердемак, мон
сан.

Миша сялгизе палканть модас, шатавтызе кавто ёнов ды
корты:

— Старшей братонь бодростезэ улезэ тесэ!

Марясы Миша — весе модась зэрни. Ардсь алаша ды кар-
мась кевкстнеме:

— Мезень коряс тердимек?

— Истяк проста, ялгакс.

Озась сон алашанть лангс — мезеяк арась. Алашась тусь
артнеме. Артнесь-артнесь, сась мекев те тарканть и корты)
алашась:

— Ну, бути карман эрявомо, то тердемак.

Теде мейле паркстась Миша лангс, Миша теевсь истямокс,
кодамо сон ульнесь теде икеле.

Сась Миша кудов, корты тейтерентень ды Дриганень:

— Ну, мон туян лия мастор ланга якамо, кой-мезень вано-
мо. Бути мон кувать тей а сован, то илямизь учо. А тон, — кор-
ты тейтерентень, — кинь экшескак мирденень иля лисне. Бути

уш кармат урвакс молеме, то женихекс карми улеме тонеть
Дрига. Лиянень иля яка.

Кортась истя Миша, простясь и тусь. Лиссь вирьс, сялгизе
палкинензэ модас, шатавтызе кавто ёнов ды мери:

— Старшей братонь бодростезэ улезэ тесэ! Сразу модась
кармась зэрнеме, ардсь алаша. Миша мери:

— Мон тердитень вана мезень кис... Арсян яксеме лия мас-
торга, ваномс косо ды кода эрить.

Алашась аравтызе Мишань эсь икелензэ, паркстась коня-
зонзо. Теевсь Миша богатырекс, озась алашанть лангс ды сынъ
тусть. Ютасть сынъ ламо государстват ды пачкодсть покш ошс.
Ардыть дворец вакска, а дворецэнь балкон лангсо озадо ашти
истямо мазый тейтерь, што а ёвтавияк кодамо сон мазый. Веч-
кевсь сон Мишанень. Тейтереськак пезнавтынзе сельмензэ Ми-
ша лангс. Миша тень неизе. Ютась дворецэнтъ икельга ды вар-
макс тусь ардозь. Княк варштамонзояк эзь кенерть, кона пелев
сон тусь. Ардсть истя сынъ вирев, алашась и корты:

Ну, Миша, бути карман эрявомо, то тердемак. Бути тонеть
путыть кодаткак условият — согласяк, минь неть условиятнень
топавтсынек, мездеяк иля пельть.

Ёвтась истя алашась, паркстась Миша лангс — теевсь Ми-
ша икелень кондямокс, алашась ёмась. Тусь Миша. Мольсь сон
дворецэнтень ды мери слугатненень:

— Азёдо ёвтадо инязоронтень, што мон сынъ тейтерензэ
чиямо.

Слугатне тусть, ёвтасть инязоронтень. Инязорось мерсь
тердеме апак сода солдатонтъ. Тердизь Мишань.

— Вана мезе, цёра,— корты инязорось,— бути тон арсят
саемс монъ тейтерем, то вана кодат кармить улеме условият:
эряви ардомс алашасо, капштамс тейтерентъ балкон лангсто.
Капштави — свадьба тейтяно, а саеви — прят керявтса. Бути
тон согласят, то сёрмадтано договор. Миша согласясь. Сёр-
мадсть конёв ды сон тусь. Мольсь вирьс, тонгизе палкиненъ
модас, шатавтызе кавто ёнов ды корты:

— Старшей братонь бодростезэ улезэ тесэ!

Соракадсь модась, ардсь алашась. Миша ёвтнизе мезе
мельга тердизе алашанть. Алашась корты:

— Тень минь тейсынек. Озак лангозон, ардтнек мик зярс,
зярдо мон човиян, а сестэ сыргак тов. Кодак кармат ардомо,
балкононтъ вакска, вант иля тейть ильветькс. Капштык седе
смелстэ тейтерентъ, озавтык икелеть кирьгам лангс.

Ну, сынъ кортасть, алашась тусь. Омбоце чистэ тейтересь
куйсь балкон лангс. Кармась пачкодеме шкась, маряви — арды,
арды та-кие истя, што модаськак весе зэрни. Ардсь Миша, цо-
падизе тейтерентъ балкон лангсто ды тусь ардозь вирев. Кодак
ардсь, корты тейтерентень:

— Ну, валк, аламос учомак. Мон аламос якавтса алашанть
ды нолдаса.

Тейтересь валгсь, Миша ардсь а васов, нолдызе алашанть и сась тейтеренть ваксс. Тейтересь кармась ордалеме: арась мелезэ модемс Мишанень. Сон арсесь, што Миша кодамоjak генерал. Мольсть инязоронтень, тейтересь отказы, а моли Мишанень.

— Нет,— мери Миша,— мон теинь договор. Мон эсь прям путокшня, условиятнень топавтын, ней мон азорось.

Инязоронтень а мезть тейнемс, савсь согласямс: сонсь договоронт сёрмадызе. Чарасть-велясть, савсь теемс свадьба, максомс тейтеренть. Урьваксть ды кармасть эрямо. Ютась ие. Икелень тейтересь и Дрига учость Мишань цела ие, сон арась, ды сынь урьваксть. Кармасть пек парсте эрямо, седс вадрясто а ков.

Ютась а ламо шка, инязорось тейтерензэ марто получасть сёрма, косо сёрмадозь: «Тон керсить минек цёратнень прятнень, а ней максык тейтереть простой солдат экшс, мужикень цёранень. Минь неть покордамотнень кирдеме а карматано, листяно тонь каршо воёвамо. Лазносынек тонь войскат чевксэнь-чевксэнь». Тень вельде инязорось ды тейтерезэ тандадсть. Миша марто кортамодояк лоткасть. Миша чарькодсь, што таго-мезе лиссь, кевкстни козяйканть:

— Тынь мезть истя горя потсо якатадо ды мездеjak а кортатадо монь марто?

— Мезе мартот кортамс, тонеть минек горясь а чарькодеви, толкось тонь эйстэ аволь покш. Мон лисинь экшезэть козяйкакс, и вот ней миненек война яволявтсть тень кисэ.

— О, эряви мезень кис мелявтомс. Чай, кодаяк уш а максынек минсенек моданть: мон солдатан или арась?

Вот истя сынь эрить, инязорось кармась анокстамо войскат, учить лия инязоронь войскатнень самост. Тонатне кармасть пачкодеме. Миша корты козяйканстэнь:

— Тон пут самовар, а мон туян войнав. Кенери самоварось, нуртяк монень чай. Бути чаенть кельмемазонзо а сан, то илядо учо, живстэ а улян.

Сонсь Миша лиссь сад пирес, сялгизе палкинень модас, шатавтызе кавто ёнов ды мерсь:

— Старшей братонь бодростезэ улезэ тесэ!

Ардсь алашась ды кевкстни:

— Мезе лиссь, брат?

Миша ёвтнизэ теветь, алашась мери:

— Те мезеjak араськак. Санк кедезэть оно се тенстенть ды арак икелень.

Миша саизе тенстенть, арась алашанть икелев. Алашась паркстась Миша лангс, тесевсь Миша богатырькс. Озась те тенстенть марто алашанть лангс ды тусь ардозь. Неприятелень войскатне неизь сонзэ тенстенть марто ды давай лангозонзо лейдеме, мерить кодамо дурак кучсь каршоzoneк инязорось. Зярс сынь пейдсть-мезть, Миша ардсь юткозост ды кода кар-

ми люкштяеме тенстенть эйсэ, кода карми! Кодак люкштяди — неприятелень солдатнеде тыщашка арасть, кодак люкштяди — ещё тыща. Я, а кувать истя люкштяесь — войскаднеде ве ломаньгак эзь кадово. Мурдась Миша пирес, путызе тенстенть, валгсь алашанть лангсто, нолдызе. Алашась паркстась, ды сонсь ёмась, а Миша теевсь простой ломанькс. Совась Миша кудов, а козяйканзо ансяк кенерсь самоварозо.

— Тон ков истя якить? — кевкстни козяйкась.

— Якинь войнав, урядынь неприятелень войскаднень.

Слугатне ёвтасть инязоронтень, што сонзэ содамозо тенстьсэ чавизе весе иностранной войсканть. Инязорось кецясь, радывась Мишань козяйказойк: сынь чарькодсть, што сон аволь простой ломань.

Тезде мейле эрямось тусь вадрясто. Лия инязортнэ кармасть пелеме те государстванть эйстэ. Эрить истя, весть инязорось кевкстни Мишань:

— Мекс тон а сырксят кудов тетять-авать содавтомо, или тонь кияк родняткак арась?

— Тетям-авам сыредсть армияв туемазон, те порас сынь умок уш кулость. Братом ды сазором арасельтькак. Эри истямо государствасо ялгам, тов бу эряволь модемс.

— Ведь се государствась лондадсь, тосо киньгак тон а муят.

— Муян, монь тосо ялгам эри. Се государствась ней таго эсь таркасонзо. Мон тосто тейгак сынь.

Седе мейле кортась Миша козяйканть марто, ёвтнизе, што тосо ялгазо ды эряви тов модемс инжекс. Козяйказо радывась лия государствав молемантень. Сон анокстась ярсамс, инязорось кармасть анокстамо алашат, крандазт, слугат, штобу седе парсте ютавтомс ки лангонь шканть. Неинзе нень Миша ды мери:

— Миненек а эрявить а крандазт, а алашат, а запасть. Минь истякак пачкодтяно. Учомизь аламос, а тон оршак. — мери козяйкантень, мон сейчас лисян анокстамо.

Лиссь сон городсто, сялгизе палкинтень модас, шатавтызе кавто ёнов ды корты:

— Старшей братонь ды средней братонь бодростест улест тесэ!

Соракадсь модась, ардсть кавто алашат. Миша ёвтызе мейс сынст тердинзе. Ветинзе алашатнень кудов. Козяйканзо марто арасть алашатнень икелев, паркстызь сынст. Теевсть Миша ды козяйказо богатырекс, озасть алашатнень лангс ды тусть вармакс ардомо. Ардсть часошка, пачкодсть се государствантень. Нолдызь алашаст ды кармасть совамо дворецэнтень. Сынст а нолдыть. Миша явтынзе кавто пелев кедензэ ды часовойтне пракшность. Совась кудос, вануть хозяинтиэ арасть.

— Косо инязоравась?

— Сон мирдензэ марто тусь садс.

— Ну, тон аштек пока тесэ,—корты Миша козьяконтень,— а мон молян мусынь сынст.

Козьяказо кадовсь кудонтень, а Миша тусь садс. Неинзе Дригань и инязораванть, салавинька мольсь малазост, мадсь куракш экшс ды кунсолы, мезть сынъ эсь ютковаст кортыть. Марясы, Дрига корты:

— Вот минь урвакстынек, эрятано парсте, а косо ней Миша братом, кода сон эри, жив или кулось. Хоть костояк бу марямс сонзэ эйстэ.

Миша стясь, мольсь удалост ды корты:

— Илядо мелявто кисэнь, мон тесан!

Ну, тейтересь ды Дрига радовасть, а теде мейле кармасть прощениянь вешеме, мекс сынъ эзизь учо сонзэ ды урвакстысь.

— Те пек уш паро, што тынь истя теиде. Монгак урвакстынь, козьякам сась мартон инжекс тыненк.

Тонатне а кемить, мейле тусть кудов чиезь. Вастовсть аватне, радовасть, тусть кортамот, гуляямот. Гуляясть сынъ зяро эряви. Миша иредсь ды корты:

— Дрига брат, а кеждят, бути мон кодамояк фокус теян?

— Арась, а кеждян, хоть мезе тейть.

Миша сюрордынзе кулаконзо, кодак стукадсь кудонь стенантень—стенась лужадсь, люкштядсь потолокс—потолокось долой ливтясь. Ваны Дрига ды аватне, дивсить, косто истямо покш виенть саизе Миша.

Гуляясть сынъ доволь ды кармасть кудов сыргамо. Дрига кармасть кевкстнеме, алашат тенст кильдемс или корабля анокстамс.

— Миненек мезеяк а эряви,— корты Миша,— минек алашанок улить, кодат тынь эзиде некшнеяк.

Лиссь сон пире удалов, тердинзе алашатнень. Ваны Дрига козьяканзо марто, зярдояк ды костояк истят алашат сынъ эзь некшне. Озась Миша козьяканзо марто, люкштядсть пацинесэ ды тусть вармакс, лоткасть неявиомадояк.

Кармасть эрямо парсте Дрига козьяканзо марто, истя жо и Миша козьяканзо марто.

16. ДВА ДРУГА

Жил в одном городе бедный человек. Не было у него ни лошади, ни коровы, даже двора не было. Он с женой пас стадо, жил в работниках. Был у этого человека сын Миша. Вырос он, и стали его призывать в армию.

В этом селе был такой же бедный человек, у которого тоже был сын, звали его Гришей.

Миша с Гришей были одноклассники, вместе они выросли и вместе попали на службу. Ну, служат они месяц, другой, слу-

жат год. Послали их учиться, Миша получил чин унтер-офицера, а Гриша — чин ефрейтора.

Кончилась их служба. За хорошую службу им дали повышение и отпустили их из армии офицерами.

Пошли они домой. Шли пешком, поездов тогда не было. Идут они день, идут два, идут неделю. Стали доходить до небольшого города, Миша и говорит:

— Ты знаешь, брат Гриша, что я задумал?

— Что?

— Вот что. Наберется ли у нас обоих рублей тридцать денег? Если наберется, то идем на базар, купим лошадь с телегой и сбруей. Когда мы с тобой пешком дойдем? А лошадь нам и дома пригодится, а если продадим ее — деньги снова будут.

— Верно, брат Миша.

Пришли они в город, купили лошадь, запрягли ее и поехали. Едут и едут они тихонечко. Доехали до села. Вечерело.

— Может, брат Гриша, в этом селе переночуем? Дорога незнакомая, время позднее, утром встанем пораньше и поедем.

— Ну, что ж, давай переночуем.

— Ступай, брат Гриша, поищи ночлег.

Гриша ушел. Одного хозяина спросит — не пускает, другого спросит — тоже не пускает. Спрашивал он, спрашивал, все село обошел, но ночевать никто его не пустил. Пришел Миша к товарищу, рассказал, и они решили найти другое село. Сели и поехали потихоньку. Им надо было бы спросить, как проехать в другое село, а они уехали, не спросив. Ехали, ехали они — доехали до перепутья. Там стоит столб, и на столбе этом дощечка прибита. На дощечке написано: «Влево пойдешь — прямо пройдешь, вправо пойдешь — крюк сделаешь».

— Ну, как, брат Гриша, как поедем: прямо или кругом? Прямо — может, какие-нибудь болота там есть, а может, и кругом не лучше.

— Поедем, брат Миша, прямо, — говорит Гриша, — прямой дорогой ближе. Нам надо быстрее в село попасть.

Поехали приятели по прямой дороге, а ей и конца-края не видать. Вот доехали они до большого леса, но было уже темно. Видят — на краю леса дом стоит.

— Гляди-ка, вот где мы переночуем, — говорит Миша.

— Это постоянный двор, давай быстрее гони лошадь!

— А не спросить ли нам сначала?

— Нечего спрашивать. В селе спрашивали, спрашивали — никто не пустил. Здесь тоже не пустят. Заедем во двор и всё. Со двора гнать не будут.

Сами они открыли ворота, въехали — двор пустой. Распрягли лошадь, дали ей корм, а сами вошли в дом. Вошли — дом пустой, никого там нет. Осмотрелись кругом, видят — на столе гроб стоит.

— Ну, вот, вошли мы, а здесь видишь что,— говорит Гриша.

— Нам он не мешает, пусть стоит на столе, а мы ляжем на печку.

Залезли они на печку и легли. Миша лег с краю, а Гриша позади него. Как только легли они, Миша быстро уснул и стал храпеть, а Гриша никак не уснет. Стал он думать, что это за гроб и кто в нем лежит. Светало. Вдруг он слышит — что-то хлопнуло, оборвалось. Вскоре опять что-то оборвалось, потом опять так же что-то хлопнуло. У Гриши душа в пятки ушла. Скрипнула крышка гроба, приподнялась. Гриша поднял голову, смотрит: встал из гроба старик, сел на край и говорит:

— Эге, раньше по одному, да и то не часто, а сегодня вдруг двое пришли.

Пуще прежнего испугался Гриша, стал он Мишу будить.

— Миша, а Миша, встань! Посмотри-ка, кто здесь.

— Зачем ты меня разбудил?

— Гляди-ка, из гроба старик встал!

Миша поднял голову, посмотрел и говорит:

— Пусть встает, нам он не мешает, ложись и спи.

Повернулся Миша на другой бок и опять захрапел. Встал старик и пошел к печке. Вот-вот ухватится за край печки, но никак не достанет.

— Ну, догадались, куда лечь,— сказал старик.

Тогда пошел опять к гробу, лег в него и вместе с гробом ушел сквозь пол. После этого уснул и Григорий. Спали до самого утра. Утром встали, запрягли лошадь и поехали. Ехали, ехали они. Доехали до села, въехали в него. Вокруг них народ собрался, стали спрашивать, где они ехали. Когда же они рассказали, что ехали прямо, народ им не верит. Но когда рассказали, как спали в доме на краю леса, как вставал старик, как он ушел сквозь пол, народ обрадовался. Собрали Мише с Гришей со всего села еду, накормили, напоили их. Поели товарищи, старики спрашивают:

— Почему вы на такой кляче едете? Мы вам хороших лошадей дадим.

Запрягли им тройку и проводили, как бояр.

— Вот гляди, брат Гриша, мы теперь на тройке едем, как бояре.

Ехали, ехали они, стало темнеть. Доехали они до села, попросились ночевать, но их никто не пустил.

— Чего, брат Гриша, спрашиваешь? Давай выедем за село, накормим где-нибудь лошадей и переночуем.

Они так и сделали. Выехали за село, увидели кладбище, трава на нем высокая, сочная. Распрягли лошадей, накормили, Гриша лег около телеги, а Миша немного подальше, прямо на кладбище. Вдруг около Миши раскрылась могила, и из нее вышла женщина. Посмотрела вокруг и взлетела вверх.

«Это, наверно, ведьма какая-нибудь,— думает Миша,— я позже спрошу ее, куда она ходила».

Подожел Миша к могиле, лег в гроб и лежит там. Прошло несколько времени. Слышит Миша, пришла ведьма. А гроб закрыт.

— Кто вошел в мой гроб?

— Я здесь. А что? — говорит Миша.

— Выходи оттуда, это мое место.

— Нет, ведьма, я не уйду. Сначала расскажи, куда ты ходила. Тогда, может быть, я уйду отсюда.

— Нет уж, тебе не узнать, куда я ходила.

— Если мне не узнать, куда ты ходила, то и тебе не быть на свсем месте.

— Я ходила в такое-то государство. Там царь женил своего сына. Вот я и ходила туда, на 30 лет усыпила царевича и его жену.

— А как ты их усыпила?

— Ну, этого тебе не знать.

— А коль мне этого не знать, так и тебе в этот гроб не войти.

— Я их так усыпила: выпустила из них кровь.

— А как опять их оживить?

— Тебе всё надо знать! Этого не могу я тебе рассказать.

— Не расскажешь — не пушу.

— Оживить их можно вот как: кровь их я взяла в пузырьки. Кровь жениха в большой пузырек, а кровь невесты — в маленький. Спрятала я эти пузырьки за ворота. Вот если этой кровью смазать лоб, грудь и пятки умерших, то они оживут.

— А ты не обманываешь меня? Если обманешь, то смотри, я тебя всё равно найду.

— Нет, не обманываю. Если уж я рассказала тебе, то сказала всё.

Миша вышел из гроба, а ведьма вошла туда. Гроб захлопнулся, крышка закрылась, могила завалилась.

Рассветало. Миша пошел к Грише, поели они, запрягли тройку и поехали. Миша повел лошадей не той дорогой. Гриша говорит:

— Ведь нам надо ехать не в ту сторону.

— Нам надо попасть в такое-то государство. Там уснули царский сын и его жена, уснули они на тридцать лет, вот их надо разбудить.

— Нет уж, брат Миша, я туда не поеду. Если ты думаешь поехать туда, возьми тройку и поезжай, а я домой и пешком уйду.

— Эх, Гриша, Гриша, значит, напрасно служил ты, если не знаешь, как надо слушаться начальника. Не успел уйти со службы, а службу уж забыл.

Нечего делать Грише, пришлось согласиться. Долго, не дол-

го ли они ехали, приехали в столичный город. В том городе над каждым домом черный флаг висит.

Товарищи приехали прямо к царским воротам. Миша быстро спрыгнул с телеги и стал копать около ворот. Нашел два пузырька, в них кровь. Один пузырек побольше, другой — поменьше. Пришли царские слуги, глядят — не из этого государства солдаты.

Спрашивают их:

— Вы откуда, почему здесь ходите?

— Ступай, доложи царю, — говорит Миша, — я слышал, у него большое горе: уснули сын и сноха. Вот я приехал из другого государства разбудить их.

Слуги не поверили им, но все-таки пошли доложить царю:

— Ваше императорское величество, приехал из такого-то государства солдат, говорит, что разбудит сына и сноху.

— Ступайте позовите его ко мне, я погляжу, что это за солдат.

Привели Мишу к царю. Царь спрашивает его:

— Ты говорил, что разбудишь моего сына и сноху?

— Да, я говорил, поэтому сюда и приехал.

Царь и Миша вошли в зал. В зале кругом сидят люди.

— Что это за люди? — спрашивает Миша царя.

— Это врачи, они думают, как разбудить сына и сноху.

— Прогони их всех отсюда, дай приказ, чтобы трое суток в городе была тишина, чтобы никакого шума и стука не было.

— Это можно сделать, — ответил царь.

Сейчас же царь выпроводил врачей, дал приказ, чтобы в городе три дня никто даже не стукнул и на лошадях чтоб никто не ездил. Взял Миша с собой бутылку вина, вошел в спальню наследника. Он спит уже три месяца. Достал Миша большой пузырек, намазал кровью царского сына, где нужно, и тот проснулся. Встал, но идти не может: в ногах нет совсем силы.

— Почему я не могу ходить, почему совсем обессилел? — говорит он.

Миша ничего не ответил. Налил он в стакан немного вина, напоил царского сына, дал ему солдатский сухарик. Немного погодя еще налил ему вина. Царевич стал ходить по залу, Миша вывел его к царю и говорит:

— Ну, сын ожил!

— Почему, тятя, он говорит: «Ну, сын ожил»?

— Эх, сынок, ты ведь спал три месяца. Когда проснулся бы — неизвестно, если бы не разбудил тебя вот этот солдат.

— Этого не может быть, это неверно, — говорит царский сын.

— Ступай погляди на свою жену, она и сейчас все еще спит, вместе с тобой уснула.

Пошел сын, глядит — жена как мертвая спит.

— Верно, значит, — говорит наследник. — Ну, солдат, разбуди и жену.

— И жену можно разбудить. Сделайте так, чтобы трое суток в городе была тишина.

Царь дал распоряжение, чтобы трое суток в городе не было никакого шума. Вошел Миша в спальню жены царского сына, достал маленький пузыречек, помазал лоб, грудь и пятки жены царевича. Так он сделал три раза. Встала сноха и говорит:

— Почему во мне совсем нет силы? Почему-то даже ноги онемели.

Миша ничего не ответил. Налил он рюмку вина, дал ей сухарей, напоил, накормил и стал водить по комнате. А как прошло три дня, вывел ее Миша в зал и говорит наследнику:

— На твою жену, она тоже ожила. Не бойтесь, больше она не уснет.

Царь устроил бал, стали все пить, есть. Миша сказал:

— Да, вот мы здесь пьем, едим, а меня там, у ворот, товарищ ждет. Вот уже шесть суток прошло, как я его оставил. Он там с лошадьми остался.

Тут же пошли за Гришей. Испугался Гриша и думает: «Наверно, Миша что-нибудь сделал. Вот и кончились наши похождения». Привели Гришу во дворец, посадили рядом с Мишей.

— Давай, брат Гриша, пей, ешь, мы ведь так никогда не ели.

Наелись, напились они. Бал кончился. Царь спрашивает Мишу:

— Ну, говори, чего тебе надо в награду. Хочешь — половину государства тебе отдам, хочешь — возьми денег или еще что, чего тебе только нужно.

— Мне ничего не надо. Я сюда не из-за денег приехал, а потому, что услышал о твоём несчастье.

— Ну, хоть на дорогу возьми деньги, в дороге они понадобятся.

— На дорогу можно немного взять, а так деньги мне не нужны.

Насыпал ему царь целую шляпу золота, отпустил друзей, и они поехали на своей тройке. Едут они день, едут два и вот к вечеру доехали до леса. Совсем уж стемнело. Вот ехали, ехали они лесом, вдруг лошади стали, дальше не идут.

— Почему вдруг лошади остановились? Иди-ка, Гриша, посмотри, что там на дороге.

— Нет уж, брат Миша, я не пойду. Ступай сам посмотри.

Слез Миша, смотрит — поперек дороги мертвый человек лежит. Взял его Миша, принес к телеге и говорит Грише:

— Давай, брат Гриша, отвезем его на место куда-нибудь, чего он здесь валяется. Теперь, брат, мы втроем, два человека выйдут ограбить или побить, и то мы не поддадимся. Погоняй лошадей.

Поехали они. Ехали, ехали — опять лошади стали.

— Ступай-ка, Гриша, погляди, что там впереди.

— Нет уж, Миша, я не пойду, ступай сам посмотри.

Слез Миша, поперек дороги опять мертвый человек лежит. Взял его Миша и тоже положил в телегу. Поехали они дальше. Едут они тихонечко, видят — впереди что-то чернеется, поперек дороги кто-то лежит.

— Ступай-ка, брат Гриша, посмотри, что там такое.

— Нет, брат Миша, я не пойду. Иди уж сам посмотри.

Слез Миша — там мертвец. Положил его Миша в телегу, и они поехали. Стало светать. Приехали они в село и решили похоронить мертвецов. Без попа хоронить нельзя. Миша пошел к попу, рассказал ему, что нашел мертвых людей и надо их похоронить, а поп говорит:

— Я не буду хоронить их, нужно раньше произвести следствие, почему они умерли, чьи люди, тогда можно говорить о похоронах.

— Я этих людей нашел на дороге, мне надо ехать домой, некогда ждать следствия. Возможно, люди и не виноваты, убил кто-нибудь или так умерли.

— Нет, не могу хоронить, меня виновным сочтут, — говорит поп.

— А ты, батюшка, похорони, я тебе целую пригоршню золота дам.

— Ладно, похороню, людям покой нужен. Сделайте гробы, могилы выройте.

Миша с Гришей вырыли три могилы, сделали гробы, похоронили мертвецов с молебном. Поп получил золото и ушел. Стемнело. Миша говорит Грише:

— Ты, Гриша, иди к лошадям, а я немного здесь побуду.

Ушел Гриша к лошадям, а Миша стал думать: «Чьи же это люди? Почему они на одной дороге умерли, почему их никто не подобрал, никто не похоронил?» Думает так Миша, вдруг из могилы голос слышался:

— Ты, брат Миша, подобрал, похоронил нас, сделал для нас хорошее дело. Теперь скажи, что тебе нужно. Нужны тебе деньги или нужна тебе бодрость и сила?

— Деньги мне не нужны, нужна бодрость и сила, — отвечает Миша.

— Ну, ладно. Когда понадобится бодрость, воткни палочку в землю, покачай ее в две стороны и скажи: «Бодрость младшего брата, будь здесь». Я сейчас же явлюсь, — сказал это голос и замолчал.

Немного погодя из могилы слышался другой голос:

— Чего тебе, брат Миша, нужно: богатством наградить или бодростью?

— Богатство мне не нужно, но я не против бодрости.

— Когда нужна тебе будет бодрость, воткни палочку в землю, покачай ее в две стороны и скажи: «Бодрость среднего брата, явись сюда». Я и явлюсь перед тобой.

Замолчал и этот голос. Стал говорить третий мертвец:

— Ну, брат Миша, ты сослужил нам большую службу. Спасибо тебе. Ты нас подобрал, похоронил. Чего тебе нужно: богатство или бодрость?

— Богатство мне не нужно, славу — тоже не нужно, но зато я не против бодрости.

— Когда нужна будет тебе бодрость, возьми палочку, воткни ее в землю, покачай в обе стороны, и скажи: «Бодрость старшего брата, явись ко мне». И я тотчас буду перед тобой, — сказал так голос и замолчал.

Немного погодя Миша встал и пошел к лошадям. Запрягли друзья тройку и поехали. Долго, не долго ли они ехали, много, не много ли они проехали, солнце стало садиться. Въехали они в большой лес.

— Давай, брат Миша, переночуем здесь, — говорит Гриша.

— Переночевать не мешало бы, но лошади еще не устали, пускай пока идут.

Настала ночь. А они тихонько едут да едут. Дорога сузилась, на тройке уже проехать нельзя. Выпрягли друзья одну лошадь, поехали на паре. Ехали, ехали — дорога стала еще уже, на двух лошадях проехать нельзя. Выпрягли они и вторую лошадь. Наконец дорога кончилась, и лошадь остановилась.

— Ну, теперь, брат Гриша, придется переночевать здесь, лесу конца и края не видать.

Распрягли они и третью лошадь. Пустили всех троих на траву, а сами собрались лечь. Посмотрел Миша в ту сторону, куда хотели ехать, видит, там какой-то свет, и говорит:

— Брат Гриша, я какой-то свет вижу, уж не край ли это леса? Ты побудь здесь, а я пойду посмотрю, что там.

Гриша остался с лошадьми, а Миша пошел туда, откуда свет был виден. Шел, шел он лесом, смотрит — виднеется озеро, в середине его — то ли дом, то ли корабль. От берега до самого дома сделаны деревянные мостки. Остановился он и стал думать: «Пойти посмотреть, что там такое, но одному как-то боязно. Пойду Гришу позову. Пускай хоть на берегу стоит, а я войду туда».

Вернулся он, рассказал Грише, а Гриша говорит:

— Давай лошадей спутаем, тогда пойдем.

Подошли они к мосткам, Миша пошел по ним к дому. Вошел в него — дом пустой, только голые стены. Открыл Миша одну дверь, вошел в комнату — там тоже никого нет; открыл вторую, третью дверь — опять никого и ничего нет. Наконец он четвертую дверь открыл. Смотрит — в углу кровать стоит. На кровати постель постелена. Ходил, ходил Миша по комнате, больше ничего не нашел.

Подошел он к двери, хотел открыть, чтобы выйти — дверь не открывается. Что делать? Думал, думал и лег на кровать. Дол-

го, не долго ли лежал он, слышит — кто-то идет. Открылась первая дверь, открылась вторая, третья — вошел седой старик.

— Ты зачем пришел сюда, — спрашивает он Мишу, — кто тебе позволил войти сюда? А? Молчишь? Но сейчас заговоришь, я заставлю тебя разговаривать.

Нагнулся старик под кровать, достал оттуда медный прут и давай им хлестать Мишу. Бил, бил он Мишу, изорвал весь мундир на нем, из ушей кровь пошла, а он ничего не говорит.

— Ну, смотри, больше сюда не ходи, ступай отсюда, чтобы я тебя никогда не видел, — сказал старик и ушел.

Как ушел старик, Миша кое-как поднялся и говорит:

— Теперь бы найти где-нибудь рюмку вина. Только сказал он так, в стене открылась форточка и оттуда заговорил голос:

— Ну, парень, молодец, выдержал одну ночь, выдержи еще...

Форточка захлопнулась, и как будто ничего и не было. Встал Миша и начал ходить по дому. Глядит — в углу шкаф стоит. Подошел он, открыл дверку — там стоит бутылка. Взял одну бутылку, попробовал — там вино. Налил вина, выпил. Боль сразу прошла, мундир на нем стал новый, как будто и не был рваный. Тут же захотелось спать. Миша лег на кровать и сразу уснул. Спал он почти сутки. Стал просыпаться, слышит — кто-то идет. Пришел тот же старик и стал кричать:

— А, ты опять здесь?! Ну, держись, я тебя проучу.

Схватил медный прут и давай его бить. Сам бьет и приговаривает:

— Не ходи сюда, не ходи сюда!

Бил, бил, колотил, колотил его старик, бросил медный прут и ушел. Мишу он избил в кровь, мундир весь изорвал. Прошло немного времени, снова открылась в стене форточка, и оттуда опять послышался голос:

— Ну, парень, молодец, две ночи страдал, осталась еще одна.

Сказал так голос, и форточка захлопнулась, не стало в стене видно никакой форточки... «Что это такое? — думает Миша. — Вчера слышал этот голос. Уж не после ли побоев мне так слышится? Или здесь что-нибудь не так». Думал, думал, подошел к шкафу, взял бутылку вина, выпил. Сразу прошла боль, мундир стал новым, ему захотелось спать. Лег он на кровать и тут же уснул. Целые сутки спал. Проснулся, слышит — опять кто-то идет. Пришел тот же дед и стал кричать:

— Ты опять здесь?! Ну я тебя проучу, я покажу, как сюда приходиться!

Взял он медный прут и давай Мишу бить. Избил так, что ни одного живого места не осталось. А Миша ничего не говорит, не плачет, голоса даже не подал. Старик бил, бил, плюнул и бросил медный прут. Разозлился и вдруг провалился сквозь землю, как гром загремел.

Встал Миша кое-как, подошел к шкафу, выпил вина, и вся боль прошла. Слышит — на улице какой-то шум, звенят колокольчики, слышится стук колес. Из того места, где в стене открывалась форточка, вышла девушка, да такая красивая, что и не расскажешь. Миша испугался и спрашивает эту девушку:

— Что это такое вышло? Я ничего не понимаю.

— А вот что, — говорит девушка, — садись рядом, я тебе всё расскажу. Я была царской дочерью. На мне хотел жениться родной мой отец, но я не пошла за него. Отец меня прогнал, а государство превратил в лес и воду, остался только вот этот дом. Ты вот спас меня и всё государство. Если ты не женат, женись на мне, справим свадьбу.

— Свадьба — дело хорошее, но я думаю, она еще успеется. Я вот нахожусь в хорошем доме, ем, пью, а у меня там, около дома, товарищ остался, я не знаю, что с ним.

— А где твой товарищ?

— Он остался на берегу.

Девушка спросила, какой у Миши товарищ. Дала приказ слугам разыскать его. Нашли они Гришу и привели во дворец. Испугался Гриша и думает: «Наверное, Миша сделал или сказал что-нибудь нехорошее. Теперь его надо выручить. А как будешь здесь выручать, в незнакомом государстве?»

Привели Гришу, посадили рядом с Мишей. Они обрадовались, что снова вместе. Друзей стали угощать.

Остались там они жить, ходят на охоту, ловят рыбу. Прожили они так с год. Девушка хочет выйти замуж за Мишу.

— Миша, я не маленькая, почему ты не говоришь со мной о свадьбе? — говорит она.

— Рано еще, мы успеем и поговорить, и повенчаться.

После этого разговора Миша взял ружье и пошел ходить по лесу. Идет и сам думает: «Я еще не пробовал братнину силу». Воткнул он палочку в землю, пошатнул ее в две разные стороны и говорит:

— Бодрость младшего брата, будь здесь.

Едва он успел произнести такие слова, лес загудел. Прискакала к нему лошадь и спрашивает:

— Зачем ты меня вызвал, брат?

— Вызвал, брат, по дружбе.

— Ну, встань передо мной, — говорит лошадь.

Миша встал перед ней. Лошадь фыркнула на него. Сделался Миша богатырем. Лошадь присела и говорит:

— Ну-ка, садись на меня, выдержи я или нет.

Стал Миша садиться на лошадь, лошадь под ним согнулась и говорит Мише:

— Нет, я не выдержи, вызови бодрость среднего брата. А я как буду нужна, то снова вызовешь.

Воткнул Миша палочку в землю, снова пошатнул ее в разные стороны и говорит:

— Бодрость среднего брата, будь здесь!

Сделался такой шум, чуть ли не вся земля дрожит. Прискакала к Мише лошадь и спрашивает:

— Зачем я нужна тебе, брат?

— Силу свою думаю испробовать.

Сел Миша на лошадь, она зашаталась.

— Нет, брат, я тебя не выдержу, вызови бодрость старшего брата, если я буду нужна, то вызови, я явлюсь к тебе.

Миша опять воткнул палочку в землю, пошатал в разные стороны и говорит:

— Бодрость старшего брата, явись сюда!

Слышит Миша, вся земля задрожала. Прискакала лошадь и стала спрашивать:

— По какому делу вызвал?

— Так просто, по-дружески.

Лошадь фыркнула на Мишу, он превратился в богатыря. Сел на лошадь, и она поскакала. Скакала, скакала и очутилась снова на прежнем месте. Говорит лошадь Мише:

— Ну, если я тебе буду нужна, то вызови.

После этого лошадь фыркнула на Мишу. Он сделался таким, каким был раньше. Пришел Миша домой и говорит Грише и девушке:

— Ну, я пойду, в другом государстве побываю, кое-что погляжу. Если я долго оттуда не вернусь, то не ждите меня. А ты,— говорит он девушке,— ни за кого замуж не выходи. Но если уж будешь выходить замуж, то женихом тебе пусть будет Гриша, за другого не выходи.

Сказал он так, простился и ушел. Вышел за город, воткнул палочку в землю, повернул ее в две стороны и сказал:

— Бодрость старшего брата, явись ко мне!

Земля сразу задрожала. Прискакала лошадь. Миша говорит ей:

— Я вот зачем вызвал тебя: хочу побывать в других государствах, поглядеть, где и как живут.

Лошадь велела встать Мише перед ней, фыркнула ему на лоб — Миша превратился в богатыря, сел на лошадь и поехал.

Проехал Миша много государств и приехал, наконец, в большой город.

Едет он мимо дворца, а на балконе сидит такая красивая девушка, что и не расскажешь. Понравилась она Мише. Девушка тоже смотрит внимательно на Мишу. Он это заметил, проскакал мимо дворца как ветер. Никто даже не успел заметить, в какую сторону он уехал. Прискакала лошадь в лес и говорит:

— Ну, Миша, если я понадобится тебе, то вызови. Если тебе поставят какие-нибудь условия, соглашайся, мы эти условия выполним, ничего не бойся,— фыркнула она на Мишу — он опять стал таким, как всегда, а лошадь пропала.

Пошел Миша в город. Пришел он во дворец и говорит слугам:

— Ступайте скажите царю, что я пришел его дочь сватать.

Слуги ушли, сказали царю. Царь велел пригласить неизвестного солдата.

Пригласили Мишу.

— Вот что, парень,— говорит царь,— если ты думаешь жениться на моей дочери, то вот какие условия будут: надо скакать на лошади, схватить дочь с балкона. Схватишь ее — свадьбу справим, не возьмешь — голову отрублю. Если ты согласен, то мы подпишем договор.

Миша согласился. Подписали они договор, и он ушел. Пришел Миша в лес, воткнул палочку в землю, покачнул ее на две стороны и говорит:

— Бодрость старшего брата, явись ко мне!

Задрожала земля, прискакала лошадь. Миша рассказал, зачем он вызвал ее. Лошадь ответила:

— Это мы сделаем. Садись на меня и скачи до тех пор, пока на мне будет пена, а потом собирайся во дворец. Как будешь скакать мимо балкона, гляди хорошенько, не сделай промах. Смелее хватай девушку, сажай ее впереди себя.

Договорились они, лошадь ушла. На второй день девушка опять вышла на балкон. Приближалось условленное время. Вдруг задрожала вся земля, послышалось, будто кто-то скачет.

Прискакал Миша, схватил с балкона девушку и умчался с ней в лес. Как приехали они туда, говорит он девушке:

— Ну, слазь, подожди меня здесь, а я пойду отпущу лошадь.

Сошла девушка с лошади. Миша отъехал немного, отпустил лошадь и опять пришел к девушке. Девушка стала капризничать. Она думала тогда, что он какой-нибудь генерал. Пошли они к царю, девушка сказала Мише, что не пойдет за него замуж.

— Нет,— говорит Миша,— подписал договор, условия выполнил, теперь я хозяин.

Пришлось царю согласиться: сам договор подписывал.

Поженились они и стали жить. Прошел год. Гриша и прежняя девушка ждали, ждали Мишу, он так и не вернулся, и они поженились.

Вот прошло несколько времени, царь получает письмо:

«Ты отрезал головы нашим сыновьям, а теперь отдал свою дочь за простого солдата, сына мужика. Мы такого оскорбления терпеть не будем, пойдем на тебя войной, расщиплем твои войска на лучины».

Царь с дочерью испугались, перестали даже разговаривать с Мишей. Понял Миша, что случилось что-то, и спрашивает он свою жену:

— Почему вы такие печальные и совсем не разговариваете со мной?

— Что с тобой говорить? Ты нашего горя не поймешь, а если поймешь, то толк от этого невелик. Я вышла замуж за тебя, и вот теперь нам объявили за это войну.

— О, есть о чем думать! Как-нибудь уж отвоюем нашу землю. Я же солдат.

Царь стал готовить войска. Ждет прихода неприятельских войск. Те стали подходить к городу.

Миша говорит жене:

— Поставь самовар, а я пойду на войну. Как вскипит самовар, налей мне чаю. Если чай остынет, а я ещё не приду, то меня больше не жди, значит, я уже неживой.

Вышел Миша в сад, воткнул палочку в землю, пошатнул ее в разные стороны и сказал:

— Бодрость старшего брата, будь здесь.

Сразу прискакала лошадь и спрашивает:

— Что случилось, брат?

Миша рассказал о случившемся, а лошадь отвечает:

— Ну, это пустяки. Возьми в руки вот этот меч и встань передо мной.

Взял Миша меч и встал перед лошадыю. Лошадь фыркнула на Мишу — он сделался богатырем. Сел с мечом на лошадь и поскакал. Увидели его неприятельские войска и давай над ним смеяться: «Какого дурака царь послал против нас!»

А как начал махать этим мечом, как начал, раз махнет — неприятельских солдат тысячи нет, еще раз махнет — опять тысячи нет. Так все неприятельские войска и перерубил он.

Вернулся Миша домой, на огороде спрятал меч, слез с лошади и отпустил ее. Лошадь фыркнула и пропала, а Миша сделался простым человеком. Вошел он в дом, а жена только успела самовар приготовить.

— Ты куда это ходил? — спрашивает жена.

— Ходил на войну.

Слуги рассказали царю, что его зять уничтожил все неприятельские войска. Царь обрадовался, обрадовалась и жена Мишина: они поняли, что Миша не простой человек.

После этого жить стали хорошо, ни один враг не стал нападать на это государство. Даже другие цари стали бояться этого государства. И вот однажды царь спрашивает Мишу:

— Почему ты не собираешься навестить родителей, или у тебя нет родственников?

— Когда уходил в армию, родители у меня старые были, наверно, они давно умерли. Сестер и братьев у меня не было. Живет вот у меня в таком-то государстве товарищ, надо бы туда съездить.

— Ведь это государство провалилось, ты никого там не найдешь.

— Найду, там мой товарищ живет. Это государство теперь на своем месте, я приехал сюда оттуда.

И жене рассказал Миша, что в таком-то государстве у него остался товарищ и нужно к нему съездить в гости. Жена обрадовалась этой поездке. Приготовила она на дорогу еды, а царь стал готовить лошадей, телеги, слуг, чтоб в пути лучше провести время. Увидел это Миша и говорит:

— Не нужно нам ни телег, ни лошадей, ни еды. Мы и так доедем. Подождите меня немного, а ты одевайся,— говорит он жене,— я сейчас приду.

Вышел он из города, воткнул палочку в землю, пошатнул ее в разные стороны и говорит:

— Бодрость старшего и среднего брата, будьте здесь!

Задрожала земля, прискакали две лошади. Миша рассказал им, зачем он их вызвал. Привел лошадей домой. Встали они с женой перед лошадьми. Лошади фыркнули на них — сделались они богатырями, сели на лошадей и помчались как ветер. Ехали они с час, доехали до этого государства. Отпустили лошадей и пошли во дворец. Их не пускают. Миша раздвинул руками часовых, и они попадали. Вошли в дом, смотрят — хозяев нет.

— Где царица?

— Она с мужем вышла в сад.

— Ты пока подожди меня здесь, а я,— говорит Миша жене,— пойду поищу их.

Жена осталась в доме, а Миша ушел в сад. Увидел Гришу и царицу, тихонечко подошел к ним, сел в кустарник и слушает, что они говорят между собой. Слышит, Гриша говорит:

— Вот мы с тобой поженились, живем хорошо. А где теперь мой брат Миша, как он живет, жив или умер? Хоть что-нибудь услышать бы о нем.

Миша встал, подошел сзади и говорит:

— Обо мне не беспокойся, я здесь!

Гриша и его жена обрадовались и стали просить прощения за то, что они не дождалась его и поженились.

— Это очень хорошо, что вы так сделали, я тоже женился, жена со мною приехала к вам в гости.

Те не поверили, а потом побежали домой и увидели жену Миши. Началось гулянье. Миша опьянел и говорит:

— Брат Гриша, ты не рассердишься, если я какой-нибудь фокус сделаю?

— Нет, не обижусь, делай, что хочешь.

Миша показал кулак и как стукнет по стене — стена обвалилась, как стукнет по потолку — потолок долой. Смотрят все и удивляются, откуда у Миши взялась такая большая сила.

Нагулялись они вдоволь и стали домой собираться. Гриша стал спрашивать, не запрячь ли им лошадей или, может, корабль приготовить.

— Нам ничего не надо,— говорит Миша,— у нас есть лошади, каких вы никогда не видели.

Вышел он за город, позвал лошадей. Смотрят Гриша с хо-

зайкой — никогда и нигде таких лошадей они не видели. Миша с женой сели на лошадей, махнули платочками и понеслись как ветер, сразу их не стало видно.

Стали жить Гриша и Миша со своими женами очень хорошо.

17. ДИЛЬ-ДИЛЬ, АТИНЕ

Эрясть атят-бабат кавонест. Сынь вельть беднойтельть, мезесткак арасель. Весть атясь сайсь узере ды тусь вирев пенгень керямо. Мусь коське тумо ды кармась керямонзо. Тумо прястонть атянтень серьгедсь нармунь:

— Диль-диль, атине, диль-диль, бабине. Иляк кола пизынем, иляк кола ашкинем, мезе вешат, сень максан!

Атясь мери:

— Пенгень арасть, — пенгть вешан!

Нармунесь мери:

— Азё кудов, кудосо улить пенгеть.

Тусь атясь кудов, — кудосо пенгензэ цела кардаз. Кудосо ёвтинизе атясь бабанстэнь, мезе ульнесь вирьсэ. Бабась мери атянтень:

— Ярмаконок арасть, азё вешть нармуненть кедьстэ ярмакт!

Атясь саизе узерензэ, тусь вирев. Мольсь тумонть алов ды кармась стукамо. Тумонть прясто нармунесь серьгедсь:

— Диль-диль, атине, диль-диль, бабине! Иляк кола пизынем, иляк кола ашкинем, мезе вешат, сень максан.

Атясь мери:

— Ярмакт вешан.

Нармунесь мерсь:

— Азё кудов, кудосо улить ярмакот!

Атясь сась кудов, а кудосо цела сундук ярмаконзо. Бабась атянтень мери:

— Азё вешть нармуненть кедьстэ цёра ды урьва.

Атясь саизе узерензэ и таго тусь вирев. Мольсь тумонть алов и кармась таго стукамо. Тумонть прясто серьгедсь нармунесь:

— Диль-диль, атине! Диль-диль, бабине, иляк кола пизынем, иляк кола ашкинем, мезе вешат, сень максан!

Атясь мерсь:

— Урьвам ды цёрам арась!

Нармунесь мери:

— Азё кудов, кудосо ули и урьват, и цёрат!

Саесь атясь кудов: эзембрысо озадо аштить урьвазо ды цёразо. Омбоце чистэ бабась мери атянтень:

— Азё, атя, вешть нармуненть кедьстэ инязоркечи!

Атясь саизе узерензэ ды тусь вирев. Мольсь тумонть алов ды кармась стукамо. Тосто нармунесь серьгедсь:

— Диль-диль, атине, диль-диль, бабине, иляк кола пизынем, иляк кола ашкинем, мезе вешат, сень максан!

Атясь мери:
— Инязороксчи вешан!
Нармунесь мери атянтень:
— Азѣ кудов, улят инязоро.
Сась атясь кудов ды теевсь инязорокс. Бабась мери атянтень:
— Азѣ, атя, вешть нармуненть кедьстэ пазоксчи!
Атясь саизе узерензэ ды тусь Мольсь тумонтъ алов ды кармась стукамо. Тосто нармунесь мери:
— Диль-диль, атине, диль-диль бабине, иляк кола пизынем, иляк кола ашкинем, мезе вешат, сень максан.
Атясь мерсь:
— Пазоксчи вешан!
Теевсь атясь пинекс, бабась — каткакс.

17. ДИЛЬ-ДИЛЬ, ДЕДЫНЬКА

Жили-были старик со старухой. Жили они очень бедно, ничего у них не было. Однажды старик взял топор и пошел в лес дрова рубить. Нашел он сухой дуб и начал его рубить. Только стукнул раз, а с верхушки дуба кричит птица:

— Диль-диль, дедынька, диль-диль, бабонька! Не губи мое гнездышко, не губи мое теплое, что попросишь, то и дам.

Старик говорит:

— Дров у меня нет, дровец прошу.

Птица отвечает:

— Иди домой, будут у тебя дрова!

Пошел старик домой, а там дров полон двор. Рассказал старик старухе обо всем, что с ним было в лесу. Старуха и говорит старику:

— Денег у нас нет, иди проси у птицы денег.

Старик взял топор, пошел в лес. Пришел к тому самому дубу и начал стучать по стволу. А птица говорит с верхушки дуба:

— Диль-диль, дедынька! Диль-диль, бабонька! Не губи мое гнездышко, не губи мое теплое, что попросишь, то и дам.

Старик говорит:

— Денег прошу.

Птица отвечает:

— Иди домой, дома есть деньги!

Пришел старик домой, а там полный сундук денег. Старуха говорит старику:

— Иди проси у птицы, чтоб были у нас сын со снохой.

Старик взял топор и пошел в лес. Приходит к дубу и стал опять стучать по стволу. Опять с верхушки дуба говорит птица:

— Диль-диль, дедынька! Диль-диль, бабонька! Не губи мое гнездышко, не губи мое теплое, что попросишь, то и дам.

Старик говорит:

— Нет у нас сына и снохи.

Птица отвечает:

— Иди домой, дома есть и сын, и сноха!

Пришел старик домой — на передней лавке сидят сын с невесткой.

На другой день старуха говорит старику:

— Иди, старик, проси у птицы царское звание.

Старик взял топор и пошел в лес. Приходит к дубу и давай стучать топором. С верхушки дуба говорит птица:

— Диль-диль, дедынька! Диль-диль, бабонька! Не губи мое гнездышко, не губи мое теплое, что попросишь, то и дам.

Старик говорит:

— Царского звания прошу!

Птица отвечает старику:

— Иди домой, будешь царем!

Вернулся старик домой и сделался царем. А старуха говорит ему:

— Старик, а старик, проси птицу, чтоб стал ты богом!

Старик взял топор и пошел в лес. Приходит к дубу и давай стучать. Птица говорит ему:

— Диль-диль, дедынька! Диль-диль, бабонька! Не губи мое гнездышко, не губи мое теплое, что попросишь, то и дам.

Старик говорит:

— Хочу стать богом!

Сделался старик собакой, а старуха — кошкой.

18. СОЛДАТОНЬ НАРАМО

Вейке масторсо ульнесь инязор. Се инязоронть ульнесь тейтерезэ, конась эзь пейде комськавтово ие. Инязорось сёрмадсь приказ: «Кие пейдевтсьы тейтерем,— сенень максса мирденень ды мартонзо максса пелензэ царствам-мастором».

Икелевгак тейтеренть пейдевтеме кундась вейке генерал: «Уш мон,— мери,— пейдевтса». Омбоцекс кундась вейке солдат, конань мелезэ мольсь служамодонть: «Молян,— арси,— ялатеке, кадык прям керясызь, истямо эрямось седеяк стака».

Кода сынст тердизь колмонест: генералонть, солдатонть ды тейтеренть, совавтызь кудос, конань эйсэ ульнесь вейке, колмо сельмсэ вальма. Удалдо се кудо кенкшкенть пекстызь панжомас: илязо уле кодамояк манямо. Мартост кадовсь ансяк вейке ломань, кона карми мельгаст ваномо.

Генералось тейтеренть пейдевтеме кармась истя: кем голенищазонзо каясь сырнень ярмакт ды мери тейтерентень:

— На, таргик кемем.

Кода тейтересь таргизе кементь, сеть ярмактне кармасть певереме. Тейтересь эзь пейдезеве. Сон аволь седе аламо ярмакт некшнесь. Мейле рядось пачкодсь солдатонтень. Кармась

сон тейтеренть пейдевтеме. Киякс куншкас путсь табуретка, лапгозонзо — омбоце, ансяк мериксэль: «Дайте колмоце», кешнявсь ды серьгедсь:

— Кундадо!

Неть кармасть комнатаванть чийнеме, а кундамс а мезе.

Тейтересь чийнесь-чийнесь ды мери:

— Мезе мельга мон чийнян.

Сон лоткась ды кармасть чийница генералонть лапгсо пейдеме. Ваньцясь сайсь конёв ды сёрмадсь инязоронтень истя:

— Тонь тейтеренть пейдевтize солдатось.

Инязоронтень жаль марявсь максомс тейтерензэ солдатнэнь. Мейле мери солдатонтень:

— Азё монь кардсо ули овто, удок вейке ве овтонть вакссо, валске тейтяно свадьба, молят венець алов. А сонсь арси: «Кадьк сови, овтось тосо «урьваксы сонзэ».

Солдатось мери:

— Вана мезе, инязор, тон ансяк мерть монень мартон саемадо бритва ды сапонь ведь: мон нарамо тосо карман.

Инязорось корты:

— Сайт, а жаль.

Саизе солдатось бритванть ды сапонь веденть ды тусь кардсудомо. Кода панжизе кардонть — овтось комась каршозонзо. Солдатось таргизе бритванть ды кармасть сонсензэ сакалонзо нарамо. Овтось мольсь ваксозонзо, ваннось, ваннось ды кевкстни:

— Мезть тон, солдат, истя тейнят?

Солдатось мери:

— Ванат, эсь прям откстомтан — наран.

Овтось мери:

— Нарамак моньгак, паряк, откстоман монгак.

— Наратан, — мери солдатось, — совак станокс, карман нарамот. Овтось совась станокс, солдатось сьулмсизе пикссэ, мейле сайсь колия. Овтось вансь, вансь ды кевкстни:

— Тон, солдат, мезе арсят тееме?

— Ней, Миша, мон васня ваднеметь карман, — мери солдатось.

Сон колиясонть чавсь, чавсь овтонть — весе колиянтъ янгизе. Сайсь омбоце колия, овтось неизе ды таго кевкстни:

— Ней истя мезть тейнеме кармат?

— Нарамот ней карман, — мери солдатось.

Сон те колиянтъкак яжизе овтонть лапгс. Овтось весе голдойгадсь, а содавяк сон. Теде мейле солдатось мери:

— Мон эсь прям нарыя ды тоньгак нарытинь. Сизинь пек, ней оймсян. Валске вейксэце часонть самс киньгак иля нолда, киненьгак иля мере стявтомон.

Валске стясь инязорось ды мери:

— Азёдо, те шкас солдатось «урьвакстсь». Пурнынк ловажанзо.

Кода панжизь кенкшенть — овтось каявсь ломантнень лангс, а нолды киньгак: а шкасто састь, вейксэ част ещѣ арасть. Солдатось стясь ды кардызе овтонть, мейле мольсь инязоронтень. Инязорось мери:

— Ней лият а мезть тейнемс, сави максомс тензэ тейтеренть. Сестэ максызе солдатонтень эсензэ тейтерензэ. Солдатось эрясь инязоронтъ кедьсэ кавто недлят. Мейле мери инязоронтень:

— Мон туян кудов козяйкама марто.

Инызоронтень пек жаль маряви тейтерезэ, мери солдатонтень:

— Кильдинк весемеде паро фаэтононтъ, озадо ды азѣдо кудов. Нетъ кодак тустъ, инязорось тердизе овтонть ды мери тензэ:

— Азѣ сасык се цѣранть, кона саизе монь тейтерем, ки лангс повик, тейтеренть мекев туик.

Овтось кундась те теветень ды тусь сасамост. Солдатось марясы — мельганзо зэртъ. Сон вансь, вансь ды мери:

— Давай юксик прятот пацянтъ. Рунгот весе вельтик, кадык ушос ансяк прят.

Авась пацянзо каизе ды тейсь истя, кода мерсь солдатось. Солдатось сайсь палка ды кармась козяйкантъ прят ланга буто чавомонзо. Овтось ардсь фаэтононтъ вакс ды ваны. Вансь, вансь ды кода велявты мекев! Ардсь кудов. Инязорось кевкстизе:

— Мекс ськамот мекев сыть?

> Овтось мери:

— Азѣ тои ветик мекев. Сон лия овто кундась ды сеньгак эль прядсы эрямонзо. Мон кардсо понгонинь сонзэ коморо потс, содаса кода нары сон.

Истя инязорось кадовсь тейтертеме.

18. СОЛДАТСКОЕ БРИТЬЕ

В одной стране жил царь. У него была дочка, которая не улыбалась двадцать два года. Царь написал приказ: «Кто рассмешит мою дочку, тому отдам ее в жены и дам с ней полцарства-полстраны».

Дочку хотел рассмешить один генерал: «Уж я, — говорит, — рассмешу». Вторым взялся рассмешить солдат, которому надоела служба. «Пойду, — думает, — маята хуже смерти, пусть лучше голову снесут».

Вот позвали их троих: генерала, солдата и девушку, привели в дом, в котором было одно в три звена окно. Дверь снаружи заперли на замок, чтобы не было какого-нибудь обмана. Оставили с ними только одного человека, который должен наблюдать.

Генерал стал так смешить девушку: в голенище сапога бросил золотые деньги и говорит девушке:

— На, стащи сапог.

Как стащила девушка сапог, деньги стали падать. Она даже не улыбнулась: не столько видела денег. Потом настала очередь солдата. Стал он смешить девушку. Посредине пола поставил табуретку, на нее вторую, только хотел произнести «Дайте третью», рассердился и крикнул:

— Ловите!

Генерал с девушкой стали бегать по комнате, а ловить некого.

Девушка бегала, бегала и говорит:

— Зачем я бегаю?

Она остановилась и стала смеяться над бегающим генералом. Надсмотрщик взял бумагу и написал царю: «Твою дочку рассмешил солдат».

Царю жалко выдавать дочку за солдата. Он говорит ему:

— Ступай, на дворе у меня есть медведь, поспи одну ночь около медведя, завтра сделаем свадьбу, пойдешь под венец. А сам думает: «Пускай войдет, медведь там «поженит его».

Солдат отвечает:

— Вот что, царь, ты только разреши взять мне с собой бритву и мыльную воду, я там бриться буду.

Царь отвечает:

— Возьми, не жалко.

Взял солдат бритву и мыльную воду и ушел во двор спать. Как открыл он дверь медвежьей конюшни — медведь — навстречу. Солдат достал бритву и стал брить свою бороду. Медведь подошел к нему, глядел, глядел и говорит:

— Солдат, что ты делаешь?

Солдат отвечает:

— Видишь, себя омолаживаю, бреюсь.

Медведь просит:

— Побрей и меня, может быть, и я помолодею.

— Побрею,— говорит солдат,— ты войди в станок, я брить тебя буду.

Вошел медведь в станок, солдат привязал его веревкой, потом взял колья. Медведь смотрел, смотрел и спрашивает:

— Солдат, что ты думаешь делать?

— Теперь, Миша, я буду мазать тебя,— отвечает ему солдат.

Он бил, бил медведя колом — весь кол изломал. Взял второй кол, увидал это медведь и опять спрашивает:

— Теперь что будешь делать?

— Теперь брить буду тебя,— говорит солдат.

И этот кол изломал об медведя. Медведь стал голый, и не узнать его. Потом солдат и говорит:

— И себя, и тебя я побрил. Устал очень, теперь отдохну.

До девяти часов утра не пускай никого, никому не вели будить меня.

Утром встал царь и говорит:

— Идите, солдат уже, наверно, «женился». Соберите его кости.

Как открыли дверь — бросился медведь на людей, никого не пускает, не вовремя пришли: девяти часов нет еще. Солдат встал, успокоил медведя, потом пошел к царю. Царь и говорит:

— Не придумаешь ничего другого, придется отдать за тебя дочь.

Выдал он за солдата свою дочь. Жил солдат у царя две недели. Потом и говорит царю:

— Я пойду домой с женой.

Царю очень жалко дочку.

— Запряги самый лучший фаэтон, садитесь в него и поезжайте домой,— говорит он солдату.

Только уехали они, позвал царь медведя и говорит ему:

— Ступай догони того мужика, который взял мою дочку, удуши его на дороге, дочку привези обратно.

Медведь побежал догонять солдата. Слышит солдат — за ними топот.

«Медведь скачет. Это не к хорошему», — думает он. И говорит жене своей:

— Сними с головы платок, туловище покрой, не покрывай только голову.

Сбросила женщина платок и сделала так, как велел солдат. Взял солдат палку и сделал вид, будто бьет по голове жену. Прибежал медведь к фаэтону и глядит. Смотрел, смотрел да как бросится назад! Прибежал он домой. Царь спросил:

— Почему один пришел?

Медведь отвечает:

— Иди ты верни его. Он другого медведя поймал и вот-вот его доконает, я к нему попадался, знаю, как он бреет.

Так царь остался без дочери.

19. СЫРЬЖА

Эрясть-аштесть мастор лангсо, покш ды тусто вирь куншка-со, вишка велинесэ атят-бабат кавонест. Атясь виренть эйсэ эрьктнестэ кунцекшнесь калт ды сень эйсэ трясь бабанть. Сыредемазост сынст эйкакшост арасельть. Кие чумось эйтэст ульнесь, а содан. Бабась чумондсь атянть, атясь — бабанть. Ламо сёвномат ульнесть тень кувалт. Эйкакш эзь чачо яла. Чинек-венек озность нишке пазонтень, эйкакш яла арась.

Кода допрок сыредсть, сестэ чачсь сынст цёраст. Эйкакшось пек мазый ульнесь. Чамазо валдо ды якстере. Секс путсть тензэ лем Сырьжа. Пек мелявтозь сынь вансть эйсэнзэ, вестькак а

кадылизь ськамонзо. Весть пракшнось эрькс, атясь сонськак цють эзь вая мельганзо, таргизе.

Цёранть топодсть кемгавтово не, прась тетязо — кулось. Кармасть эрямо аванзо марто. Сынст мезесткак арасель. А алашаст, а скалост, а мезест. Эрясть пек беднойстэ. Натой ярсамскак тенст ульнесь а мезде. Сеетьстэ ярнекшность вирьстэнтъ кочказь сэрянь кшиде. Косто-косто цёрынесь кундыль калт ды сетнень эйсэ каванилизе аванзо.

Авазо штердсь яла ломаннень. Весть штердемань кис макссть тензэ комсь трёшникть. Авась кармасть цёранзо кучомо роботахномо ве ёнов, арсесь, паряк костояк мезеяк канды: сон ней уш аволь вишкине. Макссь кемень трёшникть ды мери:

— Азё, цёрам, ковгак роботахномо. Ансяк ярмактомо иля са кудов. Тонсь содасак, тесэ монень вачодо сави аштемс.

Сырьжа саинзе кемень трёшниктнень ды тусь. Ламо тарка сон ютась. Пачкодсь пек васов. Моли вейке а покшке велинева. Каршонзо ютыть эйкакшт. Ваны — сынъ кедьсэст кандыть киска левкс. Сон мольсь малазост ды кевкстинзе эйкакштнень:

— Ков истя киска левксэнтъ?

— Ертомонзо арсетяно, — мерить эйкакштне.

— Мейс ёртсынк?

— А эряви сон миненек.

— Аштедея, — мери тенст Сырьжа, — илинка ёртю, миинк сонзэ монень:

— Рамик. Миненек сон овсе а эряви.

— Зяро вештядо кисэнзэ?

— Зяро максат?

— Монь ярмаконгак ансяк кемень трёшникть.

— Макссыть весе ярмакот, макссынек теть киска левксэнтъ, — мерить эйкакштне.

Максынзе Сырьжа ярмактнень ды саинзе киска левксэнтъ. Эйкакштне пейдсть-пейдсть аламос ды тусть кудов. Сырьжа ваннось-ваннось киска левксэнтъ, велявтсь ды тусь мартонзо мекев эсест велев. Мольсь, мольсь сон, пачкодсь кудов. Совась ды киска левксэнтъ нолдызе кияксос. Авазо неинзе ды кармасть мартонзо сёвномо:

— Мезекс тень ней кандык, чаво пря кодамо? Мезть кармат мартонзо тейнеме?.. Мезде андсак? Эстетькак ярсамс а мезде...

— Паро, паро, авай. Иля шума. Кодаяк прянок трясынек.

— Паро эно, — лоткась сёвномадо авазо. — На таго теть ярмакт, ней вете трёшникть ды азё роботахномо. Ванок, бути сат ярмактомо, сестэ самодо мейле чавтан ды пантян кудостонтькак.

Сырьжа пурнась-сэрянь, саинзе ярмактнень ды таго тусь. Ламо тарка ютась. Таго пек васов пачкодсь. Юты велинева. Ваны — каршонзо молить ниле эйкакшт. Кедьсэст кандыть катка левкске. Сырьжа таго кевкстинзе:

- Ков истя кандтадо катка левксенть?
- Ертомонзо арсетяно.
- Мейс ёртсынк?
- Сон а эряви миненек.
- Миинк сонзэ монень.
- Мисынек, — кенярдозевсть эйкакштне.
- Зяро вештядо?
- Зяро максат, зяро сайтяно.

Сырьжа максынзе таго весе ярмаконзо ды саизе катка левксенть. Эйкакштне кенярдозь ношкстасть кудов. Сон велявтсь ды таго тусь мекев эсест велев. Пачкодсь эсест кудос, совась ды нолдызе кияксос катка левксэнть. Авазо кода неize, чавиксэлизе натой. Сёвность-тейсь аламось ды таго лоткась. Мейле мери Сырьжанень:

— Азё роботакшномо. Бути таго истя теят, сестэ иля сакшно кудонтень. Малавгак а нолдатан. Саить мартот кадовикс вете трёшниктнень.

Сырьжа пурнась-сэриясь ды таго сыргась роботакшномо. Куватьс сон мольсь. Пек васов пачкодсь. Юты вейке сэдь ланга. Марясы сэденть ало шалныцят. Варштась тов, тосо эйкакшт ватракш чавить илевсэ. Ватракшось тей кирнявты, тов кирнявты, кодаяк а мени кедьстэст. Сырьжа кевкстинзе:

- Тынь истя мезть тейнетядо?
- Ватракш чавтано! — раксить эйкакштне.
- Мейс чавтадо эйсэнзэ?
- Ведь илязо рудазыявтне. Сынсь шлёпсо керить эйсэнзэ.

Ватракшось кунст велявтсь, цють жив.

— Илинк чаво, — мери Сырьжа, — мон тенк ярмакт максан, — азёдо кудов седе куро.

Максынзе вете трёшниктнень тенст. Эйкакштне ёжовтомо ношкстасть кудов. Сырьжа саизе ватракшонть кедезэнзэ ды ванны эйсэнзэ. Ватракшось тарность-тарность кедьсэнзэ, сась тензэ ёжо ды мери Сырьжанень:

— Кода ней теть те питнесь пандомс?

Сырьжа мери:

— Кода мелеть, истя пандык.

— Пандса кодаяк, — мери ватракшось. — Адя сайтян мартон ведь потмаксос. Тосо монь ули тетям. Сонзэ ярмаконзо ламо, колмо куйметь. Максы теть ве куйместэнтъ меднойть — иля сае, максы теть омбоце куйместэнтъ сиянь — иля сае, максы колмоце куйместэнтъ сырнень — сетненьгак илить сае. Нилеце куйместэнтъ нудей рога ды пачине. Нетнень вешить кедьстэнзэ.

Сырьжа мери каршонзо:

— Вешсынъ.

Седе мейле ватракшось мери тензэ:

— Ней конить сельметь.

Сырьжа конинзе сельмензэ ды совасть ведентень. Уйсть, уйсть веденть алга, пачкодсть потмаксос. Ватракшось мери:

— Панжить сельметь.

Сырьжа панжинзе — ашти валдо ды урядна кудосо. Каштом икеле, мукорь лангсо озадо ашти овтошка ватракш. Сырьжань ветиця ватракшось мери тензэ:

— Тетяй, вана велень инже сась.

Тетязо, покш ватракшось, мери:

— Кодамо инже?

— Те монень, тетяй, покш инже. Сон монь куломадо ванстымым.

— Кода истя куломадо ванстынзить?

— Монь маштыксэлимизь эйкакшт. Ванат прямгак ды чамамгак весе тапазь. Сон эзимим максо маштомс. Ярмакт мик макссь кисэнь. Эряви те пандомс тензэ.

Тетязо лиссь латалов, Сырьжань саизе мартонзо. Панжсь вейке куйме, сайсь пиже ярмакт ды кармась тензэ максомост. Сырьжа мери:

— Неть монень а эрявить.

Панжсь омбоце куйме, таргась тосто сиянь ярмакт. Кармась максомост, — нетненьгак а саи. Мольсь колмоце куйментень, панжизе, таргась сырнень ярмакт. Кармась максомост, — нетненьгак а саи. Сестэ ватракшонь тетясь мери тензэ:

— Эно мезе теть эряви?

Сырьжа мери:

— Эйкакшот мерсь нудей рога ды пачине вешемадо. Максыть тон сынст монень.

Ватракшонь тетясь мери:

— Арась. Нетнень мон киненьгак а макссынь.

— А максыть, адя цёрат марто кортатано.

Ватракшось, конань сон нельгизе эйкакштнень кедьстэ, мери тетянстэнь:

— Мезе максыть тензэ, тетяй?

— Мезеяк эзинь максо.

— Мекс эзить максо?

— Сон ярмакт а саи.

— Мезе эно саи?

— Ды мезе... тонсь содат. Нудей роганть ды пациенть.

— Максыть тетяй, — мери вишка ватракшось. — Эли ней нудей роганть ды пациенть лангс монь полавтсамак. Мон паряк теть сындест питнеян.

— Паро эно. Азё максыть тонсь.

Мольсть кавонест ды ватракшонь эйкакшось максынзе тензэ нудей роганть ды пациенть. Мейле мери тензэ:

— Кода сы пелеве, яходят пачинесэнтъ колмо ёнов, серьгедят рогасонтъ. Сыть теть колоньгемень алят. Мезе вешат, сень макссызь, мезе теевтят, сень тейсызь. Ней азё. Сельметь конить ды уить.

Сырьжа тусь.

Лиссь берёк лангс, оймсесь аламос ды сыргась кудов. Пек

куватьс мольсь. Тестэнь-тостонь пачкодсь. Прамозонзо сизек-шнесь. Совась кудов. Авазо вансы, мезеяк а эрявикс эзь кандо, кенярдозь кевкстизе:

— Сырьжа, цёрам, ламо ярмакт туить?

— Мон ярмакт эзинь туде,— мери Сырьжа.

— Эно мезть туить?

— Ванат мезть,— невтинзе тензэ нудей роганть ды паци-
ненть.

Авазо таго кармась сёвномо:

— Нень ней таго мезекс туить, нузякс киска кодамо?!

Лиссть кудостонтъкак!

— Те уш монь тевесь.

— Кода истя тонь тевесь?

— Истяк. Монень, авай, ней ярмакт а эрявить. Нетнень мар-
то мон ярмактомяк эрян.

— Адя, иля лапакса кельсэнтъ, нузякс киска кодамо! Ев-
тык эно, мезть неть? Мезть мартост кармат тейнеме?

— Мезть? Вана мезть: мезе мелем, сень теевтян, мезе ме-
лем сень вешан.

— Кода истя?— кургонзояк автизе авазо.

— Вана кода, авай. Пелеветь лисян ушов, колмоксть яходян
пацинесэнтъ ды пижакадан нудей рогасонтъ. Сыть колоньге-
мень алят. Мезе мерян тенст — сень тейсызь, мезе вешан — сень
максызь.

Аванть сыре чамазояк натой валдомсь — истя кенярдозевсь.

— Те пек паро ули, цёрам,— мери Сырьжанень,— ванды
икелевгак кши вешть.

Чись чопотетсь. Весь сась чоподасто. Сынст кшисткак ара-
сель. Мадсть апак ярса, Сырьжань потмозо гурьсэ моли. Аlost
олгонь дерюга, лангозост вельтямс а мезе. Истя мадсть ават-
цёрат. Пелеветь Сырьжа сыргойсь ды лиссь латудалов. Яходсь
пацинесэнтъ колмоксть ды серьгедсь нудей рогасонтъ. Ёндолонь
кивчкадема ладсо куроку састъ икелензэ колоньгемень алят ды
мерсть:

— Шумбрачи тетъ, пародо паро аля! Мезень кис терди-
мизь, мезе тетъ эряви?

— Вана мезе, алят,— мери тенст Сырьжа,— кшинек арась.
Кши кандодо седе ламо.

— Тейсынек!— мерсть алятне.— Азё мадть, мезеяк иля ме-
лявто. Валскес весе теезь ули.

Сырьжа велявтсь, совась кудос ды мадсь. Валске авазо
стясь, шлизе чаманзо, ды мольсь нардамо. Ваны — вешкеземесь
пешксе кшиде. Кармась Сырьжань стявтомо:

— Сырьжа, цёрам, стякая, ванта зяро кшись!

Сырьжа стясь. Ваны — виде-паро вешкеземесь пешксе кши-
де, потолокс аштить вачказь. Седе куроку тей-тов шлизе ала-
модо чаманзо ды кармась ярсамо. Мартонзо авазояк. Ярсыть
ды сынсь пейдить: мелезэст пек паро. Ярсамодо мейле лиссть

ульцяв. Сырьжа озась кудо бокасо кандо лангс ды мери аван-
стэнь:

— Мезе ней таго теевтемс, авай?

Авазо варштась кудонть лангс,— кудось лавшо, эль калады.

— Эряви,— мери,— ней кудось теевтемс.

Сырьжань ней пекезэ пешксе. Косо ашти, моры. Якась-тейсь
тия-тува, чизэ таго чопотетсь. Ярсась парынестэ од кшитнеде
ды мадсть.

Пелеветь Сырьжа таго сыргойсь. Саинзе пациенть, нудей
роганть ды лиссь латудалов. Яходсь пачинесэнтъ колмо ёнов
ды пижакадсь рогасонть. Таго сась колоньгемень алятне ды
мерить Сырьжанень:

— Шумбрань паро чи теть, пародояк паро аля! Мейс тер-
димизь? Мезе теть эряви?

Сырьжа мери тенст:

— Вана ванодо, кудось эль калады. Тееде кодамояк аламо-
до седе ён кудыне. Вана те кудонть кондымо,— невтсь каршост
сюпавонь паро ды покш кудонть лангс.

Алятне мерсть каршонзо:

— Азё мадть, иля мелявто. Стязозот весе анок уи.

Сырьжа совась кудов ды мадсь. Куроксто кеместэ матедевсь.
Судозо цярсо моли— корны, прок крандазсо каворькс ланга
арды. Валске авазо стясь ды талакадсь, а соды мезть тейнемс.
Стявтызе Сырьжань ды мери:

— Сырьжа, цёрам, козонь минь истя понгинек? Адя седе
курок тестэ, ата азортнэ чавсамизь.

— Мезть талакалят,— мери Сырьжа.— Те эсенек кудось.

— Мезть тапарят?— а кеми авазо.

— Мезтькак а тапарян. Тень мон те венть теевтия, эстенек.

— Вай мезть тейнян,— пейдезевсь авазо.— Натъ виде паро
мезе мерят— сень теить, мезе вешат— сень максыть.

Стясть. Шлясть-нардасть, ярсась, ды Сырьжа таго тусь
ульцяв. Тевензэ ней сонзэ рогасонть. Пекезэ пешксе, кудозо од.
Кува яки— гайсэ моры «Сюпав атя Яшатынь». Якась-тейсь,
сась кудов, обедась ды лиссь од крыльцянтъ лангс. Арси: «Ме-
зе ней вешемс алятнень кедьстэ? Кшинек ламо, кудонок од.
Мезе ней тенек эряви? Арсесь, арсесь, мезеяк а леди мелезэн-
зэ. Чи валгома ёнов уш валдо мель совась пря потмозонзо ды
мери: «Кудось од, кши ламо, ансяк лангозонок а мезе оршамс
ды уцемс тенек а мезе лангсо. Эряви вешемс оршамопель ды
таркат-вельтямот».

Тия-тува чаравтсь седе мейле, варштась, таго уш чопотетсь.
Ужинасть ават-цёрат ды мадсть. Пелеветь Сырьжа сыргойсь,
саинзе пациенть ды нудей роганть ды тусь. Лиссь латудалов,
яходсь колмо ёнов пачинесэнтъ ды серьгедсь нудей рогасонть.
Аламос аштесь, сась колоньгемень алятне ды мерить:

— Шумбрачи теть, пародояк паро од цёра-парочи! Мейс
тердимизь, мезе теть эряви?

— Ванодо лангозон, а мезть тень оршамс. Ацамонок-вельтямонок арасть. олгонь ватола лангсо уцетяно. Неть эрявить седе куроц.

— Азё мадть, мезеяк иля мелявто,— мерсть тензэ алятне.— Валске весе анок ули.

Сырьжа совась кудов ды мадсь. Валске авазо сыргойсь. Ваны — алганзояк, прялганзояк чевте тодовт. Лангсонзо чевте вельтямо. Ловажанзо-пакарензэ солазь соласть чевте таркантень. Сырьжа ёжовтомо улы, ансяк судозо вешки. Аванзо эзь кирде седеезэ, стявтызе ды мери:

— Сырьжа цёрам, варштака, мезть алонок, прялонок ды лангсонок. Неть косто истя?

— Мон содан косто. Монсь вешинь,— машнетезь мери Сырьжа.— Иля шума, кадомак оймсеме аламос.— Сонсь велявтсь омбоце боканзо лангс ды мадсь мекев. Авазояк мекев мадсь. Паро завторкс удость. Мейле стясть, ярсась ды Сырьжа таго лиссь улыцяв. Озась пиже луга лангс ды арси: «Мезе ней вешемс?»

Арсесь, арсесь, мезеяк эзь леде мелезэнзэ истямо, конась бу маштоволь мезекскак. Совась кудов. Якась-тейсь аламос ды озась обедамо. Мейле лиссь ушов, озась крыльця лангс ды таго кармась арсеме. Мезеяк тензэ паро эзь арсева. Чопотема ёнов ваксканзо ютасть ломанть ды кортасть, будто маласост боярость тейтерензэ мирденень максни. Сонзэ пря потскак урвакстомань мельть кармасть эцеме.

«Урвакстомс эряви»,— мерсь эсь пачканзо,— ды совась кудов, озась столь пес ды мери аванстэнь:

— Озак ды кунсолон, мезть карман кортамо.

Авазо озась ды ваны цёранзо лангс. Учи, мезть карми кортамо. Сырьжа ёвтнизе тензэ урвакстомадо арсеманзо ды кармась кучоманзо покш кудакс бояронтень. Авазо мери:

— Моли ней тонеть бояронь тейтерь? Мезть ней мезть а эрявить кортат. Азё оно чийнек улыцява, иляк човсе келеть тев аразень кувалт.

— Паряк моли,— а кады эсь мелензэ Сырьжа.— Азё чаравт аштемадо.

Авантень а мезть тейнемс.

— Паро эно, валске молян. Ней эряви ужинамс ды мадемс седе куроц. Ванат, чопотетсь уш.

Ацась ды мадсь. Те венть Сырьжа мезтькак эзь тейне, колоньгемень алятнень эзинзе терде. Вень перть арсесь урвакстомадо.

Валске стясть. Авазо наряжась парсте: оршась сборов од суманть, панаргак вадря, пулаентень понгавтсь сырнень горнипов ды тусь. Мольсь бояронтень. Совась, мольсь бояронтень икелев ды мери:

— Мон маринь, тон тейтереть макснят?

Боярость трокс варштась лангозонзо ды мери:

— Макснян.

— Монь цёрантень а максак?— кевкстизе бабась.

— Мекс а максса,— максса. Ансяк кудонк улезэ монь кудонть кондямо ды тынк крыльцястонть церькованть крыльцянтень улезэ сляникань сэдь. Сэденть кавто ёнга улест покш лейть. Лейтнень чирева улезэ умаринань сад. Умаринатнень тарадост лагсо улест эрва кодамо понасо ды сядо кельсэ морыця нармунть. Кода сайсынк тейтерем, венчамо ютамсто умаринатне цветяст, нармунтне эрва кодамо кельсэ мораст. Венчамсто ютамсто умартне кенерест ды улест сырнень тарелкава вачказь. Нармунтне мораст весёла морот. Сэдесь весе утякстнезэ.

— Паро эно,— мери бабась,— туян. Эрядо шумбрасто!

Тусь кудов. Мольсь, мольсь, пачкодсь. Совась кудос ды мери цёранстэнь:

— Косто сон тонеть, пелепрев, макссы тейтерензэ?.. Сон вана мезть монень мерсь: кудонк, келя, улезэ монсенть кондямо ды тынк крыльцястонть церькованть крыльцянтень улезэ сляникань сэдь. Сэденть кавто ёнга улест лейть, лейтнень чирева улест умаринань садт. Венчамо модемстэ умаринатне цветяст, венчамсто ютамсто умартне кенерест ды улест вачказь сырнень ваканга... Весе ёвтнинзе цёранстэнь. Цёрась мери:

— Те монень, авай, мезеяк арась. Тень мон куроксто теэвтьса.

Чись уш чопотетсь. Ужинасть седе курок ды мадсть. Пелеветь Сырьжа сыргойсь. Стясь, саинзе пацинёнть, нудей роганть ды чиезь ношкстась латудалов. Яходсь пацинесэнтъ колмо ёнов ды серьгедсь нудей рогасонть. Састь колоньгемень алятне ды мерить:

— Шумбрань паро чи теть, пародояк паро од цёра! Мейс тердимизь, мезе теть эряви?

— Вана мейс,— пек мелявтозь кармась кортамо Сырьжа,— арсян урваксто. Маринь, боярось тейтерензэ макснесы. Арсян саеманзо. Авань кучния покш кудакс. Боярось мери тензэ: «Улезэ, келя, кудонк монсенть кондямо. Тынк крыльцястонть церькованть крыльцянтень улезэ сляникань сэдь. Сэденть кавто ёнга улест лейть, лейтнень чиресэ улест умаринат. Венчамо модемстэ умаринатне цветяст, мекев ютамс умартне кенерест ды улест вачказь сырнень ваканга». Те эряви теэмс седе курок.

— Азё мадть,— мерить алятне,— мезеяк иля мелявто. Стямотот весе анок ули.

Сырьжа совась ды мадсь. Нать ононть паро несъ, удомстонзояк яла пейдсь. Валске сыргойсь авазо, стявтызе Сырьжань ды мери:

— Сырьжа цёрам, вана дивась: ванта, кудонок кодамо!

Сырьжа стясь, шлясь-нардась. Мельс паросо ваннызе кудонть ды вешсь завторкамс. Ярсамодо мейле Сырьжа ютась мекев-васов сляникань сэденть ланга ды мери аванстэнь:

— Адя эно, авай, бояронь тейтеренть кис. Ней паряк макссы.

Оршасть кавонест парынесть ды сыргасть. Куватьс мольсть. Пачкодсть бояронь кудонть малас. Сырьжа кевкстизе аванзо:

— Авай, кода ней мон карман сонзэ марто кортамо? Ярь тонавтомак аламодо.

— Адя кортак мезтькак. Эли а маштат кортамо,— машнетезь мерсь авазо. Сон сизекшнесь зняронь тарка молемадонть.

Совасть, здоровакшность ды озасть матканть алов. Сырьжа мери бояронть:

— Кода, пародояк паро бояр, макссак монень никс тейтереть?

— Мейс а максса,— пейди боярось.— Теить истямо кудо ды сэдь, кода мон мернинь аватень?

— Аволинь тейгак, аволинь саяк,— прянь шназь ды каштансто мерсь Сырьжа.

Боярось талакадсь.

— А манчат? — кевкстизе Сырьжань.

— Азё ваннык,— истяк каштансто яла корты Сырьжа.

Боярось чарась-велясь, молема а ков. Мери Сырьжанень:

— Паро эно, максса. Истямо ломанень а кода а максомс.

Тейсть свадьба. Боярось симдинзе-андынзе, простясь тейтеренть марто весе родось ды ильтизь бояронть эсензэ алашасо. Ардсть, ардсть, ютасть ламо тарка, пачкодсть Сырьжань кудотненень. Сляникань сэдесь чиденть валдосто кувтёлды, малазонзо а молеват. Совасть, ярсасть аламодо, ваннызь кудонть ды сляникань сэденть ланга тусть венчамо. Модемстэст ванить умаринатненень лангс. Весе цветить, прок ашо лов. Пачкодсть церкованть, венчизь ды сыргасть мекев. Ванить — умартне весе кенерсть ды аштить вачказь сырнень ваканга. Бояронь тейтересь мери:

— Мон саян ве умарь.

Сырьжа мери:

— Иля. Кудосо ламо анокстазь. Сетькак а ков теемс.

Мольсть кудов. Кудось пешксе ломанде: тейтерть, цёрат, ават. Седить, киштить, морыть, хоть пилеть потомдыть лажномадонть.

Аламос киштеть-тейсть, кармасть столень пурнамо. Обедать. Седе мейле аламос киштеть-морасть, чись чопотеть. Инжетне весе тукшность. Зяро-бути теск кадовсть, маднеть. Тарка ламо, хоть козонь мадть.

Сырьжань ды бояронь тейтеренть мацтизь кардайсэ кардс. Аламос аштеть таркасонть, тейтересь мери:

— Сырьжа, мазы полам монь, ёвтыка, кода истя тон сюпалгадыть?

— А ёвтаса,— мери Сырьжа.

— Мекс истя а ёвтасак?

— Пелян.

— Мезде?

— Тон кодаяк манясамак.

— Мейс ней манятан мон тонь? — кутмордызе Сырьжань тейтересь.— Мон тетъ чей аволь кодамояк а содавикс ломанян?.. Мон ведь нить тонь, пек вечктян.— Сонсь яла кутмори цѣранть.

Солась Сырьжа тейтерентъ чевте беремас, панжовсь валонь паргозо:

— Паро эно, ёвтаса. Ванок, бути манясамак, мейле зняр-доjak а карман кемемат.

— Мейс ней манятан тонь? — таго кармась лацеманзо цѣранть.

— Кунсоллок эно,— кармась Сырьжа.— Монь ули пацинем ды нудей рогам. Пелеветъ лисян мартост латудалов, яходян пацинесэнтъ колмо ёнов ды серьгедян нудей рогасонтъ. Седе мейле сыть тень колоньгемень алят. Мезе мерян тенст, сень тейсызь, мезе вешан — сень макссызь.

— Монень кармат макснемест? — кевкстизе тейтересь.

— Мейс а макссынъ? Ансяк ванок, илить ёмавто.

— Ков ней ёмавтсынъ? Мон ведь аволь вишка эйкакшан.

Седе мейле мадсть ды куроkсто матедевсть. Сизекшность свадьбасонтъ.

Ашолгадсь. Весе стякшность. Аватне завторк анокстась. Ярсась симсть аламодо, кортнестъ-тейсть ды тукшность кудова. Сырьжа нинзэ марто тустъ садга якамо. Сон цѣрась ещё од. А содасы, кода ды мезть кортамс тейтеръ-ава марто.

Тейтерентъ мелезяк мольсь Сырьжань кашт молемадонть. Арси эсь пачканзо: «Мень ормат кармат тейнеме те мирдентъ марто? Тошнас кулат истямонтъ вакссо. Кода карман ней эрямо мартонзо...» Сонсь мик авардеме кармась. Сырьжа тень эзизе нее. Сон ванны, кода нармунтне ливтнить чувтнэнь велькска.

Чокшнес истя якасть, обедамояк эзь сакшно. Чокшне састъ, ужинасть ды мадсть, ней кудос. Тарканть ацастъ тенст паро ды чевте. Сырьжа кодак мадсь, сеск матедевсь. Тейтересь эзь маде. Сон аштесь-аштесь, стясь. Саинзе пациентъ, нудей роганть ды арси: «Мезть бу ней тейнемс? Сон, ванат, улы, прок кандо, а налкси мартон, а мезе. Седе паро ули туемс тестэ лия масторсо алужонтень. Сон весѣла ды налксиця. Эрьва мезень кувалт седе паро».

Сась пеле ве. Сон саинзе пациентъ, роганть ды лиссь латудалов. Яходсь пацинесэнтъ, пижакадсь нудей рогасонтъ. Састъ колоньгемень алят ды мерить:

— Шумбрачи тетъ, тейтеръ-парочи! Мейс тердимизь, мезе тетъ эряви?

— Вана мезе эряви,— мери тейтересь: — Лия масторсо монь ули лия ды паро алужом, мон седе куроkсто тосо улезан. Сырьжань теинк истямокс, кодамо сон ульнесь икеле, кудозояк истямо улезэ ды сонськак.

Алятне мерить:

— Азѣ мадть, мезеяк иля мелявто. Кода мерить, истя карми улеме.

Тейтересь совась кудов ды мадсь. Валске сыргойсь тона алузонзо беремасо, лия масторсо. Истя кенярдозевсь, а ёвта-вняк, кутмордызе ды кармась палсемензэ.

Сыржа сыргойсь, алонзо олгонь наксадо дерюгась, прялон-зо чувто пе, сонсь штапо, апак вельтя. Вакссонзо удить киски-несь ды каткинесь, конатнень сон раминзе эйкакштнень кедь-стэ. Кавонест стясть ды ризназь вануть азорост лангс.

Сыржа стясь, ваны, тевтне берянтъ. Сон чарькодсь: тейте-ресь манизе. Вешнинзе ташто понксонзо-панаронзо, оршась ды ризназь яки ташто кудовантъ. Пекезэ а аштевняк кода вачсь, мольсь вешкезементень, варштась — кши арась. Авазо каштом лангсо аварди ды чумонды цѣранзо эйсэ.

Сыржа штюп-кап, пацнеськак ды нудей рогаськак арасть. Седеяк ещё лавшомсь цѣрась. Лиссь ушов, озась кудо бокасо кевентъ лангс ды кармась арсеме. Се шкастонть Сыржанень инжекс, тейтерензэ содавтомо, сыргась боярось. Ардсь, ваны — а кудо, а сляникань сэдъ. Неизе Сыржань. Мольсь малазонзо ды кевкстизе:

— Ков теик монь тейтеренть?

Сыржа тарск ёртовсь.

— Кие соды, косо сон... А содан ков тусь... — авардемантъ пачк цѣрантъ валонзояк цяк-цяк ёвтавить.

— Кода истя а содат?! — ранкстась лангозонзо боярось. — Мон максан тетъ а содат. Невтьса, кодамо монь кондытнень манчемась.

Саизь Сыржань ды тустъ мартонзо. Авазо кадовсь орта лангс авардезь.

Каткась ды кискась, конань Сыржа раминзе эйкакштнень кедьстэ, те шантень кайсть уш покшто. Сынъ нензь, кода саизь азорост, мольсть салава таркас ды кортыть:

— Тон чарькодить, мейс Сыржа азоронок саизь? — кевк-стизе каткась кискантъ.

— Эзинь, — мери кискась.

— Низэ оргодсь, пацинентькак ды нудей рогантькак мар-тонзо салынзе.

— Те кода истя? — дивси кискась.

— Адя вешнемензэ, — мери каткась.

— Адя.

Кискась косто-бути кандсь кулозь тулевкс, ярсась ды тустъ.

Сыржань ускизь бояронть кардайс, пекстызь тюрьмас ды мерсть тензэ:

— Макстано тетъ шка комсьветее чить. Бути те шантъ ютамс а мусак тейтеренек, — ледтядызь.

Сынсь тустъ вакстонзо. Сыржа кадовсь прок кевень парьс. Ков а велявты — кев. Кода ней вешнесак тейтеренть? Мезть

ней тейнят? Емамо нать теть, Сырьжа, сась. Ледсь мелезэнзэ сыре авазо, седеяк а ёнкстомсь ёжозо. Виензэ маштомс пря чавсь. Мейле прась ды матедевсь.

Се шкастонть кискась ды каткась яла ардыть, вешнить тейтеренть. Ардсть, ардсть, пачкодсть покш лейс, Сурадонть покш леесь.

Каткась мери:

— Мон ведь уеме а маштан.

— Мон маштан,— мери кискась.— Ярь, седе куроқ озак лангозон уйтяно тона пелев.

Озась каткась кисканть лангс. Кискась совась ведентень ды тусь уеме. Лиссть тона пелев ды таго ношкстасть. Пуль моли мельгаст, истя ардыть. Ардсть, ардсть, пачкодсть лия масторс. Таго ардсть, ардсть, мусть паро кудо. Арсесть-тейсть, чарькодсть, те кудось тейтеренть лия масторонь алузонзо. Каткась мери кискантень:

— Тон мадть лато лангс ды самозон ковгак иля тукшно. Кискась мадсь ды ашти. Каткась мольсь кенкш удалов ды кармась мавксеме.

Жаль марявсь тенст, панжизь кенкшенть ды нолдызь. Кудосонть, пекшень парь лангсо ашти озадо яга-баба. Каткась соды, те парьсэнтъ самай пацинесь ды нудей рогась. Яга-бабась кодак неизе катканть, апаро вайгельсэ ранкстась:

— Вай, те аволь паро катка! Саинк сонзэ тестэ седе куроқ! Оно тосо, вейке покш лейсэ ули яр, азёдо каинк се яронть, кадык ваи.

Каткась эзь кенере ношкстамо! Куроксто кундызь, кандызь се яронть ды ёртызь тозонь. Катка уеме эзь машто, ваясь. Пачкодсь потмаксос, ваны — тосо крысат. Кода карми повсемест. Кундасы — повасы, кундасы — повасы.

Крысатне вануть, тевтне мезекскак а маштовить, катка сень вант маштсы родост-племаст. Сынъ седе куроқ ёвтасть эсест прывтонть. Сась крысань покшось, пекезэ прок боцька, цють молеви, пильгензэяк менчевить мик покш рунгонзо ало. Катка натой пелезевсь. Крысань покшось мери тензэ:

— Шумбрачи теть, велень-сядонь паро катка!

Катка пулонзо кепедизе ды гуйкс менчи эйсэнзэ. Сон арсесь каявомо крысань покшонть лангс. Кода маризе парсте кортамонть, озась пулонзо лангс ды кармась кунсолома. Крысань покшось корты:

— Тон мейс истя повсят минек родонок эйсэ? Зяро урозт уш кадыть, ох, авакай-корьмакай!.. Евтык, мезе теть эряви. Бути мезеяк теть эряви, ёвтык седе куроқ, минь теть тейсынек. Ансяк лоткак повсемадо. А то розорясак весе масторонок.

✓ Катка пейдезевсь, вадяшинзе калгодо усанзо ды мери тенст:

— Монень вана мезе эряви: ливтемизь ведьстэнтъ ды кучо-до мартон колмо крысат. Монь тосо ве тевем ули тенст максомс.

Крысатне кенярдозевсть. Саизь катканть, ливтизь ведь-стэнтъ ды кучсть мартонзо колмо крысат. Каткась саинзе крысатнень мартонзо ды мольсть се кудонтъ малас. Варштась лато лангс, киска яла уды. Саинзе крысатнень салава таркас ды кармась тонавтомост:

— Мон молян кенкш удалозост ды авардезь карман мавкселеме. Сынъ монъ нолдасамизь. Ды се шкастонть ванодо седе курокто совадо монъ мельга. Кудосонтъ ули пекшень покш парь. Те парентъ лангсо ашти озадо сыре Яга-баба. Сон вансты парентъ эйсэ. Те парентъ потсо пацине ды нудей рога. Сеть тенек эрявить кодаяк саламс. Тынь вана кавто крысатне мольтядо се пекшень парентъ удалов ды карматадо поремензэ. Знярдо пореви, пациентъ ды нудей роганть кельгемашка варя, сестэ колмоце крысась кузи Яга-бабанть мештензэ лангс ды эсензэ пулонтъ ёвкстасы бабанть судо варяс. Бабась васня карми кешнямо. Мейле коз куродсы истямо, мик ёжозояк машты. Се шкастонть тынь таргасынк пациентъ марто нудей роганть ды оргодтяно кудостонтъ. Мейле тынь тутадо мекев кудозонк—лейс, минь кисканть марто тутано тов, ков тенек эряви.

Истя тейстькак. Катка мольсь кенкш удалов, мавкстась. Панжизь кенкшентъ ды нолдызь кудос, крысатне мельганзо ёндокс совасть. Вануть парентъ лангс—яга-баба уды. Катка кончтась сельмсэнзэ кавто крысатнень, сынъ седе куроко совасть парентъ удалов. Поризь парентъ. Колмоце крысась куйсь яга-бабанть мештензэ лангс ды ёвкстызе пулонзо судо варязонзо. Бабась кармась кешнямо. Крысась седеяк васов ёкстызе. Бабась кода карми козомо, вай, авакай-корьмакай! Сельмензэ секень вант ёртовить. Натой ёжозояк маштсь. Нона крысатне седе куроко совасть парентень, саизь пациентъ марто нудей роганть ды юргозь-вешкезь ношкстась кудостонтъ.

Лиссть. Максизь каткантень пациентъ марто нудей роганть ды сынъ ношкстась кудов—леентень. Каткась ардсь лато лангс. Стявтызе кисканть.

— Кода, мезеяк лиссь? — сельмензэ нартнемстэ кевкстизе кискась.

— Кода истя мезеяк? — Каткась кежейстэ варштась кисканть лангс.

— Тевесь кода? Лиссь? — кевкстни яла кискась.

— Лиссь! — прянь шназь ёвтась тензэ каткась.— Мон кундындерян, тев ули! Адя седе куроко!

Ардозь ношкстась кудов кавонест. Пачкодсть леентень. Кискась мери каткантень:

— Озак монъ лангс.

Каткась озась ды тустъ уеме. Пачкодсть пеле видьс, кискась мери.

— Невтика тень нудей роганть, кодамо сон.

— А невтьса,— мери каткась,— правтсынек кодаяк, вай ведентъ потмаксос.

— Невтик! — ранкстась кискась катканть лангс.

— А невьса, — кеместэ катка ашти эсь валонзо лангсо.

Кисканть кежензэ састь. Мери катканть:

— А невиндерясак, эсетькак ваявттан.

Каткась тей-тов пулосонзо яходи. Ваямодонть пели. Кие соды кодамо тесэ ведесь, паряк потмаксозояк арась. Кармась знялдомо кисканть икеле, кортамонзо, Кискась эсензэ соды:

— Невтик, шяйтанонь пуло! — ранкстась катканть лангс. — Нейке ваявттан. Туят веденть потмаксос, прок кев...

Каткась овсе пелезевсь. Панар потмозонзо сон кекшекшнize нудей роганть. Савсь таргамс.

— Вант! — мери кисканть.

Кискась эзь кенере варштамо, прась катканть кедьстэ нудей рогась ды тусь ведь потмаксос.

— Меринь ведь ваявтсынек! — кежень сазь ранкстась каткась.

Кискась пейдезевсь. Катканть седеяк пек кежензэ састь. Кода карми кисканть поремензэ. Берёков уемс верь потсо теизе.

Пачкодсть берёкс. Кискась лиссь, фестедизе лангстонзо веденть ды мадсь чинть каршо. Каткась озась пулонзо лангс ды кармась арсеме.

— Ней мезть тейнемс? — мери кисканть. — Тон, чаво колган, арсека аламодо хоть, кода ней таргасынек нудей роганть?...

Кискась эзь пшкадтькак каршонзо. Сонензэ эстензэяк апаро, ансяк а мезть тейнемс.

Катка мольсь веденть чирес ды ваны ведентень. Ваны — веденть чиресэ ракат зяро, мик а ловновитькак. Сон вансь, вансь лангозост ды кармась повсемест. Кундасы раканть, повасы ды ёртсы. Кундасы, повасы ды ёртсы. Пештизе берёконть повсезь ракадо. Ракатненень тюк сась. Весе тандадсть. Каткась лисема оля а кады тенст. Секень вант машты ракатнень племаст мастор лангсто. Ракатне пурнасть-сэрнясть ды ношкстасть покшост туртов ёвтамо. Покшосткак мик тандадсь. Весе народозо мерсь тердеманзо.

Састо лиссь ракань покшось берёконть. Весе сорны, истя пели. Весе пильгензэ анокстынзе. Бути мезе, каткась сонзэ лангскак а варшты, сестэ ношксты сон потазь, курок а сасасак. Сон аволь берянтнеде. Истя арсезь сон аламонь-аламонь яла ливти прынзо.

Каткась натой тандадсь, кода весе ракатне тукшность покшост кис. А мезть тейнемс сонензэ ульнесь. Ризнэме кармакшность. Ваны — ведьстэнть састо лиси покш рака, прызо кискань пряшка. Каткась потазевсь васня. Аламос аштесь-тейсь, ютась пелемазо. Анокстызе прынзо. Арси те ракантькак повамонзо. Аисяк кирнявтомо лангозонзо, ракань покшось пшкадсь:

— Шумбрачи теть, мастор лангонь внев зверь!

Катканть мельс валтнэ тусть. Лоткась, стявтынзе пилензэ

ды ваны ракань покшонть лангс. Ракань покшось пек энялдозь кармась кортамо:

— Катка патяй, мастор лангонь паро зверь! Мейс тон истя минек родонок эйсэ повсят?.. Весе цёранок цють эзить повсе. Ансяк аватне кадовсть. Марясак, кода авардить. Ульть паро ломань, катка патяй, ёвтык, мезень кис истя повсят родонок?.. Мезе тетя эряви?.. Ёвтык, мезе вешат, сень макссынек. Мезе теевтят, сень тейсынек.

Каткась мери:

— Монень мезеяк а эряви. Те ведентень ваясь минек нудей роганок. Азёдо таргинк сень ды туинк тей. А туиндерясынк, пародо а нетядо.

Ракань покшось мери:

— Аштек теск. Минь мольтяно вешнемензэ, парсте карма-тано вешнеме, паряк мусынек... Саизе весе родонзо ды чиезь ношкстасть. Каткась кедензэ боказонзо путынзе ды ваны. Учи кода тусызь нудей роганть.

Ракатне совасть веденть потмаксос. Вешнесть, вешнесть, весе кевтненьгак велявтизнь, косяк арась нудей рогась. Лиссть ведь потмаксонтъ, мольсть каткантень ды мерить:

— Катка патяй, арась яла, эзь муев нудей рогась.

Каткась пильгензэ стукадизе ды ранкстасть:

— Муинк! А муиндерясынк, сестэ кисканть марто симсынек весе веденть, леенть костясынек, тынк вейкенк пес повсетядызь!

Ракань покшось натой соракадсь, истя тандадсь.

— Адядо! — ранкстасть эсензэ родонтень. — Модат-човарт карматамо човорямо, нудей роганть ялатеке мусынек.

Таго ношкстасть веденть потмаксос. Весемеде икеле ракань покшось сонсь. Пачкодсть потмаксос. Вешнесть, вешнесть, весе ведь потмаксонтъ чувнызь, лееськак натой те чувномадонть мекевланк кармась чудеде. Нудей рогась яла арась. Виесткак маштсть ракатнень: конат-конат пильге лангстояк мик пракшность. Княк а кеми нудей роганть муемантень. Весе пелезевсть. Каткась ней оймест сайсынзе. Маштсы ракань родонтъ масторонтъ лангсто. Весе пурнавсть покшост перька ды авардить. Истямо шум кепететсь, натой весе ведь потмаксось кармась сорномо.

Кода иля аварде, сельведтнесэ апарось а валови. Сави куломс. Пряст нолтнизь ды сыргасть каткантень. Модемстэ палець вейкест-вейкест, простясть куломадо икеле. Вана кармась неявомо берёкось. Тосо ашти кежейдеяк кежей ды виевдеяк виев патясь — катка. Кодак лисить нудей рогавтомонтъ, эрямо эряви. Ежосткак маштсть, сынськак а содыть, ков молить.

Каткась учи, коморо потмонзояк сельгинзе. Кодак а тусызь нудей роганть, кирьга пакшост сезьнесынзе. Лиссть ракатне. Лоткасть ды сорныть. Конат-конат пильге лангсояк а аштевить, пракшность.

— Муинк? — мольсь каткась ракань покшонть икелев, тетькинзе толонь сельмензэ ды ваны. Сонсь сюрори коморонзо эйсэ.

— А...а...р...р...рась... — цяк ёвтавсь ракань покшонтень валось.

Катка цопадизе ракань покшонть кирьга пакшто ды кармась повамонзо.

Ракань покшонть сельмензэяк лангс лиссть, прок ракань. Чамазо весе сэньшкадсь. Кулома-ёмамо сась ракань покшонтень. Весе родозо пракшнось. Чамазост теевсь куломадо тандадомань апаро.

Се шкастонть веденть потмакссто кие-бути пижакадсь:

— Деда-а-ай, нудей роганть муия!..

Каткась нолдызе ракань покшонть. Весе ракатне ношкстасть веденть потмаксос.

Аламо шкань ютазь ракатне лиссть мекев. Весемеде икеле моли ракань покшонть вишка нуцьказо ды канды нудей роганть эйсэ.

Каткась саизе кедьстэст ды мольсь мартонзо кисканть ваксс.

Мадсь оймсеме. Ракатне саизь пельс кулозь покшост ды тусть мартонзо кудов. Каткась стясь, сёвность кисканть марто аламос, саизь пациненть марто нудей роганть ды ношкстасть тюрьмантень, косо ашти Сырьжа.

Сонензэ кадовсть кавто чить аштемс. Бути неть кавто читнень ютамс а мусы тейтеренть, ледьсызь. Каткась ды кискась ардсть тюрьмантень, куваяк а совавить. Мейле сынь кузсть кевень пиряксонть лангс ды кармасть учомо, кода ливтьсызь ушов Сырьжань.

Кувать учость. Обед шкане ливтизь Сырьжань ды ветить эйсэнзэ. Мельганзо молить кавто ломанть ружия марто. Каткась валгсь кевень пиряксонть лангсто ды састо мольсь Сырьжанень. Максынзе тензэ пациненть марто нудей роганть ды тусть кисканть марто кудов. Сырьжа пек кенярдозевсь. Кекшинзе зепезэнзэ пациненть марто нудей роганть ды сыргась тов, ков эйсэнзэ ветить.

Пек кенярдозь совась тюрьмантень. А учови тензэ пелевесь. Сась ве. Морасть пелевень атякштне. Сырьжа аламос аштесь, яходсь пацинесэнзэ колмо ёнов ды пижакадсь нудей рогасонть. Састь колоньгемень алятне.

— Мезе теть эряви, од цёра парочи? — кевкстизь Сырьжань. — Ёвтак, мейс тердимизь?

Сырьжа мери:

— Вана мейс тердидизь. Монь ульнесь ним. Сон оргодсь лия масторов, икелень алужонстэнь. Сонзэ тосто саинк ды туинк монень. Кона монь кудось ульнесь сонзэ пингстэ, сень теинк мекев, ды монськак се кудосонть улезан.

Алятне мерить:

— Азё мадть, мезеяк иля мелявто, кода мерить, истя ули.

Сырьжа мадсь. Валске стясь — эсензэ кудось. Низэ вакссон-зо. Сон панизе те нинть ды сайсь лия, бедной ломанень мазый тейтерь. Куроксто чачсь эйкакшост. Пек парсте кармасть эрямо.

19. СЫРЬЖА

Жили-были средь большого и густого леса в маленьком селе старик со старухой. Старик в лесных озерах ловил рыбу и этим кормил старуху. До самой старости у них не было детей. Кто был в этом виноват — неизвестно. Старуха винила старика, а старик — старуху. Много споров было по этому поводу, днем и ночью они молились богу, но детей не было.

И когда постарели, у них родился сын. Ребенок был очень красивый. Лицо его светло-красное, поэтому дали ему имя Сырьжа. С большой заботой они воспитывали его, никогда не оставляли одного. А однажды он упал было в озеро, так дед сам чуть не утонул, но вытащил его.

Сыну исполнилось двенадцать лет. Отец заболел и умер. Они стали жить с матерью. У них не было ни лошади, ни коровы. Жили очень бедно. Часто приходилось есть хлеб, испеченный из собранных в лесу желудей. Иногда мальчик ловил рыбу и угощал свою мать.

Мать пряла все время людям. Однажды за пряжу дали ей 20 копеек. Мать стала посылать сына на заработки, думала, возможно, что-нибудь принесет, он теперь уже не маленький. Дала ему 10 копеек и сказала:

— Иди, сынок, куда-нибудь на заработки. Только без денег не приходи домой. Сам знаешь, здесь мне придется голодать.

Сырьжа взял 10 копеек и ушел. Много мест он обходил.

Вот идет он по одному небольшому селению, навстречу ему идут дети. Видит — в руках одного из мальчиков кутенка. Сырьжа подошел к детям и спросил:

— Куда это несете кутенка?

— Думаем выбросить, — отвечают они.

— Зачем выбрасывать?

— Нам он не нужен.

— Подождите, — говорит им Сырьжа, — не выбрасывайте, продайте его мне.

— Купи.

— Сколько просите за него?

— Сколько дашь?

— У меня и денег только десять копеек.

— Отдашь все свои деньги, отдадим тебе кутенка, — говорят дети.

Отдал Сырьжа деньги и взял кутенка, а ребяташки посмеялись и ушли домой.

Сырьжа смотрел, смотрел на кутенка, повернулся и пошел с ним обратно в свое село. Дошел до своего дома. Вошел и

пустил кутенка на пол. Мать как увидела кутенка, стала ругать сына:

— Зачем это ты принес, бестолочь ты эдакий? Что ты с ним будешь делать? Чем накормишь? И самим-то есть нечего...

— Хорошо, хорошо, мама. Не шуми. Как-нибудь себя прокормим.

— Ну, ладно,— перестала ругаться мать.— На возьми пять копеек и снова иди на заработки. Да смотри, если придешь без денег, избыю и выгоню из дома.

Сырьжа собрался, взял деньги и ушел.

Много мест обходил. Опять очень далеко забрел. Проходит по селу. Видит — навстречу идут четверо ребятешек. В руках несут котенка. Сырьжа спросил:

— Куда это несете котенка?

— Выбросить думаем.

— Зачем выбрасывать?

— Он нам не нужен.

— Продайте его мне?

— Продадим,— обрадовались ребятешки.

— Сколько просите?

— Сколько дашь, столько и возьмем.

Сырьжа отдал им свои пять копеек и взял котенка. Детишки с радостью побежали домой. Он повернулся и опять направился к своему селу. Дошел до своего дома, вошел и пустил на пол котенка. Мать, как увидела котенка, даже чуть не избила Сырьжу. А потом и говорит Сырьже:

— Иди на заработки. Если еще так сделаешь, тогда не приходи домой, и близко к дому не допущу. Возьми вот последние 5 копеек. Сырьжа собрался и опять пошел на заработки. Долго он шел, далеко зашел. Проходит по одному мосту, слышит, под мостом шум. Посмотрел туда, а там мальчики бьют прутьями лягушку. Лягушка сюда прыгнет, туда прыгнет, никак не вырвется от них. Сырьжа спросил их:

— Что вы делаете?

— Лягушку бьем! — смеются дети.

— Зачем вы бьете ее?

— Воду чтобы не загрязняла.

А сами бьют ее, сами бьют. Лягушка даже на спину перевернулась, чуть живая, только ногами дрыгает.

— Не убивайте,— говорит Сырьжа,— я вам денег дам, идите домой быстрее.

Отдал им 5 копеек. Дети с радостью побежали домой. Сырьжа взял в руки лягушку и смотрит на нее.

Лягушка пришла в себя и говорит Сырьже:

— Как теперь тебя отблагодарить?

Сырьжа говорит:

— Как желаешь, так и благодари.

— Пойдем, я возьму тебя на дно реки. Там есть у меня

отец. У него денег много, три кошель. Будет давать из одного кошель, медные,— не бери; будет давать из другого кошель, серебряные,— не бери; будет давать из третьего кошель — и эти не бери. В четвертом кошелье тростниковая дудка и платочек. Вот это ты и проси у него,— говорит лягушка.

— Хорошо,— отвечает ей Сырьжа.

— А теперь закрой глаза.

Сырьжа закрыл глаза, и они спустились в воду. Плыли, плыли, доплыли до дна.

— Открой глаза,— говорит лягушка.

Сырьжа открыл глаза и видит — сидит он в хорошо убранном, светлом доме. Перед печкой на чурбаке сидит громадная, как медведь, лягушка-отец. Лягушка, которая привела Сырьжу, говорит:

— Отец, вот сельский гость к нам пришел.

А отец отвечает:

— Какой гость?

— Большой гость, отец. Он меня от смерти спас.

— Как так от смерти спас?

— Меня было убили ребяташки. Видишь, и голова, и лицо разбиты. А он заступился за меня. Даже деньги им отдал, чтоб они не били меня. За это нужно заплатить ему.

Отец вышел во двор, взяв с собой и Сырьжу. Открыл один кошель, взял медных денег и стал отдавать Сырьже. Сырьжа говорит:

— Эти мне не нужны.

Открыл другой кошель, взял серебряные деньги. Стал отдавать — и эти не берет.

Подошел к третьему кошелью, открыл, взял золотые деньги. Стал отдавать — и эти не берет.

Тогда он и говорит ему:

— Что ж тебе нужно?

Сырьжа отвечает:

✓ — Твой ребенок сказал, чтобы я просил тростниковую дудку и платочек. Ты отдай их мне.

— Нет. Их я никому не отдам.

Вернулись они в комнату. Лягушка, которую Сырьжа отнял у ребяташек, говорит отцу:

— Что ты дал ему, отец?

— Ничего не дал.

— Почему?

— Он деньги не берет.

— Что же он хочет?

— Да что... сама знаешь, тростниковую дудку и платочек.

— Отдай, отец,— говорит маленькая лягушка.— Или на тростниковую дудку и платочек меня сменяешь?

Отец помолчал немного, потом говорит:

— Ладно. Только иди отдай сама их.

Пошли они вдвоем, и лягушка отдала ему тростниковую дудку и платочек.

— Когда будет полночь, махни платочком в трех направлениях и заиграй на дудке. К тебе придут тридцать молодцев. Что попросишь — то и дадут, что захочешь — то и сделают. Теперь иди. Глаза закрой и пльви.

Сыръжа вышел на берег и пошел. Шел он очень долго, наконец дошел до дома. Зашел в избу. Мать радостно спросила:

— Сыръжа, сынок, много денег принес?

— Я денег не принес, — отвечает Сыръжа.

— Что же ты принес?

— Вот тростниковую дудку и платочек.

Мать опять начала бранить:

— Для чего же опять ты это принес, нузякс киска?¹

— Мне, мама, теперь денег не нужно. С этими вещами я и без денег проживу.

— Да не болтай! Скажи же, что это? Что с ними будешь делать?

— Что? Что хочу, то и заставлю сделать, что мне нужно, то и попрошу.

— Как так? — удивилась мать.

— А так. В полночь выйду на крыльцо, махну платочком в трех направлениях, заиграю на дудке, и придут ко мне 30 молодцев. Что скажу им, то и сделают, что попрошу, то и дадут.

— Это очень хорошо, сынок, — обрадовалась мать. — На завтра прежде всего попроси хлеба.

Смерклось. Ночь была темной. У них и хлеба не было, легли спать без ужина. У Сыръжи урчит в животе. В полночь он проснулся и вышел во двор. Махнул трижды платком и заиграл на тростниковой дудке. С быстротой молнии перед ним явились тридцать молодцев и спросили:

— Добрый день тебе, из лучших лучший молодец! По какой надобности вызвал нас, что тебе нужно?

— Вот что, молодцы, — говорит им Сыръжа. — У нас в доме хлеба нет. Принесите побольше хлеба.

— Иди спи и ни о чем не думай. До утра всё будет сделано, — ответили молодцы.

Сыръжа вошел опять в избу и лег спать.

Утром мать встала и видит — прилавок полон хлеба. Она стала будить Сыръжу:

— Сыръжа, вставай, посмотри-ка, сколько у нас хлеба!

Сыръжа встал, смотрит — на самом деле прилавок до потолка заставлен хлебом.

Сели они завтракать. Едят да сами смеются: на душе уж очень хорошо. Позавтракав, они вышли на улицу. Сыръжа и говорит матери:

¹ Ругательное выражение — ленивый пес.

— Что теперь еще заставить их сделать, мама?

Мать посмотрела на дом. Дом стал ветхий, вот-вот развалится.

— Надо,— говорит,— сынок, попросить дом отремонтировать.

В полночь Сырьжа снова проснулся, взял платочек, тростниковую дудку и вышел во двор. Махнул платочком в трех направлениях и заиграл на дудочке. Появились тридцать молодцев и говорят Сырьже:

— Добрый день тебе, из лучших лучший молодец! Зачем попросил нас, что нужно тебе?

Сырьжа говорит им:

— Вот смотрите, дом разваливается. Сделайте домик немного получше, ну, наподобие вот этого дома,— сам показал на напротив стоящий хороший и большой дом богача.

Молодцы ответили ему:

— Иди спи, не горюй. До утра всё будет готово.

Сырьжа пошел в избу и лег. Скоро уснул крепким сном. Утром мать встала и испугалась:

— Сырьжа, сынок, куда это мы с тобой попали? Пойдем поскорей отсюда, а то хозяева изобьют.

— Что пугаешься? — говорит Сырьжа.— Это наш дом. Я в прошедшую ночь заставил построить такой дом. И никуда мы отсюда не пойдем.

Мать глазам своим не верит.

— Ой,— засмеялась мать,— видимо, на самом деле, что скажешь, то и сделают, что попросишь, то и дадут.

Позавтракали они и опять вышли на улицу. Радуются оба. Теперь у них хлеб есть, дом новый есть, куда ни пойдет Сырьжа, везде песни запевают. Так прошел еще день, Сырьжа и думает: «Что же теперь попросить у молодцев? Что же теперь нам нужно?» Думал, думал, ничего не придумал. Уже к вечеру в голову пришла мысль:

«А одеть-то на себя нечего и спать-то нам не на чем. Нужно, пожалуй, попросить одежду и постель».

Поужинали мать с сыном и легли спать. В полночь Сырьжа проснулся, взял платочек и тростниковую дудку, вышел во двор, махнул платочком в трех направлениях и заиграл на дудке — тут же явились тридцать молодцев и говорят:

— Добрый день тебе, из лучших лучший молодец! Зачем попросил нас, что нужно тебе?

— Посмотрите на меня, мне нечего одеть. У матери тоже нет одежды. Нет и постели, на соломенных циновках спим. Все это нам нужно побыстрее.

— Ложись спать и не горюй ни о чем,— сказали ему молодцы.— Утром всё будет готово.

Сырьжа вернулся и лег спать. Утром мать проснулась, смотрит — лежит она на мягкой постели, под головой мягкие

подушки и накрыта она мягким теплым одеялом. Мать посмотрела на сына, и тот спит на такой же постели. Не вытерпела она и разбудила:

— Сырьжа, сынок, посмотри-ка, на чем мы спим и какая одежда на нас. Это откуда всё?

— Я знаю, откуда. Сам попросил,— сердито ответил Сырьжа.— Не шуми, дай мне немного отдохнуть.— Повернулся на другой бок и снова уснул.

И мать опять легла. Спали они долго. Затем встали, поели, и Сырьжа вышел на улицу. Сел на зеленую травку и думает: «Что же теперь просить?» Думал, думал и ничего не придумал такого, что бы могло пригодиться. Он услышал, как проходящие мимо него люди говорили, будто бы барин выдает свою дочь замуж. И только вечером, когда он сидел на крыльце и опять думал, что бы ему еще попросить, у него появилась мысль: «Жениться мне надо». Он вошел в избу, сел у стола и говорит матери:

— Садись и слушай, что я буду говорить.

Мать села, смотрит на сына, ждет, что будет он говорить.

Сырьжа сказал, что он хочет жениться, и стал посылать свою мать к барину. Мать говорит:

— Пойдет ли за тебя барыня?.. Зачем о ненужном говорить? Иди вон бегай по улице, не болтай языком без дела.

— А может быть, пойдет,— не отступает от своего Сырьжа.— Все-таки сходи.

— Хорошо, утром схожу. Видишь, уже смерклось.

Всю ночь Сырьжа думал о женитьбе. Утром встал, мать уже собралась к барину: одела со сборами новый зипун, нарядную рубашку, прицепила пулай в золотых погремушках. Пришла она к барину и говорит:

— Я слыхала, ты выдаешь свою дочь замуж?

Барин искоса посмотрел на нее и отвечает:

— Выдаю.

— За моего сына не выдашь? — спросила она.

— Почему не выдам, выдам. Только ваш дом должен быть как мой и от вашего крыльца до церковного должен быть стеклянный мост. По обе стороны моста пусть будут большие реки. По берегам рек будут фруктовые сады. На ветках яблонь пусть будут сидеть птички разного цвета и петь на сотни голосов. Когда взятая вами моя дочь будет идти под венец, яблони должны цвести, а птицы петь на разные голоса. Когда будут проходить после венчания, яблоки должны созреть и быть разложены по золотым тарелкам. Птицы должны петь веселые песни. Весь мост должен колыхаться.

— Хорошо,— говорит старуха.— Тогда я пойду. Будьте здоровы! — И ушла домой.

Вошла она в избу и говорит сыну:

— Разве он за тебя, за полоумного, отдаст свою дочь?..

Барин вот что мне сказал: дом, говорит, пусть будет как мой, от вашего крыльца до церковного крыльца был бы стеклянный мост. По обеим сторонам моста протекали бы реки, по берегам рек — фруктовые сады. Когда будете идти под венец, пусть яблони зацветут, будете проходить после венца — яблоки были бы зрелыми и разложены в золотые блюда...

Выслушал сын и говорит:

— Это для меня, мама, ничего не составляет.

Смерклось. Быстро поужинали и легли спать. В полночь Сырьжа проснулся, встал, взял платочек, тростниковую дудку и вышел во двор. Махнул платочком в трех направлениях, заиграл тростниковой дудкой — тут же явились тридцать молодых и говорят:

— Добрый день тебе, из лучших лучший молодой человек! Зачем вызвал, что тебе нужно?

— Вот зачем, — с горестью и страданием стал говорить Сырьжа, — думаю я жениться. Слыхал, барин выдает свою дочь. Хочу взять её в жены. Посылал к барину свою мать сватать. Он говорит ей: «Пусть будет у вас дом, как у меня. От вашего крыльца и до церковного был бы стеклянный мост. По обеим сторонам моста были бы реки, по берегам — яблони. Когда будем идти венчаться — яблони должны цвести; будем идти обратно — должны поспеть яблоки и быть собраны в золотые блюда. И все это нужно сделать быстро!»

— Иди, ложись, — говорят молодцы, — ни о чем не думай. Утром встанешь — всё будет готово.

Сырьжа ушел и лег спать. Утром проснулась мать, разбудила Сырьжу и говорит:

— Сырьжа, сынок, вот диво: посмотри-ка, это у нас опять новый дом!

Сырьжа встал, умылся, с удовольствием осмотрел дом. После завтрака он прошел вокруг дома по стеклянному мосту, затем и говорит матери:

— Пойдем теперь, мама, за боярской дочерью.

Шли долго. Наконец дошли до барского дома.

— Мама, что же я теперь буду ему говорить? Научи меня.

— Да говори что-нибудь, — сердито сказала мать. Она устала, пройдя такую даль.

Вошли они, поздоровались и сели под матку. Сырьжа говорит барину:

— Как же, из лучших лучший барин, выдашь свою дочь за меня замуж?

— Почему не выдам? — смеется барин. — Сделал такой дом и мост, какие я велел сделать твоей матери?

— Если бы не сделал, не пришел бы, — с бахвальством и гордостью сказал Сырьжа.

Барин растерялся.

— Не обманываешь? — спросил он Сырьжу.

— Иди посмотри,— также гордо ответил Сырьжа.

Барин подумал, подумал, делать нечего. Говорит Сырьже:

— Хорошо, выдам. За такого человека нельзя не выдать.

Устроили свадьбу. Барин угостил родню, попрощался с дочерью и со всей родней и проводил их на своих лошадях. Ехали, ехали, много проехали, доехали до дома Сырьжи. Видят — стеклянный мост блестит, как солнце. Вошли в дом, немного покушали и по стеклянному мосту пошли венчаться. По сторонам цветут яблони, покрытые словно белым снегом. Дошли до церкви, обвенчались. Идут обратно, смотрят — яблоки все созрели и собраны в золотые блюда. Дочь барина говорит:

— Я возьму одно яблоко.

Сырьжа возразил:

— Не надо. Дома их много приготовлено, и те девать некуда.

Пришли домой. Дом полон людей: девушки, парни, женщины. Играют, пляшут, поют. Вечером все гости разъехались. Некоторые остались здесь, в доме. Места много, куда хочешь ложись.

Сырьжа и барская дочь легли спать во дворе, в хлеву. Полежав немного на постели, барыня говорит:

— Сырьжа, мой ненаглядный, скажи-ка, как ты разбогател?

— Не скажу,— отвечает Сырьжа.

— Почему же не скажешь?

— Боюсь.

— Чего?

— Ты обманешь меня.

— Зачем же буду обманывать? — обняв Сырьжу, сказала барыня.— Я для тебя не какая-нибудь незнакомка... Я ведь твоя жена, люблю тебя.— Сама обнимает его.

Сырьжа не удержался, раскрыл тейник души:

— Хорошо же, скажу. Смотри, если обманешь, никогда больше верить не буду.

— Зачем же я обману тебя? — успокаивает она парня.

— Слушай же,— начал Сырьжа.— У меня есть платочек и тростниковая дудка. В полночь я выйду с ними во двор, махну платочком в трех направлениях и заиграю в тростниковую дудку. После этого ко мне приходят тридцать молодых, что я скажу им, то и сделают, что попрошу, то и дадут.

— А мне платочек и дудочку будешь давать? — спросила барыня.

— Конечно, почему не дам? Только смотри не потеряй.

— Как же я их потеряю? Я ведь не маленькая.

Светало. Все встали. Женщины готовили завтрак. Позавтракав, Сырьжа со своей женой пошел гулять по саду. Он еще

молод, не знает, как и о чем говорить с женой. Идет, смотрит по сторонам. Барыня даже стала скучать. Она думает про себя:

«Что будешь делать с таким мужем? С ним от скуки по-мрешь. Как я теперь с ним буду жить?..» Сама даже заплакала. Но Сырьжа это не заметил, разинув рот, он наблюдает, как птицы летают над деревьями.

Гуляли они до самого вечера, не приходили и обедать. Вечером пришли, поужинали и легли спать — теперь уже в избе. Постелили им хорошую, мягкую постель. Сырьжа как лег, тут же уснул. А барыня лежала, лежала и встала. Взяла платочек с тростниковой дудкой, думает: «Что бы теперь сделать? Он, видишь, спит словно мертвый и не поласкает меня. Пожалуй, лучше уйти отсюда к любовнику в другую страну?»

Настала полночь. Она взяла платочек, дудку и вышла во двор. Махнула платочком, заиграла на тростниковой дудке — и тут же явились к ней тридцать молодых и говорят:

— Добрый день, барыня! Зачем позвала нас?

— Вот что нужно, — сказала девушка. — В другой стране у меня есть хороший любовник. Надо мне быстрее быть там. А Сырьжу сделайте таким, каким он был раньше, чтоб и дом был бы у них такой, как и прежде.

Молодцы говорят:

— Иди ложись, ни о чем не печалься. Как сказала, так и будет.

Вошла она в дом и легла спать. Утром проснулась в объятиях любовника, в другой стране. Так обрадовалась, что не выразить словами. Обняла его и давай целовать.

Сырьжа проснулся, а под ним гнилая соломенная циновка, под головой деревянный чурбак, сам голый, не покрытый. Рядом с ним спят собака с кошкой, которые куплены им у детей. Обе проснулись и жалобно смотрят на своего хозяина.

Сырьжа встал, видит, дела плохие. Он догадался, что жена его обманула. Попросил старые штаны, рубашку, одел и с болью в душе стал ходить по старой избе. Он ужасно проголодался, подошел к прилавку, посмотрел, а там и хлеба нет. Мать на печке плачет и обвиняет сына. Вышел Сырьжа на улицу, сел на камень около избенки и задумался. В это время барин надумал приехать в гости к Сырьже и навестить свою дочь. Приехал, смотрит — нет ни дома, ни стеклянного моста. Он уви-дел Сырьжу. Подошел к нему и спросил:

— Куда ты дел мою дочь?

— Кто знает... где она. Не знаю, куда ушла... — сквозь слезы проговорил он.

— Как так не знаешь?! — крикнул на него барин. — Я покажу тебе «не знаю». Я покажу, как обманывать таких, как я!

Сырьжу забрали и увели с собой. Мать в слезах осталась одна у ворот.

Кошка с собачкой, которых Сыръжа купил у ребяташек, к этому времени подросли. Они ушли в укромное место, говорят: — Ты догадалась, зачем взяли нашего хозяина? — спросила кошка собаку.

— Нет, — говорит собака.

— Жена его убежала, платочек с тростниковой дудкой тоже с собой утащила.

— Это как же так? — удивляется собака.

— Пойдем искать, — говорит кошка.

— Пойдем.

Сыръжу привезли во двор к барину, затем посадили в тюрьму и сказали ему:

— Даем тебе времени 25 дней. Если за это время не найдешь барыню — расстреляем.

Сыръжу поместили в маленькую камеру, даже повернуться нельзя. «Как теперь найдешь барыню? Что делать? Видимо, пропадешь ты, Сыръжа». Вспомнил он свою мать-старуху, еще хуже расстроился.

В это время кошка с собачкой бегают, ищут барыню. Бежали, бежали, добежали до большой реки, больше, чем река Сура. Кошка говорит:

— Я ведь плавать не могу.

— Я умею, — говорит собака. — Садись быстрее на меня и поплывем на ту сторону.

Села кошка на собаку, и поплыли они. Доплыли до другого берега и снова бежать. Так бегут, только пыль столбом. Бежали, бежали, добежали до другого государства. Вот видят — дом большой, хороший. Догадались, что это дом любовника барыни. Кошка говорит собаке:

— Ты ложись на крышу и до моего прихода никуда не ходи.

Собака легла. Кошка подошла к двери и стала мяукать.

Дверь ей открыли и впустили. Смотрит — в избе на липовой кадучке сидит баба-яга. Кошка знает, что в этой кадучке платочек с тростниковой дудкой.

Баба-яга, как только увидела кошку, благим голосом закричала:

— Ой, это нехорошая кошка! Возьмите ее отсюда быстрее! Вон там, в большой реке, есть яр, киньте ее в этот яр, пусть она утонет.

Кошка не успела выбежать. Ее быстро поймали, принесли к этому яру и бросили. Плавать она не умела и утонула. Дошла до дна, видит — там крысы. Как начала их душить: поймают — задушит, поймают — задушит.

Крысы видят, что дела никуда не годятся, того и гляди кошка уничтожит весь род, все племя. Они быстрее сообщили своему главному. Пришла старшая крыса с большим, как бочка, брюхом, чуть идет, и ноги гнутся под большим туловищем. Кошка даже испугалась. Старшая крыса говорит:

— Добрый день... уважаемая сельская кошка!

Кошка подняла хвост и, словно змея, сгибает и разгибает его. Она думала броситься на старшую крысу. Когда услышала мирный разговор, села на свой хвост и стала слушать. Главная крыса говорит:

— Ты зачем так душишь наш род? Сколько сирот уже оставила, ох, кормилица-мать!.. Скажи, что тебе нужно? Если что надо, скажи быстрее, мы сделаем. Только перестань истреблять нас, а то разоришь всю нашу страну.

Кошка улыбнулась, погладила свои жесткие усы и говорит им:

— Мне вот что нужно: выведите из воды и пошлите со мной трех крыс. У меня там есть одно дело для них.

Крысы обрадовались. Взяли кошку, вывели из воды и послали с ней трех крыс.

Подошли они к тому дому. Посмотрели на крышу, собака все спит. Повела она крыс в потайное место и стала их поучать:

— Я пойду за дверь и жалобно буду мяукать. Они меня впустят. В это время побыстрее входите за мной. В избе есть большая липовая кадка. На этой кадке сидит старая баба-яга. Она охраняет кадку. В ней находятся платочек и тростниковая дудка. Их нам как-нибудь надо утащить. Вот вы, две крысы, пойдете за эту липовую кадку и будете грызть ее. Когда прогрызете дыру, через которую можно протащить тростниковую дудку, тогда третья крыса поднимется на грудь к бабе-яге и свой хвост вставит ей в ноздри. Баба-яга сначала будет чихать, затем будет кашлять так, что лишится сознания. В это время вы вытащите платочек с тростниковой дудкой и бегите из дому. Затем отдадите мне платочек с дудочкой, а сами идите домой, в речку. А мы с собакой пойдем туда, куда нам нужно.

Так и сделали. Кошка подошла к двери и замаякала. Открыли дверь и впустили ее в избу. Крысы за ней молнией проскочили. Смотрят — на кадушке баба-яга спит. Две крысы быстро побежали за кадку. Прогрызли ее. Третья крыса поднялась на грудь бабы-яги и свой хвост вставила ей в ноздри. Баба-яга стала чихать. Крыса еще больше просунула хвост. Баба-яга так начала кашлять, даже сознания лишилась... Крысы побыстрее вошли в кадку, взяли платочек с тростниковой дудкой и опрометью бросились из дому.

Выбежали. Отдали кошке платочек с тростниковой дудкой и сами помчались к речке. Кошка побежала к собаке на крышу, разбудила её.

— Как, что-нибудь вышло? — протирая глаза, спросила собака.

— Вышло! — с гордостью ответила ей кошка. — Если я возьмусь — дело будет! Пойдем быстрее!

Добежали до речки. Собака говорит кошке:

— Садись на меня.

Кошка села, и поплыли. Доплыли до середины, собака говорит:

— Покажи-ка мне тростниковую дудку, какая она.

— Не покажу,— говорит кошка,— уроним еще, и пойдет ко дну.

— Покажи! — крикнула собака на кошку.

— Не покажу!

Собака рассердилась. Говорит кошке:

— Если ты мне не покажешь, я тебя утоплю.

Кошка туда-сюда машет хвостом, утонуть боится. Кто знает, какая здесь глубина, может быть, и дна нет. Стала просить собаку, уговаривать. А собака настаивает на своем:

— Покажи дудку, а не то пойдешь ко дну, как камень...

Кошка совсем струсила.

— Смотри! — сказала она.

Собака не успела взглянуть, тростниковая дудка упала из лап кошки и пошла ко дну.

— Сказала ведь — уроним! — со злостью крикнула кошка. Собака засмеялась. Кошка еще сильнее обозлилась. Как вонзила когтями в собаку и давай ее кусать. Пока доплыли до берега, собака вся стала в крови. Выскочила собака, стряхнула с себя воду и легла на солнышке.

Кошка села на хвост и говорит:

— Что теперь будем делать? Как достанем тростниковую дудку?

Собака ничего не ответила. Ей и самой нехорошо, только делать нечего.

Кошка подошла к самому берегу и смотрит в воду. Видит, у берега столько раков, что не пересчитаешь. Смотрела, смотрела она на них и давай их душить. Поймает — задушит и выбросит. Поймает — задушит и выбросит. Забросала весь берег мертвыми раками. Испугались они. Кошка не дает возможности им выходить. Того и гляди уничтожит все племя.

Раки подумали и решили пойти к своему главному — сказать о случившемся. Главный даже испугался слова «кошка». Все стали просить его помочь им. Главный рак весь дрожит, боится.

Вот видит кошка — из воды тихонько вылазит большой рак, голова величиной как у собаки. Кошка сперва попятилась. Потом овладела собой и думает: «Задушить и этого рака». Только хотела на него броситься, главный рак заговорил:

— Добрый день, сильнейший зверь на земле!

Кошке понравились эти слова. Встала, насторожила уши и смотрит на главного рака.

— Добрая кошка, хороший зверь на земле! Зачем ты уничтожаешь наш род?.. Чуть не всех мужчин наших истребила. Только женщины остались. Слышишь, как плачут? Будь хоро-

шим человеком, кошка, скажи, за что душишь наш род?.. Что тебе нужно? Скажи, что надо — то и дадим. Что скажешь — то и сделаем.

Кошка говорит:

— Мне ничего не надо. В этой реке утонула наша тростниковая дудка. Идите вытащите ее и принесите сюда. Не принесете — хорошего не увидите.

Главный рак говорит:

— Подожди здесь. Мы пойдем искать, может, найдем...

Раки спустились на дно реки. Искали, искали, переверочали все каморки, нигде нет тростниковой дудки. Поднялись со дна, подошли к кошке и говорят:

— Сестрица-кошка, нет, не нашли тростниковую дудку.

Кошка как крикнет:

— Найдите! Если вы не найдете, тогда с собакой выпьем всю воду, высушим реку и вас всех до одного передушим.

Главный рак так испугался, даже вздрогнул.

— Пойдемте! — крикнул рак своему роду. — Все дно перешвыряем снова, но все равно найдем тростниковую дудку.

Опять они отправились на дно. Впереди всех самый главный рак. Искали, искали, все дно раскопали, даже река от этой копки потекла в обратную сторону, но тростниковой дудки нет. Раки все обессилели, некоторые даже на ногах не могли стоять. Никто уже не верил в то, что найдется тростниковая дудка. Все боялись: теперь кошка всех их передушит. Сотрет с лица земли их род. Все собрались вокруг главного и плачут. Но, как ни плачь, слезами горе не зальешь, придется умирать. Понурые, они тронулись к кошке. Вот уже виден берег. Там сидит из злых злой, из сильных сильный зверь — кошка. Как только выйдут они без тростниковой дудки — жизни конец.

А кошка ждет их. Вышли раки. Встали перед кошкой и дрожат.

— Нашли? — вытаращила кошка свои огненные глаза на главного рака.

— Н-н-н-ет, — еле выговорил он.

Кошка схватила главного рака за горло и стала душить. У главного рака и глаза выкатились. Все лицо посинело.

И вдруг кто-то со дна крикнул:

— Дедушка, нашел тростниковую дудку!..

Кошка тут же отпустила главного. Остальные раки бросились ко дну. Прошло немного времени, они вновь вышли на берег. Впереди идет младший внук главного рака, несет тростниковую дудку. Кошка взяла дудку и пошла с ней к собаке. Легла отдохнуть. Раки схватили полумертвого главного и отправились с ним домой. А кошка с собакой взяли платочек с тростниковой дудкой и помчались к тюрьме, где сидит Сырьжа.

Ему осталось сидеть два дня.

Если за эти два дня он не найдет барыню, его расстреляют. Кошка с собакой добежали до тюрьмы — войти никак нельзя: закрыты ворота. Тогда они поднялись на каменную изгородь и стали ждать, когда выведут Сырьжу на улицу.

Ждали долго. В обед вывели Сырьжу и повели его. За ним два человека идут с ружьями. Кошка слезла с каменной изгороди и тихонько подошла к Сырьже, отдала ему платочек с тростниковой дудкой, и ушли с собакой домой. Сырьжа очень обрадовался. Спрятал в карман платочек с тростниковой дудкой.

Ждет не дождется Сырьжа полночи. Вот пропели полуночные петухи. Сырьжа немного подождал, затем махнул платочком в трех направлениях и заиграл на тростниковой дудке.

— Что тебе нужно, молодой человек? — спросили молодцы Сырьжу. — Скажи, зачем вызвал нас?

Сырьжа отвечает:

— Вот зачем вызвал. У меня была жена. Она убежала в другое государство к своему любовнику. Оттуда её возьмите и привезите ко мне. Тот дом, который у меня был при ней, сделайте вновь, и я пусть буду в том доме.

Молодцы говорят:

— Иди ложись, ни о чем не тужи. Как сказал, так и будет.

Сырьжа лег спать. Утром встал — в своем доме, жена возле него.

Он выгнал эту жену и выбрал себе из бедных красивую девушку. Скоро родился у них ребенок. Они очень хорошо стали жить.

20. АЛЁШКА ДЫ ВАНЮШКА

Эрясть сынь атят-бабат, ульнесть сынст кавто эйкакшост. Покшонть лемезэ Алёшка, омбоценть Ванюшка. Эрясть сынь — аваст кулось. Ну, пакшатне мерить:

— Тетяй, сайть од ава.

А тетясь мери:

— Эх, цёрам, мон бу саевлинь, монень вадря ули, тыненк а вадря ули.

— Эх, тетяй, тонеть вадря, а миненек кавксть, — мерить эйкакштне.

Тетясь сайсь од ава. Бабась мери:

— Бути эйкакшот ёмавтсыть, дурак атя, — карман эрямо, а ёмавтсыть — а карман.

Ну, тетясь арсесь-тейсь, савить ёмавтомс. Алёшка ды Ванюшка марясть ёмавтомасо кортамонть эйстэ. Алёшка мери:

— Ну, брат, минек ёмавтсамизь. Тон мертть печкемс сараз, ярсатано ды мейле несынек, мезть тейнемс.

Ёвтасть кудосо, авась мерсь. Эйкакштне кундызь саразонть ды сонзэ тутмасонзо сёрмадозь: «кона монь седеем-максом

порьсынзе, сень богатырень вий карми улеме». Эйкакштне од аванть мерить:

— Авай, миненек кадт саразонь сывель.

Эйкакштне састь налксемстэ — саразось сэвезь. Эйкакштне мерить:

— Авай, дай саразонь сывель.

— Минь сэвинек.

— Чей седеензэ-максонзо кадовсть? — кевкстнить эйкакштне.

— Кадовсть, ямоськак кадовсь зярыя, — мери авась.

— Миненек теяк саты.

Сынь ярсасть, тетясь кильдсь алаша ды мери:

— Аядо, цёрам, вирев, ней ярсавинек.

— Адя, бути ускомонок арсить.

Тетясь ускинзе сынст вирев ды мери тенст:

— Ну, цёрат, тынь тесэ бороцядо, а мон молян оно тосо пенгинеть керян, — ёвтась истя атясь ды тусь ардозь.

Неть бороцясть, бороцясть, чись эль чопоти. Мольсть, косо тетяст пенгть керсесь — сон тосо арась. Ну, сынь, кавто братт, кортыть:

— Ну, ней ков мольтяно, брат?

Ванюшка мерсь Алёшканень вешнеме ки. Алёшка вешнесь, вешнесь, кинть эзизе муе, сась мекев.

— Ну, брат, муевсь кись?

— Арась.

— Ну, брат, аштек теске, мон молян ки вешнеме.

Тусь Ванюшкась ки вешнеме. Вешнесь, вешнесь — мусь яннэ, сась Алёшканень ды мери:

— Ну, брат, мон муинь тюжа ян.

Сынь се яннэнтэ эзга тусть. Ков яннэсь — сыньгак тов, ков яннэсь — сыньгак тов. Яннэсь валгсь латкс, латкось покштояк-покш. Якасть, якасть латконтэ кувалт — мусть землянка. Се землянканть вакссо комсь нилее зверть: ривезть, овтт, верьгизт, нумолот ды лият. Эйкакштне ютасть звертнень вакска, панжизь землянка кенкшенть, тосо ашти атя. Те атясь ульнесь волшебник. Эйкакштне варштасть лангозонзо ды тандадсть, ёжост сынст маштсть. Сутка сынст арасель ёжост. Суткадо мейле сынь живиясть, атясь тенст мери:

— Ну, цёрам, мон тынк кастадызь, кулан — калмасамизь.

Сон сынст тринзе, андынзе-симдинзе пек вадрясто, а кода кармась куломо, мери:

— Мон тынк баславатадызь, звертнень явсынть кавтов. Ну вот, монь улить силачень кавто сурксон, канеде сынст сурсонк. Вот бути Алёшкась кулы, то Ванюшкань сурксось раушкады, а бути Ванюшкась кулы — Алёшкань сурксось раушкады.

Атясь кулось, калмизь. Сынь звертнень явизь кавтов; тенень — овто, сенень — овто, тенень — ривезь, сенень — ривезь, тенень — верьгиз, сенень — верьгиз... Лиссть землянкастонть,

кундызь верест ды тусть пандо прыв. Сеске виест кассь. Алёшка мери:

— Вот, брат, бути улевель циндерь кольца модантень кемекстазь, мон моданть прынзо лангс велявтовлия.

— Монгак истяня, брат.

Ды сынъ сыргасть, кавто братт. Пачкодсть киулос, киулонтъ эйсэ столба, се столбасонтъ сёрмадозь: «Кие туи витев, се кулы, кие-кершев, се карми улеме инязоркс». Сынъ каясть чувтсо, сатотсь Алёшкантень куломань кись, Ванюшканень — инязорксчись. Сынъ авардсть, простясть ды тусть кавто пелев, явсть.

Пачкодсь Алёшка ошс, сон кевкстсь сехте крайсэ кудынесэ удома тарка.

— Бабай, нолдамак удомо!

— Нолдавлитинь, цёрам, но звереть ламо, а ков пекстамс.

— Оно, бабай, кардазот.

— Сон кенкштеме.

Алёшка кепедизе кардо уголонтъ, нолдынзе тозонь зверензэ. Совась бабантень удомо.

— Эй, бабай, мекс ошонтъ тона песэ лайшить авардить, а те песэ киштить морыть?

А бабась мери:

— Валске инязоронь тейтерь ускить моря чирев кото прясо гуйнень сэвемс.

Алёшка мери:

— Бабай, мон мадян, кодак ютавтсызь инязоронь тейтерентъ ульцява,— стявтомак. Валсо иля стявт, вана тетъ гиря, нолдык сонзэ прям лангс.

Мадсть. Тейтерентъ ютавтызь каретасо. Бабась чарась-чарась. Гирянтъ нолдызе Алёшкань пряс. Сон сеске стясь.

— Эх, бабай, зярс удовинь!

— Ютавтызь, цёрам, тейтерентъ.

Алёшка сайсь мартонзо кото зверть. Мольсь моря чирес, тейтересь тосо балкон прясо. Тейтерентъ марто мольсь татар, куйсь татарось осокорь пряс. Алёшка мери:

— Мезть, од тейтерь-парочи, авардят?

— Секс авардян, од цёра парочи: монь нильсамам кото прясо гуй!

— Ну, иля аварде, мон кодаяк сонзэ маштса.

— Се паронтъ теиндерясак, пель царства тонеть максыть.

Ну, аламос аштеть, морясь кармась валновомо, гуесь кармась лисеме. Гуесь лиссь, Алёшка тензэ мери:

— Мень апарат тезэнь лисить?

Гуесь Алёшканень ответи тень каршо:

— Мон вейке вешинь поремс, монень макссть колмо.

— Можот вейкентъ эйсэяк лепият,— мерсь Алёшка.

— Монь каршо бути саты виесь Алёшкань, но тезэнь сонзэ навоз лавонзояк а пачкодить.

— А можот те Алёшкась мон.

Вот сынъ каясть чувтсо, васенцекс сатотсь вачкодемс гуентень. Кодак гуесь вачкодизе Алёшкань, Алёшка пильге лапа видьга пезнась модас, кодак Алёшка палкасонзо ахолдызе гуенть-колмо прят керясь. Омбоцеде ахолдызе — остаткатнень керинзе, сонськак Алёшка куманжава модас пезнась.

Алёшка лиссь мода потсто, гуень прятнень-серькатнень путынзе балкон ваксс покш кев алов. Пурнынзе-сэрнинзе сынст, тейтересь валгсь балкононтъ прясто, Алёшка мери тензэ:

— Давай монень именной сурксот.

Тейтересь максызе. Алёшка кунцинзе зверензэ ды тусь бабинентень. Те шкане татарось валгсь осокорь чувтонть лангсто ды тейтерентень мери:

— Бути монь лангс а ёвтат, нейке прят керяса!

— Ну, ладна, мерян истя: те идимим, ды тусть сынъ инязоронтень, тосо тейсть пир.

А Алёшка сась кудов ды мери бабинентень:

— Бабай, инязорось пир теи, можна ули монень тозонь модемс.

— Мекс нельзя, ней тосо весе Россиясь: инязоронтъ тейтерензэ идизь.

Алёшка кото зверть кундась ды мольсь пирэв. Сонсь тосо кото калацят порсь, кото четверть вина симсь, звертнененькак истя макссь. Сон симсь-ярсась, андынзе звертнень ды тусь секе бабинентень. А те шкане татаронтъ эйсэ урвакстыть: тейтерентъ идизе.

Бабась мери Алёшканень:

— Эх, цёрам, валске седеяк паро тейтерентъ усксызь гуентень нилемс.

— Кодак, бабай, кармить сонзэ ютавтомо ульцяванть, тон таго гиранть нолдык прям лангс.

Валскесь сась, тейтерентъ эйсэ ютавтыть каретасо вейксэ прясо гуйнень сэвеме. Бабинесь чарась, чарась, таго Алёшкань прянтъ лангс гиранть нолдызе. Стясь Алёшка ды мери:

— Эх, бабай, зярс мон удынь!

— Ютавтызь, цёрам, тейтерентъ.

Алёшка кундась мартонзо вейксэ зверть ды адя тов. Мольсь тов, тосо тейтересь балкон лангсо ашти, аварди, а татарось таго осокорь прясо. Алёшка мери тейтерентень:

— Мезть авардят, од тейтерь-парочи?

— Мекс а авардян, од цёра-парочи: вейксэ прясо гуй нильсамам.

— Иля аварде, кодаяк минь тейсынек.

— Се парось улиндеряволь, пель царства тень кис максовлинь теть.

Аламос аштеть — морясь кармась шумамо-валновомо, гуесь — лисеме.

— Мень нечистой истямо лиси? — мери Алёшка.

— Мон вешинь вейке,— мери гуесь,— а тесэ колмо.

— Лепият.

— Монь каршо бути цидялды масторонть лангсо Алёшка, но сонзэ венелькс куловонзояк тезэнь а прыть.

— Мон улянгак те самай Алёшкась!

— Коли тон, чувтсо каятано, кинень васня вачкодемс.

Каясть чувтсо — сатотсь гуентень. Гуесь вачкодизе Алёшкань, Алёшка пильге лапава пезнась модантень. Алёшка кодак ахолдась — гуенть колмо прянзо керинзе. Гуесь вачкодизе Алёшкань — сон куманжава пезнась модас. Алёшкась лиссь, кодак ахолдась палкасонзо — гуенть чавизе, а сонсь Алёшка карксамо видьга модас пезнась. Сон серьгедсь зверенстэнь.

— Сак, Мишка, таргамак!

Овтось таргизе. Алёшка пурнынзе гуенть прянзо-серьканзо, балкононть вакссо кев алов тонгинзе ды мери тейтерентень.

— Давай именной сурксот.

Тейтересь максызе. Алёшка кундынзе зверензэ ды тусь бабинентень. А татарось валгсь осокоренть прясто ды мери тейтерентень:

— Ну, бути а ёвтат монь лангс, нейке прят керяса.

— Ну, ладна, ёвтатан тонь,— мери тейтересь.

Мольсь тейтересь кудов, мартонзо мольсь татароськак. Инязоронть кедьсэ тейсть пир. Алёшка сась кудов, нолдынзе зверензэ ды мадсь. Валске стясь ды корты бабантень:

— Бабай, монень можна модемс инязоронть пирс?

— Мекс, цёрам, нельзя, ней весе народось тосо гуляи: инязоронь тейтеренть татар идизе.

Алёшка сайсь вейксэ зверть и мольсь дворецэв. Сонсь вейксэ калацят сэвсь, вейксэ четверть вина симсь, зняро жо каясь зверенстэнь. Сон ярсась-симсь ды тусь бабантень. Сась кудов, а бабась тензэ мери:

— Вай, цёрам, валске усксызь инязоронь эень мазый тейтеренть кемгавтово прясо гуйнень сэвемс.

Алёшка арсезевсь, сыргась мадеме ды бабантень наказы:

— Вот, бабай, кодак кармить ютавтомо тейтеренть, тон стявтомак гирысонть,— сонсь мадсь удомо.

— Паро, цёрам стявттан.

Валске инязоронь тейтеренть ускить каретасо моря чирев.

Бабась чарась, чарась — стявтызе Алёшкань гирысонть. Алёшка весе зверензэ саинзе и адя моряв, а тосо балкон лангсо тейтересь аварди.

— Мекс истя пек авардят, од тейтерь-парочи? — кевкстни Алёшка.

— Мекс а авардян,— мери тейтересь,— кемгавтово прясо гуй нильсамам.

— Ну, иля аварде, кодаяк, можот, минь тень тейсынек.

— Бути те парось улиндеряволь, тонь тень кис пель царстват улевель.

Вана морясь кармась шумамо, валновомо. Татар тандадсь, осохорь прясонть ашти, сонсь а соды, мезть тейнемс.

— Мень нечистой вий морястонть лиси? — корты Алёшка.

Гуесь кодак лиссь, пейдезь мери:

— Эх, мон вешинь вейке, тесэ жо колмо.

— А можот вейкенть эйстэяк лепият!

— Аздан, цёра! Монь каршо бути цидярды мастор лагсонть вейке ломань, Алёшка, но тезэнь сонзэ венельксэнзэяк а пачкодить, — мери гуесь.

— А можот те мон улянгак Алёшкась!

— Коли тон самай Алёшкась, давай чувтсо каятано.

Каясть чувтсо, сатотсь васенцеке вачкодемс гуентень. Кодак гуесь вачкодизе Алёшкань, Алёшка сеске карксамга модас пезнась. Алёшка лиссь, кодак ахолдась палкасонзэ — кото прят керясь, сонсь жо меште видьга модас пезнась, а лисевияк: виезэ маштсь.

— Ну, нечистой, давай ойматано: войскат тюрить, и то оймсить, моненьгак эряви оймсемс.

Согласясть оймсемс аламос.

Алёшка серьгедсь:

— Миша, таргамак!

Овтось таргизе Алёшкань, оймсесть. Оймсемадо мейле Алёшка мери.

— Ну, давай ней тюртяно, ней вачкодян мон!

Сон кодак ахолдась палкасонзо — сразу кото прятнень керинзе, а сонсь Алёшка меште видьга мода потс пезнась.

— Сак таргамак, Мишка, моданть потсто!

Овтось таргизе. Алёшка гуень прятнень-серькатнень — балкон ваксс кев алов. Тейтересь валгсь. Сон истямо мазый, мастор лагсо истямо мазый арась.

— Ну, ней давай именной сурксот, — мери Алёшка.

Саизе Алёшка сурксонть ды мадсь балкононть ваксс: сон пек сизесь. Мадсь ды матедевсь. Татарось валгсь осокорь чувтонть лагсто ды мери тейтерентень:

— Бути а мерят, што мон идитинь, — прят керяса!

— Ладна, ёвтан тонь лагс, — мери тейтересь.

Татарось мольсь Алёшка ваксс, керизе Алёшкань прятнь, саизе тейтеренть ды тусь.

Звертне ардсть Алёшка ваксс, ванить — кулозь. Тей велявтысь — кулозь, тов велявтысь — кулозь. Мольсть сынь луга лагс, луганть ланга яки скал. Ривезесь мери верьгизэнтень:

— Азё, верьгиз, повик скалонть!

Мольсь верьгизэсь, повизе скалонть, потмонзо лазызе, Ривезь совась скалонть потмос. Ливтить чавкат. Вейке чавка левксэсь мери:

— Тесэ миненек кором ули!

— Коромось кором, — мери аваст, — ды кода бу а понгомс, арась ли тесэ манчемка.

Левкстнэ эзизь кунсоло аваст, ливтнестъ, ливтнестъ — валгстъ скалонтъ ланге ярсамо. Ривеськесь кундызе чавка левксэнтъ ды кирди эйсэнзэ, чавкатне мерить:

— Нолдык, ривеське, чавка левксэнек, эстетъкак паро тейтяно!

— Монень мезе паро тейтядо, давайте муеде монень живой ды кулы ведь,— нолдаса чавка левксэнтъ.

Сынь согласясть. Ривеське вешнесь кавто пузырькат, сюлминзе чавкань пильгтненень, ды сынсь тустъ ливтямо живой ведень эрькентень. Живой ведень эрькентъ вакссо ашти войска, кодамояк нармунь а нолдыть. Чавкатне тейсть кулыкс и прастъ эрькентень, пештизь пузырёкост и ливтясть мекев скалонтъ ваксс. Састъ скалонтъ ваксс ды мерить ривеськенень:

— Минь кандынек ведь, давай нолдык чавка левксэнек.

— Дайте васня пузырькатнень, сестэ максса чавка левксэнк,— мери тона.

Максызь ведентъ, ривеське чавка левксэнтъ прынзо пурдызе.

— Эх, ривезь, зняро минь тонеть паро теинек, а тон чавка левксэнек прынзо пурдык!

Ривеськесь мезеяк апак корта ваднизе прынтъ, киргантъ, ды чавка левксэсь живиясь, икеленде паро кармась улеме. Нолдызе чавка левксэнтъ ды чавкатне ливтясть. Ривеськесь лиссь скалонтъ потсто ды мери звертненень:

— Ну, ней аядо Алёшкань живиявтомо. Овто, аравтык прынзо.

— Сонзэ чачозо аволь истя ашти. Эй, тон, сэря сельме, ладик! — мерить нумолонтень.

Нумолнэсь ладизе Алёшкань прынзо чачо пельде, звертне стызь кирьганзо, ваднизь ведьсэ Алёшкань, живиясь тона, стясь ды мери:

— Эх, зярс удовинь!

А ривеське мери тень каршо:

— Эх, Алёшка брат, бути а мон, тон вечна бу удолить.

Алёшка пурнынзе зверензэ ды таго тусь бабинентень. Инязоронтъ кудосо жо пир моли.

— Бабай, можна модемс монень пирэв?

— Мекс нельзя, ней весе Россиясь гуляи: кодамо-бути татар инязоронтъ колмоце тейтерензэ идизе.

Алёшка сайнзе зверензэ и мольсь тозонь. Сэвсь кемгавтово калабант калаця, симсь кемгавтово четверть вина, зняро жо каясь зверенстэнь. Пурнынзе-сэрнинзе зверензэ ды таго секе бабинентень мольсь.

— Ну, бабай, ней мон вете чишка оймсян.

Вете чить оймсесь Алёшка, вете чиде мейле стявтызе бабинесь. Алёшка стясь ды мери бабантень:

— Мон, бабай, молян тия-тува якамо.

Сон сайнзе зверензэ ды тусь шатамо. Юты инязоронтъ дворецэнтъ вальмалга. Неизь сонзэ остатка ды куншкасо инязо-

ронь тейтертне. Сынъ кеверезь-кеверсть, валгсть верце этажсто, чийсть Алёшка ваксс, кармасть эйсэнзэ палсеме. Вишка тейтеренть эйсэ максуть татаронтень козяйкакс, а сонзэ мелезэ а модемс татаронтень. Инязорось неинзе тейтерензэ Алёшкань палсемстэ ды кармасть рангомо:

— Ды тынь мезть велень те бурлаконть палсетядо!?

— Тетяй,— мерить тейтертне,— ведь самай те ломанесь минек идимизь, аволь татарось!

Чийсь ваксозост покш тейтересь, тензэ досадна, мекс сон седе а мазый тонатнень коряс ды мери:

— Нет, тетяй, минек идимизь аволь те цёрась, минек идимизь татарось.

Алёшка раказевсь ды мери:

— Идидизь тынк мон, вана монь кедьсэнъ весе тынк именной сурксонк. Ней аядо весе балкононтъ лангс, мон невьсынъ козонъ путынь гуень прятнень-серькатнень.

Инязорось кильдевтсь каретат, озасть весе, Алёшкаяк, таргак ды тустъ тозонъ. Пачкодсть балкон ваксс, муизь кевтнень, Алёшка мери татаронтень:

— Ну, гуень прятне-серькатне путозь кевентъ алов, кепединк энэ кевентъ!

Те татар чары кевтнень перька, чарась, чарась, тостяесь, тостяесь, кевесь таркастонзояк эзь сыржавтово, а Алёшка — тулкадизе ве кедьсэ. Инязорось варштась ды превензэ маштсть. Аштесь сон ёжовтомо, мейле сась тензэ ёжо, се татаронтъ айгоронъ пулос содызе ды тустъ кудов. Алёшкань жо саизе вишка тейтерентень мирдекс.

Эри Алёшка козяйканзо марто ков, кавто и корты козяйканстэнь:

— Молян мон охотав.

Оршинзе верев одежанзо, саинзе зверензэ ды тусь вирев. Пачкодсь вирев, мусь вирь куншкасо тумо, озась тумонтъ алов оймсеме. Варштась верев — тумонтъ прясо баба. Бабась мери Алёшканень:

— Цёрам, можна или арась тонъ звереть травамс?

— Мекс нельзя, валк травить,— мери Алёшка.

Бабась валгсь илёв марто, мольсь овтонть ваксс вачкодизе — овтось теевсь кевкс. Сон весе звертнень ды Алёшканькак кевкс теинзе.

Алёшкань братозо Ванюшка кува ансяк эзь яка, мезе эзь нее. Сон арси вастомс Алёшка марто, но кодаяк а муеви Алёшка. Алёшкань ды Ванюшкань чамаст ульнестъ вейкетъ, сынъ ульнестъ кода ве ломань. Яки и яки истя Ванюшка, варштась сурксонзо лангс — сурксозо раушкадсь. «Монь братось кулось», — думазевсь сон ды седеяк пек кармасть вешнемензэ. Одежанзо сезневсть, веревть, кода и Алёшкань. Моли и моли, моли и моли и пачкодсь се городонтень, косо ульнесь Алёшка. Инязоронь тейтертне неизь сонзэ ды кодаяк а чарькодить, мекс

Алёшка зверензэ марто дворец вакска ютась. Лиссь Алёшкань козьяйказо ды сеери:

— Мекс тон, Алёшка, вакска ютат?

— Мон мезеяк а содан. Мон братом эйсэ вешнян,— мери Ванюшка.

— Эх, Алёшка, тон нать а думат монь марто эрямо, секс вакска ютат,— мери авась.

— Алкукс мон мезеяк а содан, мон лелянь эйсэ вешнян.

— Тон, Алёшка, тон! Чачось тонь.

Совавтызь Ванюшкань инязоронтень, каванизь чокшнес. Сась чокшне. Тарка ацасть тензэ. Ванюшкань мацтизь Алёшкань козьяйканзо вакс. Ванюша мери:

— Мон аволь Алёшкан, мон козьяйкадо мезеяк а содан, апак урьвакстан.

— Икеле содыть, а ней мезеяк а содат,— мерить тензэ.

Ну, Ванюшканень тейнемс а мезть, мадсь, аванть ды эсь юткованзо путсь сабля. Тейтересь мери:

— Мекс тон мартон мезеяк а басят?

А Ванюшка теизе прынзо улыкс ды мезеяк эзь отвеча. Удость сынь истя валскес. Валске стясть, ярсасть, Ванюшка саинзе зверензэ, оршась кода улынесь ды тусь братонзо вешнеме. Звертне маризь чиненть и чинева мольсть вирев. Пачкодсь Ванюшка тумонть алов, ваны братось ды зверензэ кевкс велявтсь. А се бабась таго ашти тумонть прысо ды мери:

— Цёрам, можна арась тонь звереть травамс?

— Мекс нельзя, валк, травить,— а сонсь зверензэ весе стявтынзе.

Кодак ансяк бабась валгсь, зверензэ каявсть лангозонзо, кармасть поремензэ.

— Ну, цёрам,— мери бабась,— живстэ кадык ойминем! Хоть тонь лелят монь колмонест цёрам чавинзе, но мон сонзэ живнявтса.

Ванюшка зверензэ лоткавтынзе, бабась ахолдась илёвсэ — Алёшка ды зверензэ весе живнясть.

Алёшка стясь ды мери:

— Эх, зярс мон удовинь!

— Эх, кабу а мон, брат, тон вечна удолить, кевкс улынить.

— Неужели мон кевелинь?

— Эх, брат,— мери Ванюшкась,— мон мезень дивас понгонинь. Пачкодинь городс, ютан инязоронь дворецэнтъ икельга, валгсь кавто тейтерть ды давай монь эйсэ палсеме. И палсить, и авардить, и кудов эйсэнь ускить, кевкстнить, мекс мон ютан вакска, кудов а сован. Ветимизь, мерить тень тонь лемсэть, мацтемизь инязоронь тейтеренть вакс.

— А, тон монь козьяйкам вакссо уцят! — ранкстась Алёшкась ды цёх керизе шашкасонзо Ванюшкань прынтъ.

Теде мейле Алёшка кунцинзе эсензэ ды Ванюшкань зверензэ ды тусь мартост кудов. Сась кудов, козьяйказо тензэ мери:

— Исяк звереть ульнесть кемгавтово, а ней комсьнилее.

Алёшка мезеяк тень лангс эзь отвеча. Сон ярсась-симсь ды мадсь. Мадсь мартонзо козяйказояк ды корты:

— Ютась вене удалкс пельде монь эйстэ удить, юткозонок сабля путнить, а ней кутмордамон эцят?

Валске стясь Алёшка ды арси: «Ведь стяко мон братонтъ чавия, молян живиявтса. Саинзе мартонзо пузырькатнень, конатнень эйсэ ульнесь живой ведесь, кундынзе зверензэ ды тусь се таркантень, косо Ванюшкань чавизе. Мольсь тов, стызе Ванюшкань кирганть, ваднизе се веденть эйсэ, конасонтъ сон живиясь,— Ванюшка стясь ды мери:

— Эх, брат, зярошка мон тонеть паро теинь, а тон кирьгам керсик!

— Простямак, брат, манявинь,— мери Алёшка.

Сынь мольсть кавонест кудов инязоронтень. Гуляясть ды омбоце тейтерентъ лангс урвакстызь Ванюшкань, макссть тензэ пель царства.

20. АЛЕШКА И ВАНЮШКА

Жили-были старик со старухой, было у них двое детей. Старшего звали Алешка, а младшего — Ванюшка. Жили, жили они — умерла мать. Дети говорят:

— Тятя, возьми мачеху.

Отец отвечает:

— Эх, дети, взял бы я, мне-то хорошо, но вам плохо будет.

— Эх, отец, тебе хорошо, а нам вдвое лучше будет,— отвечают ему дети.

Взял отец мачеху. Пожила она немного и говорит:

— Если ты, старый дурак, погубишь своих детей, буду с тобой жить, не погубишь — не буду.

Подумал, подумал, отец — видно, придется погубить их. Узнали об этом Ванюшка с Алешкой. Алешка говорит:

— Ну, брат, нас погубить хотят. Ты попроси зарезать курочку; поедим — потом увидим, что делать.

Попросили они зарезать курочку, мачеха разрешила. Поймали ребята курочку, а у нее на зобу написано: «Кто съест мое сердце и печень, у того будет богатырская сила». Дети пошли в школу и говорят:

— Мать, оставь и нам курятинки.

Пришли дети из школы — курица уже съедена.

Дети говорят:

— Мать, дай нам курятинки.

— Мы её съели.

— Может быть, сердце и печень остались? — спрашивают ребята.

— Остались, и супу осталось немного,— отвечает мачеха.

— Нам и этого хватит.

Поели ребята. Отец запряг лошадь и говорит: «Поели, дети, теперь поедem в лес».

— Поедем, если отвезти вздумал.

Отвез отец их в лес и говорит:

— Ну, дети, вы поиграйте здесь, а я пойду нарублю дров,— сказал им так старик и уехал.

Они играли, играли, устали, а отца все нет. И день уже вот-вот стемнеет. Пошли туда, где отец дрова рубил, его там нет. Алешка Ванюшке и говорит:

— Ну, брат, теперь куда пойдem?

Ванюшка велит Алешке поискать дорогу.

Алешка искал, искал — не нашел дорогу, пришел обратно.

— Ну, брат, нашел дорогу?

— Нет.

— Тогда подожди меня здесь, я пойду дорогу поищу.

Пошел Ванюшка дорогу искать. Искал, искал он, нашел тропинку, пришел к Алешке и говорит:

— Ну, брат, я нашел желтую тропу.

Пошли они по этой тропе. Куда тропинка, туда и они, куда тропинка, туда и они. Тропинка спустилась в овраг, овраг преогромный. Ходили, ходили они по оврагу — нашли землянку. Около этой землянки двадцать четыре зверя: лисицы, медведи, волки, зайцы и другие. Прошли дети мимо зверей, открыли дверь землянки, там сидит старик. Этот старик был волшебник. Посмотрели дети на него и испугались, потеряли сознание. Целые сутки лежали они без памяти. Через сутки ожили, старик говорит им:

— Ну, дети, я вас выращу, а когда умру, схороните меня.

Стал он их растить, кормить-поить хорошо, а когда стал умирать, говорит им:

— Я вас благословляю, зверей разделю пополам. Еще у меня есть два богатырских перстня, носите их на пальцах. Если умрет Алешка, то Ванюшкино кольцо почернеет, а если умрет Ванюшка — Алешкино кольцо почернеет.

Старик умер, похоронили его. Зверей ребята разделили пополам. Вышли они из землянки, поймали зверей и пошли на гору. Сделались сразу сильными. Алешка и говорит:

— Вот, брат, если было бы в земле железное кольцо, то я бы землю перевернул.

— И я тоже, брат.

И вот отправились в путь два брата. Дошли они до перепутья, на перепутье стоит столб, на столбе написано: «Кто пойдет вправо, тот умрет, кто пойдет влево — тот будет царем». Бросили они жребий — досталось Алешке по смертной дороге идти, а Ванюшке царем быть. Попрощались они и разошлись.

Дошел Алешка до города и на окраине попросился у одной старушки переночевать.

— Бабушка, пусти ночевать!

— Пустила бы, сынок, но зверей у тебя много, некуда их загнать.

— А вот у тебя двор, бабушка.

— Он без дверей.

Но Алешка все-таки впустил зверей во двор, а сам зашел к старухе ночевать.

— Э, бабушка, почему в одном конце города жители плачут, а в другом поют и пляшут?

А старуха отвечает:

— Утром царскую дочь повезут на съедение шестиглавному змею на берег моря.

Алешка говорит:

— Бабушка, я сейчас лягу, а как только повезут по улице царскую дочь, разбуди меня. Словами не разбудишь, возьми вот эту гирию и опусти мне прямо на голову.

Лег он. Утром девушку повезли в карете. Старуха будила, будила парня — не встает, тогда она опустила гирию на голову Алешке, он тут же встал.

— Эх, бабушка, сколько я спал!

— Провозят, сынок, мимо нас девушку.

Взял Алешка с собой шесть зверей. Пошел на берег моря. Смотрит — на берегу дом стоит, а на балконе девушка. С девушкой приехал татарин, он забрался на осокорь. Алешка говорит:

— О чём ты, добрая молодая девушка, плачешь?

— Как мне не плакать, добрый молодец? Меня проглотит шестиглавый змей.

— Не плачь, как-нибудь уничтожу его.

— Если ты это сделаешь, полцарства тебе отдадут.

Вскоре море стало волноваться — выплывал змей. Выплыл он, Алешка говорит ему:

— Что за гадость появилась здесь?

Змей отвечает:

— Я просил на съедение одного человека, а мне привезли троих.

— Может быть, и одним подавишься, — говорит ему Алешка.

— Против меня может устоять только Алешка, но сюда — даже дух его не долетит.

— А может, этот Алешка я!

— Если это ты, то давай поканаемся, кому первому ударить.

Вот они поканались, первым ударить досталось змею. Как ударил змей Алешку — он ушел в землю по ступню.

Как ударил Алешка своей палкой змея — три головы отрубил. Ударил второй раз — остальные головы отрубил, и сам ушел в землю по колени. Тогда закричал Алешка своим зверям:

— Миша, иди-ка вытащи меня!

Вышел Алешка из земли, головы и туловище змея положил под камень около балкона. Когда убрал всё, девушка сошла с балкона, Алешка говорит ей:

— Давай мне свое именное кольцо.

Девушка отдала. Алешка позвал зверей и пошел к бабушке. В это время татарин слез с дерева и говорит девушке:

— Если не скажешь, что спас тебя я, сейчас голову твою отрублю.

— Ну, ладно, скажу, что спас меня ты,— сказала девушка, и отправились они к царю. Царь устроил большой пир.

А Алешка пришел домой и говорит старухе:

— Бабушка, царь пир устраивает, мне можно туда пойти?

— Почему нельзя, конечно, можно, ведь царскую дочь освободили.

Поймал Алешка шесть зверей и ушел с ними на пир. Поел, попил, накормил своих зверей и вернулся опять к старухе. А в это время татарину кричали «ура»: дочку царя спас.

Старуха говорит Алешке:

— Эх, сынок, завтра еще краше дочь повезут на съедение змею.

— Бабушка, сейчас я лягу отдыхать, а как будут провозить ее по улице, ты опять на мою голову опусти гирию.

Настало утро. Слышит старуха, мимо ее дома везут девушку на съедение девятиглавому змею. Старуха опять опустила гирию на голову Алешки.

— Провозят, сынок, мимо нас девушку.

Встал Алешка и говорит:

— Эх, бабушка, до каких пор я спал!

Взял с собой он девять зверей и пошел на берег моря. Пришел, а на балконе опять девушка сидит и плачет, а татарин опять на осокоре. Алешка спрашивает девушку:

— Что ты, добрая девица, плачешь?

— Как мне не плакать, добрый молодец, девятиглавый змей проглотит сейчас меня.

— Не плачь, как-нибудь мы этого змея поборем.

— Если ты это сделаешь — получишь полцарства.

Посидели немного, море стало шуметь, волноваться — из моря выходит змей.

— Что за нечистый выходит? — говорит Алешка.

— Я просил одного человека, — говорит змей, — а здесь три.

— Может быть, и одним подавишься, — отвечает Алешка.

— Со мной может сладить на земном шаре только один Алешка, но сюда даже дух его не долетит.

— Я и есть Алешка!

— Если это ты, давай поканаемся, кому достанется ударить первым.

Поканались они. Досталось первым ударить змею. Ударил змей Алешку — Алешка увяз в землю по ступню. Как ударил

Алешка — отрубил у змея три головы. Змей ударил Алешку — он увяз по колено в землю. Вышел Алешка из земли, как махнет палкой — змея убил, а сам ушел по пояс в землю. Он крикнул зверей:

— Мишка, иди вытащи!

Медведь вытащил его. Алешка собрал змеиные головы и положил их под камень около балкона, подошел к девушке и говорит:

— Давай именное кольцо.

Девушка отдала именное кольцо. Алешка собрал зверей и пошел к старухе. А татарин слез с дерева и говорит девушке:

— Ну, если ты не скажешь, что спас тебя я, то сейчас отрублю тебе голову.

— Ну, ладно, скажу, что ты спас меня.

Поехали они к царю. Царь устроил пир. А Алешка пришел домой, отпустил своих зверей и лег спать. Утром встал он и говорит старухе:

— Бабушка, мне можно пойти к царю на пир?

— Почему нельзя, сынок, теперь весь народ там гуляет: татарин спас царскую дочь.

Алешка взял девять зверей и пошел с ними во дворец. Поел, попил и ушел обратно домой. Пришел, а старуха говорит ему:

— Ой, сынок, завтра повезут на съедение двенадцатиглавному змею самую красивую дочку.

Алешка снова наказывает старухе:

— Вот, бабушка, как повезут дочь, ты разбуди меня гирей, — и сам лег спать.

— Ладно, сынок, разбужу.

Утром старуха опять услышала, как везут девушку. Разбудила она гирей Алешку. Алешка взял всех зверей и отправился на берег моря. Пришел, а там на балконе девушка плачет.

— Почему так плачешь, добрая девица? — спрашивает Алешка.

— Как мне не плакать, добрый молодец? Меня двенадцатиглавый змей сейчас проглотит, — говорит она.

— Не плачь, может, мы как-нибудь справимся с ним.

— Если случится это добро, то ты за это полцарства получишь.

Вот море зашумело, заволновалось. Татарин испугался, дрожит на дереве, не знает, что делать.

— Что это за нечистая сила выходит из моря? — говорит Алешка.

Тут вышел змей, говорит, улыбаясь:

— Эх, я просил одного человека, а здесь трое.

— А может быть, и одним подавишься!

— Не знаю, парень. Против меня на земле может устоять только один человек — Алешка, но сюда даже дух его не долетит, — ответил змей.

— Я и есть Алешка!

— Если ты Алешка, то давай поканаемся.

Поканались они. Первому досталось ударить змею. Как ударил Алешку змей — тот сразу увяз по пояс в землю. Вышел Алешка, как махнул своей палкой — сразу срубил шесть змеиных голов, а сам по грудь в землю увяз и не может выйти: обессилел.

— Ну, нечистый, давай отдохнем, войска дерутся, и то отдыхают, и нам тоже надо отдохнуть.

Согласился змей немного отдохнуть. Алешка крикнул:

— Миша, вытащи!

Вытащил Мишка Алешку. Отдохнули они. Алешка и говорит:

— Ну, давай драться, теперь я ударю.

Как махнет он палкой — сразу последние шесть змеиных голов отрубил, а сам увяз в землю по самую грудь.

— Мишка, иди вытащи из земли!

Медведь вытащил его. Алешка положил под камень около балкона змеиные головы. Только после этого девушка сошла с балкона.

— Ну, теперь давай мне именное кольцо, — говорит Алешка.

Взял он кольцо и лег около балкона и уснул. Слез татарин с дерева и говорит девушке:

— Если ты не скажешь, что спас тебя я, то голову тебе отрублю!

— Ладно, скажу, что ты спас меня, — говорит девушка.

Подошел татарин к Алешке, отрубил ему голову, взял девушку, и поехали они к царю. Прибежали к Алешке звери, глядят — он мертвый. Пошли они на луг, видят — по лугу ходит корова. Лиса говорит волку:

— Иди, волк, зарежь корову!

Пошел волк, зарезал корову, распорол ей живот, и лиса залезла туда. Прилетели галки. Один галчонок говорит:

— Для нас здесь корм есть!

— Корм-то корм, — говорит его мать, — да как бы нам не пспасться.

Галчата не послушались матери, спустились и сели на корову. Лиса тут же поймала одного галчонка и держит его в зубах.

— Отпусти, лисичка, галчонка, и тебе добро сделаем, — просят галки.

— Какое добро вы мне сделаете? Найдите мне живую и мертвую воду, тогда отпущу галчонка.

Согласились галки. Разыскала лисица два пузырька, привязала их к ногам галок, и они полетели к озеру за живой водой. А около этого озера стояло большое войско и не пускало ни одну птицу туда. Галки притворились мертвыми и упали в озеро, наполнили пузырьки и улетели обратно к корове.

Прилетели они к корове и говорят лисице:

— Мы принесли живую воду, отпусти галчонка.

— Дайте сначала пузырьки, тогда отдам галчонка,— говорит лиса.

Отдали они пузырьки. А лиса галчонку тут же свернула голову.

— Эх, лисица, сколько мы сделали тебе добра, а ты свернула голову нашему галчонку!

Лисичка, ничего не говоря, помазала ему голову, шею — галчонок ожил, лучше прежнего стал. Отпустила лиса галчонка, и галки улетели. Вышла лисица из живота коровы и говорит зверям:

— Ну, теперь пойдёмте оживим Алешку.

Пришли они. Медведь приставил голову Алешке, а звери ему говорят:

— Ты не так приставил. Его лицо не в эту сторону было повернуто. Ну-ка, лупоглазый, приставь ты,— говорят звери зайцу.

Зайчик приставил голову Алешки правильно. Звери зашили шею, помазали водой, и Алешка ожил. Встал он и говорит:

— Эх, сколько я спал!

А лисичка говорит:

— Эх, брат Алешка, если бы не я, ты спал бы вечно.

Собрал Алешка зверей и опять отправился к старухе. Пришел он, а у царя — пир.

— Бабушка, а мне можно пойти на пир?

— Почему нельзя? Теперь весь народ там гуляет. Какой-то татарин спас от змея третью царскую дочь.

Алешка взял своих зверей и пошел туда. Съел двенадцать калачей, выпил двенадцать четвертей вина, столько же дал зверям. После этого со своими зверями снова отправился к старухе.

— Ну, бабушка, теперь я буду пять дней отдыхать.

Прошло пять дней, старушка разбудила его. Встал Алешка и говорит:

— Я, бабушка, пойду на охоту.

Взял он своих зверей и пошел с ними охотиться. Проходит мимо окон царского дворца. Увидели его средняя и младшая дочери царя, быстро выбежали к Алешке и начали его целовать. Увидел царь, что дочери целуют Алешку, и стал кричать:

— Что вы делаете? Зачем вы целуете этого бурлака?!

— Отец,— сказали дочери,— ведь этот самый человек выручил нас, а не татарин.

Прибежала к ним старшая дочь, ей досадно, что она была менее красивая, и говорит:

— Нет, отец, нас выручил не этот человек, нас выручил татарин.

Захохотал Алешка и говорит:

— Выручил всех вас я, вот ваши именные кольца у меня. А теперь поедemте к морю, к балкону, я покажу вам, куда спрятал змеинные головы.

Царь приказал запрячь карету, сели все, Алешка и татарин тоже, и поехали туда. Доехали. Отыскал Алешка камень и говорит татарину:

— Ну, змеинные головы спрятаны под этим камнем. Подними его!

Взялся татарин за камень, крутился, вертелся около него, толкал-толкал его — камень ни с места. А Алешка взял одной рукой и отбросил его. Царь смотрит и дивится. Затем привязал он татарина к хвосту жеребца, и поехали они домой. Татарина убили, а Алешку царь взял в зятя, поженил на младшей дочери.

Живет Алешка месяц, другой и говорит ей:

— Я пойду на охоту.

Надел он окровавленную одежду, взял своих зверей и пошел в лес. Дошел до середины леса, видит — дуб стоит. Сел Алешка под этот дуб отдохнуть. Посмотрел наверх — на дубе сидит старуха. Старуха говорит ему:

— Сынок, можно или нет твоих зверей позлить?

— Почему нельзя, слезь, позли, — говорит Алешка.

Слезла старуха с дерева с прутом, подошла к медведю, ударила его, медведь превратился в камень. Она превратила всех зверей и Алешку в камни.

А в это время Ванюшка — брат Алешки — разыскивал его. Где только он ни бывал, нигде не мог найти его. Посмотрел Ванюшка на свое кольцо — оно почернело. «Брат мой умер», — подумал он и опять отправился искать Алешку. Одежда его порвалась, стала окровавленная, как и у Алешки. Вот Ванюшка дошел до того города, где был Алешка. Внешне они были очень похожи. Как увидели царские дочери его и никак не поймут, почему Алешка со своими зверями прошел мимо дворца. Вышла Алешкина жена и кричит:

— Алешка, почему ты мимо проходишь?

— Я вас не знаю. Я своего брата ищу, — говорит Ванюшка.

— Эх, Алешка, ты, знать, не думаешь жить со мной, поэтому проходишь мимо, — говорит женщина.

— Правда, я вас не знаю, я своего брата ищу.

— Это ты, Алешка, ты! Лицо твое.

Привели Ванюшку к царю, угощали до вечера. Настал вечер. Постелили ему постель, кладут его рядом с Алешкиной женой. Ванюшка говорит:

— Я не Алешка, у меня нет жены.

— Раньше была, а теперь не стало, — отвечают ему.

Ну, делать нечего Ванюшке, лег он возле женщины и положил между ею и собой саблю, а сам повернулся к ней спиной.

— Почему ты со мной не разговариваешь? — говорит она.

А Ванюшка притворился спящим и ничего не ответил. Так они проспали до утра. Утром встали, поели, Ванюшка взял зверей и ушел искать брата. Звери услышали запах и по чутью дошли до леса.

Шел, шел Ванюшка, смотрит — стоит дуб, а под ним брат и его звери превращены в камни. А та старуха сидит на дубе и говорит:

— Сынок, можно или нет позлить твоих зверей?

— Почему нельзя, слезай, позли.— А сам натравил своих зверей на нее.

Как только слезла старуха, звери бросились на неё и начали её рвать.

— Ну, сынок,— говорит старуха,— оставь мою душу! Хоть твой брат и убил моих трех сыновей, но я его оживлю.

Ванюшка остановил своих зверей, а старуха махнула прутиком — Алешка ожил, ожили и звери его. Встал Алешка и говорит:

— Эх, сколько я спал!

— Нет, брат, если бы не я, ты спал бы вечно: камнем был.

— Неужели я был камнем?

— Да.

— Ну, брат,— говорит Ванюшка,— какая диковина со мной произошла! Дошел я до одного города, прохожу мимо царского дворца, а оттуда вышли две девушки и давай меня целовать. Притащили меня во дворец, спрашивают, почему я прохожу мимо, в дом не захожу. А сами называют меня твоим именем. Вечером положили спать рядом с царской дочерью.

— А, ты спал с моей женой! — закричал Алешка и отрубил шашкой Ванюшке голову.

Затем Алешка собрал своих и Ванюшкиных зверей и ушел с ними домой. Пришел домой, жена ему говорит:

— Вчера у тебя было двенадцать зверей, а теперь двадцать четыре. Откуда это?

Алешка ничего на это не ответил. Он поел, попил и лег. Легла с ним жена и говорит:

— Прошлой ночью ты спал отвернувшись и саблю между нами клал, а сегодня лезешь обниматься?

Утром встал Алешка и думает: «Ведь зря брата убил, пойду оживлю его». Взял с собой пузырьки, в которых была живая вода. Собрал зверей и пошел на то место, где убил Ванюшку.

Пришел туда, пришел Ванюшке голову, помазал той водой, от которой сам ожил. Ванюшка встал и говорит:

— Эх, брат, сколько тебе я добра сделал, а ты отрубил мне голову.

— Прости меня, брат, ошибся,— говорит Алешка.

Пошли они вдвоем домой к царю. Погуляли. Поженили Ванюшку со средней дочерью царя, дали ему полцарства.

21. СОЛДАТ

Служась вейке солдат 25 иеть, кода служавсь срокозо, нолдызь сонзэ кудов. Молемась ульнесь васов, а сеть иетнестэ арасельть ещё чугунокат, якасть ялго. Тусь солдатось кудов. Мольсь, мольсь, маштсь сонзэ кшизэ, маштсь ярмаконзо. Микшнинизе мезе ульнесь мартонзо одежанзо, но ютасть неть-как ярмактне. Моли солдатось вирень-паксянь пачк ды арси эсь пачканзо, мезде карми ярсамо, кода сон пачкоди эсь кудозонзо. Моли ды ней та-кодат кудот. Солдатось мольсь неть кудотненень, арси тосо ярсамс или работникекс сиведемс. Совась кудонтень, тосо ломань, та-кодамо атаман. Совась солдатось ды мери:

— Шумбрат, азор!

— Шумбран, солдат.

— А эряви ли тонеть робстник?

— Эряви. Тон тонсь костонят, ков молят?

— Служамсто.

— Ули ли тонь родот-племат?

— Туемстэ ульнестъ тетян-аван, братом, ней жо аздан.

— Кудов арсят молеме, или жо а арсят?

— Молевлинь, но монь арсть а ярмакон, а оршамон.

— Зяро вешат иень перть служамот кис?

— Зяро максат.

— Ладна. Мон максан тетъ сядо целковойть. Работам монь аволь покш. Адя ванносынек.

Лиссть сынъ кардазс. Кардазсо цела стада алашат, больше мезеяк арась. Ютасть сынъ алашатнень перька ды совастъ кудов. Азорось корты:

— Тон кармат ваномо неть алашатнень мельга. Колмоксть чинтень пидят тенст ярсамс. Кода кармат ковгак алашань кундамо, кундак эльдтнень эйстэ, ансяк айгортнэде иля кунда, а то сынъ тонь машттадызь.

Мейле сон ёвтнизэ, кода эряви якамс алашатнень мельга, кода андомс сынст. Тедэ мейле атаманось макссь солдатонтень ашо гуй ды мери:

— Вана те гуентъ обедамс монень пидик, лакавтык колмо ведьсэ. Вестъ лакавтсак — ведентъ нуртик, омбоцеде лакавтсак — таго ведентъ нуртик, колмоцеде кода лакавтсак — се ведентъ иляк вало, ды ванок ва тонсь иля ярса, а то кулат.

Солдатось саизэ ашо гуентъ ды кармась пидемензэ. Пидизэ истя, кода тензэ мерсь азорозо. Сась атаманось ды кевкстни роботникензэ эйсэ:

— Пись ямось?

— Умок уш пись.

Озась атаманось, сэвизэ се гуентъ и веденьтькак симизэ. Мейле мольсь алашатнень ваксс ды кармась кевкстнемест:

— Роботникесь ярсась гуйденть?

— Эзинек нее,— алашатне мерить.

Ютась сон алашатнень кругом, мольсь таго роботникенть ваксс, макссь тензэ таго ашо гуй пидемс, а сонсь озась ласте ды тусь вирьга якамо. Роботникесь таго пидизе гуенть истя, кода тензэ мерсь азорозо. Сась атаманось, озась котёлоить бокас, сэвизе гуенть, веденть симизе. Мольсь алашатненень, кевкстинзе, ярсась эзь роботникесь гуйденть, алашатне таго мерсть: «Эзь ярса».

Солдатось эрясь атаманонть кедьсэ пель ие. Сонзэ ульнесь роботазо ансяк теке: эрьва чинть колмоксть пидиль азорон-стэнь гуйть, андсь алашатнень. Атаманонть мельс пек тукш-нось. Кода эрясь пель ие, атаманось макссь тензэ ведьгемень монетт ярмакт, секс што парсте сон роботась. Седе мейле солдатось таго пидесь ашо гуй ды арси: «Мекс жо монень а мери гуйденть ярсамо, сонсь ярсы а кулы, а мон нать кулан». Сон сайсь ды корштась веднеденть. Пиле варяизо сеск кармасть цийнеме. «Нать, кулан»,— арсезевсь.

Учось-учось куломанть — ютась сэретьксэсь, икелень коряс пилензэ седе пек кармасть марямо. Омбоцеде корштась ям-донть. Таго пилензэ кармасть цийнеме. Мейле кармасть маря-вомо эрьва-кодат вайгельть, ансяк а чарькодевить вайгельтне. Сон сайсь ды ярсась гуйденть. Кодак ярсась — пилензэ лажа-кадсть, буто мерят кияк молоткасо чави прянть ланга. Весе икелёнзэ чаракадсь. «Ней вана кулан, а стяко эзь мерне тень ярсамодо те гуйденть». Пилензэ лоткасть лажномадо. Вельке-канзо ливтить озязт. Ве озязось мери:

— Адя валгтано оно се чувтонть пряс.

— Нет,— мери омбоцесь,— адя седе васов ливтятано.

Солдатось чарькодинзе сынст валтнэнь. Сась атаманось ды кармасть кевкстнеме алашатнень, эзь ярса ли роботникесь гуй-денть. Тонатне мерсть: «Эзизь нее». Атаманось макссь робот-никентень ашо гуй, мерсь пидеманзо, а сонсь тусь. Роботникесь эзь кенере пидеманзо, косто кепететсь пиземе пель пурьгине марто, пизесь, пизесь — эрьва кува ведь тусь. Мейле ютась пиземесь ды кармасть сеске лембелгадомо. Вашотне пиземе-стэнтъ кельмекшность, а кода лоткась пиземесь, кармасть ала-шатнень перька артнеме. Вейке вашине артнесь, артнесь ала-шанть перька, мольсь аванстэнь ды корты:

— Авай, а авай, вантака, мон весемеде бойкан.

— Ну, цёрам, тон мень бойкат, оно ашо пильге патят минек ютксо сехте бойка, сонзэ мельга кияк ардомо а кенери.

Солдат кунсолось, мезть корты вашинесь алашанть марто. Сась атаманось, ярсась ды тусь эсь кияванзо. Солдат эрясь кавтошка чи ды арсесь оргодеме. Мольсь, кундызе ашо пильге эльденть. Эльдесь корты:

— Тон монь васов сайсамак?

— Сайтян эсень сторонав.

— Сайсамак, но мон тосо тонеть а жирдеван.

— Ну, адя аламонь тарка хоть пачтемак.

— Аламонь тарка адя ардовтан.

Озась солдат лангозонзо ды тусь ласте. Ардсть, ардсть — мусть покш ведь. Варштась солдатось удалов, атаманось мельгасть арды, арси кундамо сонзэ. Солдатось эльдентень мери:

— Атаманось мельганок арды, ней кундасамизь!

— А кундасамизь, те веденть трокс сонзэ алашазо а уеви, веденть трокс ансяк мон уеван.

Кенерсть веденть трокс печкеме, атаманось ардсь веденть чирес ды ранкстась:

— Солдат, коли туевить кудов, ёвтак нартимкстнэненъ по-здоровт!

— Ладна, ёвтан.

Теде мейле ардсь алашась аламос ды мери:

— Ну, солдат, ней нолдамак. Бути хозяинэсь а неевлимизь-деряй, сестэ можна ардовтомс седе васовгак, ней больше а ардовтан. Валк давай, поводом тапарик кирьгазон.

Валгсь солдатось, тапаризе поводонтъ эльдентъ кирьгазонзо, простясь мартонзо ды нолдызе. Алашась мекев велявтсь, а сон таго тусь ялго. Кувать а кувать мольсь, пачкодсь эсензэ велес. Юты велеванть ды ваны, косо ульнесь кудост, сесэ мезеяк арась, а кудо, а мезе. Думи: «Косо ней эрить монь тетян-аван ды братом». Мольсь боказонзо ломань, здоровакшнось мартонзо, ды ломанесь невтизе кудонтъ, косо эрясть тетянзо-аванзо ды братонзо.

— Тетят-ават кулость. Тона песэ эри вейке братот.

Солдат мольсь братонстэнь, кевкстсь совамс квартирас. Братозо мери:

— Давай совак! Косто истя ютат?

— Службасто.

— Моньгак братом службасо, аздангак, косо сон.

— Мон самай тонь братось улянгак!

Ну, тесэ братнэ радовасть. Велестэ народось чийсь солдатонтъ ваномо. Кармасть симеме-ярсамо. Чокшне народось тусь. Братось козяйканзо марто мадсть кровать лангс, а солдатось киякс куншкас.

Братонь козяйкась мирденстэнь корты:

— Мень шайтян сась анок сюродо ярсамо? Кие сонензэ анокстась тезэнь?

— Кадык эри, или суронок а саты. Ков эно сон моли?

— Хоть ков молезэ, монень а эряви!

— Тонеть а эряви, монень эряви. Тонь тевесь чатьмонемс.

Солдатось эзь удо ды весе те кортамонтъ маризе. Валске стясть, братось козяйканзо марто кармасть пурнамо паксяв мушконь таргамо, солдатось мери:

— Брат, монгак молян мартонк мушконь таргамо.

— Ков тон молят, ансяк сыть ды ней нать сразу молят роботамо, оймавтыть хоть пильгинеть.

Авась седеяк косоистэ кармась ваномо солдатонтъ лангс, мекс мирдесъ эзь мере тензэ модемс мушконь таргамо. Сынь тустъ мушконь таргамо, а солдатось самозост рамась ружия ды кавто кискат. Ружиянтъ стенас поигавтызе, а кискатнень карьксесэ заборс сьулминзе. Сась козьяканзо марто братозо, неинзе кискатнень ды мери:

— Брат, тон нетнень добовить?

— Мон.

— Те пек паро, киска марто моненьгак кудосо седе паро.

Авась седеяк пек кежиявтсь солдатонтъ лангс, сон кармась пижнеме.

— Трисподни туевель бу. Сонсь сась анок сьуро лангс ды ещѐ рамась кавто кискат!

— Маридизь тонь! — ранкстась лангозонзо мирдесъ. — Киска марто арази берянь эрямось. Кардайсэ киска карми онгомо — лисят кардайс.

— Мон уш кискатненень а максан кши, тон хоть мезть тейнек!

— Кши а максат, почт максат, болтушкадо як ярсыть.

Ужиндэ мейле солдатось вешсь аванть кедьстэ кши.

— Уряж, дай монень кши сускомот кискатненень каямс.

— Кшим арась. Валскеяк а мезде завторкамс, аволь кисканень андомс, эстенек а мезде ярсамс.

Мирдесэ сайсь ведра, пештизе почтсо ды максызе солдатонтень. Солдатось тейсь болтушка, андынзе кискатнень болтушкадо. Омбоце валске мирдть-ават таго шурнасть мушконь таргамо. Солдатось таго вешь модемс мартост.

— Течи иля яка, — мери братось, — оймсек, ванды молят.

Провожинзе солдатось сынст паксяв, а сонсь лиссь кудыкелев, мадсь тозонь кровать лангс. Пуромсть азоронтъ саразонзо ды кармасть вейкест-вейкест марто кортамо. Атякшось мери:

— Тынь мезеяк а содатадо?

— Мезе?

— Хозяин авась ванды мышьяк марто пани сьокорот ды вана те ломанентъ каванясы сьокортнэде.

Солдатось маринзе, мезть атякшось кортась саразтнэнень ды арси: «Секс уряжем косоистэ монь лангс ваны. Тесэ вана мезе, куловтоман арсить». Чокшне састъ паксясто, озасть ужинамо, солдатось эзь ужинаяк.

— Мекс а ужинат, брат? — кевкстни азорось.

— Пекем эзь вачо.

Истяк и мадсь солдатось апак ярса. Валске стясть, ваны солдат — уряжозо тейни сьокорот. Чарькодсь солдатось, сайсь почт, тейсь болтушка, андынзе кискатнень. Те шкане борзой атя кискась мери авакантень:

— Азор авась минек азоронок арси куловтоманзо. Сон мышьяк марто сьокорот тейсь. Кодак озыть ярсамо, хозяин авась сынст минек азоронтъ икелев путсынзе.

Солдатось чарькодсь те кортамонтень, киненьгак мезеяк эзь ёвта, совась кудов ды корты:

— Брат, течи монгак молян мушконь таргамо. Мольсть мушконь таргамо. Нетне, мирдть-нить, арасть ве межас, а солдатось омбоце межас ды таргить. Ливтясть озят, валгсть мушконть лангс и циледить. Ве озязось мери:

— Вейтень-вейтень ниледе зёрнатнень, кавтонь-кавтонь правтодо масторов, а то мушконть сайсызь, мейле а мезде ули ярсамс.

Мушконть потсо чеертъ цирнить. Солдатось кунсолось-кунсолось мезть кортыть чеертне ды озятнэ ды кармась пеедеме. Авась мирденстэнь мери:

— Азарсь кискась монь лангсо пейди, мекс а ламо таргинь.

Солдатнэнь шуткат, чеерень ды оязонь кортамонтень лангсо пейди, авась седеяк пек пейть пореме кармась. Чокшне сась паксясто, кармась ужинамо. Авась сукоротнень солдатонтъ икелев путынзе, а мирдентень ды эстензэ лият кандсь. Солдатось кармась ярсамо аволь сукоротнеде — кшиде. Авась ваны лангозонзо ды мери:

— Мекс сукоротнеде а ярсат, или берянтъ сынъ?

— Мон сукоротнень сайсынъ ванды охотас.

— Те пек паро, саять сукоротнень охотас, се аволь розень кши, — мери авась, а сонсь радовась ды думи эсь пачканзо: «Кадык сайсынзе мартонзо, те седеяк монень паро: ярсы тосо сукоротнеде ды тоск врады, а неицязо, а марицязо улеме карми».

Стясь солдат валске, пештинзе сукоротнень сумказонзо ды тусь охотник ялганзо кевкстеме, куро а куро моли охотничамо. Мольсь охотник ялганстэнь, ортава совамсто таргась сумкастонзо сукоро ды каизе кисканень. Совась кудос, кевкстни:

— Тон течи молят охотничамо?

— Молян.

— Курок?

— Вана тетям сы ды мольтяно. Тетям тусь вере пев мейс-бути.

— Ну, ладна. Монгак молян, сайса ружиям ды кискам сайсынъ, сонгак те шкас сы.

Сась солдатось кудов, санзе ружиянзо, кискатнень ды мольсь ялганстэнь мекев. Мольсь ды кевкстни:

— Тетят сась?

— Эзь ещё. Вана тонь туемадо мейле мекс-бути грецкой кисканок кулось, мезде-аздави.

Солдатось учось-учось атянтъ самонтъ — эзь учово. Сон сайсь ды ськамонзо тусь охотничамо. Лисизе велеть, озась кев лангс ды думи: «Ладна, пасиба атякшось ды кискатне ёвтасть, што монь арсестъ куловтоман. Бути авольть ёвта, кодак ярсавлинъ сукоротнеде, грецкой кисканть ладсо пильгень венс-

тявлинь». Стясь солдатось ды тусь. Сонсь моли икелев, а кисканзо молить мельганзо ды сынсь спорить вейкест-вейкест марто. Авакась борзоентень мери:

— Дай тон кармак васняк кундамо.

— Монь пильгем сэреди, течи мон а карман кунцеде.

— Одат, тонсь нузялдат, а мон сырян: нацяс а понги монень мезеяк!

— Кадомак, меринь а карман течи, и а карман!

Солдатось моли кискатненъ икеле ды кунсолы, мезть кисканзо спорить. Ваны, аволь васолга арды ривезь, кармась невтнѐме кискатненень: «Онот, онот косо ривезесь, вызы, вызы!

Авакась ардсь, кундызе ривезень, а борзоесь эзь сырга таркастонзояк. Саизе солдатось ривезень, ваткизе, кедень ёвкстызе сумказонзо ды таго тусь. Ваны, арды нумоло, таго невтнѐме кискатненень. Авакась борзоентень мери:

— Азѐ тень тон кундык!

— Меринь а молян, и а молян течи, ванды карман кундамо.

Таго авакась ардсь, нумолонтькак кундызе. Ваткизе нумолонть солдатось, кедень мешокозонзо путызе, а сывелень кавтов керизе ды максызе кискатненень. Борзоентень понгсь седе покш кускась, сукась борзоентень мери:

— Нузякс пине, тонсь а кундат, ярсат. Азорось истямо, мон бу аволинъ максо тетъ ярсамс. Мейле небось кундавлишь.

— Лоткак, а то рестедтян мастор ваксс ды эрямот машты,— ещѐ савтыть кежень!

Солдатось эзь кирдеве, салавине кармась пейдеме кисканъ сѣвноманть лангсо. Ярсавсть кисканзо, таго сыргастъ. Якасть-якасть — сась ве, мусть тикше стога, стоганть бокас лоткасть удомо. Сонсь солдатось эцесь стоганть потс, а кискатне маднѐсть стоганть бокава. Веньберть авакась борзоентень марто спорясь. Борзоентень мери:

— Тон мезеяк а содат?

— Арась.

— Теде вене азоронть братонзо айгоронзо саламо молить.

— Азѐ ванстык!

— Мон а молян, азѐ тон.

Авакась стясь ды ношкстась. Ардсь тозонь. Ортатне уш ульнѐсть синтрекшнезь, кармакшность кардо кенкшентъ синтреме. Кискась дай пулосонзо вальманть стукамо ды сонсь онги. Азор авась сыргойсь ды мирденстѐнь мери:

— Стяк, онот кисканзо састъ, а сонсь нузякс пинесь, паряк, куваяк сы.

Стясь цѐрась таркасто, мольсь вальмантень, конанень кискась онги. Варштась вальматнева: сукась ськамонзо. Сон аванть марто басы:

— Те мезеяк братонть марто теевсь, секс кискась ськамонзо сась!

— Мезе тееви те овтонть. Азё кисканть маник кардайс, а то вальманть поркрасы,— а сонсь авась эсь пачканзо арси: «Наверна, ярсась сюкоротнеде ды врадсь. Ну и горязояк машть». Цёрась каясь лангозонзо одежда ды лиссь кардайс. Вортнэ аламодо эзь кенере айгоронть конюшнястонть ливтеме, ношкстась, а кискась мельгасть онгозь тусь. Мольсь цёрась, ваны — конюшня кенкшесь синтрезь. «Ладна кискась кармась онгомо, а то айгоронть салавлизь»,— арси эсь пачканзо. Совась кудов, мери козяйканстэнь:

— Азё андык кисканть, кабу а сон, айгоронок салавлизь.

Авась лиссь, мольсь кискань очконтень, каясь тозонь лавт, човоринзе ды тусь кудов. Кискась мольсь, никсизе те болтушканть ды велявсь мекев азоронтень. Сась авакась тикше стоганть, борзоесь кевкстни:

— Ванстовсь айгорось?

— Ещё аламос аволинь молиндеря, айгоронть салавлизь.

— Тень кис чей андыдизь?

— Эзимизь. Авась эсензэ венелькс валсь ды човоризе лав марто. Те болтушкадонть аволь ярсамс...

Солдатось тикше стоганть потсо пачк ве эзь удо, весе маринзе, мезть кискатне кортасть, кода сукась якась айгоронть ванстома, мезде андыксэлизь кисканть. Ашолгадсь. Лиссь тикшетненень потсто солдатось, саинзе кисканзо ды тусь охотничамо. Борзоесь авакантень мери:

— Ней тон оймсек, мон карман течи кунцеме.

— Ладна, кундак.

Аламонь тарка мольсть. Ваны солдатось: молить кавто верьгизт, солдатось невтинзе кискатненень. Борзоесь мери:

— Тон вант, кода мон кавонест верьгизтнэнь кундасынь.

— Кавонест съкамот туртов а изнявить.

— Изнясынь.

Ношкстась борзоесь, стардынзе верьгизтнэнь и дай тюремемартост. Тюрсть, тюрсть, кавонест путынзе. Мольсь солдатось боказост, а борзоесь киска ялганстэнь мери:

— Вана кода эряви кунцемс!

— Монгак, кода ульнинь од, истя кунцилинь.

Солдатось ваткинзе вергизтнэнь кедест ды тусь. Мольсь, мольсь — несь нумоло. Авакась борзоентень мери:

— Азё кундык нумолонть!

— Кундаса. Кадык аламос чии, мон мейляк ещё стардса.

Нумоло васов тусь, солдатось арси: «Ней ялатеке а сасави тензэ». Кода ношкстась киска, ансяк юшк мерсь. Нумоло эзь фатяк, удалдо кода цопадизе ды живстэ кандызе хозяинэнтэнь. Саинзе солдатось кисканть кургсто нумолонть ды кискань кельсэ мери тенст:

— Кавоненк молодецтадо!

Кодак маризь те валонть кавонест кискатне, мольсть малазонзо ды кармасть баямо. Борзоесь солдатонтень мери:

— Мейс тон знярс эзить корта минек марто?

— Истяк, кунсолынь мезть кортатадо.

— Значит, тон маримизь минек кортамодо, кода удынек тикше стоганть потсо?

— Маридизь. Маридизь, кода тон якить,— мери авакантень,— братонть айгоронзо ванстома, мезде андынзеть авась.

— Мон фатинь, кода минь споринек ды борзоесь вана монень мерсь: «Илить савтне кежень, кодак рестедтян мастор ваксс, эрямот машты», тон кармить пейдеме. Косо тон тонадыть минек ладсо кортамо?

Солдатось ёвтнизе кискатненень, кода ды косо сон тонадсь сынст ладсо кортамо. Мейле кискатненень мери:

— Ну, аядо кудов тутано!

— Аядо, тутано.

Молить кудов ды колмонест басить. Солдатось ёвтнизе, кода уряжозо арсесь сонзэ куловтомонзо. Кискатне ёвтнизь эсест эрямост. Сынь пек радовасть, што азорост машты мартоост кортамо. Мольсть, мольсть, мусть нартимксэв ума. Солдатонть мельс ледсь, што атаманось мерсь нартимкснэнь поздоровт ёвтамс. Мольсь нартимкстнэнь малав ды мери:

— Атаманось мерсь тыненк поздоровт ёвтамс!

Кодак истя мерсь, сразу лоткась кискань келенть чарькодемадо. Кармась кискатнень марто кортамо, кискатне а чарькодить; кискатне кортыть мартонзо — сон а чарькодьсынзе. Мейле сон кармась невтнезь невтнеме, што сон а чарькоди. Кискатне фатясть, што азорось лоткась сынст кельс чарькодемадо, а сынст азорось ёвтнизе, косто сон тонадокшнось истя кортамо. Сынь сонзэ кавто ёндо ветизь се веденть берёкс, конань трокс сонзэ ютавтызе атаманонть алашазо. Борзоесь кармась солдатонтень невтнезь невтнеме веденть трокс ютамо. Азорось фатясь, мезть арсить кисканзо. Кайсинзе одежанзо. Авакась саинзе одежанзо ды ружиянзо ды тусь уезь тона пелев, а борзоесь кундавтызе пулозонзо, уйсть ведьганть омбоце берёкс ды тусть атаманонть вешнеме. Мольсть, мольсть, кадовсь аволь пек васоло атаманонь кудонтень. Кискатне кадызь азорост, а сынсь тусть кудонтень. Мольсть кудыненть икелев, ванить, атаманось кудосонть арась, столь лангсо пидень ямозо ды цела пачалго рестань гуензэ. Совасть кискатне кудонтень, борзоесь саинзе ям чугуонть, авакась — рестань гуйтнень ды седе куроку тусть. Кандызь солдатонтень ямонть ды рестань гуйтнень. Солдатось радовась ды давай седе куроку ярсамо. Ярсась, ярсась, пилензэ «ций» мольсть. Аламос аштезь таго кармась чарькодеме эрва кодамо кельс, кармась кисканзо марто кортамо икеле ладсо. Кармась солдатось арсеме, ков ней модемс: кудов или туемс лия велев эрямо. Арсесь, арсесь ды тусь лия велев эрямо, кудовгак эзь яка, братонзояк эзизе нее.

Лия таркасо солдатось кисканзо марто кармась эрямо пек парсте.

21. СОЛДАТ

Служил один солдат 25 лет, а как отслужил свой срок, отпустили его домой. Идти ему было далеко, железных дорог в ту пору еще не было, ходили пешком. Шел, шел солдат — кончились у него хлеб, деньги. Продал он свою одежду, но и эти деньги тоже израсходовал.

Идет солдат лесами, полями и думает про себя, что же он будет есть, пока не дойдет до своего дома. Вот видит он, стоят какие-то дома. Подошел солдат к этим домам, надеясь там поесть или наняться в работники. Вошел в дом — там человек сидит.

Увидал солдат хозяина-атамана и говорит:

— Здорово, хозяин!

— Здорово, солдат!

— Не нужно ли тебе работника?

— Нужно. А сам ты откуда, куда идешь?

— Со службы.

— Есть ли у тебя родственники?

— Когда уходил — были родители и братья, а теперь не знаю.

— Домой думаешь идти или нет?

— Пошел бы, да у меня нет ни денег, ни одежды.

— Сколько возьмешь за год службы?

— Сколько дашь.

— Ладно. Я дам тебе сто рублей. Работа у меня небольшая. Идем, посмотри.

Вышли во двор. Там целый табун лошадей, больше ничего нет. Посмотрели они и вошли в дом. Хозяин говорит:

— Ты будешь глядеть за этими лошадьми. Три раза в день будешь варить им пищу. Если куда-нибудь тебе понадобится лошадь, то бери из кобыл; жеребцов не трогай, а то они тебя убьют.

Потом хозяин рассказал солдату, как нужно ухаживать за лошадьми и как кормить их, затем дал солдату белую змею и говорит:

— Вот эту змею ты свари мне к обеду. Прокипяти ее в трех водах. Первый раз прокипятишь — слей воду, второй раз прокипятишь — тоже воду слей, а в третий раз воду не выливай, да смотри сам не ешь, а то умрешь.

Взял солдат белую змею и стал варить ее. Сварил так, как велел ему его хозяин. Пришел хозяин и спрашивает своего работника:

— Суп сварился?

— Давно уж.

Сел хозяин, съел змею и воду выпил. Потом пошел к лошадям и стал их спрашивать:

— Работник ел змею?

— Не видели,— говорят лошади.

Опять пришел он к работнику, снова дал ему белую змею варить, а сам сел верхом на лошадь и поехал в лес.

Работник сварил белую змею так, как велел ему его хозяин. Пришел хозяин, сел около котла, съел змею и выпил воду, потом пошел к лошадям, спросил их, не ел ли работник змею. Лошади опять сказали: «Не ел».

Прожил солдат у хозяина полгода. Работа у него была такая: три раза в день варил хозяину змею, кормил лошадей. Хозяину он очень понравился. После полугодовой службы хозяин дал солдату за хорошую работу пятьдесят рублей.

Варит однажды солдат белую змею и думает: «Почему же не велит мне хозяин есть змею? Сам ест — не умирает, а я, говорит, умру». Взял и хлебнул водички, в которой варилась змея. В ушах тут же зазвенело. «Видно, умру», — подумал солдат.

Ждал, ждал смерти, так и не дождался, а уши лучше прежнего стали слышать. Второй раз хлебнул он супу — опять в ушах зазвенело. Потом слышались различные, но непонятные голоса. Солдат взял и поел змеиного мяса. И сразу в ушах зашумело так, как будто кто по голове молотком ударил. Все перед ним закружилось. «Теперь вот умру, недаром не велел он мне есть эту змею». Но вот в ушах перестало шуметь. Посмотрел он — летят воробьи. Один из них говорит:

— Давайте спустимся на верхушку этого дерева.

— Нет,— говорит второй,— давайте полетим подальше.

Солдат понял птичий разговор.

Пришел хозяин и спрашивает лошадей, не ел ли работник змею. Те сказали:

— Не видели.

Опять хозяин дал работнику белую змею и велел сварить, а сам ушел.

Работник не успел еще сварить, как откуда ни возьмись появилась грозовая туча. Лил, лил дождь — кругом пошла вода. Потом дождь прошел, и сразу стало теплеть.

Жеребята во время дождя озябли и, чтобы согреться, стали скакать вокруг лошадей. Один жеребенок скакал, скакал, потом подошел к матери и говорит:

— Мама, а мама, смотри-ка, я самый бойкий.

— Ну, сынок, ты разве бойкий? Вот белоногий наш всех бойчее, за ним никто не угонится.

Солдат услышал, о чем говорили жеребенок с матерью.

Пришел хозяин, поел и ушел куда-то. Солдат пожил два дня и задумал бежать. Пошел, поймал белоногую кобылу. Кобыла говорит:

— Ты далеко меня возьмешь?

— Возьму в свою страну.

— Но меня там тебе не удержать.

— Ну, тогда хоть немного довези.

— Немного довезу, идем.

Сел солдат верхом на лошадь и поехал. Скакал, скакал — доехал до большой реки. Оглянулся он назад — хозяин за ними скачет, думает поймать.

Солдат говорит кобыле:

— Хозяин за нами скачет, хочет поймать нас.

— Не поймает, через эту реку лошадь его не переплывет, через нее только я переплываю.

Успели переправиться через нее. Хозяин прискакал к берегу и крикнул:

— Солдат, если ты смог уехать домой, передай привет польни.

— Ладно, передам.

Потом лошадь проскакала немного и говорит:

— Ну, солдат, теперь отпусти. Если бы не увидел хозяин, то можно было бы везти тебя и дальше, теперь уже не повезу. Давай слезай. Поводья обмотай вокруг моей шеи.

Слез солдат, обмотал поводья вокруг шеи кобылы, попрощался и отпустил ее. Лошадь вернулась обратно, а он пошел пешком.

Долго, не долго ли шел он, дошел до своего села. Идет по селу и смотрит: где же мой дом? На том месте, где он раньше стоял, — пустырь. «Где же теперь живут отец, мать и братья?» — думает солдат. Подошел к нему человек, поздоровался и говорит:

— Отец, мать и братья твои умерли. В живых остался только один брат, он живет на другом конце села.

Пришел солдат к брату, попросился войти в дом.

— Входи! Откуда это ты идешь?

— Со службы.

— Мой брат тоже на службе, только я не знаю, где он.

— Да я и есть твой брат.

Ну, тут братья обрадовались. Собрался народ со всего села на солдата глядеть. Стали гулять, веселиться. Вечером народ ушел.

Брат с женой легли на кровать, а солдат лег на полу. Жена говорит своему мужу:

— Какого черта пришел он чужой хлеб есть? Кто ему заготовил его?

— Пусть живет. Или хлеба нам не хватит? Куда же он пойдет?

— Куда хочет, пусть и идет, а мне он не нужен!

— Тебе не нужен, мне нужен. Твое дело помалкивать.

Солдат не спал и весь их разговор слышал.

Утром встали, брат с женой стали собираться в поле коноплю брать. Солдат говорит:

— Брат, я тоже пойду с вами коноплю брать.

— Куда ты пойдешь? Только пришел и сразу же работать хочешь. Дай хоть ногам отдохнуть.

Женщина покосилась на солдата: почему муж не велел ему идти в поле? Брат с женой ушли брать коноплю, а солдат до их прихода купил ружье и двух собак. Ружье он повесил на стену, а собак привязал к забору. Пришли брат с женой домой, увидели собак, брат и говорит:

— Это ты этих собак добыл?

— Я.

— Очень хорошо, с собакой и мне дома получше будет.

Жена еще больше рассердилась на солдата:

— Пришел сам на готовый хлеб да еще двух собак купил!

— А с собакой разве плохо жить? На дворе залает собака — выйдешь во двор, посмотришь, не чужой ли кто, — закричал на нее муж.

— Собакам уж я не дам хлеба, делай что хочешь.

— Хлеба не дашь — муки дашь, собаки и болтушку поедят.

После ужина солдат попросил хлеба:

— Сноха, дай мне хлебные куски, собак накормлю.

— И самим есть нечего, не только собак кормить.

Муж взял ведро, наполнил его мукой и отдал солдату. Солдат сделал болтушку, накормил ею собак.

На следующее утро муж и жена опять собрались коноплю брать. Солдат снова стал проситься в поле.

— Сегодня не ходи, — говорит брат, — отдохни, завтра пойдешь.

Проводил их солдат в поле, а сам вышел в сени, лег на кровать. Собрались хозяйские куры и стали между собой разговаривать. Петух говорит:

— Вы ничего не знаете?

— Нет.

— Хозяйка завтра лепешки с мышьяком испечет и вот этого человека угостит ими.

Солдат услышал, что говорил петух курам, и задумался: «Поэтому сноха косо и смотрит на меня: умертвить хочет».

Вечером брат с женой пришли с поля, сели ужинать. Солдат не стал ужинать.

— Почему, брат, не ужинаешь? — спрашивает хозяйка.

— Не проголодался.

Так и лег он, не поужинав. Утром встал солдат, смотрит — сноха делает лепешки. Понял солдат, для кого это. Он взял муки, сделал болтушку, накормил ею собак. В это время борзой пес говорит другой собаке:

— Хозяйка нашего хозяина собирается отравить. Она сделала лепешки с мышьяком. Как сядут за стол, хозяйка положит их перед ним.

Солдат понял этот разговор, но никому ничего не сказал. Он вошел в дом и говорит брату:

— Я тоже сегодня пойду коноплю брать.

Пришли втроем в поле. Брат с женой у одной межи встали, солдат — у другой, и берут. Прилетели воробьи, спустились на коноплю и щебечут. Один воробей говорит:

— По одному зернышку глотайте, а по два роняйте на землю, а то коноплю уберут и после нечего будет есть.

В конопле слышит солдат писк мышей. Послушал он, что говорят мыши и воробьи, и улыбнулся. Жена говорит мужу:

— Твой брат надо мной смеется, что я мало убрала.

А солдат смеется над разговором мышей и воробьев. Сноха еще больше обозлилась.

Вечером пришли они с поля, стали ужинать. Солдату женщина положила одни лепешки, а себе и мужу принесла другие. Солдат стал есть не лепешки, а хлеб.

Хозяйка смотрит на него и говорит:

— Почему лепешки не ешь, или они плохие?

— Лепешки завтра я возьму на охоту.

— Это очень хорошо. Ведь это не ржаной хлеб, — обрадовалась она и думает про себя: «Пускай возьмет их с собой, это для меня лучше. Съест там лепешки да там же и подохнет».

Встал утром солдат, положил в сумку лепешки и пошел к товарищу — охотнику спросить, скоро ли тот пойдет на охоту. Перед тем как войти в дом к товарищу, он вынул из сумки лепешку и бросил ее собаке. Потом вошел в дом, спрашивает:

— Ты сегодня пойдешь на охоту?

— Пойду.

— Скоро?

— Как придет отец, так и пойду.

— Ну, ладно. И я пока пойду возьму ружье и собак, а он к тому времени, наверное, вернется.

Пришел солдат домой, взял ружье, собак и опять пошел к товарищу. Пришел и спрашивает:

— Отец вернулся?

— Нет еще. А вот после твоего ухода почему-то сдохла собака.

— Отчего бы это? — говорит солдат.

— Не знаю.

Ждал, ждал солдат прихода отца, так и не дождался. Пошел один на охоту.

Вышел из села, сел на камень и думает: «Спасибо, петух и собаки сказали, что меня хотели отравить, а то бы съел лепешки и ноги бы протянул». Посидел немного солдат, потом встал и пошел. Идет солдат впереди собак и слушает, о чем они говорят.

— Ты первый лови.

— У меня нога болит, сегодня я не буду ловить.

— Ну, болит. Молодой, а ленишься, я старая, может, мне и не попадется ничего.

— Оставь. Сказал, не буду ловить сегодня, значит, не буду. Смотрит солдат, недалеко лиса скачет. Он стал показывать собакам:

— Вот, вот где лиса! Возьми, возьми!

Побежала одна из собак, поймала лису, а борзой и с места не тронулся. Взял солдат лису, снял шкуру, положил ее в сумку и пошел дальше. Глядит — заяц скачет. Он опять показал собакам.

Говорит сука борзому:

— Иди, этого ты поймай!

— Сказал, не пойду сегодня, а завтра буду ловить.

Опять побежала сука и поймала зайца.

Ободрал зайца солдат, положил шкуру в мешок, а мясо разрезал пополам и отдал собакам.

Борзому попался кусок побольше.

— Ленивая собака, ловить не ловишь, а вот ешь. Хозяин такой. Я бы на его месте не дал тебе жрать. Потом, небось, поймал бы, — злится на него сука.

— Замолчи, а то стукну об землю — и жизни твоей конец.

Не выдержал солдат и стал про себя смеяться над спором собак. Поели собаки, и опять солдат вместе с собаками отправился на охоту. Ходили, ходили, ничего не нашли. Наступила ночь. Они нашли стог сена, чтобы переночевать около него. Сам солдат залез в стог, а собаки легли у стога.

Всю ночь сука с борзым спорили.

— Ты ничего не знаешь? — говорит сука борзому.

— Нет.

— Сегодня ночью к брату нашего хозяина придут воровать жеребца.

— Иди покарауль.

— Не пойду, иди ты.

Сука встала и побежала. Прибежала туда, ворота уже сломаны, и дверь конюшни воры ломают. Собака побежала к окну и начала хвостом стучать в окно, а сама лает.

Жена проснулась и говорит мужу:

— Встань, вон твоего брата собаки пришли, а сам где-нибудь мотается.

Встал муж с постели, подошел к окну, посмотрел, видит — собака одна, а брата нет, он говорит жене:

— С братом что-нибудь случилось, потому что собака одна пришла.

— Что сделается этому медведю? Собаку во двор помани, а то она окно расколет.

А сама про себя думает: «Наверное, съел он лепешки и подох. Ну, и горю конец».

Мужик накинул на плечи одежду и вышел во двор. Воры уже хотели было вывести из конюшни жеребца, но, услышав шаги, убежали, а собака с лаем бросилась за ними.

Подошел мужик, глядит — дверь конюшни сломана. «Ладно, собака залаяла, а то жеребца украли бы», — думает про себя. Вошел он в дом и говорит жене:

— Иди накорми собаку. Если бы не она, украли бы нашего жеребца.

Вышла женщина, насыпала отрубей, размешала и пошла домой. Подошла собака, понюхала эту болтушку и возвратилась обратно к стогу сена. Борзой спрашивает:

— Ну как, укараулила жеребца?

— Да... Если бы еще немного не пришла, украли бы жеребца.

— За караул, наверно, накормили?

— Нет, женщина смешала нечистоты с отрубями, так что эту болтушку не только есть, и близко не подойдешь к ней.

А солдат в стоге всю ночь не спал, слышал все, что говорили собаки:

Рассветало. Солдат вышел из стога, взял собак и пошел охотиться. Борзой говорит суке:

— Теперь ты отдыхай, а я буду ловить сегодня зверей.

— Ладно, лови.

Немного отошли, видит солдат — бегут два волка. Солдат показал их собакам.

Борзой говорит суке:

— Ты гляди, как я поймаю обоих волков.

— Двух тебе не одолеть.

— Одолею.

Побежал борзой, догнал волков и начал с ними бороться.

Боролись, боролись — обоих положил. Подошел солдат, а борзой говорит суке:

— Вот как надо ловить!

— Я когда была молодая, тоже так ловила.

Солдат снял с волков шкуры и пошел дальше. Шел, шел — увидел зайца. Сука говорит борзому:

— Иди поймай зайца.

— Поймаю. Пусть подальше отбежит, все равно его догоню.

Заяц ушел далеко, почти не видно стало.

«Теперь все равно не поймать ему зайца», — думает солдат.

Но в это время собака рванулась с места и помчалась за зайцем, схватила его и живьем принесла хозяину.

Взял хозяин зайца и на их языке говорит собакам:

— Молодцы оба.

Как услышали эти слова собаки, подошли к нему, стали разговаривать. Борзой говорит солдату:

— Почему ты так долго не разговаривал с нами?

— Так. Слушал, о чем вы разговариваете.

— Значит, ты слышал наш разговор, когда мы спали у стога сена?

— Да. Слышал, как ты ходила,— говорит солдат,— караулить братниного жеребца, чем накормила тебя за это хозяйка. Всё слышал.

Они очень обрадовались, когда узнали, что хозяин умеет с ними разговаривать.

— Я догадалась. Когда мы спорили и борзой мне сказал: «Перестань меня злить, а то как стукну об землю — и жизни твоей конец будет», ты стал улыбаться. Где ты научился по-нашему разговаривать?

Солдат рассказал, где и как он научился так разговаривать.

После говорит он собакам:

— Ну, идемте домой.

Пошли они втроем. Идут и разговаривают.

Солдат рассказал, как сноха хотела его отравить. Собаки рассказали о своей жизни.

Шли, шли они — нашли загон полыни. Солдат вспомнил, что хозяин велел полыни привет передать.

Подошел он поближе к полыни и говорит:

— Хозяин просил тебе привет передать.

Как сказал он эти слова, сразу перестал понимать собачий язык. Стал разговаривать с собаками — собаки его не понимают. Собаки говорят с ним, а он их не понимает.

Потом солдат жестами стал объяснять собакам, что не понимает их. Собаки догадались, что хозяин перестал понимать их язык. Но из рассказов его они уже знали, где он научился так говорить. Поэтому собаки повели хозяина к тому берегу реки, через который переправила его лошадь хозяина.

Борзой стал показывать хозяину, как надо перейти через воду. Хозяин понял их. Разделся. Сука взяла его одежду и ружье и поплыла на тот берег, а борзой велел хозяину держаться за его хвост и сам поплыл тоже на тот берег. Переплыли они и пошли искать атамана. Шли, шли, вот уж недалеко и дом атамана. Солдат остался ждать, а собаки пошли к дому.

Пришли и видят: хозяина нет дома, а на столе в чугуне суп и полная сковородка жареных змей.

Вошли собаки в дом. Борзой взял чугунок супа, а сука жареную змею и принесли солдату.

Солдат обрадовался и стал есть. Ел, ел — в ушах зазвенело. Через некоторое время он снова стал понимать язык всех животных и птиц. По-прежнему стал разговаривать со своими собаками.

Потом задумался солдат, куда же ему пойти теперь: домой или уйти жить на чужую сторону. Думал, думал и ушел жить на чужую сторону.

И домой больше не ходил, и брата больше не видел.

На чужой стороне солдат со своими собаками стал жить очень хорошо.

22. ВАРДЫНЕ

Эрясть аят-бабат кавонест. Ульнесть сынст кавто цѣраст. Эрясть, эрясть цѣратне тусть сторонав, а аваст кадовсь пешк-сесэ. Ну цѣратне приказасть:

— Авай, бути чачтат тейтерь, кудо конязот содт штереть-пакарть, бути чачтат цѣра — содт сокат-изамот.

Чачсь тейтерь. Аваст содсь штереть-пакарть. Цѣратне сыльть кудов. Састь, састь, варштасть кудо конясо ст штереть-пакарть, велявтсь мекев.

Чачтозь тейтернентень макссть лем Анюта. Сон касы ды касы, кармась улицяв лиснеме. Вардыне кармась покорямонзо.

— Лелявтомо, алявтомо, угол пес! Лелявтомо, алявтомо, угол пес!

Анютань мелезэнзэ апаро, совась кудов, аварди:

— Авай, Вардыне сѣвны, мери: «Лелявтомо, алявтомо, угол пес!..»

Валске сти Анюта, таго лиси ульцяв, Вардыне таго истя сѣвны:

Ле-ля-вто-мо, а-ля-вто-мо, угол пес!

Ле-ля-вто-мо, а-ля-вто-мо, угол пес!

Ле-ля-вто-мо, а-ля-вто-мо, угол пес!

Анютань авазо корты:

— Анюта, тонь улить лелят, сынъ эрить васоло.

Анюта ёвтась Вардынень:

— Мон аволь лелявтоман-алявтоман, монъ улить кавто лелян, ансяк сынъ аволь тесэ эрить.

Вардыне мери:

— Адя, Анюта, лелидетень-алидетень инжекс мольтяно!

Анюта совась кудов ды мери аванстэнь:

— Авай, Вардыне терди лелиденень-алиденень инжекс.

Авазо Анютань пурнызе-сэрнize, банясо парize, наряжize од карьсэ-пакстасо, Варда оршизе рогожанзо ды кармасть туеме. Авазо Анютанень туемадо икеле салава мери:

— Бути, Анюта, Вардыне обижатанзат, — серьгедть монень.

Тусть Вардыне марто Анютат. Молить, молить — мусть чуди ведь. Вардыне мери:

— Анюта, давай экшелятано: кода молят лелидетень-алидетень пулевстэ-панговсто?

— Туемстэ монъ авам банясо паримим.

— Паринзеть ды пулнить ведь!

— Ну, давай экшелятано, — мери Анюта.

Вардыне ёртызе рогожанзо, совась ведьс. Анюта зярс юк-несь-кайсесь, ведьс совась, Вардыне уш лиссь. Вардыне оршизе Анютань одежанзо, кода боярава ашти.

— Вардыне, илить орша монъ палян, а то аванень серьгедян!

— Ават тестэ а мари!

Анюта лиссь веденть эйтэ ды кармась аванстэнь сеереме.
— А-вай, а-а-а-вай, а-а-а-вай, Вардыне оршинзе панарон,
Вардыне оршинзе одежан!

— У-у-у-ужо, у-у-у-ужо, чеке ливтян-совавтан, Вардынень
пря чачк лазан!

— Уй, Анюта, кода ават васов мари!

Вардыне кайсинзе Анютань одежанзо, оршинзе рогожансет-
нень. Анюта оршинзе сонсензэ одежанзо-палянзо ды тусть таго
моleme. Мольсть, мольсть, таго мусть ведь.

— Анюта, давай экшелятано. Кода молят лелидетень-али-
детень пулевстэ? — мери Вардыне.

— Ней а экшелян, манясамак, чиякак одежам оршнить.

— Иля пеле, ней а оршасынь, а манятан, — ответи Вардыне. —

Адя экшелятано.

— Ну, эно давай.

Вардыне таго каинзе рогожанзо, совась ведьс. Анюта зярс
юкснесь-кайсесь одежанзо, совась ведьс, Вардыне лиссь, таго
оршинзе Анютань одежанзо. Анюта неenze ды серьгедсь:

— Вардыне, илить оршне монь одежан: мон аванень серь-
гедян!

— Ават тестэ ней а марятанзат.

Анюта вешсь, вешсь, кармась сеереме:

— А-а-вай, а-а-вай, Вардыне таго оршинзе одежан! А-а-вай,
а-а-вай, Вардыне таго оршинзе одежан!

Авазо ответи:

— У-у-жо, у-у-жо, у-у-жо, чеке ливтян-совавтан, эйсэнзэ
Вардынень пря лазан!

— Уй, Анюта, кода васов ават мари, — мери Вардыне ды
сонсь седе курок Анютань одежатнень кайсинзе, эсензэ рого-
жанзо оршинзе.

Анюта оршинзе руцянзо-панаронзо ды сынть тусть. Яла мо-
лить, яла молить, яла молить, пачкодсть ведь чирес. Вардыне
кевкстни Анютань:

— Анюта, мекс ават пек васов мари?

— Мекс, авам монь панаронть викшнемстэ икельгатненень
сельгсь, мештеватненень навтась, вот секс авам васов мари.

Ютасть сынть веденть вакска, кувать мольсть ды пачкодсть
лия ведь малас. Вардыне мери Анютанень:

— Давай, Анюта, экшелятано, ней а васоло кадовсь лелиде-
нень-алиденень.

— Мон а экшелян, мон пелян, тон таго одежан оршасыть.

— Арась, а оршасынь, мон пелян авадот. Адя экшелятано,
а то кода молят пулевстэ-панговсто.

Ну Анюта, согласась. Вардыне ёртызе рогожанзо, совась
экшелямо. Анюта кайсесь-тейсь, совась ведьс, Вардыне лиссь,
оршинзе сонзэ палянзо-панаронзо. Икельгатнень эйтэ сельгт-
нень шлинзе-нардынзе, мештнень эйтэяк. Анюта лиссь экше-
лямсто, кармась вешеме:

— Вардыне, Вардыне, максыть одежан, мон аванень серъгедян! Вардыне, Вардыне, максыть одежан, мон серъгедян.

— Серъгедть, ней ават тестэ а мари.

Анюта Вардынень кедьстэ вешсь, вешсь, кармась сеереме аванстэнь:

— А-вай, авай, авай! Вардыне оршинзе одёжан, Вардыне оршинзе платиян! А-вай, авай, авай! Вардыне оршинзе одежан, Вардыне оршинзе платиян!

Анютань авазо эзь маря. Сеересь, сеересь Анюта, авардсь, авардсь сон, оршинзе Вардынень рогожанзо, ды тусть сынъ алиденстэнь-лелиденстэнь.

Лелянзо-альянзо, урянзо радовасть пек — Анюта сась инжекс. Вардынень Анютань одежасо озавтызь столь экшс, Анютань рогожань одежатнесэ озавтызь коник лангс — эзизь сода лелянзо-альянзо. Вардынень эйсэ каванить Анютань таркас. Анюта аварди коник лангсо, лелятне-алятне эсь ютковаст мерить: «Мекс аварди Вардынесь ды мезеяк а корты». А Вардыне эсь прынзо ёвтызе Анютакс, Анютань ёвтызе Вардынекс.

Лелянзо-альянзо валске стясть, тусть пивсэме. Пивсызь авнянтъ, састь кудов завторкамо. Вардынень Анютань одежатнесэ кучизь тинге лангое оровтонь ванстома.

— Азё, Анюта, ванстык оровтонть.

Мольсь Вардыне тинге лангов ды кармась нармунтненень сеереме:

— Ка-у, п-у-т-я, ка-у, путя, зёрнань-зёрнань саладо, сювань-сювань каядо!

Нармунтне валгсть, весе зёрнанть сэвизь, сюватненень кадызь. Лелятне-алятне мольсть тинге лангс — сюва, зёрна арась. Ну паро. Лелянзо-альянзо путсть таго лия авня. Валске стясть, тусть пивсэме. Авнясь пивсэвсь. Састь завторкамо ды мерить:

— Азё, Вардыне оровтонть ванстык! (Сон самай Анютась.) Анюта тусь тинге лангов оровтонь ванстома и кармась сеереме:

— Пу-у-утя, ка-у, путя, сювань-сювань са-еде, зёрнань-зёрнань кадодо! Пу-утя, кау, пу-утя, сювань-сювань саеде, зёрнань-зёрнань кадодо!

Нармунтне валгсть, весе сюватненень салызь, весе зёрнатненень кадызь. Лелятне-алятне мольсть тинге лангов, — зёрнатне весе целат. Думить эськаст, «аволь ли те сазоронок». Чокшне лелятне мольсть алашанень човорямо. Анюта (Вардань рогожасось) лиссь кардайс ды кармась сеереме од ковонтень:

— О-од ков, о-од ков, жив а жив монь тетям, жив а жив монь ава-ам?

Ковось каршонзо ответи:

— Тетят аварди столь песэ, ават викшни, аварди столь ало.

Лелятне маризь, чарькодсть, што Вардань одежасось Анюта сазорост, а Анютань одежатнесэ Вардыне. Сынъ мерить аватненень уштомс баня. Аватне уштсть баня, банясь явась. Аватне кармасть баняв туеме ды мерить Анютанень:

— Адя, парьям, парямо!

— Мон а парян, минь самсто Вардыне марто экшелинек.

А аватне мерить таго:

— Адя, Вардыне, парямо!

— Аядо,— мери Анятась.

А Анятань одежасо Вардынесь а моли. Аватне сонзэ силой саизь, одежанзо кайсизь — сонзэ кутьмерьсэнзэ кшнинь пенч (те сонзэ тешксэзэ). Аватне чийсть цёратненень, ёвтасть:

— Те аволь Анята, те Вардыне.

Лелятне сисем иень айгоронь пуло пес содызь Вардынень. Айгортнень нолдызь артнеме. Вардынень прынзо сезизь помилкакс, кедензэ граблякс, пильгензэ крюкакс, пекезэ очкокс ливтась.

Лелянзо-алянзо Анятань кирдеме пек вадрясто кармасть. Сонзэ пурнызь-сэрнизь, озавтызь верце этажов. Сиянь мукорь-алонзо, ашо кошма лангсонзо, пиже мукорь пильгалонзо. Анята викшни, шёлконь суресэ якавты, мишарасо кемельди. Анятань лелянзо-алянзо якить охотас, понедельникстэ туить, суботасто сыть. Туемстэ приказыть козяйкаст туртов:

— Анятань андынк, Анятань симдинк, Анятань раужо палянзо каявтынк, раужо палянзо муськинк!

Анята эри пек парсте: лелянзо пек жалить, а аватненень пек досадна. Цёратне тусть охотав, Анятань покш уряжезэ чавизе сехте вадря реventь. Субутасто састь цёратне, урязо лиссь каршост ды мери:

— Паро, паро сазоронк, вадря, вадря сазоронк: сехте вадря реventь чавизе...

Анятаяк лиссь ды мери:

— Манчи, манчи, леляй, сонсь чавизе!

— Лелязо отвечась:

— А те реве — омбоце!

Ну и паро. Аватне уштсть баня, лелятне парясть, понедельникстэ таго тусть ды таго наказасть:

— Анятань андынк, Анятань симдинк, раужо руцянзо каявтынк, палянзо муськинк!

Анята ансяк соды викшни, шёлк суресэ якавты, мишарасо кемельди. Покш урязо эень вадря скалонт маштызе, субутасто лиссь таго мирдензэ вастомо ды пеняци:

— Паро, паро сазоронк, вадря, вадря сазоронк. Эень вадря скалонт чавизе.

А Анята лиссь ды мери:

— Леляй, манчи, манчи урям, сонсь чавизе!

А лелянзо ответить:

— А те скал — омбоце!

Аватне уштсть баня, лелятне парясть, понедельникстэ таго тусть охотас, таго наказыть:

— Анятань андынк, Анятань симдинк, раужо палянзо каявтынк, руцянзо муськинк!

Покш урянтень яла досадна, саизе ды кардсо айгоронть чавизе. Субутаство лиссь мирденть вастомо ды мери:

— Паро, паро сазоронк, вадря, вадря сазоронк: кардсо айгоронть чавизе!

Анюта лиссь ды мери:

— Манчи, манчи, леляй, сонсь чавизе.

А лелятне таго истя ответить:

— А те айгор — омбоце!

Аватне уштеть баня, лелятне парясть, понедельникстэ тусть, а туемстэ таго приказасть:

— Анютань андынк, Анютань симдинк, раужо руцянзо каявтынк, палянзо муськинк.

Анюта верце этажсо, сиянь мукорь алонзо, пижень мукорь пильгалонзо, сон викшни, шёлк суресэ якавты, мишарасо кемельди.

Урязо саизе ды чавизе сонсензэ покш цёранзо. Субутаство састь лелятне. Урязо мольсь каршост, авардезь мери:

— Паро, паро сазоронк, вадря, вадря сазоронк: сон покш цёранок чавизе!

А Анюта лиссь ды мери:

— Манчи, манчи, леляй, сонсь чавизе!

А покш лелясь мери:

— Неужели козьякам сонсензэ цёранзо сонсь чавсы? Те аволь скотина!

Покш лелязо кильдсь алаша, озавтызе Анютань алашас, ускизь вирев. Керясть тумо, тумонть лазызь, покш лелясь Анютань кедензэ пекстынзе лазовксонтень ды тусть.

Анюта эрясь, эрясь, лангстонзо палянзо наксадсть, кедензэяк наксадсть. Анюта эри вирьсэ, ярсы пангодо, кстыйде. Юты алашасо бояр, баягазо маряви. Анюта ков-ков ды ундс эцесь. Бояронть марто ульнесь кискине. Кискинесь чинензэ маризе ды кармась онгомо. Боярось мери кучерэистэнь:

— Аштека, тесэ мезеяк ды ули!

Кучерэсь лоткавтынзе алашатнень, боярось мольсь кискинень ваксс ды ундонть кевкстни:

— Тесэ мезе?

— Ломань, — ответи Анюта.

— Мекс тесат, мекс кекшить ды а лисят?

— Виздян: мон штапан.

— Лиссть давай, иля визде, мон тетя оршамот максан.

Анюта лиссь, бояр максь тензэ оршамот, Анюта оршась. Боярось озавтызе мартонзо ды ускизе кудов. Боярось пурнызе-сэрнize Анютань кода эряви. Анюта пек мазый, ансяк кедь-лапанзо арасть.

А бояронть ули цёразо. Сон саизе ды цёрантень козьякакс Анютань венчизе. Анютань хотя арасть кедензэ, но пек вадрясто кирдить эйсэнзэ, пек вадря эрямозо.

Эрясть, эрясть — Анютань мирдензэ саизь солдатокс, Анюта

жо кадовсь пешксесэ. Сон чачтась цёра кшнинь кочкаря, кев касомо, усъксэ тапардань канжамо, конясонзо чи, касомсонзо ков, пря куншкасонзо — тештть. Аниютань мирдентень кучсть сёрма, кодамо чачсь цёразо. Аниютань уряжозо почтовой агент, се серманть ловнызе, фатясь. Сон се сёрманть сезнизе, а тарказонзо сёрмадсь, што козяйказо чачтась сисем киска левкст ды Аниютань мирдентень кучизе. Аниютань мирдесь ловнызе ды кучсь тосто сёрма: «Хоть сисем киска левкст чачтозо, самозон илинк пане». Таго пачкодсь урянстэнь те сёрмась, ловнызе сёрманть, сезнизе ды сонсь сёрмадсь сёрма: «Хоть и чачтась цёра кшни кочкаря, конясонзо чи, касомосонзо кев, пря куншкасонзо тештть — молемазон илязо уле кудосо».

Тетязо пурнызе-сэрнизе урванть ды мери:

— Хоть, урва, жаль маряват,— праштай, провожатан. Саизе Аниютань, сьолмизе эйкакшонть мештезэнзэ. Аниута тусь. Мольсь, мольсь — мусь лисьмапря ды цёрынесь мери:

— Авай, симемам сась, авай, симемам сась!

— Ух, цёрам, кода симтян: монь кедень арасть.

Мольсь лисьма лангс атя ды мери Аниютанень:

— Давай, дочам, навить кедеть ведьс.

Аниута навинзе кедтнень ведьс — кедьлапат чачсть, ещё навинзе — сурт теевсть.

— Ну, ней, дочам, симдик эйкакшонть.

Аниута симдизе, ды тусть сынь ков сельмест неить.

Мольсть, мольсть — пачкодсть велес. Кевкстсть квартирас, нолдызь. Совасть удомо,— как раз тосо солдат, Аниютань мирдезэ. Сон служамсто сы. Аниута мирдензэ содызе, а солдатось а думи мезеяк: Аниютань арасть кедензэ, эйкакшозояк арась, чачтокшнось и то сисем киска левкст. Аниута мери эйдентень:

— Азё, цёрам, шапкат саик ды солдатонтень мерть: «Шумбрат, тетяй!»

Се саизе шапканзо, сьюконясь ды мери:

— Шумбрат, тетяй!

Солдатось абунгадсь.

— Монень кучсть сёрма — козяйкач чачть сисем киска левкст, а мон каршост отвенинь — хоть и сисем киска левкст, но самозон илинк пане.

Мейле вейкест-вейкест содасть сынь, тусть вейсэ кудов. Боярось пек радовась.

Эрить пек вадрясто. Чись сась субута, совась тенст нищей цёра. А се нищеесь Аниютань лелязо. Аниута лелянзо содызе, а лелязо Аниутадо а думияк. Сон сонсь ускизе Аниютань вирев, арси: сон умок уш кулось.

Аниута тусь баня уштомо, цёрынесь мартонзо мольсь, цёрынентень Аниута приказы:

— Цёрам, молят кудов, мерть, авай, ёвкс ёвтак.

Банясь явась. Мольсть кудов ават-цёрат, цёрынесь мери:

— Авай, ёвкс ёвтак, авай, ёвкс ёвтак!

Анюта каршонзо отечи:

— Эх, цёрынем, мезень мон ёвкс ёвтан, эсь прямгак код: ёвкс,— мери Анюта.

— Авай, хоть эсь прядот ёвтнек!

Анюта кармась эсь прядонзо ёвтнеме, а лелязо полук ланг со кунсолы. Анюта ёвтнизе весе эрямонзо. Лелязо валгсь по лок лангсто, поводсь Анютань кирьгас.

— Неужели, Анюта, тон?

— Леляй, мон.

Лелянть каванизь вадринестэ. Мартонзояк макссть.

22. ВАРДЫНЕ

Живут старик со старухой, вырастили они двоих сыновей те решили уйти на сторону, а мать осталась в положении, сыновья наказали ей:

— Мама, если родишь девочку, то на конек дома повеси веретено-гребень (прядельные инструменты), если родишь сына — повеси соху-борону.

Родила мать девочку. Повесила на конек дома веретено-гребень. Сыновья возвращаются домой и видят — на коньке дома висит веретено-гребень, и повернули обратно.

Новорожденной девочке дали имя Анюта. Она растет да растет. Стала выходить гулять на улицу. Вардыне укоряет ее:

— Без старшего брата об угол! Без старшего брата обуго.

Нехорошо на душе у Анюты стало, вошла в избу и плачет

— Мама, Вардыне дразнит меня, кричит: «Без старшего брата об угол...»

Утром Анюта встанет, только выйдет на улицу, Вардыне опять начинает дразнить:

— Без стар-ше-го бра-та об у-гол!

— Без стар-ше-го бра-та об у-гол!

— Без стар-ше-го бра-та об у-гол!

Мать Анюты сшила новую рубашку, стала ее вышивать плюнула на вышивку подола, затем на грудные вышивки и говорит:

— Анюта, у тебя есть братья, они живут далеко.

Анюта сказала Вардыне:

— Я не без старших братьев, у меня есть два брата, только они живут не здесь.

Вардыне говорит:

— Пойдем, Анюта, к твоим братьям в гости?

Анюта вошла в избу и говорит матери:

— Мама, Вардыне зовет меня в гости к братьям.

Мать собрала Анюту, помыла в бане, обула в новые лапти и онучи, а Вардыне одела свою рогожу, и тронулись. Мать в ред уходом потихоньку Анюте шепнула:

— Если, Анюта, Вардыне обидит тебя, крикни мне.

Ушла с Вардой Анюта. Идут они, идут — нашли проточную воду. Вардыне говорит:

— Анюта, давай купаться. Как же ты придешь к братьям вся в пыли?

— Перед уходом меня мать в бане помыла.

— Помыла, да ведь запылилась.

— Ну, давай искупаемся,— говорит Анюта.

Вардыне сбросила с себя рогожу, вошла в воду.

Пока Анюта раздевалась, разувалась и купалась, Вардыне уже вышла из воды, надела одежду Анюты и стоит, словно барыня.

— Вардыне, не надевай мою одежду, я матери крикну!

— Мать не услышит!

Анюта вышла из воды и стала кричать матери:

— А-вай, а-вай, а-а-а-вай¹, Вардыне надела мою рубашку, Вардыне надела мою одежду!

— Подожди, вынесу-внесу мотовило, Варде голову разобью!

— У-у, Анюта, как далеко слышит твоя мать.

Вардыне сняла с себя Анютину одежду, надела рогожу. Анюта надела свою одежду, и отправились дальше. Шли, шли, опять нашли воду.

— Анюта, давай искупаемся. Как ты придешь к братьям вся в пыли? — говорит Вардыне.

— Теперь купаться не буду, обманешь меня, мою одежду наденешь.

— Не бойся, теперь не надену, не обману,— отвечает Вардыне.— Как же пыльная придешь к братьям? Пойдем искупаемся.

— Ну, ладно, давай.

Вардыне опять сняла рогожу, спустилась в воду. Пока Анюта раздевалась, разувалась и купалась, Вардыне вышла и надела одежду Анюты. Анюта увидела и крикнула:

— Вардыне, не надевай мою одежду, я крикну матери!

— Мать отсюда тебя не услышит.

Анюта просила, просила и стала кричать:

— А-а-вай, а-а-вай, Вардыне опять надела мою одежду!

— А-а-вай, а-а-вай, Вардыне опять надела мою одежду!

Мать отвечает:

— Подожди, вынесу-внесу мотовило, Варде голову разобью!

— Уй, Анюта, как далеко слышит твоя мать,— сказала Варда, и сама побыстрее сняла одежду Анюты, надела свою рогожу.

Анюта надела свою рубашку, и пошли. Идут и идут, идут и идут, идут и идут; дошли до воды. Вардыне спрашивает Анюту:

— Анюта, почему твоя мать очень далеко слышит?

¹ Мать.

— Моя мать, когда вышивала рубашку, плюнула на вышивку подола, затем на грудные вышивки, вот поэтому она далеко слышит.

Они прошли мимо воды, долго шли и дошли опять до воды. Варда говорит Аняте:

— Давай, Анята, искупаемся, теперь недалеко осталось до братьев.

— Я не буду купаться, боюсь, ты опять наденешь мою одежду.

— Нет, не надену, я боюсь твоей матери. Пойдем искупаемся, а то как придешь вся в пыли?

Анята согласилась. Вардыне сбросила рогожу, спустилась в воду. Пока Анята раздевалась, купалась, Вардыне вышла из воды и надела рубашку Аняты. Она смыла и вытерла с вышивок на рубашке плевки матери Аняты. Анята вышла из воды и стала просить:

— Вардыне, Вардыне, отдай мою одежду, я крикну матери!

— Вардыне, Вардыне, отдай мою одежду, я матери крикну!

— Крикни, теперь мать отсюда не услышит.

Анята стала кричать матери:

— Авай, а-вай, а-вай! Варда надела мою одежду, Варда надела мое платье! Авай, авай, авай! Варда надела мою одежду, Варда надела мое платье!

Мать не услышала Аняту. Кричала, кричала, плакала, плакала она, оделась в рогожу Варды, и пошли к братьям.

Старшие братья очень обрадовались—Анята пришла в гости. Варду в одежде Аняты посадили за стол, а Аняту, одетую в рогожу, посадили на кровать, не узнали ее старшие братья. Варду угощают вместо Аняты. Анята плачет на кровати, а старшие братья меж собой говорят: «Почему плачет Варда и ничего не говорит, не наша ли она сестра?»

Встали утром братья, пошли молотить. Обмолотили овин, пришли домой завтракать. Варду в одежде Аняты послали на ток караулить ворох.

— Иди, Анята, покарауль ворох.

Пошла Варда на ток и стала созывать птиц:

— Ка-у, п-у-т-я, ка-у, путя, по зернышку, по зернышку берите, по мякине бросайте!

Птицы спустились на ток, все зерно склевали, а мякину оставили. Старшие братья пришли на ток—одна мякина, зерна нет. Ну, хорошо. Братья приготовили другой овин. Утром встали и пошли молотить. Обмолотили овин, пришли завтракать и говорят:

— Иди, Варда, покарауль ворох! (А эта была Анята.) Анята пошла на ток охранять ворох и стала выкрикивать:

— Пу-у-утя, к-ау, путя, по мякинке, по мякинке берите, по зернышку оставляйте! П-у-у-тя, кау, пу-утя, по мякинке, по мякинке берите, по зернышку оставляйте!

Птицы спустились на ток, всю мякину потаскали, а зерно оставили. Братья пришли на ток — все зерно целое. Они думают про себя: «Не эта ли наша сестра?» Вечером братья вышли месить корм лошадям. Анюта в рогоже Варды вышла во двор и стала взывать к новолунию:

— Новолуние, новолуние, жив или нет мой отец, жива или нет моя мать?

Луна ей отвечает:

— Отец плачет, и мать вышивает и плачет.

Братья услышали, догадались, что в одежде Варды их сестра Анюта, а в одежде Аниюты — Варда. Они велели женам истопить баню. Жены истопили. Стали они собираться в баню и говорят Аниюту:

— Пойдем, золовка, париться!

— Я не парюсь, мы с Вардой в дороге купались.

А жены спросили:

— Пойдем, Варда, париться!

— Пойдемте, — отвечает Варда (Анюта).

А Анюта (т. е. Варда) не идет. Жены насильно взяли ее, сняли одежду — на ее спине железная ложка (это ее метка). Жены прибежали к мужьям и сказали:

— Это не Анюта, это Варда.

Братья привязали Варду к хвосту семилетнего жеребца. Жеребца выпустили, голова Варды отлетела, как помело, руки, как грабли, ноги, как крючья, живот, как корыто.

Братья и их жены стали Аниюту почитать, ее одели-обули, посадили на верхний этаж. Под ней серебряная подставка, накрыта белой кошмой, под ногами медная подножка. Анюта вышивает, мягкой ниткой расшивает, мишурой отделяет. Братья в понедельник уходят на охоту, а в субботу приходят. Перед уходом наказывают женам:

— Аниюту накормите, Аниюту напоите, грязное белье с Аниюты снимите, постирайте!

Анюта живет очень хорошо, братья ее жалеют, а женам досадно. Братья ушли на охоту. Жена старшего брата убила самую лучшую овцу. В субботу вернулись братья, жена старшего брата вышла к ним навстречу и говорит:

— Хороша, хороша ваша сестра, добра, добра ваша сестра: самую лучшую овцу убила...

Анюта тоже вышла и сказала:

— Неправду, неправду говорит, брат, — сама убила!

А брат ответил:

— Не эта овца — другая!

Ну, и хорошо. Жены истопили жарко баню, мужья попарились, в понедельник опять отправились на охоту и наказали своим женам:

— Аниюту накормите, Аниюту напоите, грязное белье с нее снимите и постирайте!

Анюта знай вышивает, мягкой ниткой расшивает, мишурой отделяет. Жена старшего брата убила самую лучшую корову, а в субботу вышла встречать мужа и жалуется:

— Хороша, хороша ваша сестра, добра, добра ваша сестра: самую лучшую корову убила.

А Анюта вышла и сказала:

— Брат, неправду говорит жена, — сама убила!

— Не эта корова — другая!

Жены истопили баню, мужья попарились и в понедельник снова отправились на охоту, опять наказали:

— Анюту накормите, Анюту напоите, грязное белье с нее снимите и постирайте!

Жене старшего брата досадно; она убила в конюшне жеребца. В субботу вышла встречать мужа и жалуется:

— Хороша, хороша ваша сестра, добра, добра ваша сестра: в конюшне жеребца убила!

Анюта вышла и сказала:

— Неправду, неправду она говорит, брат, — сама убила.

А братья опять так ответили:

— Не этот жеребец — другой, — опять не стали обвинять Анюту.

Жены истопили баню, мужья попарились, в понедельник отправились на охоту, перед уходом наказали женам:

— Анюту накормите, Анюту напоите, грязное белье снимите и постирайте.

Анюта на верхнем этаже, под ней серебряная подставка, под ногами медная подножка, она вышивает, мягкой ниткой расшивает, мишурой отделяет.

Жена старшего брата убила своего старшего сына. В субботу пришли братья. Жена старшего брата вышла навстречу и сквозь слезы промолвила:

— Хороша, хороша ваша сестра, добра, добра ваша сестра: она нашего старшего сына убила!

А Анюта вышла и говорит:

— Неправда, неправда, брат, — сама убила!

Старший брат сказал:

— Неужели жена моя своего сына убьет? Она не скотина!

Старший брат запряг лошадь, посадили Анюту и повезли в лес. Срубили дуб, надкололи его, старший брат зажал руки Анюты в щель, и уехали.

Долго Анюта мучилась, на ней одежда сгнила и руки сгнили. Живет Анюта в лесу, питается грибами, ягодами. Однажды проезжает на лошади барин. Анюта с испугу залезла в дупло. А с бариним была собачка. Она почуяла запах и стала лаять. Барин крикнул:

— Стой, кучер, здесь что-то есть!

Кучер остановил лошадь, барин подошел к дуплу, спросил:

— Здесь кто?

— Человек, — ответила Анята.

— Почему здесь, почему спряталась и не выходишь?

— Стыжусь: я голая.

— Выходи, не стыдись, я тебе одежду дам.

Анята вышла, барин дал ей одежду, она оделась. Барин посадил ее и привез домой. Обул-одел Аняту как полагается. Анята очень красивая, только нет кистей рук.

У барина был сын. Он обвенчал Аняту с сыном.

Недолго жили они вместе — мужа Аняты взяли в солдаты, а Анята осталась в положении. Она родила сына с железной пяткой, каменной макушкой, с обвитыми проволокой коленями, на затылке луна, по голове звезды. Мужу Аняты послали письмо, написали, какого сына она родила. А тетка Аняты — почтовый агент. Это письмо прочитала, изорвала и написала другое, что жена родила семь кутят, и послала мужу Аняты. Муж Аняты прочитал и пишет: «Хоть семь кутят родила, до моего приезда не выгоняйте». Дошло это письмо до тетки, прочитала, изорвала, вместо него написала: «Хоть и родила сына с железной пяткой, с солнцем на лбу, с луной на затылке, со звездами на голове, но к моему возвращению чтобы ее не было».

Отец собрал сноху и говорит:

— Хотя и жалко тебя, сноха, — прощай, провожу тебя.

Он привязал ребенка к груди Аняты, и Анята ушла. Шла, шла, шла — нашла родник, и мальчик говорит:

— Авай, пить хочу, авай, пить хочу!

— Ух, сынок, как я напою тебя: у меня нет ладоней.

К роднику подошел старик и говорит Аняте:

— Давай, доченька, опусти свои руки в воду.

Анята опустила руки в воду — выросли ладони, еще раз опустила — образовались пальцы.

— Ну, теперь, доченька, напои ребенка.

Анята напоила ребенка и пошла куда глаза глядят.

Шли, шли — дошли до села. Они попросились на квартиру — их пустили. Как раз в этот дом попросился переночевать солдат, муж Аняты. Он возвращался со службы. Анята узнала мужа и говорит ребенку:

— Иди, сынок, сними шапку и скажи солдату: «Здравствуй, отец!»

Мальчик снял шапку, поклонился и сказал:

— Здравствуй, отец!

Солдат удивился.

— Мне написали письмо, что жена родила семь кутят, а я ответил: хоть и семь кутят, до моего приезда не выгоняйте.

Узнал он жену, и пошли они вместе домой. Барин очень обрадовался.

Стали они жить хорошо. В субботу вошел к ним нищий. Этот нищий был старший брат Аняты. Анята узнала его, а он не узнал ее, думал, что она давно уже умерла.

Анюта пошла топить баню и мальчик с ней, Анюта наказывает ему:

— Сынок, придешь домой, скажи: авай, сказку расскажи!

Баня истопилась. Пришли домой мать с сыном, сын говорит:

— Авай, расскажи сказку, авай, расскажи сказку!

— Эх, сыночек, какую сказку я расскажу, коль своя жизнь сказка, — отвечает Анюта.

— Авай, расскажи хоть о себе!

Анюта стала рассказывать о себе, а старший брат слушает на полатах. Анюта рассказала всю свою жизнь. Старший брат слез с полатей, повис на шее Анюты.

— Неужели, Анюта, это ты?

— Я, брат.

Брата угостили честь-честью. И с собой ему дали что нужно.

23. ДУБОЛГО ПИЧАЙ

Эрясть-аштеть мастор лангсо кавто ломанть: атят-бабат. Атянь-бабанть ульнеть кавто цёраст ды Дуболго Пичай лемсэ тейтерест. Дуболго Пичай истямо мазый ульнесь, сонзэ кондямо мазый мастор лангсо ве тейтерьгак аволить муе.

Сынст тетяст прась — кулось, авасткак прась — кулось. Кадовсь Дуболго Пичай ансяк кавто лельканзо марто. Лельканзо кавонест сонзэ пек вечкилизь.

Ве лельказо охотав пурны, сазорост сонзэ ильтемензэ лиси. Лельказэ мери тензэ:

— Тонь таланозот истят зверть, нармунть понгить, сестэ тонеть, Дуболго Пичай сазорнэм, суркст, кетькст раман.

Омбоце лельканзо ильтеме лиси, сонгак тензэ истя, то тень, то тонань алты.

Лельканзо мезе иляст алта, сень рамасызь тензэ: сонзэ таланс ёвтазь звертне, нармунтне апак понго а кадовить.

Лельканзо курокто вейкест-вейкест мельга урвакстнеть. Козяйкат тенст а парт, а вадрят понгсть: эрьва чистэ мирдест марто сёвныть, эсь ютковасткак киялт-ялгат прок кискат-псакат эрить. Эсь ютковаст кода беряньстэ а эрить, Дуболго Пичай парьяст лангс кавонест вейсэ кенгелить: сонзэ сынь сэвезь сэвевлизь, нилезь нилевлизь. Сынь сонзэ вечкемензэ васень чистэ мик эзть карма.

Лельканзо охотав пурныть, сазоронстэнь тень, тонань алтыть, козяйкаст туртов мезеяк а алтыть. Сынь икеле козяйкаст таланскак алтнеть, ды сестэ тенст, насмейть ладсо, мезеяк эзь понгоне.

Весть истя лельканзо тусть охотав. Урьканзо арсить сонзэ ёмавтомо. Вана мезе, мерить, минь тейтяно: сынст вечкема модадо шождыне паро карей айгорост куловтсынек. Сыть кудов, сонзэ лангс ёвтатано. Мертяно: «Тынк вечкема сазоронк Дуболго Пичай паро тев тейсь: модадо шождыне паро карей айгоронк

таго мейс куловтызе». Саизь ды сынсь паро карей айгорост куловтызь.

Лельканзо сыть охотасто эрва кодамо зверь, эрва кодамо нармунь мартост ускить, сазорост туртов эрва кодат казнеть ускить.

Лиссть урьканзо каршозост вайгельсэ рангозь. Эрвась эсь мирденстэнь пеняци:

— Вай, полынем диринем, мезе тейсь тынк вечкема злодей сазоронк. Сон модадо шождыне вечкема паро айгоронк куловтызе. Сон а минекэйсэ, а тынк эйсэяк а вечки, хоть эрва мезть рамсетядо тензэ, сон эрва кодамо берянь темень тееме арси тенк.

Лельканзо мерить:

— Мелявкс, кулозо минек модадо шождыне паро айгоронок, минь лия истямо жо паро айгор мутано, истямо таланов, превей, сэтьме сазор а муеви тенек.

Лельканзо Дуболго Пичай лангс эзьт жежиявто: мартост ус-козь гостинест весе максызь тензэ.

Уряжонзо жежест седеяк пек састь. Пейсэст чикордозь чикордыть.

«Минь тонь, душман парьянок, кодаяк ды ёмавттадызь. Лоткить лелькат вечкеметь ды сисем иесэ айгоронь пуло пес сюлматадызь».

Лельканзо тусть икеле ладсо таго охотав.

Покш уряжозо саизе ды эсензэ вишка потяка эйкакшонзо сонсь маштызе. Ёвтатано, мери, Дуболго Пичай лангс: сестэ лельканзо лангозонзо жежиявтыть... алашань пулос паряк содсызь.

А сонсь, душман, кирви толкс лыйни, смолакс лаки. Лельканзо охотасто састь, мартост седеяк ламо эрва мезть усксть.

Урьканзо каршозост орта ушов, рангозь, вайгельсэ лайшезь, лиссть.

— Тынк, мерить, вечкема душман сазоронк паро теь тейсь... Вай, полакай, тонь эйдинеть печкизе! Сон, сон, душман, печкизе!

Лельканзо тензэ таго мезеяк эзьт тее, эзизь мурнеяк. Лельканзо таго икеле ладсо тусть охотав, сазорост ильтемест лиссь: сонсензэ сельведензэ крупна кснавкс польдерьсэ кеверить.

Вейке лельказо мери:

— Бути, сазорнэм, истямо, истямо зверь или нармунь тонь таланс чаван, сестэ тонеть сень, сень раман. Омбоце лельказояк истя жо алты тензэ.

Лельканстэнь те охотастонть седеяк ламо понгонесь эрва кодамо зверь, эрва кодамо нармунь. Сынть те чинть чавность, чавность, удомояк тоско, вирьс, кадовсть.

Веженсесь мери:

— Лелинем-корьминем, ёвтакая тень, мекс истя течи монь седеем пек ризны?

— Монь монсеньгак, браткем, седеем а таркасонзо. Уряжот марто козьякат Дуболого Пичай марто мезеяк а паро авольть тее. Минек сазоронк превей, вадря, нармунень кондямо сътме ломань, уряжот марто козьякат кенгелить лангозонзо: сонензэ ли истят апаро тевть тейнемс.

Кода мирдест тусть охотав, уряжонзо эсь ютковаст кортыть:

— Минь, мерить, ней вана мезе тейтяно: сайсынек ды Дуболго Пичаень эсензэ куловтсынек. Тон, киялнэм, азё пси баня уштт, покш котелсонть шта лакавт. Кода банясь яви, штась лаказеми, ведень кондямо вецанакс тееви, сестэ монень ёвтак.

Веженсь киялозо истя тейсь. Сынськак киялт-ялгат тусть баняс, Дуболго Пичай парьясткак мартост саизь. Банясонть урьканзо вейке омбоцеде седе паро: и шлить-нардыть и пезыть-экшелить эйсэнзэ.

— Дуболго Пичай парья, аштекая парынесть: минь минсь тонь и шлятадызь-нардатадызь, и пезтадызь:

Веженсь урьказо мери:

— Я, и шлявить, надавить, и пезэвить, ней аштек ансяк экшелятадызь. Уряж, а уряж, тукая лембе ведне, экшелясынек Дуболго Пичаень!

Покш уряжозо озорнойшка яндава канды. Варштась парьяст — ведь, сыркак эзь мере. Кодак уряжозо яндавастонть лангозонзо валызе, сон сеске «ох» апак мере кеверезь кеверсь. Яндавасонть аволь лембе ведь, пси, лаки варонь кондямо, солавтозь шта ульнесь. Штась Дуболго Пичаень весе теланзо човинька лопинень кондямо слоекс вельтизе ды кирьга парензэ и пиле варяно покш поколькс теевезь потомдынзе. Истя теезь, урьканзо Дуболго Пичайде шождыньгадсть.

Уряжонзо сонзэ банясто седе курок кудос кандызь. Кандолайс путомань кисэ парынесть пурнызь-сэрнизь, эзем пряс мацтизь. Кармасть мирдест охотасто кудов учомо. Сынь кудов кувать а сыть. Кавонест киялт-ялгат веньберть эзь удо — пельсть.

Чинзэ лисема марто мирдест охотасто кудов мурдасть. Сынст седеест эзь кирде. Козьякаст каршост вайгельсэ лайшезь, сельведь потсо лиссть.

— Вана, мерить, тынк вечкема сазоронк туртов таго-мезе теевсь, прась ды кулось. Минь тынк эйсэ чокшнень перть, веньберть учинек, учинек, эзиде учово. Минь сонзэ тынстеменк шлязь, нардазь, экшелязь, судрязь, кандолайс путоманзо оршинек. Азёдо, совадо, дирень-сазоронк лангс варштадо ды кандолазт анокстадо.

Сынсь ёвтнить мирдест туртов, сынсь вайгельсэ рангить. Совасть мирдест кудос. Вануть — Дуболго Пичай сазорнэст эзем прясо ловонь кондямо ашо кошт ало мадезь ашти. Чамазо штавтозь, сон, лангозост ансяк а ваны, ансяк а мери тенст:

«Лелинень-диринень, лелинень-ванынень! Мезень кис монь ёмавтымизь уринень?»

Польдерь-польдерь! — мерсть лелянзо сельведест. Тейсть сынъ тензэ та-кодамо а наксадыця чувтсто кандо лазт. Путызь эйзэнзэ Дуболго Пичай сазорнэст. Сонзэ та-кодамо васоло вирь куншкас колмо киулос ускизь. Аравтсть сюрлов чувтт, лангозост кандолазтнэнь путызь. Сюрловтнэнь лангс кандолазтнэнь ваксс товзюродо пештезь кептерть аравтсть. Лелянзо сазорнэст ускизь, сынсь мекев кудов мурдасть. Уряжонзо эзь содаяк Дуболго Пичай парьяст тов путомадо.

Эрясь-аштеть дова бабине. Сонзэ Виртян лемсэ цёразо уль-несь. Виртян кассь ломанькс, кундась тевс. Виртян кодамо тевс а кунды — таланозо мейсэяк арась. Сон ансяк мацейде пек таланов ульнесь: сонзэ мацеензэ коряс вадрят, куят мацейть весе велесэст киньгак арасельть. Ваны сон — мацеензэ кудов сакшныть яла ве ёндо. Кона ёнов бу аволинзе ильтя валске, чокшне мацеензэ яла секе ёндо сакшныть кудов. Думи, арси Виртян:

— Мездеяк, мери, монь таланом арась, ансяк мацейде таланован. Ков истя монь мацеень якить? Сынъ ковгак тонадсть ве таркас. Ну-ка, карман мон мельгаст ванстома.

Омбоце чистэ сон мацеензэ кона ёновгак эзинзе пане; ков, мери, молить, кадык молест, монськак мельгаст, а кадован. Мацеензэ эсест вечкема таркаст ёнов тусть. Мацейтне молить, сонгак а кадови.

Пачкодсть покш ведь чирес. Мацесензэ веденть омбоце пелев уезь лиссть, Виртянкак мельгаст уеме, ды аламодо эзь вая, ведесь пек бойкасто чуди.

Мацеензэ, ведтенть аволь пек васов туезь, лоткасть. Ваны сон — а покшке полянка. Полянканть куншкасо колмо киулот. Киулотнэнь эйсэ сюрлов чувтт аштить; алоост товзюро певери, лангсост кандолазт аштить. Кандолазтнэнь кавто пельгаст кептерть аравтозь. Ваны — товзюрось певери кептертнэстэ. Сон, кувать апак вано кандолазтнэнь саинзе лавтовонзо лангс ды мартост витьстэ кудов. Мекев покш веденть чирес пачкодсь.

— Бути саласамам ведесь, кавоненек саламизь эно. Мон кандолазтнэде а яван ней. Печкеван, кудов кандсынъ, аванень невтьсынъ: сон ёвты тень, мезть мартост теемс. Мезе ули, вейсэ уеме карман, а менстясынъ кедьстэнь.

Совась Виртян покш ведьс: ведесь тензэ ансяк карькс тапардамга. Пачкодсь Виртян куншка видьс. Варштась сон ве ёнов — ведесь стенакс лоткась, варштась ало ёнов — ведесь эль коськи. Сон ведьстэнтъ ансяк кенерсь лисеме, ведесь рангозь тусь чудеме.

Кандынзе Виртян кандолазтнэнь кудов, невтинзе аванстэнь. Авазо мерсь штавтомост. Кода штавтызь, тосо тантей цецька чине качадома кармась. Кандолазтнэсэ таго-мезе коцтсо вельтязь. Коцтонть штавтызь, ваныть — тейтерень паро тейтерь.

Авазо Виртяннэнь лисемс мерсь. Лисемадонзо мейле, авазо тейтеренть покай сюлгамонзо менстизе, лангонзо меште видьга штавтызе. Ваны сон тейтеренть лангс ды арси: те тейтерь паро

чись кулозь ломань улемс эряволь, лангс ваномс, ансяк нсяк матедевезь ломанень кондямо.

Кармась кургонзо автеме, кургозояк автеви (кулозь ломанень кургозо кеместэ сёлгозь эри). Автизе кургонзо, варштась тов, ней тосто — вежгель видьга таго-мейсэ потомдазь кирьга парезэ: пиле варянзояк потомдазь. Потомксонть сокаркстызе — шта. Чарькодсь бабинесь.

— Штанть, мери, лембе банясо солавтомс эряви. Серьгедизе цёранзо. Азёка, мери, Виртян цёрам, ушта лембе баня.

Банясь явась. Авазо тейтеренть кандолазнэк баняс кандовтызе. Таргизь сонзэ кандолазтнэстэ, мацтизь полук лангс. Виртяннэнь авазо банястонть лисемс мерсь. Сон лиссь. Тейтеренть лембе полук лангсо кедензэ, пильгензэ чевтемсть. Бабинесь лангстонзо икеле руцянзо, мейле покаензэяк каявтызе, эсензэ комадо мацтизе. Штась лангсонзо соламо кармась.

Бабине псинть каи седе псистэ. Ваны — пиле варястонзояк штась солась, кольги. Ваны — кургстонзояк петнязь петни. Бабине паронть каи седеяк ламо. Тейтерь-парочи октась. Бабине кувать эзь учо, тейтерь-парочи омбоцеде, колмоцеде лекстысь, уды ломань ладсо, лексеме кармась.

Бабине сонзэ полук лангсто валкстызе, эземс мацтизе: лангонзо парынестэ ашо коцтсо вельтизе, Виртяннэньгак совамо мерсь.

Кода совась Виртян, пек радовась: ваны сон тейтерь-парочи уды ломань ладсо лекси. Ават-цёрат тейтеренть вакссо озадо аштить.

Пелеве малав тейтересь седе пек лексеме кармась, мадэзь таркасонзо сырксеме кармась. Мейле сон сонсь кунст велявтсь.

Виртян тейтеренть кода чама лангс неIZE, а соды грешной мезть тейнемс, мезть кортамс. Ваны сон тейтеренть чама лангс, тейтерень мазый тейтерь. Виртян истямо мазый тейтерь зярдояк, костояк эзь некшне.

Таго зяро шкань ютазь, тейтересь сельмензэ панжозь эсь икелензэ варштась.

— Лелинем-диринем... — Мерекшнесь ды лоткась кортамодо: сон Виртянонь лелякс путокшнызе ды содызе — аволь лелязо.

Виртян ульнесь ломань покш, виев, превей, шачо лангс мазы. Ашти сон тейтеренть икеле, ваны витьстэ лангозонзо. Аламо шкань ютамодо мейле, сон сельмензэ одов панжозь, мартост кортамо кармась. Мейле оршазь-карязь мартост вейсэ кудов тусь.

Сон эстедензэ мезеяк эзь ёвта. Мезеяк, мери, мон а помнян. Сынь тензэ Уцяскай лем путсть.

Кода сон кедьсэст эрямо кармась, Виртян мезес а кунды, тевезэ икелев моли.

А содан, ламо а ламо шка ютась, Виртян эсь экшезэнзэ санизе. Сынь седеяк ёнсто кармасть эрямо. Паз максь тенст ули парочияк, эйдть-какшткак.

Весть Уцяскай озадо ашти вальма лангсо: неи вальмалов та-кодат кавто ломанть эль пачкодить. Сон сонсь содынзе: неть ломантне сонзэ дирень лельканзо ульнесть. Сынст одежасост панкс лангсо панкс, варя вакссо варя. Уцяскаень сельведензэ польдерь, польдерь! Кургозо сюрморть-сюрморть мерсь. Сынть, сонзэ вальмалов сазь, масторов суюконасть тензэ.

— Вай кудазоро-боярава, жалямизь минек: андыть, симдить пекенек...

Уцяскай валосткак прядомо эзь максо: пек стака ульнесь тензэ лангозост ваномс.

— Совадо — мери, совадо! Тынь ламо мастор ютыде, ламо ломанть неиде... Ёвтадо тень, косо, кува якиде?

Уцяскай андынзе, симдинзе, уштовтсь тенст пси баня, лова-жаст-пакарест чевтемтевлизь, шлявольть-нардавольть. Банясто самодост мейле сынть туеме пурнакшность, ды Уцяскай эзинзе нолда.

— Ков, мери, истя вензэ лангс тутадо? Удодо кедьсэнек. Ва мирдемгак охотасто куроок сы. Сон тенк пек радови. Сон масторонь юты ломанть кунсолото вечки.

Сынть кадовсть кедьсэнзэ удомо. Уцяскаень мирдезэ, Виртян, охотасто кудов куроок сась. Виртян мартонзо эрва кодат зверть, нармунть кундазь усксь.

— Неть, мери, весе Уцяскай, тонь таланс понгсть. Здравась сон юты ломантнень марто. Тевензэ прядозь, мартост кортнеме озась. Юты ломантнестэ вейкесь стакасто укстась ды кармась кортамо:

— Миньгак, мери, кудазоро-парочи, тонь кондят талановт, суюпавт ульнинек (ялгам монь веженсь братом ули.) Минек Дуболго Пичай лемсэ сазоронок ульнесь. Сонзэ эйсэ минь кавонек братинек мастор лангсо эрва мезде седе пек вечкелинек. Шачо лангс минь сондензэ мазы ломань эзинек некшнекшне, шачо-донзояк мазыть ульнесть превензэ... Сон, кудазоро — парочи, тонь поланть Уцяскай ёнов молиль... Ёмавтызь сонзэ, ёмавтызь минек душман поланок, злодей вастанок! Кода куловтызь минек вечкема сазоронок, минь те шкас а сэдатано. Сондензэ мейле, мезес а кундатано, таланонок арась мейсэяк!

Сон валонзо апак прядо, седейс пшти пеельсэ лазозь овто ладсо, масторов прась рангозь. Омбоце братозояк рангозь прась, Виртянонь козяйказояк истя жо рангозь масторов ёжовтомо прась. Виртянгак, мезть тейнеме апак сода, лангозост ванозь, вайгельсэ ранги.

Ламо а ламо шкань ютазь, сынть весемест паметьс састь, кувать истя вейкест-вейкест лангс чатмонезь вансть. Сестэ Виртянонь козяйказо икеле валонь ушодозь, прянзо ёвтызе.

— Вай, полынем, корьминем Виртян, илямак мурне, илямак-чаво. Монь лемем Дуболго Пичай: сынст вечкема сазорост мон улян. Сестэ лелянзояк содызь сонзэ...

23. ДУБОЛГО ПИЧАЙ

Жили-были на земле два человека: муж с женой. Были у них два сына и дочь по имени Дуболго Пичай. Дуболго Пичай такой красавицей была, что не найдешь на свете ни одной подобной ей красивой девушки. Но вот отец умер. Мать тоже умерла.

Дуболго Пичай осталась с двумя старшими братьями. Братья очень любили ее.

Однажды один из братьев собирается на охоту, она выходит провожать его. Брат говорит ей:

— Если, на твое счастье, попадутся звери и птицы мне, то я тебе куплю браслеты и кольца, сестрица Дуболго Пичай.

Выходит провожать другого брата, и он ей сулит разные подарки. Братья покупали все, что обещали: на ее счастье, обещанные звери и птицы всегда попадались им.

Вскоре братья один за другим поженились. Жены им попались нехорошие, сварливые: каждый день ругаются с мужьями своими, и между собою снохи, как кошки с собаками, живут.

Как ни плохо жили они между собою, а на золовку свою — Дуболго Пичай клеветали вместе, готовы были ее поедом съесть. Они ее с самых первых дней невзлюбили.

Братья собираются на охоту, и то, и другое сулят своей сестре, а женам своим ничего не обещают. Они прежде обещали и женам своим, но тогда им, как нарочно, ничего не попадалось.

Вот однажды братья поехали на охоту. Невестки решили погубить Дуболго.

— Вот что, — говорят они, — мы сделаем: изведем их любимого карего жеребца. Приедут они домой, мы на нее укажем: «Ваша любимая сестра Дуболго Пичай хорошее дело сделала: она чем-то отравила вашего доброго карего жеребца».

И отравили они жеребца.

Братья ее едут с охоты, с собой везут всяких зверей и всякую птицу, а сестре своей везут различные гостинцы. Жены братьев вышли им навстречу, режут во весь голос. Каждая из них своему мужу жалуется:

— Ах, миленький муженек, что сделала ваша любимая сестричка! Она уморила вашего любимого доброго жеребца... Она не любит ни нас, ни вас, даром что вы покупаете ей всякую всячину, она только помышляет какую-нибудь подлость сделать вам...

— Пусть подход наш добрый жеребец, мы найдем другого такого жеребца, но такой умной и красивой сестры не найдешь.

Братья не рассердились на Дуболго Пичай: привезенные с собой гостинцы отдали все ей. Невестки еще сильнее озлобились.

— Как-нибудь да погубим мы тебя, злодейка наша золовка! Перестанут любить тебя братья: они привяжут тебя к хвосту семилетнего жеребца!

Братья снова поехали на охоту. Старшая невестка взяла и извела своего грудного ребенка.

— Скажем, — говорит, — Дуболго Пичай: быть может, тогда братья рассердятся на нее и к хвосту лошади привяжут! — А сама она, злодейка, пожаром пылает, смолой кипит!

Приехали братья, еще больше привезли всякой всячины с собой. Жены навстречу им за ворота вышли, плачут. Говорят они своим мужьям:

— Хорошее дело сделала ваша любимая сестричка... Ах, муженек, она извела твоего дитя! Она, она зарезала, злодейка!

Братья ей опять ничего не сделали и не побранили даже: не поверили своим женам.

Поехали они как-то снова на охоту, сестра вышла провожать их, а у самой слезы крупным горохом катятся. Один брат говорит:

— Если на твое счастье дорогого зверя или птицу убью, то тогда, сестрица, хороший гостинец куплю тебе.

И другой брат такое же сулит ей.

Братьям подалось еще больше всякого зверя и всякой птицы. В этот день они били, били и ночевать там же в лесу остались. Младший брат и говорит:

— Кормилец ты мой старший братец, скажи-ка мне, отчего это сегодня у меня сердце очень ноет?

— У меня и у самого сердце не на месте. Как бы что-нибудь дурного не сделали над Дуболго Пичай наши жены. Наша сестра умная, добрая, как голубь, кроткая: ей ли дурные дела делать!

Когда мужья уехали на охоту, жены решили так: «Изведем Дуболго. Ты, сношельница, жарко-жарко баню истопи, в большом котле воску растопи. Когда баня истопится и воск делается жидким, как вода, скажи мне».

Младшая ее сношельница так и сделала.

Дуболго Пичай пригласили в баню. Невестки стали вдруг одна ласковее другой: сами ее моют, обтирают.

Ласкается старшая, уговаривает:

— Золовушка Дуболго Пичай, стой-ка ты хорошенько: мы сами уж тебя и вымоем, и оботрем.

Младшая невестка говорит:

— Ну, вот ты и вымылась, и вытерлась, и голова твоя промылась, теперь только окатить тебя нужно. Сношельница, а сношельница! Давай-ка теплой водичкой окатим Дуболго Пичай!

Старшая ее невестка несет громадный стеклянный жбан. Взглянула золовка их — вода, и не шелохнулась. Как только старшая невестка опрокинула на нее жбан, она и не ахнувши тут же на лавку упала, точно подкошенная. В жбане не теплая вода была, а, как кипяток, растопленный воск. Воск разлился тоненьким слоем по всему телу Дуболго Пичай, залил и рот, и уши.

Невестки принесли мертвую Дуболго из бани домой, убрали, обрядили, на переднюю лавку положили. Ждут мужей с охоты; всю ночь не спали: боялись. С восходом солнца мужья возвратились домой. Жены вышли им навстречу, плачут.

— Вот, — говорят, — с вашей любимой сестрой что-то сделалось; она упала и померла. Мы вас весь вечер и всю ночь ждали-ждали, не могли дожждаться. Мы ее без вас вымыли и обтерли, искупали и расчесали, одели, чтобы в гроб положить. Пойдите на милую свою сестрицу взгляните и приготовьте ей гроб.

Рассказывают они это мужьям, а сами режут. Вошли мужья их в избу. Смотрят — сестрица Дуболго Пичай лежит на передней лавке под белым, как снег, холстом. Откинули с ее лица покрывало, а она на них не смотрит, не говорит.

Градом покатались слезы у братьев. Сделали они ей из какого-то негниющего дерева гроб. Положили в него сестрицу свою Дуболго Пичай. Отвезли ее в большой лес, где три дороги сходятся. Поставили подставки, на них положили гроб. Возле гроба поставили наполненные пшеницею лукошки. Невестки и не знали, где схоронили их золовку.

...Жила-была старуха-вдова. У нее был сын по имени Виртян. За какое дело ни примется Виртян, ему обязательно не повезет. Только везло ему с гусями. Таких больших жирных гусей, как у него, не было ни у кого во всей деревне. Смотрит он — гуси его домой возвращаются постоянно с одной стороны. Куда, на какую сторону ни проводит он гусей, они домой возвращаются все с той же стороны. Думает-гадает Виртян:

«Ни в чем другом счастья нет у меня, я счастлив только в гусях... Куда это ходят гуси мои? Они куда-нибудь в одно место повадились. Дай-ка я за ними буду следить».

На другой день он своих гусей не погнал ни в одну сторону. — Куда хотят, пусть туда и идут, а я от них не отстану.

Гуси его пошли в свою любимую сторону. Гуси идут, и он не отстает от них. Дошли до большой реки. Переплыли гуси на другую сторону, и Виртян тоже, но чуть не утонул: река очень быстрая. Гуси остановились. Смотрит он — небольшая поляна. На середине этой поляны три дороги сходятся. На перекрестке подставки, на них гроб стоит. По обе стороны гроба поставлены два лукошка. Смотрит — пшеница сыплется из этих лукошек. Не долго думая, он поднял этот гроб на свои плечи и пошел с ним домой. Дошел опять до большой реки.

— Если унесет меня река, то пусть обоих нас унесет. Я не расстанусь теперь с этим гробом. Если перейду, то к маме принесу его: она скажет мне, что с ним делать. Что есть силы стану плыть, но не выпущу его из рук.

Виртян вошел в большую реку, а река ему только по колени. Дошел Виртян до середины. Взглянул он наверх — вода стеною; взглянул вниз — вода уже высыхает.

Только он успел из реки выйти, как она снова потекла с ревом. Виртян принес гроб домой, показал его своей матери. Мать велела раскрыть его. Когда раскрыли его, оттуда понесло сладким запахом, как от душистых цветов. В гробу что-то покрыто холстом. Холст откинули, смотрят — лежит красавица. Мать велела Виртяну выйти. После того, как Виртян вышел, мать расстегнула пряжку ее рубашки, раскрыла ее по грудь. Смотрит она на девицу и думает: «Эта девица-красавица должна была бы быть мертвым человеком, но она походит на человека, только вчера уснувшего». Стала она рот ее раскрывать, он раскрывается (а у мертвого человека рот крепко стиснут бывает). Раскрыла рот, взглянула туда: горло девицы чем-то заткнуто по язычок; смотрит — и уши заткнуты. Ковырнула она ту затычку — воск. Догадалась старушка. «Воск этот, — говорит, — растопить надо в теплой бане». Кликнула она сына.

— Поди-ка, сынок Виртян, истопи-ка теплую баню.

Баня истопилась. Мать велела ему гроб отнести в баню. Вытащили красавицу из гроба, положили на полку. Мать велела Виртяну из бани выйти. Он вышел. У девицы на теплой полке размякли руки и ноги. Старушка прежде скинула с нее руца, потом и нижнюю рубашку, а ее самое положила ничком. Воск на ней стал таять. Старушка пар поддает сильнее. Смотрит — из ушей воск капает. Смотрит — и изо рта воск капает. Старушка пар поддает еще сильнее. Девица-красавица охнула. Старушка недолго подождала — девица-красавица в другой, в третий раз вздохнула, начала дышать, как спящий человек. Старушка сняла ее с полки, на лавку положила, хорошенько закрыла белым холстом и велела войти Виртяну.

Виртян очень обрадовался: смотрит — девица-красавица, как живая, дышит. Долго сидели старушка-мать с сыном около девицы. Ближе к полуночи она сама на спину повернулась. Когда увидел Виртян лицо девицы, он, бедный, не знает, что ему делать и что говорить: девица красивая из красивейших. Прошло еще несколько времени, и девица, открыв глаза, взглянула перед собой.

— Миленький братец! — начала было говорить она, но остановилась: увидела, это не брат.

Виртян был человек большой, сильный, красивый. Стоит перед девицей и смотрит прямо на нее. Через некоторое время она снова открыла глаза, начала с ним говорить. О себе ничего не сказала. «Ничего, — говорит, — не помню я». Они ей дали имя Уцяска, то есть счастье. Когда она у них поселилась, Виртян за что ни возьмется, всякое дело у него спорится. Виртян женился на Счастье.

Однажды Счастье сидит у окна и видит: под окно подошли два человека. Она узнала своих родных братьев. На их одежде заплатка на заплатке, дыра возле дыры. У Счастья слезы потекли. Братья поклонились ей.

— Хозяюшка-барыня! Пожалей ты нас: накорми, напои...

Счастье досказать не дала им: очень тяжело было ей на них смотреть.

— Войдите, войдите! Вы много дорог прошли, много людей видели. Расскажите мне, где, куда ходили вы?

Счастье накормила, напоила их, велела истопить баню для них. После того, как они попарились и собрались было уходить, Счастье сказала:

— Куда вы на ночь пойдете? Ночуйте у нас. И муж мой, вероятно, с охоты скоро домой вернется. Он вам очень обрадуется: он любит слушать бывалых людей.

И странники остались.

Вскоре Виртян вернулся домой с охоты, всяких зверей и птиц привез с собой. Поздоровался со странниками. Окончив свои дела, с ними поговорить сел. Один из них тяжело вздохнул и заговорил:

— И мы, почтенный хозяин, как ты, были счастливы, богаты (товарищ этот — мой младший брат будет)... Видно, какой-то бог на нас разгневался. У нас была сестра по имени Дуболго Пичай.

Мы ее любили больше всего на свете. Красивей ее мы не видели человека, а душа у нее была еще краше. Она, почтенный хозяин, походила на твою жену, на Счастье... Погубили, погубили ее наши злодейки-жены! Как извели они нашу любимую сестрицу, мы до сих пор не знаем. После нее за что ни примемся, ни в чем у нас счастья нет!

И он, не окончив слова, упал на пол, как медведь, пронзенный в сердце острым ножом. И другой брат на пол упал, и жена Виртяна также без памяти упала. И Виртян, не зная, что делать, глядя на них, заплакал.

Много ли, мало ли времени прошло, они все в память пришли; долго друг на друга смотрели. Жена Виртяна первая прервала молчание:

— Ах ты, муженек мой, кормилец Виртян, не брани меня и не бей. Мое имя Дуболго Пичай: я их любимая сестра.

Тогда узнали ее и братья.

24. КОДА ТЕЙТЕРЬ КИЛЕЙКС ТЕЕВСЬ

Атянь-бабанть кавто тейтерест ды вейке цёраст. Атясь стась кавто паргинеть ды кучинзе тейтерензэ виров кстыйс.

— Конань икелев паргинеэзэ пешкеди, сень седе икеле максса мирденень,— мерсь тейтертненень атясь.

Мольсть тейтертне кстыйс. Пешкедсь седе икеле вишка тейтернень паргинеэзэ. Тусть кудов крута берёк чирева. Покш тейтерентень маряви досада. «Вишкинень максысь, мон кадован»,—арси сон эсь пачканзо. Сон саизе ды сиянь сурксонзо берёк алов ёртызе.

— Вай сазоркам, тон седе шождынят, азёкая таргика сурк-
скем.

Сазоркась валгсь сурксонть таргамо, а патясь калавтызе
береконть лангозонзо. Сась тейтересь кудов ськамонзо, тетязо-
авазо кевкстнить:

— А косо сазоркат?

— Сонзэ паргинезэ эзь пешкеде, сон кадовсь пештемензэ,—
отвечи покш тейтересь.

Тейтерькась кудов эзь са, ёмась. Якасть вешнеме, костояк
эзизь муе. Косо сон валявсь мода потс, тозонь кассь ашо килей.
Весть ютыть килеенть алга понань чавицят. Дивсить килеенть
лангс: вельть уш сон мазый. Кармасть ваномонзо, кедьсэ токше-
мензэ ды кортыть эсь ютковаст:

— Ламо виресь якавсь, истят килейть эзь некшневе.

А килеесь каршозост ломань кельсэ кармасть кортамо:

— Понань чавить, састыне,
Ох, лелинем, стамбарнэ,
Истякак пирам сэреди.

Пине патям манимим,
Берёк алов валимим.

Седеяк пек дивазевсть понань чавицятне, тандадсть ды ме-
рить:

— Пароль те килеесь понань чавомакс, ансяк ломань кельсэ
корты.

Ютыть ваксканзо скрипачть. Озасть килеенть алов струнань
витнеме. Витнизь струнаст, вануть килеенть лангс ды эсь ютко-
васт кортыть:

— Эх, килеесь скрипкакс паро! Зяро вирь ютавсь, но истят
килейть эзь некшневе.

Килеесь каршозост ответчи:

— Скрипач, леляй, састыне,
Ох, боярнэм, стамбарнэ:
Истякак пирам сэреди.

Пине патям манимим,
Берёк алов валимим.

Скрипачтне дивасть, мейле арсесть керямс те килеенть, теемс
скрипка. Керизь, тейсть скрипка ды тусть. Совасть велес ды го-
дявсть се велентень, косо эрить атятне-бабатне. Тусть сынь ве-
леванть. Ютыть велеванть, налксить, а киштицятненьгак весе
киштевтизь. Чопотетсь чизэ. Скрипачтне кармасть вешнеме удо-
ма тарка. Кевкстнесть-кеvkстнесть — понгсть удомо се килей-
тейтеренть тетянстэнь. Сынь совасть ды кармасть од скрипка-
сонть морамо. Скрипкась истя моры, атятне-бабатне авардить
натой. Атясь ашти каштомо чиресэ ды мери:

— Цёрынем, мерят а мерят тонь скрикасонть морамо?

— На, дедай, морак.

Кармасть атясь скрикасонть морамо, а скрипкась моры, кор-
тазь-корты:

— Ох, тетякай, састыне,
Ох, корьмакай, стамбарнэ:
Истякак пирам сэреди.

Пине патям манимим,
Берёк алов валимим.

— Эх, баба, седеемгак лондадсь. Нака, баба, морака тонгак.

Кармась бабась морамо, а скрипкась моры-корты:

— Ох, авакай, састыне,
Ох, тиринем, стамбарнэ:
Истякак пилям сэреди,

Пине патям манимим,
Берёк алов валимим.

— Ой, цёрам! Нака морака тонгак: скрипкась таго-мекс кортазь-корты,— мери авась.

Лелясь кармась морамо, скрипкась кармась кортамо:

— Эх, лелякай, састыне,
Ох, васькамнем, стамбарнэ:
Истякак пилям сэреди,

Пине патям манимим,
Берёк алов валимим.

Патясь кевкстни скрипичникенть:

— Монень можна морамс?

— Морак.

Саизе патясь, скрипкась кармась ёвтнеме:

— Пине патяй, састыне,
— Киска патяй, стамбарнэ!
— Тон, патяй, манимик,
Берёк алов валимик.
Ашо килейкс мон лисинь,

Мазы килейкс мон лисинь,
Мазы килейкс мон касынь.
Ютасть скрипачть — керимизь,
Мазы скрипкакс теимизь.

Кудосонть каштомост уштови. Патясь ёртызе скрипканть пальця пецькантень. Скрипкась цяторсо кармась паломо. Скрипачтне кармасть пижнеме тейтеренть лангс. Каштомсто потмарс жар кирнявтсь. Потмарось кармась паломо. Шалт кепететсь. Варштасть толонтень, тосо ашти одирьва, ёмазь тейтересь, буто сырежди толга мекшава. Тетязо, авазо, лелязо радовасть.

Вейке скрипачесь ульнесь од цёра. Максызь тейтеренть тензэ козяйкакс. Свадьбасонть весе велесь симсь-ярсась.

24. КАК ДЕВИЦА В БЕРЕЗКУ ПРЕВРАТИЛАСЬ

У старика со старухой было две дочери и один сын. Сплел старик два лукошка и послал дочерей своих в лес по ягоды.

— У кого быстрее лукошко наполнится, ту раньше замуж выдам,— сказал своим дочерям старик.

Пришли девицы брать землянику. У младшей лукошко наполнилось земляникой быстрее. Пошли они домой по крутому берегу. Старшая сестра злится: «Меньшую сестру замуж выдают, а я останусь в девках»,— думает она про себя. Она взяла да и бросила с крутого берега свое серебряное кольцо.

— Ой, сестричка моя, ты полегче меня, иди-ка достань мне колечко.

Меньшая сестра спустилась за колечком, а старшая на нее берег обрушила. Домой она вернулась одна. Отец и мать спрашивают ее:

— А где сестричка твоя?

— У нее лукошко еще не наполнилось, она осталась собирать ягоды, — отвечает старшая дочь.

А девушка домой так и не вернулась, пропала. Ходили, искали, нигде не нашли ее. А где землей ее завалило, там березка выросла. Однажды проходят мимо той березки шерстобиты. Дивуются они на березу: уж до чего она красива! Стали ее осматривать, руками ощупывать да меж собою разговор вести:

— Много по лесам хожено, а таких берез не видано.

А береза в ответ человеческим голосом заговорила:

— Ох, шерстобиты легонечко,
Ох, тихонечко, дяденьки,
И так болит головушка.

Злая сестра меня заманила,
Берегом меня завалила.

Еще больше удивились шерстобиты, испугались и говорят:
— Удобно было бы из этой березы шерстобиточку сделать, только вот она, как человек, разговаривает.

Идут мимо березы скрипачи-музыканты. Сели они под березой струны на скрипках налаживать. Наладили струны, смотрят на березу да меж собой говорят:

— Эх, береза, на скрипку хороша! Сколько по лесам хожено, но такой березы не встречалось.

Береза в ответ им говорит:

— Ох, дяди скрипачи, легонечко,
Ох, добрые сударики, тихонечко,
И так болит головушка.

Злая сестра меня заманила,
Берегом крутым меня завалила.

Удивились скрипачи, решили срубить эту березу и сделать из нее скрипку. Срубили березу, сделали из нее скрипку и пошли дальше. Зашли в одно село и как раз угодили в то самое, где живут ее мать с отцом. Пошли скрипачи по селу играть, всех игрой потешать — даже те плясали, кто сроду не плясал. Солнце село. Скрипачи пошли ночлежное место искать. Просились-рядились, попали в дом отца той березы-девицы. Вошли они в дом и стали на новой скрипке играть. Скрипка так играет, что старик со старухой заплакали. Старик сидит на краю печки и говорит:

— Сынок мой, нельзя ли на твоей скрипке мне поиграть?

— На, дедушка, поиграй.

Стал играть старик на скрипке, а скрипка играет-говорит:

— Ох, батюшка, легонечко,
Кормилец мой, тихонечко,
И так болит головушка.

Сестра-то меня заманила
Да берегом крутым меня завалила.

— Эх, старуха, даже сердце ёкнуло. Возьми-ка и ты сыграй. Стала играть старуха, а скрипка играет-рассказывает:

— Ох, матушка, легонечко,
Кормилица, тихонечко,
И так болит головушка.

Сестра-то меня заманила
Да берегом крутым завалила

— Ой, сын мой! Возьми-ка, сыграй и ты: скрипка что-то поет-рассказывает,— говорит старуха.

Брат стал играть, скрипка начала говорить:

— Ох, братик мой, легонечко,
Ох, ласковый, тихонечко,
И так болит головушка.

Сестра-то меня заманила
Да берегом крутым меня завалила.

Сестра старшая спрашивает скрипача:

— Мне поиграть можно?

— Сыграй.

Взяла старшая сестра скрипку, скрипка стала петь:

— Сестра ты, сестра, легонечко,
Сестра ты злая, тихонечко!
Меня, болтунья, заманила ты,
Да берегом крутым завалила ты.

Березонькой родилась я,
Березонькой я выросла.
Меня срубили скрипачи
Да скрипкой звонкой сделали.

В доме как раз печь топилась. Старшая сестра взяла да и бросила скрипку в полыхающий огонь. Скрипка занялась трескучим пламенем. Скрипачи стали бранить девицу. Из печки в то время пламя перебралось на лавку — и лавка загорелась, и в доме пошла суматоха. Взглянули люди на огонь, а там стоит девица, что загублена была, стоит, будто в наряде золотом матка пчелиная.

Один скрипач был парень холостой. Выдали девицу замуж за молодого скрипача. На свадьбе пило, ело, гуляло все село.

25. КОДА ЭРЯСТЬ ИВАН МАРТО МАТРЯТ

Эрясть-аштеть атят-бабат кавонест. Ульнесь сынст ве цёр-раст. Лемезэ Иван. Кода кассь Иван покшто — урвакстызь. Васень вене Иван одирьванзо марто мадсть удомо утомс ды куро-рок кеместэ матедевсть. Пелевешкане, марясызь, кие-бути утом кенкшенть стукадизе ды пшкадсь:

— Удотадо или аштетьядо?

Иван мери:

— И удотано и аштетьяно, арсетяно, кода мастор лангсо кар-матано эрямо.

Ломанесь кевкстинзе:

— Одсто согласятадо парсте и сюпавсто эрямо или сырестэ?

Иван мери:

— Кода ней пшкадтяно?

Матря мери:

— Давай лучше согласятано сырестэ парсте эрямо, ней од-тано.

Иван пшкадсь ломанентень:

— Сырестэ лучи сюпавсто эрямось!

Ломанесь мерсь:

— Истя эно улезэ,— вачкодизе утомонть ды ёматотсь.

Иван марто Матрят лиссть утомстонть. Утомонть вакссо кияк арась. Совасть мекев ды таго мадсть. Сыргозсть валске ды ваныть: аштить сынъ ведь куншкасо, усиясо. Якасть, якасть усияванть,— эзть муе мастор лангс печкема тарка — перть-пельга ансяк ведь. Вансызь — усиянтень уи венчсэ од цёра. Иван мери:

— Од цёра, печтимизь минек берёк лангов!

Од цёрась мери:

— Мезе макстадо? Печтятадызь!

Иван мери:

— Мезе вешат, сень макссынек!

Пачтинзе од цёрась ды мери:

— Ну, давай козяйкат!

Иван кармась а максоманзо. Сынъ кундасть кавонест козяйкантень ды кармасть кавто ёнов ускомонзо. Иван сезизе Матрять покай ожанзо. Козяйказо жо таргавсь од цёранть ёнов. Од цёрась саизе Матрять ды тусь мартонзо. Кадовсь Иван ськамонзо, кадовсь кедезэнзэ ансяк покай ожась, кармась рангомо.

Рангсь, рангсь, пекезэ вачсь,— тусь берёк ланганть ярсамксонь вешнеме. Васов, а васов мольсь, вансы яминева уйни кал.

Сон кундызе се калонть, пидизе ды сэвизе. Ярсамодо мейле мадсь оймсеме. Покай ожанть путызе прялонзо. Удомстонзо покай ожанть салызе кренч, кандызе чувто пряс ды тейсь лангонзо пизэ.

Сыргойсь Иван, ваны — покай ожась арась прялонзо. Кармась таго авардеме. Авардсь, авардсь, нартнинзе сельведензэ ды тусь покш киява.

Васов, а васов мольсь, пачкодсь башкир велес, совась крайсэ кудонтень ды сиведсь роботникекс. Эрясь кавто иеть, саизе эрямо питнензэ, таго тусь киява.

Мольсь, мольсь, пачкодсь таго башкир велес ды сиведсь сюпав башкирнэнь роботникекс. Утомонзо ды эрямо парензэ пешксетъ ульнестъ сюродо ды парочиде. Се башкирэнтъ арасельть эйкакшонзо; сынъ эрясть атят-бабат кавонест. Ютась не, куда зорось кулось.

Вестъ азор авась кучизе Ивановъ вирень керямо. Иван мольсь вирев. Керясь ве чувто. Ваны — чувто прясонть пизэ, пизэнтъ ало ашти покай ожась. Саизе сон ожанть ды сась кудов.

Азоравась неизе кедьстэнзэ ожанть ды кармась кевкстнемензэ: косто саизе сон покай ожанть ды кодамо сон ломанесь.

Иван ёвтнизе весе эрямонзо. Азоравась мери:

— Ведь тон монь мирдемат!

Сестэ сынъ содасть вейкест-вейкест ды кармасть вейсэ эрямо. Весе ули-парось кадовсь сыненест.

25. КАК ЖИЛИ ИВАН И МАТРЕНА

Жили-были старик со старухой. Был у них один сын. Звали его Иваном. Как вырос он — его поженили. В первую ночь Иван с молодой женой легли спать в амбаре и скоро крепко заснули. В полночь слышат, кто-то постучал в дверь и спросил:

— Спите или не спите?

Иван говорит:

— И спим, и не спим, думаем, как на свете жить будем.

Человек спросил:

— В молодости или под старость вы согласны жить хорошо и богато?

Иван спрашивает жену:

— Что ответим?

Матрена говорит:

— Давай лучше под старость согласимся жить богато, сейчас мы молодые.

Иван сказал человеку:

— Под старость лучше богатыми жить!

Тот ответил:

— Пусть будет так! — стукнул в амбар и пропал.

Матрена и Иван вышли из амбара. Около амбара никого нет. Вошли они обратно и опять легли. Проснулись утром и видят: сидят они на острове, а кругом вода. Ходили, ходили они по острову — не нашли перехода на землю, кругом только вода. Смотрят — к острову парень плывет. Иван говорит ему:

— Молодой человек, переправь нас на берег!

Парень спрашивает:

— Что за это дадите? Переправлю.

Иван ответил:

— Что захочешь, то и дадим.

Переправил их парень и говорит:

— Ну, давай мне теперь свою жену!

Иван не дает. Оба они ухватились за Иванову жену и стали тянуть ее в разные стороны. Иван оторвал от одежды Матрены рукав. Парень взял Матрену и ушел с ней. Остался Иван один с рукавом жены в руках и заплакал.

Далеко, не далеко ли он шел, притомился, лег отдыхать. Рукав положил под голову. Когда он спал, рукав украл ворон, прилетел с ним на дерево и сделал на рукаве гнездо.

Проснулся Иван, смотрит — рукава нет под головой. Погоревал, погоревал он и пошел по большой дороге.

Далеко, близко ли шел Иван, добрался он до одного башкирского села и нанялся в работники. Прожил два года, взял заработанные деньги и опять пошел счастье искать.

Шел, шел, опять дошел до башкирского села и нанялся к богатому башкиру работником. У этого богача детей не было. Жили они только вдвоем с женой. Прошел год — хозяин умер.

Однажды хозяйка послала Ивана лес рубить. Пошел Иван в лес. Срубил он одно дерево. Смотрит — на дереве гнездо, а под гнездом тот самый рукав лежит. Взял он его и пришел домой. Хозяйка увидела у него рукав и стала спрашивать, откуда взял он рукав и чей он человек.

Иван ей рассказал всю свою жизнь. Хозяйка и говорит:

— Ведь ты мой муж!

Тогда они узнали друг друга и стали вместе жить.

Все богатство им досталось.

26. ШИВЕЧ, НЕЧИСТОЙ ДЫ ВИРЯВА

Эрясь-аштесъ ве шивеч. Беряньстэ сты — мерить тензэ: «Кедеть коськест, кода беряньстэ стык». Парсте сты — мерить: «Кедеть коськест, кода парсте стык». Кодаяк тензэ а савтови.

Арси шивеч эсь пачканзо: «Берянь эрямом, кияк тень паро вал а ёвты. Беряньстэ стан — «кедеть коськест» мерить, парсте стан — «кедеть коськест» мерить. Туян, ков сельмень неить, ков пилень марить».

Саизе аршинэнзэ ды тусъ. Ютась, ютась — пачкодсь вирьс. Понгсь каршозонзо овто, мерь.

— Ков молят, шивеч-парочи?

— Молян, ков сельмень неить, ков пилень марить: берянь эрямом, кияк тень паро вал а ёвты: беряньстэ стан — «кедеть коськест» мерить, парстеяк стан — «кедеть коськест» мерить.

— Адя, моньгак саемак мартот, моньгак эрямом берянь, все пеелить лангсон: кие содов ды а мазый или пек кежей — мерить тензэ овто. Кинь эйкакшозо аварди — монь эйсэ тандавтнить: «Иля аварде — сы овто, сэвтянзат».

— Адя, — мери шивеч.

Тустъ кавонест. Мольсть, мольсть — понгсь каршозост нечистой ды мери тенст:

— Ков мольтядо?

— Мольтяно ков сельменек неить, ков пиленек марить: эрямонок тесэ берянь, кияк паро вал тенек а ёвты.

— Саемизь моньгак, — мери нечистой, — моньгак эрямом берянь, кияк эйсэнь а вечки. Вейкест-вейкест эйсэ монь лемсэ сёвнить, монь эйсэ тандавтнить: «Ва, мерить, нечистоесь пова-танзат».

— Адя, — овто марто шивеч мерить.

Ютыть колмонест. Ютасть, ютасть — мусть кудыне. Со-васть — кудынесъ чаво. Кармасть эйсэнзэ эрямо. Эрясть, эрясть — мусть вирьстэ комолят ды арсестъ пиянь пидеме.

Шивечесь мери:

— Пиянтъ пидетяно, ды солодонок арасть.

Нечистой мери:

— Сесэ, сесэ улить ведьгевть, эйсэст апак крёста кадозь солодт. Яжавтыця кияк арась, молян салан.

Нечистой тусь, ды кандсь солодт. Шивеч мери:
— Суслань пидемс эряви корцяга, корцяганок арась.

Нечистой мери:

— Ве ава кудыкелев путсь апак крѣста корцяга. Молян кандса.

Тусь — кандсь корцяга. Пидизь сусланть, нолдамс тенст а мезес — арась очкост. Нечистой кандсь тенст очко, кандсь боцькаяк. Пидизь пиянтъ ды пештизь боцькас. Овто кандсь медь — ламбавтызь ды ливтизь мацтс кельмеме. Валске мольсь шивеч варштамонзо — боцька кургось панжозь ды пиядонть кие-бути симсь. Сась кудов, мери:

— Вана мезе, ялгат, пиядонок та-кие симсь, эряви сонзэ кундамс. Кармама ванстомонзо.

Каясть жеребейсэ, кинень зярдо саты модемс. Васень вестэнтъ сатотсь модемс овтонень. Мольсь сон мацтонть, кекшсь боцьканть удалов ды ашти. Пелеве шкане кепететсь прок виев варма. Чувтнэ весе кармасть лажномо. Цятор-пукштор — сась вирява. Таргизе боцька потомксонтъ ды давай симеме. Овто лиссь боцьканть удалдо ды серьгедсь:

— А! Вана кие симни минек пиядонок!

Вирява кода кундасы овтонть, давай мерькамонзо. Мерькась, мерькась эйсэнзэ, цють живстэ нолдызе. Сась овто кудов, мадсь каштлангс ды кувси. Шивеч кевкстизе:

— Я, овто, неить мезеяк?

— Арась, — мери овто, — мезеяк эзинь нее.

— Мекс эно кувсят?

— Гобрикс валгомсто прынь ды весе порксавинь.

Омбоце вестэ мольсь ванстомо нечистой. Кекшсь боцька удалов ды ашти. Пелеве шкане таго сась вирява. Нечистоеньгак мерькизе, цють живстэ нолдызе. Нечистоень пулопезэяк сезевсь. Сась кудов нечистой, мадсь каштлангс овто ваксс ды нолси пуло пестэнзэ верентъ. Шивеч кевкстизе нечистоень:

— Я, неить мезеяк?

— Арась, мезеяк эзинь нее.

— Мекс пуло петь верев?

— Кенкшес понгонесь — лепштявсь.

Колмоце вене мольсь ванстомо шивеч. Сайсь мартонзо балалайка ды кшнинь аршин. Озась боцька удалов ды ашти.

Пелеве шкане сась вирява. Комась боцьканть лангс ды давай симеме. Кодя вирява аламодо иредсь, шивеч давай балалайкасонть седямо. Вирява кадызе симеманзо ды давай киштеме. Киштсь, киштсь — сизесь ды мери:

— Уй, кода сизинь, пекемгак мик вачсь. Шивеч, мон тонь сэвтян!

— Сэвсамак, сэвсамак, — мери шивеч, — тонь пексэяк эрян, мон вечкан лембе тарка. Ансяк вана мезе васня тейтяно: монь ули чочком — адя лайсынек чачк, мейле сэвемак.

Вирява мери:

— Адя!

Шивеч лайсь чочко пе, чавсь эйзэнзэ туло ды мери виряван-
тень:

— Тонгить ласксонтень кавонест кедеть ды тетък — седе ку-
рок лазови.

Вирява тонгинзе. Шивеч кода вачкотьсы тулонтъ узере обуш-
касо. Тулось ёртовсь ве ёнов. Виряванть кавонест кедензэ сю-
вордавсть ласксонтень. Тей ноцк, тов ноцк, а таргавить тензэ.
Шивеч кода сайсы кшнинь аршинэнтъ, давай вирявань кутьме-
ре ланга пидеме. Вирява ранги — пижеть-ожот ливти:

— Шивеч-парочи, нолдамак инескетъ! Вестькак а сан пия-
донк симеме.

А шивеч пида эйсэнзэ, а кунсолыяк. Вирява таго:

— Шивеч-парочи, нолдамак, инескетъ! Мезе вешат — мак-
сан.

— Мезе максат?

— Ули вейкине тейтерем — максса тетъ.

— Мартонзо мезе максат?

— Максан сисем малинкат сиянь ярмак.

— Ещѐ мезе максат?

— Максан ещѐ тетъ од кудо ды кардаз пешксе скотинадо,
ансяк нолдамак.

— А манясамак?

— А манятан. Зепсэнъ ули пачине — саик. Кодак эйсэнзэ
чамат нардасак — весе тетъ улиць, мезть алтынъ и тонсь од
цѐракс велявтат.

— Шивеч саизе вирявань зепстэ пацинентъ ды нолдызе виря-
ванть. Вирява оргодсь — вирьсэ весе чувтнэньгак яжинзе.

Ашолгадама ёнов сась шивеч кудов. Овто марто нечистой
кевкстизь:

— Я, шивеч, неить мезеяк?

— Неинь, — мери шивеч, — сакшнось вирява.

— Мезть алтась тетъ?

— Мезть? Вейкине тейтерензэ макссы тетъ никс. Мартонзо
максы тетъ сисем малинкат сиянь ярмакт, од кудо ды кардаз
пешксе скотинадо. Вана тейтерентъ пацянзояк уш максызе тетъ.

Овто марто нечистойть таймаскадсть — эсь сельмест-пилест
а кемить. Мейле, аламось аштезь, арсезевсть ды мерить:

— Пиясь ведь вейсэнель, вирявань тейтересь ещѐ аздан ки-
нень саты, минь карматамо мартот пелькстамо.

Шивеч мери:

— Кода карматадо пелькстамо?

Овто мери:

— Давайте вана кода пелькстатано: карматамо вейкенек-
вейкенек тандавтнеме. Кинь эйстэ весемеде пек тандадтано,
сенень ули вирявань тейтересь.

— Ну, давайте, — мерить шивеч ды нечистой.

Истя колмонест ладизьгак.

Сась чокшне, толост мацтизь; лиссь ушов овто, кекшсь чувто удалов ды давай рангомо, чувтотнень яжамо — виреськак весе сорны. Вансы — шивеч марто нечистой эйстэдензэ а пелить, ардсь вальманть алов ды апаро вайгельсэ серьгедсь.

— Вадо, вадо, овтось сэвтядызь!

Шивеч марто нечистойть мерить тензэ:

— Иля тандавтне, аволь эйкакштано — а пельтяно.

Лиссь нечистой. Кузь чувто пряс ды кармась пувамо. Кепететь истямо варма — кудоськак весе сорны, текень ванок сявори. Мейле чийсь вальманть алов ды а мазый вайгельсэ серьгедсь:

— Ванодо, ванодо, нечистой ливти — повсетядызь!

Кудостонть шивеч мери тензэ:

— Иля тандавтне, содатадызь кият — а пельтяно.

Меельсь пелев лиссь кудостонть шивеч. Сайсь мартонзо заслон ды кшнинь ведра. Кекшсь каль куракшке удалов, керькась лангозонзо чувто лопань одежат. Пелеве шкане кода карми ведрасонть заслононтень чавома ды кудонтъ ёнов молеме. Виреськак весе гайни. Маризь шумонзо овто марто нечистой, варштасть вальма чирева — кудонтъ ёнов юты таго-мезе ды чави ведрасо заслонс. Овто мери:

— Те аволь вирява ли сы, козонь ней кекштяно?

Нечистой мери:

— Сон прок неяви, — сонсь весе сорны.

Шивеч кода моли вальманть алов, кода цярадьсы вальманть заслонсо, сонсь кода серьгеди:

— Лиседе, лиседе седе курок — Вирява сась!

Овто марто нечистой кода лисить кудостонть ды давай чиеме. Удаловгак а варштыть.

Шивеч нардызе пацясонть чаманзо ды теевсь од цёракс. Икелензэ ашти горница ды кардаз пешксе скотинадо. Совась горницянтень — эзем прясо озадо одирьва, боярава прок наряжазь. Варштак аксялов, аштить сисем малинкат сиянь ярмакт. Кармась шивеч одирьванзо марто од кудосо эрямо-аштеме. Аршинэнзэяк вальмава ёртызе.

26. ПОРТНОЙ, НЕЧИСТЫЙ И ВИРЯВА

Жил-был один портной. Когда он плохо сошьет одежду, ему говорят: «Чтоб руки твои отсохли, как плохо сшил!» Когда хорошо сошьет, ему говорят: «Руки чтоб твои отсохли, как хорошо ты сшил!»

Ни так, ни этак он не угодит.

Думает портной про себя: «Неважная у меня жизнь, никто слова хорошего мне не скажет. Плохо сошью — говорят, чтоб руки отсохли, хорошо сошью — то же говорят. Пойду куда глаза мои глядят, чтоб уши мои хулы не слышали».

Взял под мышку свой аршин и пошел. Шел, шел, дошел до леса. Идет ему навстречу медведь и говорит:

— Куда идешь, добрый портной?

— Иду куда глаза мои глядят, где уши мои худого не услышат. Неважная у меня жизнь: плохо сошью — говорят, чтоб руки мои отсохли, хорошо сошью — опять говорят то же.

— Возьми меня с собой, у меня тоже плохая жизнь: кто грязен да некрасив или зол — говорят ему, что он медведь, у кого дитя плачет, опять мной пугают: «Не плачь — медведь придет, тебя съест».

— Пойдем, — говорит портной.

Идут теперь вдвоем. Навстречу им Нечистый.

— Куда идете? — спросил он двух спутников.

— Идем туда, куда глаза глядят наши, где уши наши худого не слышат. Жизнь у нас неважная, никто слова доброго нам не скажет.

— Возьмите меня с собой, — говорит Нечистый, — у меня тоже жизнь неважная, никто меня не уважает. Один другого моим именем ругает, мной пугают друг друга: «Вот, говорят, чтоб тебя нечистый взял».

— Пойдем, — говорят медведь и портной.

Идут втроем. Шли, шли — нашли в лесу домик. Вошли в него, а внутри пусто. И стали они в том домике жить.

Как-то нашли они в лесу хмель и решили пиво сварить.

Портной и говорит:

— Пиво-то мы будем варить, да солоду у нас нет.

Нечистый говорит:

— Там-то, там-то есть мельницы, а в них лежит не осенен крестом солод. Мельников сейчас там нет — пойду достану солоду.

Пошел Нечистый и вернулся с солодом.

Портной опять говорит:

— Чтоб сусло варить, нужна корчага, а у нас нет корчаги.

Нечистый говорит:

— Одна женщина в сенях оставила корчагу, не осенив крестом. Пойду принесу.

Пошел и принес.

Сварили пиво, а процедить его не во что — нет у них корыта. Опять Нечистый пошел доставать, и опять он достал и корыто, и бочку. Сварили пиво и в бочку налили. Медведь меду принес — подсластили пиво и вынесли в погреб студить.

Утром спустился портной в погреб проверить бочку, видит — бочка открыта и кто-то уж пиво пробовал.

Вернулся в домик и говорит:

— Вот что, друзья, наше пиво кто-то уже пробовал, надо вора поймать. Давайте караулить.

Кинули жребий, кому когда на часах стоять. В первую ночь пришлось идти медведю. Пошел он в погреб, сел за бочку,

ждет. В полночь поднялась сильная буря. Деревья начали грозно шуметь. Хрусть-хрусть — пришла Вирява. Выбила крышку бочки — давай пиво пить.

Медведь вышел из-за бочки и кричит:

— А-а, вон кто пьет наше пиво!

Вирява схватила медведя за шиворот и давай его трясиколотить. Колотила, колотила, чуть живого выпустила из рук.

Пришел медведь домой, лег на печку и стонет.

— Ну, медведь, кого ты там видел?

— Нет, — говорит медведь, — никого не видел.

— Отчего ты стонешь?

— В погреб упал да и ушибся.

Вторую ночь караулил Нечистый. Спрятался он за бочку и сидит. В полночь опять пришла Вирява. И Нечистому от нее досталось так же, как и медведю. У Нечистого даже хвост оторвался. Пришел он в домик, лег на печку подле медведя и облизывает себе кончик хвоста.

Портной спрашивает Нечистого:

— Ну, видел кого-нибудь?

— Нет, никого не видел.

— А отчего хвост лижешь?

— Дверью прищемило — вот и кровь.

Третью ночь караулил сам портной.

Взял он с собой балалайку да железный аршин. Сел за бочку, сидит.

В полночь пришла Вирява. Наклонилась над бочкой — и давай пить пиво. Когда она стала во хмелю, портной заиграл на балалайке. Вирява пошла плясать.

Плясала, плясала — устала, говорит:

— Уй, устала как, даже есть захотела. Ну, портной, я тебя съем.

— Ну и что ж, съешь, так и в животе твоём проживу, — говорит портной, — я люблю, где тепло. Только вот что сначала сделаем: у меня есть бревно, пойдем расколем его пополам, потом уж съешь меня.

Вирява сказала:

— Пойдем!

Портной взял дубовый клин и вбил его в чуть расколотый кряж, говорит Виряве:

— Просунь обе ладони свои в щель и дави, скорей расколем.

Вирява просунула ладони в щель. Портной как ударит обухом по дубовому клину — клин и вылетел прочь. А руки Вирявы остались в щели. Она туда, она сюда, нет, не может вырвать. Портной тогда берет аршин железный и давай чесать этим аршином Виряву по спине. Она кричит:

— Добрый портной, отпусти меня живой! Никогда больше не приду пиво пить!

А портной лупит ее и не слушает.

Вирява опять просит:

— Добрый портной, отпусти меня живой, что желаешь, то и требуй от меня,— все исполню!

— А что ты мне обещаешь?

— Есть у меня единственная дочь — выдам за тебя.

— А что в приданое будет?

— Дам тебе семь сундуков серебряных денег!

— А еще что?

— А еще дам с нею новый дом и двор, полный скотины, только отпусти.

— А не обманешь меня?

— Не обману. В кармане есть у меня платочек, возьми его. Только проведешь платком по лицу своему, все будет у тебя, что я тебе обещала, и сам ты будешь молодец.

Портной взял у нее из кармана платок и отпустил ее. Вирява убежала и по пути все деревья помяла.

На заре портной домой пришел. Медведь с Нечистым его спрашивают:

— Ну, портной, видал кого-нибудь?

— Видал,— говорит портной,— приходила Вирява.

— А что она тебе обещала?

— А обещала выдать за меня свою единственную дочь. А с нею семь сундуков серебряных денег, новый дом и двор, полный скотины. Вот уж и платок дочернин мне отдала.

Медведь с Нечистым оторопели, своим глазам и ушам не верят. А потом, опомнившись, говорят:

— Пиво ведь было наше общее, дочка Вирявы еще неизвестно кому достанется: мы будем с тобой спорить.

Портной говорит:

— Как будете спорить?

Медведь говорит:

— Давайте так спорить — друг друга пугать: кто сильнее напугает других, тому и достанется дочка Вирявы.

— Ну, давайте,— говорит портной.

Наступил вечер. Погасили они огонь, и медведь первый вышел на улицу. Спрятался за дерево и давай орать во всю мочь и деревья ломать — даже лес дрожит. Видит, ни портной, ни Нечистый не боятся его, подбежал к окну и страшным голосом заорал: «Ага, ага, медведь вас съест!»

Портной с Нечистым говорят ему:

— Не пугай нас, мы не маленькие — не боимся.

Тогда вышел Нечистый. Вскарабкался на дерево и начал дуть во всю нечистую мочь. Поднялся ветер такой — дом весь дрожит, того и смотри развалится по бревнышку... А потом Нечистый подбежал к окну и страшным голосом кричит:

— Ага, ага, вот нечистый придет — удушит вас!

А портной из домика отвечает:

— Не пугай, знаем мы тебя — не боимся.

Последним вышел на улицу портной. Взял он с собой заслонку да ведро железное, спрятался за кустом, сделал из листьев одежду и надел на себя. В полночь ударил чугунной заслонкой об железное ведро и пошел к домику. Так сильно бьет заслонкой по ведру, что лес звоном гудит.

Услышали этот звон медведь с Нечистым, бросились к окну, видят — идет к ним кто-то страшный и огромный, как копыта, да гулким звоном гудит.

Медведь говорит Нечистому:

— Это не Вирява ли идет сюда? Куда бы нам спрятаться?

Нечистый отвечает медведю:

— Это точно она, — а сам от страха дрожит.

Портной подошел к окну, да как стукнет по раме заслонкой, да как крикнет грозным голосом:

— А-а ну, выходите, выходите быстрее — Вирява пришла!

Медведь с Нечистым как кинулись вон из дома и дай здоровье ногам! И назад не оглянулись ни разу.

Портной провел платочком по лицу своему и сделался молодым. А перед ним стоит горница-светлица и двор, полный скотины. Вошел он в горницу, а там на лавке сидит молодница, а нарядная, точно барыня. А заглянул в подпол — там семь сундуков серебряных денег. И стал портной жить-поживать с молодой женой. Даже аршин свой в окно выбросил.

27. ВИРЯВА

Те тевесь умок ульнесь. Вейке эрзянь велень од цёрат тусть вирев ленгень ваткамо. Виренть куншкасо, вейке латко чиресэ ульнесь чувозь землянка. Сень эйсэ сынь эрять. Ламонест сынь ульнесь, сядошка ломань. Чоп ленгть ваткильть ды сынсь яла раксильть. Вейкесь мери:

— Тейтерь савольгак вейкешка, пек паро улевель.

Омбоце мери:

— Одирьва савольгак, седе паро улевель.

Лиятне мерить:

— Кеменьшка ават савольтькак, седеяк паро улевель.

Истя яла эрять землянкасонть ды раксесь. Землянкась пароль, ульнесь теезь чувтонь. Потолокозояк пароль. Кенкшесь ульнесь керень, пекставиль парсте. Землянкань куншкасо ульнесь толбандя. Тень вельксэ пидильть модамарть, ям ды лия мезе тенст эривиль.

Вейке чопода вестэ сась тенст тейтерь, мазый ды паро, мештензэ покшт. Сась, нежединзе кедензэ кенкш косяктненень ды ваны цёратненень лангс. Вансь, вансь ды тусь. Княк тензэ эзь пшкаде. Омбоце венть таго сась. Ваны ды раки, кортамс а корты. Цёратнеяк раксить, мартост удомо тердить эйсэнзэ. Сон кашт моли. Истя сакшнось колмоце вестэнтъкак.

Тосо ульнесь вейке цёра, виев, покш ды шумбра. Лемезэ ульнесь Сёма. Сон мери ялгатненень:

— Оят, вана мезть эряви тейнемс. Сы чокшненть мон лисян ушов, аран вальманть алов ды карман кунсолото. Кода сон сы, тынь ёвтадо монень вальмаванть. Мон салава молян сонзэ удалонзо ды лавтовдо тулкадъса землянкантень. Тынь кундасынк.

Истя тейстькак. Чокшне тейтересь таго сась, нежедсь кенкш косяконтень ды пейдезь ваны. Сонсь истямо мазый, мик кельсэяк а ёвтави. Сёма мольсь удалонзо ды снартсь тулкадеманзо. Тейтересь велявтсь, каподизе цёранть, каизе лавтовонзо лагс ды чиезь тусь мартонзо. Виевель ды покшоль тейтересь.

Сёма апаро вайгельсэ кармась пижнеме. Весе цёратне истя тандадсть, мик ловташкалесть. Княк эзь лисе. Истя салызе цёранть.

Кото недлят марявсь яла пижнемадо. Княк эзь моле вешнемензэ. Цёрась ульнесь од, апак урвакст, паряк мирдекс салызе те истямо виев ды покш цёранть.

Седе мейле, ламо иень ютазь, те таркасонть ве атя керясь вирь. Сявордсь вейке эчке тумо. Керизе тумо комеленть нилешка аршинэнь кувалмосо ды кармась лазомонзо кавтов. Лаксесь тумонь тулынеть. Васня пезнавтызе узеренть, теевсь ласкс. Те ласксонтень аравтсь туло ды кармась чавоманзо. Петькелесь, конань эйсэ чавсь тулонть, ульнесь пондошкань сталмосо: виевель атясь. Секс а пелиль истямо таркас молеманзояк. Кеменьшкаксть токизе тулонть, ласксось келемсь покшсто, узересь лавшомсь ды прась. Эстензэ мери атясь: «Ней оймсек аламос, таргак. Мейле тумонть лайсак». Озась ды тейсь таргамс. Оймсемадонзо мейле саизе петькеленть, нилексть-ветексть токизе тулонть, ласксось седеяк келемсь. Се шканть удалдонзо пшкадсь авань вайгель:

— Шумбрачи теть, дедай!

— Эстетькак теке улезэ! — мерсь атясь.

Варштась, удалонзо покш тейтерь ды мазый. Се тейтересь мери:

— Дедай, тон мезть тейнят?

— Варгансо налксян, — мери атясь.

— Дедай, — мери тейтересь, — тонавтомак моньгак налксеме.

— Сак малав, тонавттан, — мери атясь.

— Кода тонавтсамак? — малазонзо молемадо мейле кевкстизе тейтересь.

— Мон муса кода. Сак, тонгить вана тезэнь кедеть, — атясь мери.

— Ды козонь?

— Вана те ласксонтень, тонгить кавонест, тонадат.

Тейтересь мольсь малав ды кавонест кедензэ тонгинзе ласксонтень. Атясь састыне кармась тулонть таргамо. Кавто пелев черькавтни тулонть эйсэ, сон аламонь-аламонь яла лиси.

Тейтересь пижакадсь:

— Вай, дедай, пек свисти!

— Аштек, аштек аламос, тонадат.

Атясь ве тулонть таргизе, кармась омбоценть таргамо. Ласкось яла свистяви. Тейтересь мери:

— Вай, дедай, кода пек свисти! Вай, дедай, пек!..

Меельсь ёнов пижнеме мик кармась тейтересь. Атя яла эсензэ корты:

— Аволь пек, аволь пек, аштек, сень кис тонадат варгансо налксеме.

Атясь, токшесь, токшесь тулонть, тулось «ёлчк» лиссь. Тейтеренть кедтне понгсть ласксонтень. Тейтересь кода ранкстазевсь, весе виресь кармась лажномо. Прок сядо скалт парыть.

Атясь арси: «Аштят, васов а туят». Тейтересь тей ноцк, тов ноцк, арась. Чочкось мик верев кепсеви, истя ноцкаи, а ёвтавияк. Ноцкаесь, ноцкаесь, кедтне а таргавить. Кода карми авардеме, вай, авакай тирякай! Атясь саизе узерензэ, кундынзе пилензэ ды кармась оргодеме вакстонзо. Кие соды мезть кармить улеме?

Тейтересь вансы оргоди, кевкстизе:

— Дедай, тонь кода леметь?

Атясь ве ёндо серьгедсь:

— Монь лемем меля-маны!

Атясь оргодсь аламонь тарка. Мусь сэрей куз. Куйсь сон те кузонть пряс, овсе тѣкшкентень. Тосто парсте неяви, мезть кармить улеме. Тейтересь яла аварди, сеери та-кинень.

Атясь ваны кузонть прямо, тейтеренть малас сыть виряват, ламонест. Мольсть тейтеренть ваксс ды кармасть ласксстонть кедензэ таргамо. Тей-тов те тумонть тарновтнить, теке гича кедьсэст. Арась, кедтне кодаяк а таргавить. Пек парсте понгавтокшнынзе атясь! Майсесть неть виряватне, эзь таргавтенст. Меельсекс кежесткак састь. Кодак ноцковтызь тейтеренть, кедензэяк сезевсть, кадовсть тоск ласксонтень.

Тейтересь аварди, ёжозояк машнесь. Кодак сезевсть кедтне весе авардезь ды лайшезь ношкстасть кудов. Лашт кепететсь, мезеяк а марят.

Атянь марто ульнесь ружия. Саизе ружиянть ды ледсь виряватнень лангс. Вейке виряванть маштызе. Сынь саизь те маштозентькак ды тусть.

Атясь учось аламос — мезеяк арась. Валгсь тосто, саизе ружиянзо ды тусь следгаст. Мольсь, мольсь атясь, кавтошка вайгельбе ютась. Пачкодсь покш лейс. Валгсь берёконть алов. ваны, тосо покш нора. Кармась кунсолома. Арась, костояк мезеяк а маряви. Саизе ружиянть ды ледсь норантень. Аламос кунсолось, таго мезеяк арась. Аштесь, аштесь атясь ды мери: «Мезе ули, ялатеке сован норантень».

Аволь пелицятнеде ульнесь атясь. Те норась ульнесь вирявань кудо. Лия курока аволь сова тозонь.

Совась норантень. Ваны тосо покш кудо. Седе тов ваны — тосо эзем прясо тол палы. Сезень кедь тейтересь ёжовтомо ашти каязь эзем прясо. Атясь састыне мольсь малав. Ваны, тейтеренть вакссо ашти лия тейтерь, вансты эйсэнзэ. Тейтересь мери атянтень:

— Вай, дедай, вай, дедай, тон истя косто тезэнь понгить?

Атясь мери:

— Ды мон истя, истя варштамонк сынъ. Тон мекс ськамот тесэ аштят? — кевкстизе тейтеренть.

— Вейке виряванть кие-бути ружиясо ледизе, весе тусть сень калмамо. Дедай,— кармась атянтъ икеле знялдомо тейтересь,— азё седе куро́к тестэ. Сынъ куро́к сыть, нейке кежтнень пачк сезнетядызь.

Атясь кевкстизе тейтеренть:

— Тон, тейтерем, кода тезэнь понгить?

Тейтересь мери:

— Монъ, дедай, вишкинестэ виряватне полавтымизь.

Тейтерентень ульнестъ кеветеешка иеть.

— Вана кода! — дивазевсь атясь.

Тейтересь кармась икелензэ знялдомо:

— Дедай, саемак моньгак мартот. Ёми тезэнь весе эрямом. Адя седе куро́к, сындеряйтъ, сезнесамизь.

Атясь мери:

— Ярмакост улить косо́як?

— Сырнест, дедакай, ламо.

— Адяка, невтика косо,— мери атясь.

Тейтересь саизе атянтъ ды лиссть кудыжельксэнь кондямос. Тосо ульнестъ а покшке цюланнэ. Тейтересь панжизе се цюланнэнтъ, тосо ашти горобия. Панжизе сень, пешксе сырнеде. Атясь пештизе малахаензэ сырнеде. Малахаезэ, паз ваносо, ульнестъ озорнойшка. Тейтернестъ пештясь элезэнзэ ды мери:

— Дедай, адя седе куро́к! Сыть — сезнесамизь. Ней самонь шкаст.

Седе куро́к лиссть норастонтъ ды ношкстасть чиезь. Виряватне састъ, тейтернестъ арась. Варштасть,— сырнедентъ знярья арась. Кода ношкстыть сасамост, вай, мастор алов туест! Кува чиить, натой весе вирентъ мацтитъ. Атянтъ марто тейтернестъ вана чиить, вана чиить. Тейтернестъ мери атянтень:

— Дедай, виряватне мельганок панить, куро́к сасасамизь.

Атясь мери:

— Тон, левкскем, иля пеле. Мон содаса, мезть мартост тейнемс.

Тейтернестъ таго мери:

— Вай, дедай, маласот. Куро́к сасасамизь!

Атясь варштась — виде, эль сасасызь. Лоткасть. Атясь перькаст тейсь тол. Сынсь аштить толонтъ куншкасо. Неизь тосто атянтъ марто тейтерентъ ды кармасть толонтъ валямо. Мацтясть, эзь мацтяв. Атясь ды тейтересь тенст эзть саеве.

Чарасть-тейсть толонть перька ды тусть мекев. Кодак тусть, атянтъ марто тейтересь лиссть толонть потсто ды таго ношк-стасть кудо ёнов. Вана эль пачкодить эсест паксянтень. Велеськак маласо. Курок пачкодить. Чийсть, чийсть, тейтересь таго мери:

— Дедай, таго сасыть эйсэнек. Пек маласот. Курок саса-самизы!

Атясь мери:

— Иля пеле, тейтернем, кадык сыть.

Атясь таго перькаст тол тейсь. Превей сон ульнесь, курок пря а максыль. Виряватнененьгак эзь понго. Виряватне чийсть. Таго майсесть, майсесть, мезеяк эзь тее. Тусть мекев, прок апак нолсе вазт. Атясь мери:

— Ней, левкскем, адя, мездеяк иля пеле. Кудось а васоло.

Велесь кадновсь ветешка вайгельбетъ. Састо, апак капша сынъ мольсть кудов. Те атянтень мерильть Ватушка. Тейтерентъ ветизе мартонзо эсензэ кудов ды кевкстизе нинзэ:

— Матря баба, тон а помнясақ, кинь тейтерензэ полавтокшнызь? Кеветее ие, келя, седе мейле ютась.

Матря баба аламос арсесь-тейсь ды мери:

— Федэрэикань Филянъ, келя, полавтокшнызь эйкакшост. Тейтеръ ульнесь, тарказонзо цёра каякшность. Истямо покш пря ульнесь цёрась.

Ватушка мольсь тейтерентъ тетянтень — Федэрэнь Филянень ды кевкстизе Филя бабань:

— Тонь, Марька бабай, эйкакшот полавтокшнызь?

Бабась мери:

— Эно, Ватушката, полавтызь. Умок. Покш прянтъ минек некшник? Сонзэ тарказонзо каякшнызь. Меля минь сонзэ калминек.

Ватушката мери:

— Мон тонь тейтерентъ, аля, муия!

Бабась лашшаргадсь ды мери:

— Вай, ды косто истя, Ватушката, тон сонзэ муик?

— Виряванъ кедьстэ,— мери,— муия.

— Ды кода истя тон молить тов, Ватушката?

Атясь ёвтнизэ весе, кода ашти тевесь, кода сон идизе тейтерентъ... Филя баба кенярдозевсь ды кевкстизе:

— Косо эно монь тейтересь?

Ватушката мери:

— Минек кедьсэ. Адядо ванынк.

Филятя ды бабазо чиезь ношкстасть Ватушканень. Совастъ Ватушкатынень, ваныть, тейтересь ашти озадо вальмало. Весе раужо, пря черензэ покшт. Сон апак шля эрсесь, черензэ апак кода. Филя баба мери тензэ:

— Вай, тейтернем, седейнем! Ков истя тон понгонить? Тонь полавтокшныдизь монь ваксто. Тарказот монь ваксе путнестъ цёра, покш пря. Кемнилее иеть тринек эйсэнзэ, меля калминек.

— Вай, авакай,— мери тейтернесь,— те кода истя?

Авась мери:

— Истя, истя, тейтернем. Тонь полавтокшныдизь. Ванз вант, те тонь тетят, мон — ават. Адя мартонок эсенек кудов, шлятадызь-нардатадызь.

Тейтересь мери:

— Ватушка дедам бути мери, молян мартонк, а мериндеряй, а молян. Мон а содатадызь — тынь тетян-аван эли аволь. Монь вана Ватушка дедам — тетям. Сон Вираватнень кедьстэ идимим монь.

Филя баба мери:

— Тон, Ватушкятя, мерть тензэ миненек молемадо. Максик тейтеренек.

Ватушкятянь эйдензэ арасельть. Мери тенст:

— Мон аздан моли, арась. Кевкстинк эсензэ:

Лемезэ тейтеренть арась. Филятя марто Филя баба таго кармасть кортамонзо:

— Адя, тейтернем, тон минек эйдесь. Адя, минь шлятадызь-нардатадызь. Минь тетя кемть, паця, панар раматано. Суманть ставтовтано.

Ватушкятя аштесь, аштесь ды сонгак мери:

— Азё эно, тейтернем, коли тердить эйсэть тетят-ават. Тон сынст тейтересь.

Тейтересь а моли ськамонзо, пели. Сон арси, кодак лиси, — вираватне кундасызь. Ватушканень мери:

— Адя, Ватушка дедай, ильтямак, мартот а пелян.

Сыргасть, Ватушкятя тусь ильтямост. Ветизе тейтеренть Филятянь кудов, сон таго а кадови эйстэнзэ. Ватушкятя мери:

— Левкскем, ней теск эряк. Ванз те тетят, те ават. Сынь кармить трямот-ваномот.

Чизэ кармась чопотеме. Тейтересь пели, мери:

— Арась, мон теск а кадован. Мон тонь марто туян. Удок теск, а туян. Кодак туют, монгак туян мартот.

— Кадован, кадован, — мерсь сон.

Тейтерненть каизь коник лангс, сеск матедевсь. Ватушкятя тусь кудов. Валске тейтернесь сыргойсь, ваны — Ватушка дедазо арась.

Кевкстни:

— Ватушка дедам косо?

— Тусь, — мерить, — кудов. Тонеть пешть курок канды.

Тейтернесь кенярдозевсь. Кемть Филя баба стямозонзо сонсь анокстась. Совавтызь, максызь тензэ ды мерить:

— Вана Ватушка дедат кемть тетя кучсь.

Тонгинзе пильгезэнзэ, якась аламось киякска ды мери:

— Вай, авакай, кодат парт.

Мейле совавтсть тензэ сборов суманть, паро пацят, панар, пулай ды лият эрьва мезть. Оршавтнизь весе лангозонзо, виде-паронь тейтерькс теевсь. Пек мазый, ансяк пек рудазов.

Авазо мери:

— Адя, тейтернем, васня шлятадызь-нардатадызь, мейле седеяк мазый кармат уleme.

Уштсть баня. Шлизь-нардызь, прынзо пезызь, кодасть тензэ пуло. Пилезэнзэ пилекст путсть, киргазонзо каясть эргть-кумб-рят. Пек мазылгадсь тейтересь. Путсть тензэ лем Вирияня. Седе мейле кармась тенст мереме тетяй ды авай.

Колмо неде мейле кармасть мельганзо якамо покш кудат. Эрязь-аштезь максызь мирденень паро цёранець. Ватушкатаь свадьбасо ульнесь, прок тетя. Мирдензэ марто парсте эрить.

Эйдест-какшост ламо ды парт эсест кондят.

27. ВИРЯВА

Это было давно. Из одного эрзянского села молодые парни ушли в лес лыки драть. В середине леса, на берегу оврага, была вырыта землянка. В ней они жили. Много их было, человек сто. Целый день драли они лыки, а сами все шутили. Один говорит:

— Хоть бы девушка пришла в гости к нам, хорошо было бы.

Второй говорит:

— Если бы молодуха пришла — еще лучше.

Другие молвят:

— А если б десяток женщин пришло, и того лучше было бы. Так все жили они в землянке и не тужили.

В одну темную ночь пришла к ним девушка, красивая, статная, грудь высокая. Пришла она, прислонилась руками к косяку двери и глядит на парней. Смотрела она, смотрела и ушла. Никто ничего не сказал ей. На следующую ночь она опять пришла. Глядит и смеется, а говорить не говорит. И парни смеются, с собой спать ее зовут. Она молчит. Так приходила она и в третью ночь.

Там был один парень, высокий и сильный. Звали его Семеном. Он говорит товарищам:

— Друзья, вот что надо сделать. Я вечером выйду на двор, встану под окном и буду слушать. Как придет она, вы скажите мне в окно. Я украдкой подойду сзади и за плечи толкну ее в землянку. Вы ее поймаете.

Они так и сделали. Вечером девушка снова пришла, обхватила она косяк двери и глядит, улыбаясь. Сама такая красивая, что словами и не передашь. Сема подошел к ней сзади и попытался втолкнуть ее в землянку. Девушка обернулась, схватила парня, взвалила его себе на плечи и убежала с ним. Сильная и большая была девушка.

Сема стал кричать истошным голосом. Все перепугались. Никто не вышел. Так украла она парня. Шесть недель все слышался крик. Никто не пошел искать — парень был молодой,

неженатый, может, в мужья взяла она такого сильного и большого парня.

После этого, много лет спустя, в этом месте один старик рубил лес. Свалил он один толстый дуб. Отрубил от комеля дуба аршина в четыре длиной бревно и стал колоть его пополам. Приготовил он дубовые клинья. Сначала воткнул топор, сделалась щель. В нее он воткнул клин и стал вбивать его. Полено, которым он вбивал клин, было с пуд весом: сильный был старик. Потому и не побоялся он в такое место придти. Раз десять ударил он по клину, щель расширилась, топор ослаб и упал. Старик говорит про себя: «Теперь отдохни немного, закури. Потом дуб расколешь». Сел и закурил. После отдыха взял он дубину, раза четыре-пять ударил ею по клину, щель еще шире сделалась. В это время позади послышался женский голос:

— Будь здоров, дедушка!

— И ты тоже,— ответил старик.

Поглядел он — позади большая и красивая девушка, Вирявы все большие. Эта девушка говорит ему:

— Дедушка, ты что делаешь?

— На органе играю,— отвечает старик.

— Дедушка,— говорит девушка,— научи и меня играть.

— Подойди поближе, научу,— отвечает ей старик.

— Как же ты научишь меня? — спросила девушка после того, как подошла поближе.

Старик отвечает:

— Я знаю как. Ты подойди, засунь вот сюда руки.

— Да куда?

— Вот в эту щель засунь обе руки, научишься.

Девушка подошла, и обе руки засунула она в щель. Старик потихоньку стал вытаскивать клин. Качает он его в обе стороны, и клин понемногу все выходит. Девушка закричала:

— Ой, дедушка, очень жмет!

— погоди, погоди немного, научишься.

Старик вынул один клин, стал второй вытаскивать. Щель все сжимается. Девушка говорит:

— Ой, дедушка, как здорово жмет! Ой, дедушка, больно!

Потом стала даже кричать. А старик свое:

— Не очень, не очень, подожди, зато научишься на органе играть.

Старик дергал, дергал клин, он ёлчк! — вышел. Руки девушки защемило. Как закричит она — весь лес стал шуметь, как сто коров мычат.

Старик думает: «Погоди, далеко не уйдешь». Девушка туда дерг, сюда дерг — нет. Рвалась, рвалась, а руки не вытащит. Как начнет она плакать: «Ой, матушка-кормилица!» Старик взял топор, схватился за уши и побежал от нее. Кто знает, что будет!

Девушка увидела, что он бежит, спросила:

— Дедушка, как звать тебя?

Старик крикнул:

— Мое имя — в прошлом-позапрошлом году!

Старик отбежал немного, нашел высокую ель, забрался на самую верхушку. Оттуда ему хорошо видно, что будет. Девушка все плачет, кричит кому-то.

Видит старик с дерева: к девушке подошли много Виряв. Подошли они к ней и начали руки вытаскивать. Туда-сюда этот дуб повернут, как «чиж» в руках. Нет, никак руки не высвободят. Очень ловко поймал старик Виряву. Маялись, маялись эти Вирявы, не вытащили ее руки. Потом даже рассердились, как дернут они девушку — руки оторвались, остались в щели.

Девушка чувств лишилась. Как оторвались ее руки, все заплакали и побежали домой. Шум подняли, ничего не слышать.

У старика с собой было ружье. Он выстрелил в Виряв. Одну убил. Они взяли и эту убитую и пошли.

Старик подождал немного, слез с ели, взял свое ружье и пошел следом за Вирявами. Где они шли, там вся дорога кровью испачкана. Шел, шел старик, версты две прошел. Дошел он до большой реки. Спустился на берег, смотрит — там большая нора. Стал он слушать. Нет, нигде ничего не слышно. Взял он ружье и выстрелил в нору. Немного послушал — опять ничего не слышать. Постоял, постоял старик и говорит: «Что будет, все-таки я войду в нору». Не из боязливых был. Другой не вошел бы туда. В этой норе жили Вирявы.

Вошел он в нору. Смотрит — там большой дом. Он подальше прошел, видит — на лавке огонь горит. Девушка с оторванными руками без памяти лежит на лавке. Старик тихонько подошел поближе. Видит — около нее стоит девочка, караулит ее. Девочка говорит старику:

— Вай, дедушка, вай, дедушка, ты как это сюда попал?

Старик отвечает:

— Да я так и так, поглядеть на вас пришел. Ты почему здесь одна стоишь? — спросил он девочку.

— Одну Виряву кто-то из ружья застрелил, две ушли хоронить ее. Дедушка, — стала она умолять его, — уходи быстрее отсюда. Они скоро придут и разорвут тебя.

Старик спросил девочку:

— Ты, доченька, как сюда попала?

Девочка отвечает:

— Меня, дедушка, маленькую Вирявы подменили.

(Девочке было лет 15.)

— Вот как! — удивился старик.

Девочка стала просить старика:

— Дедушка, возьми и меня с собой. Здесь пропадет вся моя жизнь. Идем быстрее, придут они — разорвут нас.

Старик говорит:

— Деньги есть где-нибудь?

— Золота, дедушка, у них много.

— Идем-ка покажи, где,— говорит старик.

Девочка повела старика, и они вышли в сени. Открыла девочка небольшой чуланчик, а посередине чуланчика стоит сундук. Открыла она его — полно золота. Старик наполнил злотом свой малахай. Малахай его, спаси бог, был с ворох. Девочка набрала в подол и говорит:

— Дедушка, идем быстрее! Они придут — разорвут нас. Теперь время их прихода.

И девочка с дедом пустились бегом. Вирявы пришли — девочки нет. Поглядели они — и золота нет. Как бросились они догонять... вай, сквозь землю пошли бы! Где бегут — весь лес маялят. Старик с девочкой бегут что есть мочи. Девочка говорит старику:

— Дедушка, Вирявы за нами гонятся, скоро настигнут нас.

Старик отвечает ей:

— Ты, деточка, не беспокойся, я знаю, что с ними делать.

Девочка опять говорит:

— Вай, дедушка, они близко, скоро догонят нас.

Старик посмотрел — правда, вот-вот догонят. Остановились. Старик вокруг развел огонь. Они встали в середине огня. Вирявы подошли к огню, увидели там старика с девочкой и стали они огонь заливать. Тушили, тушили — не потушили. Старика и девочку оттуда не могли взять. Покрутились, покрутились они вокруг огня и ушли обратно. А старик с девочкой вышли из огня и опять побежали в сторону дома. Вот-вот добегут до своего поля. И деревня недалеко. Девочка обернулась назад, видит — Вирявы опять недалеко от них:

— Дедушка, они опять догоняют нас!

Старик отвечает ей:

— Ты, доченька, не бойся, пускай придут.

Старик опять развел огонь. Он был умный, просто так свою голову Вирявам не отдал бы.

Подбежали Вирявы к огню — маялись, маялись, ничего не делали. И ушли они обратно. Старик говорит:

— Теперь, деточка, идем, ничего не бойся. Дом недалеко. До деревни осталось рукой подать.

Тихонько, не торопясь шли они домой. Этого старика звали Ватушка. Девочку он привел к себе домой и спросил жену:

— Старуха Матря, ты не помнишь, чью девочку подменили? Лет пятнадцать прошло после этого.

Старуха Матря немного подумала и говорит:

— Кажется, у Федоркина Филиппа подменили ребенка. Девочка была, вместо нее мальчика положили. Такой большеголовый был мальчик.

Ватушка пошел к девочкиному отцу Федоркину Филиппу и спросил его жену:

— У тебя, баба Марька, ребенка подменили?

— Да, дед Ватушка, подменили. Давно. Ты видел нашего большеголового? В прошлом году мы его схоронили.

Дед Ватушка говорит:

— Видно, я твою дочку нашел.

Старуха растерялась и спрашивает:

— Вай, где это, дед Ватушка, нашел ее?

— У Виряв нашел ее я, — отвечает он.

— И как это ты пошел туда, дед Ватушка?

Старик рассказал все, как было, как он выручил девочку...

Жена Филиппа обрадовалась:

— Ну, а где же моя дочь?

Дед Ватушка отвечает:

— Она у нас. Идемте, поглядите.

Дед Филипп с женой бегом побежали к дому деда Ватушки. Вошли они к нему и видят — девочка у окна. Вся черная, грязная, волосы на голове длинные, не заплетены.

Жена Филиппа говорит ей:

— Ой, девочка, сердце ты мое, где это ты пропадала... Тебя у меня подменили. Вместо тебя положили с большой головой мальчика. Четырнадцать лет мы растили его, в прошлом году похоронили. Чтобы сквозь землю он провалился!

— Вай, матушка, как это так? — спрашивает девочка.

Мать отвечает:

— Так и так, девочка. Тебя подменили. Вот погляди, это отец твой, а я — твоя мать. Идем с нами в свой дом, мы тебя вымоем, оденем.

Девочка говорит:

— Если велит дедушка — я пойду с вами, а если он не велит — я не пойду. Я не знаю, вы отец с матерью или нет. Мой отец вот, дед Ватушка. Он от Виряв меня спас.

Жена Филиппа сказала:

— Ты, дед Ватушка, вели ей с нами идти. Отдай девочку.

У деда Ватушки детей не было. Он говорит им:

— Я не знаю, пойдет или нет. Спросите ее.

Имени у девушки нет. Дед Филипп с женой опять стали уговаривать:

— Идем, доченька, ты наш ребенок. Идем, мы тебя вымоем, оденем. Мы тебе сапоги, платок, рубашку купим, зипун сошьем.

Дед Ватушка сидел, сидел, молчал, молчал — жалко стало ему родителей девочки:

— Ну, иди уж, доченька, если зовут тебя к себе мать с отцом. Ты их дочка.

Девочка одна идти боится. Она думает, как выйдет — Вирявы поймают ее.

— Идем, дед Ватушка, проводи меня, с тобой я не боюсь.

Дед Ватушка довел девочку до дома старика Филиппа, но она опять не остается у них. Дед Ватушка говорит:

— Дитятко, теперь здесь живи. Вот это отец твой, а это — мать. Они будут воспитывать тебя.

Стало смеркаться. Девочка еще больше забоялась:

— Нет, я здесь не останусь. Если ты уйдешь — и я уйду. Переночуй здесь.

— Останусь, останусь, — говорит дед Ватушка.

Девочку положили на кровать, она тут же уснула. А дед Ватушка ушел домой. Утром девочка проснулась, смотрит — деда Ватушки нет. Спрашивает:

— Где дед Ватушка?

— Ушел, — говорят, — домой. Тебе скоро принесет орехи.

Девочка обрадовалась. Сапоги жена Филиппа сама приготовила. Внесли, отдали ей и говорят:

— Вот дед Ватушка тебе сапоги прислал.

Обули ей на ноги, походила она немного по половику и говорит:

— Вай, матушка, какие хорошие!

Затем ей внесли кафтан со сборами, хороший платок, платье, пулай¹ и другие разные вещи. Заставили одеть все на себя. Стала она настоящей девушкой, очень красивой.

Мать говорит:

— Иди, доченька, сперва умойся, тогда еще краше будешь.

Истопили баню. Вымыли девочку, заплели ей косы. В уши вдели серьги, на шею надели бусы. Не налюбуйся на девушку. Стали звать ее Виряней². После этого она признала отца с матерью.

Прошло три года, стали ее ходить сватать.

Выдали ее замуж за хорошего парня. Ватушка на свадьбе был словно отец. С мужем Виряня жила в согласии. Детей было много, и все хорошие, как сами родители.

28. АВА ДЫ ОВТО

Седикеле эрзятне эрять покш вирь куншкава. Сюрояк вид-
несть вирь кужотнень эзга. Виртнень эйсэ ламо овтт эрсекш-
несть. Чить ломантнень малава яксесть.

Суро видемадонть башка эрзятнень ламонь-ламонь уль-
несть нешкест. Нешке пиретнеяк ульнесть вирь кужова.

Вейке велень ава нуиль розь. Розесь ульнесть вирь куншкасо
кужосо. Вансы, вирьстэнтъ лиссь овто ды моли эйзэнзэ. Авась
истя тандадсь, эзь ношкставгак мик.

Овтось яла моли. Таго мекс стядо моли, прок ломань.

Авантень сась ёжо, вана овтось моли эйзэнзэ ды сонсь сю-
конякшны. «Мень тамаша? — арси авась эсь пачканзо. — Бутн
азаргадсь те овтось, мерема, секс истя сы эйзэнь».

¹ Пулай — женский пояс с украшениями.

² Виряня — от слова «вирь» (лес).

Авась эзь кенере ношкстамо, ды а ков ношкстамскак. Сон ялатеке сасатанзат. Пильгензэ кода а кода ниле.

Мольсь овтось малазонзо. Авась васня талакадсь, а содасы мезть тейнемс. Мейле варштась, овтонть лапасо сардо пезназь суронь кувалмосо.

Авась таргизе се сардонть ды ойнесэ ваднизе. Мартонзо ой ульнесь. Овтось, прок пейдезевсь, ды шождынестэ, кичкере пильгензэ марто ношкстась мекев вирентень.

Мейле знярсья авась нусь. Вансы, таго секе овтось лиссь вирьстэнтъ ды мезе-бути марто моли авантень.

— Ней сэвсамам,— мери авась.— Эряви ношкстамс ковгак. Эзь кенере ношкстамо, овтось таго малазонзо сась. Мартонзо кандсь алашань андома очкошка пешке. Мольсь аванть малас, путызе нешкентъ масторов ды тетъкизе кавтов. Сонсь ванносъ-тейсь, сюконясь аванть ёнов ды тусь мекев вирентень.

Авась нуеманзояк кадызе. Мольсь ды кармась медте ярсамо. Пекезэ пешкедсь, пештизе кукшононзо ды тусь кудов. Кудосо мирдензэ марто сайсть ниле ведрат — ды меденть кис. Коташка пондо ульнесь медтенть. Иень перть тенст сатотсь. Истя андынзе овтось медте.

28. ЖЕНЩИНА И МЕДВЕДЬ

В старину эрзяне жили в больших лесах. И хлеб сеяли они на лесных полянах. В лесу было много медведей. Днем они близко подходили к людям.

Эрзяне занимались хлебопашеством, кроме этого у них было много пчел. И пчельники были на лесных полянах.

Женщина из одной деревни жала рожь. Поле было в середине леса. Видит женщина — из леса вышел медведь и идет к ней. Она так испугалась, даже с места тронуться не могла.

А медведь все идет. Почему-то он стоя идет, как человек, и сам кланяется. «Что за чудо?— думает про себя женщина.— Может, этот медведь бешеный, поэтому так идет ко мне».

Женщина не успела убежать, да и убежать-то некуда. Он все равно догонит. Ног как-никак у него четыре.

Медведь подошел поближе. Женщина сначала растерялась, не знает, что делать. Потом поглядела — в лапе медведя заноза длиною в палец. Женщина вынула ее и лапу помазала маслом. У нее с собой было масло.

Медведь как будто улыбнулся и легко своими кривыми ногами побежал обратно в лес.

Прошло много времени. Видит, однажды женщина тот же медведь вышел из лесу и с чем-то идет к ней. «Теперь съест,— говорит женщина,— надо убежать куда-нибудь».

Не успела она опять убежать, медведь подошел близко. С собой он принес улей величиной с лошадиное корыто. Подошел

медведь к женщине, поставил улей на землю и разбил его надвое. Посмотрел, поклонился женщине и ушел обратно в лес.

Женщина и жать перестала. Стала мед есть. Наелась, наполнила кувшин и ушла домой.

Из дома взяли они с мужем четыре ведра и — за медом. Пудов шесть меду было. На целый год им хватило.

Так медведь накормил их медом.

29. СТЕНЬКА РАЗИН

Весть моли Стенька Разин кисканзо марто виренть тропинева. Тропинесь ветизе покш ведьс. Стенька Разин уйсь ведьганть островс, кискась мельганзо. Островонть лангсто мусь сон кевнерь. Оймсесь сон тосо ды таго тусь уезь ведьганть: Стенька Разин пек вадрясто укшнось.

Стенька Разин мольсь истя эсь ялганстэнь. Веденть уезь, сон пачкодсь покш вирьс ды тусь эзганзо тропинева. Сон пачкодсь кодамо-бути болотас, кармась ютамонзо ды пезнась меште видьга рудаз потс. Кискась ютась тона берёкс и кармась артнеме ды онгомо.

Юты те таркаванть солдат. Маризе кискань онгоманть ды мольсь тозонь: пек уш солдатонть ярсамозо сась. Неизе сонзэ Стенька Разин ды кевкстни:

— Коволдо, молят, солдат?

— Пленстэ.

— Ну, бути истя, то вана мезе. Аволь васоло тестэ ули ленге куро. Азё керяк ленгть, понак пикс ды ёртык пензэ монень. Пезнынъ вана исяк те рудазонтень ды кодаяк а лисеван.

Мольсь солдатось ленге курос, керясь ды ваткась ленгть, понась пикст. Сон ве пикс пенть чувтс сьулмизе, а омбоценть сьулмизе кискантень. Стенька Разин тердизе кисканзо, кискась мольсь тензэ, ды истя ускизе азоронстэнь пикс пентькак. Стенька Разин саизе пиксэнтъ, тапаризе перьканзо ды кармась кедьсэнзэ ускомо пиксэнтъ. Солдатоськак кармась ускомо пиксэнтъ.

Лиссь Стенька Разин берёк лангс, здоровасть солдатонть марто. Стенька Разин кучизе кисканзо охотас. Кискась кандсь нумоло. Солдатось ваткизе нумолонть, кеденть ды потмонть максызе кискантень а сывеленть керсизе ды вачкизе котёлоконзо. Пидизь те нумолонть, ярсасть ды мадсть чувто алов оймсеме.

Удость сынъ ве и тусть веле вешнеме. Мусть велине, совасть крайсэ кудынес. Сынъ тосо оймсесь, удость ды валске тусть ульцянть кувалт молеме. Вануть — сыть Стенька Разинэнь каршо цела артель солдатт ды полицейскойть. Кодак васодсть, кармасть тюрьеме, арсить Стенька Разинэнь кундамо. Стенька Разин чавизе те весе артеленть ды тусть те солдатонть марто. Сынъ мольсть, мольсть пачкодсть моря чирес, а мельгаст уш солдат

полк пани. Куродызь Стенька Разинэнь ды солдатонть моря берёконтень, солдатонть кундызь, а Стенька Разин скокадсь морянтень, ацась кенде, озась лангозонзо ды тусь уезь. Солдатнэ кармасть лангозонзо леднеме. Васня Стенька Разин кармакшность чопавтнеме. Ледить — сон чопавты, кендентькак мартонзо сайсы ды лиси ве бокас. Мейле сон кармасть пулятнень эйсэ прок сэрят кочкамо. Леднить лангозонзо, а сон кунци пулятнень ды элезэнзэ вачки. Истяк и оргодсь.

Мейле солдатнэ кармасть вешнеме Стенька Разинэнь войсканзо. Но зяро эзьт вешне, мезеяк ды костояк эзьт муе.

29. СТЕНЬКА РАЗИН

Однажды идет Стенька Разин со своей собакой по лесной тропинке. Тропинка привела его к большой реке. Стенька Разин приплыл к острову, собака за ним. На острове нашел он каменный выступ. Немного отдохнул и опять поплыл. Стенька Разин очень хорошо плавал.

Шел он так, шел к своим товарищам, дошел он до какого-то болота. Стал проходить через него и увяз по грудь. А собака перешла на тот берег и стала бегать и лаять.

Проходит по этому лесу солдат. Услыхал он лай собаки и пошел на него. Увидел его Стенька Разин и спрашивает:

— Откуда идешь, солдат?

— Из плена.

— Ну, если так, то вот что. Недалеко отсюда есть липовая чаща. Ступай надери лыка, свей веревку и конец брось мне. Увяз вот вчера в этой грязи и никак не могу выйти.

Пошел солдат в липовую чащу, надрал он лыка, свил веревку. Один конец веревки привязал к дереву, а второй привязал к собаке. Позвал Стенька Разин собаку, она прибежала к нему и помогла своему хозяину: Стенька Разин взялся за конец веревки и стал руками ее тянуть. Солдат тоже стал веревку тянуть.

Вышел Стенька Разин на берег, поздоровался с солдатом. Послал собаку на охоту. Она принесла ему зайца. Солдат ободрал его, шкуру и внутренности отдал собаке, а мясо разрезал и положил в котелок. Сварили они этого зайца, поели и легли под дерево немного отдохнуть.

Проспали они ночь и пошли искать село. Нашли. Зашли в крайний дом, отдохнули там и утром пошли вдоль улицы. Глядят — навстречу им целая артель солдат и полицейских идет. Собираются поймать Стеньку Разина. Как встретились с ним, начали драться. Перебил Стенька Разин всю эту артель и ушел с солдатом. Дошли они до берега моря, глядь, а за ними уж полк солдат гонится.

Стеньку Разина и солдата окружили на берегу моря, солда-

та поймали, а Стенька Разин прыгнул в море, расстелил войлок, сел на него и поплыл. Солдаты начали в Разина стрелять.

Стенька Разин давай нырять. Выстрелят — он ныряет и войлок с собой забирает и появляется в другой стороне. Потом он стал собирать пули, как желуди. Стреляют в него, а он ловит пули. Так и убежал.

После солдаты стали искать войско и клад Стеньки Разина. Но сколько они ни искали, ничего нигде не нашли.

30. КУЛОМА

Равонь томбале ве велесэ эрясть атят-бабат. Эрясть сынъ беднойстэ, ульнестъ сынст ансяк вейке атякшост ды кавто саразост, сень кувалт и кармасть атянтень мереме Атякш Ега. А бабась свал якась сезнезь — пандозь панарсо ды истямо нулав пракстасо, што тень кис сюлав эрицянь бабатне кармасть сонензэ мереме Нулав Матря.

Вестъ стясь атясь рана, кандсь лисьма прясто кельме ведь, шлизе чаманзо, ознось пазава икеле, кона аштесь весе пуль потсо икельце уголсо, ды мольсь печька ланго чирес бабанть стявтомо.

— Баба, а баба, стямс уш чей тенть шка, — мерсь атясь, — яла удат ды удат.

А нулав Матря каштмоли Атякш Егань каршо. Куйсь Атякш Ега печьканть лангс, ванны, а Матря баба кунст ды сельмень конязь ашти, сонсь а лексияк.

Новольсть Ега атянь кедензэ-пильгензэ, а соды мезть тейнемс, мейле, зярдс сась сонзэ ёжозо, кармасть токшеме Матря бабань судодо. Токши, токши атясь, а Матря бабанть уш судозояк ульнестъ кельме, суронзояк чувтомозь.

— Натъ, кулось бабась, — мерсь атясь.

Валгсь печька лангстонть, варштась вальмава ды кармасть чекамо пазава икеле. Чекась аламос, мейле мери эсь пачканзо: «Молемс эряви Анка баба мельга ды экшелявтомс аламодо бабанть, эрявсь эрямозо». Анка баба эрясь веленть омбоце песэ. Зярс Ега атясь мольсь мельганзо, чизэяк совсем ашолгадсь.

Совась Ега атя кудос, шапканзо саизе прястонзо, чекась ды кувакасто укстазь мерсь:

— Здрават, Анка баба, кода эрсят.

— Састыне яла арсян-аштян, Ега атя, — ответи Анка баба, — ансяк шумбрачись вана беряньгадсь, сельмтнеяк лоткасть парсте неемеде. А кода тонсь эрсят? — кевкстни Анка баба Ега атянь эйсэ.

— Эх, Анка, Анка, стака натой ёвтамскак: кадовинь мон ськамон: бабась монь кулось.

— Кулось Матря! — ранкстазевсь Анка баба.

— Вестэ кулось, — стакасто мерсь Ега атя. Адя шлясынек-нардасынек, а то роднямгак больше эзть кадово тондеть башка.

— Адя,— мерсь Анка баба.

Мольсть кавтонест Ега атянь кудос, валкстызь Матрянь пецька лангсто, шлизь-нардызь ды путызь эзем пряс. Ега атя сонсь кармась кандо лазт тееме, Анка баба кармась уштомо, шабрасто тердсь кавто цёрат — Кузьмань ды Петянь — кучинзе калмонь чувомо. Чокшнес Ега атя кандо лазтнэнь теинзе, а Кузьма Петя марто калмонть чувизь. Чокшнень пелев кенерсть Матря бабань калмамонзояк.

Калмизь Нулав Матря бабань, кадовсь ськамонзо Атякш Ега атя. Бабанть калмамодо мейле тейсь Ега атя аволь покш поминкат, козо сась — та-кодамо апак сода ломань. Ега атя сеньгак андызе-симдизе. Ярсамодо мейле те апак сода ломанесь мери Ега атянень:

— Ну, покштяй, тон андымик-симдимик, мейсэ жо мон панд-са тонь парот!

— Мезетькак а эряви монень,— мерсь Ега атя.

— Кода а эряви. Андымик-симдимик, а ней а эряви,— мерсь ломанесь.— На хоть вана те сурксонть: кода тонеть мезе эряви теемс, те сурксось весе тонеть тейсы.

— Ну, давай,— мерсь Ега атя ды саизе сурксонть.

Эри Ега атя не, эри омбоце, ледсь мелезэнзэ, што сонензэяк куроку сави куломс. Истя Ега атя эсь пачканзо думи. «А ведь мелем арась куломс, кенерят ещё тов, тосокак мелеть моли».

Весть чопонь пелев вансы Ега атя, та-кие вальмалга ютась ашо одежасо ды пурдась кенкшенть пелев. Ега атянь кияк бутэ кельме ведьсэ валызе, ды а соды, мезть тейнемс. Аламос погода совась Ега атянть кудос сыре атя, ашо одежасо, сельме латконзо покшт, пеензэ низильгавтозь... Ды сон мери атянень:

— Атякш Ега тесэ эри?

Ега атя ашти, прок кельме сонзэ чавизе, уш мейле пеень пачк мери:

— Тесэ.

У Ну, Ега атя, куломс тетяшка, мон тонь куломась, мельгат вана сын.

Ега атя таймаскадсь ваны лангозонзо ды мери:

— Ну, ладна, ансяк кадомак, молян аламос бачкантень грехень ёвтнесынь,— мери Ега атя,— а сонсь ваны сурксонть лангс, конань тензэ максызе аволь содазь ломанесь бабанть поминкасто ды арси: «Кода бу сонзэ озавтомс эзем пряс ды аволь стяво». Мейле мери атясь куломантень:

— Озак знярс эзем пряс, а мон чийнян бачкантень.

Куломась озась. Тусь Ега атя кудостонть ды чинзэ чоп якась та-кува. Чопонь пелев сась сон кудов, а куломась яла ашти эземсэ озадо. Ансяк неизе сон атянть, ранкстась кежейстэ:

— Мезть чинзэ чоп злыдят! Ды ещё монгак эземезэть стазь ставинь.

Ега атя мери тензэ:

— Ужо, иля ранго, кунсоломак. Бути кадсамак ещё колмо

иеть эрямо, сестэ нолдтан, а бути а кадсамак, то нейке жо кшнинь галанка карман ваксот уштомо — весе тонь солавтан.

Куломась тандадсь ды мери:

— Нолдамак, инескетъ — кадтан, ансяк нолдамак.

— Бути конёв тейтяно, то уш ладна.

— Тейтяно, — мерсь куломась ды макссь Ега атянь кедьс конёв, конань эйсэ сёрмадозь печатной буквасо: «Атякш Ега кадрави ещё колмо нес эрямо». Ега атя ванызе конёвонтъ, конань максызе куломась, варштась сурксонзо лангс ды мерсь:

— Ней стьяк ды азе.

Куломась стьясь эземстэнтъ ды кежиявтозь тусь. Эри Ега атя, пингезэ ней сонзэ ловнозь ды сёрмадозь конёв лангс, сёрмадозь сеяк, кона чистэнтъ сави куломс. Ней уш куломась ве час лишнойстэ а кадсы эрямо мастор лангсо. Ды мекс-бути Ега атя кармась винадо симеме, попонтень эзь карма кемеме. Лиясто иредезь мери:

— Мезть пополь манчи эйсэнек, мезть сьолми раужо пацясо сельменек эйсэ. Ознок, мери, седе ламо, иля сёвно инязор ды попт, тень кис пазось райс нолдтанзат, тона чисэ эрямот вадря карми уleme. А мон эсь прясон арсян истя: «Уш тонсь берянь улят, пазось тонеть а лезды. Ванат, кабу куломанть аволия озавто эзементень, те шкас ловажангак наксадовольть».

Истя симезь, косто похмелияс удозь, ютасть колмо иетне. Сась се шкась, знярс нолдызе куломась Ега атянь эрямо. Валске марто рана стьясь сон, пурнызе-сэрнize эсь прянзо, озась эземс ды учи куломанть. Обед малав вансы, вальмалга ютась секе атясь, кона сакшнось тензэ колмо нень ютазь. Совась куломась атянтъ кудос ды мери кежиявтозь:

— Учат эйсэнь или арась? Ней уш а озан эземеть лангс, айда пурнак.

Ега атя стакасто каршонзо мерсь:

— Мон уш пурназян, — сонсь мадсь эзем пряс ды пильгензэяк венстинзе.

Куломась мольсь ваксозонзо, тонгизе кургозонзо кавто суронзо ды таргизе Ега атянь оймензэ. Колмо чиде мейле Ега атянь оймезэ ульнесь уш тона чисэ. Тосо кармасть эйсэнзэ веце-ме эрва кува: кото недлят ветнестъ Ега атянь оймензэ эйсэ, косяк тарка тензэ эзь максо. А кото недлядо мейле ветизь сонзэ праведной судс.

Мольсь Ега атя покш кардайс, кона ульнесь пирязь кшнинь пирявтсо. Кардайсэнтъ ульнестъ ламо ломанть, конат аштеть куцясо. А вить кедь ёнсо, кода кармат совамо кардазонть, аштить ангелт, а керш пеле ульнестъ шайтянт, конатнень рогаст верев мендязь, а пулост аштить кутмерест лангсо ды менчезь вишка кольцинекс. Ансяк совавтызь кардазонть Ега атянь оймензэ, шайтянтнэ пуромсть перьканзо ды ускить эйсэнзэ эстет. Мейле мольсь седой атя книжка марто ваксозост ды мери.

— Уждо, кадынк аламос.

Шайтянтнэ кадызь. Панжизе седой атысь книжканзо ды мери:

— Тон Атякш Ега?

— Мон,— мерсь Ега атя.

— Тон мейс куломанть манчик. Мекс попонтъ эзить кунсоло. Мезть арсить, што бути тонсь берянь улят, пазось тетъ а лезды. Ега атя чатьмони, було келезэяк кундатотсь. Мейле мери тензэ седой атысь:

— Озак весэнь пачалгонтъ лангс.

Ега атя озась. Кона пачалгонтъ лангс озась Ега атя, тезэнь седой атысь путсь аволь покш ашо пачине, а омбоце пачалгонтъ лангс шайтянтнэ путсть кшнинь покш гиря ды пачалгонтъ алов, конань лангсо ульнесь кшнинь гирясь, поводсь аволь покшке шайтяннэ, пулонзояк чирькекс мендизе верев, сонзэ ульнесь превензэ увтямс те пачалгонтъ алов ды мейле Ега атянь оймензэ саемс эстет.

Куватьс весэнь курсясь аштесь ве таркасо: а увти а тей, а тов. Мейле састыне ве пачалгось, конань ало ульнесь шайтян левксэсь, мендэзь пулонзо марто, кармасть увтямо алов. Шайтянтнэ весе кармасть киштеме, пилест стявтнезь нумолокс ды кармасть рангомо:

— Минек Атякш Ега, минек!

Валговтызь Атякш Егань пачалгонтъ лангсто, саизь кавто кавалалдо ды ветизь сынсест кардазов. Ансяк совась Ега атя, ветизь сонзэ покшонтень. Кардазонтъ куншкасо ашти покш столь, перьканзо пурнавсть ламо ломанть, а куншкасо ашти седой шайтян, роганзояк прок сыре букань, верев мендязь. Ветизь Ега атянь ваксозонзо ды шайтянтнэ, конат ветизь, эсь кельсэст таго-мезе мерсть. Сыре шайтянось мери Ега атянень:

— Озак мартонок картасо налксеме.

Ега атя мери:

— Мон а маштан ды ярмаконгак арасть.

Шайтянось мери:

— Миненек а эрявить тонь ярмакот, ойметь лангс давай налксек.

Ега атя абунгадсь, а соды мезть меремс. Шайтянось эйсэнзэ крути, терди налксеме. Думась-тейсь аламос Ега атя, мейле эсь пачканзо арси: «Давай озан, мезть улить».

Озась столь экшс, сайсь карта, варштазевсь сурксонтъ лангс, конань тензэ максызь бабанзо поминкасто ды сонсь думи: «Кабу шайтянтнэнь кедьстэ саемс ломантнень, саемс ды ливтемс сынст те кшнисэ пирязь кардазонтъ эйстэ».

Ансяк прядовсть Ега атянь арсеманзо шайтянось мери тензэ:

— Ну, давай, тонеть ней сатотсь рядось... Ды мейле молят ведень усксеме.

Ега атя чатьмони. Сайсь Ега атя карта эсь оймензэ лангс, манясь шайтянтнэнь кедьстэ ещё ве ломань ойме, мейле сайсь кавто лангс,— ещё манясь кавто ойметь, мейле ниле лангс сет-

неньгак манинзе... Истя Ега атя шайтянонтъ весе ломантнень саинзе, ливтинзе кшнисэ пирызь кардазонть эйстэ ды тусь покш ки ланга. Мельганзо молить ломанть ки соды зняро.

Мольсь, мольсь Ега атя, вансы — ве пеле ашти кардаз. Мольсть сынъ тозонъ, лоткавтынзе Ега атя ломантнень орта ваксс, а сонсь тусь вешнеме кардазонъ покшонть.

МуIZE покшонть ды кевкстни:

— Те кодамо кардазось?

А кардазонъ покшось мери:

— Те рай, тесэ весе праведной ломантне.

Ега атя варштакъ сурксонть лангс и думи: «Кабу совамс те кардазонть... «Друк кенкштне панжовсть, ды Атякш Ега совась раентень, мельганзо народось. Эрясь аламос, арси: «Эряви туемс мода лангс».

30. СМЕРТЬ

За Волгой в одном месте жили старик со старухой.

Жили они бедно, был у них только петух да две курочки, поэтому и прозвали старика Атякш¹ Ега. А жена его ходила в изорванной, залатанной рубахе и в таких же портянках, за что жены богачей стали называть ее Нулав² Матря.

Однажды встал старик рано, принес из колодца воды, умылся, помолился на икону, которая висела в переднем углу вся в пыли, и пошел к печке жену будить.

— Жена, а жена, чай, уж вставать тебе пора, — сказал старик. — Все спишь да спишь.

А Нулав Матря молчит, не отвечает. Залез Атякш Ега на печку, глядит, а жена Матря лежит на спине и глаза закрыты, сама и не дышит.

Опустились у старика Егора руки, не знает, что делать. А после, когда пришел в себя, стал жену Матрю за нос трогать. Трогает — нос холодный, пальцы тоже одеревенели. «Умерла старуха», — сказал старик. Помолился немного, потом говорит про себя: «Надо идти за бабкой Анной и помыть жену — царство ей небесное, отжила век».

Бабка Анна жила на другом конце села. Когда старик Ега пришел за ней, совсем рассветало.

— Можно войти?

Бабка Анна отвечает:

— Войди.

Вошел старик Ега в дом, снял шапку, помолился и промолвил:

— Здравствуй, баба Анка, как живешь?

¹ Петух.

² Нула — тряпка.

— Потихоньку живу, Ега атя¹,— отвечает баба Анка,— только вот здоровье ухудшилось, глаза стали плохо видеть. А как сам живешь?— спросила баба Анка старика Егора.

— Эх, Анка, Анка, трудно вымолвить: остался я один, жена у меня умерла.

— Умерла Матря! — завопила баба Анка.

— Да, умерла,— сказал Егор,— пойдем вымоем, оденем, а то и родных больше не осталось.

— Айда,— сказала бабка Анка.

Пошли они вдвоем в дом Егора, сняли Матрену с печки, вымыли, одели и положили ее в передний угол. Дед Егор сам стал делать гроб, баба Анка стала топить печь, а двоих парней — Кузьму и Петю послали рыть могилу. К вечеру старик Егор сделал гроб, а Кузьма с Петей вырыли могилу. Вечером бабу Матрену успели похоронить.

Похоронили старуху Нулав Матрю. Остался один дед Атякш Ега. После похорон жены дед Ега сделал небольшие поминки, на которых были какие-то незнакомые люди. И их дед Егор накормил-напоил. После еды эти незнакомые люди говорят деду Егору:

— Ну, дедушка, ты накормил, напоил нас. Какое же тебе добро сделать?

— Мне ничего не надо,— сказал дед Егор.

— Как не надо? — сказал человек.— На вот хоть это кольцо: когда тебе что понадобится — это кольцо всё тебе сделает.

— Ну, давай,— сказал дед Егор и взял кольцо.

Живет дед Егор год, живет второй. Пошел слух, что и его возьмет смерть. Тут дед Егор думает про себя: «А ведь желания умирать-то нет, успею еще на тот свет, и там еще надоест».

Однажды в такой день, в который умерла жена Матря, в полночь видит дед Егор: кто-то прошел под окном в белой одежде и постучался в дверь. Деда Егора как будто кто водой облил — не знает, что делать ему. Немного погодя вошел в дом деда Егора старик в белой одежде, глазницы вместо глаз, зубы оскалены... И говорит он старику:

— Атякш Ега здесь живет?

Дед Егор стоит, похолодел, потом уж дошло до него, что это к нему обращается.

— Здесь.

— Ну, дед Егор, тебе умирать пора, я твоя смерть, за тобой вот пришла.

Оробевший дед Егор смотрит на него и говорит:

— Ну, ладно, только схожу к батюшке, о грехах расскажу,— а сам глядит на кольцо, которое дал ему незнакомый человек на поминках, и думает: «Как бы его посадить на лавку?» Потом говорит старику в белом:

¹ Старик.

— Посиди немного на лавке, а я побегу к батюшке.

Смерть села. Ушел дед Егор из дома и ходил день-деньской. К вечеру вернулся домой, а смерть все сидит, дожидается. Только увидела она старика, закричала сердито:

— Почему день-деньской шляешься? А я вот как пришита. Старик Егор говорит ей:

— Подожди, не кричи, послушай меня. Если оставишь еще три года жить, тогда отпущу, а если не оставишь, то буду около тебя топить железную голландку, всего тебя растоплю.

Смерть испугалась и говорит:

— Отпусти, пожалуйста, оставлю.

— Если сделаешь то, что прошу, отпущу.

— Сделаю,— сказала смерть и дала в руки деду Егору бумагу, на которой печатными буквами написано: «Атыкш Ега оставлен жить еще три года». Дед Егор посмотрел на бумагу, которую дала ему смерть, поглядел на кольцо и сказал:

— Теперь встань и ступай.

Смерть встала со скамейки и, рассердившись, ушла. И дед Егор стал пить вино, попу перестал верить.

Так и гулял старик. Прошло три года. Подошло то время, когда нужно смерть ждать. Рано утром встал дед Егор, сел на скамью и ждет смерть. После обеда под окном прошел тот самый старик, который приходил к нему три года назад. Вошла смерть в дом к деду и говорит старику:

— Ждешь меня или нет? Теперь уж я не сяду на лавку, собирайся.

Дед Егор ответил ему:

— Я уж собрался,— сам лег на скамейку и ноги вытянул.

Смерть подошла к нему, сунула два пальца в рот, вынула душу у деда Егора. Через три дня душа деда Егора была уже на том свете. Там его стали водить по всем местам.

Шесть недель водили душу деда Егора — нигде ей места не дали. А через шесть недель привели его на праведный суд. Пришел дед Егор на большой двор, который был загорожен железным забором. На дворе полно людей. Справа, при входе во двор, ангелы, а слева черти, у которых рога вверх, а хвосты, согнутые в колечки, к спинам поджаты. Только душу деда Егора привели во двор, черти собрались вокруг и тащат его к себе. Потом подошел к нему седой старик с большой книжкой и говорит:

— Подождите трогать его.

Оставили его черти. Седой старик открыл книжку и говорит:

— Ты Атыкш Ега?

— Я,— ответил дед Егор.

— Ты почему смерть обманул? Почему попа не слушался? Почему думал, что если сам будешь плох, бог тебе не поможет?

Дед Егор молчит, будто язык отнялся. А седой старик приказывает:

— Садись на чашу весов.

Дед Егор сел. На ту чашу, куда сел дед Егор седой старик положил небольшой платочек, а на вторую сковородку черт положил большую железную гирию, чтоб она пошла вниз. К той чаше, на которой была железная гирия, прицепился еще небольшой чертенок: он хотел подтянуть эту чашу вниз и душу деда Егора взять к себе. Долго коромысло находилось в одном положении, не тянет ни туда, ни сюда. После одна чаша, на которой был чертенок с загнутым хвостом, тихонько стала опускаться вниз. Все черти стали плясать, уши подняли, как зайцы, и закричали:

— Наш Атякш Ега, наш!

Слез Атякш Ега с чаши, черти взяли его под руки и привели на свой двор, к старшему. Посреди двора стоит большой стол, около него собралось много людей, в середине стоит седой черт, и рога, как у старого быка, вверх загнулись. Подвели черти деда Егора к нему и что-то по-своему сказали. Стоящий впереди стола старый черт говорит Егору:

— Садись с нами в карты играть.

Дед Егор отвечает:

— Я не умею, да и денег у меня нет.

Черт говорит ему:

— Нам твоих денег не надо, на душу давай играть.

Дед Егор опешил и не знает, что сказать. А черт играть зовет. Подумал немного дед Егор, потом про себя говорит: «Дай сяду, будь что будет». Сел он за стол, взял карты, посмотрел на кольцо, которое дали ему на поминках жены, а сам думает: «Если бы у чертей выручить людей и вывести их со двора за этот железный забор...» Только подумал так дед Егор, черт говорит ему:

— Ну, давай, теперь настала твоя очередь... И после пойдешь воду возить.

Дед Егор молчит. Взял он карту на свою душу, выиграл у черта еще одну человеческую душу, после взял на две души — еще две души выиграл, после на четыре, и эти выиграл... Так дед Егор всех людей взял у черта, вывел со двора, огороженного железным забором, и пошли они по большой дороге. Шли, шли, видят — в стороне двор. Дед Егор остановил людей около ворот, а сам отправился искать хозяина двора. Нашел он старшего и спрашивает:

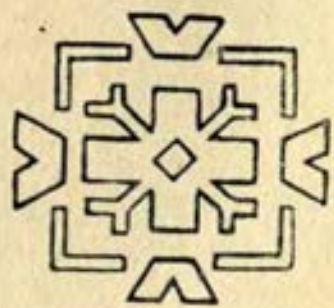
— Что это за двор?

А старший двора отвечает ему:

— Это рай, здесь все праведные люди.

Дед Егор поглядел на кольцо и думает: «Вот если бы войти сюда...» Вдруг двери отворились, и Атякш Ега вошел со своими людьми в рай. Стали они жить и думать, как снова попасть на землю.

БЫТОВЫЕ
СКАЗКИ

31. КАВТО КУМТ

Эрясть атят-бабат. Атясь кармась мекс-бути симеме Михаловонь праздникенть каршо. Колмо чить истя симсь кумонзо кедьсэ. Сон сась кудов ды мери:

— Баба, ванды кумом марто Сабанцелев¹ праздникев молян. Ней мадян, мон стян, зярдю шайтянтнэяк ещѐ удыть, кумось сы мельган алашасо.

Ну, ёвтась истя ды мадсь удомо полок лангс. Кувать а кувать удось, марясы кумозо сась алашасо ды терди:

— Кум, адя праздникев!

Я, сон валгсь, оршась-карсесь, лиссь. Озась кумонь нурдонть ды тусть ардозь. Ардыть, ардыть, ардыть ды ардыть. Кона озась, кармась кельмеме ды мери:

— Мекс пек кувать а пачкодтяно Сабанцелес?

— Ещѐ эзь са,—отвечи се кумось.

Вана сынъ ардсть-ардсть—вырк!—алашатне тусть, а те ломанесь кадовсь поень палка лангс озадо. Чопода, сонсь азды косо. «Те аволь кум ульнесь, те шайтян усксь эйсэнь»,—кармась арсеме сон. Сон учось, учось, кармась ашолгадомо, серойгадомо. Кода ашолгадсь, ваны кумось, кодамояк Сабанцеле а неяви, апак сода тарка, пакся, латкт.

Сон сыргась молеме, моли и моли, ваны, ве ёндо неявить навоз куцяшка кавто-колмо кудынетъ. Мольсь сон се велинентень ды кармась кортамо ломантнень марто, а сынъ минек ёнксонь келентъ а чарькодъсызь. Се велесэнтъ, вейке ломанъ аламодо эрзякс чарькоди. Сон мери:

— Тон костонят, кода понгить тезэнь?

— Дубенской райононь,—отвечи те,—вана кумом марто праздникев истя туекшнынек ды лиядынь паксяс ськамон.

— Тестэ, цѐра, мекев овсе а пачкодят, тосто, тынк ёндо те масторов машинат а якить.

¹ Эрзянь веле.

Кумонть ёжозо маштсь. Мезть тейнемс? Сон кармась авар-деме сыре прясонзо.

— Авардезь мезеяк а теят, сави роботамс и прят трымс.

Макссть тензэ кши, кармавтызь гобрикень¹ чувомо. Вот сон истя роботы. Гобрикенть чувизе — тензэ ещё кши макссть. Ладна. Кармась эрямо тосо. Ве удось, кавто удось. Сась колмоце ве. Сонзэ аравтызь сторожамо. Ашти сон. Сась пелеве икелькс. Ваны — кумозо ардсь секе алашатнесэ сонзэ бокас.

— Ну, кум, фатить, эзить?

— Фатинь, кум, ды а мезе теемс.

— Озак, кум, бути а озат ней, теске лиядат!

Сон скорей, капшазь, озась, ды тусть ардомо. Ардыть ды ардыть кавонест кумоцек, ды пачкодсть вирьс, виренть трокс ашти виде просек. Шайтян кумось корты:

— Ну, кум, минь карматано ардомо те просекканть, понги просекенть трокс мендязь чувто. Тон капшак тензэ ды кутмордак, а кутмордави — кадоват мартон.

Даволкс ардыть просекканть. Пачкодсть просекенть трокс мендязь чувтонть, фатякшнось эйзэнзэ кумось, ды эзь кундаво.

— Ну, кум, пачкодтяно омбоце истямо чувтос, кундак сонзэ!

Омбоце чувтоськак эзь кутмордаво.

— Ну, кум, бути колмоце чувтонтькак а кундасак, а кутмордасак, — кадоват мартон пингезэть. Бути кундави, кудов пачкодят.

Кода пачкодсть колмоце чувтонть, кумось кундась чувтонть, а шайтян кумось тусь ардозь.

Атя кирдсь-кирдсь — кедензэ сизесть, текень вант пры. Алов варштась — тосо раужо ведь, эрьке. «Мезе, — думи атя, — аштян — ёман, прангак — ёман», и сон кармась «караул» сеереме. Весть серьгедсь — вайгелезэ а саты, сон омбоцеде серьгедсь, седе пек; мейле серьгедсь мезе вийсэнзэ. Маря бабазо тензэ пшкадсь:

— Нать азаргадыть ней уш, колмо чить симить, симить, ней караул рангат!

Атясь марясы бабанть, но а несы: ведь и вирь неяви.

— Баба, косат, кундамак, а нетян. Идемак, теть берянь вал а ёвтан зярдоак.

— Ужо валган пецьканть лангсто, тол пуван, тон превстэ лисить некак!

Бабазо валгсь, тол пувась, ваны — атясь полук брусс кундазь, пильгензэ кирнезь, пели ведьс прамодо.

— Ды тон истя мезть тейнят, мейс тезэнь кутмордыть?

Окойники атянень превть састь, сон валгсь, озась эземс, кармась ёвтнеме:

— Ой, баба, мезес понгонинь! Кода тезэнь кумось арстымим, монськак а чарькодян!

¹ Мацтонь.

— Кумось сакшнось мельгат алашасо ды тон удыть, эзить стявтово, ды сон тусь Сабанцелев съкамонзо.

Мейле атысь ёвтнизе, мезе мартонзо ульнесь.

31. ДВА КУМА

Жили-были старик со старухой. Вот однажды, под Михайлов день, старик запил. Три дня подряд кутил старик у своего кума. А когда вернулся домой, говорит:

— Старуха, мы с кумом завтра собираемся поехать в село Сабанчеево¹. Я сейчас лягу, а утром встану чуть свет, когда еще черти спят, за мной заедет на лошади кум.

Ну, сказал он это и лег спать на полатах. Долго ли, мало ли спал — только слышит, кум заехал за ним и зовет:

— Кум, едем на праздник!

Слез старик с полатей, оделся, обулся и вышел. Сел в сани кума, и поехал. Едут и едут, едут и едут. Стал старик зябнуть и говорит:

— Почему так долго едем до Сабанчеева?

— Еще время не пришло доехать, — говорит ему кум.

Вот они ехали-ехали и вдруг жик! — лошади ускакали, а старик очутился верхом на осиновой палке. Ночь. Старик даже не знает, где он. «Это, пожалуй, не кум был, наверно, вез меня черт», — подумал старик. Подождал он, когда стало рассветать. А когда рассвело, смотрит — никакого Сабанчеева не видно, кругом незнакомое поле. Собрался он в обратный путь. Идет и видит: с одной стороны появляются избушки, как навозные кучи. Зашел он в эту деревшку и хотел поговорить с жителями, а они по-нашему разговаривать совсем не умеют. Только один из сельчан немного умел говорить по-эрзянски. Он и спрашивает:

— Ты откуда сам, как попал сюда?

— Из Дубенского района, — отвечает старик.

— Ну, а как же ты угодил сюда?

— Да ведь как, собрались мы с кумом на праздник съездить, и очутился я один в поле.

— Э, старик, отсюда ты до своего села вовсе не доберешься; отсюда до вашей земли и машины не ходят.

Кум совсем растерялся. Что делать? И он заплакал, несмотря на свой престарелый возраст.

— Слезами ничего не сделаешь, придется работать и кормиться.

Дали ему хлеба, заставили рыть погреб. Вырыл погреб — ему еще дали хлеба. Ладно. Стал он работать и жить там. Ночь, вторую переночевал. Назначили его сторожить хлеб. Наступила полночь. Смотрит: подъехал совсем близко на тех же лошадях его кум.

¹ Сабанчеево — эрзянское село.

— Ну, кум, узнал меня?

— Узнал, кум, да нечего делать.

— Садись, кум, если не сядешь, то останешься здесь!

Тут кум быстрехонько сел, и они поехали.

Едут и едут два кума доехали до леса, а через лес проходит прямая просека.

Кум-шайтан говорит:

— Ну, кум, мы поедем сейчас по просеке, встретится там согнутое дерево. Ты ухватись за него, а если не ухватишься — останешься со мной.

Помчались вихрем по просеке. Доехали до того места, где дерево согнутое стоит, хотел было ухватиться кум за дерево, да не смог.

— Ну, кум, доедем до другого такого же дерева, ухватись за него.

Не удалось ухватиться и за другое дерево.

— Ну, кум, если не уцепишься за третье дерево, не обхватишь его — останешься навеки со мной. Если же уцепишься — доедешь домой.

Как только доехали до третьего дерева, кум уцепился за него, а черт-кум поехал дальше.

Висит старик, руки устали, кажется, вот-вот упадет. Посмотрел вниз, а внизу под ногами черная вода — озеро. «Что делать? — думает старик. — И висеть будешь — пропадешь, и упадешь в озеро — пропадешь». Стал кричать старик караул. Один раз крикнул — голоса не хватило. Крикнул второй раз громче. После этого крикнул что есть силы. Слышит он голос своей жены.

— Видно, ты с ума сошел, пил три дня подряд, а теперь караул кричишь!

Старик слышит голос своей старухи, но не видит ее, мерещится ему, что кругом вода и лес.

— Старуха, где ты, уцепись за меня, я не вижу тебя. Больше никогда плохого слова не скажу тебе!

— Подожди, сейчас слезу с печи, зажгу огонь, ты, я вижу, совсем с ума сошел!

Слезла старуха, зажгла огонь и смотрит: старик уцепился руками за край полатей, а ноги подтянул — боится упасть в воду.

— Да ты что делаешь, зачем так повис?

Наконец опомнился старик, слез вниз, сел на скамью и стал рассказывать:

— Эх, старуха, куда я попадал! Как доставил меня сюда кум — ума не приложу.

— Кум ведь заезжал за тобой, да ты очень крепко спал, будил, будил он тебя — не добудился и уехал один в Сабанчеево.

Потом старик рассказал, что было с ним.

32. СЕВОНЕНЬ ЭЙКАКШКЕ

Эрить-аштить атят-бабат кавонест. Эйкакшост арасельть. Вот атят-бабат арсесть сёвонень эйкакш теемс. Тейсть сынь сёвонень эйкакш. Ломанень эйкакштне чийнить, кши вешить, а те — а веши. Мезть тейнемс — апак ярса а эриця. Мольсть атят-бабат ваксозонзо, путсть кедезэнзэ кши.

Мольсь атя сараз — клюкадизе кшинть, ава сараз кукорьгадсь, керень кенкш лакоргадсь, чувтонь кенкш чикоргадсь. Сея маризе, кода чикорьгадсь кенкшесь, ды кевкстни кенкшенть:

— Мейс, чувтонь кенкш, чикоргадыть?

— Мезе уш, сея, а чикоргадан — велесэнек беда теевсь.

— Мень беда?

— Мень беда: эрить атят-бабат эйкакштомот, тейсть сёвонень тякине, макссть кедезэнзэ кши сускомне. Сась атя сараз — клюкадизе, ава сараз кукорьгадсь, керень кенкш лакоргадсь. Вот мон и чикоргадынъ.

— Те самай бедась велесэнтъ? Сестэ эно монгак рогам синдъса.

Вот сея синдизе роганзо, мольсь ведь лангов симеме.

— Сея мекс рогат синдезъ? — кевкстни ведесь.

— Беда покш теевсь, — мери сеясь.

— Мезень таго тосо бедась?

— Ды эрить аштить атят-бабат. Тейсть сёвонень тякине, макссть кедезэнзэ кши сускомне. Мольсь атя сараз, кшинть клюкадизе, ава сараз кукорьгадсь, керень кенкш лакоргадсь, чувтонь кенкш чикоргадсь ды монгак рогам синдия.

— Бути истя тевесь, — мери ведесь, — то мон мутнойгадан.

Сась ве одирьва ведьс, ваны — ведесь мутна ды кевкстни:

— Мекс тон, ведь, мутнат?

— Ды пек уш покш бедась теевсь.

— Мень покш беда? — кевкстни одирьвась.

— Ды атят-бабат сёвонень эйкакш тейнестъ, путсть кедезэнзэ кши кочомне. Атя сараз клюкадизе, ава сараз кукорьгадсь, керень кенкшесь лакоргадсь, чувтонь кенкшсь чикоргадсь, сея роганзо синдизе, мон мутнатнень ливтинъ.

Маризе тень одирьвась ды мери:

— Мон эно кукшоном тапаса.

Тапизе кукшононзо, мольсь кудов, ведь эзь кандо.

— Урьва, мекс кувать якить ды ведьгак эзить кандо? — кевкстни ававтось.

— Авакай, беда теевсь.

— Ды мезень таго бедась?

— Бедась вана мезе: атят-бабат тейсть сёвонень эйкакшке, макссть кедезэнзэ кши кочомне. Мольсь атя сараз, клюкадизе, ава сараз кукорьгадсь, керень кенкшест лакоргадсь, чувтонь кенкшесь чикоргадсь, сея роганзо синдизе, ведесь мутнанзо ливтинзе, мон кукшононтъ тапия.

— Вай, авакай,—мери ававтось.—Ды бути истя, мон куслят-как пидеме а карман, пряван куслятнень валносынъ.

Сон саинзе куслятнень ды пряванзо валынзе. Сась паксясто мирдезэ завторкамо, кевкстни:

— Баба писть куслятне?

— Ды мон, атыкай, куслятнень прязон валынъ.

— Ды те мекс истя?

— Беда теевсь!

— Кодамо бедась?

— Атят-бабат сёвонень эйкакшке тейсть, кедезэнзэ кши ко-чомне путсть... атя сараз клюокадизе, ава сараз кукорьгадсь, керень кенкшесь лакоргадсь, чувтонь кенкшесь чикоргадсь, сея синдинзе роганзо, ведесь ливтсь мутнанзо, урьванок тапизе кукшононтъ, мон каннь пряван куслятнень.

— Ну бути истя,—мери атысь,—молян сокам яжаса.

Яжизе атысь соканть, а сокамс а мейсэ. Тей-тов, а сокамо, а видеме. Кадовсть атят-бабат урвасть марто кшивтеме ды кулсестъ.

32. ГЛИНЯНЫЙ РЕБЕНОК

Жили-были старик со старухой. Детей у них не было. Вот старик и старуха надумали сделать глиняного ребенка. Сделали. Опять беда: у людей дети бегают, хлеба просят, а этот и хлеба не спрашивает. Что делать? Без еды не жилец. Подошли к нему старик со старухой, положили хлеб в руки.

Подошел петух — клюнул хлеб, курица нахохлилась, лубяная дверь завизжала, деревянная дверь скрипнула. Коза услышала, что скрипнула дверь, спрашивает:

— Что, деревянная дверь, закрипела?

— Что уж там, коза, не закрипеть, в селе беда случилась.

— Что за беда?

— Что за беда. Живут старик со старухой без детей. Сделали они глиняного ребенка, в руки дали ему кусочек хлеба. Пришел петух — клюнул, курица нахохлилась, лубяная дверь завизжала, вот и я закрипела.

— Эта самая беда в селе? Тогда и я свой рог сломаю.

Коза сломала свой рог, пошла воду пить.

— Коза, что у тебя рог сломан? — спрашивает ее вода.

— Беда большая случилась, — отвечает коза.

— Что там за беда опять?

— Да живут-поживают старик со старухой. Сделали они глиняного ребенка, положили ему в руки кусочек хлеба. Пришел петух, склевал хлеб, курица нахохлилась, лубяная дверь завизжала, деревянная дверь закрипела, и я свой рог сломала.

— Если такое дело, — говорит вода, — то я помутнею.

Пришла одна молодуха за водой, глядит — вода мутная, и спрашивает она воду:

— Вода, почему ты мутная?

— Очень уж большая беда случилась.

— Какая беда?— спрашивает молодуха.

— Да старик со старухой сделали глиняного ребенка, положили ему в руки кусочек хлеба. Петух клюнул, курица нахохлилась, лубяная дверь завизжала, деревянная дверь закрипела, коза рог сломала, и я помутнела.

Молодуха и говорит:

— Ну, я кувшин разобью.

Разбила она кувшин, пошла домой, воды не принесла.

— Сноха, ты почему долго ходила, а воды не принесла?— спрашивает свекровь.

— Матушка, беда случилась.

— И что за беда опять?

— Вот какая беда. Старик да старуха сделали глиняного ребенка, дали ему в руки кусочек хлеба. Пришел петух — клюнул, курица нахохлилась, лубяная дверь завизжала, деревянная дверь закрипела, коза рог сломала, вода помутнела, я кувшин разбила.

— Ой, матушка,— говорит свекровь.— Да если так, я кисель на голову вылью.

Взяла она кисель и на свою голову вылила. Муж пришел с поля завтракать. Спрашивает:

— Жена, кисель сварила?

— А я, старик, кисель на голову вылила.

— Что так?

— Беда случилась.

— Какая беда?

— Сделали старик со старухой глиняного ребенка, положили ему в руки кусок хлеба, петух клюнул, курица нахохлилась, лубяная дверь завизжала, деревянная дверь закрипела, коза рог сломала, вода помутнела, сноха кувшин разбила, я кисель на голову вылила.

— Ну, если так,— говорит старик,— пойду соху сломаю.

Сломал старик соху, а пахать нечем. Туда-сюда — ни пахать, ни сеять. Остались старик со старухой да снохой без хлеба и умерли.

33. НУЗЯКСКЕ

Вейке ава тейтерензэ мирденень лия велес максызе. Сон тейтерензэ мирденень максомсто истя эйсэнзэ тонавтсь:

— Тон, дочинем, штереть-пакареть иля кадно, яла сайнить кедезэть.

(Мон салава ёвтан тыненк, цёрат, тейтерезэ кодамо ломанесь ульнесь: мон сынст кавонест ават-тейтерть содылинь. Тейтерезэ нузьякстояк-нузьякс ульнесь).

Кода тейтересь мирденень тусь, аванзо валтнэнь эзинзе стувто: штерензэ-пакарензэ яла сайни кедезэнзэ. Ков илязо моле, мезе илязо тейне, штерензэ-пакарензэ а кадны эйсэст, яла кедезэнзэ сайни. Шабрас лиси — штерензэ-пакарензэ а кадны; понкст-панарт човси, чапакс ичи, удомо мади, ярсамо озы — штерензэ-пакарензэ яла капой. Тынь арсетядо — сон штердсь? Арась, сон эзь штерде: сынст ансяк кедезэнзэ сай-сынзе ды одов путсынзе.

Ие, кавто эрясть сынь истя; аванзо кедьстэ ускозь одежан-зо калавтызь. Годявсь тенст аванстэнь инжекс модемс. Кода модемс ней тензэ? А мезе оршамс, кудосоjak цють а штапо яки. Модемс тензэ пек охота ульнесь: сон симеме-ярсамо пек веч-киль, сонсь хоть нузякс ульнесь. Сон мирденстэнь корты:

— Минь вана мезе тейтяно: тон крандазонть олгт седе ламо путт; лангозост кенде ацак; кенденть алов олгтнень потс мон мадян; тон озат лангозон кенденть лангс. Кода аванень сат, ёвтак тосо мондень, сон, мертв, мейле сы. Кода чизэ чопоти, мон кудос кодаяк сован ды ёвтан сынест: ки лангсо, мерян, тей самсто, лангозон розбойникть лиссть, весе, мезе ускилинь тенть, авинем, нельгизь кедьстэнь: эсень лангсто одежамгак ваткизь.

Истя тейськак. Кода чизэ сундерьгадсь, аванзо кудосо тол кирвазсть. Кудосонть инжетне ирелесть уш: ки моры, ки кишти, ки сёвны, ки аварди... Кода друк мезе-бути лався лангсто ухади столь лангс! Столенть лангсо мезть ульнесть, весе валновсть, столесь масторов сяворсь, кудо потмось пухто, толгадо пешкедсь. Весе кудосо улезь ломантне тандадсть; кона кенкш мала-со ульнесь — кудыкелев лиссь, кона каськас, кона эзем алов, кона печька алов, конат печька полок лангс кекшнесть; ансяк содамозо эзь кекше. Сон мери нинстэнь:

— Тон, баба, мезе истя теить? Косо ульнить? Мекс штапат?

Бабазо, вайгельсэ рангозь, ёвтнеме кармась сень мезе икеле атят-бабат думакшность. Авазо радовась тейтеренстэнь, седе куроқ оршизе-карсизе.

Тевесь лиссь истя: тейтерезэ, кода чизэ чополгадсь, кудон-тень совась стамбарнэстэ, куйсь печька лангс; тосто полок лангс, полок лангсто лався лангс. Лався лангсонть столь вельксэ пух марто парго пешксе аштесь. Сон се паргонть пухонть потс озась ды иредсь, бульчом, вина чинентень или уш пекезэ вачсь, а содан; паргстонть, комазь, ваномо кармась. Комась, комась, паргонек ды пух толганек тосто уштызе.

33. ЛЕНИВИЦА

Одна женщина отдала свою дочь замуж в другую деревню. Когда она выдавала дочь замуж, так ее учила:

— Ты, говорит, доченька, не забывай свои гребень и веретено, постоянно берись за них.

Я скажу вам, ребята, какая была ее дочь: я обеих их, мать с дочерью, знавал. Дочь ее была из ленивиц ленивица.

Когда вышла она замуж, то не забывала слов своей матери: к соседям ли выйдет — гребень и веретена не оставляет; белье стирает, квашню месит, спать ложится, есть садится — за гребень и веретено постоянно хватается. Вы думаете, поди, что она пряла? Нет, она не пряла, а только в руки возьмет да опять положит их.

Так она жила года два; привезенную от матери одежду всю износила. Случилось ей с мужем как-то поехать в гости к матери. Но как ей теперь ехать, если нечего надеть, она и дома чуть не нагая ходит. А поехать хочется: попить, поесть она очень любила. Она говорит своему мужу:

— Вот мы что сделаем: ты под себя побольше соломы положи, на нее постели войлок; в солому под войлок я лягу, а ты сядешь на меня, на войлок. Когда к матушке приедешь, ты там обо мне скажи: она, мол, после приедет. Под вечер я как-нибудь войду в избу и скажу им, что на дороге, когда я сюда ехала, на меня напали разбойники и отняли, маменька, всё, что я тебе везла, а с самой меня и одежду содрали!..

Так и сделали они. Когда смерклось, в доме ее матери зажглись огни. В избе гости опьянели: кто поет, кто пляшет.

Вдруг как ухнет что-то с полавочника на стол. Что было на столе — все разлетелось, стол свалился набок, вся изба наполнилась пухом и перьями. Люди, бывшие в избе, испугались и попрятались: который был близ двери — выбежал в сени, который в подпол кинулся, который под лавку, который под печку, а другие на печку, на полати; не спрятался только зять. Он говорит своей жене:

— Что ты сделала? Где была? Почему ты нагая?

Она, воя во весь голос, начала рассказывать то, что они выдумали вдвоем с мужем. Мать обрадовалась своей дочери и поскорее ее одела, нарядила.

А было так: дочь ее, когда стемнело, тихонечко вошла в избу и влезла на печку, оттуда на полати, а с полатей на полавочник. На полавочнике, над столом, стоял короб, полный перьев и пуха. Она села в те перья и тот пух да, вероятно, опьянела от винного запаха или же очень есть захотела — не знаю, но из короба-то, наклонившись, начала смотреть на стол. Наклонялась, наклонялась да и слетела оттуда со всем: с коробом, пухом и перьями вместе.

34. ШАЙТЯН ИВАН

Эрясть-аштеть атят-бабат кавонест, сынст ульнеть кавто цёраст: покш цёранть лемезэ ульнесь Иван.

Когда састь Ивановь урвакстома иензэ, кармасть вешнеме тензэ одирьва. Атянтень ды бабантень мелест ульнесь эсест велестэ саемс урва, но Иван меря:

— Монень эсенек велестэ илядо сае, саеде лия велестэ, тесэ тейтертне берянтъ.

Урьвакстызь Иванонь, сайсть сонензэ одирьва омбо велестэ. Эрясть кавто иеть.

Чиизь Иванонь своячиницанзо, ёвтасть сонензэяк свадьбав. Иван кильдсь алаша, озавтызе одирьванзо, саице ружиянзо ды сыргастъ. Тустъ аволь покш киявантъ, пакся киява, конань чиресэ покш «Утка эрьке».

Кодак пачкодсть эрькентень, Иван мери одирьванстэнь:

— Тон аштек алашантъ вакссо, мон молян гостинецекс ледян утка,— ды тусь.

Одирьвазо учось, эзь учово ды тусь алашасонть. Сон арсесь: «Паряк, Иван эрькентъ кувалт тусь эсенек ёнов, а бути эзь туде, то ялгояк небось моли».

Иван якась, якась эрькентъ перька, мусь утка ды сонзэ ледице. Кайсинзе понксонзо-панаронзо ды совась уткантъ мельга. Таргизе уткантъ, мольсь — понксонзо-панаронзо ды ружиязо арасть: ки-бути саинзе. Сон думась кияк кекшинзе. Вешнесь, вешнесь чейбуловантъ, эзь муеве ды чиезь тусь одирьванстэнь. Мольсь одирьвазояк арась, мекев велявтсь чейбулонтень.

Чейбулосонть чопода. Лиссь тосто ды арси:

— Ков ней модемс? Кудов велявтомс — васоло, дай молян ватантень¹ свадьбав. Саице Иван утканзо ды тусь свадьбав. Моли ды арси:

— Кува ней совамс велентень? Ульцявантъ совамс — ламо ломантъ тандавтат, дай молян пиретнень удалга.

Пачкодсь ватанзо копна пирес ды пирентъ пачк валгсь кардазонть удалов. Марясы — кудосост морыть, кардазонть шумить, одирьванзояк вайгелезэ маряви — кудосонть моры. Аштесь, аштесь Иван кардазонть удало, кармась сорномо ды кармась вешнеме совамо тарка.

Ваны: утомо уголось штавтозь — варма крышантъ саице. Куйсь утомо уголгантъ варянтень ды кармась утомонтень ваномо, утомсонть се варянтъ коряс ульнесь дёготь стойка, пешксе деготте. Сон истя арсесь састыне валгомо, кодак кедензэ менсть, прась ды витьстэ дёготь стойкантень.

Лиссь стойкастонть, седеяк кармась кельмеме. Мусь утомсонть ташто ацамо, сень потс тапарясь ды аламодо эжсь. Вень перть Иван арси «Кода ашолгады, кияк сы утомонтень мезеяк мельга ды пшкадян, штобу туест монень понкст-панарт».

Валске, кода ашолгадсь, варштась эсензэ лангс, теевсь прокшайтян: дёготентень толгатне пещестъ, теевсь а раужо а ашо, аздан кода ёвтамскак. Ертызе Иван ацамонзо ды озась сусек лангс, пильгензэ нолдынзе кенкшентъ ёнов.

— Ялатеке, мери, кияк ды сы утомонтень.

Паро завторкс учось, кияк эзь моле утомонтень. Народось

¹ Тестентень.

таго пурнавсь, кармасть симеме винадо ды морсить. Мейле ма-
рясы, утомонть икелев мольсь низанязо, панжизе утомонть, ансяк
арсесь утомонтень совамо, неизе сусекенть лангсо озадо ашти
шайтян ды кунст прась утомонть икелев. Иван седе курокке
утомонть пекстызе. Чийсть ломанть, кевкстнить низанязо эйсэ:

— Мекс тон прыть истя?

Сон а кортавияк — тандадсь. Мейле кода ёжо сась тензэ ды
мери:

— Ох, утомсонть шайтян!

Народось мери:

— Дайте вансынек, кодамо шайтянось.

Вейке мери: тон панжик утомонть, омбоцесь мери: тон пан-
жик, эрьвейкенень охота ваномс шайтянось, но кияк а моли
утомонть панжомо.

Шумасть, шумасть — мезеяк эзь тее. Тердизь попонтъ уто-
монть светямо. Попось сась ласте пегой эльде лангсо, эльденть
мельга сась вашозояк. Попось алашанть сьолмизе столбас, сонсь
кармасть светямо, народось пурнавсь, кардазонтень а кельги.
Попось мери:

— Давайте панжинк утомонть, соватано утомонтень.

Кияк а моли утомонть малас: весе шайтяндо пелицят го-
дывсть, сонсь попось седеяк пели. Мейле сайсть кувака жердя
ды жердясонть панжизь утомонть. Иван кирнявтсь сусекенть
лангсто — ды витьстэ ушов. Народось вейкест-вейкест мерькить,
а попось седе курок озась ласте ды адя панть, а Иван озась
вашонтъ лангс.

Поп ваны, вашонтъ лангсо мельганзо арды шайтянось. Давай,
давай панть. Пани кадиласонзо, пани алашанть, вашо авастон-
зо а кадови. Попось кодак ахолдась ды кадилазо понгсь эль-
денть пулонзо алов, ды эльдесь свистизе пулосонзо. Попнень
панемс лиясо а мейсэ, эль-эль шайтянось стардсы. Веле песэнтъ
ульнесь латко, се латконтень пачкодсь Иван, валгсь ды тусь
латкованть уряманть, уряманть кувалт — кудов. Народось
арси, што шайтянось попонтъ кундызе. Секе тандадомадонтъ
попось омбоце чистэнтъ кулось.

Иван сась ды эсест баняс совась. Ваны братозо юты, терди-
зе сонзэ ды мери:

— Азё кандт монень понкст, панар ды лембе ведне. Братось
тензэ туинзе. Шлясь-нардась, оршась-карсесь ды совась кудос,
мезтькак а басы.

Омбоце чистэнтъ сась одирьвазояк ды мери:

— Эх, Иван, Иван, мекс эзить яка?!

— Мекс кадымик?

— Мон меринь ведь тон ялго молят.

— Пек парсте морсиде?!

— Морсемась-то ульнесь, но аздан кодамо ули счастьязо
сазоронтъ.

— Мекс?

— Мезе мекс, ансяк баславизь, авам лиссь утомс, утомсонть шайтян, авам прась, кувать ульнесь ёжовтомо.

— А мейле кода, шайтянось нейгак тоско ашти?

— Арась! Тердекшнизь попонтъ утомонтъ светямо, кода лиси шайтянось утомстонть — ды попонтъ мельга... Минь весе пракшнынек, попонтъкак аламодо эзизе кунда. Секе страсттентъ мик попоськак кулось, ды тетямгак арси юртонтъ кадомс.

— Шайтянось аволь чей ломань ульнесь?

— Аволь! Роганзояк ульнесь, пулозояк кувака, а сонсь весе сёрмав!

— Чай манчат?

— Алкукс, аля, а манчан, хоть кинь кевксть, весе истя ёвтнесызь!

Мейле эрязь-аштезь Иван ёвтнизэ эсензэ прынзо, кода якась свадьбав, теевкшнесь «шайтянокс». Седе мейле кармасть мереме тензэ «Шайтян Иван».

34. ЧЕРТ ИВАН

Жили-были на свете старик со старухой. У них было два сына. Старшего звали Иваном.

Иван рос быстро, был он красивым, любую невесту мог взять в селе. Старик со старухой хотели иметь в доме помощницу, поэтому подыскивали ему невесту и часто напоминали Ивану о женитьбе.

— В своей деревне для меня жену лучше и не ищите — здешние девчата мне неподходящи: нет по сердцу ни одной девицы.

Родители нашли Ивану невесту из другой, но недалней деревни. Женили Ивана. Сноха оказалась хорошая, работающая веселая. Иван был доволен своей женой, а старик со старухой довольны снохой. Так они в согласии, в ладу прожили года два.

Свояченица Ивана задумала выйти замуж. Она пригласила на свадьбу Ивана с женой.

Дело было ранней осенью, поэтому Иван запряг лошадь положил в тележку свежей, только скошенной травы, захватил с собою ружье и поехал со своей женой. Поехал он не там, где ездят люди, — торной дорогой, а по полевой, летней дороге. Недалеко от этой дороги было озеро под названием Утиное. Называлось оно так потому, что там водилось много уток.

Проезжая мимо озера, Иван остановил лошадь и говорит своей жене:

— Ты побудь у лошади, а я пойду схожу на озеро, может быть, утку подстрелю.

Он взял ружье и направился к озеру.

Жена ждала, ждала Ивана, не дождалась, решила поехать к своим родителям одна. Она думала, что если Иван вдоль озера пойдет прямо, то дойдет и пешком: расстояние небольшое.

А Иван бродил, бродил вдоль озера немало времени, только тогда увидел утку и убил ее. Снял с себя одежду и полез за уткой в воду. Вышел он из воды, а одежды и ружья нет. Он думал, что кто-нибудь пошутил. Но дело оказалось нешуточное. Час битый искал он одежду, но напрасно. Побежал он к своей жене. Приходит к тому месту, где оставил жену караулить лошадей,—жены и лошади нет. Что делать? Вернулся снова к озеру, там дождался сумерек. Долго думал он, как ему нагишом явиться в дом тестя: «Где мне пройти? Пройти улицей — людей можно напугать, а потом еще сраму не оберешься; лучше уж пойду задами, хоть это и дальше». Пока он шел и размышлял, обронил дорогой утку.

Огородами он дошел до дома тестя и перелез через забор во двор. Слышит Иван — в доме шумят, поют. Постоял, постоял он, почувствовал озноб и стал искать место, где бы укрыться, пока в доме не заснут: нельзя же войти в избу голым. Видит он, угол крыши амбара раскрыт: ветром снесло крышу. Полез он на амбар и стал спокойно спускаться, как вдруг руки у него соскользнули, и Иван полетел вниз. Упал он в кадку с дегтем и со смолой.

Выбрался он из кадки и пуще стал зябнуть. Что делать? Теперь уж совсем нельзя показываться людям. Он стал шарить по амбару, не найдет ли чего-нибудь, чем бы можно было укрыться. Нашел старую перину, завернулся в нее. Немного согрелся, но всю ночь не смыкал глаз, все думал. Решил он, наконец, что кто-нибудь придет в амбар, и он о себе даст знать, попросит штаны с рубашкой, а там видно будет, что делать: оставаться гулять или ехать домой.

Настало утро. Посмотрел Иван на себя — настоящий черт: к дегтю пристал пух. Цвет тела стал ни белым, ни черным, а каким-то пестро-серым. Раздосадованный Иван бросил перину в угол, а сам сел на заком, свесив ноги в сторону двери. Долго никто к амбару не подходил. Потом слышит Иван — подошла к двери амбара теща. Она успела только открыть дверь, как тут же захлопнула ее и упала без чувств.

Прибежали к ней люди, стали ее трясти, спрашивать:

— Что с тобой?

А она ни одного слова не может выговорить. Еле-еле опаматовалась. Потом говорит:

— Ох, ведь в амбаре черт!

Все заинтересовались и еще больше напугались.

— Давайте посмотрим, какой из себя черт!

Один говорит: «Ты открой дверь», другой говорит: «Ты открой дверь». Каждому охота увидеть черта, но никто не решается открыть дверь.

Послали за попом, чтобы он освятил амбар. Приехал поп верхом на пегой матке, а за маткой прибежал и жеребенок. Поп привязал лошадь к столбу, а сам начал освящать амбар: кропить водой. Народу собралось столько, что во двор не вмещается.

Поп говорит собравшимся:

— Давайте откройте двери амбара, и мы гурьбой войдем туда.

Но никто к амбару близко не подходит: все боятся, и больше всех сам поп. Потом взяли длинную жердь и ею открыли дверь амбара. Иван соскочил с сусека и — прямо во двор.

Народ пришел в замешательство: кто сел, кто убежал, начали толкаться, сбивать друг друга с ног. Поп скорее отвязал лошадь, сел верхом на нее и, не оглядываясь назад, поскакал галопом.

А Иван сел на жеребенка и поскакал сам не зная куда.

Оглянулся поп — жеребенок бежит за лошадыю, а на жеребенке сидит черт. Поп начал хлестать лошадь кадиллом, чтобы она быстрее бежала, но жеребенок никак не отстает от лошади. Поп вспотел, растерялся и стал кричать нечеловеческим голосом. А в деревне в это время подумали, что черт поймал попа. Поп перепугу вскоре умер.

За деревней был большой овраг, тянувшийся на несколько верст. Иван доехал до оврага, соскочил с жеребенка и побежал по этому оврагу домой.

Добрался он до своего дома, зашел в баню. К счастью, его никто не заметил дорогой. В окно бани он увидел своего меньшего брата, велел принести теплой воды и белья. Брат принес ему все, что он просил. Иван вымылся, надел на себя чисто белье и вошел в дом.

На второй день приехала жена Ивана и говорит:

— Эх, Иван, Иван, почему ты не пришел на свадьбу?

— А ты что меня оставила?

— Я думала, что ты пешком пойдешь.

— Хорошо гуляли на свадьбе-то? — спрашивает Иван.

— Гуляли-то хорошо, да не знаю, будет ли счастье мое сестре.

— А что такое случилось?

— Что случилось ... только благословили ... мать пошла в амбар, а в амбаре черт.

— Черт и теперь еще в амбаре?

— Нет. Призвали попа освятить амбар, а черт как выбежал из амбара да за попом ... Мы все попадали. От этой страсти по так и умер. Мой отец хочет переносить двор на другое место: не старом месте жителем не будешь.

— Не человек ли был вместо черта?

— Нет. Черт был с рогами, с хвостом. Сам пестрый, а хвост такой длинный.

— Поди, врешь, жена?

— Право, не вру, хоть кого спроси, и все тебе скажут то же самое.

После того прошло немало времени, только тогда Иван рассказал о том, как он превратился в черта.

Солдат служась службасо. Сроконзо служамодо мейле нолдызь кудов. Мольсь сон то вирьга, то киява, то болотава, окоиники, лиссь кудынес, арси: «Совамс или а совамс. А совамс а кода — пекезэ пек вачсь, совамскак — а соды, кить тесэ эрить, паряк, кодаткак розбойникть». Совась кудынентень. Кудынесэнтъ кияк арась, кудо уголсонть аштить медь партъ. Сон кекшсь удалост. Аштесь аламос, совась атя. Оршамозо атянтъ якстере, кемензэ якстереть, шапказо якстере. Солдат тандадсь, кармась учнеме, мезе ули. Совась од тейтерь парго марто. Паргосонтъ алт, бутылка вина, эрзянь коцт ашко.

Путынзе весе неть кандозтнень столь лангс ды мери:

— Дедай, мон эрян бояронь кедьсэ ключникакс. Бояравась рамась 60 аршин шёлконь материя, сонзэ салызь. Бояравась монь позорясь, позорясь ды розгасо керявтымим. А лездат ли монень те шёлконть муеманзо.

— Мусынек. Ванды мольть Иваныньканень свадьбас, мон тосо улян.

Тейтересь тусь. Аламо шкань ютазь, совасть кавто цёрат, путсть столь лангс бутылка вина ды колмо целковойть.

— Дедай, мезе мельга тейтересь сакшнось?

— Шёлконь коцтозо, мери, ёмась.

— Дедай, коцтонть минь салынек...

— Мон содаса.

— Берянь таркас путынек ансяк. Сидоронь авня алов वालीнек.

— Мон содаса. Азёдо, илядо пеле.

— Дедай, а ёвтасамизь?

— Илядо пеле, а ёвтатадызь.

Ансяк неть тустъ кавонест, совась сыре баба.

— Теня, тонавтовлимик моньгак орожиямо.

— А тонавттан.

— Кода истя тон а тонавтсамак. Помнясак, паряк, кода кутморьякшнымик, зярдод тейтерелинь.

— Паро эно, тонавттан, ансяк вана мезе. Ванды сак Иваныньканень свадьбас, кузят поллок лангс, кодак одирьванть марто соватано кардайс, тон валк чалгамо лангс; кода соватано кудов, прак пильгезэнь ды кармак вешеме прощения. Мерть: мон арсинь тонь марто ведунчисэ тюреме.

Бабась тусь. Марясы солдат баяга марто ардсть. Совасть кавто од цёрат.

— Дедай, адя свадьбазонок, лия велестэ саемс пельтяно: а ванстови тензэ одирьвась, коласызь.

— Цёрат, мон а молеван: а уютко.

— Инескетъ, дедай, мольть, лздак тенек. Минь минськак парот а стувтсынек, — сынсь столь лангс кемень целковойть путсть.

— Ну, эно молян. Аволь ярмакось монень эряви, лездамо молян. Тетянкак, деданкак ульнесть знакомоень, секс ансяк молянгак.

Озавтызь од цёратне атянть ды тусть. Солдатт лиссь партнень удалдо, мусь кши, сывель, вина. Ярсась, симсь ды тусь велес. Пачкодсь чокшне малав велес, муизе авунянтъ, таргизе тосто шёлконь коцтонть ды туиксэль мартонзо кудо ёнов. Лиссь веле пес, а весь истямо чопода, сельмс нерькстак а неят. Ловонь даволось тенсезь тенси. Окольця маласо ульнесь часовня. Сон мольсь боказонзо, онкстась колмо эскелькст ды вализе коцтонть. Мольсь веле куншкас, муизе кудонть, косо свадьбась, ды стуки вальмас.

— Паро ломанть, нолдамизьга удомо. Служамсто сан, эль кельман.

— А нолдатадызь, солдат, кудосонок свадьба.

— Монень ламо тарка а эряви, печька уголс озан ды киненьгак мешамо а карман. Умок эзинь нее свадьба, комсь иеть служинь.

Нолдызь солдатонть, андызь. Сон ярсась ды куйсь печька лангс. Кудостонть весе тусть урьвань саеме, кадовсть кудос стряпчейть, ваныцят. Совась баба и витьстэ полук лангс. Пере-чамо кияк эзь карма, весе арсесть, што те аволь простой баба, кармат мартонзо сёвномо — теи ещё мезеяк. Кудосонть учить свадьбанть самонзо. Бабась полук лангсто хлоп кустема лангс. Якстересэ оршазь атясь валгсь нурдтнэстэ. Лишметне пелить якстереденть, дубушки стить — сестядызь. Баягатне динь-динь. Якстересэ атясь мольсь орта икелев, кодаяк а ютави, хлоп прась кунст. Стявтызь кой-кода совавсь ортава, совась кардайс — лишметне мельганзо. Кармась совамо кудыкелев, эйсэнзэ ветить, кой-кода кудов совавтызь. Чалгамо лангсто бабась — бух. Якстересэ атясь прянзо эйсэ яжы, пры, сти, кунст мади — истя орожини. Будто колдун марто тюри. Панжизь кудо кенкшенть, атясь кой-кода совась кудов. Бабась хлоп прась икелензэ, суюконясь атянть пильгезэнзэ ды кармась сеереме:

— Энялдан, простямак. Мон снартнинь тонь марто ведунчи-сэм тюреме, тонь каршо вием а саты: тон седе виев ведунось.

— Вай, авакай, теке содынек, што аволь простой баба, правдыйгак колдун.

Бабанть нейке жо совавтызь цюланс, каванить эйсэнзэ, сим-дить-андыть. Якстересэ атянть озавтызь столь экшс, кода почётной колдунонь. Совась тейтересь, кона сакшнось шёлковой коцт ашконтъ ёмамодо кортамо, мольсь якстересэ оршазь атянть икелев ды мери:

— Мон исяк тонеть сакшнынъ, мерят муеви шёлкось.

— Оно мезе... Веленть песэ ули ауня, се аунянтъ ало валязь коцт ашкось.

Тусь тейтересь ялганзо марто коцтонть вешнеме. Весе тарканть сокоризь, карызь, мезеяк эзьт муе. Сась мекев.

— Дедай, тосо мезеяк арась.

— Кода мезеяк арась. Мон а манявкшнан. Меринь тосо, значит, тосо.

— Арась, дедай, весе карынек тарканть.

— Тыненк эзь муеве. Монсь молян — муса.

Тусь якстересэ атясь, вешнесь, вешнесь, вешнесь, вешнесь, весе карызе-сокоризе — мезеяк эзь муе. Састь мекев. Атясь прынзо иретьстэкс теизе ды корты

— Тон, тейтерь, тенья, вана мезе... Мон ирединь, превень чаракадсть, секс эзь муеве. Сак колмошка чинь ютазь,— муса.

Солдат кунсолось, кунсолось ды кармась арсеме:

«Мень те ведун».

Кармась думамо-арсеме, мезть теемс коцтонть марто.

Жаль кармась марявомо тейтересь, чавсы бояравась. Кандомс шёлконть кудов — карми а карми эрявомо; кинень кандомс, паряк, кудосонтькак кияк эзь кадово. Эряви максомс тейтерентень коцтонзо, но неть колдунтнэнь мон якавтсынъ. Кадык весе содыть, кодат сынъ ведунтнэ. Сон валгсь каштлангсто и мери:

— Илядо кунсоло нетнень, сынъ мезеяк аздыть. Колдунось мон; колмо аршин мода потс неян. Мон муса шёлконъ коцт ашконть. Онот часовнясь. Онкстадо чилесема ёнов колмо эскелькст, мусынк тосто ловсо валязь коцт ашконть.

Правдыйгак, мольсть ломатне часовнянть ваксс, муизь. Вануть весе солдатонть лангс ды эсь ютковаст кортыть:

— Вана те ведун тык уш ведун: нейке муизе шёлконъ коцт ашконть.

— Дайте салтозь куяр, капста пря ды сувтеме. Мон невтьсынъ кодат тынк ведунонк.

Ливтсть тензэ куяр, капста пря, макссть сувтеме. Солдатось пугызе капста прянтъ ды куяронть сувтементень ды мери:

— Ванодо, нейке жо колдун авась лаханьсэ ведентъ симсы ды сезеви.

Бабась тандадсь, лиссь цюланстонть, прась солдатонть ике-лев ды авардэзь мери:

— Солдат, кадык ойминем, мон аволь ведунан, мон мезеяк аздан.

А солдатось сувтни куяронть ды капста прянтъ, сонсь моторды:

— Урцик-пурцик чаравтан, нейке баба сезевтян.

Бабась седеяк тандадсь, пиже-ожо вайгельсэ энялды.

Солдатось вансь, вансь ды мери:

— Азё эно, жаль маряват. Се ношкстась кудостонть.

Солдат мери:

— Ну, ванодо, те якстере атянть пильгензэ потолоке педить, прызо карми нурьгеме. Колмо чить карми истя аштеме.

Атя тандадсь и думи: «Колмо чить истя аштезь сюлонгак кургован лисить. Эряви энялдомс».

Солдатось кармась сорновтнеме сувтемень ды кортамо:—
Урцик-пурцик велявтан, атяньт верев педявтан.

Якстересэ атясь бух' икелензэ.

— Простямак, солдат, мон аволь колдуан, мон мезеяк аз-
дан, манчан. Солдат, нолдамак кудов!

Солдат нолдызе. Атяньт кудостонтькак панизь. Солдатонть озавтызь столь экшс. Симдить-андыть эйсэнзэ. Радовасть весе, што истямо ведун марто киненьгак невестась а колави.

Ютась свадьбась. Солдатонть озавтызь ды тусть ускомонзо алашасо. Ардомсто солдатось кевкстни ускицянтъ:

— Тон кемат, што мон ведунан?

— Эно, кода а кемемс: коцтонть муик, кавто колдунтиэнь марто оно мезе тейксэлитъ.

— Мон аволь колдуан. Коцтонть монсь тозонь кекшия. Мон маринь, кода салыцянзо кортасть атяньт марто. Нетъ весе жуликть ды ворт: и бабась, и атясь. Монсь сынст маринь кортамстост. Нетъ ведунокс прят тейницятне весе жуликть, ворт: илядо кеме кодамояк колдуннэнь.

Вот кода пурнавкшность колмо ведунт, конаяк мезеяк аздыль.

35. ВЕДУН

После окончания службы солдат возвращался домой. Шел он то лесом, то полем, то болотами, наконец дошел до избушки.

И думает, что ему делать: «Заходить в избушку или не заходить? Не заходить нельзя: уж очень проголодался. И зайти боязно: неизвестно, кто там живет, может быть, даже разбойники». После раздумья заходит всё же в избушку. Там никого нет, в углу стоят кадки с медом. Солдат спрятался за этими кадками. Посидел немного — приходит старик. Шуба на старике красная, сапоги красные, шапка красная. Солдата взял страх, но пришлось ждать, что будет дальше. Вскоре заходит плачущая девушка; в руке у нее корзина, в которой яйца, бутылки вина и сверток холста. Поставила она корзину на стол и говорит старику:

— Дедушка, я работаю у барыни ключницей. Барыня купила шестьдесят аршин шелку, но кто-то его украл. Барыня обвинила меня и велела выпороть розгами. Не можешь ли ты мне отыскать этот шелк?

— Это мы найдем. Завтра приходи к Ивановым на свадьбу, я буду там.

Девушка ушла. Немного погодя приходят двое мужчин. Поставили на стол бутылку вина, положили трешницу — и к старику:

— Дедушка, зачем приходила эта девушка?

— Говорит, шелк у ее барыни пропал.

— Дедушка, шелк украли мы.

— Я это давно уже знаю.

— Дедушка, мы в плохое место спрятали, в Сидоров овин.

— Я все это знаю. Идите и не бойтесь.

— Дедушка, ты про нас не скажешь?

— Не скажу, не беспокойтесь.

Только успели эти два мужика уйти от старика, приходит старуха.

— Научил бы меня ворожить,— говорит она.

— Не научу.

— Как это ты не научишь? Помнишь, как ты меня обнимал, когда я была молода. А теперь я не нужна стала тебе.

— Ну, хорошо, научу тебя колдовать, только вот что: завтра пойдешь к Ивановым на свадьбу. Залезешь на полати и лежи там; когда приедут с невестой, ты перебирайся на печку; как только свадебный поезд въедет во двор, ты становись на ступеньки; а когда войдем в дом, ты пади к моим ногам и говори: «Прости меня! Я хотела с тобой бороться силой своего колдовства».

Старуха ушла. Слышит солдат: приехали с колокольчиками.

Заходят в избу два молодых человека.

— Дедушка, поедем к нам на свадьбу; другого человека брать боимся: не сберечь ему невесты, съедят.

— Нет, молодые люди, я не смогу: нет времени.

— Пожалуйста, дедушка, приходи, помоги нам. Мы добро твое не забудем,— а сами на стол положили десятку.

— Ладно уж,— говорит старик,— поеду. Еду не из-за денег, еду помочь вам. Ваши отец и дедушка были моими знакомыми, только поэтому и поеду.

Посадили молодые люди старика в сани и поехали с ним. Солдат вышел из своего убежища, нашел хлеб, мясо, вино. Наелся, напился солдат и пошел по следу санок в село. К вечеру дошел до села, нашел тот овин и взял шелк. К этому времени ночь такой стала темной, хоть глаз выколи — не видно ничего. Метет снежная метель. Не так далеко от околицы стояла часовня. Солдат подошел к часовне, отмерил три шага к восходу солнца и зарыл шелк в снег. После этого он пошел по деревне, нашел тот дом, где была свадьба, и стал стучаться.

— Добрые люди, пустите переночевать. Иду я со службы, замерзаю.

— Не пустим, солдат, в нашем доме свадьба.

— Мне немного надо места, я на печке в уголке посижу, мешать никому не стану.

Пустили солдата, накормили. Залез он на печку и забился в угол. Утром все ушли из дома, остались только стряпухи да караульщики дома. Вошла старуха — и на полати. Перечить ей никто не осмелился, все подумали, что это не простая старуха, начнешь с ней ругаться — сделает еще что-нибудь. Оставшиеся в доме стали поджидать прибытия свадебного поезда. Слышно—

едут. Старуха перелезла на печку. Поезжане остановились у ворот — старуха встала на приступок. Одетый в красное старик слез с саней, лошади встали дыбом: боятся красного. Старик в красном лезет в калитку — не пролезет, проходит в ворота — никак не пройдет: падает, встает, кричит, скрежещет зубами. Наконец прошел, лошади за ним. Начал заходить в сени, но тоже взойти не может, кричит. Открыли дверь, а старик то ляжет, то встанет, то навзничь упадет — это так он борется с другими колдунами. Как только вошел в избу, старуха бух ему в ноги, кричит:

— Прости меня! Я думала с тобой бороться, но против тебя сил моих не хватает: ты сильнее меня!

— Ох, матушка, как будто знали, что она колдунья, а не простая старуха, — говорят домашние.

Старуху скорее подняли, повели в чулан, угощают ее, поят-кормят. А старика в красном посадили за стол, как почетного колдуна.

Вошла девушка, которая приходила к старику за помощью, и обращается к нему:

— Я вчера к тебе приходила, ты сказал, что найдем пропажу.

— Вот что ... за селом есть овин, в этом овине спрятан шелк.

Девушка и ее подруги пошли искать. Все перебрали, перерыли, но шелка так и не нашли. Пришли обратно.

— Дедушка, там ничего нет.

— Как ничего нет! Я никогда не ошибаюсь. Я указал место, там и ищите!

— Дедушка, мы все перерыли, но ничего не нашли.

— Вам и не найти. Пойдемте со мной, я сам найду.

Пошел старик в красном, а с ним и другие люди. Искали, искали, ковыряли, швыряли, но ничего не нашли. Вернулись в дом. Старик притворился пьяным, закачался и говорит:

— Ты того, девка ... приходи дня через два. Сейчас я пьян, поэтому мог ошибиться: голова кружится.

Солдат смотрел, смотрел и сообразил, какие колдуны перед ним. Он стал думать, что сделать с шелком. Жалко стало девицу, решил он свою находку отдать девице, но вместе с тем проучить и колдуна с колдуньей. Сошел он с печки и говорит:

— Не слушайте этих шутов, они ничего не знают. Колдун — это я! Я на три аршина в землю вижу, я найду вашу пропажу. Видите вон часовню? Отмерьте в сторону восхода три шага от часовни, найдете шелк!

Побежали туда, отмерили три шага от часовни и нашли пропажу. Смотрят все на солдата, дивятся, и сами говорят между собой:

— Вот колдун! Сразу обнаружил шелк.

— Давайте мне соленый огурец, вилок капусты и решето. Я покажу, какие ваши колдуны.

Принесли солдату огурец, вилок, решето. Он вилок с огурцом положил в решето и говорит:

— Смотрите, сейчас колдунью старуху заставлю выпить лохань помоев и лопнуть.

Старуха напугалась, выскочила из чулана да хлоп в ноги солдату.

— Солдат, оставь мою душеньку, я не колдунья, ничего я не знаю.

А солдат трясет решето да сам бормочет:

— Урцик-пурцик покружу, бабе лопнуть прикажу.

Старуха еще больше струсила, со слезами стала просить солдата не делать ей ничего плохого. Он посмотрел на нее в упор да и говорит:

— Ладно, иди. Жалко мне тебя, но больше колдуньей не притворяйся.

Старуха от радости пулей выскочила из дому!

— Ну, теперь смотрите, сейчас у этого старика в красном ноги прилипнут к потолку и так он будет висеть три дня,— говорит солдат.

Старик оробел: «Если три дня так висеть, богу душу отдашь,— думает он.— Надо просить у солдата прощения».

Солдат стал трясти решето да приговаривать:

— Урцик-пурцик просеваю, ноги к матице закрепляю.

Старик в ноги солдату:

— Прости солдат, я не колдун. Я ничего не знаю, я только обманываю. Солдат, отпусти меня!

Старика выгнали из дома. Солдата посадили за стол, кормят, поят его. Все обрадованы: ведь с таким колдуном никому невесты не испортить, не околдовать.

Прошла свадьба. Солдата повезли домой на лошадях. Проехали, немало пути, он и спрашивает возницу:

— Ты веришь, что я колдун?

— А как же не верить: шелк ты нашел, с колдуном и колдуньей вон что хотел сделать!

— Я не колдун. Шелк я сам туда спрятал. Я слышал, как воры рассказывали старику, куда они дели его. И старик, и старуха, и воры — все они жулики. Я подслушал их разговор.

36. КЕЗЭРЕНЬ ЁВКСКЕ

Эрясть-аштесть атят-бабат, ве цёраст, ве тейтерест — нилест. Атясь сыре, бабаськак сыре, цёрась солдатокс туема шкасо, тейтересь мирденень максомашка. Ве осьминник сюрост ульнесь.

Атясь мери:

— Мон нуеме а молян: тельня кулан, монень а эряви.

Бабаськак мери:

— Монгак сырян, тельня кулан, монень а эряви, а молян.

Цёраськак мери:

— Моненьгак а эряви: тельня солдатокс туян, а карман тесэ эрямо.

Тейтереськак мери:

— Моненьгак а эряви: мон тельня мирденень туян, а молян нуеме.

Весе вейкеть пурнавсть: конаненьгак а эряви, эзь моле нуеме.

Прась лов; сась якшамо. Ярсамс а мезде. Атясь эзь куло, бабаськак эзь куло; цёрась солдатокс эзь туде, тейтереськак мирденень эзь туде. Весе тескетъ — кудосот. Пекест вачеть, ярсамс а мезде; якшамо. Кудо угол пест — пукшт — якшамодонтъ пукштядсь.

— Вай. А пивсэме тердить? Хоть ярсамонь кис молема пивсэме, — эсь ютковаст кортыть.

Лиссть кардазс, кияк арась.

— Эх! Мезе тейтяно? Пекенек вачеть. Адыдо нуеме ней: тарксесынек кодаяк лов алдо сюронтъ.

Сайсть койме, тарвазт, грабля, тустъ весе. Мошь осьминикест лангс, сон лов ало. Кармасть нартнеме ды коцькерямо ловонтъ. Якшамо. Нартнестъ, нартнестъ, коцькерясть, коцькерясть ды тоско весе кельмсестъ.

Паро. Прядовсть. Вот тетъ тельня нуема.

36. СТАРИННАЯ ПОБАСЕНКА

Жили-были старик со старухой. А у них были одна дочь да один сын. Старик да старуха много годов прожили — состарились. Дочь выросла — невестой стала; сын поднялся — на солдатскую службу пора.

И посеvu было у них кругом ползагона. Подошла пора убирать посев.

Старик говорит:

— Я не пойду убирать: стар уж стал, зимой помру, хлеб мне не нужен будет.

Старуха тоже говорит:

— И я не пойду убирать: и я уж стара, зимой помирать буду.

А дочь говорит:

— Я тоже не пойду в поле: я выйду замуж зимой.

А сын сказал так:

— Я, пожалуй, тоже не буду убирать посев: я зимой в солдаты иду. Зачем мне хлеб?

Выпал снег, настал холод. Есть нечего. Старик живет, и старуха живет. Дочь не вышла замуж, а сын в солдаты не пошел. Остались все они дома, да есть им нечего. Холодно. Угол дома затрещал от мороза.

— Ой, не молотить ли зовут? Хоть за еду бы позвали молотить,— говорят они между собой. Вышли во двор — никого нет.

— Эх, что будем делать? Есть хочется. Пойдемте убирать хлеб, как-нибудь из-под снега выкопаем.

Взяли они лопаты, серпы, грабли и пошли. Пришли на полосминник, а он под снегом. Стали сгребать да скрести снег. Холодно. Они скребли, скребли, сметали, сметали, так там все и замерзли.

Вот тебе жатва зимой!

37. ПСИ НУРДТ

Кочкуровасто Мурзав алашасо моли атине. Мольсь, мольсь, сизесь алашазо. Таркась ульнесь верев пандт.

Атясь яла пани алашанть ды сонськак лезды тензэ: кунды ажиянтень ды уски мартонзо.

Шкась ульнесь теле. Чись ульнесь якшамо, цяк-цяк кузевсь пандось. Сонсь атясь истя псилгадсь, ливезесь натоу чамаванзо чуди.

Тусь кись алов пандт. Атясь озась нурдонть.

Псилгадомадонть шапканзояк, варьганзояк каинзе.

Мельганзо тройкасо арды бояр. Лангсонзо лембе тулуп. Са-сызе атянть боярось ды мери кучерэнтень:

— Лоткака!

Кучерэсь лоткавтынзе алашатнень.

Боярось мери атянть.

— Тон, атя, мекс истя пек псилгадыть?

Атясь и мери:

— Э-э-э, бояр, монь нурдон истят, сынь пек псить. Ванат, шапкамгак ёртыя ды кеденьгак ушосот.

Боярось мери:

— Давай полавтсынек нурдтнень.

— Аздан мезть тейнемскак. Монь нурдтнэ пек псить, жалть марявить,— корты атясь.

Бояр педлейкс педясь атянть:

— Тон лият теят, седеяк псить кармить уleme, нетнень максить монень.

— Паро эно,— корты атясь,— ансяк кильдеманек.

Полавтызь. Боярось максызе атянть тройканть кильдеманек ды мартонзо максызе тулупонтькак. Атясь максынзе бояронть нурдонзо алашанек-мезнек.

Атясь оршизе тулупонть, озась тройканть ды вачкодинзе алашатнень. Истя бойкасто ношкстась сон, мик ловонь давол кепететьсь мельганзо.

Боярось озась пси нурдтнэнь, каизе шапканзо, варьганзо ды учи кода псилгады.

Учось, учось — аволь псилгадомат, седеяк пек кельмесь. Аштесь, аштесь — сэнышкадсь. Ранкстась кучерэнтень лангс:

— Панть седе курок! Неть праклятой пси нурдтнэнь эйсэ ловажакс кельмат!

Кучер пансь, пансь, атядонть пек псилгадсь: алаша чирьказь, чирьки. Бояронть вейс-вейс а понгонить пеензэ, сорны. Сон ваны тевесь берянь, валгсь пси нурдтнэнь эйстэ ды ялго тусь кудов.

37. ГОРЯЧИЕ САНИ

Едет однажды с возом из Кочкурова¹ в село Турдаки один старичок. Время было зимнее, холодное.

Ехал, ехал старик, лошадь его устала, да и дорога пошла в гору. Старик поминутно погоняет лошаденку, и сам помогает ей: ухватится за оглоблю и везет вместе с лошадыю. Еле-еле перевалили горку. Старик так вспотел, что пот с лица льется. Но вот дорога пошла под уклон. Сел старик в сани на поклажу и едет. Снял с себя шапку и голицы.

Вслед за мужиком едет на тройке барин. На нем теплый лисий тулуп. Догнал старика, говорит кучеру:

— Останови лошадей!

Кучер остановил лошадей. Барин спрашивает старика:

— Почему ты, старик, зимой так сильно вспотел?

— Э-э-э, барин,— отвечает старик,— мои сани горячие. Видишь, я и шапку снял, и варежки сбросил.

Барин говорит:

— Давай, старик, обменяемся санями!

— Не знаю, что и делать,— отвечает старик,— мои сани очень уж горячие, мне жалко расставаться с ними.

Барин как репей пристал, не отвязывается от старика.

— Ты, старик, новые сани сделаешь себе, еще горячее, а эти подари мне.

— Ладно,— говорит старик,— уступлю, но только вместе с лошадыми: я тебе отдам лошадь с упряжкой, а ты мне отдашь свою тройку с упряжью.

Обрадованный барин отдал свою тройку с санками и взял мужикову клячу с санями. Барин и тулуп свой отдал мужику, решил, что теперь он не нужен.

Старик надел на себя тулуп, сел в барские санки, хлестнул кнутом лошадей и покатыл — только снежная буря поднялась за мужиком.

А барин посадил кучера в сани, и сам развалился, снял со своей головы шапку, сбросил теплые перчатки и ждет, когда вспотеет. Ждал, ждал, когда вспотеет, не дождался и стал мерзнуть. Сидел, сидел, посинел да как заорет на кучера:

— Гони скорей, чертов сын! В этих проклятых горячих санях в лёд превратиться можно!

¹ Кочкурово и Турдаки — мордовские села Кочкуровского района Мордовской АССР.

Кучер гнал, гнал лошадь, даже руки устали, а сам он сильнее старика вспотел; лошадь же не прибавляет шагу, еле ноги волочит. А у барина зуб на зуб не попадает. Видит он, что дело плохо, слез с горячих саней и побежал домой.

38. ОРКИНА ВЕЛЕНЬ ЛЕМДЕМАДО

Кода велесь кармась пуромомо ды пуромсь покшсто ветесядт ломанть, сестэ, кармасть силком лемдявтомост. Тейсть тенст церькова ды мерить: «рамадо пазават».

Сынь рамасть весе Миколат ды мернесть тензэ рузонь верепаз. Попось кармавтни эйсэст озномо, а сынь эзь ознокшно. Истя тевесь кувать мольсь. Попось мезть думась понамарензэ марто? Вот кода сон тейсь. Сонсь кудов ломантненень а понамарензэ кекшсы пазава уголонть экшс. Сови кудонтень, кевкстьсы кудазоронть:

— Ознокшнат рузонь вере пазонтень?

Те мери:

— Ознокшнан.

— А манчат эйсэнь?

— Арась, кевкстинк сонсензэ.

Те ары коленка лангс чеки-поки ды серьгеди:

— Микола милостливый, скажи мне, молится тебе сей раб с чадами, или нет?

А се — уголстонть — и мери: «Нет». Сестэ попось се ломаненть пельде сая вете целковойть сень кис, што сон а озны. А бути омбоцеде сы, сестэ кемень.

Вейке ломань мезть тейсь? Попось кода тусь кедьстэнзэ, сон кежень пачк Миколанть сельмензэ пелинзе. Попось сась, ваны Миколанть сельмензэ арасть. Сестэ попось сайсь пельдензэ комсь вете целковой ды тусь. Те ломанесь рамасть од пазава. Попось сась, ванызе.

— Рамить?

— Раминь.

— Ознат?

— Ознан.

— Попось таго кевкстизе Миколанть, тона таго мери: «Нет».

— Таго ярмакт пельдензэ сайсь.

Мейле те мезть тейсь ломанесь? Саизе пазаванть, ливтизе кардазов. Сонзэ ульнесть андомасо колмо тувонзо. Сон се пазаванть тувонь пильгалов каизе.

Попось сась, пазавась арась, кевкстизе:

— Ды пазават косо?

— А ки содасы? Чай мон эйсэнзэ а кирдян, сонсензэ пазонь олязо, ков думи, тов моли.

Попось педясь эйзэнзэ.

— Бути, мери, а тусак тей, сядо целковой пельдеть саян.

— Ды косто мон сайса? Ведь мон верепазонтъ марто а яксян. Ки содасы, ков сон тусь. Эйдтне неизь було сонзэ исяк, якась кардазга, а ков тусь — незнай. Адядо, вешнесынек.

Лиссть, кармасть вешнеме: вешнестъ, арась косяк. Попось и мери:

— Кода содат вешник, ну муик, а бути а мусак, то сядо целковой пельдетъ, давай сейчас.

Те вансы тевть а парт. Мольсь кардонтень ды серьгедсь:

— Ванта, бачка, оно се лаз уголнэсь аволь ли сон?

— Таргика!

Таргизь. Вануть, правдый сон. Попось мери:

— Ды тон мекс тезэнь канк?

— Арась,— те мери.

— Ды эно мекс сон тесэ?

— Ды ведь мон аздаса, паряк, гуляясь ветъ ды кудов самсто кудо кенкшесь эзь муеве, совась те кенкшканти ирецтэнь пачк ды прась рудазонтень, а тувотне кодатт! Сынь шайтян и то чалксить. А мон диван, кода ещё эзизь сэве корминецень!

Попось и мери:

— Мезть кенгелят? Минек верепазонок винадо а сими.

— Ну можот угориясь ды лиссь венелев.

— Таго кенгелят, ведь сон чувтонь, ансяк сёрмадозь ломань ликс, а сон а сими, а ярсы, а угориякшны, а яки.

— А мекс эно корты, а чувтнэ а кортнить. А сон кенгели тетъ, було мон а ознан тензэ.

Седе мейле попось пандя истя кевкстнемс.

38. О КРЕЩЕНИИ СЕЛА ОРКИНО

Когда село стало расти и увеличилось до пятисот человек, тогда заставили мордву силком креститься. Построили им церковь и сказали:— Накушите икон.

Жители купили иконы святого Николая. Поп заставил их молиться, а они не молились. Так продолжалось долго. Что же придумали поп с пономарем? Вот как они сделали: сам поп войдет в дом человека, а пономаря спрячет за угол, где икона. Войдет в дом и спросит хозяина:

— Молишься ты богу?

Тот скажет:

— Молюсь.

— Не обманываешь меня?

— Нет, спроси хоть его самого!

Поп станет на колени, перекрестится и закричит:

— Микола милостливый, скажи мне, молится сей раб с чадами или нет?

А пономарь из-за угла отвечает: нет. Тогда священник возьмет с человека пять рублей за то, что он не молится. А если придет в другой раз — десять.

Что сделал один человек? Когда поп ушел от него, он в сердцах взял и выколол у Миколы глаза. Пришел к нему поп и видит, что глаза у Миколы вырваны. Тогда поп взял у хозяина дома двадцать пять рублей и ушел, заставив человека купить новую икону. Мужик купил новую. Поп снова приходит к нему, осмотрел ее.

— Купил икону?

— Купил.

— Молишься?

— Молюсь.

Поп спросил опять пономаря:

— Молится сей раб с чадами своими?

Тот опять говорит: нет. Поп взял с мужика пятнадцать рублей.

Что же сделал потом человек? Взял икону и вытащил ее на двор. У него откармливались три свиньи. Он бросил икону свиньям под ноги.

Пришел поп, иконы нет. Спрашивает:

— А икона твоя где?

— А кто его знает? Чай, я его (бога) не держу, своя божья воля, куда задумает, туда и пойдет.

Поп пристал к нему:

— Если,— говорит,— ты икону не принесешь сюда, я возьму с тебя сто рублей.

— Да откуда я ее возьму? Ведь я не хожу с богом. Кто знает, куда он ушел. Дети, кажется, видели вчера, он ходил по двору, а куда ушел, не знаю. Пойдемте, пожалуй, поищем.

Вышли, стали искать. Искали, искали—нигде нет. Поп и говорит:

— Если не найдешь икону, то сто рублей с тебя возьму.

Видит мужик—дело плохо. Подошел он к хлеву и громко сказал:

— Смотри-ка, батюшка, вон уголок доски в грязи, не бог ли?

— Вытащи-ка!

Вытащили. Смотрят—правда, икона. Поп говорит:

— Это ты ее сюда бросил?

— Нет,—отвечает мужик.

— Так как же она очутилась здесь?

— Да ведь я не знаю, видно, бог гулял ночью, да, идя домой, не нашел избяной двери, вошел в эту дверь спяна и упал в грязь. А свиньям что! Они шайтана и того затопчут. Я дивлюсь, как они его, кормильца, еще не съели?

Поп и говорит:

— Зачем ты клеветешь? Наш бог не пьет вина.

— Но, может быть, он угорел и вышел во двор.

— Опять клеветешь: ведь икона деревянная, только расписана по образу человека. Она не пьет, не ест, не угорает, не ходит.

— Так как же она говорит, ведь деревьяшки не говорят, а она клеветает тебе, будто я ей не молюсь.

После этого поп перестал так спрашивать...

39. АРЧИЛОВА ВЕЛЕДЕНТЬ ЁВТНЕМА

Монень ёвтница атянть покштянзо покштязо, лемезэ ульнесь Павел атя, ульнесь минек велентень васенце сыцякс. Кода покштянок пурнавсть минек веленть таркантень и кармасть велень строямо, Павел атясь и мери:

— Атинеть-цёрынеть, ладс ли минь тейтяно? Ведь те модась бояронь-нузякс ломанень. А бояртинэ ведь а роботыть, ломань вийсэ пряст трить; бути минь тезэнь озатано, то минек эйдтне кармить бояронь зепенть пештямо, бояронть карсеме-оршамо, бояронь андомо.

Атятне мерить:

— Павел атя! Тонь валот видеть, ансяк вана мезе: тесэ таркась паро, ведь, вирь, лугат ламо. Минь эсь прянок андсынек и бояронтеньгак ули мезе максомс.

Минек покштянок путсть кудот ды кармасть эрямо.

Кото вайгельбень таркашка Арчиловдонть розбойникень атаман Плетнев ве шкане Арчилованть марто строясь веле — Ключ. Ключ велесэнтъ нейгак эрить Плетневонть родонзо.

Московсо эрясь сюпав бояр Апраксин, сонзэ ульнестъ ламо моданзо, сонзэ моданзо лангс састъ эрямо минек покштянок, появась Ключ велесьяк. Марясь Апраксин Арчиловадонть ды Ключтенть, радовась, што састъ тензэ стяко роботыцят и прянь синдезь напустясь Арчиловав. Сась, пурнынзе минек атятнень ды мери:

— Атинеть! Мон радовинь, што тынь сыде монь мода лангс, эрядо, сокадо-видеде, ды мон тынк пельде мезеяк а саян,— мерсь истя Апраксинэсь ды тусь.

Эрясть-аштестъ аламос покштянок, путсть кудынетъ, тейсть кардаскетъ.

Сась Апраксин боярось, вансы, покштянок тейсть кой-мезе и думи: «Ней эряви путомс лангозост аволь покш пандома, вишка пандомадонть а тунть, кудост-кардазост а кадсызь». Пурнынзе Апраксин боярось атятнень ды мери:

— Атинеть, тынь эрятадо монь мода лангсо, а монень мезеяк а пандтадо, тынь пандодо монень хоть ортасто.

Атятне алтасть. Се шкастонть Павел атясь арасель кудосо. Мейле сась, сонензэ ёвтасть, што боярось вещи пандома ортасто. Сон и мери:

— Атинеть! Ней те нузякс пинесь карми минек зепенек урядамо. Эряви теемс вана мезе: кавто кардайс, колмо кардайс теемс ве орта.

Атятне кунсолызь Павел атянть. Арчиловасонть кудотнеде

ульнестъ ещё аволь ламо, аштестъ вейке порядкасо, атятне васодизь кардазост вейс ды порядканть куншкас тейсть вейке орта, кармасть лисеме-совамо се ортаванть.

Ютасть зяро-бути иеть, сась Апраксин боярость Арчиловав, пурнынзе атятнень ды мери:

- Мон сынъ ярмак мельга.
- Зяро сави, макссынек,— мерить атятне.
- Зяро ортанк?— мери боярость.
- Вейке,— мерить атятне.
- Кода вейке?
- Истя и вейке.

Тусь боярость ортань ловномо и ловсь ансяк ве орта. Апраксин боярость кежиявтсь ды мери:

- Мон кармавттадызь пандомо турбасто.
- Мезе аразде, карматано пандомо турбасто,— мерсть атятне.

Боярость тусь. Атятне синтризь турбаст и тейсть равожо кудот. Ютасть зяро-бути иеть, сась Апраксин боярость ярмак мельга, атятне пурнавсть. Боярость кевкстинзе атятнень, зяро турбаст. Атятне мерить:

- Минек турбанок арасть.
- Кода арасть?
- Истя и арасть.

Тусь Апраксин боярость турбань ловномо, но эзь муеве ве турбаяк. Седеяк кежиявтсь боярость, кармавтынзе цёратнень пандомо вальмасто.

Цёратне тейсть лазонь вальма вельтямот. Сась боярость ярмаконь мельга. Цёратне пекстнизь вальмаст ды мерить:

- Минек вальманок арасть.

Тусь боярость вальмань вешнеме, эзь муе ве вальмаяк. Боярость вансы, атятне сондензэ превейть, ды путсь лангозост оброк сизьгемень вете целковойть ассигнациясо эрва ойменть лангс.

39. ПРЕДАНИЕ О СЕЛЕ АРЧИЛОВЕ

Дед одного деда (по имени Павел) рассказал мне это. Он был первым, кто прибыл на то место, где сейчас наша деревня. Когда наши предки собрались все вместе и начали думать о постройке деревни, старик Павел и говорит:

— Старики-мужики, хорошо ли мы делаем? Ведь эта земля принадлежит барину — ленивому человеку. А ведь बारे не работают, чужим трудом живут. Если мы здесь поселимся, то дети наши будут наполнять господский карман, будут обувать-одевать барина, кормить его.

Старики отвечают:

— Дядя Павел! Справедливы твои слова, но только вот что: здесь место хорошее, воды, земли, лугов много. Мы и себя прокормим, и барину будет что дать.

И наши предки поставили здесь дома и стали жить.

В шести верстах от Арчилова разбойничий атаман Плетнев построил в одно время с Арчиловым село Ключи. В селе Ключи и теперь живут потомки Плетнева.

В Москве жил богатый барин Апраксин. У него было много земли, ему принадлежали и земли, на которые пришли наши предки, чтобы здесь поселиться, и на которых появилось село Ключи.

Узнал Апраксин про Арчилово и Ключи, обрадовался, что к нему пришли даровые работники, и сломя голову пустился в Арчилово. Приехал, собрал наших стариков и говорит:

— Старички! Я обрадовался, что вы пришли на мою землю, живите, пащите, сейте, я с вас брать ничего не буду,— сказал так Апраксин и уехал.

Пожили немного наши предки, построили домишки, устроили дворишки.

Приехал барин Апраксин, видит, что наши предки построили кое-что, и думает: «Теперь нужно брать с них небольшую плату: от небольшой платы они не уйдут, не оставят своих домов».

Собрал Апраксин стариков и говорит им:

— Старички, вы живете на моей земле, а мне ничего не платите. Платите мне хоть с ворот!

Старики пообещали. В это время старика Павла не было дома. Вскоре он вернулся, и ему рассказали, что барин просил платы с ворот, Павел и говорит:

— Старички! Теперь этот ленивый кобель будет обчищать наши карманы. Надо вот что сделать: на два-три двора ставить одни ворота.

Старики послушали Павла. Тогда в Арчилове домов было немного, стояли они в одном порядке, и старики соединили свои дворы, и в середине порядка поставили одни ворота, через которые стали входить и выходить.

Прошло несколько лет. Приехал барин Апраксин, собрал стариков и говорит:

— Я приехал за деньгами.

— Сколько приходится, отдадим,— говорят старики.

— Сколько у вас ворот?— спрашивает барин.

— Одни,— отвечают старики.

— Как одни?

— Так и одни.

Пошел барин считать ворота и насчитал только одни. Барин рассердился и говорит:

— Я заставлю вас платить с трубы!

— Что ж, будем платить с трубы,— отвечают старики.

Барин уехал. Старики сломали трубы и устроили черные избы. Прошло опять несколько лет. Приехал барин Апраксин за деньгами, собрал стариков и спросил их, сколько у них труб.

Старики отвечают:

— А у нас нет никаких труб.

— Как нет?

— Так и нет.

Пошел Апраксин считать трубы, но не нашел ни одной трубы. Еще больше рассердился барин и заставил мужиков платить с окон.

Мужики сделали дощатые ставни. Приехал барин за деньгами. Мужики закрыли свои окна и говорят:

— У нас нет окон.

Пошел барин искать окна, но не нашел ни одного. Видит барин, что старики умнее его, и положил на них оброк семьдесят пять рублей ассигнациями на каждую душу.

40. КОДА МЕКШЕСЬ ВАЯКШНОСЬ РУДАЗС

Пек парсте минь эринек дедань марто, зярдю тетям эзь чокшно. Ульнинек сюпавт. Ламо ульнесть нешкенек.

Минь дедань марто пачк эринек нешке пиресэ, эрва валске ловнозь нолдылинек мекштнень. Чокшнеяк, кода сыльть, ловнылинек.

Нешке пиренть вакска чудесь покш ведь, кавто сядо онкст келезэ. Минек мекштне секе-тев веденть тона бокав ливтнесть медень саеме.

Весть чокшне састь мекштне, ловнынек — ве мекш арась.

Дедам мери:

— Тень верьгизт повизь, лия а мезе.

Верьгизтнэ алкукс ламо мекшенек повсесть. Весть совасть нешке пирентень ды повсизь весе мекшенек. Мезе теят тенст, а стяко сынь верьгизт.

Тандадынек мекшенть кис дедань марто.

Мон, содазь, а пелиця ломанесь. Путыя кедем дедань лавтов лангс ды мерян:

— Иля ризна, дедай, мон молян муса мекшенть.

Ильтимим дедам. Пачкодинь веденть чирес. Ютамс а мейсэ. Венченек ватракш нилизе. Се ведьсэнть ватракштне ульнесть слоншкат, натоу нересткак истят. Мон эзинь пель сынст эйстэ. Кода гангодьса пря ланга, истяк пильгензэяк верев кепедьсынзе.

Ванан веденть тона бокав. Веденть келезэ ветесядт онкст ульнесь. Веденть тона бокасо рудаз. Минек мекшесь ваясь болотантень ды а лисеви. Верьгизтнэ путозь путовсть ваксозонзо. Секень вануть повамонзо.

Монь кежень састь. Куватьс эзинь карма арсеме. Саия эсь прям пря черде, яхоинь, яхоинь ды ёртыя тона бокав. Тона бокас прынь ды пезнынь рудазонтень судо видьга. Кодаяк а лисеван.

Верьгизтнэ кургосткак автизь, анокт пиштяка мекшенть сядиксс сускомо.

Монень арсемс а кона шкане ульнесь. Саия таго эсь прям пря черде ды ёртыя мекев эсенек нешке пиренть ёнов, санинь тосто

кшнинь койме — ды мекев. Таргия эсь прям рудазстонть ды ношкстынь мекшенть туртов. Верьгизтнэ, стака кулома лангаст, каявсть уш мекшенть лангс; кенерсть ансяк вить пилензэ ды керш пуло пензэ сеземе. Тандадсть монь эйстэ. Ношкстась.

Мон таргия мекшенть кшнинь коймсэнтъ ды токшан эйсэнзэ, сонзэ виезэяк маштсь. Ливтия калгодо таркас ды, рогадо ветязь, саия веденть чирев, тосо шлия.

Кода мекев ютамс? Мезе ней тейнемс? Содазь, мон ломанесь чарькодицяи. Кириявтынъ мекшенть лангс, вачкодия — кшнинь коймсэнтъ ды адя тона бокав. Ансяк пачкодинек берёконтень, мекшесь сизесь ды валгсь. Оймсинек аламос, мон саия мекшенть ды кедь песэнь ветязь, туинь нешке пирев.

Мольтяно покш вирьга. Тусь виев пиземе. Козонь кекшемс? Ванса икелень эчке пекше, эйсэнзэ ундо. Мон мекшенть содыя чувтс, монсь совинь ундонтень. Кодак потмаксонтень новолинъ истяк кирьгава пезнынъ. Мень тамаша? Нолштынъ — ламбамо. Те медь. Комсешка пондо ульнесь эйсэнзэ. Мон сонзэ весе сэвия ды мадинъ.

Валске сыргозинъ, кодаяк а лисеван тосто. Мезть тейнемс. Маряса мезе-бути коцькерьсэ кузи чувтованть. Ванан, ундонтень кармась совамо... Васня тандадокшнынъ. Мейле, содазь, мон куроцто чарькодинъ. Венстия кедем, маряса понав. Те овто, пулозо кавто сэренъ кувалмосо ульнесь. Мон седе курок кундыя се пулонтъ тапардыя перькан ды ранкстынь:

— Ули!

Содазь, овтось тандадсь, мон а содангак кие ансяк эзь пелекшне монь эйстэ. Ношкстась ундостонтъ ды таргимим ушов. Сон тандадомадонть прась ды кулось.

Лисинъ. Варштынъ — мекшенть эйстэ кадовсть ансяк ловажанзо. Комсь верьгизт венъ перть ярсасть эйсэнзэ. Содазь, кодак монь немизь, ношкстась. Мон муевлия, мезть тейнемс мартост.

Мезть иля тейне, мекшенть ялатеке сэвизь. Мон саия овтонть, ваткамс а мейсэ. Ледсь мелезэнь кшнинъ коймесь. Сень эйсэ мон курок ваткия сонзэ. Кедентъ пурныя ды туинъ мартонзо эсенек нешке пирев.

Молинъ нешке пирев, дедам авардезь чийсь каршон: сон эзь удожак мекшенть кис ризнамонтъ марто. Вития мелензэ овтонъ кедьсэнтъ. Минъ сонзэ куроцто теинек ды ставтынек эйстэнзэ монень кавто шубат, деданень кавто шубат, бабанень кавто шубат, ниле тулупт ды ламо кадовсь крандаз лангс вельтямокс. Овтось покш ульнесь, а мезть кортамскак. Минек тосо весе истят ульнестъ. Киненьгак ды мезненьгак а изнявильть. Ансяк минъ деданъ марто апак пеле, прок чеерть, кунцинек эйсэст.

Седе мейле парсте кармсинек эрямо. Овтонъ шубатнень эйсэ пек лембе ульнесь. Меденек пезэяк арасель. Седеяк вадрястэ кармавлинек эрямо ды тетям эзимизь кадо. Кодак чачсь, кармась розорямо деданъ марто минек таштавоксонок. Секс минъ деданъ марто кадынек кудонок ды туинек од паксяв.

40. КАК ПЧЕЛА В ГРЯЗИ ТОНУЛА

Очень хорошо жили мы с дедом, когда отец еще не родился. Мы были богатые. У нас было много пчел.

Мы с дедушкой все время жили на пчельнике. Каждое утро выпускали пчел. Вечером, когда они прилетали, считали их.

Около пчельника протекала большая река, двести онкст (мера длины) шириною. Наши пчелы то и дело по ту сторону реки летали мед собирать.

Однажды вечером прилетели пчелы, пересчитали мы их с дедом — одной пчелы нет. Дедушка говорит:

— Это волки задушили, больше некому.

Волки на самом деле много наших пчел подушили. Что сделаешь им, недаром они волки.

Испугались мы с дедушкой за пчелу. Я, известно, не трусливый человек. Положил руку на дедушкино плечо и говорю:

— Не волнуйся, дедушка, я пойду искать пчелу.

Проводил меня дед. Дошел я до берега реки. Переплыть не на чем. Нашу лодку лягушка проглотила. В этой воде лягушки были величиной со слона. Я не боялся их. Как стукну по голове лягушку, так она и ноги вверх поднимает. Смотрю я на ту сторону реки. Ширина ее пятьсот онкст была.

По ту сторону реки — грязь. Наша пчела увязла в болоте и не может выйти. Волки тут же окружили пчелу и норовят задушить ее.

Я рассердился. Долго не стал думать. Взял себя за волосы, качал, качал и перебросил на ту сторону. Там я упал и увяз в грязи до носу. Никак не выйду. Волки и рты разинули, готовы съесть бедняжку пчелу.

Думать мне некогда было. Взял я опять себя за волосы и перебросил обратно на ту сторону своего пчельника, взял я от туда железную лопату — и обратно. Выкопал я себя из грязи и кинулся к пчеле. Волки, тяжелый мор на них, набросились уже на пчелу. Успели оторвать только правое ухо и кончик левого хвоста. Испугались меня. Побежали. Я отрыл пчелу железной лопатой, она совсем обессилела. Вытащил я ее на твердое место и повел за рога к воде и там вымыл.

Как же обратно на тот берег перейти? Что теперь делать? Известно, я человек сметливый. Прыгнул на пчелу, ударил ее железной лопатой, и полетели.

Только добрались мы до берега, пчела устала и опустилась. Отдохнули мы немного, я взял пчелу за поводья и направился к пчельнику. Идем мы большим лесом. Хлынул сильный дождь. Куда спрятаться? Гляжу — впереди меня толстая липа, в ней дупло. Я привязал пчелу к дереву, сам влез в дупло. Но только спустился на дно, как по горло в чем-то увяз. Что за оказия? Лизнул — сладкое. Мёд! Около двадцати пудов его было. Я весь его съел и лег спать.

Утром проснулся, никак не вылезу из дупла. Что делать? Слышу, как кто-то, царапаясь, поднимается по дереву. Смотрю — в дупло стал влезать... Сначала я испугался. После, известно, догадался. Протянул руку — шерсть. Догадался — медведь, хвост длиной онкса два был. Я быстрее схватил этот хвост, обмотался им и крикнул:

— Есть!

Известно, медведь испугался. Я и не знаю, кто только не боялся меня. Рванулся медведь из дупла и меня вытащил на волю. Сам медведь от испуга упал и сдох.

Вышел я. Посмотрел — от пчелы остались только кости. Двадцать волков всю ночь жрали ее.

Понятно, как увидели меня, убежали. Я бы нашел, что сделать с ними, но... Что ни делай, а пчелу все равно сожрали. Я решил взять медвежью шкуру. Но чем ее содрать? Вспомнил я железную лопату. Ею я быстро снял шкуру и пошел к себе на пчельник. Дед со слезами бежит навстречу: он и не спал, горевал о пчеле. Обрадовал я его медвежьей шкурой. Мы ее быстро разделали и сшили из нее две шубы мне, деду две шубы, бабушке две шубы, четыре тулупа и еще шкура осталась для покрытия телеги. Медведь большой был, нечего и говорить У нас все они такие были. Никто не мог их победить. Только мы с дедом, не боясь, как мышей, ловили их.

После этого жили благополучно. В медвежьих шубах очень тепло, а меду и конца не было.

Еще лучше стали бы жить, если бы не отец. Как родился он, стал разорять накопленное нами с дедом. Поэтому мы с дедом оставили дом и ушли на новое место.

41. ГУЕНЬ КАРШО ТЮРЕМА

А содаса кодамо инязоронь пингстэ, содаса ансяк, пек умок ульнесь тесэ крепостной права. Вот ве велесэ эрясть эрзят. Велесь ульнесь бояронь кедь ало. Бояронть пекезэ покш, сонсь минень-сюонень а мазый, но ава мельга чийнеманть пек вечкилизе. Весть боярось мольсь крепостной од цёранень и мери тензэ:

— Миша, мон арсян тонь урвакстомат, одирьва максан пек вадря.

Миша мери тензэ:

— Монь иень ещё аламо, пополь а карми венчамон.

— Венчатанзат, бути мон мерян.

— Кинь мерят саемс никс?— мерсь Миша прянь нолдазь.

— Дригань Варкань,— мерсь боярось.

Мишань седеезэ кувтолк мерсь. Дригань Варкась ульнесь весемеде мазый велесэнтъ ды пек кол роботамодонть.

Истя урвакстызь Мишань Варка лангс. Кармасть Миша Варка марто эрямо ды бояр лангс роботамо.

Весть чокшнестэ, ужинамсто Варкась мери Мишанень:

— Ох, Миша, Миша, мезть карман мон ней тейнеме?— ды сонсь уракадсь авардеме. Миша абунгадозь ваны Варка лангс ды а соды, мезть меремс. Мейле Варка сельведень пачк корты Мишанень:

— Монь эйсэ шайтянонь эчке пекесь покойс а кады, мезть карман тейнеме?

— Ки истямо эчке пекесь?

— Ды боярость,— мерсь Варка ды сонсь прась авардезь коник лангс.

Миша мольсь ваксозонзо ды кармась кевкстнемензэ, мезень кувалт боярость покойс эйсэнзэ а кады. Варка васня мезеяк эзь кортаво, мейле мери:

— Куроли эйсэнь. Мери, вадрят, мазыят тон, Варка, авась, адя сак монень. Бути, мери, а сат, оймай сайса. Ванок ва, мери, бути отказат, ванды жо уштан баня. Мон меринь: ужо аламос, арсян.

— Иля аварде, Варка, кадык монь мацтясамизь, но тонь нарьгамс а макстан. Валске косо карматадо роботамо?

— Минь карматамо мушконь таргамо Верьгиз латксо,— от-вечи Варка.

— Ну, ладна, мон сан валске обед малав ваксозонк,— мерсь Миша ды лиссь ушов. Варка урядызе ужиндэ мейле столенть ды мадсь удомо.

Валске марто Варка стясь рана, уштызе кудонть, анокстась ярсамс: симсть-ярсасть Миша марто ды тусь эсест роботаст тееме. Варка тусь Верьгиз латков мушконь таргамо, а Миша бояронь паксянь сокамо. Пачкодсь Варка эсь роботазонзо ды ялганзо марто кармась мушконь таргамо. Обед малав сась боярость ды киска ладсо кармась онгомо:

— Мекс аламо теиде? Ды те роботанть кис кшидеяк андомс а эрявтадо!— севнось истя, мольсь Варка ваксс ды мери:

— Кода, Варка, молить теветь? Оймсек, сизить, чей?

— Эзинь сизе. Тон кисэнь иля заботя, азё тестэ.

— А-а! Тон монь каршон отечат!— кундызе Варкань пря-черде ды кармась усксемензэ уманть кувалт.

Косто эзь саеве Миша, лиссь мушконть потсто тумонь колия марто ды кода сыртясы бояронть пеке ланга колиясо. Боярость прась. Миша ещё каясь тензэ кавксть — колмоксть, саизе Варкань ды тусть кудов. Эзть кенере Миша ды Варка пачкодеме кудов, тосо уш учить эйсэнзэ урядник старшина марто.

Урядникесь ранкстась:

— Тон мезе теить, розбойник?! Тон мезекс маштыксэлик бояронть? — сонсь кундызе Мишань мештеде, сорновтызе, чави-зе ды чавомадо мейле саизе сежейс. Кирдизь Мишань тосо чи ды саизь ошов, озавтызь тюрьмас. Тюрьмасонть кирдизь сонзэ котошка ковт мик судямозонзо, Варка кадовсь ськамонзо ды чистэ аварди. Седе мейле боярость седеяк пек кармась рангомо ды чавноманзо Варкань.

Кото ковтнеде мейле Мишанень ульнесь суд. Судизь сонзэ кемгавтово иес каторжной роботас. Чись ульнесь недлячи. Чись пидесь менельстэнтъ толкс. Сэтьме. Ансяк косто-косто вармась аламодо сыргавтни пулентъ. Варка ды ещѣ зяро-бути ават аштити кудо боксо, вануть пандо чирев, кона ульнесь велентъ каршо. Валгить пандонтъ эзга серой одежасо ломантъ; мельгаст пуль моли, прок ревень стада мельга Кармасть пачкодеме седе малас, кармась неявомо — валгицятнень ве пря бокаст наразь, чамаст раужо модань кондямот, ансяк пеест ашолдыть; пильгест тертязь кшнинь тертьсэ. Варкань седеезэ седе сеетьстэ кармась чавома ды ледсь мелезэнзэ Миша, арась ли сынст ютксо сон. Ломантне лоткасть окольця чирес, ойсестъ луга лангс ды кармасть эрвейкесь эсь теვენзэ тееме: кона чиремсь боканзо лангс, кона таргась сумкастонзо кши ды кармась ярасо, кона кармась таргамо. Ансяк Миша эзь чиреме, кармась ванномо перть-пельга, неизе Варкань ды кармась сеереме:

— Варка, Варка ...

Провожицясь ранкстась Миша лангс.

— Замолчь. Я тебе дам Варка!

Миша лоткась рангомадо. Варка, кода маризе мирдентъ вайгелензэ, нармуныкс ливтясь арестантнэнь юткс, кундызе Мишань кирьгадо ды кармась палсемензэ. Провожатоесь чийсь, кундызе Мишань кедте ды кармась ускомо Варкань эйстэ, Варка кармась рангомо:

— Кадык Мишань, верень симиця. Потятадо минек веренек эйстэ, зярдэ ансяк сезевтядо, педлейть.

Провожицясь тулкадизе Варкань, Мишань кем кочкарясонзо эшкизе. Аламос аштезь сон ранкстась:

— Вставай!

Ломантне састо, састо стякшность, стясь мартост Мишаяк. Сон ульнесь тертязь кшнинь тертьсэ, кедензэ кшнинь циндерьсэ пекстазь панжома экшсэ лия ломань марто. Весе стякшность, арасть солдат ладсо парацек ды сыргастъ киявантъ моразь. Варка куватьс вансь мельгаст ды серьгедсь:

— Прощай, Миша. Ёмить монь кисэ...

Кода ломантне эзть карма неявомо, эзь карма неявомо Мишаяк: Варка совась кудов ды авардезь прась коник лангс. Куватьс авардсь Варка ды яла мелявтсь Мишань кис, кода сон пачкоди тарказонзо истямо кшнинь тертнень марто. Се партиясь, конань эйсэ ульнесь Миша, мольсть кавто пель марто ковт ды, окоиники, пачкодсь Сибирев. Самодо мейле сыненст эзть максо ве чияк оймамо, нейке жо весе ломантнень кучизь шахтас, уголиянь таргамо.

Таргазь уголиянтъ арестантнэ усксестъ тачкасо. Штобу иляст оргоде, кедтне ульнестъ соднозь цепь вельде тачкас. Истя роботась ды эрясь Миша Сибирьсэ.

Стака марявсь Мишанень те эрямось апак сода сторонасонть ды кандомс алашань работа. Косо роботазь, косо сэредезь ютав-

тызе Миша те стака шканть. Сон уш остаткань пелев кармак-шнось сеетьстэ сэредеме ды, okayники, учовсь се шкась, ютасть кемгавтово иетне, кода сон явсь Варкадо. Сонзэ кассть покшт сакалонзо, ды бути неевлизе Варка, аволизе сода.

Каторжной роботасто Мишань нолдызь кудов пельс кулозь. Ки лангс тензэ эзь максо трешниккак, ансяк макссть кедезэнзэ истямо конев, конань эйс сёрмадозь, што сон ульнесь каторжной роботасо ды аштизе весе сроконзо.

А мезть тейнемс. Тусь Миша ялго. Кись сонензэ ульнесь апак сода, сон мольсь вирьга, сэрей пандо юткова.

Весть сон мольсь, мольсь, сасызе ве. Истямо теевсь чопода ды сэтьме, мик страшна, косяк а куш а каш. Куйсь Миша чувто пряс, вансы, ве ёндо аволь васоло неяви толнэ. Тусь Миша толонть ёнов, арси истя муемс удомань тарка.

Пачкодсь Миша, вансы, ашти озорнойшка кудо, кардаз; кудосонть палы тол. Куватьс эзь карма думамо Миша, совась кудонтень. Кудосонть кияк арась. Кудо уголсо ашти голландка, эйсэнзэ палы тол. Озась Миша толонть икелев ды кармасть прянь нолдазь аштеме. Аламос норовазь, кепететьс варма, совась кудонтень сисем прясо гуй ды мери Мишанень:

— Мезть тейнят тесэ?

— Вана эжнян, покштяй,— пшкадсь Миша.

— Кадовт монь кедьс роботникекс, кармат монь скотинам андомо ды эсь мелган якамо. Работанть кис пандан тенть сядо целковойть, но вот ансяк кунсолок мезть карман кортамо: якак кудованть, кардазганть, но оно се комнатантень иля совсе.

Миша согласась.

Эри сон гуенть кедьсэ ков, кавто, кадовсь срокозо аламо. Кармасть сон арсеме, мекс гуесь эзь мере варштамс страшной комнатантень. «Дай сован,— арси эсь пачканзо.— Мезе илязо уле». Панжизе, вансы, тосо аштить эрьва кодат ломанть, весе берянтъ, ранявт, вачодот, нулавт... Ансяк неизь Мишань, весе лиссть пекстань таркастонть, кармасть морамо, гуень пизэтноень тапамо. Маризе гуесь те шумонть, ливтясь кудонзо бокас, мартонзо ещё гуйть тердсь, кармасть неть вачодо ломантнень марто тюреме. Кона ломантнень чавизь, конатнень мекев озавтнизь. Истя гуйтне лоткавтызь тюреманть ды гуень хозяйстванть тапмонть. Те верев тюремадонть мейле гуесь мери Мишанень.

— Мезе тенть эряви? Кодак вачкодтян — ды ойметь лиси. Служак еще кедьсэнь. Служат, макссынъ ярмактнень икелень роботат кисэяк, а служат — эрямо а кармат. Но ванок се кабинетэнтъ а панжтнемс. Миша согласась.

Эри сон ков, кавто, колмо ды сонсь думи ломантнеде, конат аштить гуень тюрьмасонть. Сон мольсь, панжизе кабинетэнтъ — ломантне тосо седеяк беряньгадсть, сизесь чопода таркасонть аштемадонть. Сынъ лиссть весе ды кармасть гуень пизэтноень тапамо. Марясь гуесь, сеске сась лия гуйтнень марто. Но ломантне весе вийсэст кармасть тюреме гуйтнень каршо.

Куватьс тюрсть, керизь сыре гуенть кото прынзо, маштызь дия гуйтнень, конат кадовсть — орголость. Ве прясо кадовозь гуенть сьулмсизь. Миша мольс ваксозонзо ды мери:

— Евтык косо парочить?

Гуесь ответчи:

— Илямизь чаво, ёвтаса весе ды ёвтан тыненк, кода тестэ лисемс.

Миша ялганзо марто кунсолызь гуенть валонзо, кортамонзо, сонсензэ мейле чавизь ды тусть вирьстэнтъ. Молить сынъ чить, молить веть гуень валтнэнь коряс.

Сынст марто кармасть кортамо менельстэ тештне, невтнить ки лисемс чопода вирьстэнтъ, тумотнеяк прысост юхаить кудо пелев. Лиссть сынъ, okayники, виртнень эйстэ, пачкодсть кудов, Мишанень. Варка щотъ жив кудосонтъ, сон уш лоткась Мишань учнемадоаяк. Сон арсесь, што Миша кулось Сибирень тайгантень, но Миша пурнызе остатка виензэ, пачкодсь эсь велезэнзэ.

Кода пачкодсь кудонзо вакс — кудозо эль калады, Варка прась сэредеме. Совась Миша кудос. Варка кода неизе, поводсь кыргызонзо ды кармасть авардеме, келезэяк кундатотсь, мейле оймась ды мери:

— Мишакай, кода пачкодить?.. Мон тонь живксккак эзитинь лово...

Миша ответчи тензэ:

— Мон ещё, Варка, шумбран. Монь шумбрачись сыненст а саеви. Мон вана неть ялгатнень марто маштынъ гуйтнень ды сыре гуенть, ней олясо карматано эрямо.

— А неть кить? — кевкстни Варка.

— Неть монь ялган. Вейсэ минь тюринек гуенть каршо, ней вейсэ карматано бороцямо бояртнэнь каршо. Пандса ней кежем покш пеке бояронтень...

Варка пурнась ярсамс, андынзе ломантнень, ярсась мартост Мишаяк. Ярсамодо мейле сынъ мадсть оймсеме ды секень марто удьзь вентькак. Валске марто сась Мишань шабразо — Яшкань Сёма.

— Кода эрят шабра? — пшкадсь Мишанень Сёма.

— Вадрясто, — мерсь Миша, — кода тонсь?

— Беряньстэ, шабра, — отвечась Сёма.

— Мекс истя? — кевкстни Миша.

— Шайтянонь боярость пек нарьги лангсонок.

— Вана мезе, шабра, давайте ней вейсэ карматано бороцямо верень потийтнень каршо.

— Кода кармат бороцямо сынст каршо? Сынст кедьсэст весе оружиясь, полициясь весе сынст кис, — мери Сёма.

— Эх, Сёма, Сёма, ды тон иляк стувто, што минек кис ещё ламо народ. Нейсыть ломантнень, — сон невтсь мартонзо сазь ломатнень лангс, — сынъ лездыть тенек.

Чинь ютазь марясь боярость Мишань самодонзо ды кучизе Мишанень эсь приказчикензэ. Кодак сась приказчикесь, мери:

— Адя, Миша, роботамо, пандя нузякс овто ладсо удомс.

— А молян, хоть мезть тейнеде.

Приказчикесь тусь, сась боярсь ды мартонзо ветясь шинельсэ ды ружия марто ломанть. Боярсь косойстэ варштась Миша лангс ды прок киска уракадсь.

— Куватьс а куватьс кармат удомо? Тон мекс а молят роботамо?

— Мон меринь а молян, тык а молянгак. Саты, роботынек тынк лангс.

— Саинк, сонзэ!— ранкстась боярсь ружия мартотненень.

Сынь кармасть кундамо Мишань. Кода стить ялганзо, кода кармить правтомо ружия мартотненень, кода каить бояронть.

Боярсь тандадсь ды мери:

— Кадынк шайтянонь!

Бояронть маштызь. Мейле куватьс савсь ещэ бояртнень ды гуйтнень марто бороцямс, окэйники, изнявксось кадовсь народонть кедьсэ.

Кармасть Мишат-Варкат эрямо эсь олясост, чачтомо эйкакшт ды вечкеме вейкест-вейкест.

41. БОРЬБА СО ЗМЕЕМ

Неизвестно, какой царь правил, известно только: очень давно было здесь крепостное право. В одном селе жили эрзяне. Деревня была под боярской рукой. У барина живот большой, сам некрасивый, но за женщинами очень любил бегать. Однажды барин подошел к крепостному парню и говорит:

— Миша, я думаю женить тебя, невесту тебе найду хорошую.

Миша отвечает ему:

— Мне еще мало лет, поп венчать не будет.

— Повенчает, я сам скажу.

— Кого, говоришь, дашь мне в жены?— спросил Миша, опустив голову.

— Григошину Варьку,— сказал барин.

Гришина Варвара была самая красивая изо всего села и очень рабѳтящая. Женил барин Мишу на Варваре. Стали жить Миша с Варей и работать на барина.

Однажды вечерней порой, за ужином, Варя говорит Мише:

— Ох, Миша, Миша, что я буду теперь делать?— и сама громко заплакала.

Миша опешил, глядит на Варю и не знает, что ей сказать. А Варвара в слезах говорит Мише:

— Меня этот толстобрюхий черт в покое не оставляет. Что я буду делать?

— Кто этот толстобрюхий?

— Да барин,— Варька, плача, упала на лавку.

Миша подошел к ней и стал спрашивать, почему барин не оставляет ее в покое. Варька сначала ничего не говорила, потом отвечает:

— Ты, говорит, Варька, хорошая, красивая женщина, приходи ко мне. Если, говорит, не придешь, силой возьму. Вот погляди, говорит, если откажешь, завтра же истоплю баню. Я сказала ему: подожди немного, подумаю.

— Не плачь, Варя, пусть убьет меня, но тебя в обиду не дам. Завтра где работать будешь?

— Мы в Волчьем овраге будем коноплю убирать,— отвечает она.

— Ну, ладно, завтра я к обеду приду к вам,— сказал Миша и вышел на улицу.

Варька после ужина убрала стол и легла спать.

Утром Варька встала рано, убрала дом, приготовила поесть. Позавтракали они с Мишей и ушли на свои работы: Миша — барское поле пахать, Варька — в Волчий овраг коноплю убирать. К обеду туда пришел барин и, как собака, начал лаять:

— Почему мало сделали?! Да за эту работу и хлебом кормить не надо! — Поругался так, потом подошел к Варваре и говорит ей:

— Как, Варька, идут дела? Отдохни, устала, чай.

— Не устала. Ты обо мне не заботься, уходи отсюда.

— А-а, ты перечишь мне! — схватил он Варьку за волосы и стал таскать ее по загону.

Откуда ни возьмись — Миша, вышел он из конопли с дубовым колом и как трахнет барина. Тот упал. Миша дал ему второй, третий раз, взял он Варьку, и ушли они домой. Но не успели Миша и Варя дойти до дома, а там уж дожидаются их урядник со старшиной. Урядник закричал:

— Ты что сделал, разбойник? Ты за что барина чуть было не убил? — и трясет Мишу за грудь. Отвели Мишу в съезжую избу.

Держали там день и после увезли в город, посадили его в тюрьму.

Через шесть месяцев состоялся суд. Осудили Мишу на 12 лет каторжных работ.

Однажды в воскресный день Варька и еще несколько женщин стояли около дома, они глядели на край горы, которая была напротив деревни. С этой горы спускались люди в серой одежде, за ними пыль, будто за стадом коров. Когда подошли ближе, стали видны черные лица, как земля, только зубы белеются; ноги закованы в железные цепи. Забилось сердце у Варьки: нет ли среди них Миши? Люди в серой одежде остановились на краю околицы отдохнуть на лугу, и каждый свое дело делает: кто достал из сумки хлеб и ест его, кто стал курить. А один закричал:

— Варька! Варька!

Стражник закричал на Мишу:

— Замолчать! Я тебе дам «Варька»!

А Варя как услышала голос мужа, так птицей и полетела к

арестантам, обняла Мишу, стала целовать его. Тут подбежал стражник и начал оттаскивать Варьку, а Варька кричит:

— Оставь Мишу, кровопивец! Пьете нашу кровь, когда только лопнете, пиявки!

Стражник толкнул Варьку, а Мишу ударил сапогом. Потом закричал:

— Вставай!

Люди тихо поднялись, встал с ними и Миша. Руки его были закованы в железные цепи, закрыты на замок и связаны с руками других людей. Все они встали в пары, как солдаты, и пошли с пением. Варька долго следила за ними и кричала:

— Прощай, Миша! Пропал ты из-за меня...

Эта партия, в которой был Миша, пешком шла два с половиной месяца, и наконец дошла до Сибири. Там их заставили в шахтах уголь таскать. А чтобы арестанты не убежали, руки их были прикованы цепью к тачке. Так работал и жил Миша в Сибири.

Тяжела была для Миши эта жизнь в незнакомой стороне и эта лошадиная работа. Здоровье его пошатнулось, стал он часто болеть.

С каторжной работы домой Мишу отпустили полуживым. На дорогу ему ни гроша, только дали в руки такую бумагу, в которой написано, что он был на каторжной работе и отсидел весь срок.

Нечего делать. Пошел Миша пешком через леса, через горы.

Однажды выдалась тревожная ночь. Стало так темно и тихо, страх взял Мишу. Забрался он на дерево, видит — недалеко в правой стороне виднеется огонек. Пошел Миша на огонек, думая там найти ночлег.

Добрался до дома Миша и, недолго думая, вошел в него. В нем никого не оказалось. В углу дома стоит голландка, в ней пылает огонь. Сел Миша около огня и, опустив голову, стал дремать. Через некоторое время поднялся ветер, вошел в дом семиглавый змей и говорит Мише:

— Ты что здесь делаешь?

— Вот греюсь, дедушка, — ответил Миша.

— Оставайся у меня в работниках, будешь мою скотину кормить и ходить за ней. За работу уплачу тебе 100 рублей, но вот только слушай, что буду я говорить: ты можешь ходить по дому, по двору, но вот в эту комнату не входи. — Миша согласился.

Живет он у змея месяц, два, осталось немного до его срока. Стал он думать, почему змей не велел ему глядеть в страшную комнату. «Дай войду, — думает он про себя, — пусть что будет». Он открыл дверь. Видит — сидят изможденные, оборванные люди. Вышли они из темницы и стали рушить змеинные гнезда. Змей услышал этот шум, прилетел к дому, кликнул на помощь других змей. Некоторых людей они убили, некоторых загнали обратно в комнату. После этого змей говорит Мише:

— Что тебе надо? Как стукну — и дух из тебя вон. Послужи еще у меня. Отслужишь — за прошлую работу тебе деньги дам, не будешь служить — жить не будешь. Но смотри, эту комнату ты не открывай.

Миша согласился.

Живет он месяц, два, три, сам думает о людях, которые сидят у змея в тюрьме. Однажды он снова открыл двери темницы и выпустил людей.

Стали они опять гнезда разбивать. Услышал это семиглавый змей, тут же прибыл с другими змеями. Но люди на этот раз дрались изо всех сил.

Отрубили они старому змею шесть голов, поубивали других змей, а те, которые остались в живых, скрылись. Змея, оставшегося с одной головой, связали. Он начал умолять людей:

— Не убивайте меня, я расскажу, как вам отсюда выбраться.

Миша с товарищами выслушали змея, а потом убили его. Долго люди шли по лесам. С ними стали говорить небесные звезды, указывая дорогу, дубы своими кронами покачивались в сторону дома. Вышли они, наконец, из леса и дошли до дома Миши. Варька чуть жива. Она думала, что Миша умер в сибирской тайге.

Как увидела Варвара мужа, так и повисла ему на шею:

— Миша, как ты дошел?.. Я тебя и живым не считала.

Миша отвечает ей:

— Я еще здоров, Варя. Мое здоровье им не взять. Теперь вольными будем жить.

— А это кто?— спросила Варя.

— Это мои товарищи. Все мы боролись со змеем, вместе будем бороться против бар. Теперь я расплачусь с толстопузым барином.

Варвара собрала поесть, накормила людей, уложила отдыхать.

Утром пришел поглядеть Мишу сосед Яшкин Семен.

— Как живешь, сосед?— крикнул Семен Мише.

— Хорошо,— ответил ему Миша.— А сам как?

— Плохо, сосед,— говорит ему Семен.

— Почему же?— спрашивает Миша.

— Чертов барин очень уж издевается над нами.

— Вот что, сосед, давайте теперь все будем бороться против кровопийц.

— Как будешь бороться против них? У них в руках оружие, вся полиция за них,— говорит Сема.

— Эх, Сема, Сема, да ты не бойся, и за нас не мало народу. Видишь людей,— он показал на пришедших с ним,— они помогут нам.

Прошел день. Услыхал барин о приходе Миши и послал к нему своего приказчика. Как пришел приказчик, говорит:

— Идем, Миша, работать, хватит ленивым медведем спать.

— Я не пойду.

Приказчик ушел. А через некоторое время приходит барин, приводит с собой людей в шинелях и, как собака, накинулся на Мишу:

— Долго ты будешь спать? Почему не идешь работать?

— Я говорил, не пойду, так и не пойду! Хватит, работали мы на вас.

— Взять его! — крикнул барин людям с ружьями.

Они стали хватать Мишу, но тут встали его товарищи. Как начали они бить охрану! Барин испугался и говорит:

— Оставьте этого черта.

Барина убили. После долго еще пришлось бороться с барани и змеями, но, наконец, победа досталась народу.

Стали Миша с Варькой жить своей волей, родить детей и любить друг друга.

42. БАШКА — БЕРЯНЬ, ВЕЙСЭ — ПЕК ПАРО

Эрясть-аштесть шабрацек колмо атят, колмо братт: сокиця, кузнець ды плотник; кудост ульнесть пецек. Эрясть беряньстэ, арасель ютксост мезеньгак лад. Тев аразень кис кармилть сёвномо, седе мейле вейке-вейке лангс кежень кирдеме. Ламо сёвность ведень кис ды аватнень кис.

Лиясто коськиль лейсэ ведест, саразнэнь симемс а кадовиль. Пуромиль латкинес ведесь, кона кенери валске марто лисеме, ведрас кечсэ пештясы ды кандсы, лиятненень арась, а кадовиль.

Лисить аватне ушов, кармить вейкест-вейкест кевкстнеме:

— Ки веденть пештизе ды кандызе? Ки кандызе?

Вейке — арась, тона — арась. Кармить валсто валс ды туить сёвномо.

Атятне лисить кардамо, вейкест-вейкест лангс кармить кройсеме.

Весть таго текень кувалт сёвнозевсть.

— Мон тыненк кши а максан, вачо кулотадо, — мери сокицясь.

Кузнець молоткасонзо угол пес вачкоди ды сеери:

— Мон пелюманк а витнесынь, тарвазонк а човасынь, а пензасынь. Пейсэнк сюронтъ а порнесынк! Сатадо монень! Сюко-нятадо!

Плотникесь пижни:

— Кудонк наксадындеряй, тараканкс кельмезь кельметядо ды кулотадо монтемень; сока прянк-неренк яжавить, а тейсынь!

Тукшность сёвнозь. Эрить башка-башка.

Васня плотникентъ кшизэ маштсь. А моли сюконямю сокицянтень. Тусь вирьстэ пекше макшо. Низэ ичесь салмат лопа марто човор. Ярсасть, ярсасть, вий мезеяк арась. Ловажаст ансяк кадовсть.

Кузнець тейсь ружия. Тусь паксяв варакань леднеме. Эзь нее вейкеяк варака. Ялатеке а молить сюконямю сокицянтень. Сокицясь пейди, лангозост ванозь.

Кизэсь ульнесь коське, палсть сынъ шабрацек колмо атят, колмо братт. Мезесткак эзь кадово.

Мезть тейнемс? Эрямс косоаяк эряви! Плотник кундызе палозь узерензэ, кундась срубонь чапомо. Вачкодсь моргов тарадс, лиссь кечкестэ узерезэ, сивсь. Каизе, тусь нинзэ ваксс мелявтомо.

Лиссь сокицясь озим видеме, чирькезэяк арась, соказояк тапавсь. Тусь нинзэ ваксс мелявтомо.

Лиссь кузницязонзо кузнецъ молотканзо марто. (Кузницясь эзь палокшно). Учось, учось, кияк эзь са. Ваны кенкшка,— пиземе тусь. Радовась, мелезэнзэ паро. Арась пиземе алов, шапканзо каизе ды ашти пиземе ало.

Мольсь малазонзо плотникесь ды кевкстни:

— Мезть тейнят, брат?

Сон тензэ мери:

— Пиземе пурнан розень кастомо.

Плотникеськак шапканзо саизе прястонзо ды арась ваксонзо пиземе алов. Аштить кавонест.

Сась ваксозост сокицясь, кевкстни:

— Мезть тейнетядо, братт?

— Пиземе пурнатано розень кастомс,— отвечасть тонатне.

Арась сокиця ваксозост, сонгак шапканзо каизе.

Аштеть, аштеть колмо атят, колмо братт, пиземе пурнасть ды арсесть вейке тев.

Сокицясь мери:

— Адядо сѣлт сѣлтатано!

— Адядо!— весе радовасть.

Кундасть колмо атят, колмо братт, сѣлтонь селтамо. Леенть курокто прудизь, тейсть ведьгевть. Сѣлтонть нолдасть калт.

Кузнецъ витнинзе пелюмаст, сока пряст.

Сокиця видсь суро, плотник тейсь кудо. Кармасть вейсэ эрямо. Нейгак эрить, мейсэяк ды мезненьгак а явовтовить.

Монгак ульнинь кедьсэст, калт кунцинь, сѣлтсост экшелить.

Паро тевесь — вейсэ эрямость, башка — пек берянь.

42. ПОРОЗНЬ — ПЛОХО, ВМЕСТЕ — ОЧЕНЬ ХОРОШО

Жили-были по соседству три старика, три брата: пахарь, кузнец и плотник; дома их были рядом. Жили они плохо. Не было между ними никакого ладу. Из-за безделушки начнут ругаться, затем друг на друга сердиться.

Иногда высыхала в речке вода — курице пить не останется. В выемку немного натечет, кто успеет пораньше утром выйти тот ковшом в ведро вычерпает всю воду, другим же не останется.

Выйдут жены на улицу, возьмутся друг у друга выпрашивать.

— Кто воду вычерпал?

Одна скажет — не я, другая — не я. Слово за слово, и начнут ссориться.

Старики выйдут унимать их. Сначала смеются друг над другом, а затем поругаются.

Однажды из-за пустяка вконец поссорились.

— Я вам хлеба не дам, с голоду помрете, — говорит пахарь. Кузнец молотком по углу стучит и кричит:

— Я ваши косы не буду поправлять, серпы не буду точить, зубами урожай будете грызть. Придете ко мне, поклонитесь!

Плотник кричит:

— А если сгниют дома, замерзнете, словно тараканы, и умрете без меня. Соха изломается — не сделаю.

С руганью разошлись братья. Живут порознь.

Сначала у плотника кончился хлеб. Не идет он кланяться к пахарю. Принес из лесу липовую гнилушку. Жена стала месить тесто вместе с листьями. Ели, ели — сил нет. Похудели, остались только кости.

Кузнец сделал ружье и пошел в поле бить ворон, но не видел ни одной вороны. Однако не идет кланяться к пахарю. Земледелец смеется, смотрит на них.

Лето было сухое. От пожара сгорели все три избы. Ничего у братьев не осталось.

Что делать? Жить где-то надо. Плотник взял погоревший топор и принялся рубить сруб. Ударил по сучкастому дереву, вылетел с черенка топор, поломался. Бросил его плотник, пошел вместе с женой горевать.

Вышел земледелец озимь сеять — дуги нет и соха поломана. Тоже пошел вместе с женой горевать.

Пришел в свою кузницу кузнец с молотком (кузница не сгорела), ждал, ждал — никто не приходит. Смотрит в дверь — дождь припустил. Обрадовался кузнец. Встал под дождь, шапку снял и стоит.

Подошел к нему плотник и спрашивает:

— Что делаешь, брат?

Кузнец отвечает:

— Дождь собираю, чтоб рожь растить.

Плотник тоже шапку снял с головы и встал рядом с ним под дождь. Оба стоят.

Подошел к ним пахарь и спрашивает:

— Что делаете, братья?

— Дождь собираем, чтоб рожь растить, — отвечают те.

Встал пахарь рядом, снял и он шапку.

Стояли, стояли три старика, три брата, собирали дождь и задумали одно дело.

Пахарь говорит:

— Пойдемте пруд прудить.

— Пойдем! — все обрадовались.

Взялись три старика, три брата прудить пруд.

Речку скоро запрудили, сделали мельницу. В пруд пустили рыбешек.

Кузнец поправил косы, сошники. Земледелец посеял хлеб. Плотник сделал дом.

Стали жить вместе. И теперь живут — водой не разольешь.

Я тоже был у них, ловил рыбу, в пруду купался. Хорошее дело — жить вместе, порознь — очень плохо.

43. АПАК КОДА КАРЬ

Эрясь-аштесъ вейке солдат, лемезэ ульнесъ Иван. Муцявсь сон инязоронь службасо вете иеть: чавсть сонзэ эйсэ, карцэре озавтнизь, строень пачк ютавтнизь. Ялатеке сон эзь куло ды сась эсензэ родинав. Сась Иван кудов, тесэ а кардаз, а куды-келькс, ансяк ашти вейке кудось ды атякш саразтнэнь марто яки. Вастызь сонзэ низэ ды эйкакшозо, эряволь бу сыненет радо-вамс, а сынъ аварьгадсть.

Ютась чи. Эряви кундамс роботас, а Иваннэнь карсемс а мезе. Тусь Иван вирев, керясь ленгть, сась кудов ды кодась эстензэ карь. Кодась ве карь, кармась омбоцень плетямо, друк староста стуки вальмало ды пижни:

— Эй, Иван, пурнак.

— Пурнамс монень а кона шкане,— ответчи Иван,— эряви карем кодамс.

— Эй! Иля чара,— таго пижни старостась,— аволь карть тесэ, врагось бажи инязор-батюшканть маштомо, тык адя сонзэ ванстома. Тонтеметь кодаяк нельзя.

Ертызе Иван карензэ аксялов ды кармась пурнамо. «Коли истямо приказ — ковгак а менят. А молят добром — силой сай-тядызь». Простясь Иван семиянзо марто ды тусь войनाव.

... Ашти Иван окопсо, мелезэяк мольсь, пекезэяк вачсь. Сийть сэвить эйсэнзэ, перть-пельга снарядт ливтить. Ашти ды арси: «Ва прыдови войнась, молян кудов, кодаса каренть ды карман хозяйствасон роботамо».

А войнась яла а прыдови. Ютась ие, сы омбоце ды колмоце. Нилеце иестэнтъ кепететсь народось. Инязоронтъ панизь. Генералтнэнь, помещиктнэнь, капиталистнэнь панизь — чавнызь ды яволятсть эсест Советской власть. «Ну,— думи Иван,— ней уш кодаяк кодаса карем». Но истя таго эзь лисе.

Кармасть эцеме Советской од властентъ лангс эрьва кодат врагт: апак чаво офицерт, англичант, французт, Колчак, Деникин, Врангель — а ловновитькака зяро. Сайсь Иван кедезэнзэ винтовка ды тусь Якстере Армияв тюреме эсензэ Советской властентъ кисэ.

«Каресь учи» — арси Иван, ды сонсь апак пеле тюри ашотнень каршо.

Весе фронтнэсэ ульнесъ сон геройке ды сась кудов — меш-тесэнзэ ульнесъ боевой Якстере Знамянь орден.

Радовасть низэ, эйкакшонзо, веленть келес весе чиить Иванонь содавтомо.

Сась Иван кудов ды арсезевсь таго апак кода карензэ ланга. Муизе сонзэ кудо уголсто, начтызе ды ансяк озась кодамонзо, марясы пижнить:

— Иван, адя промксов!

Путызе таго каренть ве бокав ды тусь промксов. А промксонтъ Иванонь, прок гражданской войнань героенть, кочкизь велень Советс. Кармась Иван мелявтомо бедняктнень кисэ, помещикень моданть явомо, школань строямо, леень трокс сэдень ацамо. Роботазо сонзэ кырга видьга. А тосо народось кармась колхозов совамо. Иванонь тевензэ седеяк ламолгадсть. Тей-тов, эрва ков эряви кенеремс ды весе эрявить теемс.

Весть юты Иван кардазга, вансы — утом икеле ашти пельс кодазь карь. Ды ледсь мелезэнзэ, што те сонзэ каресь. «Эряволь бу саемс ды кодамс», — арсезевсь Иван ды кармась пейдеме. Сонзэ пильгсэ ульнесть вадря од кемть, а сундуксонзо ульнесть праздник чинь ботинкат.

— А мезекс ней монень картне.

Истя кадовсь Иванонь карезэ апак кода утом икеле аштеме.

43. НЕДОПЛЕТЕННЫЙ ЛАПОТЬ

Жил-был солдат, звали его Иваном. Пять лет мучился он на царской службе: там его били, в карцер сажали, через строй проводили. Пришел Иван домой — здесь ни двора, ни сени, только стоит одна избушка, да курица с петухом ходят. Встретили его жена и дети, нужно было бы им радоваться, а они заплакали: кое-как узнали его.

Пожил Иван день. Пора было взяться Ивану за работу, а обуться не во что. Отправился Иван в лес, надрал лыка, пришел домой и начал плести лапти. Сплел один лапоть, стал плести и другой. Вдруг стучится староста в окно и кричит:

— Эй, Иван, собирайся!

— Собирайтесь-то мне некогда, — ответил Иван, — надо доплести лапоть.

— Эй! Не увертывайся! — громче закричал староста. — Теперь нам не до лаптей, враг угрожает уничтожить царя-батюшку, так вот иди защищать его. Без тебя никак нельзя!

Бросил Иван недоплетенный лапоть под лавку и начал собираться. «Если такой приказ — никуда не убежишь. Не пойдешь добром, силой приволокут». Попрощался Иван с семьей и ушел на войну.

... Сидит Иван в окопах — усталый и голодный. Сидит и думает: «Вот кончится война, вернусь домой, доплету лапоть и буду работать в своем хозяйстве».

А война все продолжается. Прошел год, идет второй и третий... На четвертый год поднялся весь народ. Царя свергли.

Генералов, помещиков и капиталистов прогнали и провозгласили свою, Советскую власть. «Ну,— думает Иван,— теперь уж, наверное, доплету как-нибудь свой лапоть». Но так снова не вышло. Напали на молодую Советскую власть враги: недобитое офицерье, англичане, Колчак, Деникин, Врангель — и не перечесть всех. Взял Иван в руки винтовку и пошел в Красную Армию защищать родную Советскую власть. «Лапоть подождет», — думает Иван.

На всех фронтах Иван бился геройски и вернулся домой с орденом Красного Знамени.

Обрадовались жена и дети, жители села поздравляют Ивана.

А Иван как пришел домой, вспомнил о недоплетенном лапте. Отыскал в углу, замочил в воде и только сел за работу, слышит, кричат:

— Иван, идем на собрание!

Отложил Иван лапоть в сторону и ушел на собрание. А на собрании выбрали Ивана, как героя гражданской войны, председателем сельсовета. Стал Иван заботиться о бедноте, делить помещичью землю, строить школы, строить через реки мосты. Работы по горло.

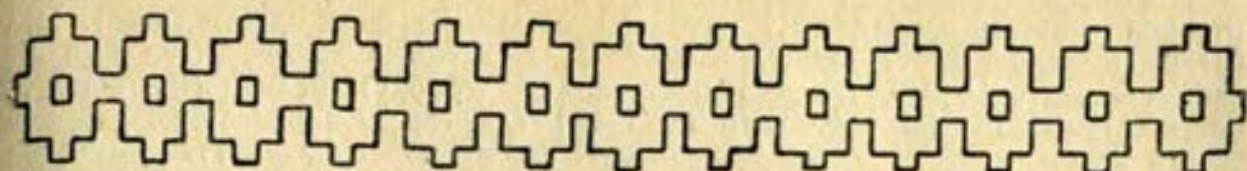
А потом народ колхоз организовал. Дел у Ивана стало еще больше. Туда-сюда, всюду нужно успеть, все надо сделать.

Как-то проходит Иван по двору, смотрит — у амбара валяется недоплетенный лапоть. «Надо бы доплести лапоть», — подумал Иван и засмеялся — у него на ногах были новые хорошие сапоги, а в сундуке лежали новые ботинки для праздника.

«Для чего мне теперь лапти?»

Так и остался недоплетенный лапоть лежать около амбара.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предлагаемый том эрзянских сказок составлен из материалов рукописного фонда Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, а также из текстов, взятых из книг, изданных в дореволюционное и советское время.

Как и произведения других томов этой серии мордовских фольклорных текстов, в этом томе тексты печатаются на мордовском языке с параллельными смысловыми переводами на русский язык. Все сказки комментируются. В зависимости от содержания сказок одни из них комментируются подробно, другие — конспективно. В комментариях даются сведения: где, когда, от кого, кем записана сказка, какие имеются варианты, известные на мордовском или русском языке. Источники вариантов называются сокращенно, за исключением источника публикуемого текста.

РФИ — рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики.

Евс. — Эрзянь ёвкст (М. Е. Евсевьев), М., 1928.

ЭЕ — Эрзянь ёвкст (А. Маскаев), Саранск, 1940.

ЭФ — Эрзянь фольклор (Л. С. Кавтаськин), Саранск, 1939.

МФ — Мокшень фольклор (Д. Кеняев и Т. Талышкина), Саранск, 1940.

МН — А. Маскаев, Мордовская народная сказка, Саранск, 1947.

МЕ — Мокшень ёвкст (А. Маскаев и С. Потапкин), Саранск, 1940.

СС — Саратовский этнографический сборник, вып. 1 (проф. Б. М. Соколов, М. Т. Маркелов), Саратов, 1922.

ШМ — Мордовский этнографический сборник (А. А. Шахматов), СПб, 1910.

РР — Proben der mordwinischen volksliteratur (H. Raasonen), Helsingfors. 1894.

ОМ — Образцы, мордовской народной словесности. Казань, 1883.

АН — Мордовские народные сказки (С. Аникин). СПб, 1909.

Сказки, приближающиеся или восходящие к известным в литературе сюжетам, снабжаются ссылками на соответствующие номера сюжетов сказочного каталога — «Указателя сказочных сюжетов» Н. П. Андреева по системе Антти Аарне, Л., 1929.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. Пустачей (Синица)

Напечатана в сборнике «Эрзянь ёвкст» (М. Е. Евсевьев), М., 1928, стр. 56—57. Относится к числу наиболее популярных. Сказка «Пустачей» приближается к сюжету № 56 А (лиса грозит залезть на дерево и съесть

птенцов синицы; ворона дает синице советы — не подчиняться лисе). Эта сказка обычно имеет продолжение. Продолжением чаще всего бывают сказки сюжета № 248 (лиса просит синицу (сороку) насмешить, напоить брагой, провести по улице) и № 154 1 (лиса разговаривает с частями своего тела, высовывает из норы хвост, собаки съедают лису). В сказке «Пустачей» концовка необычна: ворона не только учит синицу не слушаться лисы, но и обманывает лису, заставляя ее принести еду. Варианты сказки напечатаны: МФ, 53—54; АН, 51—53; ШМ, 253—255; Евс., 125—127; ОМ, 2, 14—18; РР, 145—146.

2. Катка, атыкш ды ривезь (Кот, петух и лиса)

Записана в 1945 году Л. С. Кавтаськиным от мордовской сказительницы Ф. И. Беззубовой. Сказка приближается к сюжету № 61 П: в отсутствие кота лиса уносит петуха. В отличие от сказок этого сюжета в варианте Беззубовой выступает друг кота — баран, хотя его роль в сказке незначительная. Речь лисы, обращенная к петуху, выдает влияние русской сказки этого сюжета. Конец сказки отличен от традиционного: кот и баран лишаются петуха, а лиса своих лисят. К популярным сказка «Катка, атыкш ды ривезь» не относится.

3. Яраска (Яраска)

Записана в 1936 году в селе Сабаетово Кочкуровского района Мордовской АССР от С. И. Кильдюшкина. Записал В. К. Радаев.

«Яраска» приближается к сюжетной группе № 123 популярных сказок о волке и козлятах: в отсутствие матери волк (медведь) съедает козлят. Однако редко встречаемая сказка «Яраска» во многом отличается от сказок этого сюжета, она напоминает мотивы сказки о братце Иванушке и сестрице Аленушке. Варианты сказок «Волк и козлята» напечатаны во многих эрзянских и мокшанских фольклорных сборниках: «Идень ёфкст» (М. Бебан), Саранск, 1940, стр. 12—14; МФ, 19—20; Евс., 127—128; ШМ, 251—253, 309—318.

4. Бука ды верьгиз (Бык и волк)

Напечатана в книге *Proben der mordwinischen volksliteratur. Zweites heft* (H. Paasonen), Helsingfors, 1894.

Сказка восходит к сюжету № 130—зимовье зверей. Убежавшие в лес домашние животные строят домик и избивают проникшего туда волка. В детской среде, особенно в эрзянском, сказка пользуется популярностью. Варианты сказки напечатаны АН, 42—48; ШМ, 253—255, 315—320; ЭЕ, 27—31.

5. Атя ды овто (Старик и медведь)

Напечатана в книге «Мордовский этнографический сборник» (А. А. Шахматов), СПб, 1910, стр. 158—161 и восходит к сюжету № 162 — пенне медведя. Медведь выманивает у старика и старухи разных животных, а потом съедает и старика со старухой. Сказка относится к числу редких и поется детям как колыбельная песня. Песенное междометие «Нурть-нурть», изображающее вялость, медлительность, однообразие, способствует исполнению сказки как колыбельной песни.

6. Кие чумось (Кто виноват)

Записана в 1938 году в селе Пиксяси Шемышейского района Пензенской области от 53-летнего колхозника И. Аверкина. Записал эрзянский поэт Е. Пятаев. Сказка «Кие чумось» восходит к сюжету № 241: петушок вышиб глаз у курицы за то, что орешня разорвала ему штаны, орешню обгрызли козы, козу обидел волк, а волк — главный виновник — убежал. Варианты: ШМ, 313—315, РФИ.

ВОЛШЕБНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

7. Ведява (Ведява)

Напечатана в книге «Эрзянь ёвкст» (М. Е. Евсевьев), М., 1928, стр. 3—14. Сказка восходит к сюжету 313 А + С (юноша обещан водяной; девушка — дочь порабитителя — помогает ему бежать; прибывши домой, юноша целует родственников и забывает невесту-спасительницу, но в конце концов они остаются вместе). Относится к очень популярным повествовательным прозаическим произведениям. Варианты напечатаны: Евс., 90—97; ШМ, 275—283, 356—370, а также в рукописном виде хранятся в РФИ.

Противником героя, как правило, бывает владычица воды Ведява (ведь — вода + ава — женщина, мать). Ведява, как мать воды, фигурирует в эрзянских и мокшанских молитвословиях и в обрядовой поэзии. Но если там она властительница и госпожа над человеком, то в сказках, принимая вид старухи, рыбы, безуспешно пытается поработить человека. Человек всегда остается победителем. Однако, если змей, Кашей и многие другие враги уничтожаются человеком, то побежденная и обманутая Ведява не убивается, крестьянин-мордвин только избавляется от нее. Поскольку Ведява осознавалась как одна из языческих богинь, то победа человека над нею воспринимается как победа и над божествами. Такое отношение к Ведяве выражается и во многих эпических песнях (см. А. И. Маскаев, Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964, стр. 233—240).

8. Сураля (Сураля)

Записана в селе Старые Турдаки Кочкуровского района Мордовской АССР от Д. Е. Завьялова в 1936 году. Записал В. К. Радаев. Сказка восходит к сюжету 313 В + С (за спасение орла мужик Сураля получает чудесный ящик, который нельзя открывать; Сураля нарушает запрет и отдает своего сына Пандая, о рождении которого он не знал, нечистому; парню помогает девушка выполнить чудесные поручения и бежит с ним). Варианты сказки указаны в пояснениях к «Ведяве». Одной из особенностей сказки является ее место действия: река, протекающая по восточной части современной Мордовии, — Сура, и имя героя Сураля происходит от Сура + аля (молодец), т. е. присурский мужчина. Сказочник пытается осовременить сказку, нарушает традиционность: в волшебной коробочке помещены заводы, комбайны, города, автомобиль с водителем, который обязан соблюдать правила уличного движения. Некоторую обработку текста сказки произвел и писатель В. К. Радаев.

9. Сия пейне — тейтерне (Девочка Серебряный зубок)

Напечатана в сборнике «Эрзянь ёвкст» (М. Е. Евсевьев), М., 1928, стр. 90—94. «Сия пейне — тейтерне» относится к сюжетной группе сказок № 313, как и сказки «Ведява» и «Сураля». Однако здесь одним из основных мотивов является бегство от Ведявы с помощью бросания чудесных предме-

тов (щетки, гребня), превращающихся в лес, гору и т. д. (сюжет 313 1). Этот мотив сближает образ Ведявы с образом бабы-яги, преследующей жертву. Но если в сказках, в которых выступает Яга, в качестве чудесного предмета бывает полотенце, образующее реку, в сказках о Ведяве чудесное полотенце не фигурирует: вода, образованная полотенцем, не преграда для Ведявы, а её стихия.

В этой, как и в других сказках о Ведяве, одновременно с Ведявой выступает и водяной — Ведятя (ведь — вода + атя — старик), однако, как правило, он самостоятельной роли не играет, а является мужем или помощником Ведявы. Только в отдельных сказках (ШМ, 275—278) Ведятя выполняет самостоятельную роль противника и во многом напоминает морского царя (водяного) в русских сказках, влияние которых на мордовскую сказку несомненно.

Сказка «Сия пейне — тейтерие» заканчивается редко встречающимся в мордовском фольклоре мотивом сюжета 311 (медведь — муж старшей сестры — в сундуке, куда запрещено ему заглядывать, относит героиню в дом её отца).

10. Сыре скал (Старая корова)

В 1944 году записал Л. С. Кавтаськин. Записана от эрзя-мордовской сказительницы Ф. И. Беззубовой. Сказка «Сыре скал» относится к числу распространенных. Сказка эта приближается к сюжету № 314 1 (сирот спасает корова, воспитывает их; после ее гибели сестра, по совету змея, хочет погубить брата, однако звери, подаренные коровой, спасают его; виновники наказаны). Как и другие ее варианты (РФИ, Евс., 26—30; МФ, 27—30) эта сказка заканчивается мотивом сюжета № 315 А (сестра притворяется больной и посылает брата за звериным молоком, животные или девица помогают ему). Сказки сюжета № 315 А бытуют и самостоятельно (см. ОМ, 18—23; РР, 120—123; АН, 18—20).

В сказках о корове-помощнице, куда иногда входят и мотивы сюжета № 314 1 (корова помогает брату с сестрой убежать от мачехи), как правило, включают мотив — птицы сообщают герою, что звери прогрызают двери закрывшего их помещения и скоро спасут его. В варианте Ф. И. Беззубовой этого мотива нет. Вместе с тем в ее варианте наличествуют мотивы сюжета № 511 — Семиглазка, Шестиглазка, Одноглазка подсматривают за сиротами и узнают, что старая корова их кормит, поэтому мачеха добивается согласия мужа на убийство старой коровы. В других вариантах этой сказки мотивы сюжета № 511 не встречаются.

11. Уроскеть (Сиротки)

В 1948 году записана в селе Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР от 53-летней колхозницы Е. А. Кирюшкиной. Записал А. И. Маскаев. Сказка относится к числу наиболее популярных, особенно в эрзянском фольклоре. Сказка «Уроскеть» объединяет три сюжета: № 327 А (пойманных сирот мальчика и девочку Яга хочет зажарить и съесть, но сама попадает в печь) + № 450 (братец лижет жир Яги и превращается в козленка; девочку мачеха толкает в колодец; козленка хотят зарезать; козленок вытаскивает из колодца сестру) + № 720 (мачеха приказала отцу зарезать козленка-мальчика и съесть; останки мальчика превращаются в голубя, голубь иглами и крючками убивает мачеху и отца и превращается в мальчика). Варианты сказки нередко включают мотивы первых двух сюжетов (Евс., 30—35; ШМ, 262—267; МН, 143), а также только одного первого сюжета (СС, 150—151; МН, 145; Евс., 60—62; ШМ, 334—340).

Как и в сказках об обещанном нечистому юноше, в этой сказке в роли одного из персонажей выступает баба-яга, во многом родственная

Яге русских сказок, она может быть или положительной, или отрицательной. Живет мордовская баба-яга не в избушке на курьих ножках, а в старой, заросшей бурьяном лесной избушке, как и обитательница леса — Вирява (вирь — лес + ава — женщина, мать).

Яга-положительная требует от героя приветствия «Сюк, сюк, бабай» («Поклон, поклон, бабушка») и после приветствия со стороны героя и ее угрозы «Если бы не поздоровался, то я надвое тебя разорвала бы, в один глоток проглотила бы» спрашивает о причине прихода героя и принимает участие в облегчении его участи. Яга-отрицательная пытается различными каверзными действиями извести героя и приветствия не требует.

12. Уроскеть ды яга-баба (Сиротки и баба-яга)

Записана в 1948 году от мордовской сказительницы Ф. И. Беззубовой. Записал Л. С. Кавтаськин. Сказка приближается к сюжету № 333 А (волк проглатывает девушку и ее бабушку, его убивают и извлекают бабушку и внучку из брюха волка живыми). В данной сказке противником выступает Яга, которая проглотила шесть девушек, а их братец освобождает их, убивая Ягу. Сказки этого сюжета более известны по сюжету 123 — волк и козлята (ШМ, 309—318, 251—253; МФ, 19—20; Евс., 127—128; Идень ёфкет (М. Бебан, Саранск, 1940, стр. 12—14).

13. Солдат Ваня (Солдат Ваня)

Записана в 1936 году в селе Большой Толкай Подбельского района Куйбышевской области от известного сказочника Т. Г. Пятанова. Записал Д. В. Крылатов. Сказка представляет собой соединение двух самостоятельных сюжетов № 507 (девица тайком посещает нечистого, поручает жениху достать необычные туфли, костюм, кольца и т. д., задание выполняется) и № 315 В (неверная жена завладевает чудесным предметом мужа и передает его любовнику; после ряда превращений в дерево и в животных муж убивает свою жену и ее любовника и женится на помогавшей ему девушке).

Сказка «Солдат Ваня» неоднократно печаталась в школьных хрестоматиях по эрзя-мордовской литературе.

14. Рав-Жольдямо (Рав-Жольдямо)

Записана в селе Большой Толкай Подбельского района Куйбышевской области от колхозницы Е. П. Матаевой. Записал В. К. Радаев. В измененном виде эта сказка В. К. Радаевым опубликована в журнале «Сурань толт». Сказка подверглась обработке. «Рав-Жольдямо» состоит из мотивов двух сюжетов: № 936 (герой нанимается к богачу в работники; богач везет его к горе, зашивает в труп животного, птица уносит труп на гору) и № 400 А (муж ищет исчезнувшую жену, используя различные чудесные предметы и знания). Других записей этой сказки нет. Сказок сюжета № 936 также не обнаружено. Что же касается сказок № 400 А о поисках исчезнувшей жены или супруга, то они популярны, особенно в эрзянской среде (Евс., 39—41, 59—60; МН, 143). Мотив о дубе, закрывающем небо, входящий в эту сказку, в других сказках не встречается, но очень часто фигурирует в эпических песнях.

15. Мазый Дамай (Красивый Дамай)

Напечатана в сборнике «Образцы мордовской народной словесности», вып. II, Казань, 1883, стр. 119—135. Сказка имеет много записей, опубликованы варианты: РР, 134—138; АН, 61—62; ЭЕ, 93—99. Все варианты сказок

относятся к сюжету № 545 В (лиса, пойманная на воровстве масла, помогает охотнику жениться на дочери бога (царя) грома; она уговаривает пастухов выдавать себя за слуг охотника Дамая, добывает дворец у семиглавого дракона, которого на свадьбе Дамая убивает бог грома, охотник счастливо живет, лису затравливает собаками). Сказка известна только в эрзянской среде, в мокшанской не зарегистрирована. В варианте ЭЕ, 93—99 вместо бога грома выступает влиятельный барин, имеющий большое войско, которое разбивает дворец противника-барина. В этом варианте охотник после своей свадьбы отпускает лису в лес, подарив ей мешок кур и уток.

16. Кавто ялгат (Два друга)

В 1936 году записана в селе Большой Толкай Подбельского района Куйбышевской области от П. Г. Пятаева. Записал Д. В. Крылатов. Сказка «Два друга» построена на сочетании двух сюжетов: № 410 1 (солдат спасает окаменелое царство, проводит три ночи во дворце, несмотря ни на какие страсти и побои) и 508 А (благодарные мертвецы дарят герою коней для борьбы с врагами; благополучный конец). Сказка встречается редко. Также редки сказки и названных сюжетов. Однако мотивы получения героем коня от благодарного мертвеца или покойного отца встречаются часто в различных сказках о коне-помощнике.

17. Диль-диль, атине (Диль-диль, дедынька)

Напечатана в книге «Эрзянь ёвкст» (М. Е. Евсевьев), М., 1928, стр. 83—85. Сказка относится к числу распространенных как в эрзянской, так и в мокшанской среде (МН, 150) и приближается к № 555 (чудесная птица исполняет желания жадной жены дровосека, но когда она захотела быть богом, то превращается в кошку, а старик — в собаку). Имеются случаи, когда в качестве чудесного исполнителя желаний бывает не птица, а рыба. Последняя деталь, вероятно, объясняется влиянием сказки А. С. Пушкина о рыбаке и рыбке.

18. Солдатонь нарамо (Солдатское бритье)

Напечатана в сборнике «Эрзянь фольклор» (Л. С. Кавтаськин), Саранск, 1939, стр. 117—119. Сказка приближается к мотивам сюжета № 559 о царевне Несмеяне (нужно рассмешить царевну; это удается сделать солдату; генерал, хотевший насмешить царевну, терпит поражение). Сказка записана в 1936 году от известного эрзянского сказочника-балагура Ф. Д. Занкина, рассказавшего сотрудникам Мордовского научно-исследовательского института много новеллистических и анекдотических сказок. Сказочник Занкин даже сказкам с фантастическим содержанием стремится придать колорит комического. Сказки, записанные от Занкина, отличаются малым объемом, скупым описанием деталей.

19. Сырьжа (Сырьжа)

Записана в селе Большой Толкай Подбельского района Куйбышевской области от П. П. Верховцева в 1932 году. Записал и подверг литературной обработке В. К. Радаев. Сказка построена на сочетании мотивов сюжета № 560 о волшебном кольце (герой получает волшебную дудочку и платок, исполняющие желание их хозяина; женится на боярской дочери, жена похищает чудесные предметы и убегает с ними к любовнику; спасенные героем кошка и собака возвращают ему чудесные предметы, жена-изменница изгнана). Сказка относится к числу редких.

20. Алешка ды Ванюшка (Алешка и Ванюшка)

Записана в 1948 году в селе Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР от колхозницы Анастасии Евдокимовны Пивцайкиной. Записал А. И. Маскаев. Сказка построена на сочетании мотивов сюжета № 567 (от съедения чудесной птицы братья становятся богатырями и царями) и № 309 (два брата получают чудесных животных; один освобождает царевен от змея, но ведьмой превращен вместе с животными в камень, второй брат освобождает его от чар; оба брата становятся царями). Варианты сказок напечатаны: ЭФ, 61—71; ЭЕ, 14—17. Сказки сюжета № 567 у мордвы-эрзя и мокша очень популярны, имеется большое количество этих сказок в различных рукописных фондах, особенно в РФИ.

21. Солдат (Солдат)

Записана в 1937 году в селе Большие Сосны Клявлинского района Куйбышевской области от З. К. Бурасова. Записала учительница этого села мордовская писательница от З. К. Петрова. Сказка приближается к сюжету 672 В (отставной солдат служит у атамана, готовит для хозяина еду из белых змей, сам ест их мясо, узнает язык животных, убегает от хозяина; жена брата хотела его отравить, но разговор птиц и собак предостерегает его от смерти; кланяется полыни, перестает понимать своих собак; собаки помогают ему найти белых змей, после съедения которых снова возвращается умение понимать язык животных).

Сказки, особенно включающие мотивы сюжета № 670 (человек узнает язык животных и не хочет говорить об этом жене, жена велит герою повеситься, но из разговора петуха узнает, что нужно расправиться с женой) популярны и в эрзянской, и мокшанской среде (см. РФИ), однако они остаются неопубликованными.

22. Вардыне (Вардыне)

Записана в 1948 г. в селе Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР от Е. А. Кирюшкиной (Микишкань Андрей баба), уроженки села Пермиси Б.-Березниковского района Мордовской АССР. Записал А. И. Маскаев. Сказка приближается к сюжету № 706 о безручке (по клевете своей жены брат отрубает девушке руки, она становится женой боярина, изгнана вследствие клеветы; омытые руки в чудесном роднике отрастают; узнана мужем и принята им, встречается с братом, виновница наказана). Начало сказки нередко бытует в эрзянской среде как самостоятельное произведение (АН, 21—30; Евс., 85—90; ШМ, 383—386; МН, 156). Вторая часть сказки тоже рассказывается как самостоятельное произведение (МН, 154), однако она менее популярна, чем первая.

Сказки о Варде интересны изображением отношений между положительной героиней и ее противницей Вардой. Слово «варда» теперь означает чужой, злой, враждебный человек и даже нечистый дух. В ряде сказок о чудесном бегстве слово «варда» фигурирует как синоним слова «уре» — раб работник, помощник. В сказке «Вардыне» Варда не только коварный противник, но и подневольный человек, обслуживающий семью героини. Более того, она имеет на теле тамгу другого рода, племени. Следовательно, можно предположить, что в сказке находит отражение наличие какого-то семейного рабства, где рабом является иноплеменный человек.

Рассматриваемый вариант сказки отличается от всех других сказок этой сюжетной группы своеобразной бытовизацией и модернизацией произведения. Действие сказки происходит в реальном мире, где переписку людей обслуживают почтовые агентства, почтальоны. Героя — сына барина призывают в солдаты, который после службы возвращается домой, останавливаясь ночевать у сельских жителей.

23. Дуболго Пичай (Дуболго Пичай)

Напечатана в сборнике «Образцы мордовской народной словесности», вып. II, Казань, 1883, стр. 64—189. Сказка приближается к сюжету № 709 (злые невестки обливают расплавленным воском золовку, она умирает, братья хоронят ее в негниющем гробу на дереве, пастух находит гроб, приносит его домой, девушка оживает и выходит замуж за избавителя; братья встречаются с сестрой, истина выясняется, виновницы наказаны). В эрзянской среде сказка «Дуболго Пичай» относится к числу распространенных. Варианты напечатаны: Евс., 62—63; ШМ, 329; СС, 146—149. В сказках этого сюжета героиней бывает только крестьянка, героем только крестьянин. В сказке имеется деталь: героиню хоронят на дереве, в обложенном зерном гробу. Археологические исследования свидетельствуют, что у древней мордвы было наземное погребение (Саратовский этнографический сборник, Саратов, 922, стр. 134), а также существовал обычай класть с покойным зерно.

24. Кода тейтерь килейкс теевсь (Как девица в березку превратилась)

Записана в 1940 году Л. С. Кавтаськиным в селе Семилей Кочкуровского района Мордовской АССР. Сказка восходит к сюжету № 780 (старшие сестры убивают младшую и хоронят ее в лесу, на месте погребения вырастает береза, парень срубает березу, делает из нее скрипку, поющая скрипка разоблачает преступление злых сестер; скрипка, брошенная в горящую печь, превращается в девушку, скрипач женится на ней). Варианты сказки о превращении убитой девушки в березу построены на сочетании стиха и прозы. На мокшанском языке, кроме сказок, имеются песни этого сюжета (МФ, 120—121).

25. Кода эрясть Иван марто Матрят (Как жили Иван и Матрена)

Напечатана в сборнике «Эрзянь ёвкст» (М. Е. Евсевьев), М., 928, стр. 75—76. Сказка восходит к сюжету № 931 (молодые супруги получают возможность страдать смолоду, но счастливо жить под старость. Ногаец увозит жену молодожена, у него остается часть ее костюма, он странствует, нанимается в работники к богатой женщине, в лесу находит лоскут платья жены, приносит к хозяйке, хозяйка и работник оказываются мужем и женой). Сказка относится к числу распространенных и в эрзянской и в мокшанской среде, но других опубликованных вариантов не имеет. О полонении мордовки ногойцем или кубанцем существует большое количество эрзянских и мокшанских исторических песен (А. И. Маскаев, Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 964, стр. 315—344), что является отражением исторических событий. Исторический колорит сказки придает ей черты реалистического.

26. Шивеч, нечистой ды Вирява (Портной, Нечистый и Вирява)

Напечатана в книге «Эрзянь ёвкст» (М. Е. Евсевьев), М., 1928, стр. 46—51. Сказка относится в эрзянской среде к числу популярных и напоминает сочетание сюжетов №1159 (человек крепко зажимает в щель бревна руки противницы — Вирявы) и № 176 (человек, медведь и нечистый варят пиво, по очереди караулят. Вирява избивает медведя, нечистого; человек избивает Виряву, женится на ее дочери, пугает своих спутников Вирявой).

Вирява является отрицательным персонажем многих сказок, в том числе и сказок сюжета № 480 (о мачехе и падчерице). По навету злой мачехи дети, отвезенные в лес, находят ветхую избушку, в которую приходит Ви-

рява. Оставленные в лесу сиротки обращаются к Виряве: «Вирень тетят, Виряват, садо мартонок удомо-аштеме» (Лесные отцы, Вирявы, приходите с нами ночевать, ночь коротать). На этот призыв приходит или Вирява, или баба-яга. Ведут они себя одинаково: предлагают сиротам лечь на печь, чтобы их съесть. Дети вместо себя кладут осиновый чурбак, Вирява съедает этот чурбак и удивляется тому, что мясо человека горькое. Надо полагать, что в мордовской сказке баба-яга — более поздняя фигура, пришедшая из русской сказки, нежели Вирява (МН, 62—71).

В некоторых сказках, как и во многих преданиях, повериях, Вирява (вирь — лес + ава — женщина, мать) является хранительницей леса, лесного хозяйства, воскрешающая погибших зверей и птиц, преследующая охотников. В то же время она бывает любительницей искусства, слушания сказок, тогда она может забывать об охране лесного хозяйства (МН, 175—179) и становится доброй по отношению к человеку. Предания свидетельствуют, что в прошлом мордвин-охотники брали с собой на охоту сказочника, который в лесу на привале охотников у костра рассказывал сказки для Вирявы.

Как хозяйке леса, Виряве мордва еще в XIX веке устраивала специальные новогодние моления, чтоб уродились орехи (М. Е. Евсевьев, Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии, Петроград, 1917, стр. 31), называла в молитвословиях кормилицей, а при входе в лес обращались к ней с просьбой о защите от зверей и лихого человека (И. Снежницкий, о Вирявах, «Пенз. епарх. ведомости», № 20, 1871).

Несмотря на то, что в большинстве сказок Вирява изображается отрицательной и побежденной героиней (так же, как и Яга, Кашей, Старичок с аршинной бородой и другие противники), порой среди людей старшего поколения воспринимается как персонаж не только сказочный, но и участвующий в действительных событиях, поэтому такие сказки нередко обрамляются местными преданиями.

27. Вирява (Вирява)

Записана в 1928 году в селе Кечушево Атяшевского района Мордовской АССР экспедицией АН СССР от 63-летнего Д. М. Ермолаева. Сказка печатается в редакции В. К. Радаева. Без обработки сказка напечатана в книге «Мордовские народные сказки» (А. И. Маскаев, Саранск, 1941, стр. 145—152). Сказка «Вирява» в своей основе приближается к сюжету № 1159, включая мотивы сюжета № 1136 (герой назвал себя «Я сам», начинается сказка и заканчивается преданиями, бытующими в каком-либо мордовском селе. Эпизод о похищении Вирявой мордовского парня, включенный в сказку, бытует повсеместно как самостоятельный устный рассказ.

28. Ава ды овто (Женщина и медведь)

В 1935 году записана в селе Большой Толкай Подбельского района Куйбышевской области от Н. Н. Радаевой. Записал В. К. Радаев. Сказка воспринимается как рассказ о реальных событиях несмотря на то, что произведение сказочное и приближается своим содержанием к сюжету № 156 (женщина вытаскивает занозу из лапы медведя и получает за это в награду колоду меда).

29. Стенька Разин (Стенька Разин)

Записана в 1936 году в селе Найман Б.-Березниковского района Мордовской АССР от К. Ф. Дадина. Записал Л. П. Тарасов. В мордовском фольклоре многочисленны предания о Разине, Пугачеве, об их отношениях с

крестьянами, помещиками и духовенством. Среди этих преданий встречаются предания и о бессмертии Разина, о его чудесных знаниях, делающих его бессмертным и неуловимым, противостоящим царским властям и близким к простым людям.

30. Кулома (Смерть)

Записана в 1936 году в селе Старые Турдаки Кочкуровского района Мордовской АССР от И. Д. Пикаева. Записал А. Поздьяев. Сказка построена на мотивах сюжета «Солдат и черт» (солдат выигрывает у черта подчиненных ему людей) и 804 (Соломон в аду): человек грозит в аду построить церковь, пугает этим чертей и ведет людей в рай. Печатается в незначительной литературной обработке.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

31. Кавто кумт (Два кума)

В 1947 году записана в селе Поводимово Дубенского района Мордовской АССР от 52-летней Д. В. Будановой. Записал А. И. Маскаев. По свидетельству Будановой, в прошлом произведение воспринималось как былина, рассказ о конкретном человеке села Поводимова. Теперь воспринимается как сказка, осмеивающая пьянство.

32. Сёвонень эйкакшке (Глиняный ребенок)

Записана в с. Турдаки Кочкуровского района Мордовской АССР от 28-летней А. С. Сенотовой в 1936 году. Записал В. К. Радаев. Сказка приближается к мотивам комюльтивных произведений № 241 (смерть петушка: петушок подавился, курочка пошла за маслом, корова просит травы и т. д.) и № 2015 П (мужик просит смолы — смолить лодку, лодка нужна для ловли рыбы) и частично к № 1450 (невеста задумывается о смерти будущего ребенка, плачет, родители ее тоже плачут...). Однако конец иной: дураки погибают из-за придуманной ими затеи. Этот вариант приближается к сказкам о дураках: МФ, 39—45; Евс., 18—20, 63—68; МЕ, стр. 107—113.

33. Нузякске (Ленивица)

Напечатана в книге «Образцы мордовской народной словесности», вып. II, Казань, 1883, стр. 71—75. Относится к числу распространенных сказок о ленивых и хитрых людях: ленивая женщина симулирует ограбление, сочувствующая мать одевает ее. Сказка частично приближается к сюжету № 902 о ленивой жене (муж берет жену на свадьбу голой, завернутой в сноп соломы).

34. Шайтян Иван (Чёрт Иван)

Напечатана в сб. «Эрзянь фольклор» (А. С. Кавтаськин), Саранск, 1939, стр. 126—128. Сказка приближается к сюжету № 1527 и 1527 I (человек в дегте и перьях попадает в амбар, пугает хозяев и попа). Сказка воспринимается как рассказ о бывших событиях.

35. Ведун (Ведун)

Записана в 1940 году в с. Алово Атяшевского района Мордовской АССР от 65-летнего С. Т. Понятайкина. Записал М. Г. Ильин. Воспринимается как и сказка «Чёрт Иван», т. е. как рассказ о реальных событиях, разоблачающих «колдовство».

36. Кезэрень ёвкске (Старинная побасенка)

Напечатана в сборнике «Образцы мордовской народной словесности», вып. II, Казань, 1883, стр. 292—294. Вариант сказки напечатан в ЭМ, 18.

37. Пси нурдт (Горячие сани)

Напечатана в сборнике «Эрзянь ёвкст» (А. Маскаев), Саранск, 1940, стр. 27—28; на русском языке в МН, 50—51. Сказка отдаленно приближается к сюжету № 1547 (солдат хвастается тем, что его шинель теплая, барин покупает шинель, но обращаться с ней не умеет). Сказка воспринимается как рассказ о событиях, происходивших на дороге между двумя мордовскими соседними селами.

38. Оркина велень лемдемадо (О крещении села Оркино)

Напечатана в книге «Мордовский этнографический сборник» (А. А. Шахматов) как предание, СПб, 1910, стр. 19—20. Здесь печатается в сокращении.

39. Арчилова веледеньть ёвтнема (Предание о селе Арчилове)

Напечатано в книге «Мордовский этнографический сборник» (А. А. Шахматов), СПб, 5, 1910, стр. 26—30.

40. Кода мекшесь ваякшнось рудазс (Как пчела тонула в грязи)

Записана в 1938 г. в селе Большой Толкай Подбельского района Куйбышевской области от К. Батраева. Записал В. К. Радаев. Сказка относится к числу популярных (РФА) и соткана из мотивов сюжета № 1960 (пчела дерется с волками, лягушка проглатывает лодку). На эрзянском языке напечатана в книге «Эйкакшонь ёвкст» (А. Маскаев), Саранск, 1940, стр. 32—35.

41. Гуень каршо тюрема (Борьба со змеем)

Напечатана в сборнике «Эрзянь ёвкст» (А. Маскаев), Саранск, 1940, стр. 137—143; на русском языке в АН, 164—167. Сказка воспринимается как произведение реалистического жанра. Змей — противник героя, показан как социальный угнетатель, царь. Реалистически изображается борьба рядовых людей за власть, за свободу.

42. Башка — берянь, вейсэ — пек паро (Порознь — плохо,
вместе — очень хорошо)

Напечатана в сборнике «Эрзянь ёвкст» (А. Маскаев), Саранск, 1940, стр. 126—127. Сказка воспринимается как реалистическое произведение, изображающее преимущество коллективного хозяйства перед индивидуальным, единоличным. Сказка напечатана в школьных хрестоматиях.

43. Апак кода карь (Недоплетенный лапоть)

Напечатана в сборнике «Эрзянь советской фольклор» (А. Маскаев). Саранск, 1942, стр. 82—85. Как и предыдущая сказка, «Апак кода карь» воспринимается как реалистический рассказ.

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. Пустачей	7
Синица	8
2. Катка, атякш ды ривезь	10
Кот, петух и лиса	13
3. Яраска	16
Яраска	19
4. Бука ды верьгиз	21
Бык и волк	23
5. Атя ды овто	26
Старик и медведь	27
6. Кие чумось	29
Кто виноват	30

ВОЛШЕБНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

7. Ведява	35
Ведява	43
8. Суралья	50
Суралья	58
9. Сия пейне тейтерне	66
Девочка Серебряный зубок	69
10. Сыре скал	72
Старая корова	82
11. Уроскетъ	93
Сиротки	98
12. Уроскетъ ды Яга-баба	102
Сиротки и баба-яга	104
13. Солдат Ваня	107
Солдат Ваня	120
14. Рав-Жольдямо	133
Рав-Жольдямо	145
15. Мазый Дамай	156
Красивый Дамай	160
16. Кавто ялгат	163
Два друга	177
17. Диль-диль, атине	191
Диль-диль, дедынька	192
18. Солдатонь нарамо	193
Солдатское бритье	195
19. Сырьжа	197
Сырьжа	213